

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1979

1979 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ 6261

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР

Институт истории СССР Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Очередной том историографического ежегодника включает в себя статьи по советской Лениниане, материалы об изучении истории исторической науки в социалистических странах, статьи по историографии всеобщей и отечественной истории, ряд публикаций. Особую группу составляют материалы о творчестве и жизни известных русских историков — С. М. Соловьева, В. К. Пискорского

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА (ответственный редактор),

В. И. БУГАНОВ (зам. ответственного редактора),

М. А. АЛПАТОВ, Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ,

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ,

Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,

В. А. ДУНАЕВСКИЙ,

член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,

В. П. НАУМОВ,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,

В. И. САЛОВ, Б. Н. ТУПОЛЕВ,

А. О. ЧУБАРЬЯН, В. П. ШЕРСТОБИТОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ВКЛАД ИСТОРИКОВ АН СССР В ИСТОРИОГРАФИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Академик

А. М. Самсонов

Изучение событий Великой Отечественной войны начиналось в то время, когда на фронтах шла вооруженная борьба. В последующие годы и десятилетия расширился фронт исследований, велась углубленная разработка важнейших проблем истории войны на теоретической основе марксистско-ленинского учения, документов КПСС¹.

Советская историческая литература о прошедшей войне успешно развивается и достигла таких рубежей зрелости, что сама стала объектом изучения. Краткий обзор мировой историографии Великой Отечественной и второй мировой войны за 1945—1965 гг. был дан в завершающем томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» (т. 6, с. 403—556). После этого прошло свыше полутора десятилетий. Проблемам историографии войны продолжают посвящаться статьи в журналах и сборниках, отдельные главы в работах; выпущен и специальный сборник статей «Историография Великой Отечественной войны» (1980).

Научная ценность этих работ несомненна, хотя они и не лишены определенных недостатков. Эти работы можно рассматривать как подступы к раскрытию большой историографической темы и необходимый этап на пути к подготовке монографического исследования историографии Великой Отечественной войны. В таком труде можно будет с наибольшей обстоятельностью и глубиной провести анализ военно-исторической литературы, раскрыть ее содержание и тенденции развития, проследить сложный процесс формирования концепций, осмыслить творчество научных коллективов и отдельных ученых, подвергнуть аргументированной критике ошибочные трактовки.

В данной публикации не ставится задача освещения в целом проблемы изучения советской историографии минувшей войны. Автор рассматривает лишь отдельные аспекты этой обширной темы и главным образом участие историков АН СССР в изучении событий Великой Отечественной войны. Суждения по этой теме в значительной мере основываются на творческом опыте коллек-

тивов, в которых на протяжении десятилетий автор работал. Отсюда сочетание исследовательского и мемуарного моментов, а также некоторая фрагментарность освещения темы. Обращаясь к накопленному опыту, автор затрагивает и отдельные важные вопросы становления и развития отечественной историографии минувшей войны, а также ее главных итогов.

У истоков историографии

Зарождение и становление советской историографии Великой Отечественной войны относится уже к военному времени и первым послевоенным годам. Ею занимались коллективы военных академий, гражданские историки — Комиссия по истории Великой Отечественной войны и сектор военной истории Института истории АН СССР и другие учреждения и организации.

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны и сектора военной истории Института истории АН СССР кратко освещена в имеющихся публикациях, основанных на материалах и документах, хранящихся в Научном архиве института истории СССР АН СССР². Комиссия была образована в декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова. Председателем ее был назначен Г. Ф. Александров — начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), заместителем — член-корреспондент АН СССР И. И. Минц (с 1946 г. — академик). Первоначально перед Комиссией была поставлена задача составления хроники обороны Москвы. В дальнейшем рамки ее деятельности были расширены до истории всей войны. Рабочий аппарат комиссии создавался на основе постановления Президиума АН СССР от 15 января 1942 г. Непосредственным руководителем комиссии был И. И. Минц, научными сотрудниками — А. А. Белкин (ученый секретарь), Г. А. Богуславский, Э. Б. Генкина, М. Г. Седов, Н. А. Сидорова, И. М. Разгон (зам. председателя), О. Н. Чаадаева, несколько позднее — Н. С. Волков, вернувшиеся с фронта после ранения А. Л. Сидоров, В. И. Шунков, П. М. Федосов и др.

Примечательно то, что уже в самом начале войны проявлялась забота о составлении ее научной истории. В столице и Московской области были созданы комиссии при райкомах ВКП(б) по составлению хроники обороны Москвы. Комиссии и группы для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны возникли в республиках и областях. Значительную помощь им оказывали партийные, государственные, военные органы, научные и другие организации.

Находившаяся в Москве центральная комиссия и ее научный коллектив развернули работу в масштабах, позволивших собрать большой исторический материал, провести его классификацию и предварительную обработку. Его деятельность охватывала широкий круг тем: история воинских частей, соединений и объедине-

ний; партизанское движение (по областям и республикам, партизанским формированиям); оборона городов (Москвы, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Тулы, Сталинграда, Киева, Ростова-на-Дону, Смоленска и др.) и отдельные операции; материалы о Героях Советского Союза; военная экономика; оккупационный режим на захваченных противником территориях; участие национальных республик в борьбе с агрессором; культура и быт населения в период войны.

В фондах комиссии откладывались стенографические записи бесед с участниками сражений, труженниками тыла, партизанами и подпольщиками, рукописи воспоминаний. Большую заинтересованность в деятельности комиссии проявляли фронтовики и другие участники войны. «Эта заинтересованность, основанная на сознании громадного исторического значения событий, в которых они участвовали, была необходимой предпосылкой успешной работы комиссии»³.

Сотрудники комиссии для сбора материалов выезжали на фронты и в тыловые районы страны. Так, Э. Б. Генкина, П. И. Белецкий и А. А. Белкин в начале 1943 г. были командированы в Сталинград, где состоялись беседы с участниками битвы, были застенографированы рассказы 130 командиров и бойцов 62-й, 64-й, 57-й и других армий, командующих армиями В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова и заместителя командующего Сталинградским фронтом Г. Ф. Захарова. Н. А. Сидорова записала рассказы 30 человек в коллективе завода № 22, эвакуированного в глубокий тыл. А. Л. Сидоров, В. И. Шунков и А. И. Шамшина (стенографистка) выезжали в Харьков (октябрь 1943 г.), где записали рассказы 77 харьковчан о фашистском оккупационном режиме, о подготовке города к обороне, организации подполья и пр. Командировки сотрудников комиссии осуществлялись по заранее составленному плану, разрабатывалась и методика бесед.

Собранные Комиссией материалы уже в годы войны частично использовались для статей в периодической печати, в сборниках, а также для отдельных изданий. В ряду первых работ о событиях войны были публикации И. И. Минца, Э. Б. Генкиной⁴, других сотрудников и членов комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Война наложила свой отпечаток на творческую деятельность всех ученых Академии наук СССР. Историки разоблачали идеологию и преступную политику фашизма, интенсивно вели исследования в области военной истории. Так, Р. Ю. Виппер, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова и многие другие историки выступали с лекциями по радио, в воинских частях, на предприятиях и в учреждениях. Е. В. Тарле в сентябре 1943 г. выступил на Общем собрании Академии наук СССР с докладом «О преступлениях гитлеровской Германии и об их подготовке», в годы войны он опубликовал свои фундаментальные труды «Крымская война» (1941, т. 1; 1943, т. 2), «Адмирал Ушаков на Средиземном море, 1798—1800 гг.» (1946). В. И. Пичета, С. В. Бах-

рушин, Б. Д. Греков и другие исследователи разрабатывали проблемы истории славянских народов, их борьбы за независимость, вскрывали традиции межславянских связей.

В эти грозные годы основные силы историков академии, занимавшихся исследованием отечественной военной истории, были сосредоточены в Институте истории АН СССР. В марте 1944 г. там был создан специальный сектор военной истории⁵, первым руководителем которого стал генерал-лейтенант А. В. Сухолин. Первоначально сектор состоял из двух групп — истории армии и истории флота. Затем были образованы Суворовская комиссия (руководитель В. А. Афанасьев), Кутузовская комиссия (руководитель Н. М. Коробков) и другие творческие подразделения⁶. В секторе с участием ведущих ученых института академиков Б. Д. Грекова и Е. В. Тарле, профессоров А. И. Андреева, К. В. Базилевича, Н. М. Дружинина, А. А. Савича и М. Н. Тихомирова были подготовлены коллективные труды: «История русского военного искусства», «История русского военного флота» и другие.

С 1948 г. в секторе началась работа по изучению событий Великой Отечественной войны. Она велась по трем темам: 1) Общая история войны; 2) Битва под Москвой; 3) Сталинградская битва⁷. Из сотрудников сектора в работе над этими темами участвовали М. В. Алексеев, Е. Г. Бор-Раменский, М. Г. Брагин, Н. И. Казаков, А. М. Самсонов, а позднее (с 1955 г. и позже) В. Н. Евстигнеев, А. В. Карасев, А. В. Митрофанова, С. В. Рогинский. К этим исследованиям была привлечена и военно-научная общественность — генералы Н. Н. Биязы и А. В. Васильев, полковники Б. И. Баринов, И. С. Коротков, Д. М. Проэктор, В. П. Серегин, С. Д. Сахаров, Ф. В. Тамонов, Б. С. Тельпуховский.

Впервые в отечественной историографии сектор предпринял попытку разработать периодизацию истории Великой Отечественной войны — был составлен проспект книги «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» После широкого обсуждения (проспект в виде отпечатанной брошюры посылался также на отзывы в военные академии, другие научные и высшие учебные заведения) периодизация была одобрена и на ее основе готовился коллективный труд. Он был издан в 1955 г. Несколько лет спустя вышла в свет и другая книга сектора: «Великая битва под Москвой» (М., 1961).

Проводимые в институте исследования проблем русской военной истории, согласно лучшим традициям академической науки, основывались на многоплановом общеисторическом изучении событий. Некоторые сотрудники сектора специализировались по военной истории XVIII—XIX вв. Л. Г. Бескровный завершил работы об Отечественной войне 1812 г. и по источниковедению военной истории. Ю. Р. Клокман написал книгу о полководце П. А. Румянцеве, Е. И. Дружинина — о Кючук-Кайнарджийском мире⁸. Формировались кадры исследователей и по Великой Отечествен-

пой войне, накапливались их знания, возрастал профессионализм. Полезной школой были творческие дискуссии (подчас острые) по различным проблемам истории войны. Росту научного потенциала сектора способствовало то, что многие его сотрудники были непосредственными участниками войны⁹. Е. И. Дружинина (Чистякова) на фронте была военной переводчицей, М. Г. Брагин в качестве военного корреспондента «Правды» прошел путь от Москвы до Берлина¹⁰, А. В. Карасев — участник обороны Ленинграда, после войны пришел в военно-исторический сектор института. Я был агитатором полка самоходной артиллерии, парторгом танкового батальона. Свое участие в военной историографии начинал с корреспонденций в красноармейских газетах¹¹.

По дорогам войны прошли Л. Г. Бескровный, И. Б. Берхин, Е. Г. Бор-Раменский, Н. И. Казаков, Ю. Р. Клокман. Другие сотрудники в годы войны выполняли свой патриотический долг в тылу страны.

Войну 1941—1945 гг. в первые послевоенные годы пришлось изучать преимущественно по уже опубликованным материалам. В какой-то мере выручал Отдел рукописных фондов (ОРФ), образованный в 1948 г. на базе архива Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Свои задачи комиссия выполнила, и после ее ликвидации в конце 1945 г. архив был передан в Институт истории АН СССР. Здесь были стенограммы и записи бесед с Героями Советского Союза (картотеки с общими сведениями были заполнены на 6558 Героев), копии наградных листов, подлинники и копии документов партизанских соединений и подпольных групп, воинских частей, фронтовых газеты, листовки, плакаты и боевые листки. Тут же находились материалы о деятельности тыла страны. В ОРФ института был передан также архив Военно-морского издательства: рукописи опубликованных и неопубликованных работ по тематике Великой Отечественной войны, фронтовые газеты и другие материалы. Всего 827 единиц хранения. Кроме того, в ОРФ поступали из Мосгорсправки газетные вырезки по военной тематике.

Сектор военной истории по существу поднимал целину в общесторическом изучении событий 1941—1945 гг. В работе сектора возникало немало трудностей, но исследования продолжались. Первыми были подготовлены «Очерки по истории Великой Отечественной войны». В военной печати они были встречены положительно. Однако на обсуждении в журнале «Вопросы истории» зам. отв. ред. Э. Н. Бурджалов), организованном редакцией, были и отрицательные высказывания. В негативном духе появилась и рецензия на страницах журнала¹².

Очерки давали первое обобщенное освещение событий войны. Конечно, в работе имелись недостатки, характерные для военно-исторической литературы первого послевоенного десятилетия. Сказывалась, прежде всего, узость источниковой базы. Отсутствовал и должный анализ ряда важных вопросов истории событий: оценка степени готовности СССР к отражению агрессии, причин

наших неудач в первый период войны. Подвиг народа и партии в трудной борьбе с агрессором в какой-то мере заслонялся культом личности. Все это историкам предстояло преодолеть в дальнейшем.

Что касается «Очерков», то они заняли свое место в историографии, став одной из вех на пути ее становления.

Отмеченная реакция на книгу имела и другую сторону. Она подчеркнула ту высокую степень ответственности, которая лежит на исследователях совсем еще недавних исторических событий.

Расширение фронта исследований

Историография существует неотрывно от общего движения науки и общественно-политической жизни народа. Советская военная-историческая литература развивалась, переходя от этапа к этапу, накапливая знания о событиях минувшей войны, углубляя анализ принципиальных вопросов ее истории, ведя непримиримую идеологическую борьбу с буржуазными фальсификаторами истории.

Со второй половины 50-х годов начался новый этап в изучении истории Великой Отечественной и второй мировой войн. Работа исследователей активизировалась и велась на значительно расширенной документальной основе, что способствовало научному и идейному обогащению исследований, углублению обобщений и выводов.

В процессе становления и развития историографии Великой Отечественной войны росли и кадры специалистов. В 1957 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был создан Отдел истории Великой Отечественной войны. Возобновился выпуск «Военно-исторического журнала». Расширялась публикаторская деятельность¹³.

В Институте истории АН СССР на основе изучения архивных документов А. В. Карасев создал ценную книгу о блокаде Ленинграда. Н. П. Липатов и А. В. Митрофанова завершили исследования по тематике советского тыла в годы войны. Были изданы и другие монографические исследования сотрудников сектора¹⁴. К этому времени военные историки подготовили и опубликовали первый в советской историографии труд по истории второй мировой войны¹⁵.

В Институте истории работа по изучению военных проблем продолжалась и в то время, когда сектор прекращал свое существование или реорганизовывался. С сентября 1951 г. в структуре института сектора военной истории не было, его соединили с сектором истории советского общества. Вновь же он был образован в 1954 г. как сектор истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода и просуществовал до 1968 г.

Во второй половине 50-х годов сектор пополнился молодыми сотрудниками: Г. А. Куманевым, Б. И. Марушкиным, В. И. Са-

ловым, Ю. К. Стрижковым, Г. М. Тавровской. Менялись и руководители сектора. Вслед за А. В. Сухомлиным его возглавляли соответственно Л. Г. Бескровный, Н. А. Таленский, А. В. Митрофанова, Е. Н. Евстигнеев, А. В. Карасев.

После разделения Института истории (1968 г.) на два научных учреждения в Институте истории СССР существовала творческая группа по военной истории. В 1973 г. она преобразуется в сектор истории СССР периода Великой Отечественной войны. Его руководителем стал Г. А. Куманев. Не оставался неизменным и персональный состав сотрудников института, занимавшихся военной историей. Ушли из жизни ветераны сектора военной истории М. В. Алексеев, Л. Г. Бескровный, Е. Г. Бор-Раменский, В. Н. Евстигнеев, А. В. Карасев, Ю. Р. Клокман, Н. П. Липатов, С. В. Рогинский, А. В. Сухомлин. Часть бывших сотрудников сектора в своей исследовательской работе переключилась на другую проблематику.

В первой половине 60-х годов наиболее значительным явлением отечественной военной историографии стало создание шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945»¹⁶.

Этот фундаментальный труд готовился коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (заведующий Отделом Е. А. Болтин, заместитель заведующего Отделом Б. С. Тельпуховский). Исследования велись на основе документов, хранящихся в архивах СССР; материалов архивов ГДР, ПНР, ЧССР, НРБ, СРР, ВНР, опубликованных документов СССР и других стран, а также советской и иностранной исторической литературы. К подготовке труда были привлечены историки и из других коллективов (в том числе и сотрудники института истории АН СССР).

Издание «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.» подвело итог в развитии целого этапа историографии Великой Отечественной войны. Проблемы истории войны раскрыты в труде комплексно. Основываясь в основном на изучении архивных материалов, авторы томов учитывали и уже достигнутые результаты исследования отдельных проблем. Заключительный том посвящен итогам Великой Отечественной войны и, как уже отмечалось, содержит историографический анализ. Авторский коллектив шеститомника, его главная редакционная комиссия (председатель П. Н. Поспелов) решили задачу всеобъемлющего изучения истории войны. Они руководствовались в своей работе ленинским положением: «Совокупность *всех* сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* — вот из чего складывается истина»¹⁷. Несмотря на отдельные недостатки, шеститомник на этом этапе развития историографии давал всестороннюю, полную картину войны.

Последующие годы принесли новые успехи в изучении минувшей войны. Исследовательская работа велась в военных акаде-

миях, многих академических научных учреждениях, вузах и музеях страны. Новым было то, что расширялся фронт научных поисков, проблемы исследовались глубже, устранялись отдельные недостатки в освещении принципиальных вопросов. Так, была преодолена односторонняя негативная оценка состояния обороноспособности СССР накануне нападения фашистской Германии, причин неудачного развития событий на фронтах в первый период войны. Критика фальсификаторских концепций буржуазной историографии становилась все более аргументированной¹⁸.

В 1966 г. был создан Институт военной истории Министерства обороны СССР¹⁹, что способствовало дальнейшей координации деятельности военных и гражданских научных коллективов в разработке проблем истории.

Разностороннее становилась проблематика изучения истории войны. Публиковались документы и исследования о внешней политике СССР и международных отношениях кануна и периода второй мировой войны, проводились исследования вооруженной борьбы на фронтах и театрах²⁰. Специальные монографические работы посвящались раскрытию освободительной миссии Вооруженных Сил СССР, национально-освободительной борьбе в странах Европы и Азии²¹. Освещались вопросы подготовки фашистской агрессии²².

Важнейшими историческими источниками явились произведения В. И. Ленина о защите социалистического Отечества, документы КПСС и Советского государства, работы руководителей партии и правительства²³.

Достижения в разработке проблем истории минувшей войны обеспечивали высокий уровень научных конференций, проводимых в связи с юбилейными датами. На них заслушивались доклады и сообщения, разворачивались дискуссии. Материалы конференций публиковались. Так, были изданы три книги материалов конференции, посвященной двадцатилетию победы над фашистской Германией²⁴. Через пять лет вышел сборник материалов научной конференции в связи с двадцатипятилетием победы²⁵. В нем освещалась решающая роль СССР в разгроме фашизма, освободительная миссия Вооруженных Сил СССР, развитие военного искусства, деятельность тыла страны. Издавались также материалы научных конференций, посвященных 30-летию Победы и задачам военно-исторической науки в свете решений XXV съезда КПСС²⁶. Значительные разделы этих книг посвящены всестороннему раскрытию руководящей и мобилизующей роли партии в борьбе советского народа за победу в Великой Отечественной войне.

В мае 1971 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная сессия по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». На ней обсуждались важные аспекты проблемы: о вдохновляющей и организующей деятельности Коммунистической партии; партийном и государственном руководстве народным хозяйством накануне и в период войны; морально-политическом единстве наро-

дов СССР и др. Научные конференции прошли и в других городах ²⁷.

Крупным научным исследованием, раскрывающим многогранную деятельность Коммунистической партии в период военных испытаний, стал один из томов многотомной «Истории КПСС» ²⁸. Этой кардинальной проблеме посвящены и монографические работы ²⁹. Проводилось также изучение деятельности ленинского комсомола, профсоюзов, правительственных органов и местных Советов депутатов трудящихся, патриотических движений ³⁰. Значительную ценность представляют также коллективные труды по истории Москвы и Ленинграда военных лет, подготовленные сотрудниками Института истории АН СССР: «История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941—1965» (1967); «Очерки истории Ленинграда. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 5 (1967).

Вкладу отдельных республик и районов страны в победу над врагом посвящены многие местные издания ³¹. Историки и экономисты разрабатывали вопросы военной экономики ³².

Вторая половина 60-х и 70-е годы — это период общего подъема в развитии советской военно-исторической литературы. Широким фронтом велись исследования, печатались монографии, воспоминания участников событий, публиковались документы. В числе наиболее значительных изданий можно назвать сборники документов «Анатомия войны» (1971), «Анатомия агрессии» (1975), «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (1958, 1976), первый — шестой тома «Советский Союз на международных конференциях периода второй мировой войны» (1978—1980). При участии ученых Академии наук СССР были подготовлены третий и четвертый тома «Истории дипломатии» (1965, 1975). Сжатое освещение истории войны дано в однотомнике «Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история» (1966, 1970).

В развитии отечественной военной историографии продолжала возрастать роль институтов АН СССР. Весом их вклад в создание многотомных трудов по истории войны. Помимо уже отмеченных работ, ученые Института истории, а после его разделения в 1968 г. — Института истории СССР и Института всеобщей истории продолжали готовить монографии, сборники документов и другие труды ³³.

Немало ценного в разработку проблем истории войны внесли ученые Института славяноведения и балканистики, Института мировой экономики и международных отношений и других гуманитарных академических учреждений. Были подготовлены и изданы такие крупные работы, как 7-й и 8-й тома «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», коллективный труд «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг.»

(1978), монографии Н. И. Лебедева «Крах фашизма в Румынии» (1976), В. И. Лана «США в военные и послевоенные годы» (1976), Г. Ю. Григорьянца «Оккупационная политика фашистской Германии в Польше. 1939—1945 гг.» (1979) и др.

Интересным опытом творческого содружества ученых — историков и военных деятелей была серия книг «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах», просуществовавшая в течение десяти лет (1964—1975 гг.). Редакционно-издательский совет АН СССР образовал редколлегию серии в составе А. Н. Грылева, В. М. Ковальчука, Г. Д. Комкова, И. И. Зелкина (ученый секретарь), В. И. Зуева, А. М. Самсонова (председатель) и В. Т. Фомина. Серия стала общеакадемическим изданием. Работа по формированию, подготовке и выпуску ее книг основывалась на традициях Академии наук СССР. Редколлегия серии установила контакты с авторами и теми академическими институтами, где велось изучение истории второй мировой войны. Большую помощь редколлегия серии получала от Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Поступавшие оттуда рекомендации и отзывы на рукописи существенно помогали.

В серии издано 90 книг общим объемом около 2800 а. л. Некоторые обзорные данные о серии можно найти в академической периодике³⁴, однако подробного историографического анализа книги серии еще не получили.

Что же собой представляла серия? Значительным ее разделом были исследовательские труды. Издательство «Наука» опубликовало книги военного историка В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны» (1971) и «Провал «блицкрига»» (1974), в которых на большом историческом материале раскрывается подготовка страны в предвоенные годы к отражению империалистической агрессии и события первых месяцев войны. Автор подробно рассмотрел мероприятия, осуществленные по укреплению и совершенствованию Вооруженных Сил СССР. Основное содержание книг составляет вооруженная борьба на фронтах от первого дня войны до провала гитлеровского «блицкрига» в битве под Москвой.

Интересны исследования Д. М. Проэктора и В. М. Кулиша³⁵. Глубина научного анализа сочетается в них с яркой публицистичностью. Монография Д. М. Проэктора «Агрессия и катастрофа» раскрывает историю германского фашизма накануне и в годы второй мировой войны. Главное внимание автора уделено разоблачению высшего военного руководства фашистской Германии, показу ее империалистической сущности, авантюризма и краха. Монография В. М. Кулиша «История второго фронта» содержит обстоятельный анализ политики и стратегии США, Англии в вопросе об открытии второго фронта в Европе, влияния социальных, политических факторов на выработку союзниками стра-

тегических решений. В книге освещается высадка союзных войск на побережье Нормандии и их боевые действия против немецко-фашистских армий. Все это раскрывается на обширном историческом материале и сопровождается критикой буржуазных фальсификаторов истории.

Проблеме изучения итальянского фашизма, анализу политики и стратегии Муссолини, полному ее провалу задолго до окончания войны посвящено исследование Г. С. Филатова «Крах итальянского фашизма» (1973). В коллективном труде «Блокада и контрблокада» (1967), вышедшем под редакцией контр-адмирала В. П. Боголепова, рассматривается ход боевых действий на океанских коммуникациях между флотами держав фашистской «оси» и стран антифашистской коалиции. Международным отношениям накануне и в период второй мировой войны посвящены труды члена-корреспондента АН СССР В. Г. Трухановского, докторов исторических наук В. Л. Израэляна и Л. Н. Кутакова, Г. Н. Севостьянова и Л. И. Уткина³⁶.

Кратко о документальных публикациях серии. Были изданы документы гитлеровского верховного командования. Вначале это был сборник документов и материалов «Совершенно секретно! Только для командования!» (1967), подготовленный и прокомментированный В. И. Дашичевым. В дальнейшем им же был подготовлен новый фундаментальный труд, выпущенный в двух томах³⁷. В рецензии на это издание писатель Константин Симонов отмечал: «Одна из ценных особенностей двухтомника заключается, на наш взгляд, в том, что сделана попытка целиком, в неразрывном единстве проанализировать фашистскую политику, экономику, стратегию и пропаганду. Анализ этот произведен последовательно, поучительно и беспощадно»³⁸.

К документальным изданиям относятся также сборники «900 героических дней» (1966) и «Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников» (1968). В них с большой силой показаны трагедия и героизм блокированного врагом Ленинграда, исторический подвиг его защитников. Книги были подготовлены Институтом истории АН СССР и изданы в серии. Этой же теме посвящено исследование В. М. Ковальчука «Ленинград и Большая земля» (1975) и другие труды³⁹. Ряд изданий редколлегия серии осуществила совместно с Институтом военной истории МО СССР, институтами всеобщей истории и истории СССР АН СССР⁴⁰.

Постепенно приобретался опыт организации и подготовки книг серии. Однако вначале было лишь общее представление о задачах углубленного изучения истории второй мировой войны. Решая их практически, отработывали, например, жанр, характер книг. Что касается исследовательских трудов, то здесь существовало ясное понимание того, что глубину теоретического анализа и новизну исторического материала надо сочетать с достаточно живой формой изложения. Книги серии адресовались не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Вместе с тем

необходимым их элементом был научно-справочный аппарат, документально подтвержденные факты, доказательства.

При подготовке изданий к печати подчас возникали затруднения с трактовкой отдельных вопросов. Это главным образом относилось к событиям первого периода войны. Поиски истины проходили в атмосфере творческого обсуждения. Вероятно, и в этих случаях не все удавалось. В раскрытии явлений прошлого большие и сложные проблемы, к которым относятся и события минувшей войны, не всегда постигаются сразу с полной объективностью. Каждое поколение историков вносит свой вклад в решение стоящих перед исследователями задач, что лишь подтверждает закономерность поступательного развития науки.

Заметное место в серии заняли мемуары. Первыми были изданы сборники воспоминаний «Яско-Кишиневские Канны» (1964) и «Будапешт — Вена — Прага» (1965). Рассказывая о сражениях Красной Армии с группировками фашистского агрессора, авторы этих книг вместе с тем показывали, как советские войска выполняли свою великую интернациональную миссию. Спустя несколько лет эти две книги были объединены в одну и изданы под новым названием⁴¹.

В серии вышло 40 мемуарных книг. Среди их авторов были Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, С. С. Бирюзов, М. В. Захаров, А. И. Еременко, Ф. И. Голиков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский и В. И. Чуйков, бывший нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, видный политработник К. Ф. Телегин, Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршал артиллерии В. И. Казаков, маршал бронетанковых войск М. Е. Катюков, генералы Н. А. Антипенко, А. П. Белобородов, К. Н. Галицкий, А. В. Горбатов, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Родимцев, М. С. Шумилов и другие прославленные полководцы.

В 1966—1968 гг. маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский, активно участвуя в изданиях нашей серии, получили возможность выступить перед читателями еще до опубликования своих основных мемуарных книг, приобретших мировую известность.

Мемуары не только основывались на воспоминаниях участников событий, но и подкреплялись документами. Этому уделялось постоянное внимание.

В этот период установились прочные контакты с видными военными деятелями. В издательство «Наука» приезжали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Еременко, И. С. Конев, Н. Г. Кузнецов, К. С. Москаленко, П. К. Пономаренко и другие авторы, военные биографии которых стали достоянием истории. Здесь возникали интересные беседы, во многом помогавшие глубже вникать в проблемы истории войны. Практиковались также встречи авторов книг серии с читателями. Они устраивались в Доме ученых, Доме учителя, в издательстве. Проходили такие встречи интересно и живо.

Издание мемуаров не было простым делом, тем более, что в издательстве отсутствовала специальная мемуарная редакция. Не сразу утвердился и самый жанр академической мемуарной книги.

Особенно запомнилась работа над подготовкой четырех мемуарных сборников, вышедших под моей редакцией. Все они были посвящены крупным проблемам истории войны. «Провал гитлеровского наступления на Москву» (1966), «Сталинградская эпопея» (1968), «Освобождение Белоруссии. 1944» (1969, 1974), «9 мая 1945 года» (1970). В предисловии к первой из них Маршал Советского Союза М. В. Захаров писал: «Страницы сборника с волнением прочтут ветераны войны, участники битвы под Москвой, люди старшего поколения. Особенно же они интересны и поучительны для молодежи, не прошедшей суровой школы войны и стремящейся узнать как можно больше о героических делах своих отцов и дедов»⁴².

Книга «Сталинградская эпопея» воссоздавала титаническую борьбу в междуречье Волги и Дона. Ее авторы Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Еременко, Н. И. Крылов, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский, В. И. Чуйков, другие выдающиеся участники событий внесли немало ценного и нового в научное освещение Сталинградской битвы. Так, значительный интерес представляли рассказы о рождении плана контр наступления под Сталинградом, о ходе оборонительных и наступательных сражений.

Стратегической операции «Багратион» посвящался сборник «Освобождение Белоруссии. 1944», вышедший двумя изданиями. Авторы глубоко и ярко раскрыли основное в грандиозной Белорусской операции, ее подготовку и проведение. Показали, какие сокрушительные удары были нанесены по главной группировке фашистского вермахта, как стремительно наступали четыре советских фронта, неся освобождение белорусскому народу. В приложениях указан боевой состав войск и руководящий состав фронтов, армий, корпусов и дивизий, участвовавших в Белорусской операции.

Сборник «9 мая 1945 года» составлен из материалов, написанных двадцатью тремя авторами. Среди них Маршалы Советского Союза, бывшие командующие фронтами, армиями, начальники штабов фронтов, другие руководители армии, флота и авиации периода Великой Отечественной войны. Рассказывая о событиях завершающего периода войны с фашистской Германией, авторы анализировали узловые проблемы подготовки и проведения крупнейших наступательных операций советских фронтов, приведших к полной капитуляции фашистского рейха. Книга во многом раскрыла историческое содержание вооруженной борьбы 1945 г., дала относительно полное представление о важных аспектах высшего руководства войной, деятельности ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования, решающей роли партии и народа в осуществлении разгрома фашизма.

Глобальным событиям посвящена книга «Финал» (1967, 1969). В ней освещены операции советских войск на Дальнем Востоке против японского империализма (август 1945 г.). Вооруженные Силы СССР совместно с Монгольской Народно-Революционной Армией за 24 дня разгромили Квантунскую армию, что ускорило окончание второй мировой войны.

Маршал Советского Союза И. С. Конев назвал свою книгу «Записки командующего фронтом. 1943—1944» (1972). Перед читателем предстают события, вошедшие в историю под названием знаменитой Курской битвы, Корсунь—Шевченковской, Львовско—Сандомирской, Карпатско—Дуклинской и других наступательных операций. Автор являлся последовательно командующим Степным, затем 2-м Украинским и 1-м Украинским фронтами. Он повествует о героизме и мастерстве руководимых им войск, о стратегическом руководстве вооруженной борьбой со стороны Ставки ВГК. Мемуары Маршала Советского Союза К. С. Москаленко — большой труд, опубликованный в двух книгах под названием «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма» (1969—1970; 1973). Автор с первого и до последнего дня войны находился на фронтах вооруженной борьбы с врагом. Его книги охватывают события, начинавшиеся приграничными сражениями на юго-западном направлении летом 1941 г. и закончившиеся разгромом последней группировки вермахта весной 1945 г. в Чехословакии. Книги содержат большой исторический материал, точный анализ военных событий и обобщения.

В серии опубликованы также мемуары Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, Главного маршала авиации А. А. Новикова, маршала войск связи И. Т. Пересыпкина, генералов армии К. Н. Галицкого, Д. Д. Лелюшенко, В. Ф. Толубко и Н. И. Барышева, генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко, академика И. М. Майского⁴³. Здесь названа лишь часть авторов, воспоминания которых появились в серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах».

Книги серии стали ценным вкладом в историографию войны. В процессе их создания, как уже сказано, установились хорошие творческие контакты с участниками войны, особенно с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и А. М. Василевским. Одна моя встреча с Г. К. Жуковым состоялась в Крыму 18 сентября 1966 г. в санатории «Фрунзенское», где он отдыхал. Вернувшись в Ялту, я записал то главное, что Маршал рассказывал о Сталинградской битве, о работе Ставки ВГК, о И. В. Сталине как военном деятеле. В то время я готовил второе издание своей монографии «Сталинградская битва» и эти вопросы меня особенно интересовали. Позднее, находясь уже в Москве, я послал Г. К. Жукову выдержки из своей записи с просьбой завизировать, если они точны. Одновременно приложил две цитаты из имеющихся у меня копий документов, в которых содержались небольшие разночтения с текстом его статьи для сборника «Сталинградская эпопея». Маршал ответил кратким письмом:

«Уважаемый Александр Михайлович!

Я завизировал то, что Вы просили. Чтобы не было разночтения, прошу проверить мою статью и внести в нее поправку. Одновременно внесите, пожалуйста, дополнение в директиву 170718 согласно оригинала, хранящегося в архиве МО, которое по какой-то причине в моей записи отсутствует, а оно очень важное дополнение.

О всех неясностях прошу позвонить.

С уважением
29.XI. 67 г.»⁴⁴

Г. Жуков

В описываемое время Г. К. Жуков готовил свою книгу «Воспоминания и размышления». Работа над рукописью заняла у него около шести лет. Он регулярно приезжал в Подольск, в Центральный архив Министерства обороны СССР. Всего им было изучено за это время свыше полутора тысяч документов⁴⁵. Жуков обладал прекрасной памятью, и многие сообщаемые им сведения носили уникальный характер.

При встречах как-то зашла речь о готовящихся воспоминаниях маршала. «Не хочу приглаживать события,— сказал Георгий Константинович.— Свои взгляды и выводы я аргументирую и подтверждаю документами. Считаю, что при наличии другой точки зрения она также должна быть аргументирована и обоснована».

Надо сказать, что при подготовке наших изданий с обоснованными доводами Георгий Константинович соглашался.

Очень полезными были и контакты с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Человек огромного авторитета и известности, наделенный глубоким интеллектом и обладавший многогранной эрудицией, он отличался и какой-то удивительной деликатностью в общении с окружающими его людьми. Вместе с тем это был человек огромной силы воли, несгибаемого характера. Об этом можно судить и по тому, что в течение последних лет жизни, борясь с тяжелым недугом, Александр Михайлович много и плодотворно трудился. К нашим просьбам об участии в книгах серии относился с неизменным вниманием. Так, в письме ко мне от 29 ноября 1967 г. А. М. сообщал: «Присланный Вами текст моих воспоминаний, предназначенный Вами для сборника, я внимательно прочитал и даже внес некоторые поправки, которые ни в коей мере не меняют содержания журнальных моих статей»⁴⁶.

Как-то я приехал к А. М. Василевскому на дачу в Архангельское. Необходимо было получить его согласие на участие в сборнике «Освобождение Белоруссии. 1944». Разговор по телефону закончился приглашением маршала прибыть к нему. Сразу же он прислал адъютанта и машину. Приветливо встретил, провел на застекленную веранду, где и состоялся разговор.— «Да подойдет ли Вам мой материал?— спросил он, и добавил:— Там много документов!» Я поспешил заверить, что это будет представлять особую ценность. Подойдя к стоявшему у стены несгораемому шкафу, А. М. открыл его, вынул рукопись. Протянул ее мне и

просил ознакомиться. Тетрадь в половину листа была исписана аккуратным каллиграфическим почерком. Присланная в дальнейшем статья оказалась одной из самых интересных в сборнике. Александр Михайлович представил статью и для сборника «9 мая 1945 года». Она называлась: «К вопросу о руководстве вооруженной борьбой в Великой Отечественной войне».

В историографическом отношении интересно отметить, что статьи в наших сборниках прославленных советских полководцев Г. К. Жукова и А. М. Василевского не являлись фрагментами их будущих мемуарных книг. Они имели самостоятельное научное значение. Впоследствии, уже после выхода в свет книги «Дело всей жизни», я обращался к А. М. Василевскому с предложением об издании ранее опубликованных его статей отдельным сборником. Александр Михайлович долго колебался. Потом прислал мне следующее письмо:

«Дорогой Александр Михайлович!

Сердечно тронут Вашим постоянным вниманием и заботами обо мне.

Основное содержание моей сегодняшней записки к Вам — это вопрос о предлагаемом выпуске сборника моих послевоенных статей.

Сознаюсь, до сегодняшнего дня очень сомневался в целесообразности выпуска его.

Сегодня меня навели по вопросу о 2 изд. моей книги очень уважаемые мною люди из Политиздата Анатолий Иванович Котеленец и Надежда Степановна Зубкова. Держал с ними по этому вопросу совет и представьте себе они убедили меня даже в том, что это дело не только стоящее, но и исключительно полезное и нужное для советской общественности.

Теперь вопрос второй — о подборе для этого статей. Сам я по состоянию здоровья, да и по занятости справиться не смогу.

У меня полшкафа навалено газет, журналов и книг с моими статьями. Назвать кого-либо, кто мог бы взять на себя это дело — я не могу. Не поможете ли и в этом опять-таки Вы.

Так что, дорогой, все за Вами.

С сердечным приветом
Ваш А. Василевский.

11. 2. 75 г.»⁴⁷

Это намерение не было осуществлено. Серия уже выполнила стоящие перед ней задачи, а подготовка исследовательских и мемуарных трудов по истории войны — при значительно возросшем объеме таких изданий — в АН СССР стала проводиться только через научные учреждения.

Ретроспективно обращаясь к тому времени, нельзя не вспомнить, что выдающиеся военачальники с большой ответственностью относились и к своей литературной деятельности. Приведу лишь один пример. Вскоре после выхода в свет мемуаров Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» я навел А. М. Василевского

в Кремлевской больнице, где он лежал в отдельной небольшой палате. Речь зашла о мемуарах, которые готовил Александр Михайлович. «Да теперь и не знаю, нужны ли мои воспоминания,— сказал Александр Михайлович.— Георгий Константинович так полно и хорошо обо всем написал». Он достал из стоявшей у кровати гumbочки большую папку с рукописью и протянул мне. Это была его будущая книга «Дело всей жизни».

К счастью, колебания были им преодолены.

Выпускаемые издательством «Наука» исследовательские и мемуарные книги по истории Великой Отечественной и второй мировой войны были лишь одним из ручейков в многоводном потоке отечественной военно-исторической литературы. Развитие ее характеризовалось как многообразием исторического материала, так и углублением его анализа. Выше назывался целый ряд книг, выпущенных не «Наукой», а другими центральными издательствами. Эти издания сейчас отмечаю в рамках более узко рассматриваемой темы. Однако важно подчеркнуть, что к ним относятся ценнейшие публикации документов, интересные монографии и мемуарные произведения. Рост профилирования военно-исторических книг сопровождался появлением все новых серийных изданий, создаваемых Воениздатом, Политиздатом и другими центральными издательствами. Отметим среди них: «Военные мемуары», «Герои Советской Родины», «Советские полководцы и военачальники», «Война в тылу врага», «Герои огненных лет», «Подвиг». Каждая из серий заняла свое место в историографии.

Мемуары маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского были опубликованы издательствами АПН и Политической литературы⁴⁸. Воениздат выпустил мемуары Н. Н. Воронова «На службе военной» (1963), К. К. Рокоссовского «Солдатский долг» (1968), И. С. Конева «Сорок пятый» (1966, 1970), И. Х. Баграмяна «Так начиналась война» (1971, 1977) и «Так шли мы к победе» (1977), Н. Г. Кузнецова «Курсом к победе» (1975), А. П. Белобородова «Всегда в бою» (1978), Н. И. Крылова «Сталинградский рубеж» (1979) и многие другие.

В 70-е годы Институт военной истории Министерства обороны СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР приступили к созданию грандиозного многотомного труда «История второй мировой войны. 1939—1945». Впервые в отечественной и мировой историографии стало готовиться такое фундаментальное марксистское исследование мирового конфликта 1939—1945 гг. События войны рассматриваются в нем с обобщением огромного исторического материала. К настоящему времени вышли в свет одиннадцать томов⁴⁹ и завершена работа над заключительным, двенадцатым. Каждый из опубликованных томов получил в печати развернутую и высокую оценку. Главная редакционная комиссия и редакции томов на основе марксистско-ленинского анализа фактов истории разработали концепции по принципиальным вопросам

изучения второй мировой войны, причин ее возникновения, течения и итогов, сложного социально-политического содержания. Последовательно раскрывается решающая роль Великой Отечественной войны Советского Союза — главной составной части второй мировой войны — в разгроме фашистских агрессоров и освобождения человечества от угрозы порабощения. Авторы томов разоблачают преступления фашизма и милитаризма; проводят анализ вооруженных действий на театрах и фронтах войны; освещают национально-освободительные движения народов; показывают динамичное изменение положения в странах антигитлеровской коалиции и фашистского блока. В «Истории второй мировой войны» раскрывается всемирно-историческое значение одержанной победы над блоком стран фашистской «оси».

Советские историки творчески решают стоящие перед ними большие и ответственные задачи.

Источники. Критерии оценок

Изучая важнейшие проблемы истории прошедшей войны, марксистские исследователи исходят из единых методологических принципов и основывают свои концепции на фундаменте точных и бесспорных фактов. Отсюда общность понимания основных событий войны, ее истоков и характера, готовности СССР к обороне, причин наших неудач в первый период войны, динамики вооруженного противоборства на фронтах, деятельности советского тыла, борьбы в тылу врага, развития советского военного искусства, роли морального фактора, преимущества советского общественного и государственного строя в условиях войны, руководящей роли Коммунистической партии в годы военных испытаний. Едины марксистские исследователи и в оценках миролюбивого характера внешней политики Советского Союза, решающей роли СССР и роли всей антигитлеровской коалиции в достижении победы, национально-освободительных и революционных движений в оккупированных агрессорами странах Европы и Азии, освободительной миссии Советских Вооруженных Сил по отношению к порабощенным народам, а также других проблем.

Сказанное не противоречит тому, что развитие советской военно-исторической мысли невозможно без творческого обсуждения изучаемых проблем, а подчас и дискуссий. За истекшие после войны годы и десятилетия некоторые моменты ее истории, их оценки трактовались по-разному, отражая воззрения отдельных историков и общий уровень исследования проблем мировой антифашистской войны. Единые оценки вырабатываются в ходе углубленного изучения событий. Еще окончательно не решенные, дискуссионные вопросы существуют и сейчас, они будут и впредь. Для сферы творческой деятельности, включая и историческую науку, такое положение закономерно. В деятельности историков руководящее значение имеют принципиальные оценки партийных документов, трудов руководителей Коммунистической партии.

Новые исследования углубляют и обогащают наши знания, двигают вперед марксистско-ленинскую военно-историческую науку. Вместе с тем назревает необходимость фундаментального изучения советской военно-исторической науки о Великой Отечественной и второй мировой войнах, ее отдельных этапов; процесса становления и развития литературы о событиях войны. Здесь все значительно: и проблематика исследований, и формирование концепций истории войны, и состояние источниковой базы, и опыт организации научно-исследовательской работы, и вопросы формирования кадров исследователей, создания творческой обстановки, и публикаторская деятельность, и многие другие вопросы.

Изучая становление и развитие историографии событий минувшей войны, исследователи исходят из того, что главный ее источник — труды историков. «Без изучения трудов ученых,— пишет академик М. В. Нечкина,— нет истории науки, как без изучения произведений писателей нет истории литературы». Такое изучение предполагает уяснение вопроса «об объеме и содержании тех источников, на основе которых автор строит свое исследование»⁵⁰. Важно также выяснить и характер аргументации автора. Непременное условие историографического исследования — объективность суждений. К сожалению, требования научности и объективности конкретно-исторического анализа подчас еще нарушаются.

В советской науке давно установлены критерии оценок трудов историков, основанные на известных положениях марксистско-ленинской методологии. Одно из главных требований научности — строгий анализ и оценка конкретных историографических фактов. Авторы книги «Марксистско-ленинская методология военной истории» в этой связи пишут: «Этот критерий предполагает также оценку исторических трудов не только с точки зрения сравнения их с предыдущими. Практика последующих исследований может подтвердить или опровергнуть выдвинутые в анализируемом труде концепции»⁵¹.

Исследуя события Великой Отечественной войны, историк учитывает широкий круг источников и прежде всего архивные документы. Одним из ценных источников являются также свидетельства участников событий.

История отечественной мемуарной литературы о Великой Отечественной войне прошла ряд этапов⁵². Начало ей было положено еще в годы войны. Первое послевоенное десятилетие (1945—1955 гг.) принесло свыше 400 военно-мемуарных книг, посвященных событиям войны⁵³. Среди них преобладали воспоминания участников партизанского движения. Быстрый рост мемуарной литературы, посвященной минувшей войне, наступил со второй половины 50-х годов. Военное издательство Министерства обороны СССР в конце 1958 г. создало специальную военно-мемуарную редакцию и приступило к выпуску серии «Военные мемуары». Многие воспоминания публиковались в «Военно-историческом журнале». Их печатали центральные и местные изда-

Мемуары несли в себе огромный идейный и познавательный заряд, освещая героическую борьбу Советских Вооруженных Сил, трудовой подвиг народа, действия партизан и подпольщиков. Трудно переоценить значение мемуаров для патриотического воспитания советских людей и, конечно, для изучения военного искусства, подготовки военных кадров на опыте минувшей войны. Историческая наука и вся духовная жизнь народа немало бы потеряли без того лучшего и ценного, что принесли мемуары.

Есть специальные работы, посвященные анализу военных мемуаров о событиях 1941—1945 гг. Наряду с главой в «Очерках советской военной историографии» назову также статьи А. А. Курносова, помещенные в археографических ежегодниках⁵⁴. В них еще не полно, но достаточно верно сказано о самом главном, что характеризует мемуары о Великой Отечественной войне. Они отличаются и большим разнообразием проблематики и широким охватом событий войны. А. А. Курносов справедливо отмечает, что на развитие мемуарного жанра большое влияние оказала литературно-художественная традиция. Мемуары нередко рассматривались как особая форма беллетристики. Этому способствовала практика многих издателей, стремившихся придать воспоминаниям характер литературы, рассчитанной на массового читателя. Немало зависело, конечно, от замыслов мемуаристов, их творческого почерка и от «литературных обработчиков».

Мемуарная литература формировалась как достаточно сложный, подчас противоречивый процесс. Долгое время грани между мемуарной и художественной литературой вообще не обозначались с нужной четкостью. Что касается критериев документально-художественной литературы, то в этом вопросе до сих пор нет полной ясности⁵⁵.

Лишь в начале 60-х годов возобладало, наконец, представление о военных мемуарах, посвященных Великой Отечественной войне, как специфическом жанре исторической литературы. Достоверность описания исторического факта и события стала непреложным требованием⁵⁶. Ценность мемуаров определяется как масштабами описываемых явлений, освещением малоизвестных или неизвестных их граней, так и глубиной обобщений, правильностью выводов. Появление в мемуарной литературе в качестве авторов крупных военачальников, партийных и государственных работников способствовало утверждению такой традиции. В своих воспоминаниях они рассматривают ход сражений и операций, анализируют деятельность Ставки Верховного Главнокомандования, военных советов фронтов, армий, политическую работу в войсках, руководство народным хозяйством, культурой, наукой.

В этих трудах содержатся уникальные фактические данные и глубокие суждения по многим вопросам, в том числе о развитии советского военного искусства, разработке стратегических планов и их осуществлении. Так, например, в воспоминаниях М. Г. Первухина, К. Ф. Телегина, А. И. Шахурина, Н. С. Патоличева⁵⁷ много ценного сказано о деятельности в годы войны Государст-

венного Комитета Обороны СССР, ЦК, МК и МК ВКП(б), Советского правительства. Мемуары такого рода стали важным источником изучения истории минувшей войны.

Наряду в этом следует отметить, что ценность мемуаров как исторического источника, бесспорно, неодинакова. Некоторые из них содержат неточности в описании фактов, выпячивание своего «я», принижение роли других участников событий. Имелись ошибки и другого порядка, в частности с оценкой роли И. В. Сталина. Эти ошибки были вскрыты позже.

Воспоминаниям как особому жанру исторической литературы присущ момент субъективности. Мемуарист повествует о личном восприятии событий, о собственном в них участии. Сам по себе «момент субъективности» не противоречит истине и, больше того, может способствовать ее познанию. Правильно утверждение, что «мемуары крупных советских военных деятелей раскрывают живые картины войны с тех больших «командных пунктов», которые занимали их авторы. И это неизмеримо обогащает представления читателей о минувшей войне, позволяет глубже понять масштабы напряженной борьбы советского народа и его Вооруженных Сил, более отчетливо осознать ее решающие события и переломные рубежи»⁵⁸.

Но можно ли считать бесспорным все сказанное в мемуарах по принципиальным вопросам истории войны и, в частности, о советском военном искусстве? Не допущены ли мемуаристами отклонения от истины в этих кардинальных вопросах? П. А. Жилин пишет, что «воспоминания очевидцев являются важным военно-историческим источником, но не более. Без свидетельств участников войны ее историю написать трудно, но и по одним мемуарам историю войны познать нельзя»⁵⁹. Высказанная выше мысль в главном, конечно, правильна, но ее формулировка содержит и спорные моменты. Из нее можно сделать вывод, что существуют источники, по которым историю войны *можно познать и написать* (трудно, но можно), не обращаясь к свидетельствам ее непосредственных участников. При этом, очевидно, подразумеваются архивные документы. Решающее значение документов для исследования бесспорно. Однако и они не отражают с исчерпывающей полнотой все гигантское многообразие событий войны. Подчас содержатся в них и неточные данные. В. Т. Логин в своей книге «Диалектика военно-исторического исследования» справедливо замечает, что «некоторые историки переоценивают достоверность архивных материалов, иногда воспринимают сообщаемые в них сведения как безусловно верные. Опыт показывает, что и в архивных документах могут содержаться неточные, а то и просто ошибочные сведения (это относится и к мемуарам.— А. С.). Причем авторы хранящихся в архивах документов могли сообщать неточную информацию и непреднамеренно. На точность сведений документов, содержащихся в архивах, влияют и другие причины. К их числу относятся личные, ведомственные (в том числе конъюнктурные и карьеристские) интересы автора, которые побудили

его к тенденциозному или неполному освещению известных ему фактов, преувеличению своих (или ведомственных) успехов, оправданию неудач, завышению размеров нанесенного противнику ущерба в живой силе и технике и т. д.»⁶⁰

Истина всегда конкретна. Достоинства и недостатки есть в каждом виде источников. Для их выявления нужен тщательный и всесторонний анализ, сопоставление, критическая проверка. Такой подход требуется как при изучении документов, так и мемуаров. Надо, конечно, учитывать специфику источников, но едва ли следует противопоставлять их без должных оснований. Конечно, нельзя и переоценивать место мемуаров в историографии.

Обращаясь к истории минувшей войны, включая и наиболее сложные ее явления, каждый раз убеждаешься, что только пристальное исследование широкого круга источников позволяет познавать природу явлений. Почему, например, летом 1942 г. вермахт вторично захватил стратегическую инициативу на советско-германском фронте, а его войска оказались под Сталинградом и на Кавказе? Ведь временные факторы успехов противника к тому времени уже перестали действовать. Соответствующий анализ развернувшихся тогда событий проведен в исторической литературе и он сделан на основе изучения, прежде всего, документов⁶¹. Существенно помогли в этом и мемуары Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, К. С. Москаленко⁶².

Изучение, исследование войны продолжается. Существуют принципиальные вопросы, ждущие дальнейшего глубокого проникновения и раскрытия. В подтверждение сказанного остановлюсь еще на одном примере. В мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова рассказывается, как Ставка ВГК 5 января 1942 г. решала вопрос о переходе Красной Армии в общее наступление после разгрома крупнейшей группировки вермахта на подступах к советской столице. Г. К. Жуков был единственным, кто на этом заседании высказался против одновременного наступления советских войск на всех трех главных стратегических направлениях. Для такого наступления не хватало резервов. «Это обстоятельство, конечно, хорошо было известно Верховному, — пишет Г. К. Жуков. — Однако он верил, что и при имеющихся у фронтов возможностях нам удастся сокрушить оборону немецко-фашистских войск, если строго руководствоваться принципом массирования сил в ударные группировки и умело проводить артиллерийское наступление»⁶³.

В военно-научной и мемуарной литературе при рассмотрении этого решения Ставки в большей мере подчеркивается та его сторона, которая относится к военному искусству. Несомненны объективность и достоверность проводимого при этом анализа. Историк событий не может, вместе с тем, не видеть особого воздействия морально-политического фактора на это решение Ставки. 1942-й год начинался в труднейшей обстановке для нашей страны. Победа над врагом нужна была, как воздух. Требовалось

укрепить моральный дух народа, ведущего смертельный поединок с беспощадным и грозным противником. Надо было показать личному составу Вооруженных Сил, каждому советскому человеку, что на смену неудач и поражений, обусловленных неблагоприятными условиями борьбы, вступили в действие постоянные факторы непобедимой мощи страны социализма. Следовало предотвратить и возможные новые катастрофы. То, что прорвавшаяся к Москве крупная группировка немецко-фашистских войск потерпела поражение, было уже ясно: она все дальше отбрасывалась от стен столицы на запад. Но над Ленинградом нависла смертельная опасность. Положение на юге страны было сложным и трудным.

Принимая 5 января 1942 г. решение, Ставка исходила из того, что назревший перелом на фронте позволял не только закрепить и углубить победу на подступах к столице (большая часть резервов и предназначалась для этого), но и значительно изменить положение на северо-западном и юго-западном участках фронта. Ждать с такой помощью было нельзя. Однако достичь цели в задуманных масштабах не удалось. Маршал Г. К. Жуков об этом писал: «...Мы не имели реальных сил и средств, чтобы...разгромить в 1942 г. такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт»⁶⁴.

Военная тематика пользуется большой популярностью. Верным признаком этого служат тиражи книжных изданий и поток писем читателей. Работы историков далеко не единственный и даже не главный источник осмысления обществом военных явлений прошлого. К гораздо более широкой аудитории обращены произведения художественной литературы, кино, монументального искусства, живописи. Известно, например, что произведения о войне К. Симонова, А. Чаковского, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, И. Стаднюка, А. Суркова, А. Твардовского и многих других писателей и поэтов известны миллионам советских людей, как и документальная киноэпопея «Великая Отечественная...» и целый ряд других фильмов.

Исследования историков во многом отличаются от художественного творчества, но представляется очевидным, что читатель вправе искать в исследованиях наиболее точное и полное раскрытие явлений истории. Поэтому и в книгах о войне объективность исследования — один из главных критериев ценности.

С позиций марксистско-ленинской методологии преодолена односторонняя оценка готовности СССР к отражению империалистической агрессии и освещения отдельных граней событий 1941—1942 гг. Но неправильно и сглаживать («лакировать») недостатки, просчеты и ошибки, имевшиеся в чрезвычайно трудный период истории нашей страны. Крайности уводят исследователя от марксистско-ленинского анализа. Всестороннее изучение фактов неопровержимо показывает историческую закономерность победы СССР над зловещими силами империалистической агрессии и гегемонизма.

Идеологическая эффективность исследований

О предмете истории, ее значении для общества сказано и написано много. В том числе парадоксов и афоризмов. «История... ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»⁶⁵. И все же «учит», но извлекать поучительное из прошлого для настоящего и будущего — это искусство, которому надо учиться. Много уроков преподнесла человечеству вторая мировая война.

Спустя более 35 лет после ее окончания вновь существует угроза глобальной катастрофы, и несравненно более чудовищной, чем та, которая унесла 50 млн. человеческих жизней. Опасность исходит от наиболее реакционных кругов американского империализма и его союзников по НАТО. Стремление к гегемонизму выдвигает на авансцену политической жизни ведущих капиталистических государств авантюристических лидеров, готовых преступно играть судьбами человечества. Проповедуя антисоветизм и антикоммунизм, они проявляют патологическую ненависть к СССР и идеям Ленина подобно тому как ею были одержимы Гитлер, Геббельс и другие главари нацистов. Усиливаются тенденции реваншизма в странах, потерпевших поражение во второй мировой войне.

Все прогрессивные люди планеты помнят об уроках мирового конфликта 1939—1945 гг., о том, что его можно было не допустить, и о многом другом. Одним из памятных уроков тех лет была внезапность первого страшного удара агрессора.

Великая Отечественная и вторая мировая войны изучаются для извлечения боевого опыта и подготовки военных кадров, развития военной теории, военного строительства. «При этом необходимо исследование как удачного, так и неудачного опыта прошлого, поскольку выводы могут помочь избежать возможных ошибок»⁶⁶. Однако военно-историческая наука не ограничивается изучением опыта войны.

Историография взаимосвязана со многими проблемами, которые жизнь выдвигает перед обществом. Поэтому эффективность исследований неотделима от главных задач, решаемых страной, и от условий, в которых это происходит. В годы войны историки немало сделали для пропаганды боевых традиций русского и советского народов, дружбы народов СССР, раскрытия общности исторических судеб славян, разоблачения варварской идеологии и практики фашизма и империализма.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» поставило четкие задачи и перед работниками общественных наук. Идеологическая работа партии направлена к воспитанию в каждом советском человеке глубоко осознанной гражданской ответственности, высоких нравственных принципов, качеств активного строителя коммунистического общества.

Идеологическая эффективность исследований историков определяется их местом в духовной жизни народа. Исследования слу-

жат целям патриотического, идейного воспитания масс, пропаганде великих свершений Родины в борьбе с фашизмом, раскрытию связей героического прошлого с новыми задачами, стоящими перед СССР и другими странами социализма, активному участию в борьбе за мир и безопасность народов.

В нашей стране проводится огромная военно-патриотическая работа как составная часть коммунистического воспитания масс. Форма и проявления ее многообразны. Немалую роль играют и исследования историков по проблемам ратного и трудового подвига советского народа. Эти темы живо интересуют ветеранов, молодежь, представителей разных поколений. Они вызывают много читательских писем. Особенно активную реакцию читателей вызывают воспоминания, написанные прославленными полководцами и военачальниками. Книги о войне способствуют развитию ветеранского движения, служат важным источником военно-патриотического воспитания молодежи, стимулом к созданию музеев боевой и трудовой славы, установлению памятников, мемориальных скульптур, памятных знаков и пр. В полученном мною письме из колхоза «Победа», Октябрьского района, Ростовской области отмечалось, что, прочитав книгу «От Волги до Балтики», колхозники узнали имена тех, кто освобождал их от фашистских оккупантов. «Правление колхоза убедительно просит, — писал его председатель, — сообщить нам список всех погибших танкистов в бою за освобождение хутора Юдино, села Генеральского с тем, чтобы поставить хороший памятник воинам-танкистам, погибшим за освобождение сел и хуторов нашего колхоза»⁶⁷. Памятник был сооружен и поставлен. В честь боевых дел 3-го Гвардейского Сталинградского механизированного корпуса памятники (танки Т-34 на постаменте и другие) установлены также у Волго-Донского канала, в Волгограде, Золотоношском районе Черкасской области, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии. О боевом пути корпуса созданы музеи и комнаты боевой славы в школах Волгограда, Вильнюса, Шауляя, Елгавы, Добеле, Тукумсе, Молодечно, Золотоноши, Лепеля, Сморгони, Москве и в других местах. Эта тема нашла также отражение в экспозициях городских и республиканских краеведческих музеев. Все это лишь небольшая иллюстрация к значительному общественному явлению, в котором активную роль играют и исследования историков.

Изучение событий минувшей войны проходит на передовых рубежах идеологического фронта. Советские историки ведут непримиримую борьбу против искажения истории второй мировой войны буржуазными и маоистскими фальсификаторами. Они разоблачают лживость утверждений «теоретиков» империализма о якобы фатальной неизбежности войн в силу «естественных» начал природы человека. В действительности же, как многократно подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма, всякая война имеет политическое, классовое содержание. Неоспоримость этого подтверждает вся история войн. Марксистская историография аргументированно отвергает искаженное толкование буржуаз-

ными авторами причин возникновения второй мировой войны, оценку ее характера, важнейших событий вооруженной борьбы, политики ведущих держав антигитлеровской коалиции, национально-освободительного движения поработанных народов, освободительной миссии Вооруженных Сил СССР в годы войны и других принципиальных вопросов.

Ретроспективный взгляд на развитие советской военной историографии позволяет видеть ее несомненный прогресс. Повышается уровень обобщений, все глубже раскрываются истоки победы СССР в войне против фашистского агрессора, ярче рисуется массовый героизм народа, вдохновляющая и организующая роль Коммунистической партии, показываются преимущества советского общественного строя и в условиях трудных военных испытаний.

Своими исследованиями и публикациями историки вносят весомый вклад в борьбу за сплочение всех сил, борющихся за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс, за разъянение миролюбивой ленинской внешней политики.

В двухтомном труде Л. И. Брежнева «Актуальные вопросы идеологической работы КПСС» содержится обобщение громадного опыта идеологической работы партии, указываются пути решения коренных задач развития советского общества. Значительное место в труде уделяется международным проблемам и внешней политике Советского государства, Коммунистической партии.

Стремление к миру не означает отказа от идеологической борьбы или ее ослабления. «Раз на земле существуют, а точнее говоря, сосуществуют государства с различным общественным строем, — отмечал Л. И. Брежнев, — то стало быть, различия взглядов, идей, идеологий, присущих этим строям, сохранятся и их невозможно ликвидировать никакими соглашениями. Но бессмысленно и опасно в наше время пытаться обеспечить победу тех или иных идей, той или иной идеологии с помощью силы, с помощью оружия. Идеологическая борьба не должна перерасти в «психологическую войну», не должна использоваться как средство вмешательства во внутренние дела государств и народов, или вести к политической и военной конфронтации.

Иначе этот идеологический спор может обернуться катастрофой, в которой вместе с миллионами людей могут, так сказать, погибнуть и их концепции»⁶⁸.

Историки немало сделали и продолжают делать для критики империализма и разоблачения поборников гонки вооружений, представляющих интересы военно-промышленных комплексов, для борьбы с антисоветизмом и антикоммунизмом во всех их проявлениях.

Важным событием общественно-политической жизни страны явилось издание книг воспоминаний Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Их широкое общественное обсуждение вышло за пределы чисто научных и литературных интересов; оно тесно увязывалось с задачами дальнейшего улучше-

ния идейно-политического и патриотического воспитания советских людей, совершенствования стиля партийной, советской и хозяйственной работы.

Неоценим их вклад в духовное развитие общества, в воспитание коммунистической морали и формирование коммунистического мировоззрения.

Названные книги имеют и специфическую ценность как источник для исследования проблем истории. Написанные Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения, они обладают огромным моральным авторитетом. Их содержание ярко отражает политику Коммунистической партии и Советского государства.

В летописи Великой Отечественной войны раскрытие подвига советского народа в борьбе с фашистским агрессором неотделимо от анализа деятельности Коммунистической партии в гуще масс, на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, а в условиях фронта — среди воинов боевых подразделений, частей и соединений. Все это известно и бесспорно, но нельзя не признать, что историки еще не все сделали в раскрытии этой кардинальной проблемы. Может быть, сделано не так мало, но подчас еще не хватает глубины и яркости в освещении этой проблемы.

Творческий процесс исследования вооруженного противоборства народов Советского Союза и всех свободолюбивых народов против стран фашистского блока продолжается. Этот процесс протекает в общем русле идеологической жизни страны.

¹ См. Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1973; Очерки советской военной историографии. М., 1974, с. 224—323, 339—361; Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975, с. 108—122; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 1. Советский период, с. 158—177.

² *Мицу И. И.* Документы Великой Отечественной войны, их собрание и хранение: 80 лет на службе науки и культуры нашей Родины. М., 1943, с. 134—152; *Сухомлин А. В.* Военно-исторический сектор Института истории Академии наук СССР.— *Вопр. истории*, 1946, № 11/12, с. 175—176; *Курносое А. А.* Воспоминания — интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собрания).— В кн.: *Археогр. ежегодник за 1973 год*. М., 1974, с. 118—132; *Левшин Б. В.*

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник за 1974 год*. М., 1976, с. 312—317.

³ *Курносое А. А.* Указ. соч., с. 120.

⁴ *Мицу И. И.* Партизанская война против фашистских людоедов (Примеры первых месяцев). М., 1941; *Он же:* Поражение фашистских войск под Москвой.— *Исторический журнал*, 1941, кн. 12, с. 19—30; *Генкина Э. Б.* Героический Сталинград. М., 1943.

⁵ В упоминавшейся статье Б. В. Левшина на ст. 317 допущены неточности в отношении срока образования Сектора, его названия и фамилии руководителя.

⁶ *Сухомлин А. В.* Военно-исторический сектор Института истории Академии наук СССР.— *Вопр. истории*, 1946, № 11/12, с. 175—177.

⁷ В Научном архиве Института истории СССР АН СССР хранится лишь часть материалов о военно-

историческом секторе; о работе над Очерками истории Великой Отечественной войны 1941—1945 там вообще ничего не отложилось.

⁸ *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951; *Он же.* Очерки по историко-ведению военной истории России. М., 1957; *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 1951; *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955.

⁹ В секторе выделялись своим профессионализмом, военным опытом четыре генерала в отставке: М. В. Алексеев, С. В. Рогинский, В. Н. Евстигнеев, А. В. Сухомлин. Генерал-майор М. В. Алексеев еще в 1906 г. окончил Академию Генерального штаба. В первую мировую войну был тяжело ранен, попал в плен. Впоследствии участвовал в гражданской войне. В Великой Отечественной войне был заместителем командующего армией на Волховском фронте, потом — начальник кафедры в Военной академии им. М. В. Фрунзе, автор свыше 40 военно-научных трудов. Видным военным деятелем являлся генерал-лейтенант С. В. Рогинский. После гражданской войны, в которой он участвовал, он успешно окончил Военно-инженерную академию и Академию Генерального штаба. Великую Отечественную войну встретил в приграничном районе и в тяжелейших условиях вывел из окружения стрелковую дивизию (Военно-исторический журнал, 1959, № 7, с. 33—46; 1960, № 5, с. 123—124). В дальнейшем командовал на фронтах стрелковыми корпусами, армиями. После войны был начальником штаба и первым заместителем Начальника инженерных войск Советской Армии. Автор 14 военно-теоретических работ. М. В. Алексеев и С. В. Рогинский пришли в Институт истории АН СССР, обладая большими военными знаниями, высокой культурой труда и огромным жизненным опытом. Они многое дали коллегам по сектору всегда компетентными суждениями, неизменной поддержкой творческих начинаний, своим участием в них.

Авторитетным военным деятелем был и генерал-майор В. Н. Евстигнеев, который также участвовал в гражданской и Великой Отечественной войнах, получил образование в двух военных академиях, после войны был начальником кафедры истории войн и военного искусства в Академии Генерального штаба. Добрую память о себе оставил и первый руководитель военно-исторического сектора генерал-лейтенант А. В. Сухомлин. До войны он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В Великую Отечественную войну был заместителем начальника штаба Северо-Западного фронта, начальником штаба армии, командующим армией.

¹⁰ *Брагин М. Г.* От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. М., 1947; и др.

¹¹ В первом бою. — Вперед на врага, 1944, 26 сент.; Охота за вражескими танками. — Удар по врагу, 1944, 29 сент.; Истребитель «тигров». — Удар по врагу, 1944, 30 сент.; Коммунист — пример в выполнении воинского долга. — Удар по врагу, 1944, 3 окт.; Честь офицера. — Удар по врагу, 1944, 4 окт.; Выручай товарища. — Удар по врагу, 1944, 6 окт.; Огнем и гусеницами. — Удар по врагу, 1944, 4 ноября; Героический облик русского воина. — Удар по врагу, 1945, 3 февраля.

¹² Всп. истории, 1956, № 5.

¹³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941—1945. М., 1958; *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1959; Великая битва под Москвой. М., 1961; Разгром немецких войск под Москвой. М., 1964; *Барабашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П.* и др. Борьба за Ленинград. 1941—1944. М., 1964; Великая битва на Волге. М., 1965; и др.

¹⁴ *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943. М., 1959; *Липатов Н. П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Очерки истории строительства. М., 1960; *Литрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1960;

- Самсонов А. М. Великая битва под Москвой. М., 1958; *Он же*. Сталинградская битва. От обороны и отступления к великой победе на Волге. М., 1960.
- ¹⁵ Вторая мировая война 1939—1945 гг.: Военно-стратегический очерк. М., 1958.
- ¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1961—1965. Т. 1—6.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.
- ¹⁸ Уроки истории неопровержимы. М., 1964; Большая ложь о войне. М., 1971; Война, история, идеология. М., 1974; *Ржевский О. А.* Война и история (Буржуазная историография о второй мировой войне). М., 1976; и др.
- ¹⁹ Научно-методическое руководство Институтом военной истории было возложено на Академию наук СССР.
- ²⁰ Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1970; Воробьев Ф. Д., Парогский П. В., Шиманский А. Н. Последний штурм. М., 1970; Секистов В. А. Война и политика (военно-политический очерк военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939—1945). М., 1970; Вютченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе — сентябре 1945. 2-е изд. М., 1971; Маносов В. Ф. Разгром Квантунской армии Японии. М., 1975.
- ²¹ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971; Мониш М. Е. Сдружество, рожденное в боях. М., 1971; Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974; Бродский Е. А. Славная страница пролетарского интернационализма (Немецкие антифашисты в борьбе с гитлеризмом). М., 1980; и др.
- ²² Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз: (Расчеты и просчеты). 2-е изд. М., 1966; Овсяный П. Д. Тайна, в которой война рождалась: (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). 2-е изд. М., 1975.
- ²³ См.: СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — сентябрь 1945 г.). Указатель советской литературы за 1941—1967 гг. М., 1977, с. 10—13. Данный раздел указателя охватывает литературу, изданную до 1975 г. включительно; Указатель важнейших решений партии и правительства, принятых во время Великой Отечественной войны. Институт истории СССР АН СССР. М., 1980. Вып. 1, 2.
- ²⁴ Вторая мировая война 1939—1945 гг. В 3-х кн. М., 1966. Кн. 1. Общие проблемы; кн. 2. Движение Сопротивления в Европе; кн. 3. Военное искусство.
- ²⁵ Всемирно-историческая победа советского народа, 1941—1945: Материалы научной конференции, посвященной 25-летию Победы над фашистской Германией. М., 1970.
- ²⁶ Великая Победа советского народа, 1941—1945: Материалы научной конференции, посвященной 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. М., 1976; XXV съезд КПСС и военно-историческая наука. М., 1977.
- ²⁷ См.: Куманев Г. А., Митрофанова А. В. Литература 70-х годов по истории советского тыла периода Великой Отечественной войны.— В кн.: Историография Великой Отечественной войны, с. 179, прим. 2.
- ²⁸ История КПСС. М., 1975. Т. 5, кн. 1.
- ²⁹ Во главе защиты Советской Родины. М., 1975; Козлов Н. Д., Зайцев А. Д. Сражающаяся партия. М., 1975; *Средин Г. В.* Великая победа (1941—1945 гг.). М., 1975; и др.
- ³⁰ См.: Историография Великой Отечественной войны, с. 184—186.
- ³¹ См.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1980, с. 173, прим. 46, 47.
- ³² Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1970; *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970.
- ³³ Всемирная история. М., 1965. Т. 10; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны.

- 1941—1945 гг. М., 1975; Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1973. Кн. 1. Общие проблемы; М., 1974. Кн. 2. Трудовой подвиг народа; М., 1976. Кн. 3. Советская культура в годы Великой Отечественной войны; СССР в борьбе против фашистской агрессии. М., 1976; Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; *Аругюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977; *Мерцалов Н. Н.* Западнгерманская историография второй мировой войны. М., 1978; *Алещенко Н. М.* Московский совет в 1941—1945 гг. М., 1980; *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии. 1939—1945 гг. М., 1975. 2-е изд.— М., 1980; Эшелоны идут на восток. Сб. док. М., 1966; Москва — фронту. М., 1966; *Кан А. С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967; *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. М., 1969; *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969; *Серова О. В.* Италия и антигитлеровская коалиция. 1943—1945. М., 1973; *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975; *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977; *Носкова А. М.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977; *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне. М., 1978; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; *Савин А. С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979; и др.
- ³⁴ См.: Вестн. Академии наук СССР, 1968, № 2, с. 17—22; там же: 1976, № 11, с. 112—118; Археогр. ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 346—350.
- ³⁵ *Прозктор Д. М.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. М., 1964, 1972; *Кулиш В. М.* История второго фронта. М., 1971.
- ³⁶ *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965; *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967; *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы войны. 1939—1945. М., 1974
- ³⁷ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. Подготовка и развязывание нацистской агрессии в Европе. 1933—1941; т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941—1945. М., 1973.
- ³⁸ Правда, 1974, 14 марта.
- ³⁹ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941—1944 гг. М., 1973; *Дзенiskeвич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* и др. Непокоренный Ленинград. М.; Л., 1974.
- ⁴⁰ *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966; *Кирьякидис Г. Д.* Греция во второй мировой войне. М., 1967; *Бродский Е. А.* Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941—1945 гг.). М., 1970; *Семиряга М. И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; *Федоров Г. А.* Авиация в битве под Москвой. 2-е изд. М., 1975; и др.
- ⁴¹ Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944—1945. М., 1970.
- ⁴² Провал гитлеровского наступления на Москву, с. 13—14.
- ⁴³ *Бирюзов С. С.* Суровые годы. 1941—1945. М., 1966; *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970; *Пересыпкин И. Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973; *Галицкий К. Н.* В бойх за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970; *Он же.* Годы суровых испытаний. 1941—1944. Записки командарма. М., 1973; *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. 3-е изд. М., 1975; *Толубко В. Ф., Ба-*

- рышев Н. П.* На южном фланге. М., 1973; *Ангипенко Н. А.* На главном направлении. 2-е изд. М., 1971; *Майский П. М.* Воспоминания советского посла. Война. М., 1965.
- 44 Архив автора. Текст этой директивы приводится маршалом Г. К. Жуковым в его статье, опубликованной в сборнике «Сталинградская эпопея» (М., 1968, с. 69—70).
- 45 В мире книг, 1978, № 2, с. 15.
- 46 Архив автора.— В сборнике «Сталинградская эпопея» дан сокращенный вариант статьи А. М. Василевского, опубликованной в «Военно-историческом журнале», 1965, № 8, 10; 1966, № 1, 3.
- 47 Архив автора.
- 48 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973.
- 49 История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1973. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира, М., 1974; Т. 2. Накануне войны; М., 1974. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР; М., 1975. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны»; М., 1975. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока; М., 1976. Т. 6. Коренной перелом в войне; М., 1976. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне; М., 1977. Т. 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М., 1978. Т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии; М., 1979. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М., 1980. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание второй мировой войны.
- 50 История и историки. М., 1965, с. 11, 12.
- 51 Марксистско-ленинская методология военной истории, с. 276.
- 52 *Курносов А. А.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945).— В кн.: Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 4.
- 53 Очерки советской военной историографии, с. 345.
- 54 Очерки советской военной историографии, с. 324—361; *Курносов*
- А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собрания).— АЕ за 1973 г. М., 1974; *Он же.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. (1941—1945 гг.).— АЕ за 1975 год. М., 1976; *Он же.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1945—1955 гг.). АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 35—45.
- 55 *Косухин С. Я., Малиновский В. В.* За достоверность документально-художественных изданий.— Вопр. истории, 1976, № 1, с. 19—32; *Самсонов А. М.* За точность в освещении фактов истории.— История СССР, 1973, № 4, с. 196—202.
- 56 *Прочко И.* Мемуарная литература о Великой Отечественной войне.— Воен.-ист. журн., 1961, № 5, с. 95—104; *Фельдман О., Черемных В.* Серьезный разговор.— Там же, с. 105—110.
- 57 *Первухин М. Г.* Перебазирование промышленности.— Советский тыл в Великой Отечественной войне, кн. 2. с. 10—30; *Телегин К. Ф.* Не отдали Москвы. 2-е изд. М., 1975; *Шахурин А. И.* Авиационная промышленность в годы Великой Отечественной войны (из воспоминаний наркома).— Вопр. истории, 1974, № 3, с. 81—99; 1975, № 3, с. 134—154, № 4, с. 91—105; *Патолочев Н. С.* Испытание на зрелость. М., 1974.
- 58 Очерки советской военной историографии, с. 356.
- 59 Историография Великой Отечественной войны, с. 19.
- 60 *Логин В. Т.* Диалектика военно-исторического исследования. М., 1979, с. 45.
- 61 В военно-исторической литературе некоторое время проводился неточный анализ этого вопроса. См. подробнее: *Логин В. Т.* Указ. соч., с. 120—123.
- 62 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд. М., 1974. Кн. 2-я, с. 70; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 2-е изд. М., 1975, с. 207; *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977, с. 123; *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. Изд. 2-е. М., 1973, кн. 1-я, с. 169.
- 63 *Жуков Г. К.* Указ. соч., т. 2, с. 49.

⁶⁴ Жуков Г. К. Указ. соч., т. 2, с. 51.

⁶⁵ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 349.

⁶⁶ Логин В. Т. Указ. соч., с. 21.

⁶⁷ Самсонов А. М. От Волги до Балтики. Очерк истории 3-го гвардей-

ского механизированного корпуса. 1940—1942 гг. 2-е изд. М., 1973, с. 442.

⁶⁸ Брежнев Л. П. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. М., 1978, т. 2, с. 323.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

А. Л. Литвин

Историография гражданской войны в СССР, а также в отдельных районах страны стала предметом все возрастающего внимания исследователей. В сравнительно короткое время были созданы монографии В. П. Наумова и И. Л. Шермана, О. А. Васюковского, А. И. Зевелева, Д. Д. Лаппо, М. Е. Плотниковой, посвященные историографии гражданской войны в целом или тому, как изучалась история первых лет Советской власти на Урале, в Центральном Черноземье, Сибири и Туркестане¹.

Историография гражданской войны в Поволжье еще не написана, но многое в этом направлении сделано: наиболее крупные работы проанализированы в общих обзорах литературы и рецензиях, во введениях или специальных разделах монографий и диссертаций.

Первым этапом, положившим начало изучению гражданской войны в Поволжье, следует считать 1918—1920 гг. Именно тогда в трудах В. И. Ленина было определено решающее значение Восточного фронта для судьбы революции в 1918—1919 гг., указано на роль Поволжья в организации разгрома врага. В то время по поручению В. И. Ленина В. В. Адоратским в Казани впервые предпринимается попытка создать очерк революции и гражданской войны. Адоратскому не удалось тогда выполнить поручение В. И. Ленина, летом 1920 г. он был отозван из Казани в Москву, где, работая в Истпарте, некоторое время продолжал заниматься историей Октябрьской революции и гражданской войны. Его занятия в Казани этой проблематикой не прошли бесследно: он стал автором плана первой хроники местных событий, в которую предлагал Татарскому бюро Истпарта включить «события при Октябрьском перевороте, при чехах летом — осенью 1918 г., историю с забулачной республикой, наступление колчаковцев, чистопольский бунт и т. д.»².

Первые печатные работы о гражданской войне в Поволжье принадлежат перу ее непосредственных участников. Брошюры П. Подвойского, А. Муны, издания военного отдела ВЦИК и

высшей военной инспекции РККА разъясняли, что собой представляет контрреволюционный чехословацкий корпус, указывали на Антанту как на инспиратора мятежа, объясняли причины временных успехов корпуса и необходимость его быстрого разгрома³.

Г. Д. Линдов, член Реввоенсовета 4-й армии Восточного фронта, в брошюре «О политической работе и политических работах на фронте» (Самара, 1918) подчеркивал роль партийно-политического аппарата в военном строительстве. Г. Д. Гай, В. В. Куйбышев, М. Н. Тухачевский рассказали о формировании 1-й армии, председатель Бугульминского укома РКП(б) М. Мельник охарактеризовал методы подавления антисоветского мятежа в Казанской губернии⁴.

В 1918—1919 гг. появились и первые документальные издания, среди которых наиболее ценными представляются 275 телеграмм оперативного и административно-организационного характера главнокомандующего Восточным фронтом И. И. Вацетиса⁵. Нельзя также не указать на огромное число разнообразных материалов, публиковавшихся в ту пору в центральной и местной партийно-советской и армейской периодике, особенно в журналах «Власть Советов», «Красный террор» и др.⁶

Практику боев на Восточном фронте обобщал Подвойский в статье «Опыт военно-революционной тактики». Она освещает события, связанные с освобождением Казани и Самары от белоинтервентов в 1918 г.; он предлагает обращать самое серьезное внимание на ведение агитации и пропаганды в тылу противника и бороться с местничеством при создании отрядов Красной Армии⁷. Восточный фронт в работах современников событий назывался фронтом, принесшим «первое серьезное военное испытание» республике, где «военная организация была поставлена на должную высоту, построена по требованиям военной науки»⁸.

В 1919 г. в Самаре вышел историко-литературный сборник «Четыре месяца учредиловщины», в котором наряду с воспоминаниями были опубликованы статьи Я. Андреева и А. Дорогойченко, раскрывавшие резко отрицательное отношение рабочих и трудящихся крестьян к Комучу, тщетность попыток правых эсеров и меньшевиков заручиться поддержкой масс. В ряде изданий публиковались материалы о деятельности в Поволжье в 1918—1919 гг. агитпоездов имени В. И. Ленина и «Октябрьская революция», агитпарохода «Красная Звезда», о разгроме чекистами в Казани в июне—июле 1918 г. филиала савинковского «Союза защиты родины и свободы»⁹. В Казани в 1919 г. на татарском языке был издан сборник воспоминаний, материалов и статей «Великий революционер Востока Мулламур Вахитов» — первое исследование, посвященное замечательному революционеру и советскому государственному деятелю, погибшему в августе 1918 г.

Первые работы о гражданской войне в Среднем Поволжье, как и вся литература о гражданской войне, опубликованная в ее ходе, носили преимущественно популярный характер и знамено-

вали собой лишь начало разработки отдельных вопросов. Вместе с тем в 1918—1920 гг. были созданы лешинские труды, ставшие методологической основой всех последующих исследований советских историков. Тогда же формировалась и источниковая база. Авторы статей, очерков и брошюр тех лет опирались на газетную информацию, воспоминания и личные впечатления, многие фактические данные, опубликованные тогда впервые, прочно вошли в научный оборот.

Переломными в смысле организации изучения Октябрьской революции и гражданской войны следует считать 1920—1922 гг., когда создаются Истпарт, Военно-научное общество и их бюро на местах. Особенно активную издательскую деятельность развернул Истпарт: в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы многие воспоминания участников гражданской войны в Поволжье, а также исследовательские статьи. Среди них — статья заведующего Ульяновским истпартотделом В. Н. Алексеева «Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье». Она носила обобщающий характер и опиралась в основном на уже опубликованные данные в работах А. Муны, В. Владимировой и мемуары¹⁰.

В начале 20-х годов предпринимаются попытки первых обзоров литературы о гражданской войне в Поволжье¹¹. Их авторами были участники гражданской войны в крае: комиссар чапаевской дивизии Д. Фурманов, самарский подпольщик Г. Лелевич, член РКП(б) с сентября 1919 г. казанец С. Пионтковский и др.

Татарское бюро Истпарта в начале 20-х годов вело систематическую публикацию мемуаров участников борьбы за Казань в 1918 г. на страницах журналов «Пути революции» и «Коммунистический путь». В 1923 г. Всероссийское совещание работников Истпарта приняло решение о том, чтобы издания местных отделений выходили не в виде периодических журналов, а в виде сборников, составляемых по принципу единства содержания. Сотрудники Татистпарта выпустили в Казани в 1924 г. сборник воспоминаний, документов и статей под общим названием «Борьба за Казань». К работе над ним были привлечены около 60 активных участников событий. Среди материалов сборника воспоминания председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией М. Я. Лациса, члена Временного революционного гражданского комитета в Казани А. И. Догадова, статья заведующего Татистпартом Н. Знаменского «Время чехов», написанная по газетным материалам и др.

Самарское бюро Истпарта тогда же выпускало сборники «Красная биль», где публиковались воспоминания о деятельности большевистской организации города в период борьбы с комучевцами. Заведующий самарским истпартотделом В. В. Троцкий стал составителем первой хроники событий гражданской войны в крае¹².

Симбирское бюро Истпарта к 10-летию освобождения города от белоинтервентов опубликовало очерк бывшего начальника 24-й дивизии, освобождавшей Симбирск, Г. Д. Гая «В боях за Симбирск», а также брошюру В. Н. Алексеева об Октябрьской

революции и гражданской войне в губернии¹³. В них содержатся интересные материалы по истории формирования Симбирской дивизии, ее роли в освобождении города, экономической политике Комуча и ее неприятию трудящимися Симбирска.

Военно-научное общество при военной академии и его отделения на местных началах создавались в 1921 г. Члены ВНО занимались в основном изучением боевых операций Красной Армии. В июле 1921 г. отделение ВНО было открыто при казанских пехотных командных курсах и тогда же его вниманию был представлен доклад «Операция по овладению Казанью красными войсками в 1918 г.»¹⁴.

Наибольший интерес представляли опубликованные в сборнике трудов ВНО статьи участников боев, а теперь выпускников Академии К. Подгорецкого о борьбе за Казань в 1918 г. и И. Шведова о разгроме 5-й армии Восточного фронта в 1919 г.¹⁵ Подробно разбирая действия право- и левобережных групп войск 5-й армии, Подгорецкий сделал обоснованный вывод о том, что борьба за Казань явилась первым большим оперативным экзаменом командования Красной Армии.

В 1922 г. в Москве состоялся открытый судебный процесс по делу ЦК партии правых эсеров, который широко освещался в печати. Он вызвал поток литературы, со всей очевидностью показавшей контрреволюционную роль эсеров в гражданской войне в России. Материалы процесса воссоздавали историю эсеровских мятежей, создания и гибели самарской учредилки. Среди изданий были и воспоминания бывших представителей мелкобуржуазных партий, и исследования, поставившие проблему закономерности гибели и краха этих партий¹⁶.

Среди работ, опубликованных в связи с процессом над партией правых эсеров, нельзя не отметить брошюру Б. Шмералья, одного из основателей Коммунистической партии Чехословакии, обратившего внимание на то обстоятельство, что легионеров во время антисоветского мятежа обманывали не только офицеры, но и эсеро-меньшевики, внушавшие им мысль о том, что они будто бы выступают в защиту русской социал-демократии, «социалистических идей». Шмераль подчеркивал пагубность подобных действий соглашателей, их контрреволюционную сущность. Это утверждение Шмералья об инсинуациях эсеров и меньшевиков, с помощью которых они разжигали мятеж чехословацкого корпуса в Поволжье, было позже развито советскими и чехословацкими историками¹⁷.

В. Ф. Владимирова была одним из первых историков, начавших монографическую разработку проблематики, связанной с деятельностью мелкобуржуазной контрреволюции в годы гражданской войны. Введение в научный оборот судебно-следственных материалов по делу правых эсеров (1922 г.) явилось новым фактическим доказательством подготовки правыми эсерами антисоветского выступления в Поволжье в 1918 г., их связей с представителями Антанты, доказательством того, что предательство

командующего Восточным фронтом М. Муравьева готовилось левыми эсерами заранее¹⁸.

В книгах И. И. Минца и А. М. Панкратовой, издавшихся в 20-е годы, Комуч рассматривался как учреждение, созданное совместно правыми эсерами и меньшевиками, и это положение аргументировалось сведениями о деятельности меньшевиков в сармарских профсоюзах, ведомстве труда, выдержками из меньшевистских газет, одобрявших действия комучевцев по расстрелу казанских и пващенковских рабочих, ратовавших за мобилизацию в «народную армию». Панкратова даже приходила к выводу о том, что «отход масс от Комуча на сторону большевиков знаменовал окончательный разрыв масс с соглашательством и полное крушение оппортунизма в российском рабочем движении после Октября»¹⁹. В современной историографии некоторыми авторами Комуч рассматривается как однопартийное, правоэсеровское учреждение²⁰. Это утверждение неточно, так как все средневожские меньшевистские организации поддерживали Комуч и сотрудничали со всеми его учреждениями, представляли партии меньшевиков возглавлял ведомство труда Комуча. Неправильным представляется и вывод Панкратовой о том, что не Октябрьская революция, а разрыв масс с Комучем означал полное крушение соглашательских партий в стране.

Уже в первых сводных работах по истории гражданской войны подчеркивалась решающая роль Восточного фронта летом — в начале осени 1918 г., а первые победы регулярной Красной Армии связывались с разгромом интервентов под Казанью, Симбирском и Самарой²¹. А. И. Анишев специальный раздел книги «Очерки истории гражданской войны» отводил борьбе с чехословацким мятежом, обращая внимание на то обстоятельство, что легионеры выступили не сами по себе, а по указке Антанты, что Красная Армия смогла перейти в наступление тогда, когда Восточный фронт почувствовал на себе внимание всей страны, когда сюда стали прибывать пополнения, а особенно коммунистические и рабочие отряды. В разделе книги, посвященном борьбе с колчаковщиной, Анишев пытался вскрыть противоречия внутри армии Колчака, считая их одной из причин его поражения.

В своих исследованиях профессор военной академии комбриг Н. Е. Какурин, разбирая ход сражений на Восточном фронте летом 1918 г., отмечал, что «взятие Казани явилось последним звеном в цепи тех значительных успехов, которыми сопровождалось начало кампании на Восточном фронте для белых», и что, с другой стороны, освобождение Казани Красной Армией «определило собой поворотный момент если не всей кампании на Восточном фронте, то по крайней мере на средневожском бассейне». Работа Какурина — крупный вклад в изучение истории гражданской войны, в том числе и в Поволжье²².

В отдельных книгах и статьях, опубликованных в 20-е годы, в воспоминаниях С. И. Гусева, В. К. Путны и многих других авторов затрагивались многие важные вопросы истории граждан-

ской войны в Среднем Поволжье²³, среди них: комплектование Красной Армии и борьба с дезертирством, советское строительство и продовольственная работа, история воиновских частей, начавших свой ратный путь в Поволжье, расслоение средневоложского крестьянства в первые годы Советской власти и борьба с кулацкими мятежами, описание военных действий на территории Самарской губернии и первого удара по Колчаку. Они содержали огромное число фактических сведений, ряд интересных наблюдений и свидетельствовали о разработке множества сюжетов, отдельных ключевых вопросов, связанных с историей гражданской войны в крае.

В те годы было положено начало изучению истории дивизий 2-й и 5-й армий, Волжской военной флотилии. В. В. Вишневым, например, уточнены факты о боевых действиях моряков под Казанью и Пьяным Бором²⁴.

Важное значение имело издание в те годы книг активных участников гражданской войны в крае — Г. Д. Гая, И. С. Кутякова, документально-мемуарных сборников. В. А. Антонов-Овсеенко сообщил о том, как в октябре 1918 г. он был направлен в Казань для командования 2-й и 3-й армиями Восточного фронта и, ознакомившись с обстановкой, представил командованию фронтом план укрепления армий. А. Геронимус с созданием Восточного фронта связывал зарождение политотделов в Красной Армии и развертывание партийно-политической работы²⁵. Большим событием в изучении истории гражданской войны стало издание в 1926—1929 гг. трехтомного собрания сочинений М. В. Фрунзе, где впервые в систематизированном виде были даны приказы М. В. Фрунзе по 4-й армии и Южной группе Восточного фронта за январь — май 1919 г.

Процесс накопления материалов, издание документов и воспоминаний, формирование кадров историков и приобщение к написанию и обобщению опыта гражданской войны ее участников не могли не привести к созданию монографических исследований. Итоговым изданием для военно-исторической науки 20-х годов следует считать трехтомник «Гражданская война. 1918—1921», вышедший в 1928—1930 гг. под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемапа. В первых двух томах были опубликованы воспоминания В. Шорина, И. Кутякова, Г. Эйхе, статьи Н. Мовчина, А. Геронимуса и П. Стасевича, содержащие интересный фактический материал о гражданской войне в Поволжье. Третий том носил подзаголовок «Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии». Правда, отдельной главы о борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте в 1918 г. в нем не было, хотя среди действий Красной Армии на востоке страны приволжский участок выделялся.

Разбирая оперативные направления наступления белочешских отрядов, авторы третьего тома объясняли успех последних тем, что регулярная Красная Армия тогда только создавалась, «наличные же силы были связаны на Донском фронте и на демар-

кационной линии с австро-германцами. Поэтому выделение новых сил для борьбы с чехословаками являлось весьма затруднительным»²⁶. В книге правильно отмечалось огромное значение партийной мобилизации в укреплении войск Восточного фронта летом 1918 г. Рассматривая весенние (1919 г.) планы сторон, авторы подчеркивали, что наступление Колчака вновь, как и летом 1918 г., приковало к Восточному фронту внимание всей страны.

В книге подробно описывались Бугурусланская, Бугульминская и другие операции Южной группы войск Восточного фронта и отмечалась активность войск Северной группы. Касаясь вопроса о возникших тогда разногласиях между Реввоенсоветом фронта, главкомом и председателем Реввоенсовета Республики о продолжении наступления и освобождении Урала и Сибири, авторы тома подчеркивали роль В. И. Ленина и ЦК партии в организации полного разгрома армий Колчака.

В 1930 г. вышла «История ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского. В четвертом томе этого издания гражданской войне посвящены 6—8-я главы; общей характеристике хода боев на фронтах — только одна, 6-я глава, написанная С. А. Пионтковским на основе документов, вошедших в ранее опубликованную им же хрестоматию по истории гражданской войны²⁷.

Таким образом, к концу 20-х годов было создано немало работ, в которых нашла отражение гражданская война в Поволжье. За сравнительно небольшой срок был накоплен разнообразный фактический материал, освещен широкий круг вопросов. Основная заслуга в этом принадлежала не столько профессиональным историкам, сколько участникам событий, и это накладывало свой отпечаток на все публикации той поры. В работах тех лет показаны главным образом военные действия Красной Армии, героизм ее бойцов и командиров, политическое банкротство белогвардейщины и интервентов, меньше — социально-экономическая проблематика, роль тыла и т. д. Были поставлены вопросы о решающей роли Восточного фронта для судьбы революции в 1918—1919 гг., о специфике отдельных проявлений гражданской войны в Поволжье. Основным недостатком работ тех лет было слабое использование трудов В. И. Ленина и архивных источников, научное освоение которых только начиналось. Однако историография 20-х годов сыграла важную роль в разоблачении различных фальсификаций истории гражданской войны. На материалах Поволжья была вскрыта тщетность попыток оправдания деяний Комуца и колчаковцев. Исследования 20-х годов стали фундаментом при подготовке многотомной истории гражданской войны.

31 июля 1931 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б), одобрявшее инициативу А. М. Горького об издании истории гражданской войны в 10—15 томах. Оно знаменовало собой начало нового периода в изучении войны, длившегося до второй половины 50-х годов.

В специальном обращении к участникам гражданской войны Горький отмечал, что должно привлечь внимание исследователей:

«По Поволжью, особенно по Самаре, Уфе и т. д., — действия народной армии Комуча, поведение эсеров, меньшевиков; каждая область, каждая республика должна обнаружить свои особенности в борьбе с врагами»²⁸. Мысль Горького о необходимости изучения особенностей гражданской войны, отражения в многотомнике ее хода в Поволжье поддержал Покровский. В одном из писем Горькому по поводу предстоящего издания он выражал недоумение тем, что авторы проспекта отвели чехословацкому мятежу видятеро меньше места, чем легионам Добор-Мусницкого. Покровский поразило отсутствие упоминания о Комуче, то, что в числе городов, из-за которых шла борьба, назывался Тамбов, но не было ни Казани, ни Самары. Он считал пробелом плана непонимание роли Восточного фронта летом и осенью 1918 г. и предлагал «и октябрьским боям пролетариата, и первым, наиболее жутким моментам борьбы с белыми, и изменнической роли эсеров и началу интервенции» отвести то место, «которое они занимают объективно в ходе развертывания гражданской войны и которое они сохранили в нашей памяти»²⁹.

27 марта 1932 г. главная редакция утвердила план издания истории гражданской войны в 16 томах³⁰. Третий том включал главы: «Чехословацкое восстание. Ярославское восстание. Восстание левых эсеров. Кулацкие восстания. Контрреволюция на Урале и в Сибири. Борьба за Волгу и образование Восточного фронта». Шестой том носил название «Колчаковщина». Историко-графического и источниковедческого очерка не предусматривалось.

Материал по томам собирался параллельно. На места были отправлены многочисленные инструкции о том, как собирать материалы или писать историю гражданской войны в крае. Татарская областная комиссия содействия разослала инструкцию с предложением каждому городскому и сельскому райкомам партии выделить ответственных за собиране материалов³¹.

Задуманная большая работа не была завершена, но некоторые главы публиковались для обсуждения в журналах. Так, была напечатана статья А. Королевой «Муравьевщина», планируемая как специальная глава третьего тома. В ней автор подчеркивала, что основным фронтом гражданской войны летом 1918 г. стал Восточный фронт. Говоря о подготавливаемой Муравьевым измене, Королева приводила интересные данные о его связях с левозеровскими организациями Казани и Симбирска, с левыми эсерами, поднявшими восстание в Москве³².

Одновременно с подготовкой многотомного издания продолжали выходить сборники документов и воспоминаний³³.

В начале 30-х годов в общих работах о гражданской войне о Восточном фронте писали как об основном фронте страны летом 1918 г.³⁴, хотя в книге С. Рабиновича и появилась новая периодизация гражданской войны, сводящая войну к трем походам Антанты³⁵. Со второй половины 30-х годов в исторической литературе утвердилась оценка Южного фронта как главного фронта летом 1918 г. Это вызвало увеличение числа исследова-

ний, связанных с обороной Царицына, и резко снизило внимание историков к событиям на Восточном фронте.

Наиболее крупной работой 30-х годов о гражданской войне в Поволжье была книга Ф. Г. Попова «Чехословацкий мятеж и самарская учредилка»³⁶, четыре раза издававшаяся истпартотделом Куйбышевского ОК ВКП(б). Книга написана по архивным документам, воспоминаниям И. Майского, использованы работы В. Владимировой и др. Автор привел интересные данные о подготовке контрреволюционного мятежа в Самаре, о терроре комучевцев, о враждебности политики правых эсеров и меньшевиков интересам рабочих и трудящихся крестьян. Он объяснял временные успехи белополитических летом 1918 г. в Поволжье колебаниями среднего крестьянства и малочисленностью пролетариата, слабостью добровольческих отрядов Красной Армии.

Анализ советской историографии той поры о гражданской войне в Поволжье в 1918 г. позволяет утверждать, что во многих работах наблюдалась гиперболизация роли Комуча (Попов) или чехословацкого корпуса (И. Софинов, В. Хрулев)³⁷. Подстрекательство к мятежу и ответственность за его возникновение возлагали на правительства стран Антанты и лишь позже справедливо стали отмечать и антисоветскую деятельность правительства США и контрреволюционную политику Масарика³⁸. В. В. Хрулев, опираясь на признания комучевца Лебедева, считал, что лишь под воздействием представителей английского и французского посольств был изменен план «учредилковцев», первоначально хотевших идти на Саратов для соединения с силами южной контрреволюции, а затем решивших начать наступление в северном направлении — на Симбирск и Казань. Это утверждение Хрулева неверно, ибо изменение плана больше вызывалось готовящимся контрнаступлением Красной Армии. Софинов придерживался мнения, что положение на Восточном фронте летом 1918 г. обуславливалось состоянием обороны Царицына³⁹. Конечно, взаимозависимость между положением на фронтах была, но главным, определяющим успехи на всех других фронтах был тогда Восточный.

Особенностью историографии тех лет явилось создание биографий узкого круга активных участников гражданской войны. Больше всего работ было посвящено В. В. Куйбышеву, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаеву⁴⁰.

Характерным было и развитие локальных исследований, посвященных гражданской войне в том или ином районе. В них содержался огромный фактический материал, извлеченный из местных архивных фондов. Сам факт их появления свидетельствовал о непрекращающемся изучении истории гражданской войны в Поволжье, стремлении выявить ее специфику в отдельных районах края⁴¹.

История воинских соединений в 30-х — начале 50-х годов создавалась также весьма выборочно. Особый интерес представляли исследования о боевых действиях Волжской военной флотилии,

а также биографические очерки о некоторых погибших в боях героях гражданской войны в Поволжье⁴².

Несколько особое место по характеру аргументации и источниковедческому обоснованию среди литературы тех лет о самарском Комуче занимают статьи В. В. Гармизы, считавшего главной причиной временных успехов «учредилки» колебания среднего крестьянства. Он показал, как рабочие и большевики края решительно боролись с попытками реставрации капитализма. Вывод Гармизы о том, что «аграрная политика Комуча фактически была рассчитана на восстановление помещичьего землевладения, несмотря на демократическую одежду, в которую облекали свою политику эсеры»⁴³, представляется неточным. Правые эсеры мечтали только о буржуазных преобразованиях, факты возвращения помещиков летом 1918 г. в Поволжье были свидетельством краха их попыток найти «третий путь» в революции.

Литература 30-х — первой половины 50-х годов сыграла важную роль в разработке ряда вопросов, касающихся истории гражданской войны в Поволжье. В то время сложилась определенная группа исследователей: на смену участникам событий пришли профессиональные историки. Они стали авторами многих локальных исследований, которые были совершенно необходимы для перехода к осмыслению общего и специфического, проявившегося в отдельных районах страны в ходе защиты пролетарской революции.

Качество работ было разным. Но даже в очень декларативной статье А. С. Коньковой, рассматривавшей на материалах Самарской губернии борьбу РКП(б) за среднее крестьянство, использовались архивные данные о заготовке хлеба, деятельности политотдела 4-й армии Восточного фронта среди крестьян прифронтовой губернии (1919 г.)⁴⁴. Привлечение большого фактического материала из местных архивных фондов было тем фундаментом, на котором строилось развитие исследований о гражданской войне в крае.

Вторая половина 50-х — 60-е годы были временем деятельной и более глубокой разработки истории гражданской войны в целом, периодом, когда значительно возрос интерес к проблемам историографии. Это было вызвано прежде всего необходимостью подведения итогов и определения направлений дальнейших изысканий. Принципиально важными для изучения гражданской войны в Поволжье стали тогда историографические работы В. П. Наумова и Л. М. Спирина, привлечшие, в частности, внимание историков Поволжья к таким вопросам, как изучение роли местных большевистских организаций в разгроме белочехословацкого мятежа, их борьба с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг.⁴⁵

Изучение истории гражданской войны в Поволжье со второй половины 50-х годов было представлено несколькими взаимосвязанными направлениями. Одно из них — изучение деятельности В. И. Ленина как организатора и руководителя обороны социалистического отечества, другое — восстановление ленинской периодизации гражданской войны, отказ от преувеличения роли обороны

Царицына летом 1918 г., так называемой «пермской катастрофы» для судьбы Советской республики, признание Восточного фронта главным, решающим фронтом страны летом и в начале осени 1918 г., третья — история поволжских большевистских организаций, областей и автономных республик края.

Монографические исследования шли параллельно с публикацией огромного числа документальных и мемуарных сборников. Обобщающие труды по истории гражданской войны в отличие от 20-х гг. создавались одновременно с разработкой отдельных проблем.

Д. М. Гринишин, Н. Ф. Кузьмин, Ю. И. Кораблев и Н. Н. Азовцев изучали военно-организаторскую деятельность В. И. Ленина, убедительно показали, что в лице Ленина партия и Советское государство имеют не только гениального государственного руководителя и мудрого вождя трудящихся, но и выдающегося военного деятеля нового типа⁴⁶.

Существенно дополнили наши представления о решающей роли В. И. Ленина в создании перелома именно на Восточном фронте в 1918 г. работы А. П. Ненарокова, Н. П. Сибельдина и Р. З. Юницкой, показавшие военно-организаторскую деятельность В. И. Ленина в период становления фронта, наступления Красной Армии на Казань и Симбирск, сообщившие отдельные подробности истории ленинских телеграмм и распоряжений в связи с этими событиями⁴⁷.

Интенсивное изучение военной деятельности В. И. Ленина в годы гражданской войны показало и его выдающуюся роль как организатора разгрома армии Колчака⁴⁸.

В 60—70-е годы в научный оборот были введены новые документальные материалы, изданы специальные сборники документов, посвященные теме: В. И. Ленину и средневожжский край⁴⁹.

В последние годы историки создали ряд исследований⁵⁰, раскрывающих руководство В. И. Ленина национально-государственным и хозяйственным строительством в Поволжье, его ослабление внимание к этому району как к месту, где проходила испытание советская аграрная и продовольственная политика, где средние слои крестьянства, испытав учредилловщину, в конце лета 1918 г., раньше, чем в других аграрных районах страны, повернули в сторону активной поддержки Советов. Результаты исследований свидетельствовали о том огромном значении, которое имела разносторонняя деятельность В. И. Ленина для победоносного исхода гражданской войны в стране, о том, что Поволжский район в силу целого ряда обстоятельств был местом, которому В. И. Ленин тогда уделял особое внимание. Правда, монографической работы о В. И. Ленине и Среднем Поволжье в годы гражданской войны не было создано, на эту тему был написан ряд статей⁵¹.

В 1956 г. работами Н. Ф. Кузьмина, С. Ф. Найды, Ю. П. Петрова и С. П. Шишкина в историографии была восстановлена роль

Восточного фронта для судьбы Советской республики в ту пору⁵². Это же положение было взято за исходное при создании общих работ о начале гражданской войны в стране и монографических исследований о ее ходе в Поволжье летом — осенью 1918 г.⁵³ Выходят многочисленные сборники документов о военных действиях на Восточном фронте, мероприятиях ЦК РКП(б) по его укреплению, о работе местных партийных и советских организаций⁵⁴. Так, в первом томе сборника «Из истории гражданской войны в СССР» было впервые опубликовано «Постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта» от 29 июля 1918 г. В то же время были переизданы воспоминания активных участников гражданской войны в Поволжье К. Х. Данишевского, С. С. Каменева, В. К. Путны, М. Н. Тухачевского, опубликованы новые мемуары, в том числе А. П. Кучкина, К. А. Мерецкова, В. И. Чуйкова и других, часто изданные на местах в сборниках «За власть Советов»⁵⁵.

Авторы соответствующих разделов очерков истории большевистских организаций и истории автономных республик края, изданных в 60-х годах повсеместно⁵⁶, тогда же опубликовали монографические исследования⁵⁷. Их объединяло стремление дать общую картину хода военных действий на территории края, показать участие своих земляков в различных сражениях гражданской войны, определить роль тружеников тыла в снабжении Красной Армии оружием и обмундированием. Комплексное решение многих вопросов истории гражданской войны имело свои преимущества и недостатки, поскольку трудно было с исчерпывающей полнотой ответить на все поставленные задачи. Поэтому наряду с фактологической новизной по всем затронутым сюжетам авторы наиболее полно раскрывали сюжеты, связанные с реализацией ленинской аграрной и национальной политики в первые годы Советской власти, с деятельностью комбедов, с борьбой за хлеб, с культурным строительством.

В начале 60-х годов появляются и первые кандидатские диссертации по истории Восточного фронта в 1918 г., причем одна из них — диссертация А. П. Ненарокова — стала заметным шагом в исследовании истории фронта в целом⁵⁸. Его основные выводы сводились к следующему: события, происходившие в Поволжье летом — осенью 1918 г., привели к переходу от добровольчества к формированию первых регулярных соединений Красной Армии; на Восточном фронте складывались основные направления строительства Советских Вооруженных Сил (сюда относится и накопление опыта партийной работы во фронтовых условиях, практическое претворение в жизнь политики сочетания в войсках старых военных специалистов и талантливых представителей народа). Ненароков считал, что Поволжье было основным очагом контрреволюции летом 1918 г., и рассматривал Восточный фронт не в плане описания сражений, а прежде всего с точки зрения его роли в классовой борьбе весной и летом 1918 г., места Поволжья в планах Антанты, в использовании организационного и военного

опыта, приобретенного на этом фронте, для последующего строительства Красной Армии.

Монографическое исследование Ненарокова следует считать этапным в изучении Восточного фронта не только потому, что оно в наиболее обобщенном виде и во многом на ранее малоизвестном материале раскрывало его историю, но и потому, что явственно показало недостаточную изученность целого ряда вопросов. К таковым прежде всего относились вопросы, связанные с исследованием многогранной деятельности средневожских большевистских организаций, губернских, уездных и волостных Советов, социального и национального состава армий Восточного фронта, действующих в Поволжье, и другие ждущие своего изучения сюжеты.

Отдельные аспекты решения этих вопросов уже нашли отражение в последующих работах. Так, нельзя не согласиться с мнением Ю. И. Кораблева о том, что рабочий класс составлял основную массу отрядов, создавших перелом на Восточном фронте. По данным Б. А. Томана, в латышской дивизии, большая часть которой летом 1918 г. была отправлена на Восточный фронт, было примерно 8 тыс. бойцов, из них 2 тыс. коммунистов⁵⁹. Одновременно работами А. Х. Клеванского и Л. М. Спирина⁶⁰ было продолжено начатое еще в 20-х годах изучение социального состава мятежного чехословацкого корпуса, «народной армии» Комуча и армии Колчака. Клеванский убедительно показал неоднородность чехословацкого корпуса, того, как не сразу, «но неуклонно все большее число не только чехословацких солдат, но и офицеров начинало понимать, что вопреки своей воле они оказались втянутыми в борьбу не с «кучкой германских агентов», а с братским народом, стали орудием чуждой им и в чуждой России политики»⁶¹. Ф. Д. Волков уточнил численность легионеров, принявших участие в антисоветском выступлении — 37 451 пехотинец и 638 кавалеристов⁶². Спирин пришел к выводу, что эсерам удалось набрать в «народную армию» не более 30 тыс. человек, преимущественно из зажиточных крестьян и бывших офицеров. По его подсчетам, 166 тыс. призванных богатых крестьян, горожан, 40 тыс. офицеров и добровольцев составили костяк армии Колчака⁶³. Клеванский, а затем О. Ф. Соловьев отметили конкретное проявление связей правых эсеров с чехословацкими националистами, их социальную демагогию и ее влияние на начало мятежа легионеров⁶⁴.

Таким образом, в последние годы были предприняты попытки к установлению социального состава армий Восточного фронта и сил контрреволюции. Это пока общие данные, которые могут быть конкретизированы лишь при тщательном изучении каждой из них в отдельности. Что касается их национального состава, то называемые цифры можно воспринимать как весьма условные. Нельзя согласиться с В. Е. Евдокимовым, указавшим, что на Восточном фронте воевало примерно 75 тыс. красноармейцев-чувашей⁶⁵, если учесть, что численность армий фронта состав-

для лета 1918 г. 40—45 тыс. бойцов, осенью 1918 г. — не более 70 тыс., а весной 1919 г. — 125 тыс. красноармейцев. В составе красноармейских соединений, действовавших в Поволжье, были представители всех народов Поволжья, центральных районов страны, латышские стрелки, бойцы-интернационалисты. Национальный состав армии еще раз убедительно подтвердит единство народов страны в борьбе за Советскую власть, дружбу народов, крепнущую в процессе этой борьбы. Пока наиболее полно из армий, прямо связанных с Поволжьем, изучен В. Ф. Зипновьевым классовый и национальный состав Запасной армии республики, штаб которой в 1919—1920 гг. располагался в Казани. На основании анализа архивных источников автор пришел к заключению, что основную массу военнослужащих армии составляли русские (52—70%), затем народы Поволжья (27—33%)⁶⁶.

В последние годы продолжали широко освещаться военные действия на Восточном фронте. Авторы коллективного труда «Крах первого шашества империалистов на Страну Советов» довольно подробно характеризовали первые бои в Поволжье. С. Д. Гусаревич опубликовал данные о работе особой комиссии по снабжению Восточного фронта летом 1918 г., о числе посылаемых подкреплений в армии фронта⁶⁷. Л. М. Спириным одним из первых дан развернутую картину боев с колчаковцами в Поволжье в апреле — июне 1919 г. П. Бобылев и П. Дмитриев показали на конкретном материале, что на Восточном фронте положение вновь стало угрожающим к середине марта 1919 г., по вследствие просчета главкома И. И. Вацетиса и полевого штаба РСФСР он был признан главным фронтом только в апреле, после публикации специальных тезисов В. И. Ленина⁶⁸.

В эти годы в литературе проявилось стремление оценить значение поволжских побед Красной Армии для развертывания, с одной стороны, партизанской борьбы в Сибири, с другой — для консолидации всех контрреволюционных сил, действующих на востоке страны. М. И. Стишов выдвинул даже предположение, что именно поражение белоинтервентов в Поволжье вызвало появление осенью 1918 г. итальянцев в Красноярске, англичан в Омске и Екатеринбургe, французов в Челябинске. В. С. Познанский, в свою очередь, указал на то обстоятельство, что и борьба в Сибири с белочехословаками помогла победам Красной Армии в Поволжье, аргументируя свое положение тем, что транссибирскую магистраль «союзники» получили в свое распоряжение лишь во второй половине сентября, а потому в ходе решающих боев под Казанью и Симбирском не могли перебрасывать на Волгу необходимые комучевцам подкрепления⁶⁹.

Исследования историков империалистической интервенции дали дополнительные данные о создании и действии единого антисоветского фронта, тесных связях сил внешней и внутренней контрреволюции, инспирировании империалистами США и Антанты мятежа чехословацкого корпуса и их политики в создании армии Колчака. Г. К. Селезнев сообщил, что сентябрьское наступление

Красной Армии в Поволжье вызвало беспокойство командования чехословацкого корпуса, которое тогда же обратилось к интервентам с просьбой послать часть американских войск во главе с генералом Грэвсом на Волгу. Хотя предложение это не было осуществлено, отряд американской морской пехоты прибыл в октябре 1918 г. в Уфу. Л. А. Гвишиани назвала июль 1918 г. временем, когда фактически завершилось формирование единого антисоветского блока стран Антанты и США. О. Ф. Соловьев привел новые факты о связях интервентов с русскими мелкобуржуазными партиями, о том, как союзники всяческими путями готовили к мятежу чехословацкий корпус⁷⁰.

К работам по истории военных действий на территории края примыкают исследования о борьбе за отдельные города Поволжья⁷¹, о воинских частях и соединениях, очерки о полководцах и героях сражений. В этом направлении особенно плодотворно изучалась в последнее время история интернациональных отрядов⁷², латышских стрелков⁷³, было опубликовано большое число различных сборников, книг и статей об активных участниках событий⁷⁴, среди которых нельзя не отметить брошюру А. И. Тодорского о М. Н. Тухачевском, статью А. В. Голубева о И. И. Вацетисе и кандидатскую диссертацию Е. Н. Артемова о В. И. Чапаеве как герое гражданской войны⁷⁵. В отличие от других биографических очерков Тодорскому и Голубеву удалось показать не только полководческую деятельность Тухачевского и Вацетиса в Поволжье, но и их работу в качестве активнейших строителей регулярной Красной Армии, создававшейся в период решающих боев на Восточном фронте в 1918 г. Артемов не только обобщил обширный биографический материал о Чапаеве, но и опубликовал ряд новых фактических данных о его боевых действиях в Самарской и Саратовской губерниях, о борьбе с белоказаками и белоказаками.

Одновременно была создана история Приволжского военного округа, М. Ю. Заболотным написана кандидатская диссертация о боевых действиях 5-й Красной Армии в годы гражданской войны, написаны работы о подвигах моряков Волжской военной флотилии и летчиков Восточного фронта⁷⁶. На более широкой документальной основе ведется разработка истории советского национального военного строительства, выяснение роли Центральной мусульманской военной коллегии, поволжских национальных комиссариатов в формировании национальных подразделений Красной Армии, их участия в боевых операциях⁷⁷.

Очевидно, что исследование в этом плане должно быть продолжено, необходимо написать историю 1, 2, 4-й армий Восточного фронта, многих дивизий и полков, сформированных в Поволжье или сражавшихся на территории края, так как без этого нельзя в полном объеме представить свершенный тогда бойцами революции подвиг. Видимо, при создании таких работ следует отказаться от выборочно-иллюстративного метода описания событий, который присущ отдельным работам, строже относиться к

отбору предлагаемых данных. Так, трудно согласиться с Р. Г. Хайрутдиновым, полагающим, что число красноармейцев-мусульман в отдельных армиях Восточного фронта составляло от 30 до 70%. В подобных случаях недостаточно только ссылки на архив, как это делает автор⁷⁸, а нужно объяснение методики подсчета, убеждающей читателя.

Для современной советской историографии характерно все возрастающее внимание к истории РКП(б) и ее местных организаций. Поволжские большевистские организации в годы гражданской войны работали в своеобразных условиях: на фронте и в подполье, в прифронтовой полосе и глубоком тылу, в аграрном и многонациональном районе страны. Их разносторонняя деятельность в той или иной степени отражена во всех без исключения трудах о борьбе с различными проявлениями контрреволюции в Поволжье.

Рассмотрим лишь те произведения, в которых история партийных организаций края является специальным предметом исследования. К ним относятся прежде работы о партийном строительстве в Татарии и Чувашии, в Самарской, Казанской и Симбирской губерниях⁷⁹. Ю. П. Петров был одним из первых, кто показал роль партийных мобилизаций в Красную Армию, в том числе и на Восточный фронт, как решающего фактора в его укреплении. Он сообщил о том, что несколько тысяч поволжских коммунистов приняли участие в боях с белогвардейцами, а также в укреплении прифронтового тыла⁸⁰. В кандидатских диссертациях Г. С. Женжерухи, Е. Ф. Кривошеенковой, В. П. Спидорова, В. И. Шабалина, Л. М. Константиновой раскрывается деятельность средневожских коммунистических и комсомольских организаций по политическому воспитанию масс и их мобилизации на разгром врага, по формированию красноармейских подразделений. Особое внимание обращается на деятельность политотделов армий Восточного фронта и отдельно Реввоенсовета 2-й армии, на формы и методы ведения агитации и пропаганды⁸¹.

Значительная литература посвящена партийно-советской и армейской печати и ее значению в организации разгрома врага, деятельности в Поволжье агитпоезда «Октябрьская революция» и агитпарохода «Красная Звезда»⁸². Нельзя не отметить кандидатскую диссертацию Е. Б. Скобелкиной, в которой на большом и интересном фактическом материале показывается, как большевики Симбирской губернии в 1918—1919 гг. боролись со всякими проявлениями мелкобуржуазной контрреволюции. Она отмечает особенность этой борьбы, выразившуюся, например, в том, что блок с местными левыми эсерами здесь затянулся вплоть до ноября 1918 г., т. е. продолжал оставаться еще несколько месяцев после июльского мятежа этой партии⁸³.

В последние годы особенно плодотворно изучалась деятельность поволжских большевистских организаций по реализации ленинской национальной политики в крае: по национально-госу-

дарственному строительству, о работе национальных секций РКП(б), по разоблачению националистических воззрений⁸⁴. В то же время предпринимаются попытки создания обобщающих исследований о средневожских большевистских организациях периода гражданской войны. Однако первая монография на эту тему, созданная М. И. Романовым, была неудачной. Метод иллюстрации известных положений и отсутствие критического анализа источников не позволили автору дать глубокое решение вопроса⁸⁵. Более удачными представляются соответствующие главы из очерков истории местных партийных организаций, а также разделы, написанные М. А. Гнутовым в коллективной книге «Гражданская война в Поволжье»⁸⁶. В них подробно сообщалось о многочисленных и разнообразных мероприятиях, проводимых большевиками края, о том, что их число к марту 1919 г. составляло в Казанской губернии 1860 чел., в Самарской — 9331, в Симбирской — 3823, а осенью 1920 г. соответственно: 5038, 10112, 4431. Гнутов отмечал все возрастающую роль большевистских организаций в ходе гражданской войны. Введение в научный оборот новых фактов расширило представление о гигантском объеме работы, проводимой коммунистами Поволжья, но не сняло необходимости исследования таких важных сюжетов, как формы и методы руководства ЦК РКП(б) местными организациями, деятельность коммунистических ячеек в деревне, большевистское подполье и партийное руководство партизанским движением в период временного захвата части Среднего Поволжья белогвардейцами и интервентами в 1918—1919 гг. Поэтому насущно необходимым продолжает оставаться создание исследования по истории средневожских организаций РКП(б) в первые годы Советской власти, выработка нужного критерия соотношения историко-партийного и общего материала в проводимых изысканиях.

Значительно возросло в последние годы внимание исследователей к истории рабочего класса. Изучались вопросы, связанные с динамикой численности рабочего класса края, национализацией промышленности, хозяйственным строительством, оборонными мероприятиями, деятельностью профсоюзов. В результате было установлено, что к осени 1918 г. в районе Среднего Поволжья насчитывалось 57 762 промышленных рабочих, что степень их концентрации на действующих предприятиях, за исключением оборонных, была невысокой. В отличие от существовавших представлений о непрерывном росте числа рабочих в Поволжье, было выяснено, что этот рост (более чем на 21 тыс. человек к концу 1920 г.) шел неравномерно: в конце 1919 г. численность рабочих в Симбирской губернии понизилась до 7,4 тыс., к концу 1920 г. возросла до 19,5 тыс. человек. Стало более очевидным значение Среднего Поволжья как тыловой базы страны, где благодаря эвакуации петроградских предприятий были увеличены производственные мощности заводов, делающих порох, патроны, артиллерийские орудия, ремонтирующих суда Волжской военной

флотилии, посылающих на фронт мыло, обмундирование и медицинские каменты⁸⁷.

Несмотря на явное увеличение числа исследований о рабочем классе Поволжья⁸⁸, расширение их тематики, многие вопросы, связанные, например, с участием пролетариев края в строительстве Красной Армии, в сражениях гражданской войны, еще ждут своего изучения.

Намного больше известно теперь о роли пролетариата в углублении социалистической революции в деревне. Именно этой проблеме посвящена книга В. М. Селунской, подсчитавшей, что в 1918 г. в Казанской, Самарской, Симбирской и Саратовской губерниях работало примерно 17% всех коммунистов, бывших тогда в деревне, что тогда же Поволжье (среди Центрально-промышленного, Петроградского, Северо-западного и Центрального земледельческого районов) занимало второе место по насыщенности продотрядами и четвертое место по темпам организации комбедов⁸⁹.

О роли рабочего класса в организации и деятельности комбедов, продовольственных отрядов, первых коллективных и советских хозяйств пишут многие авторы. Наиболее полно историками Поволжья изучены продовольственная политика и формы ее осуществления в крае, деятельность комбедов и продотрядов, история первых колхозов и совхозов, меньше — работа сельских Советов, участие рабочих в органах управления.

Глубокое локальное изучение становления военно-политического союза пролетариата и трудящегося крестьянства вызвали разногласия среди историков об этапах его развития, причинах и значении колебаний части среднего крестьянства. Одни (В. А. Кадейкин, М. Е. Плотникова) считают, что главной причиной падения Советской власти в Сибири летом 1918 г. были не колебания середняка, а мятежи кулаков, белочехов, белогвардейцев, а также интервенция (по мнению Ю. А. Полякова, именно чехословацкий корпус создал «решающую военную предпосылку для падения Советской власти на огромной удаленной от границ территории Поволжья, Урала, Сибири»⁹⁰). Другие (Е. И. Медведев, А. П. Ненароков) пишут о решающей роли колебаний среднего крестьянства во временном свержении Советской власти в Поволжье. Основную причину перелома в настроении середняка и поворота его на сторону Советской власти в Поволжье А. Ф. Данилевский, Н. В. Дудченко, И. С. Мутовкин видят в деятельности местных партийных организаций, продотрядов и комбедов, т. е. в субъективных факторах, В. В. Гармпаза, А. Л. Литвин — в объективных, в личном опыте крестьянства, испытавшего режим учредивщины⁹¹.

Обстоятельное исследование истории гражданской войны не возможно без изучения сил контрреволюции, партий и групп, противостоящих большевикам. Поволжские события, связанные с банкротством мелкобуржуазных партий, нашли свое отражение в монографических исследованиях К. В. Гусева, С. Н. Канева

и Л. М. Спирина. Специального исследования о крахе мелкобуржуазных партий в Поволжье еще нет, но подступы к ней сделаны в кандидатских диссертациях Д. С. Точеного и С. Ш. Овруцкой, изучивших политическую борьбу в Советах Среднего Поволжья в 1917 — начале 1918 г. и несостоятельность действий саратовских эсеров в 1917 г.⁹² В. В. Гармиза написал наиболее крупное и основательное произведение о крушении самарского Комуча⁹³. В. Я. Воробьева показала крах меньшевистской контрреволюции в Поволжье и Сибири⁹⁴.

Характерным для современной историографии банкротства мелкобуржуазных партий является метод сравнения деятельности, например самарского Комуча и Временного сибирского правительства. Это позволило наблюдать общие закономерности крушения эсеровских правительств, а также специфику их действий в разных районах страны.

Заметно активизировалось изучение левых течений мелкобуржуазных партий, особенно партии «революционного коммунизма», возникшей по инициативе саратовских левых эсеров, не согласных с антисоветским мятежом своих бывших лидеров. Им посвящены работы М. О. Саградьян и Ю. И. Шестака⁹⁵. Дальнейшее плодотворное изучение темы связано со сравнительным анализом программ других левых партий и группировок, с определением специфики того нового, что вносили поволжские большевистские организации в тактику отношений с ними, по привлечению лучших из них в ряды РКП(б), на сторону Советской власти.

Одновременно ведется исследование истории борьбы с кулацкими мятежами и контрреволюционными заговорами, в том числе и теми, которые были на территории Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Отдельные данные об этих мятежах и заговорах содержатся в общих работах⁹⁶, конкретные факты о разгроме наиболее крупных кулацких мятежей — в статьях и брошюрах, кандидатских диссертациях⁹⁷. Эти исследования касаются отдельных, наиболее известных проявлений классовой борьбы в деревне, но, взятые изолированно, они не воссоздают целостной картины, по существу непрерывной борьбы государства диктатуры пролетариата с различными контрреволюционными выступлениями. В этом смысле история борьбы с антисоветскими мятежами и заговорами еще только становится предметом специального исследования.

В 1974 г. в Казани и Саратове были изданы обобщающие труды о гражданской войне в Поволжье⁹⁸. Первый из них был написан коллективом авторов и охватывал регион Среднего и Нижнего Поволжья, второй — Е. П. Медведевым, который сосредоточил внимание на событиях гражданской войны в Среднем Поволжье. Обе книги отражают достижения современной советской историографии, а также уровень исследования отдельных, конкретных вопросов.

Таким образом, в последние годы явно проявилась тенденция к созданию общих работ, к углубленному изучению историко-пар-

тийной тематики, социальных процессов в деревне, специфики классовой борьбы, национально-государственного строительства, истории поволжской контрреволюции. Однако целый ряд проблем еще не стал предметом монографического исследования. К ним в первую очередь относятся вопросы, связанные с историей рабочего класса края, культурного строительства, формирования кадров национальной интеллигенции. Без их решения нельзя представить дальнейшее развитие историографии гражданской войны в Поволжье.

- ¹ *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. М., 1972; *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964; *Васковский О. А.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе.— В кн.: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967, с. 3—165; *Зевелев А. И.* Историография Советского Туркестана. Ташкент, 1968; *Данно Д. Д.* Историография гражданской войны в Центральном Черноземье. Воронеж, 1977; *Плотникова М. Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918—первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974; и др.
- ² *Партийный архив Татарского ОК КПСС, ф. 36, д. 345, л. 89.*
- ³ *Подвойский Н.* Правда о чехословаках. М., 1918; *Муна А.* Кто такие чехословаки? М., 1918; Кто за их спиной? М., 1918; и др.
- ⁴ Годовщина первой революционной армии. М., 1920; *Мельник М.* Правда о восстании. Бугульма, 1920.
- ⁵ Собрание телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. М., 1918.
- ⁶ Газета «Знамя революции» (Казань) 17 сентября 1918 г. призвала участников боев «восстановить события», так как это нужно для истории.
- ⁷ Революционная война. М., 1919. сб. 1, с. 59.
- ⁸ Фронты Красной Армии и Флота М., 1920. с. 25—26; *Берзин Р.* Этапы в строительстве Красной Армии.— Революционный фронт. Харьков. № 1, с. 40.
- ⁹ Агитпартпоезда ВЦИК. М., 1920. с. 5; *Лауис М.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, с. 17, 58.
- ¹⁰ Пролетарская революция, 1928, № 4, с. 45—88.
- ¹¹ См.: *Лелевич Г.* Обзор литературы о самарской учредилке.— Пролетарская революция, 1922, № 7, с. 225—229; *Он же.* Литература о самарской учредилке.— Пролетарская революция, 1924, № 8/9, с. 366—373; *Фурманов Д.* Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне.— Пролетарская революция, 1923, № 5, с. 321—341, *Он же.* Обзор литературы о самарской учредилке.— Красная быль, Самара, 1923, № 3, с. 147—150. *Пионтковский С.* Обзор литературы по истории пролетарской революции в России.— Печать и революция. 1923. № 2, с. 99—107;
- ¹² *Троцкий В.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1929; *Он же.* 1919 год в Средневолжском крае. М.; Самара, 1932; *Троцкий В., Демидов А. Д.* 1920 год в Средневолжском крае. М.; Самара, 1934.
- ¹³ *Алексеев В. П.* Два года борьбы. Ульяновск, 1927; *Гай Г. Д.* В боях за Симбирск. Ульяновск, 1928.
- ¹⁴ См.: Красная Армия, 1921. № 5/6, с. 85—86.
- ¹⁵ *Подгорецкий К.* Борьба за Казань (август — сентябрь 1918 г.); *Шведов П.* Разгром 5-й армии.— Сб. Военно-научного общества при Военной академии. М., 1922. кн. 3. с. 3—39, 40—58.
- ¹⁶ См.: *Буревои К.* Распад. 1918—1922. М., 1923; *Майский П.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923; *Луначарский А.* Бывшие люди. М., 1922. с. 50—52. *Покровский М.* Что установил

- процесс так называемых «социалистов-революционеров». — В кн.: Покровский М. Н. Октябрьская революция: Сб. статей, 1917—1927. М., 1929, с. 283—342.
- ¹⁷ *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1922, с. 8, 11. См. также: *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России (1917—1920). М., 1965, с. 128; и др.
- ¹⁸ *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М.; Л., 1927; *Она же.* Левые эсеры в 1917—1918 гг. — Пролетарская революция, 1927, № 4, с. 121—122.
- ¹⁹ *Миц И.* Меншевики в интервенции. М.; Л., 1931, с. 78, 92—96; *Панкратова А.* Политическая борьба в российском профдвижении. 1917—1918 гг. Л., 1927, с. 137—139.
- ²⁰ *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970, с. 21.
- ²¹ Боевая работа Красной Армии и Флота (1918—1923). М., 1923, с. 6; Краткий очерк истории гражданской войны. Л., 1925, с. 51; *Анишев А. П.* Очерки истории гражданской войны (1917—1920). Л., 1925, с. 149, 246.
- ²² *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М.; Л., 1925, т. 1, с. 35, 229; т. 2, 1926.
- ²³ *Гусев С.* Свяжские дни (1918 г.). — Пролетарская революция, 1924, № 2, с. 100—109; *Путна В.* Восточный фронт (штрихи). М., 1927; *Мовчин Н.* Комплектование Красной Армии. Л., 1926; *Оликов С.* Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л., 1926; Пять лет партийно-советского строительства в Симбирской губернии. Симбирск, 1922; *Котов Г.* Расслоение средневожжской деревни. Самара, 1928; *Гурьев Н.* Чапанная война. Сызрань, 1924; *Колесников И.* Военные действия на территории Самарской губернии в 1918—1921 гг. Самара, 1927; и др.
- ²⁴ *Вишневский В.* Боевая правда о действиях Волжской военной флотилии на рр. Волге, Каме и Белой в 1918 г. — Мор. сб. Л., 1924, № 9, с. 96—100; *Стасевич П.* Кампания Волжской флотилии на р. Каме в 1919 г. Л., 1930; и др.
- ²⁵ *Гай Г.* Первый удар по Колчаку. М., 1926; *Кугаков И. С.* Чапаевым по уральским степям. М.; Л., 1928; Гражданская война в Среднем Поволжье. М.; Самара, 1930; *Антонов-Овсеенко В.* Записки о гражданской войне. М.; Л., 1932, т. 3, с. 5; *Геронимус А.* Основные моменты развития партийно-политического аппарата Красной Армии в 1918—1920 гг. — В кн.: Гражданская война. 1918—1921. М.; Л., 1928, т. 2, с. 115.
- ²⁶ Гражданская война, 1918—1921. М.; Л., 1930, т. 3, с. 73.
- ²⁷ История ВКП(б). М.; Л., 1930, т. 4, с. 358—360; *Пионтковский С.* Гражданская война в России: Хрестоматия. М., 1925.
- ²⁸ *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953, т. 26, с. 118. См. также: *Найда С. Ф., Рыбаков М. В.* Роль А. М. Горького в организации издания «Истории гражданской войны в СССР». — Вопр. истории, 1958, № 8, с. 72—83; и др.
- ²⁹ См.: *Говорков А. А.* К вопросу об участии М. Н. Покровского в работе над «Историей гражданской войны в СССР». — Тр. Том. ун-та. Сер. ист., Томск, 1972, т. 231, с. 123.
- ³⁰ История гражданской войны: План издания, утвержденный главной редакцией 27 марта 1932 г. М., 1932.
- ³¹ См.: Инструкция по организации в районах ТАССР работ по выявлению и собиранию материалов и документов по «Истории гражданской войны». Казань, 1931. На рус. и татар. яз.
- ³² Борьба классов, 1935, № 6, с. 39—47.
- ³³ *Данишевский К., Каменев С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. Сб. 1; *Колбин И.* Борьба за Волгу и Каму в 1918 г. М.; Л., 1931; *Колчаковщина. М.; Самара, 1932; Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Казань, 1933; и др.*
- ³⁴ *Голубев А.* Гражданская война. 1918—1920. М., 1932, с. 86.
- ³⁵ *Рабинович С.* История гражданской войны. М., 1933, с. 38.
- ³⁶ *Попов Ф.* Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. М.; Самара, 1932—1937.
- ³⁷ *Софинов П.* Чехословацкий мятеж. — Ист. журн., 1940, № 12, с. 47—60; *Хрулев В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940.

- ³⁸ *Гроль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955.
- ³⁹ *Хрулев В.* Указ. соч., с. 45; Ист. журн., 1940, № 12, с. 56.
- ⁴⁰ *Папратова А.* Чапаев.— Борьба классов, 1934, № 12, с. 32—40; В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье (1916—1919). Куйбышев, 1936; и др.
- ⁴¹ 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936; *Бубеннов М., Вилев А.* Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 г. Казань, 1939; *Чистов Б.* Симбирск в годы гражданской войны. Ульяновск, 1954; *Мухарямов М.* Из истории иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Татарии (1918—1920). Казань, 1954; *Петров И.* Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Чебоксары, 1954. Вып. 1; и др.
- ⁴² *Бернштам Н. М.* Волжская флотилия. М., 1933; *Мордвинов Р. Н.* Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920). М., 1952; Жизнь замечательных людей в Казани. Казань, 1940—1941. Кн. 1—2.
- ⁴³ *Гарлиза В.* Из истории самарской учредилки.— Ист. журн. 1940, № 8, с. 33—43; *Он же.* Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с самарской учредилкой.— Ист. зап., 1955, т. 53, с. 29—49.
- ⁴⁴ *Гонькова А.* Борьба Коммунистической партии за среднее крестьянство в годы гражданской войны (1918—1919 гг.): По материалам Самарской губернии.— В кн.: Тр. МГПИИ. М., 1954, т. 6, с. 22—23, 57.
- ⁴⁵ *Наумов В. П.* К историографии белочешского мятежа в 1918 г.— Учен. зап. Акад. обществ. наук. 1958, вып. 40, с. 142—180; *Спирин Л. М.* Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг.— Вопр. истории КПСС. 1966, № 4, с. 101—108.
- ⁴⁶ *Гринишин Д. М.* О военной деятельности В. И. Ленина. Киев, 1970, с. 169; *Кузьмин Н. Ф.* В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920). М., 1958; с. 122; *Кораблев Ю. П.* В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, с. 306—321;
- Азовцев Н. П.* В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971, с. 151.
- ⁴⁷ *Ненароков А. П.* В. И. Ленин и создание Восточного фронта (1918).— Воен.-ист. журн., 1968, № 12, с. 3—12; *Сибельдин Н. П.* Роль В. И. Ленина в создании перелома на Восточном фронте.— Вопр. истории КПСС. 1962, № 3, с. 101—112; *Юницкая Р. З.* В кольце фронтов.— Вопр. истории КПСС, 1968, № 4, с. 85—93.
- ⁴⁸ См.: *Спирин Л. М.* Коммунистическая партия — организатор разгрома Колчака.— Вопр. истории, 1956, № 6, с. 27.
- ⁴⁹ В. И. Ленин и Татария. Казань, 1964; 2-е изд. Казань, 1970; В. И. Ленин и Самара. Куйбышев, 1966; В. И. Ленин и Симбирск. Ульяновск, 1968; В. И. Ленин и трудящиеся Чувашии. Чебоксары, 1970; и др.
- ⁵⁰ *Сайдашева М. А.* В. И. Ленин и социалистическое строительство в Татарии (1918—1923). М., 1969; *Соколов С. А.* В. И. Ленин и хозяйственное строительство в годы гражданской войны. Саратов, 1969; и др.
- ⁵¹ *Мухарямов М. К.* В. И. Ленин и Восточный фронт.— Коммунист Татарии, 1968, № 9, с. 16—22; *Медведев Е. П.* В. И. Ленин и гражданская война на Средней Волге.— Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та, 1970, вып. 71, с. 53—74; *Гнутов М. А.* В. И. Ленин и Восточный фронт. 1918.— Краевед. зап. Ульяновск, 1971, вып. 3, с. 52—114.
- ⁵² *Кузьмин Н., Пайда С., Петров Ю., Шишкин С.* О некоторых вопросах истории гражданской войны.— Коммунист, 1956, № 12, с. 56—58; *Пайда С. Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958, с. 106—111.
- ⁵³ История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. *Антонов А. Е.* Боевой восемнадцатый год. М., 1964; *Медведев Е. П.* Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 г. Куйбышев, 1959; *Попов Ф. Г.* За власть Советов: Разгром самарской учредилки. Куйбышев, 1959; и др.

- ⁵⁴ Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922). М., 1957; Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960—1961. Т. 1—3; Самарская губерния в годы гражданской войны (1918—1920). Куйбышев, 1958; Симбирская губерния в годы гражданской войны. Ульяновск, 1958—1960. Т. 1—2; Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской области. Чебоксары, 1960; Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Казань, 1961; и др.
- ⁵⁵ *Кучкин А. П.* В боях и походах от Волги до Енисея. М., 1969; *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968; *Чуйков В. И.* Закалялась молодость в боях. М., 1968; За власть Советов. Казань, 1960. Ч. 2; За власть Советов. Йошкар-Ола, 1957; Боевое прошлое. Куйбышев, 1958; и др.
- ⁵⁶ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ульяновск, 1964. Ч. 1; Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1962; 2-е изд. Казань, 1973; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2; История Татарской АССР. Казань, 1968; и др.
- ⁵⁷ *Румянцев М. В.* Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. Чебоксары, 1963; *Пашуков В. Ф.* Марийский край в годы гражданской войны (1918—1920). Йошкар-Ола, 1963; *Петров Н. Е.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1968; *Мухарямов М. К.* Гражданская война в Татарии (1918—1919). Казань, 1969; и др.
- ⁵⁸ *Неронов Н. Н.* Коммунистическая партия — организатор борьбы с иностранной интервенцией и внутренней контрреволюцией на Восточном фронте в 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; *Ненароков А. П.* Восточный фронт летом 1918 г. и вопросы строительства Красной Армии: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1962; *Он же.* Восточный фронт. 1918. М., 1968.
- ⁵⁹ *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, с. 292; *Томан Б. А.* Борьба латышских стрелков за Советскую власть в 1918 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966, с. 11.
- ⁶⁰ *Клеванский А. X.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; *Спириин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.
- ⁶¹ *Клеванский А. X.* Указ. соч., с. 265.
- ⁶² *Волков Ф. Д.* Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России.— *Вопр. истории*, 1971, № 2, с. 103.
- ⁶³ *Спириин Л. М.* Указ. соч., с. 258, 290.
- ⁶⁴ *Клеванский А. X.* Указ. соч., с. 211; *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники. М., 1968, с. 230—234.
- ⁶⁵ *Евдокимов В. Е.* Деятельность Коммунистической партии по мобилизации трудящихся нерусской национальности Среднего Поволжья на разгром внутренней контрреволюции и военной интервенции на Восточном фронте в 1918—1919 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972, с. 27.
- ⁶⁶ *Зиновьев В. Ф.* Опыт Коммунистической партии по интернациональному воспитанию воинов в период гражданской войны: (По материалам Запасной армии Республики). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1974, с. 210.
- ⁶⁷ Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов. М., 1973, с. 108 и др.; *Гусаревич С.* Особая комиссия по снабжению Восточного фронта (лето 1918 г.).— *Воен.-ист. журн.*, 1974, № 3, с. 89—93.
- ⁶⁸ *Спириин Л. М.* Разгром армии Колчака. М., 1957; *Бобылев П.* Определение главного фронта весной 1919 г.— *Воен.-ист. журн.*, 1974, № 7, с. 72—74; *Дмитриев П.* Использование стратегических резервов Красной Армии в весенней кампании 1919 г.— *Воен.-ист. журн.*, 1976, № 9, с. 62, 69.

- ⁵⁹ *Стишов М. И.* Большеви́стское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1962, с. 101—103; *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973, с. 272.
- ⁷⁰ *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. М., 1957, с. 140; *Гешвиани Л. А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, с. 109—115; *Соловьев О. Ф.* Подготовка и начало антисоветской интервенции Антанты.— Новая и новейшая история, 1977, № 6, с. 146—148.
- ⁷¹ *Литвин А., Мухарямов М.* Решающий рубеж. Казань, 1978; и др.
- ⁷² *Щербаков Ю. Н.* Братство, скрепленное кровью. Куйбышев, 1961; *Субаев Н. А.* Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920).— В кн.: Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965, с. 337—369.
- ⁷³ История латышских стрелков. Рига, 1972; *Томан Б. А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М., 1975; и др.
- ⁷⁴ *Нафизов Р. И.* Мулламур Вахитов. Казань, 1960; 2-е изд. Казань, 1975; *Варгин Н.* Комиссар Волжской флотилии. М., 1961; Борцы за счастье народное. Казань, 1967; и др.
- ⁷⁵ *Тодорский А. И.* Маршал Тухачевский. М., 1963; *Голубев А. В.* Первый советский главком И. И. Вацетис.— Воен.ист. журн., 1972, № 2, с. 73—83; *Артемов Е. Н.* В. И. Чапаев — воспитанник ленинской партии, солдат революции, герой гражданской войны. Куйбышев, 1974.
- ⁷⁶ Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1975; *Заболотный М. Ю.* 5-я Краснознаменная Красная Армия в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Владивосток, 1973; *Янгузов З. Ш., Юдкевич Л. Г.* Дважды Краснознаменная. Казань, 1978; *Мордвинов Р. Н.* Курсом «Авроры». М., 1962; *Приезжев С.* Боевое крещение.— Авиация и космонавтика, 1968, № 9, с. 69—72; и др.
- ⁷⁷ *Гизатуллин И. Г.* Центральная мусульманская военная коллегия (1918—1920): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1973; *Хайрутдинов Р. Г.* Осуществление Коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917—1920 гг. Казань, 1976; и др.
- ⁷⁸ *Хайрутдинов Р. Г.* На путях к советской автономии. Казань, 1972, с. 113.
- ⁷⁹ *Субаев Н. А.* Партийное строительство в Татарии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1920): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1963; *Румянцев М. В.* Коммунистические организации Чувашии в первые годы Советской власти (1917—1920). Чебоксары, 1964; *Кириши М. И.* Из истории создания губернских организаций РКП(б) в 1918—1919 гг.— Вopr. истории КПСС, 1969, № 4, с. 118.
- ⁸⁰ *Петров Ю. П.* Партийные мобилизации в Красную Армию (1918—1920 гг.). М., 1958, с. 17, 35, 64.
- ⁸¹ *Женжеруха Г. С.* Военно-организаторская деятельность Симбирской организации РКП(б) в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1972; *Кривошеева Е. Ф.* Создание и деятельность политорганов Восточного фронта в борьбе с интервентами и белогвардейцами (1918—1919 гг.). М., 1972; *Сидоров В. П.* Деятельность Коммунистической партии по политическому воспитанию трудящихся масс в годы гражданской войны: (По материалам Среднего Поволжья). Казань, 1973; *Шабалин В. И.* Создание и деятельность Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта (сентябрь 1918—июль 1919 г.). Воронеж, 1972; *Константинова Л. М.* Формы и методы партийного руководства деятельностью комсомольских организаций в годы гражданской войны: (На материалах Среднего Поволжья).— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. История КПСС. М., 1968, № 209, вып. 12, с. 175—191.
- ⁸² *Максакова Л. В.* Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919—1920). М., 1956; *Литвин А. Л.* Из истории борьбы местной печати за укрепление тыла Восточного

- фронта в 1918—1919 гг. Казань, 1961; *Сергеев М. Т.* Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1971; *Насыров Т. М.* Октябрь и печать Татарии (1917—1920). Казань, 1975; и др.
- ⁸³ *Скобелкина Е. Б.* Борьба партий большевиков против мелкобуржуазной контрреволюции в 1918—1919 гг. (По материалам Симбирской губернии). Воронеж, 1967, 74—72.
- ⁸⁴ *Шарапов Я. Ш.* Национальные секции РКП(б). Казань, 1967; *Мухарьямов М. К.* Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1969; *Хлебников А. В.* Образование и развитие советской автономии марийского народа. Йошкар-Ола, 1970; и др.
- ⁸⁵ *Романов М. И.* Средневожские партийные организации в годы гражданской войны (1918—1919). Йошкар-Ола, 1966. Подробно о кн. см. рец. А. Л. Литвина (Новый мир, 1967, № 6, с. 267—269).
- ⁸⁶ Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974, с. 120—148, 224—252.
- ⁸⁷ *Гимпельсон Е. Г.* О численности промышленных рабочих Советской республики в годы гражданской войны (1918—1920).—История СССР, 1972, № 1, с. 83—84; *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970, с. 223.
- ⁸⁸ *Белялов У. Б.* Руководство хозяйственным строительством в Татарии в годы гражданской войны (1918—1921). Казань, 1963; *Соколов С. А.* В канун великого почина: Хозяйственное строительство в Поволжье в 1918 г. Саратов, 1974; *Щербакова М. А.* Рабочий класс Среднего Поволжья в борьбе за перестройку промышленности на нужды обороны страны (1918—1920): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1973; *Назипова К. А.* Национализация промышленности в Татарии (1917—1921). М., 1976; и др.
- ⁸⁹ *Селунская В. М.* Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968, с. 198, 244.
- ⁹⁰ *Поляков Ю. А.* Некоторые вопросы расстановки классовых сил в гражданской войне.— В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975, с. 162.
- ⁹¹ Подробнее см.: *Литвин А. Л.* Комбеды Среднего Поволжья: (К историографическому изучению).— В кн.: Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969, вып. 2/3, с. 251—264; *Он же.* Гражданская война в Поволжье в современной советской историографии.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. Сб. 6, с. 31—46.
- ⁹² *Точеный Д. С.* Политическая борьба в Советах Среднего Поволжья (март—май 1918 г.). М., 1969; *Овруцкая С. Ш.* Политическое банкротство партии эсеров в 1917 г.: (По материалам саратовского Поволжья). Саратов, 1971.
- ⁹³ *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.
- ⁹⁴ *Воробьева В. Я.* Крах меньшевистской контрреволюции Поволжья и Сибири в гражданской войне и интервенции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- ⁹⁵ *Саградьян М. О.* Из истории возникновения однопартийной системы в Советской республике.— В кн.: История партийных организаций Поволжья. Саратов, 1973, вып. 1, с. 108—123; *Шестаков Ю. И.* Банкротство партии «революционных коммунистов» в Поволжье.— Поволжский край, 1975, № 4, с. 24—38.
- ⁹⁶ См.: *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Л., 1964; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Софинов П. Г.* Очерки истории ВЧК (1917—1922). М., 1960; *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925). М., 1975.
- ⁹⁷ *Лысихин Н. Ф.* Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г.— Краевед. записки, Куйбышев, 1963, вып. 1, с. 118—131; *Скобелкина Е. Б.* Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 г.— Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та. Сер. обществ. наук, 1966,

т. 22, вып. 1, с. 115—151; *Чистов Б. И.* Крах чапанного мятежа.— *Волга*, 1974, № 4, с. 142—163; *Романенко В. В.* Создание, развитие и деятельность органов ЧК и внутренних войск Советской республики в Среднем Поволжье и Приуралье в 1918—1922 гг. *Куйбышев*, 1977; *Тимофеев В. Г.* Органы милиции, суда и проку-

ратуры Чувашии в борьбе за укрепление власти Советов (1917—1928): Дис... канд. ист. наук. Горький, 1976; *Защита революции*. Казань, 1980; и др. ⁹⁸ *Гражданская война в Поволжье*. Казань, 1974; *Медведев Е. И.* *Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919 гг.)*. Саратов, 1974.

ПРОБЛЕМА РЕВКОМОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950-х ГОДОВ

Н. Ф. Бугай

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г. в нашей стране утвердилась пролетарская диктатура в форме Республики Советов. Повсюду Советы олицетворяли собой новый, по словам В. И. Ленина, более высокий, чем буржуазный парламентаризм, тип демократии — пролетарский демократизм¹. В Советах диктатура пролетариата нашла свое политическое выражение. Высшим принципом ее являлся союз рабочего класса с крестьянской беднотой.

Коммунистическая партия отводила Советам первостепенное значение. Будучи политической организацией трудящихся — рабочих, крестьян, — Советы становились органами государственной власти и управления. Они обеспечивали реальную возможность участия широких многомиллионных масс трудового народа в управлении страной.

Однако усиление военной интервенции в Советскую Республику, обострение классово-войсковой борьбы заставили провести ряд реорганизаций в советском аппарате, приспособить его к условиям войны. На значительной части территории страны вместо Советов создавались чрезвычайные органы диктатуры пролетариата — революционные комитеты (ревкомы).

Строительство революционных комитетов проводилось на основе «Положения о революционных комитетах», принятого ВЦИК 24 октября 1919 г.²

В условиях острой военной обстановки в стране ревкомы являлись временными чрезвычайными и строго централизованными органами Советской власти. Несмотря на свой чрезвычайный характер, строились ревкомы в основном на демократической основе. Их демократизм проявлялся по таким признакам, как порядок формирования: выборы и назначаемость; состав (рабочие, крестьянская беднота и красноармейцы), руководство со стороны Коммунистической партии, осуществление всех основных функ-

ций власти рабочих и крестьян, подготовка необходимых условий для передачи полноты власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Ревкомы занимали важное место в системе диктатуры пролетариата. В годы гражданской войны они сыграли решающую роль в выполнении главной задачи — защите завоеваний социалистической революции от происков внешней и внутренней контрреволюции во всех районах страны, устанавливали революционный порядок, концентрировали в своих руках политическое, военное и хозяйственное руководство рабочим классом и трудящимся крестьянством.

Дальнейшее развитие, углубление мирового революционного процесса все больше и больше способствует возрастанию внимания к изучению истории борьбы трудящихся Страны Советов, органам руководства борьбой рабочего класса и трудящегося крестьянства — военно-революционным комитетам (ВРК), ревкомам, действовавшим как в период Октябрьской революции, так и во время гражданской войны.

В последние годы изданы труды, освещающие различные аспекты проблемы: роль и место ревкомов в системе диктатуры пролетариата, осуществлением ими мероприятий, направленных на ее упрочение и т. д. Однако до сих пор нет не только обобщающей работы по историографии проблемы, но и работ, посвященных анализу изучения проблемы в различные периоды развития советской историографии.

Историография проблемы ревкомов прошла те же этапы, что и вся историография советского строительства в СССР. Частично изучение истории ревкомов было начато уже в 20-е годы. Эта литература принадлежала перу видных партийных и государственных деятелей³.

В 30—40-е годы появились первые незначительные по объему исследования, посвященные как частично, так и непосредственно чрезвычайным органам Советской власти, действовавшим на территории РСФСР⁴ и союзных республик⁵ в годы гражданской войны. Однако круг вопросов, рассматриваемых в этих трудах, был весьма узким. Авторы, как правило, исследовали одну из сторон деятельности ревкомов: организация борьбы за диктатуру пролетариата в том или ином районе страны, решение ими хозяйственных задач и т. д. Работы этого периода отличаются в целом и узкая источниковая база, не четко прослеживается в них различие, особенности деятельности ревкомов в ходе борьбы за власть и в процессе ее становления.

В 50-е годы наблюдается дальнейшее развитие исторической науки в целом. XX съезд Коммунистической партии активизировал исследования по истории советского общества на различных его этапах. Обнаружился новый подход и к изучению проблемы ревкомов. Для историографии этого периода характерно начало систематического изучения этой большой темы, заметно расширился круг освещаемых авторами вопросов. В значительной степе-

ни способствовали этому улучшение координационной исследовательской работы, получение широкого доступа к фондам архивохранилищ, использование опыта, накопленного в исследовании проблемы в 20—40-х годах.

В исследованиях 50-х годов было положено начало всестороннему изучению истории временных чрезвычайных органов Советской власти, создаваемых в 1918—1921 гг. в условиях военной обстановки, ставились многие дискуссионные вопросы проблемы.

С этого времени тема боевых чрезвычайных органов Советской власти находит и достойное место в обобщающих трудах по историко-партийной тематике, хотя в них и не ставилась цель детального исследования вопроса.

Однако попытки историографического анализа издаваемой литературы по проблеме чрезвычайных органов Советской власти в 50-е годы не делались. Известны лишь некоторые статьи, в которых частично показано развитие историографии проблемы в 50-е годы, но появление таких работ относится к более позднему периоду советской исторической науки⁶.

Публикации авторов не решают проблемы в целом. По нашему мнению, настало время глубокого освещения вопроса в историографическом плане на различных этапах развития советской исторической науки, в том числе и в 50-е годы, что, несомненно, послужило бы в первую очередь обобщению накопленного опыта в изучении проблемы, выявлению новых направлений в ее исследовании и позволило бы дать объективную оценку достигнутых исторической наукой в рамках определенного периода.

Активизации разработки проблемы чрезвычайных органов Советской власти способствовало и заметное расширение источниковой базы. Важным событием в историографии 50-х годов явилось продолжение публикации переписки В. И. Ленина по военным вопросам. В сборник были дополнительно включены и многие документы о деятельности ревкомов РСФСР, в особенности центральных губерний, а также союзных и автономных республик⁷.

В эти годы публикуются первые тома многотомного сборника документов «Декреты Советской власти».

В 50-х годах были изданы два тома, имеющие исключительно важное значение для изучения начального этапа создания военно-революционных комитетов в Советской Республике, их роли в мобилизации трудящихся масс на борьбу за торжество Советской власти, организации защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

До октября 1919 г. в советском законодательстве не существовало общего положения, которым бы определялись состав и функции чрезвычайных органов власти. Отсутствовала единая система ревкомов. Однако местные органы власти получали неоднократно письма от ВЦИК, СНК с указанием о том, как поступать в случае чрезвычайного положения в том или ином районе страны (имелся в виду захват врагами территории, подведомственной

тому или иному Совету). Одним из таких документов являлся и циркуляр ВЦИК от 2 июня 1918 г., опубликованный в сборнике «Декреты Советской власти»⁸. Были опубликованы и многие другие документы, освещающие такие функции революционных комитетов, как их работа в проведении ленинской национальной политики на местах, аграрного законодательства Советской власти, советского и партийного строительства, по постановке народного образования, здравоохранения, воплощению в жизнь социальной политики Советского государства.

В связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции проводилась большая работа и по подготовке к публикации сборников документов, посвященных борьбе трудящихся страны за власть Советов⁹. Составителями сборников обнаружены многочисленные документы и по проблеме чрезвычайных органов диктатуры пролетариата. В разделах сборников документов, посвященных борьбе за власть Советов в 1917—1921 гг. на местах, процессу восстановления Советской власти, содержатся отдельные сведения не только по организации ревкомов, но и о их деятельности. Правда, число документов второй категории весьма малочисленно, но вместе с тем они представляют несомненную ценность. Комментировать все документы о революционных комитетах, помещенные в этих сборниках, нецелесообразно. Они различны по своему объему и характеру, раскрывают отдельные этапы развития революции. Одни содержат материалы агитационного характера, другие — конкретные сведения.

Для иллюстрации рассмотрим публикацию сборника документов «Борьба за власть Советов на Кубани в 1917—1920 гг.» (Краснодар, 1957). Сборник содержит материалы о создании центрального органа Советской власти на Северном Кавказе в 1920 г. — Северо-Кавказского революционного комитета, Кубанского и Кубано-Черноморского областных ревкомов, некоторых окружных и отдельных (районных) ревкомов, о первых организаторах чрезвычайных органов диктатуры пролетариата этого края.

Значительный интерес представляет публикация инструкций и положений, на основе которых проводилось советское строительство в области в условиях чрезвычайной военной обстановки. В частности, в сборнике содержится положение Кубано-Черноморского ревкома «Об организации отдельных и окружных революционных комитетов». Анализ этого документа свидетельствует о том, что члены ревкома, учитывая аграрный характер края, особое внимание обращали на определение задач сельских ревкомов, их структуры, подотчетности и т. д.

Задачи сельских ревкомов определялись следующим образом:

«9) Организация и содействие развитию и поднятию сельского хозяйства (ремонт сельскохозяйственных машин и орудий, устройство прокатных пунктов, осушение болот, орошение, удобрение, общественная запашка пустующих земель и т. д.).

10) Охрана лесов от расхищения, содействие государственным

заготовкам леса и организация снабжения как крестьян, так и местных учреждений (школ, больниц, приютов и пр.) топливом и строительными материалами...

12) Наблюдение за чистотой и санитарным состоянием... борьба с эпидемиями и принятие мер по благоустройству станций, сел и хуторов...

14) Организация сельскохозяйственной и прочей помощи беднейшему населению станций, сел и хуторов.

15) Проведение военных мобилизаций и борьба с дезертирством из Красной Армии»¹⁰.

Следует отметить, что эти задачи были однотипными для многих ревкомов аграрных районов страны. Дополнения, изменения отдельных положений проводились ревкомами в зависимости от конкретно складывавшейся обстановки на местах.

Важным событием в документальном освещении вопроса о ревкомах в 50-е годы явились специальные тематические публикации документов о центральных военно-революционных комитетах¹¹ и ревкомах Белоруссии¹², Дальнего Востока¹³ и Сибири¹⁴.

Сборник документов о ревкомах Белоруссии — это первая публикация документов по проблеме временных чрезвычайных органов диктатуры пролетариата в 50-е годы. Через призму документов составители раскрывают особенности и основные направления деятельности ревкомов Белоруссии, показывают их роль в восстановлении и упрочении Советской власти в республике. В сборнике помещены 452 документа. Большая часть из них публиковалась впервые.

Кроме раскрытия основной деятельности ревкомов, материалы сборника в значительной степени отражают работу революционных комитетов, направленную на восстановление промышленности и организацию социалистического производства, решение топливной и транспортной проблем, восстановление сельского хозяйства, осуществление продовольственной политики Советской власти, постановку образования и здравоохранения на социалистических началах, проведение социальной политики Советского государства, подготовку и проведение выборов в Советы в Белоруссии.

Сборник о ревкомах Сибири включает 366 документов, охватывающих весь период существования Сибревкома — с августа 1917 г. по декабрь 1925 г. При этом 285 документов были опубликованы впервые.

В сводках документов нашли место все важнейшие постановления Советского правительства, касающиеся советского строительства в районах Сибири, а именно постановление ВЦИК от 27 августа 1919 г. «Об организации гражданского управления в Сибири», «Положение о Сибирском революционном комитете» от 7 октября 1919 г. и многие другие, в которых дано определение Сибирскому ревкому как центральному органу Советской власти в Сибири, существующему «на правах областного органа

власти, коему подчинены все органы гражданского управления Сибири», определяются также права, функции, штаты, финансовая сторона, структура ревкомов в Сибири, формы их взаимоотношения с партийными и военными органами, а также центральной властью. Так, в разделах о связях Сибревкома с Центром, о составе и штатах ревкома отмечается:

«3. В своей деятельности Сибревком обязан руководствоваться общегосударственными хозяйственными планами и заданиями и соблюдать все постановления и распоряжения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета труда и обороны и отдельных комиссариатов, по отношению к которым Сибревком является органом исполнительным...

8. В состав Сибревкома входят с решающим голосом представители следующих комиссариатов: Высшего Совета Народного Хозяйства и народных комиссариатов: продовольствия, внутренних дел, труда, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, путей сообщения и народного комиссариата по военным делам...

10. Штаты и сметы Сибревкома представляются на утверждение Совета Народных Комиссаров на общем основании. Штаты и сметы уполномоченных Народных Комиссариатов представляются на утверждение последних в общем порядке, с обязательным заключением Сибревкома...»¹⁵.

Эти положения брались за основу в процессе организации ревкомов в Сибири.

Сборник документов содержит значительный материал по таким важным направлениям работы Сибревкома, других губернских ревкомов (Омский, Алтайский, Енисейский, Томский, Акмолинский, Семипалатинский), входивших в его подчинение, как наведение революционного порядка в крае, борьба с остатками колчаковщины и контрреволюционными бандами, восстановление промышленного и сельскохозяйственного производства на социалистических началах, восстановление сети здравоохранения, народного образования, повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, т. е. разрешение многих задач хозяйственной и социальной политики Коммунистической партии и Советского правительства в первой половине 20-х годов.

Нет сомнения, что публикация такого рода сборника документов явилась важным вкладом в историографию проблемы революционных комитетов. Фактически им было положено и начало систематических публикаций документов о ревкомах, создаваемых на территории РСФСР.

В 50-е годы начинается публикация многочисленных сборников документов, в которых имелись отдельные ценные сведения о ревкомах других союзных республик. Так, по районам Средней Азии были опубликованы сборники документов: «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде» (Ленинабад, 1957), «Туркменистан в период интервенции и гражданской войны. 1918—1920 гг.» (Ашхабад, 1957). Из 480 документов сборника более 40 документов посвящены истории строительства

ревкомов в Закаспийской области, публикуются сведения о деятельности Закаспийского облревкома.

Из 406 документов, опубликованных в сборнике «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии» (Фрунзе, 1957), 40 документов (протоколы, приказы и т. д.) также посвящены ревкомам. Около 10 документов раскрывают роль ревкомов в проведении земельно-водной реформы, продналоговой и посевной кампании, в борьбе с кулацко-байской контрреволюцией, выступавшей против социалистических преобразований, опубликованы в сборнике «Советское строительство в аулах и селах Семиречья. 1921—1925 гг.» (Алма-Ата, 1957). Частично была осуществлена публикация документов и о ревкоммах Украины, республик Закавказья.

Документы о ревкоммах, опубликованные в этих сборниках, дают определенное представление о том, как партийные и советские органы в своеобразных местных условиях проводили в жизнь решения Коммунистической партии и Советского правительства.

Важным вкладом в изучение проблемы в 50-е годы явилось издание и переиздание многих трудов соратников В. И. Ленина, которые были руководителями временных чрезвычайных органов Советской власти на местах, направляли их работу¹⁶. В этих трудах дается высокая оценка роли Коммунистической партии в организации защиты социалистической революции в годы гражданской войны в процессе восстановления Советской власти, содержатся конкретные сведения о деятельности многих революционных комитетов, истории их создания.

В работах 50-х годов по истории ревкомов предпринималась попытка всесторонне исследовать причины и условия возникновения военно-революционных комитетов и ревкомов в период Великого Октября, триумфального шествия Советской власти и в годы гражданской войны, определить характер, типы, порядок их организации, показать работу органов, ведавших созданием ревкомов. Эти и другие вопросы содержатся в обобщающей работе А. И. Лепешкина. В «условиях гражданской войны, когда почти вся республика была охвачена военными действиями...— отмечает автор,— снова были вызваны к жизни революционные комитеты как чрезвычайные временные государственные органы на местах», которые, как известно, к октябрю 1919 г. были созданы почти на всей территории страны¹⁷.

В эти же годы предпринималась попытка изучения истории организации и деятельности ревкомов в центральных губерниях России. Исследуя роль Советов Рязанской губернии в обороне Советской Республики в 1918—1920 гг., к проблеме ревкомов обращается П. П. Гришин¹⁸. Автор, освещая частично историю создания Рязанского губревкома, рассмотрел и вопрос о некоторых уездных ревкоммах губернии, показал их работу по организации защиты губернии в связи с прорывом денкинской конницы в тылы Советской Республики, выполнение ревкоммами губернии

директивы ЦК РКП(б) от 23 августа 1919 г. «О мерах борьбы с интервентами на Южном фронте».

В работах локального характера авторы предпринимали попытки опубликовать данные о численности чрезвычайных органов Советской власти и их размещении на территории страны в годы гражданской войны. Это не случайно. Число ревкомов, анализ их размещения и деятельности позволяет всесторонне выяснить степень охвата территории процессом советского строительства в 1918—1921 гг., а главное, определить прочность позиций чрезвычайных боевых органов Советской власти на местах, ее возрастающий авторитет среди трудящихся масс. Данные численности ревкомов свидетельствуют и об объеме работы их по управлению губерниями, областями, уездами и волостями страны, который приходилось выполнять этим органам власти в условиях военного времени.

Впервые попытка установить общее число губернских ревкомов, создававшихся на территории европейской части РСФСР, была предпринята Л. В. Люцаревой. По подсчетам автора, на указанной территории было образовано 28 губернских революционных комитетов¹⁹. В статье частично показано также распределение ревкомов на территории европейской части РСФСР по типам, предусмотренным положением ВЦИК о революционных комитетах от 24 октября 1919 года, а именно ревкомов местностей, освобожденных от неприятеля, прифронтовой полосы, тыла²⁰. Однако автор в решении этой проблемы не выявила прежде всего тех критериев, на которых основывалась данная классификация и можно было бы провести более точные подсчеты числа всех трех типов ревкомов. Поэтому автору пришлось ограничиться лишь упоминанием, например, о существовании такого типа ревкомов, как тыловые.

Стремительное наступление частей Красной Армии на врага способствовало быстрому изменению военной и политической обстановки в том или ином регионе страны, а это влекло за собой перестройку характера и форм работы ревкомов.

Освобождение новых территорий от противника способствовало установлению в них власти рабочих и крестьян, созданию органов руководства политической и народнохозяйственной жизнью. В районах Дальнего Востока создавались чрезвычайные органы власти — народно-революционные комитеты. В 50-е годы были опубликованы первые статьи, посвященные определению назначения этого вида ревкомов, содержания их работы, выявлению партийного, социального и национального состава. Начало изучению этого вида ревкомов положено В. С. Флеровым²¹.

Касаясь проблемы ревкомов Дальнего Востока и Сибири в целом и определяя степень ее разработки в 50-х годах, заметим, что в этот период появились публикации о чрезвычайных органах Советской власти почти по всем районам этого обширного края. Особый интерес представляли работы, в которых освещалась не только история их создания, но и практические мероприя-

тия по сплочению трудящихся масс на борьбу за власть Советов, а также конкретные исследования отдельных губернских и уездных чрезвычайных органов Советской власти на Дальнем Востоке²².

Авторы, исследуя деятельность ревкомов на Дальнем Востоке, вскрывают ошибочные положения, встречавшиеся в ранее изданных трудах по проблеме. Так, М. В. Соколова высказывает свое несогласие с утверждением Н. А. Жихарева и других исследователей о якобы неревOLUTIONном характере деятельности Камчатского облвоенревкома в 1920 г.²³ Точку зрения М. В. Соколовой поддерживает позднее Б. И. Мухачев²⁴. Автор раскрывает роль Камчатского облвоенревкома в восстановлении Советской власти и дает высокую оценку его революционной деятельности. «К концу 1919 года,— пишет Б. И. Мухачев,— ревкомовцам удалось распропагандировать главную опору колчаковцев — солдатскую команду... Свергнуть власть колчаковцев в Петропавловске»²⁵, «установить связи» с другими революционными центрами на Камчатке.

В эти же годы начинается изучение истории чрезвычайных органов Советской власти в районах Восточной и Западной Сибири, а также на Алтае. В частности, была опубликована серия статей, монография и подготовлена диссертация В. Т. Агалаковым о строительстве ревкомов, их деятельности по разным направлениям развития народного хозяйства, культуры в Восточной Сибири²⁶. Автору принадлежат многие начинания в расширении круга вопросов по проблеме, выявлении новых архивных материалов, обосновании конкретных заключений о ревкомах Сибири как чрезвычайных, временных, гибких органах власти, способных проводить свою работу в сложной обстановке военного времени, при крайне малом наличии опытных партийных и советских работников.

Новым в исследованиях В. Т. Агалакова явилось и стремление установить четкие грани различия и сходства военно-революционных комитетов периода Великой Октябрьской социалистической революции с ревкомами периода гражданской войны. Правильное разрешение этого вопроса в историческом плане имеет принципиальное значение, позволяет прежде всего устранить распространенную в работах 20—40 годов ошибку, сущность которой сводилась к отождествлению военно-революционных комитетов периода Октября и ревкомов, существовавших в годы гражданской войны. Это способствовало и точному определению функций, задач, направлений деятельности, форм взаимоотношений различных органов власти трудящихся, действовавших на разных этапах развития социалистической революции, в процессе упрочения ее завоеваний.

Однако пока это была только первая попытка. В. Т. Агалаков замечает по этому поводу: «Как известно, ревкомы впервые возникли во время подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Они сначала явились органами

захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, а в ходе борьбы с буржуазией и помещиками превращались в органы государственной власти. Взяв власть в свои руки, ревкомы, руководимые коммунистами, устанавливали революционный порядок, создавали условия для передачи, а затем и передавали все свои функции Советам. Так было везде, в частности и в Сибири. Выполнив свою историческую роль, ревкомы прекращали свое существование. Однако в годы гражданской войны и иностранной интервенции они снова возникали»²⁷.

Таким образом, В. Т. Агалаков указывает на отсутствие какого бы то ни было различия между ВРК периода Октября и ревкомами периода гражданской войны. Концепция автора носит, безусловно, спорный характер и явится предметом дискуссии в историографии 60—70-х годов.

История ревкомов Алтая нашла освещение в статье И. И. Крамаренко. Автор впервые рассмотрел, хотя и кратко, не только вопросы руководства Алтайской губернской партийной организацией строительства сети чрезвычайных органов власти на Алтае, но и показал их роль в направлении борьбы трудящихся масс за восстановление и упрочение Советской власти, осуществлении ими первых социалистических преобразований в крае. Он вскрывает также трудности работы чрезвычайных органов Советской власти в национальных районах Алтая, обусловленные, как отмечает автор, многосословностью и многонациональностью края.

Однако следует заметить, что автору далеко не полностью удалось показать партийное руководство ревкомами. Обобщающий характер статьи потребовал параллельного рассмотрения и целого ряда других проблем, поэтому многие вопросы организации и деятельности ревкомов Алтая освещены недостаточно. Нельзя согласиться, например, и с отдельными высказываниями автора, в частности о процессе строительства ревкомов в Сибири и на Алтае, как якобы идущего «только сверху вниз», а также не проведена четкая грань между принципом выборности и назначением чрезвычайных органов власти, узко определены сферы и каналы партийного руководства ревкомами. В связи с этим не верно и утверждение автора о существовании большевистских фракций в ревкомах²⁸.

На одну из ошибок в работах И. И. Крамаренко указал В. И. Шишкин²⁹, а именно неверный вывод о том, что благодаря ревкомам «в основном было сломлено сопротивление контрреволюции и подавлены кулацкие мятежи», в то время как военно-организаторская работа ревкомов по борьбе с кулацкими мятежами только подорвала их силы.

Исследователи истории Сибири, Казахстана выдвинули еще одну проблему — участие органов Красной Армии в создании и деятельности ревкомов, а также их аппарата³⁰. Правда, основная задача этих исследований сводилась к освещению роли политорганов армии в строительстве ревкомов и мало что говорилось о руководстве работой ревкомов со стороны Красной Армии,

т. е. сбрасывалась со счетов созидательная деятельность Красной Армии. В этой связи пока еще слабо освещалась и деятельность специально создаваемых в структуре Красной Армии армейских органов полевого военного контроля, крестьянских секций, секций ревкомов, отделов по советскому строительству, военно-революционных трибуналов и т. д., не рассматривались пока и вопросы взаимоотношений ревкомов как с фронтовыми, так и тыловыми военными органами. Одним словом, проблема была только поставлена. Шел процесс поиска путей ее разрешения.

Исследование проблемы ревкомов на Урале было продолжено в диссертации М. Н. Мельникова и статье К. Н. Андреева³¹. Авторы использовали большой архивный материал по истории создания ревкомов в губерниях Урала — Челябинской и Пермской, показали организационную работу ревкомов. Работы содержат интересные сведения о деятельности уездных ревкомов по восстановлению промышленности, сельского хозяйства, о руководителях чрезвычайных органов власти.

В начале 50-х годов продолжалось изучение проблемы чрезвычайных органов власти в Поволжье. Среди работ, посвященных непосредственно военно-революционным комитетам Поволжского края, следует назвать статьи И. Ф. Кондрашова³², В. И. Писарева³³, Н. А. Андрианова³⁴, а также других авторов³⁵.

И. Ф. Кондрашов продолжил исследование деятельности Астраханского революционного комитета, начатое еще в 40-х годах Г. Черновой. В его статье впервые раскрывается всесторонняя деятельность на посту предревкома посланца Коммунистической партии на юге Советской Республики — С. М. Кирова, практическая работа руководимого им Астраханского ревкома по мобилизации трудящихся масс на борьбу с внутренней контрреволюцией. В своей статье И. Ф. Кондрашов не касался таких вопросов, как роль и место ревкомов в системе диктатуры пролетариата, не выяснял характер Астраханского военно-революционного комитета, не раскрывал его связи с губернскими партийными органами. Однако статья имеет большой научный интерес, написана на основе новых документов. Проблема революционных комитетов Поволжья в эти годы затрагивалась также в других работах.

Если И. Ф. Кондрашов и другие авторы сосредоточивали большее внимание на деятельности губернского Астраханского ревкома, создававшегося непосредственно в ходе гражданской войны в Нижнем Поволжье, то Л. Е. Вереин свою работу посвятил анализу условий образования в Астраханском крае чрезвычайного органа власти — Астраханского военно-революционного комитета в процессе установления власти Советов. Автор раскрывает деятельность военно-революционного комитета, направленную на мобилизацию трудящихся масс, организацию отрядов Красной гвардии, проведение агитационно-пропагандистской работы и т. д.³⁶

Во второй половине 50-х годов была опубликована монография М. И. Гиоева о революционных комитетах Северной Осетии — одного из национальных районов Северного Кавказа³⁷. Это первое комплексное исследование о ревкомех национального района не только на Северном Кавказе, но и вообще на юге страны. Хотя объем работы небольшой, автор сумел верно определить круг вопросов для исследования проблемы. На основе фактического материала им воссоздана картина организации ревкомов на территории бывшего Осетинского округа Терской области, показана роль чрезвычайных органов власти в борьбе с белогвардейско-кулацкими мятежниками за восстановление Советов. Автору удалось на конкретных примерах проследить процесс непрерывного расширения советской демократии в национальном районе Северного Кавказа, вскрыть его закономерности.

М. И. Гиоевым освещена, правда в недостаточном объеме, деятельность ревкомов Северной Осетии по восстановлению народного хозяйства, в особенности сельского, созданию школ, больниц, учреждений социального обеспечения. Автор впервые обращает внимание на революционные комитеты, создававшиеся в тылу врага на Северном Кавказе, раскрывает их главное назначение — подготовку трудящихся Северного Кавказа к восстанию против врагов Советской власти еще задолго до подхода основных частей Красной Армии.

М. И. Гиоев ставит и вопрос об определении места и роли ревкомов в системе диктатуры пролетариата и делает вывод, что революционные комитеты Северной Осетии, следуя указаниям Центрального Комитета партии, совместно с подпольными организациями РКП(б) стали руководителями вооруженной борьбы против деникинщины.

В 50-е годы деятельности ревкомов на Северном Кавказе частично касались Х. М. Бербеков³⁸, К. К. Красильникова³⁹, Н. И. Иванько⁴⁰, Н. Эмиров⁴¹ и другие авторы⁴².

В названных работах рассматривается широкий круг вопросов борьбы трудящихся края за Советскую власть, в частности показаны руководство партийных организаций партизанским движением в тылу врага, строительством государственного аппарата в сложной военной обстановке, неуклонное возрастание авторитета Советской власти среди трудящихся масс национальных окраин. В связи с этим определяется и роль чрезвычайных органов власти — революционных комитетов.

К. К. Красильникова, рассматривая вопросы мобилизации трудящихся масс на борьбу против белогвардейской контрреволюции и другие, впервые предпринимает попытку дать периодизацию процесса существования ревкомов на территории Северного Кавказа. Так, не поясняя своих заключений, она полагает, что ревкомы в крае функционировали только до июня 1920 года⁴³. Очевиден тот факт, что автор не располагала к этому времени необходимыми документами и ею сделан вывод, далекий от действительного положения.

Однако проблема ревкомов края в целом еще не становилась предметом специального исследования. Многие ее вопросы не получили своей разработки.

Проблема ревкомов Дона рассматривалась в работах К. А. Хмелевского и В. И. Иванова⁴⁴. Авторы положили начало исследованию вопроса о чрезвычайных органах Советской власти в одном из казачьих районов страны, отличавшимся особыми, специфическими условиями, вскрыли трудности создания ревкомов.

Одной из главных причин, задерживающих быстрое упрочение Советской власти в области, как отмечают авторы, являлось сохранение многих средневековых черт жизни, хозяйства, быта, что затрудняло переход казачества на сторону революции, ярко выраженное колебание середняцкого казачества, мелкособственнические устремления, сословные пережитки, экономическая слабость и темнота казачьей бедноты. В исследованиях содержатся сведения об учреждениях, занимавшихся организацией чрезвычайных органов диктатуры пролетариата на Дону, в частности Гражданском управлении, специально созданном для этой цели в структуре Реввоенсовета Южного фронта в 1919 г., основных направлениях его работы по строительству ревкомов и исполкомов.

В 50-х годах исследованию истории военно-революционных комитетов, действовавших в период Великой Октябрьской социалистической революции, в первый год существования пролетарской диктатуры в Оренбургском крае посвящена работа В. И. Ананьева⁴⁵.

Нельзя не согласиться с автором в определении тех задач, которые обязаны были решать «штабы революции» в первую очередь. Это укрепление красногвардейских отрядов, организация частей Красной Армии, разгром очагов контрреволюции, установление и упрочение Советской власти, вовлечение широких масс трудящихся в работу Советов, организация хозяйственной и культурной жизни в губернии.

Наряду с разработкой проблемы чрезвычайных органов Советской власти в РСФСР большая работа по ее изучению проводилась в 50-е годы историками союзных республик.

На Украине чрезвычайные органы Советской власти рассматриваются в исследованиях 50-х годов как составная часть широкой проблемы советского национально-государственного строительства, как боевые органы власти, вызванные к жизни гражданской войной и другими чрезвычайными обстоятельствами, как часть важного и большого вопроса о диктатуре пролетариата.

Наряду с монографиями⁴⁶ и статьями⁴⁷, вышедшими в 50-е годы, в которых только частично затрагивалась данная проблема, были защищены кандидатские диссертации⁴⁸, написаны монографии⁴⁹ и статьи⁵⁰, специально посвященные деятельности чрезвычайных органов Советской власти на Украине. Не преследуя цели проанализировать все работы, остановимся на наиболее важных из них.

Особое внимание привлекает монография Л. Л. Потарикиной. Ценность работы заключается в том, что это первый обобщающий труд по истории ревкомов республики. Правда, работа носит историко-правовой характер, поэтому не все вопросы деятельности ревкомов Украины исследовались автором. Так, отсутствует четкий анализ исторических условий возникновения ревкомов и методов их деятельности, не полностью определен круг задач ревкомов применительно к Украине, порядок их организации, не показана связь ревкомов с политотделами частей Красной Армии, которые ведали советским строительством во многих районах Украины во время гражданской войны и иностранной интервенции. В значительной степени освещена хозяйственно-организаторская деятельность ревкомов республики, однако в целом и эта проблема полностью не решена. Л. Л. Потарикина дает свою интерпретацию понятию о ревкомах, как «конституционных и неконституционных органах власти». Она отмечает, что революционные комитеты Украины являлись «неконституционными» органами: «Учитывая опыт РСФСР в этом вопросе, Всеукраевком решил создать на местах не конституционные органы власти — Советы, их исполкомы, а временные чрезвычайные — ревкомы, передав им всю полноту власти»⁵¹. Определение, выдвинутое автором, безусловно, спорное, и не случайно вызывало ряд возражений в работах по данной проблеме, опубликованных в 60—70-е годы.

Дальнейшее исследование чрезвычайных органов Советской власти на Украине проводилось по отдельным регионам республики. Так, М. Ф. Слизкий посвятил свою работу ревкомам и комбедам Подолии. Определяя место ревкомов Украины, и в частности Подолии, в системе диктатуры пролетариата, он характеризует их «как временные органы Советской власти», которые «подготовили необходимые предварительные условия для закрепления Советской власти и развития социалистического строительства...»⁵². На большом фактическом материале в работе М. Ф. Слизкого раскрывается роль, которую сыграли ревкомы в строительстве и укреплении местных органов Советской власти в Подолии, борьбе за разрешение земельного вопроса, выполнении продразверстки, борьбе против буржуазно-националистической контрреволюции, с кулацким бандитизмом, Деникиным и в самом процессе перехода от ревкомов к Советам рабочих и крестьянских депутатов.

Эти же вопросы были объектом внимания и в работе С. В. Малкиеля, посвященной ревкомам Черниговщины. Выясняя причины необходимости создания чрезвычайных органов Советской власти на Черниговщине, автор приходит к следующему выводу: «Чрезвычайная обстановка в период гражданской войны заставила заняться перестройкой государственного аппарата и создать временные чрезвычайные органы диктатуры пролетариата в виде ревкомов, военревкомов, комитетов обороны и штабов обороны»⁵³. В работе получили также отражение вопросы борь-

бы трудящихся края с немецкими оккупантами, с анархо-маховским кулацким бандитизмом. Автор всесторонне раскрывает руководящую роль областного ревкома в этой борьбе.

Значительное место в своем труде отводит освещению истории местных чрезвычайных временных органов Советской власти на территории Украины, существовавших еще в условиях продолжавшейся гражданской войны, в обстановке ожесточенной борьбы против буржуазно-националистической директории, П. И. Рыбалка. Им впервые поставлен, но до конца не был раскрыт важный вопрос об использовании опыта советского строительства РСФСР советскими и партийными органами Украины применительно для местных специфических условий. «Военно-революционные комитеты, как и Советы, комбеды, становясь органами власти на местах, в своей работе руководствовались декретами Временного Рабоче-крестьянского правительства Украины, которое исходило из общих задач Советской власти и широко использовало опыт советского строительства, накопленный братским русским народом»⁵⁴, — отмечает автор.

А. С. Семин и А. А. Горчаков, не претендуя на полное освещение истории создания и деятельности чрезвычайных органов Советской власти в Крыму, затронули в обзорной статье вопросы об образовании временного центрального органа Советской власти в Крыму — Крымревкома, ревкомов на местах, показали структуру их, назначение, отметили важную роль Красной Армии в советском строительстве на Крымском полуострове. Однако, исследуя деятельность ревкомов Крыма, их партийный и социальный состав, авторы мало уделяют внимания конкретной деятельности коммунистов — борцов за Советскую власть в Крыму, членов областного и уездных ревкомов, которые составляли их основное ядро. Из состава Крымревкома упоминается только имя Бела Куна. Мало сведений содержат исследования и о сельских ревкомов Крыма.

В теоретическом плане среди работ 50-х годов по истории ревкомов Украины вызывает особый интерес статьи С. И. Шаповаловой и И. А. Грекова. Авторы, также не претендуя на полное освещение истории ревкомов, удачно осуществляют постановку многих вопросов этой большой и важной проблемы.

С. И. Шаповалова дает определение ревкомов как «чрезвычайным государственным органам Советской власти». Показывая параллельно роль политотделов фронтов и политических секций Красной Армии⁵⁵ в строительстве Советской власти, в частности на Украине, автор предпринимает попытку вскрыть ошибки, которые допускались как при организации чрезвычайных органов власти, так и в их деятельности. Анализируя процесс осуществления (в условиях Украины) законов Советского правительства Украины, в частности Декрета о земле, С. И. Шаповалова затрагивает и вопрос о борьбе за хлеб на Украине, отличавшейся особой остротой, выявляет роль революционных комитетов в этой борьбе и в связи с этим агитационно-пропагандистскую работу

партийных и советских органов республики в осуществлении социалистических преобразований на Украине.

Важную закономерность советского строительства в годы гражданской войны на Украине — организацию чрезвычайных органов Советской власти — исследует И. А. Греков. Опираясь на резолюции и решения X съезда РКП(б), автор данными своего исследования еще раз подтверждает, что при обострении в стране классовой борьбы вплоть до вооруженного восстания, диктатура пролетариата может приобретать характер «военно-пролетарской диктатуры». Наряду с другими исследователями проблемы он также отмечает, что на Украине эта особенность как раз и нашла наиболее яркое выражение в создании революционных комитетов. Статья И. А. Грекова носит теоретический характер. В ней частично вскрыты причины, вызвавшие к жизни революционные комитеты на Украине, обращается внимание на вопрос о периодизации функционирования ревкомов.

Автор анализирует инструкции и положения центральных органов по советскому строительству применительно к республике, объясняет сущность и необходимость строгого соблюдения принципа демократического централизма при строительстве государственных органов власти трудящихся.

Выводы И. А. Грекова свидетельствуют о том, что на Украине в годы гражданской войны и сразу же после окончания ее советское строительство осуществлялось по линии создания чрезвычайных органов Советской власти как временной меры, обусловленной военной обстановкой, не меняя демократических принципов организации и деятельности советского государственного аппарата. Это еще раз подтверждает гениальный вывод В. И. Ленина о том, что власть может взять не только тот орган, который призван стать политической основой государственности, но и такой орган, который способен быстро и оперативно решать важные вопросы по обеспечению революционного порядка, отстоять и защитить завоевания социалистической революции, а затем передать всю полноту власти выборным органам трудящихся⁵⁶.

Характеристике задач, роли и причинам возникновения чрезвычайных органов Советской власти на Украине посвящены также диссертация и статьи Н. И. Павлюка⁵⁷. Одним из безусловных достоинств его работ является то, что автор впервые предпринимает попытку подвести своеобразный итог в разработке проблемы ревкомов на Украине, проведенной историками республики к концу 50-х годов.

В работе привлечен большой фактический материал, дается анализ условий, в которых создавались ревкомы в республике, определяется порядок их организации, раскрыто назначение ревкомов, их компетенция.

Рассматривая эволюцию чрезвычайных органов Советской власти в революционном движении на Украине, историю организации ревкомов накануне социалистической революции, а также

историю подпольных ревкомов и ревкомов, создаваемых на освобожденной от денкинищины территории, их многостороннюю деятельность, автор вскрывает ошибки, допускаемые в освещении их истории предшествующими исследователями, выделяет спорные моменты, белые пятна в изучении данной проблемы на Украине. Н. И. Павлюк рассматривает и малоисследованный к тому времени вопрос о сущности ревкомов как чрезвычайных временных органов диктатуры пролетариата и их месте в советской системе. Трактовка данной проблемы в исследованиях украинских историков различна. Так, Н. И. Павлюк отмечает, что военно-революционные комитеты (ревкомы) являлись «боевыми органами Коммунистической партии и особой формой государственной организации пролетариата, возникшей в огне революции»⁵⁸. Н. Е. Кострица замечает, что «Советская власть на Украине восстанавливалась в форме революционных комитетов»⁵⁹. С. В. Малкиель называет ревкомы то чрезвычайными органами диктатуры пролетариата, то «необходимой формой диктатуры пролетариата»⁶⁰. К сожалению, авторы не поясняют сущность и исходные начала данных ими определений.

Таким образом, дискуссия в украинской советской историографии по вопросу о месте временных чрезвычайных органов в системе диктатуры пролетариата обнаружила недостаточно четкую аргументацию ряда выдвигаемых авторами точек зрения, а тем самым и нацеливала исследователей на глубокое изучение истории строительства ревкомов, организующей и направляющей роли Коммунистической партии в ходе их образования, роли революционных комитетов в создании фундамента социалистического общества в стране, поиск эффективных путей разрешения этих вопросов.

При всестороннем анализе определений, данных ревкомам, возникает вопрос, можем ли мы считать чрезвычайные органы диктатуры пролетариата, вызванные к жизни условиями сложной военной обстановки в годы гражданской войны в том или ином районе страны, выражением какой-то особой формы (отличной от советской) государственной организации пролетариата, т. е. существовала ли в условиях России наряду с советской формой еще какая-то особая и т. п. форма власти.

При определении места ревкомов в системе диктатуры пролетариата и, в частности, ревкомов Украины, надо исходить, по нашему мнению, прежде всего из того, что Первый Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1917 г., провозгласил Украину Советской республикой и образвал правительство Украинской Советской Социалистической Республики. Советы явились выражением политической формы государственной власти — диктатуры пролетариата на Украине. Пролетариат и крестьянство сражались на фронтах социалистической революции и гражданской войны за власть Советов.

Революционные комитеты же были чрезвычайными органами диктатуры пролетариата и являлись органами власти в советской

системе, звеньями единого советского государственного аппарата. Сущность как ревкомов, так и Советов — диктатура пролетариата. Революционные комитеты, как и Советы, были народными органами власти, защищавшими завоевания социалистической революции и поэтому противопоставление ревкомов Советам на Украине в качестве какой-то особой формы власти будет неправомерным. В этом отношении более верное, по нашему мнению, определение места ревкомов вообще и ревкомов Украины в частности в системе диктатуры пролетариата дано в работе А. И. Грекова. Автор отмечает: «Ревкомы были только чрезвычайными временными органами, которые по мере изменения обстановки и при наступлении соответствующих условий передавали свои полномочия Советам как наиболее демократическим органам власти трудящихся»⁶¹.

В середине 50-х годов было положено начало изучению проблемы чрезвычайных органов власти в Молдавии. В этом плане известны работы З. М. Ивановой⁶². Автор правильно определяет роль и место чрезвычайных органов Советской власти в ходе борьбы трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение, за упрочение диктатуры пролетариата. Исследования содержат сведения о деятельности уездных ревкомов Молдавии в 1920 г. Однако автор пока не обращается к такому вопросу, как периодизация существования ревкомов в Молдавии, мало что сообщает о их организаторах.

До начала 50-х годов в историографии гражданской войны и военной интервенции также было мало сведений о чрезвычайных органах Советской власти, их организации, проведении ими мероприятий по мобилизации трудящихся на разгром врага, по оказанию помощи Красной Армии, в восстановлении народного хозяйства в Белоруссии. Авторами статьи по этой проблеме выступали В. А. Круталевич и В. А. Ильичева⁶³. Разумеется, что авторы не смогли в рамках статей охватить все вопросы этой большой проблемы.

В связи с дальнейшей разработкой вопросов советского и национально-государственного строительства и выходом в свет документов и материалов о ревкомах Белоруссии⁶⁴ историки стали больше уделять внимания и проблеме революционных комитетов.

К концу 50-х годов в научных исторических центрах Белоруссии в разработке истории ревкомов были достигнуты значительные результаты. Так, Г. П. Машицкий⁶⁵, исследуя историю гражданской войны на Гомельщине, проводит одновременно подробный анализ процесса восстановления Советской власти в губернии после освобождения ее территории от немцев, организации временных органов Советской власти — революционных комитетов. Автор устанавливает период существования ревкомов на Гомельщине, которые функционировали там с перерывами с марта 1919 по декабрь 1920 г., дает высокую оценку деятельности ревкомов в губернии и республике в целом.

Отдельные сюжеты, характеризующие ревкомы Белоруссии, нашли отражение и в работе Н. В. Каменской⁶⁶. Автор уделяет особое внимание раскрытию взаимодействия партийных организаций и военно-революционных комитетов по проведению мероприятий, связанных с обороной республики, перестройкой всего хозяйства на военный лад, охраной революционного порядка в местностях, примыкавших к линии фронтов, мобилизацией гражданского населения на разгром врага.

В эти же годы было опубликовано некоторое число работ по проблеме ревкомов Закавказья. В основном это монографии и статьи, посвященные ревкомам Грузии, создававшимся в республике в 1921 г.⁶⁷. Наряду с решением отдельных вопросов проблемы, авторы обращают внимание на выяснение места и роли ревкомов Грузии в системе диктатуры пролетариата. В названных трудах утверждается, что революционные комитеты (Грузии и Абхазии.— *Н. Б.*) по отношению к Советам явились новой формой диктатуры пролетариата. Высказанное суждение о революционных комитетах Грузии также привлечет в 60—70-х годах к себе внимание и станет предметом особой дискуссии.

Отдельные сведения о ревкомах Закавказья, их организаторах содержатся и в ряде других работ, посвященных периоду гражданской войны и восстановления народного хозяйства⁶⁸. Среди этой группы работ особое внимание привлекает монография С. В. Хармандаряна. Автор, по сути дела, продолжил начатое еще в 40-е годы исследование истории ревкомов Армении А. Нарсисяном. Он показывает истоки создания ревкомов в Армении и отмечает, что до мая — июля 1920 г. «организация ревкомов и их работа производились согласно отдельным декретам с учетом революционной практики Советского Азербайджана»⁶⁹. Партийные организации Армении, ведавшие созданием ревкомов на местах, имели все возможности использовать опыт, накопленный в советском строительстве братским азербайджанским народом.

В монографии С. В. Хармандаряна содержатся сведения о разработке таких важных документов, как «Временное положение для местных ревкомов» (май 1921 г.), «Об организации сельских, участковых и уездных ревкомов» (20 июля 1921 г.), на основе которых проводилось их строительство; исследуется их состав, роль в вовлечении трудящегося крестьянства Армении в управление своим государством и упрочение Советской власти, в решении такой важной политической задачи, как объединение крестьян—бедняков и середняков в борьбе против классового врага—кулака — и по разоблачению враждебных Советской власти элементов.

Для 50-х годов характерно появление ряда исследований по истории гражданской войны и интервенции в районах Средней Азии. В них освещалась и проблема Советов и ревкомов, публиковался ряд интересных документов по истории их строительства⁷⁰. В частности, Т. Х. Кельдиевым был опубликован приказ реввоенсовета Туркестана и ЦИК ТАССР от 6 июля 1920 г.;

явившийся основой для строительства ревкомов в республике.

Большую ценность для дальнейшего исследования проблемы ревкомов имели и труды по истории национально-государственного строительства в республиках Средней Азии, в которых уделялось внимание процессу организации и деятельности ревкомов⁷¹. Появляются статьи, специально посвященные проблеме чрезвычайных органов Советской власти в Средней Азии. Среди них особо следует выделить работы А. И. Мухтарова и Я. Я. Ниренбурга⁷².

В трудах рассматриваются вопросы организации отдельных ревкомов в крае, основополагающие акты советского государственного строительства. Много внимания уделяется выяснению характера ревкомов, их места в системе диктатуры пролетариата, приведены отдельные примеры их практической деятельности по упрочению Советской власти, осуществлению социалистических преобразований.

Для историографии по проблеме ревкомов в 50-е годы характерно было появление нескольких воспоминаний о председателях и членах ревкомов, о тех, кто занимался строительством аппарата Советской власти, организацией работы⁷³. Воспоминания зачастую представляют важный источник по истории отдельных ревкомов и помогают раскрыть те или иные стороны деятельности чрезвычайных органов власти.

Важным моментом явились и первые публикации обзоров документов о ревкомах, хранящихся в государственных архивах⁷⁴.

Таким образом, 50-е годы явились заметным рубежом в исследовании проблемы ревкомов. Были изданы многие работы, посвященные непосредственно истории организации и деятельности ревкомов, опубликованы сборники архивных документов, появились первые их обзоры.

Опыт, накопленный в изучении чрезвычайных органов Советской власти в 50-е годы, широко использовался в последующий период и по существу явился той базой, на основе которой стало возможным всестороннее изучение проблемы в масштабе всей страны. Историки получили в свое распоряжение большой фактический материал. Это позволило приступить к разработке таких важных вопросов проблемы, как роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в организации советского строительства, и в частности строительства революционных комитетов в годы гражданской войны, выявлению форм связи гражданских и военных органов, а также связей ревкомов с различного рода общественными организациями, выяснению роли промежуточных ревкомов (Севкавревкома, Дальревкома, Сибревкома и др.), осуществлявших одновременно руководство несколькими губернскими и областными революционными комитетами, места ревкомов в системе диктатуры пролетариата, восстановлении экономики и культуры в стране, к решению других, не менее важных вопросов проблемы. Освещение этих вопросов найдет свое место в трудах 60—70-х годов.

- 1 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 115.
- 2 Декреты Советской власти. М., т. 6, с. 225.
- 3 *Владимирский М. Ф.* Строительство Советской власти на местах. Краснодар, 1920; *Гусев С. И.* Трудовая мобилизация и трудовая армия в Саратовской губернии. М., 1920; *Антонов-Саратовский В.* Краткое руководство по организации ревкомов в местности, освобожденной от контрреволюции и оккупации. М., 1928; *Кедров М. С.* За Советский Север. М., 1927; и др.
- 4 *Чернова Г.* Астраханский Временный военно-революционный комитет (февраль — апрель 1919 г.) — Ист. журнал, 1944, № 12; *Ковлев Г. А.* Борьба Кабардинской бедноты за Советскую власть (1917—1921 гг.). Нальчик, 1946; *Мельников М. Н.* Челябинский губревком. — В кн.: Вторая конференция научных работников Челябинской области. Челябинск, 1948; *Шуркин П. А.* Первые шаги Советской власти в Омске после изгнания Колчака. — В кн.: Сборник трудов V научной конференции Омских вузов и научных учреждений, 25—30 мая 1948 г. Омск, 1949; и др.
- 5 Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг. Минск, 1940; *Махарадзе Ф. Е.* Советы в борьбе за установление Советской власти в Грузии. Тифлис, 1940; *Азиз Нуалло.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941; *Нарсисян А. С.* Ревкомы Армении. Ереван, 1945; *Миргадиев М. Ю.* Организация Азербайджанского революционного комитета и первые его мероприятия. — Тр. Азерб. ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) Азербайджана, 1948, № 10; *Сапаргалиев М. С.* Возникновение казахской советской государственности (1917—1920 гг.). Алма-Ата, 1948; Разгром буржуазно - националистической Директории на Украине. М., 1949; *Галенская Н. В.* Образование Белорусского социалистического государства. Минск, 1959; и др.
- 6 Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1957, ч. 1; Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1959. Т. 2; Очерки по истории Якутии советского периода. Якутск, 1957; Местные органы власти Советского государства (1917—1920 гг.). М., 1957; *Бабий Б. М.* Местные органы государственной власти Украинской ССР (1917—1920 гг.). Киев, 1956; *Ага-лаков В. Т.* Из истории советского строительства в Восточной Сибири, 1919—1921 гг. Иркутск, 1958; и др.
- 7 *Шамсутдинов Р. Т.* Советская историография о ревкомах в национальных республиках. — В кн.: Актуальные проблемы истории национально - государственно го строительства в СССР. Душанбе, 1970; *Шишкин В. И.* Советская историография революционных комитетов Сибири периода гражданской войны. — В кн.: Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1977; *Бугай Н. Ф.* Историография ревкомов Северного Кавказа. — Учен. зап. Кавказского ун-та, 1971, вып. 43; *Он же.* Проблема революционных комитетов периода гражданской войны в советской историографии. — Вопр. истории, 1973, № 2; *Он же.* Ревкомы на Северном Кавказе: (Историография, проблемы, 1967—1977 годы). — Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра Высшей школы, 1981, № 1; *Петров В. П., Сергеев В. Н.* Ревкомы периода гражданской войны в советской историографии (1918—1975 гг.). — В кн.: Вопросы историографии культуры и общественных движений. Ростов н/Д, 1979; и др.
- 8 *Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920 гг.). М., 1957.
- 9 Декреты Советской власти. М., 1959, т. 2, с. 606—607.
- 10 Симбирская губерния в годы гражданской войны. Ульяновск, 1958. Т. 1; 1960. Т. 2; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. Якутск, 1957. Ч. 1, кн. 1; 1958. Ч. 1, кн. 2; Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. 1918—1922 гг. Иркутск, 1959; Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917—1925 гг.). Южно-Сахалинск, 1959; Борьба за власть Советов

- на Чукотке (1919—1923 гг.). Магадан, 1967; Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.): Сб. док. Владивосток, 1955; Документы и материалы по истории Белоруссии. Минск, 1954, Т. 4; Гражданская война в Оренбуржье, 1917—1919 гг. Оренбург, 1958; Самарская губерния в годы гражданской войны, 1918—1920 гг. Куйбышев, 1958; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1957; Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.). Рязань, 1957; Документы героической борьбы: Сб. док. материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959; и др.
- 10 Борьба за власть Советов на Кубани, с. 397.
- 11 Большевицкие военно-революционные комитеты. М., 1958; Донесения комиссаров Петроградского революционного комитета. М., 1957.
- 12 Революционные комитеты БССР (июль — декабрь 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1957.
- 13 Первый ревком Чукотки (1919—1920 гг.). Магадан, 1957. См. также: *Хакимов К.* Рец. на кн.: Первый ревком Чукотки.— Советская Чукотка, 1958, 15 марта; Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке (1922 г.): Сб. док. Хабаровск, 1957.
- 14 Сибирский революционный комитет (Сибревком). август 1919 — декабрь 1925: Сб. док. Новосибирск, 1959.
- 15 Там же, с. 53—54.
- 16 *Киров С. М.* Избранные статьи и речи, 1912—1934. М., 1957; *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956; *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958; *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 1; 1959. Т. 2; *Калинин М. И.* Вопросы советского строительства. М., 1958; и др.
- 17 *Лепешкин А. И.* Местные органы власти Советского государства (1917—1920 гг.). М., 1957, с. 19, 199.
- 18 *Гришин И. П.* Роль Советов Рязанской губернии в обороне республики (1918—1920 гг.).— Учен. зап. Рязан. пед. ин-та, 1953, № 11.
- 19 *Люцарева Л. В.* Борьба Коммунистической партии за укрепление местных партийных и массовых организаций Советской республики в период мирной передышки в 1920 г.— Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1957, т. 76, кн. 3, с. 113—114; *Она же.* Борьба Коммунистической партии за укрепление связей с массами в период мирной передышки 1920 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
- 20 Декреты Советской власти, т. 4, с. 225.
- 21 *Флеров В. С.* Укрепление ревкомов на Дальнем Востоке (1923 г.).— Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та, 1953, т. 12; *Он же.* Создание ревкомов на Дальнем Востоке (1922—1923 гг.): Сб. науч. статей Том. электромехан. ин-та инженеров ж.-д. транспорта. Тайга, 1958, т. 26. *Флеров В. С., Говорков А. А.* Создание Дальневосточного революционного комитета.— Учен. зап. Том. пед. ин-та, 1957, т. 16.
- 22 *Жихарев Н.* Анадырский уездный ревком.— В кн.: На Севере дальнем. Магадан, 1957, кн. 8; *Он же.* В борьбе за Советы на Чукотке. Магадан, 1958; *Бодрый М. И.* Михаил Сергеевич Мандриков. Магадан, 1957; *Златина Н., Потемкина Л.* Сорокалетие первого ревкома Чукотки. Магадан, 1959.
- 23 *Соколова М. В.* Борьба трудящихся Крайнего Северо-Востока под руководством Коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти (1917—1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959.
- 24 *Мухачев Б. И.* Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск, 1975, с. 15.
- 25 Там же, с. 155—156.
- 26 *Агалаков В. Т.* Организация ревкомов Восточной Сибири в 1920 году.— Тр. Иркут. ун-та, 1958, т. 21; *Он же.* О некоторых вопросах борьбы за укрепление совет-

- ского государственного аппарата в Восточной Сибири в 1920 — начале 1921 г.— В кн.: Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1958, вып. 1: *Он же*. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири, 1919—1921 гг. Иркутск, 1958; *Он же*. Формирование органов Советской власти в Восточной Сибири: Дис. ... канд. пст. наук. Иркутск, 1959; и др.
- ²⁷ *Агалаков В. Т.* Организация ревкомов..., с. 82.
- ²⁸ *Крамаренко И. И.* Ревкомы и их роль в восстановлении Советской власти на Алтае.— Алтай, 1959. № 13.
- ²⁹ *Шишкин В. И.* Советская историография революционных комитетов Сибири периода гражданской войны.— В кн.: Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1977.
- ³⁰ *Роцевский П. И.* Образование военно-революционных комитетов в прифронтовой полосе и роль партийно-политического аппарата Красной Армии Восточного фронта в советском строительстве.— Учен. зап. Тюмен. пед. ин-та, 1957, вып. 1; *Калюга Ф.* В степях Пришимья. Алма-Ата, 1957; *Кузнецов И. И.* Работа политорганов 30-й Иркутской дивизии среди прифронтового населения в 1918—1920 гг.— Зап. Иркут. обл. краевед. музея, 1958, вып. 1; и др.
- ³¹ *Мельников М. Н.* Деятельность Челябинского губревкома в 1919—1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; *Андреев К. Н.* Большевистские военно-революционные комитеты в Пермской губернии.— В кн.: На фронте и в тылу: Сб. статей. Пермь, 1959.
- ³² *Кондрашов И. Ф.* С. М. Киров — организатор и руководитель Астраханского военно-революционного комитета.— Ист. зап., 1951, т. 36.
- ³³ *Писарев В. И.* Самарский военно-революционный комитет в первые месяцы Советской власти.— Учен. зап. Казан. ун-та им. В. И. Ленина, 1952, т. 112, кн. 5.
- ³⁴ *Андрянов Н. А.* Деятельность Казанской партийной организации по восстановлению и укреплению Советской власти и ее аппарата в Татарии (сент. 1918 — июнь 1920 г.).— Тр. Казан. авиац. ин-та, 1959, т. 47.
- ³⁵ *Генкин Л. Б.* Ярославские рабочие в годы гражданской войны. Ярославль, 1958; и др.
- ³⁶ См.: *Верейн Л. Е.* Борьба за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957; и др.
- ³⁷ *Гюев М. И.* Деятельность революционных комитетов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957.
- ³⁸ *Бербеков Х. М.* Борьба трудящихся Кабардино-Балкарии за власть Советов. Нальчик, 1957; *Он же*. Образование и развитие Кабардинской социалистической нации. Нальчик, 1958.
- ³⁹ *Красильникова К. К.* Партизанское движение на Кубани и в Черноморье (1917—1920 гг.). Краснодар, 1957, с. 99.
- ⁴⁰ *Пванько Н. П.* За власть Советов. Ставрополь, 1957.
- ⁴¹ *Эмиров Н. П.* Красная Армия в борьбе за освобождение Дагестана от иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции, 1918—1920 гг. Махачкала, 1959.
- ⁴² *Горбачев М. Ф.* Первые шаги Советской власти на Кубани и в Черноморье (1920—1921 гг.).— Тр. Кубан. с.-х. ин-та. Краснодар, 1958, вып. 5 (37); Очерки истории Советской Кабардино-Балкарии. М., 1958; *Калмыков Б. Э.* Революционное движение в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1958; Черкесская автономная область. Черкесск, 1954; *Гапич П. П.* Роль военных комиссаров в разгроме Деникина (окт. 1919 — март 1920 г.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
- ⁴³ *Красильникова К. К.* Указ. соч., с. 99.
- ⁴⁴ *Хмельевский К. А.* Советская власть на Дону в первой половине 1919 года.— Учен. зап. Ростов. ун-та. Ереван, 1953, т. 8, вып. 3; *Иванов В. И.* Роль политорганов Красной Армии в восстановлении Советской власти на Дону в 1919—1920 гг.— В кн.: Материалы первой научной конференции аспирантов. Ростов н/Д, 1959.
- ⁴⁵ *Ананьев В. И.* Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург, 1959.

- ⁴⁶ *Усков Р.* Комнезамы в период военного коммунизма и перехода к нпзу. Киев, 1950; *Супруненко М.* Україна в період іноземної воєнної інтервенції громадянської війни. Київ, 1951; *Лихолат А. В.* Розгром націоналістичної контрреволюції на Україні (1919—1920 рр.). Київ, 1955; *Бабій Б. М.* Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. Київ, 1956; *Шевченко П. П.* Коммунистическая партия в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян, 1919—1920 гг. Киев, 1958; *Колісник М. К.* Відновлення і зміцнення Радянської влади на Україні 1919—1920 рр. Харків, 1958; і др.
- ⁴⁷ *Доний Н. Г.* Большевицские организации Украины в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Великий Октябрь. М., 1958; *Попов П.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов.— В кн.: Военные моряки за победу Октябрьской революции. М., 1958; і др.
- ⁴⁸ *Потарикина Л. Л.* Ревкомы Кневщины как чрезвычайные органы Советской власти в период иностранной интервенции и гражданской войны на Украине: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1952; *Слизкий И.* Ревкомы и комбеды Подолы в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1953; *Греков И. А.* Восстановление советского государственного аппарата на Украине после разгрома Деникина: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1954; *Кострица Н. Е.* Социалистическое строительство на Украине: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1954; *Малкиель С. В.* Революционные комитеты Черниговщины в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Чернигов, 1955; *Павлюк Н. П.* Военно-революционные комитеты на Украине в конце 1918 — начале 1920 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1959; і др.
- ⁴⁹ *Потарикина Л. Л.* Ревкомы України в 1918—1920 рр. Київ, 1957.
- ⁵⁰ *Колісник М. К.* Боротьба за визволення України від денікінців.—

Тр. історичного факультету ХДУ, 1956, т. 4; *Он же.* Всеукраїнський революційний комітет його діяльність (грудень 1919 — лютий 1920 рр.).— Учен. зап. ХДУ, 1957, т. 78; *Рибалка П. К.* Відновлення місцевих органів Радянської влади на Україні в кінці 1918 — на початку 1919.— Тр. І історичного факультету ХДУ, 1956, т. 4; *Семин А. С., Горчаков А. А.* Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти.— Изв. Крым. пед. ин-та, 1957, т. 28; *Шаповалова С. П.* Революционный комитет Украинской ССР (декабрь 1919 — февраль 1920 г.).— Учен. зап. Харьк. ин-та советской торговли, вып. VI (VIII), 1957; *Греков П. А.* Революционные комитеты Украины 1919—1920 гг.— чрезвычайные органы государственной власти: Науч. сообщ. Одесса, 1957, вып. 3; і др.

- ⁵¹ *Потарикина Л. Л.* Ревкомы України в 1918—1920 рр., с. 57. Подробний аналіз роботи Л. Л. Потарикіної проведено Н. П. Павлюк. См.: *Павлюк Н. П.* Указ. соч.

⁵² *Слизкий И.* Указ. соч., с. 10, 16.

⁵³ *Малкиель С. В.* Указ. соч., с. 2.

⁵⁴ *Рибалка П. К.* Указ. соч., с. 79.

⁵⁵ Политотделы при реввоенсоветах были образованы согласно приказу Реввоенсовета Республики от 5 декабря 1919 г. Главной их задачей было ведение политико-культурной и политико-массовой работы как среди личного состава самой армии, так и среди населения прифронтовой и фронтовой полосы, См.: ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 130, л. 9. В ряде армий при политических отделах создавались советские секции, которые занимались организацией Советской власти на территории, освобожденной от противника. В их обязанности также входили подбор местных работников из коммунистов и сочувствующих, издание приказов об организации ревкомов, содействие установлению прочной связи с другими учреждениями.— См.: ЦГАСА, ф. 245, оп. 2, д. 46, л. 27; ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 11, д. 36, л. 106—110.

⁵⁶ *М.: Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.

- ⁵⁷ *Павлюк П. И.* Військово-революційні комітети та їх діяльність на Україні в 1917—першій половині 1949 р.— Учен. зап. Харків. бібліотечний ін-т, 1957 вид. 3; *Он же.* Военно-революционные комитеты на Украине в конце 1919—начале 1920 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1959; *Он же.* Військові міроприємства ревкомів України (грудень 1919—квітень 1920 р.).— Учен. зап. бібліотечн. ін-та, Харків, вид. 4, 1959, т. 10.
- ⁵⁸ *Павлюк П. И.* Указ. соч., с. 3.
- ⁵⁹ *Кострица Н. Е.* Указ. соч., с. 5.
- ⁶⁰ *Малкиель С. В.* Указ. соч., с. 16.
- ⁶¹ *Греков А. И.* Указ. соч., с. 36.
- ⁶² *Иванова З. М.* О деятельности ревкомов в Тираспольском уезде в 1920—1921 гг.— В кн.: Тез. докл. юбил. науч. сессии Совета Молдав. филиала АН СССР, посвящ. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1957; *Она же.* О деятельности революционных комитетов Тираспольского уезда (февр.—апр. 1920 г.)— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1959, № 2.
- ⁶³ *Кругалевич В. А.* Революційны камітэты Беларусіі у барацьбе за аднаўленне умацаванне Савецкай улады у рэспубліцы у 1920 г.— Весті АН БССР, 1952, № 2; *Кругалевич В. А., Ильичева В. А.* Ревкомы Белоруссии в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти летом и осенью 1920 г.— Исторический архив, 1956, № 3.
- ⁶⁴ Революционные комитеты БССР (июль—декабрь 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1957.
- ⁶⁵ *Машицкий Г. П.* Трудящиеся Гомельщины в борьбе за разгром интервентов и белогвардейцев в 1919—1921 гг. Гомель, 1958; и др.
- ⁶⁶ *Каменская Н. В.* Из истории социалистического строительства в Белоруссии после освобождения от интервентов.— В кн.: Из истории социалистического строительства Советской Белоруссии. Минск, 1959.
- ⁶⁷ *Качарова Ю. М.* Из истории строительства пролетарского государства в Грузии: (Период ревкомов). Тбилиси, 1953; *Она же.* Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства: Дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1958; *Куправа А. Э.* Из истории советского строительства в Абхазии: (Период ревкомов).— Тр. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории АН ГССР, 1959, т. 30; *Сумбадзе И.* К вопросу о ревкомах Грузии.— Тр. Тбил. ун-та, Тбилиси, 1959—1960, т. 79, вып. 1; *Саградян С. М.* Военно-революционные комитеты Армении в борьбе за установление Советской власти.— Тр. кафедр обществ. наук Ереван. мед. ин-та, 1958, вып. 12; *Хачапуридзе Г. В.* Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М., 1956; и др.
- ⁶⁸ *Хармандарян С. В.* Армянская ССР в первый год новой экономической политики. Ереван, 1955; *Нарсия В. И.* Советская школа в Абхазии в 1921—1931 гг. Сухуми, 1956; *Гулиев Дж. Б.* Нариман Нариманов — выдающийся партийный и государственный деятель.— Тр. Азерб. фил. ИМЭЛ при ЦК КПСС, 1957, т. 20; *Шабанов Ф. Ш.* Развитие советской государственности в Азербайджане. М., 1959; *Эльчибекия А. М.* Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ереван, 1957; и др.
- ⁶⁹ *Хармандарян С. В.* Указ. соч., с. 96.
- ⁷⁰ *Никишов П. П.* Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957; *Конамбаев А.* Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Ферганской долине. Ташкент, 1958; *Алескеров Ю. Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959; *Зевелев А. И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959; *Кельдиев Т. Х.* Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестанской АССР. Ташкент, 1959; и др.
- ⁷¹ *Уразаев Ш. З.* Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. Ташкент, 1958; *Гордиенко А. А.* Творческая роль советского государственного права в социалистическом преобразовании Туркестана. Ташкент, 1959; *Дохлова Т. П. М. В.* Фрунзе и советское строительство в Средней Азии (1919—1920 гг.):

- Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; *Нелесов Г.* Победа советского строя в современном Туркменистане. Ашхабад, 1950.
- ⁷² *Мухтаров А.* Деятельность революционных комитетов по управлению Киргизским (Казахским) краем в 1919—1920 годах. Алма-Ата, 1952; *Нирренбург Я. Я.* К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства.— Учен. зап. Омского пед. ин-та, 1959; вып. 3.
- ⁷³ *Матвеев-Бодрый Н. Н.* Воспоминания о председателе первого ревкома Чукотки. Магадан, 1957; За власть Советов на Камчатке: Сб. статей и воспоминаний. Петропавловск-Камчатский, 1957; За Советскую власть в Якутии. Якутск, 1957; Время. События. Люди (1917—1922). Магадан, 1957; Активные участники борьбы за власть Советов в Ставрополье. Ставрополь, 1957; Незабываемые годы: Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Ростов н/Д, 1957; Воспоминания участников гражданской войны в Андийской области. Андийжан, 1957, вып. 1 (опубликованы воспоминания председателя Опского уездно-городского ревкома Мухтараджана Алимова, работника ревкома А. Акбарова, председателя Джалал-Абадского ревкома К. Супургибекова, Избаскентского райревкома Ш. Садикова и др.); Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии. Фрунзе, 1957; В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Ташкент, 1957; За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны Карачаево-Черкесской автономной области. Черкесск, 1958; За власть Советов в Таджикистане. Сталинабад, 1958.
- ⁷⁴ *Тулумджан А. О.* Ревкомы Абхазии: (Описание фонда). Сухуми, 1956; Тематический обзор: Ольский волостной революционный комитет (1921—1922 гг.). Магадан, 1957; *Джикия В. И.* Декреты революционного комитета Грузии.— Науч.-информ. бюл. Архивного управления ГССР, 1959, № 1 (3). Тбилиси, 1959. На груз. яз.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В. Н. Ратушняк

Проблема аграрно-капиталистического развития дореволюционной России и ее регионов продолжает оставаться актуальной, несмотря на давний и устойчивый интерес к ней советских историков. И это неудивительно. Огромная многонациональная страна со значительным преобладанием сельского населения, Россия пореформенной эпохи отличалась поразительной мозаичностью особенностей и уровня аграрного развития различных ее районов. Уяснение в комплексе этого своеобразия — ключ к пониманию характера аграрного строя дореволюционной России, специфики ее аграрно-капиталистической эволюции и, в конечном итоге, социально-экономических предпосылок социалистической революции в российской деревне.

Опираясь на теоретический фундамент марксизма-ленинизма, используя его богатый методологический арсенал, советские

историки-аграрники достигли определенных успехов в исследовании данной проблемы. Результаты проделанной работы как в целом по стране, так и по отдельным ее районам нашли отражение в ряде историографических очерков советских историков.

Немало уже сделано советскими исследователями и по изучению Северного Кавказа — одного из интереснейших аграрных районов страны. Аграрной эволюции его в период капитализма посвящено значительное количество работ в нашей историко-экономической литературе. До сих пор, однако, нет ни одной историографической работы, отражающей степень изученности тех или иных вопросов этой большой и сложной проблемы. Между тем необходимость в ретроспективном анализе работ, очевидно, назрела — без этого трудно представить итоги научных изысканий, уяснить дальнейшие задачи исследования.

Предлагаемой статьей делается попытка в какой-то мере восполнить указанный пробел. Все привлеченные для обзора работы рассматриваются не в хронологической последовательности, а по тематической общности. При этом автор не претендует на их полноту, всестороннее освещение и тем более на всеобъемлющую постановку задач дальнейшего изучения проблемы.

Аграрная история пореформенной России давно привлекала внимание исследователей. Но приоритет глубоко научного марксистского анализа закономерностей и особенностей развития капитализма в сельском хозяйстве страны по праву принадлежит В. И. Ленину. Его основополагающие выводы об общественно-экономическом строе России, эволюции товарного производства и характере капиталистических отношений в русской деревне не только существенно дополнили марксистское учение об аграрном капитализме, но и поставили перед историками ряд актуальных проблем, исследование которых успешно решается советской исторической наукой.

Одна из них — аграрно-капиталистическое развитие Северного Кавказа в пореформенное время. Глубоко вникая в специфику социально-экономического и исторического развития Северного Кавказа, В. И. Ленин первым отметил наиболее существенные стороны аграрного развития региона: незначительный удельный вес дворянско-помещичьего землевладения, массовый приход земледельческих рабочих, широкое применение сельскохозяйственных машин. Эти факторы способствовали тому, что на Северном Кавказе, как и в других южных и юго-восточных районах страны, «развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре»¹.

Выявив главную черту пореформенного развития Северного Кавказа, В. И. Ленин обратил внимание и на негативные явления которые тормозили это развитие. К ним он относил переселенческую политику царизма на Кавказе, проводившуюся «путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев»², казачье землевладение, являвшееся по сути дела формой «средневекового поль-

зования земель за службу» и представлявшее собой «настоящую муниципализацию», на почве которой развивались «чисто феодальные отношения»³.

Говоря об исторически прогрессивном влиянии российского капитализма на окраины страны, к числу которых относился и Северный Кавказ, В. И. Ленин не раз подчеркивал отрицательную роль крепостнических латифундий центра на размах и глубину крестьянской колонизации окраин и процесс развития капитализма вширь.

Эти и другие замечания В. И. Ленина были взяты на вооружение советскими историками при всестороннем изучении различных аспектов аграрно-капиталистической эволюции Северного Кавказа в целом и отдельных его национальных и административных районов.

В широком теоретическом аспекте эти вопросы были рассмотрены в работах А. В. Фадеева. В 1956 г. он выступил в Институте истории АН СССР с обстоятельным докладом «Развитие капитализма вширь в пореформенной России»⁴, в котором на основе ленинских высказываний конкретизировал применительно к отдельным районам страны положение о тесной связи развития капитализма вглубь с его распространением вширь на новые территории. При этом он подчеркнул, что, исследуя вторую сторону процесса — развитие капитализма вширь, нельзя не учитывать существенных различий в экономическом освоении неодинаковых по своему типу окраин России: районов, мало заселенных в начале пореформенного периода (к ним он относил Сибирь, Предкавказье и Дальний Восток), и территорий, по В. И. Ленину, «некапиталистических старых стран»⁵, давно обжитых местными народами (Закавказье, Средняя Азия). Первые, в отличие от вторых, вовлекались в орбиту всероссийского и мирового товарного рынка значительно быстрее.

В следующей своей работе А. В. Фадееву удалось показать это на конкретно-историческом материале северокавказского региона⁶. Сравнив положение степной части Северного Кавказа и его предгорий, А. В. Фадеев пришел к выводу о наличии обоих типов окраин в этом районе страны. Если степи, заселяемые выходцами из Европейской России, относились к колониям в экономическом смысле, то земли горцев принадлежали к тем окраинам Российской империи, о которых В. И. Ленин писал как о «колониях чистейшего типа»⁷. В связи с этим А. В. Фадеев высказался против отождествления развития капитализма вширь и колониального освоения национальных окраин, как это делал, например П. И. Лященко⁸. Последний упускал из виду, что не все национальные окраины России были ее колониями и что наличие национального гнета не является еще определяющим признаком экономической зависимости. Работы по истории Украины, Прибалтики и других районов полностью подтвердили это.

Интересна еще одна работа А. В. Фадеева⁹. В ней он попытался выявить те условия, которые способствовали развитию капи-

талистического земледелия на Северном Кавказе в пореформенный период и определить формы капитализма в сельском хозяйстве этого края. Дифференцированный подход к различным местностям Северного Кавказа позволил А. В. Фадееву показать специфику аграрной эволюции степных и предгорных районов. Она заключалась, в частности, в том, что в степных районах все более проявлялась «тенденция к аграрной эволюции американского типа», а в горных — «превращению мелкого товарного хозяйства горцев в капиталистическое мешали многочисленные патриархально-феодалыные пережитки»¹⁰.

Из других исследователей, рассматривавших в том или ином аспекте социально-экономическое развитие Северного Кавказа в плане развития капитализма вширь, следует назвать работы В. С. Гальцева и И. Ф. Мужева, Т. Х. Кумыкова и Ф. П. Тройно. Первые два автора правильно подметили, что на Северном Кавказе, где соседствовали рядом разные по социально-экономическому и национально-политическому уровню развития районы, капитализм не мог развиваться везде одинаково: степень его проникновения даже в различные горные районы, не говоря уже о степных, была далеко не адекватной¹¹.

Ф. П. Тройно в своей статье, посвященной анализу социально-экономического развития горских районов Терека и Кубани пореформенного периода, конкретизировал положения предшественников, поставив на первое место по развитию капиталистических отношений среди горских народов региона Северную Осетию¹².

Процесс вовлечения горских народов Северного Кавказа во всероссийскую экономическую систему рассмотрел Т. Х. Кумыков¹³. В большинстве остальных работ, посвященных эволюции капиталистических отношений на Северном Кавказе, исследованы отдельные районы (см. статьи Г. Х. Мамбетова, Т. А. Жакомова, М. Ч. Кучмезовой по Кабардино-Балкарии, П. А. Шацкого — по Ставрополю, А. Г. Мелешко — по Дагестану, Г. М. Кашежевой — по казачьей территории Терека). К ним примыкают исследования, в которых вопрос о генезисе и развитии капитализма в том или ином районе края хотя и не является главным, но занимает далеко не последнее место. Это статьи М. В. Дрогалиной и Е. А. Мохова по Ставрополю¹⁴. Как и названные авторы, М. В. Дрогалина и Е. А. Мохов обращают внимание на особенности экономического развития Ставропольской губернии — слабость крепостнических традиций, малый удельный вес помещичьего землевладения (по данным Е. А. Мохова, по всей губернии насчитывалось всего 160 помещичьих имений площадью 147,8 тыс. дес.), наличие большого колонизационного фонда и широкое переселенческое движение.

Большая группа работ по горским районам Северного Кавказа не только дополняет наши представления о рассматриваемом вопросе, вводит много нового фактического материала, но и показывает, что исследование аграрно-капиталистической эволюции края

еще нуждается в дальнейшей научной разработке. У советских кавказоведов до сих пор нет еще единой платформы в оценке уровня социально-экономического развития горских народов Северного Кавказа в период капиталистического развития России. Так, К. И. Ефанов в своей статье «Некоторые особенности перехода к социализму горских народов Северного Кавказа» пишет, что они «в своем историческом развитии по пути к социализму миновали капиталистическую стадию»¹⁵ (автор ведет речь о народах Адыгей, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.— В. Р.). Эту же мысль можно проследить и во многих других трудах начиная с 20-х годов и до наших дней.

Имеются и иные суждения. Так, М. А. Кобегкаев считает, что «в плоскостной Осетии капитализм развивался раньше, сильнее и проявился в земледелии, а в горной Осетии, вследствие специфики, капитализм проник позже и проявился в скотоводческом хозяйстве»¹⁶. Более определенно высказался Б. Х. Ортабаев: «в период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России капиталистические отношения приобрели господствующий характер в хозяйстве Северной Осетии»¹⁷. Н. П. Гриценко в своей монографии, посвященной социально-экономическому развитию Чечено-Ингушетии в начале XX в., пришел к заключению, что в этом районе бывшей Терской области «на плоскости господствующее положение занимало мелкотоварное хозяйство крестьян и казаков», а в «нагорной полосе господствовал патриархальный и натурально-крестьянский уклад»¹⁸. Между тем он считает, что «по своему уровню и характеру экономическое развитие Чечено-Ингушетии в предреволюционное время ... почти ничем не отличалось от развития соседних народов — северной Осетии и Кабарды»¹⁹. Б. М. Джимов, исследуя сельское хозяйство горских народов Кубани, пришел к выводу о том, «что уровень сельского хозяйства на территории Адыгей был не ниже, чем в степной полосе Кубанской области»²⁰, являвшейся, как показали исследования А. В. Фадеева, И. Ф. Мужева и других, районом высокоразвитого капиталистического земледелия.

Не менее противоречивы выводы исследователей и по Дагестану. Так, И. Исмаилов писал, что накануне Октября здесь «горские этнографические группы находились преимущественно на уровне дофеодальных отношений»²¹. Итого мнения придерживаются И. Р. Нахшунов, Х. Х. Рамазанов²² и др. В частности, И. Р. Нахшунов считает, что на плоскости в сельском хозяйстве Дагестана развивался капиталистический уклад, а в горах господствовал мелкотоварный²³. Есть и иные оценки социально-экономического развития Дагестана. Все это лишний раз говорит о трудности решения вопроса о степени проникновения капитализма в различные районы Северного Кавказа. Постепенное уяснение его происходит на основе изучения как общих, так и частных аспектов аграрной эволюции края. Одним из таких аспектов яв-

ляется история крестьянской колонизации. Пожалуй, трудно назвать работу по истории Северного Кавказа, в которой бы в той или иной степени он не затрагивался. Перечислять их все нет необходимости. Укажем лишь исследование, в котором заселение Северного Кавказа рассмотрено наиболее полно. Это историко-географический очерк В. В. Покшишевского²⁴. Он интересен тем, что в нем миграционные процессы в Предкавказье рассмотрены в широком хронологическом диапазоне. Это дало возможность отразить специфику колонизации района на различных исторических этапах и показать, что пореформенное заселение и освоение его, в отличие от предшествующих периодов, носило капиталистический характер.

В нашей исторической литературе пока еще нет специальных монографических работ, исключая небольшие работы о переселении горцев, посвященных изучению аграрной и в частности переселенческой политики царизма на Кавказе в конце XIX — начале XX в. Поэтому особенно ценной представляется статья Н. Д. Кузнецова, в которой рассмотрены основные мероприятия царизма в этом направлении и отношение к ним различных политических партий и фракций периода деятельности III Государственной думы²⁵. Автор убедительно показал, что только социал-демократическая группа Думы — подлинная выразительница интересов трудящегося крестьянства — смогла дать этой деятельности действительно объективную оценку. С трибуны думы социал-демократы разоблачали маневры царизма, указывая, что правительство при организации переселения крестьян руководствовалось исключительно интересами дворянства. Широко же разрекламированное правительством после революции 1905 г. переселенческое движение было вызвано стремлением господствующих классов не допустить «черного передела».

Лишенная плана и прочной организации дела, переселенческая политика царизма вела к разорению крестьян-переселенцев, защищала неприкосновенность дворянского землевладения. Тщетными оказались и попытки царизма разрядить земельную тесноту на Кубани и в Ставрополье: переселение части иногородних крестьян в Закавказье и Черноморскую губернию с самого начала было обречено на провал. Просьбы же местной буржуазии, поддержанные наместником царя на Кавказе графом И. И. Воронцовым-Дашковым, о введении в действие столыпинского аграрного законодательства на казачьих землях Предкавказья были отвергнуты. Хуторско-отрубная система получила распространение лишь на крестьянских землях Ставропольской губернии.

Из других статей по аграрно-переселенческой тематике следует еще назвать интересные статьи Д. Исмаил-Заде, В. П. Невской и С. А. Исаева²⁶. Первая статья раскрывает характер и содержание переселенческой программы правительства на различных этапах колонизации края. Два других автора пишут о политике правительства в аграрном вопросе по отношению к горским народам Карачаево-Черкесии и Чечни.

Условиям и итогам проведения столыпинской аграрной реформы в Ставропольской губернии посвящено исследование Т. П. Костиной²⁷. Автор показала в нем, что сравнительно хорошая обеспеченность землей местного крестьянства, наличие большого арендного фонда, малый удельный вес помещичьего землевладения создавали благоприятные условия для разрушения в этом районе сельской общины. В результате проводимой реформы к 1915 г. в Ставрополье укрепили землю в личную собственность 34% всех домохозяев, в то время как в губерниях Центральной России новые земельные собственники составили всего лишь 21,8%. Однако и в Ставропольской губернии при всех ее благоприятных условиях для столыпинской «чистки земель» под капитализм аграрная реформа была не в состоянии обеспечить достаточно свободное развитие капиталистических отношений в деревне, сохранялась масса сословно-феодалных пережитков. К сожалению, Т. П. Костина, подробно рассмотревшая объективно положительные результаты проведения столыпинской реформы в Ставрополье, этой стороне вопроса не уделила достаточного внимания. Было бы интересно также узнать, какое влияние оказали аграрные преобразования на систему ведения хозяйства новых и старых земельных собственников, характер земельной ренты, землепользование крестьян, сделалось ли последнее при этом более рациональным, отвечающим требованиям агрикультуры и т. п. Такие вопросы интересовали и землеустроительные комиссии, материалы обследования ими хуторов и отрубов отложились в архивах.

Наконец, очень важно узнать, какие новые черты принесла реформа в аграрно-капиталистическую эволюцию губернии. Т. П. Костина ограничилась одним замечанием по поводу земледельческого капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа, отметив, что он ближе к американскому типу развития, но как трансформировались элементы этого типа в ходе столыпинских преобразований в деревне, она не сообщает.

Большой интерес представляет вопрос о характере аграрных отношений в пореформенный период в северокавказской деревне (станции, ауле, селе). Различным аспектам этой темы посвящено немало работ в советской историографии. Это и работы, рассматривающие проблему в целом, и исследования, в которых изучению подвергнуты лишь отдельные ее компоненты (землевладение, землепользование, системы ведения хозяйства и пр.).

Одной из ранних работ, рассматривающих аграрные отношения в целом на Кубани, является исследование И. Гольдентула²⁸. Автор использовал обширный круг источников, ввел в научный оборот ряд новых документов, в том числе неизданные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., обработанные областным статбюро. В этом несомненное достоинство работы. Но, определяя социально-экономические истоки классовой борьбы на Кубани, И. Гольдентул скатился на позиции старой, буржуазной историографии, подменив марксистский классовый

подход к событиям анализом сословной розни казаков и иногородних. Действительно, казаки и иногородние в целом, как сословные группы отличались по своему правовому и экономическому положению. И различия эти были явно не в пользу последних, что и предопределило активное участие иногородних в установлении Советской власти на Кубани. Не учитывать это — значит не понять сложности классовой борьбы в кубанской станице. И все же главный водораздел в этой борьбе проходил не между иногородним крестьянством и казачеством, а между буржуазно-зажиточной верхушкой кубанской станицы и трудовой массой иногородней и казачьей бедноты.

Аграрный вопрос и аграрные отношения в соседней с Кубанью Ставропольской губернии рассмотрены в сравнительно небольших очерках В. Г. Березовской и А. С. Калмыкова²⁹. Они посвящены периоду, непосредственно предшествовавшему революционным событиям 1917 г., в них рассматриваются основные социально-экономические противоречия в Ставропольской губернии, классовая поляризация деревни и как отражение ее — революционное движение крестьянства.

Некоторую специфичность при этом представляет статья А. С. Калмыкова: в ней аграрные отношения в Ставрополье освещаются в связи с введением в губернии земских учреждений. Автор отразил взаимообусловленность проведения аграрных и земских реформ в этом районе Предкавказья. Столыпинские аграрные мероприятия, по его мнению, позволили «создать такую зажиточную прослойку, которая явилась опорой царизма при введении земских учреждений». Дальнейшее, ускоренное столыпинской реформой «развитие капиталистических отношений в ставропольской деревне требовало изменения структуры местного самоуправления, приспособления к новым условиям органов власти на местах³⁰. Этими новыми органами местного самоуправления и стали земские учреждения, введенные в губернии с 9 июня 1912 г. Руководящее положение в них заняли крупные землевладельцы, «тавричане» — скотоводы и лавочники. Как и аграрные преобразования, земская реформа была вызвана к жизни всем ходом исторического развития Ставрополя. Царизм вынужден был и здесь, на одной из своих окраин, приспособлять не только крестьянское землевладение, но и органы местного самоуправления к неумолимой поступи капитализма.

По земельным отношениям в горских районах Северного Кавказа, в частности по истории аграрных отношений в Карачаево-Черкесии, имеются работы В. П. Невской³¹, по Кабардино-Балкарии — статья Т. А. Жакомихова³² и по Дагестану — работа Г. Г. Османова³³. Их авторы раскрыли основные черты землевладения, землепользования и эксплуатации горского крестьянства, правда, на довольно ограниченном статистическом материале.

Таковы те основные работы, в которых земельный строй отдельных районов Северного Кавказа рассмотрен их авторами в целостном, обобщенном виде, без детального анализа всех его со-

ставных элементов. Между тем совершенно ясно, что без четкого представления, например, о способах производства сельскохозяйственных продуктов в помещичьих и кулацких хозяйствах, о преобладающих формах хозяйства в казачьей и крестьянской среде невозможно исторически объективно дать характеристику отношениям в станицах и аулах Северного Кавказа, правильно оценить широту и степень его капиталистического развития. В свою очередь систему ведения хозяйства различных категорий земледельцев нельзя уяснить без статистического экономического анализа частной земельной собственности, крестьянского землепользования и землепользования, характера арендных отношений, материально-производственной базы хозяйств сельских товаропроизводителей. Эти вопросы нашли отчасти отражение в ряде специальных работ советских исследователей. К ним относится, например, работа С. А. Скворцова, вышедшая в Краснодаре в 1925 г.³⁴ Показав в ней распределение земельного фонда на Кубани между различными категориями владельцев, автор основное внимание уделил передельно-паевой системе разверстания и эксплуатации земель в сельских общинах Кубанской области. Он отметил наиболее характерные черты этой системы: сильное падение величины наделов — результат интенсивно растущего населения; все чаще повторяющиеся уравнивательные переделы земель; всевозможные различия, порожденные сословной и национальной неравноправностью отдельных разрядов крестьян, горцев, колонистов и т. п. Все это неизбежно ухудшало положение основной массы общинников. Попытки сельских обществ утилизировать свое землепользование путем приспособления его к наиболее приемлемым, на их взгляд, севооборотам и системам земледелия не могли существенно изменить земельные порядки в общинах и уж тем более разрядить в них земельную тесноту. Общинное землевладение на Кубани вплоть до Октябрьской революции во многом оставалось архаическим, средневековым не только юридически, но и экономически. Сам С. А. Скворцов немногословен: комментариям он предпочитает цифры. Но хорошо подобранные им статистические выкладки облегчают интерпретацию вопроса.

Вопрос о частной земельной собственности края не так давно привлек внимание советских исследователей. Очевидно, это было связано с незначительным удельным весом частной земельной собственности в общем земельном фонде региона и почти полным отсутствием крупной латифундиальной собственности к началу XX в. Общую картину становления и эволюции частного землевладения в степном Предкавказье мы находим в известных работах А. В. Фадеева, С. А. Чекменева, П. А. Шацкого, В. П. Крикунова, по горским районам края — в обобщающих трудах по истории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана. На эту тему написан и ряд статей³⁵. В них прослеживается процесс формирования частной земельной собственности первоначально как дворянско-феодальной и казачье-старшинской, а затем рост бессо-

словной буржуазной собственности на землю. Однако сама трансформация феодальной, помещичьей собственности в буржуазную не нашла достаточно полного отражения в указанных исследованиях. Только в работе А. М. Анфимова, посвященной помещичьему землевладению Европейской России, есть весьма ценные замечания о ведении хозяйства в отдельных помещичьих имениях Кубани³⁶.

Действительно, большой интерес представляет не только вопрос об эволюции помещичьего, дворянского, но и всего частного (крестьянского, казачьего, колонистского, и т. д.) землевладения в крае. Не решены еще вопросы о динамике развития и структуре частного землевладения накануне Октябрьской социалистической революции.

Одну из первых и поэтому не совсем удачных попыток в этом направлении предпринял в своей в целом интересной статье В. Е. Щетнев³⁷. В указанной статье он распределил частные владения Кубанской области в зависимости от размеров земельной площади по трем основным группам: в первую он включил частновладельческие хозяйства с земельной площадью до 200 дес., во вторую — от 200 до 500 дес. и в третью — имеющие свыше 500 дес. земли. Первую группу, по его словам, составляли типичные «фермерские» хозяйства сельской буржуазии, купленные в свое время у дворян самостоятельно или через Крестьянский поземельный банк. Вторую группу В. Е. Щетнев без всяких оговорок также отнес к разряду капиталистического землевладения. В отношении же третьей группы высказался следующим образом: «Даже если признать, что все эти участки были помещичьими латифундиями, то в общем земельном фонде Кубанской области занимаемая ими площадь составляла примерно 2,3%. В действительности помещичьих хозяйств в Кубанской области было значительно меньше. Например, известное хозяйство барона Штейнгеля (вместе с арендованной землей его площадь достигала 20 211 дес.) носило ярко выраженный капиталистический характер»³⁸. Прежде всего уточним эту выдержку из работы В. Е. Щетнева. Именно барона Штейнгеля действительно относилось к хозяйствам предпринимательского типа, но ведь от этого оно не переставало быть крупным дворянским, помещичьим владением. Вспомним слова В. И. Ленина, который писал, что «на громаднейших участках земли, свыше 500 дес., почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение *крупного хозяйства*, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом»³⁹. Как показано в работе А. М. Анфимова, детально изучившего систему ведения хозяйства в экономике барона Штейнгеля, и в этом образцово-капиталистическом имении Кубани «новейшие» приемы использования наемной рабочей силы переплетались с полукрепостническими методами эксплуатации окрестных крестьян⁴⁰.

Рассматривая далее группировку частновладельческих хозяйств Кубани, нельзя не обратить внимание на неправомерное

отождествление автором крупных по размерам земельной площади имений с хозяйствами капиталистического типа. Основным аргументом при этом выдвигается принадлежность их лицам недворянского происхождения⁴¹. Думается, что этого аргумента явно недостаточно для определения типа владельческого хозяйства. Частные владения, даже если они принадлежат крестьянам, мещанам, казакам, могут быть по своим размерам относительно большими (как, например, имения, отнесенные В. Е. Щетневым ко второй группе), но по способу ведения хозяйства — далеко не капиталистическими. Лишь учет посевной площади, концентрации производства и капитала, рентных отношений условий найма рабочих и т. п. может дать ответ о характере хозяйственной деятельности в этих владениях. Данные же по размерам владений могут лишь завуалировать объективную картину, если подходить к ним не дифференцированно, а с общими осредненными показателями. Так, В. Е. Щетнев хозяйства размером до 200 дес. (а их было 8228, или 94,3% всего количества частных владений Кубани) отнес к типичным «фермерским» хозяйствам сельской буржуазии⁴². Так ли это? Можно ли все хозяйства данной категории владений зачислить в ранг буржуазных? Обратимся к использованному автором источнику⁴³. Из него усматривается, что 2082 частновладельческих хозяйства имели земельные площади не более чем по 10 дес. каждое, а 1801 хозяйство — по 10–20 дес. Трудно предположить, что они функционировали как капиталистические. Да и среди владений большего размера, как показывает многочисленные печатные и архивные данные, встречалось немало хозяйств далеко не буржуазного типа. Априорно с В. Е. Щетневым можно согласиться, что значительная часть крупных по размерам частных владений, принадлежавших недворянам, в условиях господства товарно-денежных отношений являлась капиталистическими, но делать категорические выводы, по-видимому, пока рано. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении и конкретизации.

В отличие от В. Е. Щетнева, М. М. Цораев в своей статье, посвященной помещичьему землевладению Кабарды⁴⁴, не ставил задачу дать типологическую структуру местного землевладения, хотя в конце работы и попытался разделить купленные крестьянами помещичьи земли на трудовые и кулацкие. В работе рассматривается процесс ликвидации феодального землевладения под влиянием новых экономических тенденций, проникавших в кабардинские селения в пореформенный период. В 1910–1914 гг., как показал автор, из 128 234 дес. помещичьих земель в руки пришлых и местных крестьян и предпринимателей перешло 84 596 дес., или 83,4% всей бывшей феодальной собственности⁴⁵. Это говорило о почти полном крахе дворянско-помещичьего землевладения в Кабарде.

Не меньший интерес в плане выяснения аграрно-капиталистической эволюции края представляют и вопросы землепользования. Однако из всех форм землепользования главным образом аренд-

ные отношения привлекали наибольшее внимание исследователей. Другие же его виды несколько полнее изучены на территориях Кубани и Терека⁴⁶.

Аренда, как известно, в пореформенный период приобрела первостепенное значение в жизни российской деревни. Не меньшее, если не большее значение она имела и на Северном Кавказе. Определить ее роль в сложном комплексе аграрных отношений — вот что представлялось важным ее исследователям. Одним из первых советских историков, поставивших перед собой такую задачу и решавших ее на широком общероссийском материале, был А. М. Анфимов⁴⁷. Такой диапазон исследования позволил автору рассмотреть основные вопросы проблемы в сравнительно-историческом разрезе, определенное место отведено выяснению характера аренды в Ставропольской губернии. Путем исследования состава арендаторов, использования ими наемного труда, изучения общих условий сельскохозяйственного производства А. М. Анфимов определил количественное соотношение продовольственной, товарной и капиталистической аренды в Ставрополье. Согласно его исчислениям, продовольственная аренда, или аренда из нужды, составляла здесь 3,8%, простая товарная — 21,5%, капиталистическая — 74,7%⁴⁸. Таким образом, уже этот очень важный экономический показатель дает довольно ясное представление об уровне капиталистического развития района накануне первой мировой войны.

Позже более детально арендные отношения в Ставропольской губернии рассмотрел Н. Т. Ерохин⁴⁹. Он установил, что в начале XX в. общий арендный фонд губернии составлял 1350 тыс. дес., из которых 450 тыс. дес. приходилось на земли, арендованные частными владельцами, а остальные 900 тыс. дес. — на земли, арендованные крестьянами, крестьянскими обществами и товариществами. Столь огромная земельная площадь, арендуемая частными владельцами Ставрополя, число которых было не так уж велико в губернии, объясняется их составом. В большинстве это крупные скотоводы, арендовавшие по несколько тысяч десятин сенокоса и пастбищ, главным образом у местных кочевых народностей. Последние не много выгадывали от такого партнерства, нередко подвергались самому бесовестному обману со стороны арендаторов. «Тавричаие» и предприниматели округляли свои капиталы с помощью далеко не идилических приемов эпохи первоначального накопления. Автор убедительно продемонстрировал их проделки. Несколько уточнил Н. Т. Ерохин и вопрос о характере аренды, предпринимательской или кабально-крепостнической, у крестьян Ставрополя. Используя ряд неопубликованных источников, он пришел к выводу, что аренда высшей группы крестьянства составляла не более 62—64%, а низшей — примерно 15% от арендуемой площади⁵⁰. Таким образом, не отрицая факта значительного преобладания предпринимательской аренды в Ставропольской губернии, Н. Т. Ерохин совершенно обоснованно отметил, что, несмотря на ничтожную роль дворянско-помещичь-

его землевладения, остатки крепостничества и здесь, в районе сравнительно высокоразвитых капиталистических отношений, нередко проявлялись в распространенном явлении кабальной аренды земли беднотой.

В большей степени, как показал П. А. Щацкий, полукрепостнические формы аренды (испольная и отработочная) имели место на Кубани. Автор объясняет это массовым притоком переселенцев и возрастающим спросом на мелкие участки земли⁵¹. Однако нельзя признать это объяснение исчерпывающим. Очевидно, в немалой степени широкому распространению продовольственной аренды в крестьянских хозяйствах области способствовали и такие факторы, как наличие значительно большего, чем в Ставропольской губернии, частновладельческого земельного фонда, характер сословно-казачьего землевладения и т. д. Все это, естественно, ограничивало рост предпринимательской аренды, на пути которой стояли такие преграды, как «посаженная плата», погодный характер аренды казачьей паевой земли, юридическое и экономическое бесправие иногородних крестьян⁵².

Еще более пестрыми, оплетенными массой феодально-патриархальных пережитков, были арендные отношения в горских районах края. Одним из своеобразных и распространенных видов аренды в горах был «ортак» (местная испольщина)⁵³. Широко практиковалась субаренда⁵⁴. К сожалению, нередко из-за недостатка источников исследователи горских народов пока еще не могут ответить на ряд очень важных вопросов из истории земельной ренты в горских аулах. Исключение, пожалуй, составляет работа К. Х. Дзокаева, специальный раздел которой посвящен развитию форм земельной ренты в дореволюционной Северной Осетии⁵⁵. С необходимой полнотой эти вопросы не до конца исследованы и по степной части Кубани и Ставрополья.

Особое внимание в трудах исследователей Северного Кавказа совершенно правомерно уделено сельскому хозяйству, развитию производительных сил региона, классовому расслоению деревни. Первые работы, посвященные сельскохозяйственному производству края, появились еще в 20-х годах. В большинстве своем они были написаны в связи с практическими задачами восстановления народного хозяйства и нередко содержали ценный статистический материал о предреволюционном состоянии сельского хозяйства отдельных областей Северного Кавказа (см. работы П. Н. Кокшайского, А. М. Овчинникова, А. А. Малигонова, А. А. Пономарева и др.).

В последующее время, главным образом с 50-х годов, стали появляться исследования, написанные на более широком круге источников, в которых подвергались анализу различные стороны сельскохозяйственного производства, изучалась его эволюция, на широкой статистической основе делались теоретические обобщения. При этом их авторы глубже изучали ленинское наследие, использовали методологию и методику В. И. Ленина в разработке изучаемых ими проблем. Примером этого может служить книга

Е. С. Карнаухова «Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.)», вышедшая в Москве в 1951 г. Опираясь на положения В. И. Ленина, автор рассмотрела структуру и трансформацию сельскохозяйственных культур и отраслей производства в России. Исследуя районы торгового земледелия, Е. С. Карнаухова особое внимание уделила Предкавказью, как одному из высокотоварных зерновых районов страны. На большом фактическом материале и, что особенно ценно, в сравнительно-историческом аспекте, она показала интенсивный рост основных «товарных» культур в этом районе, уродливо одностороннюю специализацию его земледелия, обусловленную характером капиталистического производства с его стихийным разделением труда и непропорциональностью развития различных отраслей хозяйства.

Более полно эволюция животноводства и зернового хозяйства края во второй половине XIX в. представлена в упомянутой выше статье П. В. Шацкого, составляющей основную часть его докторской диссертации. Автор показал в ней становление капиталистического сельскохозяйственного производства как закономерный результат развития капитализма вширь. Господствовавшее до 90-х годов XIX в. экстенсивное животноводство под влиянием роста земельной ренты постепенно уступило свои позиции зерновому хозяйству. Это был обычный, свойственный многим хозяйственно-территориальным районам мира процесс, знаменовавший переход от ранних этапов капиталистического развития к его более зрелым формам. По этому поводу К. Маркс в главе 47 «Капитала», посвященной генезису капиталистической земельной ренты, писал, что «проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Оно захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как животноводство, особенно овцеводство»⁵⁶. В такой же исторической последовательности, как показал П. А. Шацкий, капитал проникал и в районы Предкавказья. И здесь капиталистически развитое овцеводство предшествовало зерновому земледелию. Лишь когда рыночная цена на шерсть и мясо сравнялась с ценой производства, которое в силу этого стало малорентабельным, тогда овцеводческие хозяйства стали продвигаться в те места, где земельная рента еще не поглощала всей прибыли. П. А. Шацкому в своем исследовании удалось довольно зримо обрисовать этот процесс смены овцеводства земледелием и показать причины и последствия подобных изменений.

Следует отметить, что работа П. А. Шацкого, осветившая многие вопросы истории сельского хозяйства Предкавказья, далеко не исчерпала темы, о чем свидетельствует последующая ее разработка в диссертациях Н. Т. Ерохина, В. И. Денискина и других. К тому же он совершенно не брал во внимание сельскохозяйственное производство горских народов Кубани и Терека,

не говоря уже о сельском хозяйстве Дагестана, в последнее время исследованное Х. Х. Рамазановым⁵⁷.

Привлекателен для исследования и последующий период аграрной истории Северного Кавказа — период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России, но он изучен пока недостаточно.

Остаются малоизученными и такие очень важные проблемы, тесно примыкающие к проблемам земледельческого производства, но имеющие самостоятельное научное значение, как вопрос о системах земледелия, их видах и значении в аграрной эволюции региона. До сих пор в этом вопросе есть немало разногласий. Так, исследователи не всегда единодушны в оценке систем земледелия прошлого. Одни из них (например, А. В. Фадеев) расценивают переложную систему как абсолютно отрицательное явление, особенно применительно к капиталистическому периоду. В то же время такие наши известные ученые сельскохозяйственной науки, как Д. Н. Прянишников, Н. М. Тулайков и другие, считали использование этой системы экономически оправданным для отдельных районов России даже в конце XIX — начале XX в.

Расходятся позиции исследователей и в определении главного фактора развития систем земледелия. Одни из них (например, Ю. Ф. Новиков) основную причину смены земледельческих систем видят в усовершенствовании орудий и способов обработки почвы. Другие (например, П. А. Шацкий) большее значение придают росту народонаселения. К сожалению, до сих пор нет и единого толкования основных признаков систем земледелия. Между тем от решения этой задачи зависит разработка научной классификации систем земледелия и правильная оценка их роли на различных исторических этапах.

Почти не изучены сельские промыслы, своеобразие их в зависимости от нахождения района, значение «промысловых» заработков в бюджете различных категорий сельского населения. Исключение составляет монография Г. Х. Мамбетова⁵⁸.

Недостаточно исследован вопрос о товарности сельского хозяйства Северного Кавказа, его месте в товарном производстве страны. В имеющихся по данной проблеме работах делались попытки определить товарные излишки зерна по отдельным районам края⁵⁹, валовой и чистый (за вычетом семян) сбор его на одну душу населения⁶⁰, процентное соотношение вывоза зерновых хлебов в 1908—1911 гг. с территории Северного Кавказа на внутренние и внешние рынки⁶¹.

В 60-х годах вышла в свет монография В. А. Золотова, посвященная экспорту хлеба через южные порты России во второй половине XIX в.⁶² Изучение этого сюжета было продолжено в работе Э. Г. Алавердова⁶³. Оба автора немало внимания уделили торговому земледелию Предкавказья, характеру и формам товарообмена на местах, организации и размерам вывоза зерна на зарубежные рынки. Исследования В. А. Золотова и Э. Г. Алавердова

значительно обогащают наши представления об экспортной торговле Северного Кавказа во второй половине XIX — начале XX в., но они, естественно, оставляют в стороне другие немаловажные аспекты товарного производства, требующие специального изучения. К ним, в частности, относится вопрос о формировании и развитии внутреннего сельскохозяйственного рынка Северного Кавказа. В самых общих чертах попытку осветить отдельные моменты его эволюции на Кубани и в Ставрополье предпринял Н. И. Удовенко⁶⁴. Его статьями пока и ограничивается список работ на эту тему. Между тем анализ сложного механизма сельскохозяйственного рынка региона, его генезиса и функционирования — задача не из легких и требует дальнейшего углубленного и всестороннего изучения. В настоящее время, после выхода в свет капитального исследования И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, посвященного процессу складывания единого аграрного рынка России⁶⁵, решение этой задачи значительно облегчается в теоретическом и методическом плане, а сама работа в этом направлении делается еще более необходимой и назревшей.

Одним из животрепещущих вопросов, связанных с процессом формирования сельского пролетариата, а следовательно, и с уровнем развития аграрного капитализма, является вопрос о классовом расслоении северокавказской деревни. Здесь у историков далеко не тождественные суждения. Особенно противоречивы они по горским районам Северного Кавказа, где общественно-экономические отношения в пореформенный период были особенно запутанными, а источниковая база для исследования их (прежде всего статистическая) ограничена. Не случайно поэтому степень социально-экономической поляризации горского аула одного и того же периода нередко освещается историками по-разному: от слабо выраженного расслоения или совсем отсутствующего до признания того, что процесс разложения горского крестьянства зашел сравнительно далеко.

Ряд исследователей говорят о пауперизации горского крестьянства, причем одни понимают ее как своеобразную пролетаризацию, другие — как процесс иного порядка, далеко не тождественный образованию класса сельских наемных рабочих. Это процесс сложный и его нельзя понимать однозначно. С одной стороны, обнищание крестьянства, вызванное своеобразием проникновения капитала в горы и рядом других причин, способствовало рекрутированию разоренных крестьян в сельских пролетариев, а с другой стороны, пауперизация еще не представляла собой процесс разложения крестьянства, т. е. выделения класса сельскохозяйственных наемных рабочих. Вопрос о соотношении пауперизации и пролетаризации горского аула на различных этапах его исторической эволюции еще нуждается в дальнейшей конкретно-исторической и теоретической разработке.

Эти вопросы остаются злободневными и для степных районов Кубани и Ставрополья. Не так давно опубликованы статьи Б. А. Трехбрата и Л. И. Футорянского по этим вопросам. Пер-

вый утверждает, что уже в 70-х годах XIX в. более 40% казачьих дворов на Кубани были пролетарскими⁶⁶. Л. И. Футорьянский, специально исследовавший расслоение казачества, показал, что даже в 1912 г. среди кубанского казачества беднота составляла только 30,5%⁶⁷. Сравнение указанных цифр уже настораживает фактом обратимости процесса, не свойственного для капиталистического расслоения. Мы видим уменьшение группы бедноты по мере развития капиталистических отношений на Кубани. Но если даже не брать во внимание эти подсчеты, основанные в целом-то на идентичном показателе — дифференциации казачества по тягловому скоту, следует признать, что выводы, сделанные первым автором о значительной доле дворов сельских пролетариев в среде кубанского казачества преждевременны и категоричны. Ибо сельский пролетариат — это прежде всего экономический тип крестьянства, определяемый, по словам В. И. Ленина, «*всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве» (по аренде и сдаче земли, заработкам, продаже рабочей силы и т. д.)⁶⁸.

Не менее разноречивы суждения историков, как это показал в своей работе Н. Т. Ерохин, и по вопросу расслоения ставропольского села⁶⁹.

Причины подобных расхождений уже не раз обсуждались на страницах исторической периодики, в результате чего отдельные теоретические выводы и методические приемы стали прочным достоянием советской исторической науки. Учет их в конкретно-исторических исследованиях и дальнейшая углубленная разработка проблемы помогут преодолеть указанные противоречия.

Все это говорит о том, что перед исследователями Северного Кавказа стоит немало задач, настоятельное решение которых диктуется всем ходом развития исторической науки. Одна из них — исследование аграрно-капиталистической эволюции края, ставшего в результате этого объективного процесса составной и неразрывной частью народнохозяйственной системы дореволюционной России.

Изучение аграрной истории Северного Кавказа находится на той восходящей стадии, когда наряду с продолжающимся накоплением фактического материала исследователи все чаще обращаются к широким научным обобщениям и глубокому теоретическому осмыслению наиболее кардинальных ее проблем.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 217.

² Там же, т. 21, с. 330.

³ Там же, т. 16, с. 315.

⁴ Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956, вып. 10.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

⁶ Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России:

(К проблеме развития капитализма вширь).— История СССР, 1956, № 6.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

⁸ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. 4-е изд. М., 1956, т. 2, с. 417.

⁹ Фадеев А. В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период.— В кн.: Ежегодник

- по аграрной истории Восточной Европы, 1959 (далее: ЕАНВЕ). М., 1961.
- ¹⁰ Там же, с. 260.
- ¹¹ *Гальцев В. С.* Социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа в 70—90 годах XIX века.— *Вопр. истории*, 1954, № 10; *Мужев П. Ф.* Развитие капитализма на Северном Кавказе в конце XIX—начале XX в.: Сб. статей по истории Кабарды и Балкарни. Нальчик, 1957, вып. 6.
- ¹² *Тройно Ф. П.* Вовлечение горских народов Северного Кавказа в систему русского капитализма.— *Тр. Карачаево-Черкес. НИИ, Ставрополь*, 1970, вып. 6, с. 163.
- ¹³ *Кумыков Т. X.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.
- ¹⁴ *Дрогалкина М. В.* Социально-экономическое состояние Ставрополя накануне первой русской революции.— *Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та Пятигорск*, 1956, т. 3. *Она же*. Ставрополь в конце XIX—начале XX века.— *Учен. зап. Пятигор. пед. ин-та Пятигорск*, 1958, т. 16; *Мохов Е. А.* Ставропольская губерния в конце XIX—начале XX века.— *Учен. зап. Муром. пед. ин-та, Муром*, 1958, вып. 3.
- ¹⁵ См. в кн.: К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе за годы Советской власти. Орджоникидзе, 1974, с. 5.
- ¹⁶ *Кобегкаев М. А.* Социально-экономическое развитие Северной Осетии в пореформенный период.— В кн.: *Вопросы истории и политэкономии*. Орджоникидзе, 1974, с. 101.
- ¹⁷ *Ортабаев Б. X.* Развитие экономики Северной Осетии в конце XIX—начале XX в. Орджоникидзе, 1967, с. 55.
- ¹⁸ *Гриценко Н. П.* Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972, с. 267.
- ¹⁹ Там же, с. 266.
- ²⁰ *Джимов Б. М.* Социально-экономическое положение кубанских горцев накануне Октябрьской революции.— Сб. статей по истории Адыгел. 1977, вып. 1, с. 130.
- ²¹ *Исмаилов П.* Ленинская теория некапиталистического развития и народности Кавказа. Баку, 1968, с. 22—23.
- ²² *Нахшунов П. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; *Рамазанов X. X.* Социальная структура Дагестана в пореформенный период.— Сб. науч. сообщ. Даг. ун-та, 1974, вып. 4.
- ²³ Нахшунов П. Р. Указ. соч. с. 146.
- ²⁴ *Покишевский В. В.* К географии дооктябрьских колониально-миграционных процессов на Северном Кавказе: (Историко-географический очерк).— *Изв. Всесоюз. геогр. о-ва*, 1948, т. 80, вып. 4.
- ²⁵ *Кузнецов П. Д.* Аграрная политика царизма на Кавказе и 3-я Государственная дума.— *Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина*, 1957, т. 102.
- ²⁶ *Исмаил-Заде Д.* Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX—начале XX в.— *Ист. зап.*, 1977, т. 99; *Невская В. П.* Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе.— Сб. трудов Карачаево-Черкес. пед. ин-та, 1958, вып. 1; *Исаев С. А.* Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50—60-х гг. XIX в.— *Изв. Чечено-Ингуш. НИИ. Грозный*, 1974, т. 9, вып. 1.
- ²⁷ *Гостина Т. П.* Столыпинская аграрная реформа в Ставропольской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 1953.
- ²⁸ *Гольденгул П.* Земельные отношения на Кубани. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1924.
- ²⁹ *Березовская В. Г.* Аграрные отношения в Ставропольской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— *Учен. зап. Смолен. пед. ин-та, Смоленск*, 1958, вып. 7; *Калмыков А. С.* Аграрные отношения на Ставрополье в период введения земских учреждений (1912—1917 гг.).— *Науч. тр. каф. истории Ставропол. пед. ин-та, Ставрополь*, 1972.
- ³⁰ Там же, с. 103, 109.
- ³¹ *Невская В. П.* Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в.— *Тр. Карачаево-*

- Черкес. НИИ, Ставрополь, 1964, вып. 4. Она же. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.
- ³² *Жакомихов Т. А.* Аграрные отношения в Кабарде и Балкарии (XIX в.).— Учен. зап. Кавказно-Балкар. ун-та, Нальчик, 1963, вып. 18.
- ³³ *Османов Г. Г.* Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— Тр. Ин-та истории партии при Даг. обкоме КПСС, Махачкала, 1957, т. 1.
- ³⁴ *Скворцов С. А.* Землевание в Кубанской области: Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925.
- ³⁵ *Кучмезова М. Ч.* Землевание и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в.— Вест. Кавказно-Балкар. НИИ, Нальчик, 1972, вып. 6; *Рамазанов Х. Х.* Землевание и землепользование в Дагестане в пореформенный период.— Сб. науч. сообщ. Даг. ун-та, Махачкала, 1974, вып. 4; *Ратушняк В. Н.* Частное землевание Кубанской области во второй половине XIX — начале XX века.— Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. школы. Серия обществ. наук, 1975, № 1.
- ³⁶ *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.
- ³⁷ *Щетнев В. Е.* Октябрьская революция и динамика социально-экономической структуры кубанской станицы.— ЕАИВБ, 1966. Таллин, 1971.
- ³⁸ Там же, с. 523, 524.
- ³⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 309.
- ⁴⁰ *Анфимов А. М.* Указ. соч., с. 165—166.
- ⁴¹ А. П. Чевелев в своей статье «Революционное движение 1905—1907 гг. на Ставрополье» вообще все недворянские частновладельческие земли оптом отнес к разряду капиталистических хозяйств. См.: Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1955, вып. 7, с. 208.
- ⁴² *Щетнев В. Е.* Указ. соч., с. 523.
- ⁴³ Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области: Стат. сб. за 1922—1923 гг. Краснодар, 1924.
- ⁴⁴ *Цораев М. М.* О помещичьем землевании в Кабарде в конце XIX — начале XX века.— Учен. зап. Кавказно-Балкар. НИИ, Нальчик, 1965, т. 23.
- ⁴⁵ Там же, с. 282.
- ⁴⁶ См.: *Гриценко Н. П.* Указ. соч.; *Денискин В. И.* О землепользовании в Терском казачьем войске во II половине XIX века.— В кн.: Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Известия Чечено-Ингуш. НИИ, Грозный, 1972, т. 9, вып. 1, ч. 1; *Невская В. П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964; *Ратушняк В. Н.* Эволюция землепользования и систем земледела на Кубани (конец XVIII в.—1914 г.).— В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1973, ч. 1.
- ⁴⁷ *Анфимов А. М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961.
- ⁴⁸ Там же, с. 114.
- ⁴⁹ *Ерохин Н. Т.* Земельная аренда в Ставропольской губернии в начале XX века.— В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970.
- ⁵⁰ Там же, с. 382—383, 397.
- ⁵¹ *Щацкий П. А.* Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг.: (Историческое исследование).— В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь, 1970.
- ⁵² *Футорянский Л. И.* К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971, с. 447.
- ⁵³ *Студенецкая Е. Н.* Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX — начало XX в.).— Сб. тр. Карачаево-Черкес. пед. ин-та, 1958, вып. 1.
- ⁵⁴ *Тройно Ф. П.* Об арендных и субарендных ценах на землю у горских народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в.— В кн.: История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1976, вып. 2.

- ⁵⁵ *Дзокаев К. Х.* Экономическое развитие осетинского крестьянства.— Изв. Северо-Осетин. НИИ, Дзауджикау, 1948, т. 11, вып. 1.
- ⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 365—366.
- ⁵⁷ *Рамазанов Х. Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861—1900 гг.). Махачкала, 1972.
- ⁵⁸ *Мамбетов Г. Х.* Крестьянские промыслы Кабарды и Балкарии во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик, 1962.
- ⁵⁹ *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922, с. 11, 22.
- ⁶⁰ Экспортные возможности юго-востока России. Ростов н/Д., 1923, с. 16, 19.
- ⁶¹ *Лященко П. И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927, с. 314.
- ⁶² *Зологов В. А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX века. Ростов н/Д., 1966.
- ⁶³ *Алавердов Э. Г.* Хлебный экспорт России через южные порты в период империализма.— В кн.: Вопросы истории и филологии. Ростов н/Д., 1974.
- ⁶⁴ *Удовенко Н. И.* Внутренний рынок степного Предкавказья в период капитализма.— Науч. тр. каф. истории Ставропол. пед. ин-та, 1972; *Он же.* Сельскохозяйственный рынок степного Предкавказья (70—90-е годы XIX в.).— В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1973, ч. 1.
- ⁶⁵ *Ковальченко П. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974.
- ⁶⁶ *Трехбратов Б. А.* К вопросу о формировании сельскохозяйственных рабочих в Кубанской области.— Науч. тр. каф. истории Ставропол. пед. ин-та, Ставрополь, 1972, с. 124.
- ⁶⁷ *Футорянский Л. П.* Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX — начале XX в.— ЕАИВБ, 1971.. Вильнюс, 1974, с. 302.
- ⁶⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 117. Здесь же В. И. Ленин пишет: «Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении».
- ⁶⁹ *Ерохин Н. Т.* Расслоение крестьянства и классовая борьба в ставропольской деревне в период между двумя буржуазно-демократическими революциями.— В кн.: К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. Ставрополь, 1969, с. 69—71.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (1897/1898 — 1917 гг.) В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГДР (исследования и проблемы)

Б. Каулинш (ГДР)

Изучение империализма, являющееся важным моментом в идеологической борьбе и способствующее «дальнейшему научно-обоснованию стратегии и тактики марксистско-ленинских партий»¹, в первой половине 70-х годов заняло существенное место в разработке марксистско-ленинской исторической концепции². Утвержденный Политбюро ЦК СЕПГ в 1972 г.³ план исследований в области общественных наук в ГДР (до 1975 г.) нацелил работу по изучению высшей стадии капитализма прежде всего на то, чтобы «еще полнее раскрыть человеконенавистническую сущность и паразитический характер империализма»⁴. Эта чрезвычайно важная в научном и политическом отношении задача охватывает также и изучение развития германского империализма до 1917 г. Решение ее имеет особое значение, так как буржуазная и социал-реформистская историография, в частности в ФРГ, с 60-х годов весьма активно пытается исторически оправдать и защитить империалистическую систему. Как бы ни были различны методология и методика исследования у различных буржуазных историков, все они стремятся замаскировать сущность империализма как последней и высшей стадии капитализма, оспаривают идентичность монополистического капитализма и империализма. Империализм изображается ими как «главный феномен» истории, возрождающийся в измененном соответственно новым условиям виде, как сопутствующее явление «индустриальной экономической общественной системы». Утверждают, что существование империализма окончилось в 1918 г., в крайнем случае — в 1945 г., что это явление, принадлежащее прошлому. Содержание понятия «империализм» толкуется порой чрезвычайно узко. Его употребляют лишь для обозначения политики территориальной экспансии и особенно колониальной политики. Империализм также толкуется как «социал-империализм», как результат временных затруднений в развитии «индустриального общества» или как «стратегия оборонительной стабилизации власти» (Strategie defensiver Herrschaftsstabilisierung). Наконец, стремясь оправдать империалистическую экспансионистскую политику, буржуазные историки объясняют ее более или менее ис-

ключительно идеологическими, структурными, конституционными, социальными или даже «роковыми» причинами, а то, что империалистическая политика уходит корнями в экономику монополистического капитализма, оспаривается, и экономическим факторам, если и не всегда, то все же часто, отводится подчиненное место⁵.

Исходные позиции в интенсивном изучении германского империализма периода до и во время первой мировой войны, которые историки ГДР ведут с начала 70-х годов, были разработаны в предшествующие годы. В обобщающих трудах были подведены итоги исследований, в многочисленных специальных работах освещались различные аспекты и проявления политики германского империализма с начала XX в. и до Великой Октябрьской социалистической революции. Некоторые из них, относящиеся к 60-м годам, будут охарактеризованы в данной статье очень кратко.

Впервые марксистско-ленинская общая концепция германской истории с начала XX в. до Октябрьской революции 1917 г. была изложена в созданном под руководством Ф. Кляйна учебнике для высшей школы «Германия с 1897/98 по 1917 г.», который к нашему времени вышел уже в нескольких переработанных изданиях⁶. В нем не только был дан общий обзор внутренней и внешней политики правительства вильгельмовской Германии, борьбы рабочего класса против империализма и войны, но также и подведены были итоги исследований, намечены пути дальнейшего изучения империализма.

Направляющее значение имели основополагающие работы по истории германского рабочего движения, среди которых прежде всего нужно назвать «Историю германского рабочего движения в восьми томах». Во втором томе этого издания⁷ впервые были освещены все главные проблемы развития германского рабочего движения с начала эпохи империализма до Великой Октябрьской социалистической революции. Были охарактеризованы важнейшие антимилитаристские и антиимпериалистические боевые действия, которыми руководили революционные социал-демократы и германские левые, проанализированы возникшие в этот период новые требования к стратегии и тактике рабочего класса и борьба между марксистами и оппортунистами, оценены заслуги революционного крыла германской социал-демократии, вскрыты основные причины раскола партии и ее постепенного превращения в реформистскую рабочую партию.

В изучении империалистической внутренней политики Германии на первом плане стояло изменение соотношения между возрастающей внешнеполитической агрессивностью и усилением эксплуатации рабочего класса. К. Штенкевиц в монографическом исследовании впервые широко поставил вопрос о назревшем накануне первой мировой войны политическом кризисе германского империализма⁸. Было предпринято также широкое и плодотворное исследование истории буржуазных партий и организаций. Рассматривались их цели и политическая роль, изменение их

функций и организационной структуры в период перехода к империалистической стадии капитализма. Это интенсивное исследование истории буржуазных партий нашло концентрированное выражение в подготовленном Д. Фрике двухтомном справочном издании⁹.

Историки, а также другие специалисты, изучавшие германский империализм до 1917 г., детально исследовали германскую колониальную политику, игравшую до 1914 г. первостепенную роль во внеевропейских экспансионистских устремлениях германского монополистического капитала. Из большого числа работ по этой тематике мы упомянем здесь только три, авторы которых — Г. Штеккер, Г. Дрекслер и М. Нуссбаум — рассматривают историю различных колониальных владений Германии в Африке¹⁰. В области военной истории были написаны работы о подготовке вооруженных сил к первой мировой войне. Здесь нужно прежде всего отметить работу Г. Отто о прусско-германском генеральном штабе, в которой подробно рассматривалось возникновение стратегии молниеносной войны¹¹. Однако основное внимание специалистов в 60-х годах было сосредоточено на изучении роли германского империализма в первой мировой войне. Впервые был создан марксистско-ленинский обзор военных действий. Были проанализированы действия на различных фронтах, их влияние на соотношение сил участников войны, закономерность поражения германского империализма¹². Среди большого числа работ, посвященных империалистической внешней политике Германии, следует выделить две крупные монографии — В. Базлера и Л. Ратмана¹³. Предметом большого монографического исследования А. Шрётера было мощное влияние современной войны на экономику, растущее подчинение экономики интересам военного руководства, развитие империалистической военно-хозяйственной организации, а также усилившаяся милитаризация экономики, т. е. возникновение явлений государственно-монополистического капитализма¹⁴.

Итоги исследований, проведенных в 60-х годах, были подведены, а также пополнены новыми выводами в трехтомном труде «Германия в первой мировой войне». Авторским коллективом под руководством Ф. Кляйна впервые была разработана марксистско-ленинская общая концепция развития Германии во время первой мировой войны. В этом труде были освещены характерные черты внутренней и внешней политики Германии во всем их многообразии: экономическое положение во время войны, военные действия, деятельность партий и организаций господствующего класса, а также охарактеризовано положение народных масс, рабочее движение во время войны¹⁵.

Названные выше и многочисленные работы, не упомянутые нами из-за ограниченных размеров статьи¹⁶, стали, как уже говорилось, исходным пунктом изучения империализма в 70-х годах. Историки, экономисты и другие специалисты особенно интенсивно продолжают изучение империалистической внешней,

колониальной и экспансионистской политики Германии в начале XX в. Они стремятся также осветить отдельные стороны и явления внутреннего развития страны и классовой борьбы, глубже вникнуть в проблемы германского милитаризма, исследовать его роль в развитии германского империализма накануне войны. Прежде всего они обратились к рассмотрению взаимосвязей между экономикой и политикой, между монополистическим капиталом и государством, особое внимание уделяя возникновению и развитию государственно-монополистического капитализма. Они коснулись ключевых проблем в исследовании империализма, анализе закономерностей исторического процесса. Решение этих проблем особенно важно для наступательной борьбы против империалистической историографии и идеологии.

Мы обратимся к важнейшим выводам, сделанным в ходе этой работы, к проблемам, методам, применявшимся в ходе исследований, осветим вновь поставленные вопросы и существующие еще пробелы в изучении темы. Правда, из обзора мы исключаем такую важную и обширную тему, как история германского рабочего движения, хотя за последние годы в разработке этой проблемы появилось значительное число новых трудов¹⁷.

С начала 70-х годов вышло множество монографий, статей, документальных публикаций и диссертаций, но мы ограничимся рассмотрением работ и научных дискуссий по проблемам империалистической политики, экономики и идеологии. Большое значение как в методологическом отношении, так и в разработке фактической истории имела многолетняя работа над очерком истории германского народа и над обзором истории СЕПГ¹⁸. Подведены итоги исследований, результаты их обобщены, оценки и суждения критически пересмотрены; поставлены новые вопросы и даны новые импульсы для целого ряда специальных исследований. В изучении империализма на первый план выдвинулся углубленный анализ взаимосвязи между экономикой и политикой, монополистическим капиталом и государством, а также анализ развития государственно-монополистического капитализма. Значение этих проблем определяется задачей марксистско-ленинской исторической науки возможно более детально и конкретно вскрыть законы общественного развития и проследить их влияние на различные области общественной жизни, глубже исследовать роль монополий, экономической основы империализма, показать, что монополия «с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни»¹⁹, что экономические, политические и идеологические интересы, устремления и действия монополистической буржуазии, уходят корнями в экономику монополистического капитализма, вскрыть их влияние на политические решения государственных деятелей²⁰. В ряде работ, тематически выходящих за рамки настоящего обзора, прежде всего в работах о первой мировой войне, на конкретных примерах показано, что действия правительства в конечном счете определялись интересами монополистической буржуазии²¹.

Преодолению методологических недостатков в изучении империализма в ГДР способствовал научный colloquium по комплексному изучению германского империализма кануна первой мировой войны²². Этот colloquium ориентировал исследователей прежде всего на то, чтобы не рассматривать социально-экономические условия как нечто статическое, а господство монополистического капитализма — как нечто абстрактное, однажды данное, а обратить основное внимание на возникновение и развитие этого господства, точнее определить компоненты этого процесса и значение каждого из них. В. Гуче, стремясь более широко охватить проблему соотношения между экономикой и политикой, осветить взаимоотношения между монополистическим капиталом и государством в вильгельмовской Германии накануне первой мировой войны, обратил внимание на некоторые до сих пор не исследованные связи и явления. Так, он поставил вопрос о влиянии на развитие отношений между монополистическим капиталом и государством ускоряющегося процесса концентрации производств и образования монополий, циклической смены подъемов и кризисов, изменения экономических условий, а также определяющихся этими условиями интересов различных отраслей экономики или монополистических групп. В. Гуче попытался также выделить этапы этого развития²³. Результаты наблюдений, убедительно доказывающие сильно возросшее накануне первой мировой войны (по сравнению с началом века) влияние монополистической буржуазии на государственные дела, были сформулированы автором в ряде рабочих тезисов, которые нацеливают на дальнейшие углубленные исследования. Важные выводы по данной проблематике были сформулированы многодневной научной сессией, организованной рабочей группой «Германский империализм до 1917 г.» при Центральном институте истории Академии наук ГДР в октябре 1976 г.²⁴ Процесс образования монополий и их влияние на политику, экономику и идеологию, на структуру господствующих классов, и особенно на отношения между юнкерством и буржуазией; связь внутренней и внешней финансовой политики, хозяйственно-политической стратегии государства с целями и устремлениями различных течений и группировок господствующих классов; отношения между промышленными и банковскими монополиями; масштабы и формы усиливающегося слияния монополий и капиталов — все это, как ясно показали ход дискуссии и ее результаты, относится к тем явлениям и процессам, которые, несмотря на достигнутые за последние годы успехи, требуют своего дальнейшего изучения.

Углубленное и всестороннее обращение к проблемам соотношения между экономикой и политикой потребовало и дальнейшего изучения сложного комплекса вопросов образования государственно-монополистического капитализма, его важнейших черт и исторического значения.

Ценным вкладом в разработку этих проблем явились исследования Х. Нуссбаум²⁵. Исходя из положения, что государст-

венно-монополистический капитализм является характерной чертой империализма, его закономерным порождением, и обосновывая это положение, Х. Нуссбаум проанализировала высказывания классиков марксизма-ленинизма об отношениях между государством и монополиями и дала хотя и сжатый, но весьма содержательный обзор возникновения и развития государственно-монополистического капитализма в Германии до 1914 г. Автор считает, что развитие всех противоречий капитализма в конце концов привело к концентрации и образованию монополий, а затем наметился поворот в сторону монополистического капитализма. Этот поворот, с одной стороны, ослабил некоторые противоречия, а с другой — вновь воспроизвел их на более высокой ступени, породил на различных уровнях «слияние гигантской мощи капитала с гигантским могуществом государства». Поскольку развитие капиталистической экономики происходило в Германии позднее, чем в других крупных государствах, и в то же время было особенно быстрым, «призыв к вмешательству государства», вызванный развитием монополий, был здесь особенно громким. Наряду с общими, свойственными всем капиталистическим странам явлениями автор освещает и те условия развития государственно-монополистического капитализма, которые исторически сложились именно в Германии. Особое значение для будущих исследований имеет вывод, что отдельные стороны государственно-монополистического капитализма развивались неравномерно, причем при общем поступательном развитии в некоторых областях наблюдались и обратный процесс. В своих работах на примере электроэнергетики и сталевой промышленности Х. Нуссбаум подробно рассматривает так называемую «мелкую структуру» движущих сил государственно-монополистического капитализма.

В исследованиях других авторов освещались различные аспекты роли государства в развитии немецкой экономики²⁶, возникновение и роль государственной собственности на средства производства²⁷. Рассматривалось также место военного комитета германской промышленности (до сих пор, в отличие от других военно-экономических учреждений, мало изученного) в структуре государственно-монополистического капитализма²⁸. Изучение статистического материала позволило показать, что уже при переходе к монополистическому капитализму наблюдались изменения в бюджетной политике государства: появились первые элементы государственно-монополистического капитализма в области экономического регулирования²⁹. В связи с изучением социально-структурных принципов образования государственно-монополистического капитализма было, наконец, начато исследование структурных изменений рабочего класса в период 80-х годов XIX в. — 1914 г.³⁰

Связь экономики и политики в системе государственно-монополистического капитализма в Германии является центральной темой монографии К. Госсвайлера, охватывающей большой промежуток времени и преимущественно период Веймарской респуб-

лики. Автор определил роль крупных банков в отношениях между главными группировками господствующих классов³¹, проследил всевозрастающее влияние представителей крупных банков на участие в делах промышленности, определение политики государственного аппарата³². Но все же утверждение автора о том, что банковский капитал играл руководящую роль по отношению к промышленному, представляется спорным³³.

Для изучения самых различных сторон политической истории чрезвычайно важно создание серьезных, богатых по фактическому материалу и теоретически содержательных историко-экономических исследований.

Выход в свет третьего тома «Экономической истории Германии», охватывающего 1871—1945 гг., завершил выполнение замысла, возникшего много лет назад³⁴. Этот новый труд опирается на научные изыскания последних лет и является результатом историко-аналитических и теоретических исследований. В обобщенном виде показаны основные тенденции развития производительных сил, процесса концентрации и централизации производства и капитала, а также образования монополий и развития государственно-монополистического капитализма; проанализированы особенности экономического развития Германии на различных этапах. Таким образом, были не только ликвидированы определенные пробелы в изучении проблемы, но одновременно даны новые импульсы для экономических и исторических исследований, намечены новые подходы к решению исследовательских задач. Ввиду сложности изучаемых процессов ряд высказываний и оценок, например о начале эпохи империализма и пролетарских революций, выявлении основных признаков империализма или о развитии государственно-монополистического капитализма³⁵, требует своего дальнейшего углубления и уточнения.

Несмотря на успехи, достигнутые в последние годы³⁶, перечисленные выше работы показывают, что в ГДР среди историков и специалистов по экономической истории, так же как и среди историков-марксистов других стран, существуют еще различные точки зрения на критерии определения государственно-монополистического капитализма и его историческое место в структуре общества. Следует ли рассматривать его как явление преимущественно политической структуры империализма в качестве критерия изменений в экономической структуре, которые неизбежно влекут за собой изменения в структуре политической? Является ли государственно-монополистический капитализм «фазой» империализма, или же это «основная черта» империализма — таковы вопросы, все еще остающиеся спорными. Их подробно рассматривает Х. Нуссбаум во введении и заключении к своей докторской диссертации. Вступая в спор со сторонниками теории «фазы», она утверждает, что государственно-монополистический капитализм является «основной чертой» империализма, что именно такая точка зрения наилучшим образом отражает историческое развитие государственно-монополистического капитализма³⁷. Пред-

посланное этому утверждению (число его сторонников явно растет) ограничительное замечание о «современном состоянии изучения» показывает, что для окончательного решения вопроса необходимы новые детальные исследования на материале не только Германии, но и других ведущих капиталистических стран.

В некоторых других работах по экономической истории, отчасти выходящих за принятые в данной статье хронологические рамки и написанных не только специалистами по экономической истории, детально освещались концентрация и централизация³⁸, развитие отдельных отраслей промышленности³⁹, влияние перехода к империализму на сельское хозяйство⁴⁰ и на развитие отдельных германских земель⁴¹, финансовая подготовка к войне⁴², а также вопросы военной экономики⁴³. Л. Цумпе в обзоре состояния и проблем историко-экономического изучения империализма указывает на важнейшие вопросы, которые должны быть рассмотрены прежде всего⁴⁴. Автор подчеркивает, между прочим, важность долгосрочных и сравнительных исследований развития империализма, ибо только такие исследования могут создать предпосылки для познания законов и закономерностей общественного развития. Л. Цумпе перечисляет ряд недостаточно изученных важных проблем, касающихся всей эпохи развития империализма (и, несомненно, это в большей или меньшей степени относится и к периоду до 1917 г.), — внешняя торговля, финансовое хозяйство и финансовая политика государства, движущие силы концентрации капитала.

Как и в 60-х годах, в первой половине 70-х годов было опубликовано значительное число работ о внешней экспансионистской и колониальной политике германского империализма. Вышел в свет сборник «*Weltherrschaft im Visier*», содержащий более пятидесяти преимущественно не публиковавшихся прежде документов, относящихся к периоду 1899—1917 гг., важных для изучения политики германского империализма, направленной к достижению европейского и мирового господства, что снова подтверждает преемственность его агрессивной политики с начала XX в. и до 1945 г.⁴⁵

Монополиям как основному признаку империализма свойственно стремление к господству, насилию и экспансии. Исходя из этого, историки обращают особое внимание на то, какие последствия вызывает рост влияния монополий и крупных банков, их экономических и политических интересов на внешнюю политику государства, в какой степени государство учитывало эти интересы, содействовало, и в какой мере, их удовлетворению или же модифицировало их в общих интересах империализма. На конкретных примерах вскрывается преемственность агрессивной внешней политики до и после 1914 г. Все это способствует дальнейшему изучению внутренней связи между империалистической экспансией Германии накануне войны, усиливающейся подготовкой к войне и агрессивной политикой правительства.

Публикация не использованных до сих пор документов показала, что еще накануне войны усилилась заинтересованность германских металлургических монополий и крупных банков во французских рудных залежах в Лонгви-Бриге и Нормандии. Выяснились также значительные успехи политики мирного проникновения во Францию, что, однако, отнюдь не ослабило, а напротив, усилило агрессивность империалистов⁴⁶. Эта сторона империалистической экономической экспансии, игравшая важную роль в обострении противоречий между империалистическими державами, заслуживает внимания будущих исследователей. Необходимо, в частности, изучать политику Германии в Сербии. Задолго до первой мировой войны финансовые и экономические интересы германского капитала занимали в этой политике важное место. Сербия была хотя и небольшим, но, учитывая интересы Германии на Балканах, важным звеном в ее планах создания Средней Европы. Поэтому германский империализм был непосредственно заинтересован в разрешении австро-сербского конфликта. Изучение новых важных деталей этих вопросов поможет точнее определить особую роль германско-сербских отношений в решении руководства империи о вступлении в войну во время июльского кризиса 1914 г.⁴⁷

Особое внимание историков ГДР привлекали различные планы создания Средней Европы, для которых было характерно стремление к расширению экономического и политического господства, к завоеванию новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала. С конца XIX в. они нашли ясное выражение в «главной программе экспансии» германского империализма, реализация которой должна была создать прочные основы и предпосылки для борьбы за господство на мировом рынке⁴⁸.

Деятельность уже упомянутой исследовательской группы «Германский империализм до 1917 г.» способствует организации новых исследований. Под ее влиянием создаются новые работы — важнейшие из них уже опубликованы⁴⁹ — о движущих силах экономического развития, помехах в осуществлении планов создания Средней Европы, общих чертах планов и различиях между ними, выражении их в политике имперского правительства и др. Эти работы обсуждались на двухдневной научной сессии, состоявшейся в конце 1974 г.⁵⁰ Поскольку выяснилось, что интересы различных империалистических группировок в Германии весьма расходились, противостояли друг другу или перекрещивались, была признана необходимость дальнейшего изучения этих проблем в историографии ГДР. Так, более глубокого анализа требует вопрос, каковы были цели тех, кто выступал за создание Средней Европы. Стремилась ли авторы проектов только к получению новых рынков сбыта для растущей промышленности или рассчитывали также с помощью сокращения таможенных ограничений и других экономических и политических уступок еще выгоднее использовать уже захваченные рынки или надежно защи-

тить их от уже существующей или ожидаемой в будущем конкуренции третьих лиц? Нужны также исследования различных вариантов концепции Срединной Европы — «малой» или «великой Срединной Европы», ориентации на Восточную или Западную Европу, изучение предпосылок, причин возникновения этих проектов, их цели, и места в общих интересах германского империализма.

Изучение внутренних противоречий между Германией и Австро-Венгрией подтвердило наблюдение, что вопреки всем планам создания Срединной Европы союз обеих средневропейских держав с переходом к империализму становится все более непрочным вследствие причин экономического и политического порядка⁵¹. Следовательно, нельзя ограничиваться только изучением имевшихся или отсутствовавших в самой Германии предпосылок для реализации этих планов. Необходимо изучать также экономику и политическую жизнь тех стран, которые согласно проектам Срединной Европы должны были попасть под гнет германского империализма.

В связи с изучением германской политики в Финляндии в 1917—1918 гг. освещены предпринятые между началом первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революцией попытки экономической экспансии германских империалистов в этой стране, и их стремления к вмешательству в ее политическую жизнь. Выяснилось, что и те области, которые не были решающими для германских экспансионистов, в определенных обстоятельствах играли для империалистов отнюдь не последнюю роль⁵². С начала XX в. возросло значение Северной Европы как рынка сбыта и источника сырья. Ее военно-стратегическое положение также вызвало интерес Германии. Поэтому нужно более глубоко изучить, какое место отводилось скандинавским странам в проектах Срединной Европы. Анализ основных черт политики германского империализма в Северной Европе, проведенный М. Менгером, Ф. Петриком и В. Вильгельмусом, поможет этим исследованиям⁵³.

Х. Беннекенштейн, детально освещая политику германского империализма в Закавказье, вносит свой вклад в изучение до сих пор недостаточно исследованного направления германской экспансии в этом регионе⁵⁴. Автору удалось показать, что политика Германии в Закавказье и до первой мировой войны, и во время нее была органической составной частью экономических и политических стремлений монополистического капитала к проникновению на Восток. Германские империалисты рассчитывали не только овладеть сырьевыми месторождениями в Грузии, но и достигнуть гораздо более дальних политических и военных целей — ослабить Россию путем отторжения ее южной окраины, использовать Закавказье в качестве плацдарма как против России, так и против азиатских колоний Англии, а также как важный опорный пункт для обеспечения германских инвестиций в Османской империи.

например, экспансии в Азии, особенно в Восточной Азии, которой в последние годы не уделялось достаточно внимания. Это поможет выяснить в полной мере масштабы агрессивной внешней политики, «мировой политики» Германской империи. Следует также обратить внимание на методы экономического проникновения в чужие колонии и сферы влияния, исследовать границы политики «мирного проникновения» и ее роль в обострении международных противоречий. В этой связи особенно важно успешно изучать этапы экспансии, которые лишь весьма относительно могут быть названы «мирными». Становится возможным дальнейшее исследование внутренней связи между довоенной экспансией, усилившейся подготовкой к войне, и уже довольно широко изученными военными целями германского империализма.

Большую актуальность сохраняет и исторический анализ милитаризма при монополистическом капитализме, различных форм его проявления и особенно роковой роли милитаризма — смертельного врага народа, стремящегося к демократии и миру. Этот анализ содержится в многочисленных работах по проблемам милитаризма.

Враждебная народу сущность и пагубная роль милитаризма в период до 1918 г. показана в подготовленной П. Бахманом и К. Цайслером иллюстрированной истории германского милитаризма⁷⁰. Написаны диссертации об унтер-офицерском корпусе, который с созданием империалистической массовой армии приобрел решающую роль в обучении и воспитании солдат, в руководстве ими⁷¹, о генезисе и значении союзов участников войны, являвшихся оплотом реакционного пруссачества⁷², или о роли германской армии в первой мировой войне и в Ноябрьской революции⁷³. Впервые в марксистско-ленинской историографии рассмотрены особенности проблематики истории милитаризма и внесен ценный вклад в разоблачение легенды о том, что якобы кайзеровская армия не носила политического характера. Картину дополняют более мелкие работы, главным образом о внутриполитической роли армии⁷⁴ и о милитаристском воспитании⁷⁵.

Об интенсивном изучении проблем милитаризма свидетельствует также проведение научных коллоквиумов⁷⁶ и развернутая на страницах «Военно-исторического журнала» широкая дискуссия о становлении и развитии германского милитаризма. Эти мероприятия заострили внимание на главных вопросах истории милитаризма и методологии его изучения, на некоторых линиях развития милитаризма от его возникновения и до наших дней. Они способствовали также решению еще не выясненных или спорных вопросов, например о времени возникновения и периодизации развития милитаризма. В будущем необходимо углубить наши знания о главных общих чертах его, функциях, многообразии проявлений, методов, используемых милитаризмом, последствий его усиления. Большое значение имеет также анализ соотношения современного милитаризма и власти, всеобщих монополий. Важно также точнее и детальнее определить место, роль и влияние

милитаризма в политике и в системе господства эксплуататорских классов. Признано необходимым преодоление несколько одностороннего национально-исторического подхода к изучению милитаризма. Германский милитаризм нужно исследовать в рамках развития милитаризма во всем мире⁷⁷.

Авторы некоторых статей, опубликованных в ходе дискуссии, более или менее прямо касались проблемы изучения истории милитаризма начала XX в. В статье Х. Отто рассматриваются новые важнейшие черты, движущие силы и проявления милитаризма, связанные с переходом к империализму и борьбой за новый передел мира. Это, например, скачкообразный рост военного аппарата и военной бюрократии, увеличение числа военных и полувоевых учреждений, проникновение милитаризма во все области общественной жизни. Астор поставил также ряд интересных вопросов, нуждающихся в обстоятельном анализе. Вот некоторые из них. Могла ли, и в какой мере могла, монополистическая буржуазия использовать перевооружение армии и флота, идеологическую подготовку к войне для усиления своего влияния на военный аппарат? В какой мере усилился контрреволюционный характер вооруженных сил после 1905 г.? Как выявлялась усиливающаяся неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран в военном отношении? Каково было соотношение авантюризма и реальной оценки военной и экономической мощи страны в военных планах германского империализма⁷⁸?

Н. Гиртц и В. Кюттлер в своей статье анализируют взгляды В. И. Ленина на милитаризм, показывают, что эти взгляды, сложившиеся у Ленина в первые десятилетия XX в., были результатом наблюдения за развитием империализма, за войнами, связываемыми империалистами⁷⁹. Методологические установки, содержащиеся в статье, будут способствовать дальнейшей работе над этой проблемой. Участником дискуссии о милитаризме можно также считать Г. Паулуса. Он приходит к выводу, что накануне первой мировой войны милитаризация всей общественной жизни в вильгельмовской империи настолько усилилась, что милитаризм превратился в „комплексную систему“ классового господства буржуазии», в «милитаристскую систему господства»⁸⁰.

Заметные успехи достигнуты также в военной истории. Впервые с позиций марксизма-ленинизма был написан краткий очерк германской военной истории от ее истоков и до 1945 года. В этом труде военная история связывается с общей историей Германии, что помогает более глубоко осмыслить закономерности военной истории. Кратко охарактеризована военная политика германского империализма, развитие его вооруженных сил, форсированная подготовка к войне и, наконец, поражение Германии в первой мировой войне⁸¹. Непобедимое поражение не могли предотвратить даже крайне грубые средства и методы, применявшиеся империалистами для осуществления своих разбойничьих целей. Хотя эти методы были уже заклеяны марксистско-ленинской историей

графией, военно-теоретические и правовые положения, лежащие в их основе, освещены слабее. Этот недостаток восполняет публикация работы о сухопутных войсках. В ней охарактеризованы господствовавшие с начала XX в. и до 1945 г. взгляды на соблюдение принципов международного права при ведении вооруженной борьбы, в обращении с пленными, управлении оккупированными территориями и т. д. В работе убедительно показано, что варварские способы ведения войны, применявшиеся германскими империалистами, не были неизбежным следствием вооруженной борьбы или реакцией на способы, применявшиеся державами Антанты. Они были запланированы военными и юристами еще задолго до развязывания войны⁸². Одним из таких способов, нарушавших действовавшие в то время правовые нормы и обычаи, была организованная Германией подводная война. План неограниченного использования подводных лодок был задуман еще осенью 1914 г., — доказывает в своей диссертации Б. Каулиш. Исполнение этого плана откладывалось, однако, не из опасений нарушить международное право и не из-за существовавших разногласий относительно подобного способа ведения войны. Решение определялось экономическими и политическими интересами влиятельных кругов господствующих классов⁸³.

Вопросам организации армии и ее техническому оснащению ученые ГДР также посвятили ряд работ. Так, впервые исследован сложный процесс выработки мобилизационных планов и техники мобилизации. При этом впервые проанализированы различные меры, применявшиеся прусско-германским генеральным штабом для получения преимущества во времени, необходимого для стратегии молниеносной войны⁸⁴. В статье Х. Отто и К. Шмиделя освещаются некоторые аспекты еще недостаточно изученной многосторонней проблемы влияния развития техники на отношение к войне и на военную теорию во время подготовки и ведения первой мировой войны⁸⁵. К этим работам примыкает ряд более мелких статей о развитии военной техники⁸⁶. Отметим, однако, что по-прежнему совершенно нет аналогичных работ о развитии и роли кайзеровского флота и о морской войне.

Большое значение приобретает анализ социальной структуры империалистической Германии до 1917 г. Точное представление о социальном делении классов и слоев и о протекавшей внутри классов дифференциации помогает более всесторонне и глубоко понять предпосылки, условия развития и движущие силы политических устремлений, позиций, идеологий. К сложной проблеме внутренней структуры господствующих классов в Германии обратился в своих двух статьях Х. Хандке. Он охарактеризовал вертикальную и горизонтальную структуру классов, отношения между ведущими и второстепенными группами, между группами, органически присущими данной системе и не характерными для нее⁸⁷. Необходимо продолжать исследования в этой области; особенно важно изучение экономического положения и политической роли юнкерства. Это поможет точнее показать, например,

перемещение центра тяжести в отношениях между юнкерством и буржуазией, выяснить, наконец, спорный для историков ГДР вопрос, существовали ли в Германии накануне войны два господствующих класса или можно говорить лишь об одном господствующем классе⁸⁸.

В статье З. Дильвиц, опирающейся в методическом отношении на исследования В. И. Ленпна, сделана попытка структурного анализа крестьянства⁸⁹. Еще нет детальных исследований о мелких ремесленниках и торговцах, а также о других социальных слоях, для которых переход к имперпализму имел серьезные последствия. Между тем заполнение этого пробела необходимо по двум причинам. Во-первых, интенсивное изучение социальной структуры средних слоев и происходивших в них изменений имеет большое значение для дальнейшей разработки проблемы союзников рабочего класса. Во-вторых, это поможет ответить на вопрос, как удалось юнкерству и монополистической буржуазии подчинить себе в идеологическом и политическом отношениях большую часть средних слоев и создать таким образом массовую базу для борьбы против революционного рабочего движения и для внутривластного обеспечения враждебной народу военной политики. Э. Хартвиг выдвинул в этом плане целый ряд вопросов: в какой мере с переходом к империализму возрастают возможности влияния буржуазии на средние слои; какие предпосылки для этого влияния создает буржуазии ее экономическое положение; какие возможности многостороннего воздействия на средние слои возникли в связи с разногласиями и борьбой внутри господствующих классов, порожденными особыми экономическими и политическими интересами юнкеров и отдельных монополистических группировок?⁹⁰ Решение этих вопросов поможет объяснить, что привело средние слои к губительному, противоречившему их объективным интересам политическому развитию.

В. И. Ленин однажды назвал борьбу партий на определенных этапах развития капиталистического общества «самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов»⁹¹. Отсюда ясно, как важно изучать роль буржуазных партий в классовой борьбе. Ведь с переходом к имперпализму не только усиливается борьба господствующих классов против революционного рабочего движения, но и борьба за влияние на народные массы приобретает качественно новые черты.

Важнейшие политические и методологические проблемы будущих исследований были предметом дискуссии, развернувшейся на научной сессии, организованной комиссией по истории нового времени Общества историков ГДР и секции истории Йенского университета им. Фридриха Шиллера в сентябре 1976 г.⁹² В основном докладе Д. Фрикке⁹³ затронул некоторые методологические стороны проблемы влияния буржуазных партий на трудящихся. Эти вопросы обсуждались затем и в секциях. Постановка их дает новые импульсы для изучения истории буржуазных партий (также и в период с начала XX в. и до 1917 г.), ориентиру-

ет исследователей обратить внимание на соотношение объективного и субъективного в действиях широких масс и в политике буржуазных партий и организаций, осветить влияние международной обстановки и особенно международного рабочего движения на отношение буржуазных партий к массам⁹⁴.

Две диссертации — о политике немецкой консервативной партии в последние годы ее существования⁹⁵ и о возникновении, роли и деятельности Немецкой отечественной партии⁹⁶ — обогатили наши познания в области изучения истории буржуазных партий. К этим работам примыкает статья об отношении партии Центра к проекту строительства флота в 1897 г. В ней анализируется проникновение в партию Центра империалистической идеологии и политики. Это была последняя фаза превращения Центра из антипрусской оппозиционной партии в прочный оплот империалистической системы⁹⁷.

В январе 1971 г. секция философии и истории Иенского университета им. Ф. Шиллера организовала научную сессию, посвященную проблемам истории непростетарских, демократических, антиимпериалистических и антимилитаристских сил в Германии с середины XIX в. до 1945 г.⁹⁸ На этой сессии были разработаны методологические и теоретические основы для изучения непростетарских сил, что особенно важно для решения проблемы об отношении рабочего класса к союзникам.

В дальнейшем изучении империалистической внутренней политики Германии между началом XX в. и Великой Октябрьской социалистической революцией, историки ГДР видят свою задачу в раскрытии средств и методов, которыми пользуются империалистическая буржуазия и юнкерство для сохранения своего господства, для того, чтобы не допустить трудящиеся классы и слои к участию в решении важнейших государственных вопросов, для проведения враждебной народу внутренней и внешней политики.

Нельзя не отметить, что в последние годы недостаточно изучалась внутренняя политика, и этот недостаток необходимо исправить. На некоторые важные вопросы надо обратить усиленное внимание. Особенно это касается проблемы деятельности государства. Наряду с глубоким исследованием законодательства империи, а также и законодательств важнейших германских государств необходимы исследования по истории права и организации управления, о деятельности важнейших государственных органов, союзных министерств, о политической роли высших правительственных чиновников, например ландграфов.

Глубокого изучения заслуживает уже затронутый в ряде работ вопрос о соотношении между применением открытой и скрытой силы, с одной стороны, и мнимолиберальными уступками — с другой, т. е. вопрос об охарактеризованных В. И. Лениным главных методах господства буржуазии в их переплетении. Необходимо исследовать многообразные корни и мотивы выбора того или другого метода и убедительно показать, что сторонники более гибкой линии во внутренней политике не выдвигали настоя-

щей альтернативы политике открытого и насильственного подавления. Выступая за ограниченные реформы и отдельные уступки рабочим, они стремились лишь предупредить обострение классово-вой борьбы, затруднявшей функционирование капиталистической системы или даже ставившей под вопрос ее существование⁹⁹.

Привлечение новых источников, изучение различных группировок внутри господствующих классов поможет еще детальнее осветить роль оппортунизма, а также буржуазных, антисоциалистических рабочих организаций в стратегических и тактических концепциях их борьбы против революционного рабочего движения, за подчинение его империалистическому государству¹⁰⁰.

Поскольку союз между юнкерством и буржуазией служил основой внутренней и внешней политики германского империализма, необходимо углубленное исследование исторических, экономических, политических и идеологических мотивов «Sammlungspolitik», а также факторов, препятствовавших проведению этой политики¹⁰¹.

Наконец, нельзя упускать из виду исследование проводившейся правящими классами политики подавления национальных меньшинств, живших на территории Германской империи. Так, на основании исследований прошлых лет изучается история сорбов, рассматриваются также и последствия перехода к империализму для сорбского населения¹⁰².

В последние годы историки ГДР продолжали изучение идеологических процессов и явлений, их материальной основы и движущих сил, форм и путей насаждения империалистической идеологии в широких кругах. Появилось и несколько серьезных работ по этому вопросу.

Вышла в свет монография о роли антисемитизма в идеологии и политике германского империализма. Автор показывает, что преступная практика «окончательного решения европейского вопроса» была задумана реакционными представителями германского империализма задолго до установления власти фашизма¹⁰³.

Более детально исследованы содержание и классовая сущность легенды о Гогенцоллернах, политические и идеологические причины ее распространения, ее роль в империалистической «мировой политике» кайзеровской империи¹⁰⁴.

Недостаточно еще с марксистско-ленинских позиций проанализирована история исторической науки в вильгельмовской Германии. Правда, в настоящее время появляются отдельные исследования, заполняющие «белые пятна» по этим вопросам. Такова, например, работа, критикующая попытки изобразить исходным пунктом германской истории завершённую Пруссией в 1870—1871 гг. «революцию сверху» и анализирующая политические последствия подобных попыток. На конкретном примере показано, как буржуазные историки служили господствующим классам и помогали проведению политики войны и катастроф, осуществлявшейся германским империализмом¹⁰⁵. Впервые написан большой труд о военных историях, к которым это более всего отно-

сится. На примере «официальной» военной историографии проанализированы некоторые положения буржуазной исторической науки, например тезис о якобы «чисто военном» характере военной историографии. Было доказано, что прусско-германский генеральный штаб в ходе работы по созданию военной истории исходил из вполне целенаправленной постановки вопроса, тесно связанной с актуальными потребностями и стремлениями генерального штаба. Этот труд должен был помочь ему в реализации военных и политических целей господствующих классов. В конечном счете военная историография всегда способствовала подготовке к войне, и эта подготовка велась в двух направлениях: военная подготовка армии и политико-идеологическая подготовка масс¹⁰⁶.

Исследуя пути и способы внедрения империалистической идеологии в народные массы, нельзя пройти мимо вопроса о школе, ибо в постановке образования и воспитания всегда отражаются интересы господствующих классов. Вышла в свет монография, посвященная месту и значению воспитания рабочих в системе просвещения империалистической Германии¹⁰⁷. В. Менних кратко освещает политические и теоретические основы государственно-буржуазного воспитания, отмечая, что с переходом к империализму начался новый этап в развитии воспитания рабочих. Ввиду численного роста социал-демократии буржуазия стремилась особенно подчинить проимпериалистическому влиянию рабочую молодежь¹⁰⁸. Поэтому указывает В. Менних, необходимо дальнейшее исследование и этой проблемы, и различных форм воспитания молодежи в империалистической Германии.

Две монографии, одна — о Берлинской Академии наук¹⁰⁹, другая — об Обществе имени кайзера Вильгельма¹¹⁰ вносят серьезный вклад в изучение состояния и роли науки в эпоху империализма, когда усилилось влияние монополистического капитализма на деятельность и положение ученых в буржуазном классовом обществе и науку в целом. В вышедшем из печати девятом томе «Истории германской литературы» впервые дан марксистско-ленинский анализ развития германской литературы с конца XIX в. до 1917 г. Отмечая прогрессивные явления в литературе этого периода, авторы в то же время подвергают критике господствовавшую культуру, апологетические, шовинистические и развлекательные издания, распространявшиеся массовыми тиражами, а также антидемократические и проимпериалистические элитарные теории¹¹¹. Опубликована статья, где впервые с марксистско-ленинских позиций освещается взаимное влияние общественного развития и возникновения новых идей в архитектуре¹¹². Автор убедительно показал, что переход к империализму наложил отпечаток на все области идеологии и культуры.

Политические, философские, религиозные, художественные и другие идеи зависят от материального базиса общества, отражают его состояние и, в свою очередь, влияют на него. Исходя из этого, в будущем следует обратить особое внимание на возникно-

венне и изменение различных видов идеологии, на зависимость этого процесса от изменений в социально-экономической базе и проследить, как развитие идеологии вызывает изменения в структуре власти, порождает новые цели и потребности господствующих классов. Необходим анализ особых и общих признаков реакционной идеологии, ее классовой сущности, а также форм ее широкого распространения.

Значительных успехов добились в рассматриваемый период историография ГДР в разработке политических биографий. Созданы жизнеописания ряда видных представителей господствующих классов, показана их роль в пагубной политике германского империализма. Вышла работа о Теобальде Бетман-Гольеве, который в качестве имперского канцлера в 1909—1917 гг. был одним из руководителей подготовки и развязывания первой мировой войны, одним из тех, кто отвечал за империалистическую военную политику¹¹³. Паулю фон Гинденбургу, после битвы при Танненберге, осенью 1914 г., возведенному шовинистической пропагандой в ранг национального героя, с 1916 г. и до конца войны — руководителю высшего военного командования, а с 1925 г. — рехспрезиденту, посвящена монография В. Руге¹¹⁴. Написаны работы о Вальтере Ратенау, деятеле финансового капитала, о его широких государственно-монополистических планах¹¹⁵, о политике партии Центра, о Маттнасе Эрцбергере¹¹⁶.

Итак, перечисленные выше и некоторые другие исследования и публикации¹¹⁷ отражают накопленные взгляды историков ГДР на важные явления экономической, социальной, политической, военной и духовно-культурной жизни Вильгельмовской Германии в 1897—1917 гг.¹¹⁸ Достигнуты новые результаты в исследовании исторических процессов, проходивших в течение двух десятилетий германской истории, понимании лежащих в основе этих процессов закономерностей. Выполнена важная предварительная работа для комплекса исследований общих и особых черт германского империализма, единства и взаимовлияния империалистической экономики, политики и идеологии. Однако в изучении этих проблем еще существуют пробелы, на новом уровне осмысления знаний возникают новые вопросы или по-новому решаются прежние. Это создает предпосылки для продолжения исследований. Первостепенное значение приобретают комплексный подход и сотрудничество специалистов различных областей, ибо только с помощью согласованной исследовательской работы специалистов в области политической истории с историками, занимающимися другими социально-научными дисциплинами, возможно решение всего комплекса проблем развития германского империализма.

Центральным направлением будущих исследований, особенно настоятельно требующим внимания ученых, является изучение связей германского империализма, его политики, экономики и идеологии с мировым империализмом, исследование взаимовлияний и связей между германской историей и историей других

стран. Для решения этих проблем необходимо дальнейшее развитие сотрудничества с историками-марксистами других стран, особенно с историками социалистических государств.

Пер. с нем. С. В. Оболенской

- ¹ Hager K. Aufgaben der Gesellschaftswissenschaften.— Einheit, 1975, H. 2, S. 142.
- ² См.: *Idem.* Die entwickelte sozialistische Gesellschaft (Aufgaben der Gesellschaftswissenschaften nach dem VIII. Parteitag der SED).— Einheit, 1974, H. 2, S. 1203—1242. Barthel H., Schmidt W. Neue Probleme der Geschichtswissenschaft in der DDR. Zur bisherigen Auswertung des VIII. Parteitages der SED durch die Historiker.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее: ZfG), 1972, H. 7, S. 797—817.
- ³ Einheit, 1972, H. 2, S. 169—184.
- ⁴ *Ibid.*, S. 174.
- ⁵ О борьбе против буржуазной историографии см.: Gutsche W. Zur Imperialismusapologie in der BRD: «Neue» Imperialismusdeutungen in der BRD—Historiographie zur deutschen Geschichte 1898 bis 1917. Berlin, 1975; Unbewältigte Vergangenheit: Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung in der BRD. 3. neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Berlin, 1977, S. 293—316; *Ои же.* К истолкованию понятия империализма в новейшей историографии ФРГ, посвященной германской истории с 1898 по 1918 г.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1977. М., 1978.
- ⁶ Klein F. Deutschland von 1897/98 bis 1917: Deutschland in der Periode des Imperialismus bis zur Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1961 (4. bearbeitete Auflage 1977).
- ⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Berlin, 1966. Bd. 2. Vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis 1917.
- ⁸ Stenkewitz K. Gegen Bajonett und Dividende: Die politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Berlin, 1960.
- ⁹ Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessengruppen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Leipzig, 1968, Bd. 1; 1970, Bd. 2.
- ¹⁰ Nussbaum M. Togo — eine Musterkolonie? Berlin, 1962; Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft. Berlin, 1960, Bd. 1; 1968, Bd. 2; Drechsler H. Südwestafrika unter deutscher Kolonialherrschaft. Der Kampf der Herero und Nama gegen den deutschen Imperialismus (1884—1915). Berlin, 1966.
- ¹¹ Otto H. Schlieffen und der Generalstab: Der preußisch-deutsche Generalstab unter der Leitung des Generals von Schlieffen, 1891—1905. Berlin, 1966.
- ¹² Otto H., Schmiedel K., Schnitter H. Der erste Weltkrieg: Militärhistorischer Abriß. Berlin, 1968, См.: также: Otto H., Schmiedel K. Der erste Weltkrieg: Militärhistorischer Abriß, 3. völlig überarbeitete und ergänzte Auflage. Berlin, 1977; Der erste Weltkrieg: Dokumente. Berlin, 1977.
- ¹³ Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum, 1914—1918. Berlin, 1962; Rathmann L. Stossrichtung Nah-Ost, 1914—1918: Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. Berlin, 1963.
- ¹⁴ Schröter A. Krieg — Staat — Monopol, 1914—1918; Die Zusammenhänge von imperialistischer Kriegswirtschaft, Militarisierung der Volkswirtschaft und staatsmonopolistischem Kapitalismus in Deutschland während des ersten Weltkrieges. Berlin, 1965.
- ¹⁵ Deutschland im ersten Weltkrieg. Bd. 1. Vorbereitung, Entfesselung und Verlauf des Krieges bis Ende 1914; Bd. 2. Januar 1915 bis Oktober 1917; Bd. 3. November 1917 bis November 1918. 1—3. Auflage. Berlin, 1968 ff. На основе этого трехтомного труда и специальной литературы выпущено краткое однотомное издание: Gutsche W., Klein F., Petzold J. Von Sarajevo nach Versailles: Deutschland im ersten Weltkrieg. Berlin, 1974.

- ¹⁶ См.: *Gutsche W., Laschitza A.* Forschungen zur deutschen Geschichte von der Jahrhundertwende bis 1917.— ZfG, 1970, Sonderband: Historische Forschungen in der DDR 1960—1970. Analysen und Berichte. S. 476—507; *Grimann J., Heymann I.* Der deutsche Imperialismus bis 1917: Auswahlbibliographie der Veröffentlichungen aus sozialistischen Ländern (1960—1974).— Jahrbuch für Geschichte (далее:— JfG), 1977, Bd. 15, S. 347—493. О работах, посвященных германскому империализму, вышедших в 50-х годах. см.: *Bernhard H., Fricke D.* Forschungen zur Geschichte Deutschlands und der deutschen Arbeiterbewegung von 1890—1917/18.— ZfG, 1960, Sonderband: Historische Forschungen in der DDR. Analysen und Berichte, S. 300—324.
- ¹⁷ *Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung, 1869—1914: ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf. Berlin, 1976; *Bildermann W.* Jugend im ersten Weltkrieg: Tagebücher. Briefe, Erinnerungen. Berlin, 1972; *Laschitza A., Radczun G.* Rosa Luxemburg: Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1971; *Reisberg A.* Lenins Beziehungen zur deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1970; *Wohlgemuth H.* Karl Liebknecht: Eine Biographie. Berlin, 1973 и др. труды. См. также библиографию работ (JfG, 1977, Bd. 15, S. 395 ff.).
- ¹⁸ Grundriß der deutschen Geschichte. Von den Anfängen der Geschichte des Deutschen Volkes bis zur Gestaltung der entwickelten sozialistischen Gesellschaft in der Deutschen Demokratischen Republik. Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1974, 1978, 1979 (предыдущие издания). См. также *Diehl E.* Zu Forschungsproblemen der Geschichte des deutschen Volkes und der Geschichte der DDR.— Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker-Gesellschaft der DDR, 1975, H. II, S. 3—27; *Fricke D.* Zur Epoche des Imperialismus und des Vorabends der proletarischen Revolution (Hauptperiode XVI).— Ibid., S. 70 ff; *Engelberg E.* Besprechung zum Grundriß.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung (далее: BzG), 1975, II, 3, S. 528 ff.; Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Abriß, Berlin, 1978.
- ¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 355.
- ²⁰ О необходимости углубленного изучения соотношения между экономикой и политикой см. также: *Gutsche W.* Probleme der Erforschung der Geschichte des deutschen Imperialismus 1898 bis 1917.— JfG, 1977, Bd. 15, S. 12—17; *Idem.* Zur Erforschung des Verhältnisses von Ökonomie und Politik im deutschen Imperialismus vor 1917.— ZfG, 1977, H. 6, S. 711—725.
- ²¹ *Gutsche W.* Zum Funktionsmechanismus zwischen Staat und Monopolkapital in Deutschland in den ersten Monaten des Ersten Weltkrieges.— Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte (далее: JfW), 1973, T. 1, S. 63—92; *Idem.* Der Einfluss des Monopolkapitals auf die Entstehung der aussenpolitischen Konzeption der Regierung Bethmann Hollweg zu Beginn des ersten Weltkrieges.— JfG, Bd. 5, 1971, S. 119—173. Эти проблемы затрагиваются и в некоторых других работах.
- ²² Сообщение об этом коллоквиуме см.: Zeitschrift für Militärgeschichte (далее: ZfM), 1974, H. 3, S. 344—346.
- ²³ *Gutsche W.* Probleme des Verhältnisses zwischen Monopolkapital und Staat in Deutschland vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Vorabend des ersten Weltkrieges.— In: Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914. Berlin, 1976, S. 33—84.
- ²⁴ Сообщение об этой сессии см.: ZfG, 1977, H. 4, S. 459—461.
- ²⁵ *Nussbaum H.* Versuche zur reichsgesetzlichen Regelung der deutschen Elektrizitätswirtschaft und zu ihrer Überführung in Reichseigentum 1909 bis 1914.— JfW, 1968, T. II, S. 117—203; *Eadem.* Zur Imperialismustheorie W. I. Lenins und zur Entwicklung staat-monopolitischer Züge des deutschen Imperialismus bis 1914.— JfW, 1970, T. IV, S. 25—65; *Eadem.* Die Investitionsstrategie staatlicher und privater Unternehmen unter den Bedingungen eines gesetzlichen

- Zwangssyndikats: (Deutsche Kali-industrie bis 1914).— In: Wirtschaft und Staat im Imperialismus: Beiträge zur Entstehungsgeschichte des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland. Berlin, 1976, S. 53—83. Эти три исследования объединены в ее диссертации: *Eadem*. Studien zur staatsmonopolistischen Entwicklung des deutschen Imperialismus bis 1914: Diss. B. Berlin, 1975; *Eadem*. Zur Diskussion um den historischen Platz des staatsmonopolistischen Kapitalismus in der neueren marxistisch-leninistischen Literatur.— JfW, 1976, T. I, S. 69—93; *Eadem*. Was ist staatsmonopolistischer Kapitalismus? Gesellschaftlicher Reproduktionsprozeß und Entwicklung staatsmonopolistisches Züge bis 1914.— In: *Baudis D., Nussbaum H.* Wirtschaft und Staat in Deutschland vom Ende der 19. Jahrhunderts bis 1918/19. Berlin, 1978 (Abschnitt. I—II).
- ²⁸ *Mottek H.* Zur historischen Entwicklung der ökonomischen Rolle des bürgerlichen Staates bis zum ersten Weltkrieg.— JfW, 1974, T. III, S. 65—71.
- ²⁷ *Pach S.* Einige Aspekte der Herausbildung und der Rolle des Staatseigentums an Produktionsmitteln im Imperialismus — dargestellt an der Entstehung und Rolle der Aktiengesellschaft Sächsische Werke: Diss. A. Freiberg, 1974.
- ²⁸ *Gutsche W.* Die Entstehung des Kriegsausschusses der deutschen Industrie und seine Rolle zu Beginn des ersten Weltkrieges.— ZfG, 1970, H. 7, S. 877—898.
- ²⁹ *Lehmann K.* Der Funktionswandel der öffentlichen Haushalte im deutschen Reich vor dem ersten Weltkrieg.— In: Wirtschaft und Staat im Imperialismus, S. 86—100.
- ³⁰ *Handke H.* Strukturwandlungen der Arbeiterklasse und staatsmonopolistische Regulierungen der Klassenbeziehungen: Zu einigen Problemen der sozialen und politischen Entwicklung in Deutschland von den achtziger Jahren des 19. Jh. bis zum ersten Weltkrieg.— In: Wirtschaft und Staat im Imperialismus, S. 111—143.
- ³¹ *Gossweiler K.* Grossbanken, Industriemonopole, Staat: Ökonomie und Politik des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland, 1914—1932. Berlin, 1971; *Idem*. Die Rolle der Grossbanken im Imperialismus.— JfW, 1971, T. III, S. 35—54.
- ³² См.: *Gutsche W.* Probleme des Verhältnisses zwischen Monopolkapital und Staat, S. 57.
- ³³ См., напр.: *Radandt H.* Sprach Lenin von der führenden Rolle des Bankkapitals gegenüber dem Industriekapital? Bemerkungen zu: Kurt Gossweiler, Die Rolle der Grossbanken Imperialismus.— JfW, 1973, T. I, S. 189—195.
- ³⁴ *Mottek H., Becker W., Schröter A.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriß. Berlin, 1974. Bd. III. Von der Zeit der Bismarckschen Reichsgründung bis zum Ende des zweiten Weltkrieges.
- ³⁵ *Eichholtz D.* Zu einigen Fragen der Geschichte des deutschen Imperialismus: Anlässlich des Erscheinens des dritten Bandes der «Wirtschaftsgeschichte Deutschlands».— ZfG, 1976, H. 1, S. 65—74; *Sonnemann R.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Bemerkungen zu: Hans Mottek, Walter Becker, Alfred Schröter, Wirtschaftsgeschichte Deutschlands...— JfW, 1975, T. III, S. 141—150; *Wehner H.* Deutschland als imperialistischer Industriestaat: Einige Bemerkungen zu Hans Mottek, Walter Becker, Alfred Schröter. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands...— Ibid., S. 151—152.
- ³⁶ Wirtschaft und Staat in Deutschland: Eine Wirtschaftsgeschichte des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1945 in drei Bänden. Berlin, 1978.
- ³⁷ *Nussbaum H.* Zur Diskussion um den historischen Platz des staatsmonopolistischen Kapitalismus, S. 93.
- ³⁸ *Schroeder M.* Von der kleiner «IG» zur «Grossen IG». Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Teerfarbenindustrie: Diss. A, Halle; Wittenberg, 1971; *Sonnemann R.* Konkurrenz, Geschäftsgeheimnis und Monopol — dargestellt am Beispiel der Kartellentwicklung in der Teerfarbenindustrie um 1900.— WZ Tech. Univ. Dresden, 1974, H. 6, S. 1283—1288.

- ³⁹ *Gehrish W.* Die Entwicklung der Luftfahrtindustrie im imperialistischen Deutschland bis 1945: Diss. A. Berlin, 1974; *Barth E.* Entwicklungslinien der deutschen Maschinenbauindustrie von 1870 bis 1914. Berlin, 1973; *Fritsch S.* Zur Entwicklung der Produktivkräfte in der deutschen Eisenindustrie beim Übergang zum Monopolkapitalismus und ihre Auswirkungen auf die Arbeiterklasse: Diss. A. Freiberg, 1972; *Stang W.* Die Notwendigkeit der Errichtung einer Bergschule in Eisleben, der Einfluss der Produktivkräfte im Mansfelder Bergbau auf die Entwicklung der Schule: Die Ausbildung von Beamten ab 1798 bis 1945. Ein Beitrag zur Geschichte des Bergbaus und Hüttenwesens, Diss. A. Freiberg, 1973.
- ⁴⁰ *Berthold R.* Zur Entwicklung der deutschen Agrarproduktion und der Ernährungswirtschaft zwischen 1907 und 1925.—JfW, 1974, T. IV, S. 83—111; *Idem.* Zur sozialökonomischen Struktur des kapitalistischen Systems der deutschen Landwirtschaft zwischen 1907 und 1925.—JfW, 1974, T. III, S. 105—125; *Bailwanz J.* Die Arbeitskräftefrage in der Landwirtschaft des Deutschen Reiches, 1871—1914.—WZ Univ. Rostock Ges. wiss. R., 1974; H. 9, S. 579—585; *Pfahl R.* Landarbeiterlöhne und ihre Bewegung vom Anfang des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des ersten Weltkrieges. Eine Studie zur Lage kontraktgebundener Landarbeiter auf den damaligen Pachthöfen des Grossherzogtums Mecklenburg-Schwerin.—JfW, 1973, T. IV, S. 79—124.
- ⁴¹ *Gutsche W.* Die Veränderungen in der Wirtschaftsstruktur und der Differenzierungsprozess innerhalb des Bürgertums der Stadt Erfurt in den ersten Jahren der Herrschaft des Imperialismus (Ende des 19. Jh. bis 1914).—JfG, 1974, Bd. 10, S. 343—371.
- ⁴² *Zilch R.* Reichsbank und finanzielle Kriegsvorbereitung des deutschen Imperialismus. 1907—1914: Diss. A. Berlin, 1976; *Idem.* Zur wirtschaftlichen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf den ersten Weltkrieg: Das Protokoll der Sitzung des «Wirtschaftlichen Ausschusses» bei der «ständigen Kommission für Mobilmachungsangelegenheiten» vom Mai 1914.—ZfG, 1976, H. 2, S. 202—215.
- ⁴³ *Elsner L.* Belgische Zwangsarbeiter im Deutschland während des ersten Weltkrieges.—ZfG, 1976, H. II, S. 1256—1267; *Idem.* Sicherung der Ausbeutung ausländischer Arbeitskräfte: Ein Kriegsziel des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg.—ZfG, 1976, H. 5, S. 530—546.
- ⁴⁴ *Zumpe L.* Stand und Probleme der wirtschaftshistorischen Imperialismusforschung.—ZfG, 1975, H. 5, S. 494—503.
- ⁴⁵ *Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945.* Berlin, 1975.
- ⁴⁶ *Gutsche W.* Die deutschen Montanmonopole und Grossbanken und die französischen Erzfelder vor dem ersten Weltkrieg: Zum Zusammenhang von ökonomischer Expansion und Kriegszielpolitik des deutschen Imperialismus.—ZfG, 24, 1976, 6, S. 681—706.
- ⁴⁷ *Gutsche W.* Serbien in den Mitteleuropaplänen des deutschen Imperialismus am Vorabend des ersten Weltkrieges.—ZfG, 1975, H. I, S. 35—48; *Idem.* Zum Verhältnis zwischen Ökonomie und Politik in der Südosteuropapolitik des deutschen Imperialismus vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des ersten Weltkrieges.—Etudes Balkaniques, 1975, t. 3, p. 44—63.
- ⁴⁸ *Gutsche W.* Mitteleuropaplänungen in der Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918.—ZfG, 1972, H. 5, S. 533—549.
- ⁴⁹ *Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis 1917. Ergebnisse des Arbeitskreises «Deutscher Imperialismus vor 1917».*—Jahrbuch für Geschichte. Berlin, 1977, Bd. 15. См. в этом томе: *Schröter A.* Die objektiven Triebkräfte und Hemmnisse der deutschen imperialistischen Mitteleuropapläne (S. 19 ff.); *Nussbaum H.* Aussenhandelsverflechtung europäischer Länder und imperialistische deutsche Mitteleuropapläne (S. 31 ff.); *Schädlich K.* Politische und ökonomische

- Aspekte der britisch-deutschen Handelsrivalität am Ende des 19. Jahrhunderts (S. 67 ff.); *Gutsche W.* Zur Mitteleuropapolitik der deutschen Reichsleitung von der Jahrhundertwende bis zum Ende des ersten Weltkrieges (S. 85 ff.); *Laschitza A.* Sozialdemokratie und imperialistische deutsche Mitteleuropapolitik: Ein Beitrag zur Stellung der verschiedenen Strömungen der deutschen Sozialdemokratie zur imperialistischen Aussenpolitik (S. 107 ff.); *Gattwald H.* Gemeinsamkeiten und Unterschiede in der Mitteleuropapolitik der herrschenden Klasse in Deutschland von der Jahrhundertwende bis 1918 (S. 145 ff.); *Mader U.* Europafläne und Kriegsziele Walther Rathenaus (1912 bis 1916) (S. 191 ff.); *Villain J.* Zur Genesis der Mitteleuropakonzeption Friedrich Naumanns bis zum Jahre 1915 (S. 207 ff.); *Gutsche W.* Zur Südosteuropapolitik des deutschen Imperialismus vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des ersten Weltkrieges (S. 235 ff.).
- О планах Срединной Европы см.: *Puchert B.* Bestrebungen zur wirtschaftspolitischen Blockbildung in Mitteleuropa am Anfang des 20. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Untersuchung des Verhältnisses zwischen Staat und Wirtschaft.— JfW, 1976, T. I, S. 95—103.
- ⁵⁰ Сообщение об этой сессии см.: ZfG, 1975, H. 4, S. 430—432.
- ⁵¹ *Klein F.* Innere Widersprüche im Bündniss zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn zu Beginn der imperialistischen Epoche (1897—1902).— In: Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914, S. 225—262.
- ⁵² *Menger M.* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus 1917—1918. Berlin, 1974.
- ⁵³ *Menger M., Petrick F., Wilhelmus W.* Grundzüge imperialistischer deutscher Nordeuropapolitik bis 1945.— ZfG, 1973, H. 9, S. 1029—1044.
- ⁵⁴ *Benneckenstein H.* Die Transkaukasien- und insbes. die Georgienpolitik des deutschen Imperialismus vom Beginn des 20. Jh. bis zum Ende des ersten Weltkrieges, Diss. A. Jena, 1975; *Idem.* Transkaukasien — Expansionsziel des deutschen Imperialismus vor dem ersten Weltkrieg.— In: Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914, S. 263—290.
- ⁵⁵ *Mai J.* Deutscher Kapitalexport nach Russland 1898 bis 1907.— In: Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Rus bis zur Oktoberrevolution. Studien und Aufsätze. Berlin, 1976, S. 207—235.
- ⁵⁶ *Günther R.* Die Voraussetzungen und der Beginn der Kapitaloffensive deutscher Bankmonopole in der rumänischen Erdölindustrie, 1900—1905.— JfW, 1974, T. IV, S. 107—136.
- ⁵⁷ *Lemke H.* Grossbritannien und die deutsch-russischen Verhandlungen über Persien und die Bagdadbahn nach der Zusammenkunft in Potsdam 1910/11.— Jahrbuch für Geschichte sozialistischer Länder Europas, 1974, Bd. 18/2, S. 115—145.
- ⁵⁸ *Werner E.* Die Türkei 1914 zwischen Dreibund und Entente: Illusionen und Wirklichkeit am Bosphorus.— WZ Karl-Marx-Univ., Ges. wiss. R., Leipzig, 1970, H. 3, S. 431—446.
- ⁵⁹ *Rieck H.-J.* Die wirtschaftlichen und politischen Beziehungen zwischen Deutschland und Uruguay vom ausgehenden 19. Jahrhundert bis zum Ende des ersten Weltkrieges. Zur deutschen Handels- und Aussenpolitik gegenüber Uruguay mit Berücksichtigung seiner anderen Nachbarstaaten: Diss. A. Humboldt-Univ. Berlin, 1974; *Scharbius M.* Die Ökonomischen Rivalitäten der imperialistischen Hauptmächte in Kuba und ihre Auswirkungen auf die wirtschaftliche Entwicklung der Insel (Vom Ausgang der spanischen Kolonialherrschaft bis 1914): Diss. A. Berlin, 1970; *Uhlich I.* Die Politik des deutschen Kaiserreiches und der Grossmächte in Peru von 1871 bis zum Beginn des ersten Weltkrieges: Diss. Berlin, 1971.
- ⁶⁰ *Meyer G.* Das Eindringen des deutschen Kapitals in die niederländischen und britischen Kolonien in Südostasien von den Anfängen bis 1918: Diss. Berlin, 1970.
- ⁶¹ *Weinberger G.* Das Victoria — Falls — Power — Projekt des AEG und die deutsche Kapitaloffensive in Südafrika vor dem ersten Weltkrieg: Zur Rolle von Industrie- und

- Bankkapital in der Ökonomischen Expansion und die Entwicklung staatsmonopolistischer Formen.— JfW, 1971, T. IV, S. 57—32.
- ⁶² *Weinberger G.* An der Quellen der Apartheid: Studien über koloniale Ausdeutungs- und Herrschaftsmethoden in Südafrika und der Zusammenarbeit des deutschen Imperialismus mit dem englischen Imperialismus und den burischen Nationalisten, 1902—1914. Berlin 1975; *Idem.* Der deutsche Imperialismus und die «Arbeiterfrage» in Südafrika: Seine Zusammenarbeit mit dem englischen Imperialismus und den burischen Nationalisten (1902—1914). Habilitationsschrift, Berlin, 1970; *Wege F.* Zur sozialen Lage der Arbeiter Namibias unter der deutschen Kolonialherrschaft in den Jahren vor dem ersten Weltkrieg.— JfW, 1971, T. III, S. 201—218; *Tesche B.* Imperialistische Kolonialherrschaft und «Arbeiterfrage»: Die «Arbeiterfrage» in der Kolonie «Deutsch — Ostafrika» 1885—1905 und ihre Bedeutung im System der Kolonialausbeutung: Diss. A, Leipzig, 1975.
- ⁶³ *Schulte D.* Die «Ära Dernburg» (1906—1910): Zum Charakter der Herrschaft des Finanzkapitals in den deutschen Kolonien: Diss. A, Berlin, 1976.
- ⁶⁴ *Bernhard H.* Die kaiserliche Kolonialtruppe für Ostafrika. Rolle und Funktion der Söldnertruppe in den Jahren zwischen militärischer Intervention (1889/90) und Maji-Maji-Aufstand (1905—07): Diss. A, Leipzig, 1973.
- ⁶⁵ *Lemke M.* Die Funktion der katholischen Missionskongregationen in den ehemaligen deutschen Kolonien Afrikas 1884—1918 im System des deutschen Kolonialismus: Diss. A, Potsdam, 1971.
- ⁶⁶ *Wuschick D.* Die Einführung und Entwicklung der Marktwirtschaft in der ehemaligen Kolonie Deutsch — Ostafrika und ihre Auswirkungen auf die sozialökonomischen Verhältnisse in der afrikanischen Bevölkerung: Diss. A, Berlin, 1971.
- ⁶⁷ *Loth H.* Die «neue» Politik des deutschen Imperialismus und der Widerstandskampf in Tanganjika (1906—1908).— In: Nationalismus und Sozialismus im Befreiungskampf der Völker Asiens und Afrikas. Berlin, 1970, S. 151—161; *Idem.* Schwarzafrika im ersten Weltkrieg: Die Ausnutzung antikononialer Tendenzen durch die kriegsführenden Mächte.— ZfM, 1971, H. 3, S. 314—423, О колоннальной политике см. также: *Ballhaus J.* Wesen und Charakter der kolonialen Landgesellschaften Ende des 19. Jahrhunderts.— JfW, 1972, T. I, S. 95—115. Об этой статье см.: *Vussbaum M.* Was ist die Kolonialpolitik der Monopole? (Noch einmal zum Thema «Imperialistische Kolonialpolitik»).— JfW, 1972, T. IV, S. 173—190.
- ⁶⁸ *Drang nach Afrika: Die koloniale Expansionspolitik und Herrschaft des deutschen Imperialismus in Afrika von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges/ Hrsg. von H. Stoecker...* Berlin, 1977.
- ⁶⁹ *Klein F.* Stand und Probleme der Erforschung der Geschichte des deutschen Imperialismus bis 1945.— ZfG, 1975, H. 5, S. 485—493.
- ⁷⁰ *Bachmann P., Zeisler K.* Der deutsche Militarismus: Illustrierte Geschichte. Berlin, 1971. Bd. 1: Vom brandenburgisch-preußischen zum deutschen Militarismus.
- ⁷¹ *Koschulla R.* Klassenstruktur und Funktion des Unteroffizierskorps im preußisch-deutschen Heer (Mitte des 19. Jh. bis zum Ende des zweiten Weltkrieges): Diss. Leipzig, 1970.
- ⁷² *Lübeck W.* Die Rolle der Kriegervereine im System des preußisch-deutschen Militarismus bis zum Ausbruch des ersten Weltkrieges: Diss. A, Halle, 1974.
- ⁷³ *Dreetz D.* Die Funktionen des Heimattheeres des deutschen Imperialismus während des ersten Weltkrieges und in der Novemberrevolution: Diss. Potsdam, 1973.
- ⁷⁴ *Dreetz D.* Der Erlass des preußischen Kriegsministers vom 8. Februar 1912 über die Verwendung der Armee zur Bekämpfung innerer Unruhen.— ZfM, 1975, H. 5, S. 561—571; *Idem.* Zu Problemen der inneren Funktion der kaiserlichen deutschen Armee vom Ausgang des 19. Jh. bis 1918.— ZfM, 1974, H. 6, S. 710—715.
- ⁷⁵ *Fricke D.* Militarismus und Volksschule: Zum Bildungsniveau preußischer Rekruten am Beginn der

- imperialistischen Epoche.— ZfM, 1972, A. 2, S. 155—167; *Idem.* Militaristische Soldatenerziehung im preussisch-deutschen Heer zu Beginn der imperialistischen Epoche.— ZfM, 1972, H. 4, S. 423—434.
- ⁷⁶ *Сообщения о заседаниях см.: Wissenschaftliche Mitteilungen der Historiker-Gesellschaft der DDR.* Berlin, 1974, H. 1, S. 71—78; ZfG, 1974, H. 4, S. 449; ZfM, 1974, H. 6, S. 734—735.
- ⁷⁷ *Charisius A., Förster G., Otto H., Schmiedel K.* Zur Genesis und Entwicklung des deutschen Militarismus: Probleme seiner Erforschung und Darstellung.— ZfM 1974, H. 3, S. 306—313.
- ⁷⁸ *Otto H.* Zur Genesis des preussisch-deutschen Militarismus vom Ausgang des 19. Jh. bis 1918.— ZfM, 1974, H. 5, S. 554—561.
- ⁷⁹ *Giertz H., Küttler W.* Zur Behandlung der Militarismusproblematik in den Arbeiten W. I. Lenins.— ZfM, 1976, H. 6, S. 645—655.
- ⁸⁰ *Paulus G.* Die Genesis des modernen Militarismus und seine besonderen Erscheinungsformen in der deutschen Geschichte. Diss. B. Berlin, 1975.
- ⁸¹ Kurzer Abriß der Militärgeschichte von den Anfängen der Geschichte des deutschen Volkes bis 1945. Berlin, 1974.
- ⁸² *Stenzel E.* Die Kriegführung des deutschen Imperialismus und das Völkerrecht: Zur Planung und Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die barbarische Kriegführung im 1. und 2. Weltkrieg, dargestellt an den vorherrschenden Ansichten zu den Gesetzen und Gebräuchen des Landkrieges, 1900—1945. Berlin, 1973.
- ⁸³ *Kaulisch B.* Die Auseinandersetzung um den uneingeschränkten U-Boot-Krieg innerhalb der herrschenden Klasse Deutschland während des ersten Weltkrieges (Herbst 1914 bis Frühjahr 1917): Diss. Berlin, 1970; *Idem.* Denkschriften zum U-Boot-Krieg, 1914—1916.— ZfM, 1970, H. 6, S. 693—703.
- ⁸⁴ *Rahne H.* Die militärische Mobilmachungsplanung- und technik in Preussen und im Deutschen Reich (Mitte des 19. Jh. bis zur Auslösung des zweiten Weltkrieges): Diss. A. Leipzig, 1972.
- ⁸⁵ *Otto H., Schmiedel K.* Der Platz der Militärtechnik in der Strategie der imperialistischen deutschen Heeresleitung am Vorabend und während des ersten Weltkrieges.— ZfM, 1975, H. 3, S. 299—310.
- ⁸⁶ *Lachmann M.* Zur Entwicklung und zum Einsatz des Maschinengewehrs.— ZfM, 1972, H. 6, S. 720—730; *Groehler O.* Die Entwicklung der technischen Mittel des chemischen Krieges im imperialistischen Deutschland 1915—1945.— ZfM, 1976, H. 6, S. 718—728; *Idem.* Die Entwicklung des Flugzeugs als Waffe bis zum Frühjahr 1916.— ZfM, 1974, H. 2, S. 196—205; *Idem.* Die Entwicklung des Militärflugzeugs von Anfang 1916 bis zum Ende des ersten Weltkrieges.— ZfM, 1974, H. 5, S. 585—596. *Idem.* Geschichte des Luftkrieges, 1910—1970. Berlin, 1970.
- ⁸⁷ *Handke H.* Einige Probleme der inneren Struktur der herrschenden Klasse in Deutschland vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum ersten Weltkrieg.— In: Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914, S. 85—114; *Idem.* Einige Probleme der Sozialstruktur im imperialistischen Deutschland vor 1914.— JfG, 1977, Bd. 15, S. 261—288. О проблеме классов и слоев см. также: *Kuszyński J.* Klassen und Klassenkämpfe im imperialistischen Deutschland und in der BRD. Berlin, 1972.
- ⁸⁸ См. также: *Gutsche W.* Zur Erforschung des Verhältnisses von Ökonomie und Politik im deutschen Imperialismus vor 1917.— ZfG, 1977, H. 6, S. 715 ff.
- ⁸⁹ *Dillwitz S.* Die Struktur der Bauernschaft von 1871 bis 1914: Dargestellt auf der Grundlage der deutschen Reichsstatistik.— JfG, 1973, Bd. 9, S. 47—127.
- ⁹⁰ *Hartwig E.* Zur politischen Haltung der Mittelschichten vor dem ersten Weltkrieg.— Jenaer Beiträge zur Parteigeschichte (далее: IBP), 1972, H. 30, S. 40—48.
- ⁹¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 12, с. 137.
- ⁹² См. сообщение об этой сессии: ZfG, 1977, H. 3, S. 335—339.
- ⁹³ *Fricke D.* Bürgerliche Parteien und werktätige Massen: Methodologische Probleme.— ZfG, 1977, H. 2, S. 125—142.

- ⁹⁴ См. также: *Фрике Д.* Основные вопросы марксистско-ленинского анализа характера буржуазных партий.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1973, М., с. 411—430; *Idem.* Grundfragen einer marxistischen Analyse des Charakters der bürgerlichen Parteien.— *Annales Univ. scient. Budapestinensis de Rolando Eötvös nominantae.* sect. hist.. 1972, t. 8, k. 183—208.
- ⁹⁵ *Wallraf L.* Zur Politik der Deutschkonservativen Partei in den letzten Jahrzehnten ihres Bestehens (1898—1918) unter den Bedingungen der imperialistischen Epoche: Diss. Jena, 1970.
- ⁹⁶ *Ullrich R.* Die Deutsche Vaterlandspartei 1917/1918. Zur Entstehung, Rolle und Funktion einer extrem reaktionären Partei des deutschen Imperialismus und zu ihrem Platz im bürgerlichen Parteiensystem: Diss. Jena, 1974; *Idem.* Zur Funktion der Deutschen Vaterlandspartei.— *JBP*, 1974, H. 36, S. 56—72.
- ⁹⁷ *Gottwald H.* Der Umfall des Zentrums. Die Stellung der Zentrumspartei zur Flottenvorlage von 1897.— In: *Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914*, S. 181—223. См. также: *Hartwig E.* Der Alldeutsche Verband und Polen.— *WZ Friedrich-Schiller-Univ. Jena*, Ges. wiss. R., 1970, H. 2, S. 251—276.
- ⁹⁸ *Fricke D.* Zur Entwicklung der nichtproletarischen demokratischen Kräfte in Deutschland vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis 1917.— *JBP*, 1972, H. 29, S. 35—42; *Gottwald H.* Einige Bemerkungen zur Erforschung nichtproletarischer demokratischer Kräfte in den Jahren 1900 bis 1917.— *JBP*, 1972, H. 30, S. 49—52; См. также: *Osterwald Ch.* Die Auswirkungen des Klassenkompromisses zwischen Bourgeoisie und Junkertum auf die nichtproletarischen demokratischen Kräfte (am Beispiel R. Breitscheids) — *JBP*, 1972, H. 32/33, S. 156—162; *Idem.* Die politische Entwicklung Rudolf Breitscheids bis zu seinem Eintritt in die Sozialdemokratie im Jahre 1912. *Thesen.* — *JBP*, 1974, H. 36, S. 87—132; *Lüttich R.* Einige Überlegungen zur Untersuchung des bürgerlichen Pazifismus.— *JBP*, H. 26/27, S. 116—123.
- ⁹⁹ *Klein F.* Bemerkungen zum Riezler — Tagebuch.— *ZfG*, 1973, H. 6, S. 671—678. См. также: *Gutsche W.* Zur imperialistischen Herrschaftsmethodik im allgemeinen und zur Herrschaftsmethodik des deutschen Imperialismus im besonderen.— In: *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917: Dokumente zur innen- und aussenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches.* Berlin, 1977, S. 9—39.
- ¹⁰⁰ *Fricke D.* Bürgerliche Sozialreformer und die Zersplitterung der antisozialistischen Arbeiterorganisationen vor 1914: Dokumentation.— *ZfG*, 1975, H. 10, S. 1177—1198; *Idem.* Zur Rückkehr Eduard Bernsteins in das Deutsche Reich 1901.— *ZfG*, 1974, H. 12, S. 1341—1347; *Dreetz D.* Über das Verhältnis der militärischen Führung zur Sozialdemokratischen Partei Deutschlands 1914/15: Dokumentation.— *ZfM*, 1976, H. 5, S. 570—583; *Kaulisch B.* Centralverband Deutscher Industrieller und Sozialdemokratie um die Jahrhundertwende: Zur Klassenkampftaktik der Bourgeoisie während der Entstehung und Ausbreitung von Opportunismus und Revisionismus in der deutschen Sozialdemokratie.— In: *Studien zum deutschen Imperialismus vor 1914*, S. 115—141; *Idem.* Auseinandersetzungen um die Taktik gegenüber der Arbeiterbewegung: Einige Aspekte der Beurteilung des Opportunismus durch die herrschende Klasse im ersten Jahrzehnt des 20. Jahrhunderts.— *JfG*, 1977, Bd. 15, S. 289—327. См. также: *Behm E., Kuszyński J.* Die Reflexion der Arbeiterbewegung in der Regierungspresse vor dem ersten Weltkrieg. Eine vornehmlich quantitative Analyse (Deutschland).— *JfW*, 1971, T. III, S. 123—130; *Idem.* Die Reflexion der Arbeiterbewegung in der Regierungspresse vor dem ersten Weltkrieg: Eine vornehmlich quantitative Analyse (Sachsen).— *JfW*, 1973, T. I, S. 99—112.
- ¹⁰¹ *Kaulisch B.* Die Bildung des «Wirtschaftlichen Ausschusses zur Vorbereitung und Begutachtung handelspolitischer Massnahmen» im Jahre 1897: Ein Beitrag zum Problem der «Sammlungspolitik» beim

- Übergang zum Imperialismus.— JfW, 1973. T. III, S. 115—141.
- ¹⁰² *Solta J., Zwahr H.* Geschichte der Sorben. Bautzen, 1974. Bd. 2. Von 1789—1917.
- ¹⁰³ *Mohrmann W.* Antisemitismus, Ideologie und Geschichte im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Berlin, 1972.
- ¹⁰⁴ *Kathe H.* Die Hohenzollernlegende. Berlin, 1973.
- ¹⁰⁵ *Schicier H.* Zur Auswirkung der Reichsgründung auf historisch-politische und methodologische Konzeptionen der bürgerlichen deutschen Geschichtsschreibung bis 1914.— In: Die großpreußisch-militaristische Reichsgründung, 1871. Berlin, 1971. Bd. 2, S. 517—581; *Idem.* Linksliberale Kritik an der reaktionären Preussenlegende zwischen 1871 und 1933.— ZfG, 1970, H. 8, S. 1047—1053; *Gregulatz A.* Zur Entwicklung der deutschen Bibliotheksgeschichtsschreibung vom Übergang zur monopolkapitalistischen Entwicklung bis 1945: Diss. A. Berlin, 1975; *Gerstenberger P.* Der deutsche Imperialismus im Spiegel französischer bürgerlicher Geschichtsschreibung. Berlin, 1975.
- ¹⁰⁶ *Brühl R.* Militärgeschichte und Kriegspolitik: Zur Militärgeschichtsschreibung des preussisch-deutschen Generalstabes, 1816—1945. Berlin, 1973.
- ¹⁰⁷ Zur Geschichte der Arbeitserziehung in Deutschland. Berlin, 1971, Bd. 2. Von 1900 bis zur Gegenwart.
- ¹⁰⁸ *Männich W.* Zur Entwicklung der schulpolitischen und theoretischen Grundlagen der staatsbürgerlichen Erziehung in der Berufsschule des imperialistischen Deutschlands nach der Jahrhundertwende.— WZ Thechn. Univ. Dresden, 1974, H. 3/4, S. 601—609. См. также: *Blumberg B.* Evolutionslehre und Schule, 1860—1945: Diss. A. Halle. 1975.
- ¹⁰⁹ Die Berliner Akademie der Wissenschaften in der Zeit des Imperialismus. Berlin, 1975. Bd. I: Von den neunziger Jahren des 19. Jh. bis zur Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution.
- ¹¹⁰ *Wendel G.* Die Kaiser — Wilhelm — Gesellschaft, 1911—1914: Zur «Anatomie» einer imperialistischen Forschungsgesellschaft. Berlin, 1975. См. также: *Lohs K.* Fritz Haber und der chemische Krieg.— ZfM, 1971, H. 4, S. 432—445.
- ¹¹¹ Geschichte der deutschen Literatur. Berlin, 1974. Bd. 9. Vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis 1917.
- ¹¹² *Junghaus K.* Über einige Auswirkungen der verschärfsten sozialen und politischen Gegensätze im Deutschen Reich auf die Architektur 1898—1917/18.— JfG, Bd. 15, 1977, S. 329 ff.
- ¹¹³ *Gutsche W.* Aufstieg und Fall eines kaiserlichen Reichskanzlers. Theobald von Bethmann Hollweg, 1856—1921: Ein politisches Lebensbild. Berlin, 1973.
- ¹¹⁴ *Ruge W.* Hindenburg: Porträt eines Militaristen. Berlin, 1974.
- ¹¹⁵ *Mader U.* Walther Rathenau als Funktionär des Finanzkapitals: Beitrag zu einer Biographie 1887—1917: Diss. A. Berlin, 1974.
- ¹¹⁶ *Ruge W.* Matthias Erzberger: Eine politische Biographie. Berlin, 1976.
- ¹¹⁷ Здесь пужно назвать серию «Документы германской истории» («Dokumente zur deutschen Geschichte. Berlin, 1976. Bd. 1—4). В четырех томах этого издания опубликовано около 400 источников (частично — полностью, частично — в отрывках), касающихся всех областей общественного развития и классовой борьбы Германии в 1897/98—1917 гг.
- ¹¹⁸ См. также: Forschungsergebnisse zur Geschichte des deutschen Imperialismus/ Hrsg. von B. A. Aisin, W. Gutsche. Berlin, 1980; *Gutsche W., Kaulisch B., Laschitz A.* Forschungen zur deutschen Geschichte vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis 1917.— ZfG, 1980. Sonderband. Historische Forschungen in der DDR, 1970—1980. S. 204—229.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*

КАК В АМЕРИКАНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПРЕПОДАЮТ И ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ СССР

Я. А. Блинкин

Интерес американских научных кругов к России, Советскому Союзу своими корнями уходит в глубь двухвековой истории США. Как писал профессор Индианского университета Роберт Бирнс, ученых этой страны всегда привлекали «огромные пространства, своеобразие истории, яркая культура России» и ее народ¹. Почти сто лет назад первый американский историк России профессор Чикагского университета Арчибальд Кэри Кулидж утверждал, что русский народ — «талантливый народ, предназначенный играть все более выдающуюся роль в истории человечества»². Отсюда он делал вывод о необходимости глубоко и всесторонне изучать нашу страну, ее прошлое и настоящее.

Первые проявления интереса к русской науке относятся ко второй половине XVIII в. и связаны с именем Б. Франклина (1706—1790) — просветителя, государственного деятеля и ученого³. Первое знакомство американских читателей с русской литературой произошло в первой четверти XIX в., когда Джон Боурнинг опубликовал антологию русской поэзии, в которой были представлены стихи Г. Р. Державина, М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, И. А. Крылова. В 40-х годах XIX в. появились первые переводы произведений А. С. Пушкина. Все эти издания вышли небольшими тиражами и до широкого читателя не дошли. Видимо, прав был Р. Бирнс, когда писал, что в действительности первыми полпредами истории русского народа и его богатой культуры были И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов, переводы произведений которых стали издаваться в последней трети прошлого столетия.

Что касается собственно преподавания и изучения истории России, то к ним в США приступили через 50 лет после Франции и через 30 лет после начала изучения истории России в Германии. Лишь в 1894 г. в Гарвардском университете (г. Кембридж, Массачусетс) А. Кулидж, который одно время служил в американском посольстве в Петербурге, прочитал первый курс истории России. Первая диссертация о России была защищена в 1909 г.

Следует отметить две особенности преподавания и изучения русской истории, а затем и истории СССР. Во-первых, традиции в этой области складывались под влиянием либерально-кадетской концепции истории России на американскую буржуазную науку;

во-вторых, подготовка научно-педагогических кадров, преподавание и изучение Советского Союза осуществляются в интересах истеблишмента. Как же привилась либерально-кадетская концепция истории России на американской почве?

В 1896/97 г. князь Сергей Волконский выступил в США с циклом лекций по истории России и истории русской литературы. В 1897 г. они были изданы в США ⁴. Эта книга, в которой обзор русской истории завершается 1861 г., представляет собой откровенную апологию правящей династии, «ее полезного и благотворного сотрудничества с церковью»; в книге нет истории России и ее народа, все освободительные движения характеризуются лишь как «неразумное насилие».

В 1901—1903 гг. 13 лекций прочитал профессор Петербургского университета, историк, социолог и этнограф, основатель конституционно-монархической партии демократических реформ М. М. Ковалевский, впоследствии член Государственной думы и Государственного совета. Эти лекции тогда же были изданы в США ⁵. М. М. Ковалевский превозносил реформы Александра II, отстаивал идеи постепенной эволюции общественной жизни; в противовес марксизму отвергал классовую борьбу, классовые противоречия, видел в них лишь опасность приближения социальной революции. Для него монарх — суверен, стоящий над классами и якобы защищающий народные интересы.

В 1903—1904 гг. в США побывал будущий лидер кадетской партии П. Н. Милоков. В Чикагском и Бостонском университетах он прочитал цикл из 8 лекций не столько по истории, сколько по социологии русской истории, который через два года вышел там в свет ⁶. По-видимому, Милоков оставил глубокий след в американской историографии России. Его идеи о прогрессивной роли «варяжского элемента», «инертности народных масс», «отсутствии революционных и демократических традиций» до сих пор муссируются в ней.

Перед началом первой мировой войны курс русской истории и русского языка читался в трех университетах — Колумбийском (Нью-Йорк), Гарвардском и Калифорнийском (Беркли), а с 1915 г. и в Чикагском университете. Но в целом, как отмечал преподаватель Маркеттского университета Кларенс Мэннинг, «до начала первой мировой войны изучение славистики было в младенческом состоянии» ⁷. Об этом убедительно говорит и скудость фондов литературы. Например, в Библиотеке конгресса в 1901 г. было всего 560 книг о России. Приобретенная ею в 1907 г. знаменитая библиотека Юдина в количестве 80 тыс. томов не была описана, хранилась в пачках и была включена в каталог лишь в 1950-х годах ⁸. Примерно такое же положение было в университетских библиотеках. Так, в Чикагском университете первая книга на русском языке появилась в 1906 г., а в 1915 г. было всего 474 тома.

«Новый этап изучения России начался вместе с драматическими и непонятными событиями русской революции. Возникно-

вание совершенно новой и для Запада непредвиденной системы идей и власти вызвало неослабевающий интерес к происходящему в России и спекуляции о ее будущем», — писал известный буржуазный историк, один из фундаторов американской советологии Ф. Мосли⁹. Действительно, победа Великой Октябрьской революции, разгром иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции, укрепление Советского государства и повышение его роли на международной арене привели к тому, что интерес американской общественности к истории, политике и культуре Советского Союза неизмеримо вырос.

В эти годы выходило множество публикаций, откровенно враждебных Советской России, но американцы могли прочитать и такие правдивые книги, как «Десять дней, которые потрясли мир» Д. Рида¹⁰ и «Русская революция» У. Фостера¹¹.

В 1920 г. история России и русский язык преподавались уже в 13 университетах, в последующие годы этот интерес еще более усилился. В 1924 г. на ежегодной конференции Американской ассоциации историков обсуждался вопрос о будущем славянских исследований в США.

Либерально-кадетская концепция истории России получила весьма широкое распространение после победы Октября, когда за океан устремились кадетские историки. Г. Вернадский и М. Ростовцев осели в Йельском университете; А. Васильев — в Висконсинском; Л. Страховский и М. Карпович — в Гарвардском; князь А. Лобанов-Ростовский — в Калифорнийском (Лос-Анджелес); в других университетах начали работать А. Мазур, А. Гершенкрон и др. Известно, что они не только читали лекции студентам, но и опубликовали множество книг и журнальных статей по различным аспектам истории СССР и по проблемам историографии. Правда, подчас среди американских специалистов раздаются голоса, выражающие недовольство тем, что профессора-эмигранты и их последователи, которых К. Мэннинг называет «эпигонами», внедрились устаревшие понятия в американское русское общество, сохраняющиеся и теперь, когда у более молодых появились «новые идеи»¹².

Весь межвоенный период характеризуется дальнейшим расширением преподавания истории СССР в американской высшей школе и ростом количества публикаций по различным проблемам истории, особенно таким, как Октябрьская революция, внутренняя и внешняя политика Советского государства. Конечно, все это делалось в интересах истеблишмента. В 1936 г. курсы истории СССР читались уже в 33 университетах. В 1938 г. Американский совет научных обществ создал Комитет по славянским исследованиям, возложив на него координацию всех вопросов, связанных с изучением истории СССР и подготовкой кадров (разработка примерных программ, переводы, приобретение литературы и т. п.). Однако научная работа в этой области по преимуществу была сосредоточена в трех крупнейших университетах — Колумбийском, Гарвардском и Калифорнийском (Беркли). В те годы масштаб

этой работы был довольно скромным: изучением и преподаванием различных вопросов истории, политики, культуры и языков народов Советского Союза занимались примерно 300 человек¹³.

Еще в 1920-х годах проявилась и другая особенность преподавания и изучения истории СССР в США — непосредственное участие правительственных инстанций в формулировании политики и ее осуществлении в этой области. В 1920-х годах госдепартамент подобрал группу из 12 «коренных американцев» для подготовки из них специалистов по Советскому Союзу. В эту группу входили историки Джероид Робинсон, Филипп Мосли, Эрнест Симмонз, Кэлвин Гувер, юрист Джон Хазард и др. Все они прошли стажировку в Риге, Берлине, а некоторые в советских вузах. В период второй мировой войны эти люди заняли руководящие посты в различных правительственных учреждениях. Так, профессор истории Колумбийского университета Д. Робинсон возглавил отдел Советского Союза в Управлении стратегических служб, которое впоследствии было преобразовано в ЦРУ; здесь же служил А. Бергсон, Ф. Мосли работал в государственном департаменте, Д. Хазард — в управлении экономической войны.

Именно они в годы «холодной войны» стали создателями первых советологических центров — Русского института Колумбийского университета (1946 г.), Русского исследовательского центра Гарвардского университета (1948 г.) и многих других.

Мощный толчок изучению истории Советского Союза, созданию институтов дала Великая Отечественная война. Как пишет Р. Бирнс, американский народ был захвачен «неслыханным сопротивлением советского населения нацистам», а вскоре, «когда мы стали союзниками, восхищение колоссально усилилось»¹⁴. Действительно, всемирно-историческая победа Советского Союза над фашистскими ордами вызвала волну энтузиазма среди трудящихся США, глубокий интерес к советскому общественному строю, вообще к советскому периоду истории нашей Родины. В то же время правящие круги США с началом «холодной войны» стали проявлять весьма далекий от науки интерес к Советскому государству и его политике.

Вот весьма убедительный пример. В 1950 г. президент Г. Трумэн в обращении к ежегодной конференции Американской ассоциации историков писал: «Главной задачей американской политики является борьба с коммунизмом, и в этом деле труд американских историков имеет колоссальное значение». О том, что историческая наука находится ныне на службе истэблишмента, признают и сами ученые. «Из всех академических дисциплин,— читаем мы в статье профессора Принстонского университета Сирила Блэка,— история самая политическая и самая поддающаяся манипуляциям дисциплина в руках правительств, стремящихся руководить общественным мнением, а также в руках историков, осуществляющих сознательные и бессознательные цели, которыми они руководствуются»¹⁵. Что касается изучения истории СССР, то совершенно недвусмысленно заявил К. Мэннинг: «Изучение

славянских и восточноевропейских стран» всегда находилось в зависимости от политических отношений США, и мы можем быть уверены, что так будет и впредь»¹⁶.

Хотя последние строки были написаны более 20 лет назад, но они не устарели и находят подтверждение в нынешней практике. Американские правящие круги поставили себе на службу созданные в последние десятилетия «русские», «русские и восточноевропейские» институты, центры, программы, которые в начале 1970-х годов существовали при всех крупных университетах и некоторых колледжах. Их общее количество было тогда более ста¹⁷. Помимо институтов (центров), сосредоточивших свои усилия на изучении СССР, стран Восточной Европы в целом — по проблемам истории, внутренней и внешней политики, по экономике и культуре, были созданы и специальные институты — по изучению социалистической системы образования (Кентский университет), восточного христианства (Фордхэмский католический университет в Нью-Йорке), советского и восточноевропейского права (Индианский университет), советского и восточноевропейского изобразительного искусства (Южноиллинойский университет), а также ряд институтов по изучению национальных отношений в Советском Союзе.

Все они существуют для того, чтобы создавать наукообразную базу антисоветской и антикоммунистической пропаганды внутри и за пределами самих США, а также готовить необходимые кадры специалистов по нашей стране, другим социалистическим странам Европы. Авторы книги «Школы для выработки стратегии» эти цели сформулировали так: «Цель советских исследований — подготовка специалистов для правительства, для преподавательской и исследовательской работы... для формирования политики»¹⁸.

Чтобы обеспечить этой работе государственный размах и устойчивое финансирование, конгресс США в 1958 г. принял «Закон об образовании в интересах национальной обороны» (National defense education act). В результате в течение 10 лет численность изучающих в колледжах и университетах русский язык и русскую историю удвоилась. В 1966 г. был принят еще один государственный акт — «Закон об изучении иностранных государств» (International education act).

Принятие этих законов привело к заметному росту бюджетных и иных ассигнований на изучение СССР и подготовку специалистов. С тех пор стало быстро увеличиваться количество советологов — историков, международников, экономистов, филологов, юристов и др. Появились специальные журналы, посвященные Советскому Союзу, в том числе и по истории СССР. В большом количестве стали переводить советскую научную литературу, в частности по проблемам нашей отечественной истории, а также научную периодическую печать.

В начале 1970-х годов преподавание истории СССР, или «советской цивилизации», а также русского языка велось примерно

в 600 университетах и колледжах¹⁹, что значительно больше, чем было 10 лет назад: в 1964 г. курс русской и советской истории читался в 400-х высших учебных заведениях США²⁰. Что касается самого преподавания этого предмета, то оно ведется по-разному: в одних университетах оно длится два семестра, в других читаются обзорные курсы, в третьих история СССР является интегральной частью курса всеобщей истории, наконец, в некоторых университетах и колледжах читаются только спецкурсы по отдельным периодам истории СССР, чаще всего это отмена крепостного права, революция 1905 г., Октябрьская революция и гражданская война, Великая Отечественная война и т. д.²¹.

Какие же мысли об историческом пути нашей страны внушают студентам? Ясно, что ответ на этот вопрос можно найти, лишь внимательно ознакомившись с имеющимися там научными трудами, учебниками и соответствующими периодическими изданиями. Но сделать это совсем не просто, потому что в США отсутствуют стабильные учебники, нет и единых программ для высшей школы.

В США, как известно, имеется множество учебников по истории Советского Союза. Оставаясь в рамках буржуазной науки, эти книги отличаются не только своим объемом, широтой охвата исторических событий, но и позициями авторов. В разных учебниках, монографиях по-разному расставлены акценты, имеются особенности в периодизации самой истории, в оценке отдельных событий, государственных деятелей, общественных и государственных институтов. Следует также учесть, что авторы этих публикаций заметной различаются своей квалификацией, литературными данными и знанием первоисточников. Одни книги выглядят как монографии, в других подчеркнуто, что это учебники — в конце помещены вопросы для проверки усвоения материала, для обсуждения. К этому надо добавить, что иногда преподаватель высшей школы может по своему усмотрению рекомендовать студентам тот учебник, ту книгу, которую он лично предпочитает. Так что картина здесь довольно пестрая.

Дело осложняется еще и тем, что поток литературы, посвященной истории, внешней и внутренней политике СССР, поистине необъятен. Известный американский социолог Д. Белл еще в 1958 г. писал: «Совершенно очевидно, что о русской революции и последующих 40 годах написано гораздо больше, чем о любом другом сопоставимом эпизоде человеческой истории. Говорят, что библиография Французской революции занимает (целую) стену в Национальной библиотеке Франции. Полная библиография Советского Союза, которую еще предстоит составить и которая, вероятно, никогда не будет составлена, потому что она возрастает в геометрической прогрессии, заняла бы еще больше места»²².

В последующие два десятилетия количество публикаций, посвященных нашей стране, в США и в других капиталистических странах росло исключительно быстро. Если привести лишь количество американских изданий по различным аспектам истории

России и СССР, то оно будет достаточно впечатляющим: в 1967 г.— 226, в 1974 г.— 700; из них свыше половины посвящено послеоктябрьскому периоду истории. В 350 работах рассматриваются вопросы внешней политики СССР, в том числе в ста книгах исследуются проблемы американско-советских отношений. Кроме того, в 1974 г. вышло в свет 130 работ, в которых толкуется история Советских Вооруженных Сил²³.

Следует еще отметить, что научная работа, как ее понимают в американских академических кругах, в области истории СССР — явление сравнительно новое. Никогда в прошлом ни такой организации, ни определенной системы изучения нашей страны, ни такого объема публикаций не было, хотя первые издания по истории России появились значительно раньше. Юджин Скуйлер (1840—1890), чиновник дипломатического ведомства, одно время служивший в Петербурге и Москве, в 1884 г. издал работу о Петре I, а до этого — книгу о путешествии в Туркестан²⁴. Несколько книг о России опубликовал Джордж Кеннан (1845—1923)²⁵, дядя известного историка и дипломата, работавший на строительстве железнодорожного телеграфа в Сибири²⁶. Но это, конечно, не научные труды, а записки наблюдательных путешественников.

Ныне же нет буквально ни одного аспекта истории СССР, начиная с Киевской Руси и до наших дней, по которым не были бы опубликованы разной ценности исследовательские работы. Особое внимание, конечно, уделяется истории, политике и деятельности КПСС на различных этапах строительства коммунизма, а также важнейшим периодам истории. Понятен также интерес американских историков к деятельности, руководителям различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, движений и групп. До сих пор издаются книги о кадетях, октябристах, эсерах, меньшевиках, анархистах, буржуазных националистах, руководителях белогвардейского движения и т. д.

Тематика и сами труды по истории СССР постоянно обсуждаются на различных симпозиумах, конференциях, принимаются меры по ликвидации лакун. Так, недавно было обращено внимание на то, что мало опубликовано работ о М. В. Петрашевском, Н. Г. Чернышевском, о деятелях «Земли и Воли», о «Союзе русского народа», о развитии городов. Недостаточным считалось изучение исторических концепций Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, М. Н. Покровского, Е. В. Тарле. К разработке этой проблематики привлекаются специалисты не только США, но и других капиталистических стран.

Чтобы представить себе содержание американских трудов по истории России и СССР, рассмотрим в качестве примера несколько довольно распространенных книг, вышедших в свет в 1970-х годах: «Историю России» Б. Дмитришина²⁷, «Россию при старом режиме» Р. Пайпса²⁸, «Историю России» Н. Рязановского²⁹, «Историю России» У. Кирчнера³⁰, «Россию двадцатого века» Д. Тредголда³¹, «Историю России и Советского Союза» Д. Мак-

кензи и М. Куррана³². Конечно, это лишь небольшая часть распространенных учебников и монографий по этому вопросу, т. е. перед нами не весь спектр взглядов и позиций американских буржуазных специалистов. Но эти книги больше, чем другие, вызвали отзыв в американской исторической периодике. Рецензент журнала «Русская история», издающегося Аризонским университетом, выделил книгу Рязановского³³, а рецензент другого журнала — «Славянское обозрение» — учебник Дмитришина³⁴. Следует также учесть, что книга Кирчнера вышла уже шестым, Тредголда — пятым, а Рязановского — третьим изданием.

Какие же наиболее общие новые моменты отличают эти работы от других, изданных пятнадцать-двадцать лет назад?

Новое в том, что здесь уже трудно встретить стереотипный образ большевика с бомбой в одной руке и бутылкой водки в другой, довольно редко встречаются фальсифицированные цитаты, хотя по-прежнему сохраняется их произвольная группировка и выдергивание из контекста. Следует также отметить, что в последних книгах уже трудно найти кочевавшие в недавнем прошлом назойливые рассуждения о «вековечной отсталости России», о вторичности ее исторического пути по сравнению с Западом. Нелегко обнаружить теперь невежественные утверждения, подобные тем, что можно было прочесть на страницах опуса бывшего шефа ФБР Э. Гувера, писавшего в своей книге «О коммунизме», что члены коммунистических партий — это «террористы», «аморалисты», «антиамериканисты», а коммунизм — это идеология, «фактически утверждающая, что человек определяется тем, что он ест, что нет существенной разницы, имеется лишь разница в степени между человеческой и другими формами жизни»³⁵.

Ныне можно заметить стремление отмежеваться от подобных сочинителей, которые, по словам Рязановского, проявляют «крайне слепую ненависть», а «когда им не хватает фактических данных, выдумывают грехи и преступления»³⁶. Он критикует и тех американских специалистов, которые противопоставляют историю СССР истории стран Запада и тем самым искажают картину исторического развития Советского Союза. Такие книги, считает он, могут лишь ввести в заблуждение читателя. Вместе с тем тот же Рязановский настойчиво отделяет себя даже от таких, по словам В. И. Ленина, «основательных ученых (и «основательных» оппортунистов)», как Сидней и Беатрисса Вебб³⁷. Хотя Рязановский не называет, какие именно труды этих английских ученых и общественных деятелей он имеет в виду, но ясно, что подразумеваются честные книги: «Советский коммунизм — новая цивилизация» 1935 г. и «Правда о Советском Союзе» 1942 г.³⁸.

Рязановский также не может согласиться с книгой своего соотечественника Фр. Шумана, который якобы нарисовал нереалистическую картину жизни Советского Союза, приписав ему демократизм и прогресс. Кстати, сам Фр. Шуман называет себя «некоммунистом» и «антикоммунистом», но заявляет, что его книга «Правительство Советского Союза» имеет целью «способствовать

пониманию, а не клевете и злословию, пропаганде и защите»³⁹.

Другой характерной чертой прочитанных нами учебников является то, что их авторы, оставаясь верными принципам буржуазной исторической науки, настойчиво декларируют свою «объективность, преданность науке». Например, недвусмысленно об этом заявил Уолтер Кирчнер, который пишет, что его книга не имеет целью «способствовать миру» или «сделать предостережение» о Советском Союзе. «Она не имеет никаких мотивов, ни открытых, ни скрытых. Представив факты, мы надеемся уменьшить незнание, тем самым ослабить предрассудки всех видов и таким образом помочь студенту, изучающему Россию, прийти к собственным заключениям и суждениям, основанным не на пропаганде, а на исследовании»⁴⁰.

Можно думать, что с этим подчеркнутым стремлением к объективности связано то, что в каждой книге имеется множество схем, географических карт, хронологических таблиц, широко представлены сведения о городах, о населении, диаграммы по экономике, иконографический материал, а также большая библиография. Например, в книге Рязановского приведено около 700 названий книг и журнальных статей, попавших в поле зрения автора. Причем наряду с американскими и другими западными исследованиями упоминаются и некоторые работы советских ученых, преимущественно посвященных дореволюционному периоду истории России.

Идеологическая сущность этого объективизма особенно ярко проявляется в том, как в американской литературе освещаются такие кардинальные события русской истории, как крестьянские войны, борьба русского народа за национальную независимость, Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская и Отечественная войны, характеристика зрелого социализма и т. д. Рассказывая, например, о гражданской и Отечественной войнах, авторы учебников и монографий просто не могут не сказать о победе советского народа и его Вооруженных Сил. Так, Тредголд довольно подробно и последовательно излагает ход военных действий, признает, что Советское государство одержало полную победу над белогвардейскими армиями и немецко-фашистскими захватчиками⁴¹⁻⁴².

Маккензи и Курран, авторы другого учебника, не обошли вниманием восстание под руководством Степана Разина. Они признают, что он был человеком «выдающихся военных способностей, вождем обездоленных, вел войну бедных против богатых»⁴³. Крестьянскую войну под руководством Ем. Пугачева Маккензи и Курран называют «великим казачьим, племенным и крестьянским восстанием», западные специалисты подчеркивают в пугачевском восстании «элементы мятежа, требования установления законной власти и уважения прав староверов»⁴⁴. Оценивая итоги этого восстания, авторы приводят мнения западных историков, которые сводятся к тому, что восстание потерпело неудачу и поэтому в течение целого столетия якобы не было новых крестьянских

восстаний. По-другому, читаем мы в книге, это восстание оценили советские историки: по их мнению, оно поколебало феодальную систему, повысило классовое сознание крестьян и вдохновило А. Н. Радищева на выступление против монархии.

Точно так же эти авторы отнеслись и к освещению событий Великой Отечественной войны. Они кратко сообщили о победах советского оружия, этим по существу и ограничились. Здесь нет и речи о том, что советский народ и его армия проявили удивившие мир патриотизм, невиданную силу духа и самопожертвование ради свободы своей Отчизны. Американские историки просто скрыли от своих читателей, что эта победа была победой социалистического строя, означала его огромные преимущества перед миром капитала.

Хотя авторы выходящих теперь в свет учебников по истории СССР, как правило, знакомы с трудами советских ученых, но они, как это бывало и в прошлом, занимая объективистскую позицию, игнорируют достижения советской исторической науки, повторяют давно опровергнутые положения, т. е. вчерашний день историографии России. Иллюстрацией может служить освещение «норманской теории». Так, Дмитришин чисто объективистски изложил взгляды сторонников и противников этой «теории», упомянул, что советские историки отвергают «норманскую теорию», но их аргументы не изложил и свое мнение не высказал⁴⁵.

Конечно поддержка этой теории теперь, когда в трудах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, С. М. Юшкова, В. В. Мавродина дана исчерпывающая ее критика, стремление повторять идеи тех, кто еще в XVIII в., руководствуясь отнюдь не научными соображениями, создали эту «теорию», означает отказ от развития научной мысли, поисков истины⁴⁶.

Объективизм этих американских историков России и СССР ничего общего не имеет с поисками объективной научной истины. Он проявляется в стремлении не становиться на определенные позиции в оценке исторических фактов, в разрыве познавательной и оценочной сторон в ходе исследования. Кроме того, объективизм означает также разрыв причинно-следственных связей. Сообщаются отдельные факты, подчас правдивые, но без объяснения причин их появления, без логических выводов. А поскольку факты обычно подаются изолированно от других взаимосвязанных событий, то создается почва не только для домыслов, но и для любой фальсификации.

Американские буржуазные историки, выступая с позиций объективизма, по существу проявляют социальный индифферентизм, который в нынешней американской действительности означает лишь вольную или невольную поддержку политики и практики истеблишмента.

Анализируя содержание американских учебников по истории СССР, нельзя забывать и того, что «долгие годы «холодной войны» оставили свой след в сознании — и не только у профессиональных политиков. Это — предубеждения, подозрительность,

плохое знание, даже нежелание знать действительные позиции и возможности других», — писал Л. И. Брежнев⁴⁷. Именно так обстоит дело у авторов многочисленных книг и учебников истории нашей страны.

Советские историки многое сделали, чтобы выяснить социальные и гносеологические корни американских буржуазных концепций исторического пути народов Советского Союза⁴⁸. Они убедительно показали, что во многих учебниках, монографиях и журнальных публикациях буржуазные ученые чернят, искажают и фальсифицируют прошлое русского и других народов СССР, стремятся оболгать великие свершения советского народа, его победы в вооруженной защите Родины, в коммунистическом союжении, в борьбе за мир. Конечно, в США имеются и другие историки, кто честно, действительно объективно пишет историю Советского Союза⁴⁹, но, к сожалению, в нынешних условиях весь аппарат буржуазной науки и пропаганды делает все, чтобы заглушить эти мужественные голоса.

Фальсификация истории России и СССР продолжается уже много лет, лишь время от времени «репертуар» обновляется в зависимости от политической конъюнктуры. Ныне рудименты «холодной войны» явственно проступают в каждой книге. Повторяя старые басни, Рязановский, например, пишет о «недемократическом и репрессивном характере» советского строя, о «диктатуре коммунистической партии». Во всех упомянутых выше книгах так или иначе муссируется тезис об «извечной» агрессивности России. Извращенное толкование получает присоединение Украины, Закавказья и Средней Азии к России. В то же время историю нашей страны они изображают так, словно СССР не союзное многонациональное государство. Проблема вклада в развитие Советского Союза различных советских народов даже не ставится.

Нежелание считаться с тем, что СССР — государство нового типа, развивающееся по имманентным законам, проявляется и в том, что обычно авторы учебников экстраполируют болезни, трудности и кризисы, свойственные капиталистическим странам, на Советский Союз. Рязановский, например, утверждает, что СССР, став индустриальной державой, оказался перед необходимостью решать по западному образцу такие проблемы, как преступность, урбанизация, проблемы экологии и др.⁵⁰

Наиболее показательным примером того, как история нашей страны злобно фальсифицируется, приносится в жертву сегодняшним интересам реакционных, агрессивных кругов США, являются многочисленные произведения Ричарда Пайпса. Один из ведущих специалистов по истории СССР, автор ряда книг и многих статей, в прошлом директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета, он давно связал свою судьбу с военно-промышленным комплексом. Вместе с генералами Тейлором и Риджуэем является активистом реакционного «Комитета по существующей опасности», в 1980 г., в период избирательной кампании, был в числе советников кандидата на пост президента

Р. Рейгана, а с приходом в Белый дом республиканской администрации занял весьма видный пост в аппарате Совета национальной безопасности в качестве консультанта по Советскому Союзу.

Развиваемые Пайпсом идеи о прошлом и настоящем нашей страны — это грубое извращение одних фактов, умышленное умолчание о других. Его выступления последних лет показывают, как идет процесс приспособления истории, вернее, извращение истории России для сиюминутных потребностей агрессивных кругов США.

Среди его книг обращает на себя внимание «Россия при старом режиме». Нарочитость, отсутствие объективного подхода к освещению исторических фактов проявляется буквально на каждом шагу. Он просто зачеркнул в нашей истории те страницы, что связаны с борьбой за национальное и социальное освобождение. Для него Куликовская битва имеет «небольшое значение», этому великому событию он посвятил всего пять строк в книге, имеющей 360 страниц. Здесь нет ни одного слова о Бородинской битве, имя славного полководца М. И. Кутузова даже не упоминается. Точно так же и крестьянские войны, поколебавшие могущество огромной империи, нашли весьма своеобразное освещение у Пайпса. По его мнению, значение крестьянских «волнений» в Российской империи было в XX в. сильно преувеличено. Он утверждает, что приблизительно раз в столетие крестьяне «приходили в ярость» (*went on rampage* — приходили в неистовство, буйство.— Я. Б.), убивая и сжигая все на окраинах». Огонь этого «буйства» распространялся со скоростью ветра «из-за очень слабой администрации в провинциях». Здесь же он повторяет глупую сказку о том, что «русские крестьяне никогда не восставали против царской власти», а в XX в. «при императоре русская деревня была оазисом закона и порядка»⁵¹.

Линия на замалчивание и извращение прошлого русского народа проявилась и в его оценках восстания декабристов. Как уверяет своих читателей Пайпс, это восстание было якобы случайным и незначительным событием, которое будто бы «не имело предшественников и не привело к каким-либо результатам; это было изолированное выступление, «эхо отдаленных событий», имевших место на Западе. Вопреки истине он пишет: «После неудачи заговора идеи декабристов расстали в воздухе, и следующее поколение мыслящих россиян обратилось к совершенно иному источнику»⁵². Неудивительно, что такое насилие над фактами вызвало неудовольствие у профессиональных историков. Так, один из них в рецензии на книгу пишет, что в ней имеется много недоказанных положений, проявляется односторонний подход, преувеличения, многие высказывания не имеют научного обоснования⁵³.

Будучи откровенным противником разрядки международной напряженности, Пайпс в 70-х годах многое сделал, чтобы отравить атмосферу американо-советских отношений. Как и другие ястребы, он пытался дать «историческое» обоснование модного

тезиса американской пропаганды о так называемой «советской агрессии». По этому вопросу он выступал неоднократно. Так, в статье «Размышления о национальных проблемах в Советском Союзе» он писал, что Русское государство — это «продукт завоеваний, осуществленных одной господствующей нацией — великороссами»⁵⁴. Как видно, «специалист по русской истории» ничего нового не придумал, а повторил старые домыслы.

Впрочем, это далеко не единственное невежественное и провокационное заявление Пайпса. Придя в Белый дом, он стал давать рекомендации президенту и его министрам. Каковы они, мы не знаем, но можем судить по тем заявлениям, что попадают в американскую и мировую печать. Так, в одном из своих выступлений он сказал буквально следующее: необходимо «довести экономику СССР и других стран Восточной Европы до взрыва»⁵⁵. Трудно поверить в то, что возможность этого допускает человек, более 30 лет изучающий нашу страну. В другом выступлении он утверждал, что реальный социализм якобы представляет угрозу «жизненным интересам США». На этом основании он позволил себе высказать ультиматум: «В будущем, — заявил он, — возможна лишь одна альтернатива — либо коммунистическая система изменится, приблизившись к западной демократии, либо будет война»⁵³.

Таков Ричард Пайпс, много раз объявлявший себя поборником «демократии», «прав человека», «плюрализма» и т. д., на деле же он апологет реакции и поджигатель войны.

Знакомясь с содержанием американских публикаций по вопросам истории СССР, нельзя не обратить внимание на некоторые новые моменты, в частности на заметное возрастание интереса к истории национально-государственного строительства, национальным отношениям, в особенности в республиках Средней Азии, в Казахстане и Закавказье. Конечно, и в прошлом в США и других капиталистических странах было опубликовано немало книг и журнальных статей, в которых вкрявь и вкось освещалась национальная политика КПСС. Советские ученые дают достойную оценку этим работам⁵⁷⁻⁵⁸.

Обратимся к некоторым новым публикациям американских специалистов по этому вопросу.

В начале 1970-х годов на страницах различных буржуазных изданий стали появляться сетования на то, что «анализу жизненно важного советского национального вопроса и советских национальных проблем» в США якобы уделяется мало внимания. Чтобы выяснить, каково действительно положение дел, группа специалистов из Колумбийского университета осуществила исследование по таким вопросам, как преподавание истории народов СССР, подготовка кадров специалистов, издание литературы, координация исследовательской деятельности, создание библиотечных фондов, финансирование и др. Для этой работы Фонд Форда выделил соответствующую сумму. Результаты исследования были обобщены в докладе под названием «Изучение советских нацио-

нальностей в университетах Северной Америки», опубликованном в 1974 г.⁵⁹

Согласно сведениям, опубликованным в этом документе, почти все «русские» и «русские и восточноевропейские» институты много внимания уделяют изучению национальных отношений в СССР. Кроме того, в последние годы стали создаваться в различных университетах специальные центры. Так, в Колумбийском университете с 1970 г. ведется работа по «Программе изучения советских национальных проблем» (руководитель — профессор тюрко-советских исследований» Эдвард Оллуорт). В том же университете существует Центр по изучению Центральной Азии; в Индианском развернут Центр по изучению Урало-Алтайского региона, в США к этому региону относят и республики Средней Азии; при Южнокалифорнийском университете функционирует Центр по изучению Советской Азии. Большая работа в этой области ведется также в Вашингтонском, Пенсильванском и некоторых других университетах.

Исследовательская работа и подготовка кадров осуществляется во многих университетах — в 12 читаются специальные курсы по советской национальной политике, в некоторых других университетах и колледжах национальные отношения в СССР рассматриваются в общих курсах истории Советского Союза. Подготовка специалистов по Армении и Средней Азии ведется в Колумбийском, Южнокалифорнийском, Висконсинском и Иллинойском университетах, по Эстонии и Туве — в Индианском, по Литве — в Чикагском и т. д.

Появились специальные периодические издания, посвященные отдельным Советским республикам — Прибалтийским, Среднеазиатским, а также Украине, Белоруссии, Армении. На страницах этих журналов печатаются материалы по истории и современным проблемам, откровенно враждебные к утвердившимся в этих республиках социалистическим формам жизни. Вместе с американскими советологами здесь часто выступают и эмигранты.

Различные советологические институты стали теперь чаще проводить конференции и симпозиумы о национальных отношениях в Советском Союзе. Например, в 1979 и 1980 гг. две конференции, посвященные Закавказью, провел Институт перспективных исследований России им. Кеннана в Вашингтоне. Обсуждались на первой 8, на второй 5 докладов, в которых рассматривались проблемы истории и нынешнее положение дел как в регионе в целом, так и в отдельных республиках.

Большой объем исследований по вопросам национальной политики КПСС, огромное количество публикаций и подготовка кадров потребовали создания системы координации. Этими вопросами занимаются теперь две организации: 1) Ассоциация по изучению советских национальностей, объединяющая 200—250 членов. Она издает информационный бюллетень, проводит конференции, симпозиумы, на которых обсуждаются различные вопросы, представ-

ляющие профессиональный интерес для этой группы советологов. 2) Комиссия по проблемам национальной политики СССР Американской ассоциации развития славяноведения, которая занимается примерно тем же кругом вопросов.

Хотя размах изучения национальных отношений в СССР считается недостаточным, тем не менее упомянутый выше Э. Оллуорт утверждает, что ныне «наблюдается новый этап в изучении советской национальной политики»⁶⁰, особенность которого состоит в том, что национальный вопрос стал «ключевой областью академических исследований и обучения», «произошел сдвиг интересов в сторону Советского Востока». Если раньше при изучении этого региона внимание было сосредоточено главным образом на археологии и лингвистике, то теперь — на новейшей истории и социологии. Важные изменения произошли и в методах изучения этих республик. Если в прошлом пользовались материалами лишь на русском языке, то ныне в распоряжении американских ученых имеется масса «разнообразных публикаций на языках республик Советского Востока». Теперь задача состоит в том, чтобы «анализировать и интерпретировать личный и общественный мир местного жителя именно с тех позиций, с которых он сам его расценивает...»⁶¹.

Среди множества высказываний о причинах повышенного интереса к жизни республик Советского Востока обращают на себя внимание два соображения. Первое — советская национальная политика, гигантские успехи народов Средней Азии, Казахстана, Закавказья в коммунистическом строительстве вызывают огромный международный резонанс. Эту мысль довольно ясно высказал профессор Э. Оллуорт: «Советский Восток в эпоху деколонизации Азии и Африки приобретает решающее значение»⁶². В связи с этим по разным каналам принимаются меры к тому, чтобы дискредитировать эти успехи. Второе — демографический фактор — более высокий рост населения этих республик по сравнению с другими республиками. На эту тему было опубликовано множество работ, в различных «русских» институтах проводились дискуссии, в которых приняли активное участие такие советологи, как Зб. Бжезинский, Р. Пайпс, А. Беннигсен и другие, высказавшие ряд спекулятивных соображений о будущем национальном составе населения СССР⁶³.

Знакомясь с американскими публикациями о советской национальной политике, нельзя не отметить, что исчезли имевшие в недалеком прошлом заявления об «отсталости» этих республик, об «эксплуатации» их со стороны других советских республик и т. д. Теперь уже стало просто невозможно отрицать, что в этих республиках на началах социализма бурными темпами развивается народное хозяйство, культура, повышается жизненный уровень. На этой основе коренным образом изменился весь уклад жизни. Так, М. Шориш пишет: «Благодаря советской стратегии развития Средняя Азия в течение 50 лет трансформировалась из нищего и неграмотного общества в экономически жизнеспособный регион»⁶⁴.

Р. Клем к этому добавляет: «Едва ли можно сомневаться в том, что по западным стандартам советский режим во многом улучшил судьбу среднего жителя Средней Азии. Резко сократилась смертность, умножилось число людей квалифицированного труда, возросло число студентов и школьников»⁶⁵.

Успехи народов Советской Средней Азии привлекли недавно внимание Международной организации труда. В 1977 г. группа ее специалистов посетила эти республики и в 1979 г. опубликовала отчет. «Несколько десятилетий назад, — сказано в нем, — Средняя Азия была по преимуществу сельским регионом, а ее население — исключительно нищим. За последние десятилетия здесь произошла глубокая трансформация, достигнут замечательный прогресс. В эти же годы в невиданных масштабах были трансформированы социальные институты»⁶⁶. Наиболее проникательные западные специалисты понимают, какое международное значение имеют осуществленные здесь социалистические преобразования. Так, Ч. Уилбер в книге «Советская модель и развивающиеся страны» прямо пишет: «Если лидеры развивающихся стран согласны рассматривать экономическое развитие как средство борьбы с нищетой, то советская модель является альтернативой капиталистическим методам, предлагаемым Западом»⁶⁷.

Множество публикаций последних лет свидетельствуют о том, что буржуазная пропаганда не только отмечает успехи в проведении советской национальной политики, но и паразитирует на новых проблемах, вызванных к жизни этими достижениями. Посмотрим, как это делается.

Известно, что народы Средней Азии до установления Советской власти не сложились в нации. Процесс формирования наций завершился лишь с победой социализма. В связи с этим у трудящихся этих республик появилось невиданное в прошлом чувство национального единства, национальной и в то же время общесоветской гордости. С определенными оговорками это признают и советологи. Так, упомянутый выше М. Шорш пишет, что у народов этого региона появилось «новое чувство нации, не известное здесь со времен ликвидации Саманидов»⁶⁸. Т. Раковска-Хармстоун вынуждена признать тот факт, например, что «без революции 1917 г. и Советской власти таджикское национальное сознание никогда бы не получило развития»⁶⁹. Дж. Кричлоу отмечает, что национальное сознание азербайджанского народа определяется и тем обстоятельством, что «столица г. Баку стала нефтяным и индустриальным центром еще в дореволюционное время, что среди мусульманских народов Российской империи здесь впервые сформировался пролетариат и возникло первое социалистическое движение»⁷⁰. Преподаватель Оберлинского колледжа Г. Сунн в докладе «Советская Грузия в семидесятих годах», прочитанном на семинаре в Институте перспективных исследований России им. Кеннапа, высказал те же соображения применительно к Грузии. Он признает, что здесь создано индустриальное общество, отличающееся всесторонним развитием техники, науки, культуры и

высоким уровнем материального благосостояния, произошла этническая и политическая консолидация нации, все это вызвало рост патриотического сознания⁷¹. Но Сунн, как и его коллеги, не видит нового качества патриотизма, получившего развитие в СССР,— гармонического сочетания в нем национального и советского патриотизма.

Привыкли мыслить по известным им моделям, американские историки экстраполируют явления, свойственные капиталистическому миру, на Советский Союз. Свой вклад в это внес и Р. Пайпс. В 1975 г. он поместил в сборнике «Этнос. Теория и практика»⁷² уже цитированную выше статью «Размышления о национальных проблемах в СССР», в которой высказал следующую мысль: поскольку национализм и национальные конфликты являются закономерным явлением каждого многонационального государства, то СССР не может быть исключением. Будучи в Белом доме признанным специалистом по нашей стране, Пайпс может пренебречь истиной, закрыть глаза на то, что Советский Союз — это социалистическое государство, развивающееся на основе ему присущих закономерностей.

«Идея» Пайпса пала на благодатную почву. Через два года вышел сборник «Этнические конфликты в современном мире». Здесь в одной из статей Т. Раковска-Хармстоун писала по известному образцу: создание национальной государственности и вызванное им чувство национального самоутверждения в многоэтническом советском обществе якобы должно обязательно привести к «этническим конфликтам»⁷³. Характерно, что никто из апологетов этого тезиса не позаботился привести убедительные аргументы. Раз так повсюду в знакомом им мире, то так должно быть и в Советском Союзе.

В этой связи большие надежды возлагаются на усиление влияния мусульманской религии. Выходец из семьи белоэмигрантов, А. Беннигсен, специализирующийся по истории Советских Среднеазиатских республик, выступил на упомянутой выше конференции в Институте им. Кеннана в 1979 г. с докладом о Советском Азербайджане. Подтасовывая факты, он утверждал, что здесь якобы имеет место усиление влияния мусульманского духовенства на массы и одновременно с этим воскрешение национализма⁷⁴.

Так же чуждыми интересам жителей Средней Азии являются рассуждения заокеанских историков о высоком уровне рождаемости в этих советских республиках. По этому вопросу немало пишут не только в США, но и в Англии, ФРГ и Франции. Наиболее полно эти мысли высказал тот же А. Беннигсен. Ход его рассуждений таков: поскольку мусульманское население растет быстрее других, то в будущем оно может составить большинство населения Советского Союза. Он мечтает о том, чтобы объединить всех мусульман на основе «единого мусульманского сознания»⁷⁵ и противопоставить их русскому и другим народам Советского Союза.

Однако советская действительность опровергает эти домыслы и вздорные надежды. Ибо, как писал Л. И. Брежнев, «в нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов»⁷⁶.

Кратко изложив некоторые концепции истории СССР, получившие распространение в учебниках для американской высшей школы и в соответствующих монографиях, обратимся теперь к тому, как в США готовят кадры историков Советского Союза.

Как в недавнем прошлом, так и теперь высшей и средней школам, правительственным учреждениям — государственному департаменту, аппарату внешнеполитической пропаганды, ЦРУ, Пентагону, Министерству торговли и многим другим требуется большое количество специалистов по различным аспектам истории Советского государства, его внутренней и внешней политики. С помощью щедрых ассигнований из государственного бюджета и еще более щедрых «пожертвований» благотворительных фондов эта задача была решена: создана целая сеть «русских» и «русских и восточноевропейских» институтов (центров).

Выяснение того, как работает американский механизм подготовки специалистов по нашей стране и европейским социалистическим странам, представляет определенные трудности, что связано с системой высшего образования в США. Существует разница между университетами, одни находятся в ведении властей штатов, имеются церковные вузы, самые знаменитые аристократические университеты являются частными учебными заведениями. Они имеют ряд особенностей, которые безусловно сказываются на качестве подготовки специалистов, в том числе, конечно, и историков. Известно, например, что группа привилегированных университетов, принадлежащих к «Ivy league» («Лига увитых плющом»), обеспечивает лучшую подготовку своих воспитанников. Различия усугубляются еще и тем, что отсутствуют государственные учебные планы, единая система должностей профессорско-преподавательского состава. Это, конечно, не мешает тому, что преподавание в высших учебных заведениях служит интересам американского истеблишмента.

Подготовкой кадров высшей квалификации в основном занимаются упомянутые выше «русские» институты. В этих же учреждениях ведется и научная работа в области истории СССР, внешней политики, экономики и по другим обществоведческим дисциплинам.

За истекшие 30 с лишним лет своего существования эти институты прошли определенный путь развития, в них произошла заметная диверсификация. Одна часть — Русский институт Колумбийского университета, Русский исследовательский центр Гарвардского университета, аналогичные учреждения при Айовском, Вашингтонском, Джорджтаунском, Кентском, Луизианском

и других университетах — занята подготовкой кадров только по СССР и ведет исследовательскую работу по широкому спектру проблем, относящихся преимущественно к Советскому Союзу. Другая часть институтов (центров) готовит кадры специалистов по всему региону Восточной Европы, т. е. СССР и другим социалистическим странам. Они существуют при Бостонском, Иллинойском, Иельском, Калифорнийском (Беркли и Лос-Анджелес), Колорадском, Питтсбургском, Пенсильванском, Стенфордском и других университетах. Имеются также учреждения, специализирующиеся только по странам Восточной Европы, кроме СССР.

Во второй половине 60-х — в начале 70-х годов появились новые институты, ориентированные на подготовку специалистов и изучение отдельных регионов Советского Союза, а также отдельных отраслей общественных наук или отдельных проблем политики СССР.

Как мы уже отмечали, курс истории СССР, как правило, читается в том или ином объеме всем студентам исторических факультетов. Что касается тех, кто стремится стать специалистом в области истории СССР, то они по окончании университета сдают соответствующий экзамен и становятся бакалаврами. Став бакалаврами, они обычно поступают в один из «русских» институтов (центров), где после некоторой подготовки получают сертификат магистра. За 20 лет (1950—1970 гг.) по советологии было подготовлено 5666 бакалавров и 2514 магистров.

Здесь будет уместным напомнить, что в США фактически имеется, в нашем понимании, лишь одна ученая степень — Ph. D. — доктор философии, присваиваемая всем обществоведам, кроме юристов и специалистов в области педагогики, а также математикам и некоторым другим специалистам. По свидетельству самих американских ученых, ее следует приравнивать к ученой степени кандидата наук в СССР⁷⁷. Что касается бакалавра наук — B. A. и магистра наук — M. A. (Master of arts), то это скорее показатель определенного уровня полученного университетского образования.

Для получения степени доктора философии необходимо пройти дополнительное двухлетнее обучение и защитить диссертацию. Показательна в этом плане подготовка докторов философии — специалистов по истории СССР в Русском институте Колумбийского университета⁷⁸. В первый год обучения аспиранты слушают лекции и изучают русский язык по 10 часов в неделю. Им предлагается по выбору 12 полугодовых курсов по различным проблемам истории России и СССР. Лекции читаются обзорно, потому что общий курс истории все аспиранты уже прослушали. Обычно лекции посвящаются большой теме, например Киевская Русь, Московское государство, Россия в эпоху империи, русские революции XX в. и др. На втором году аспиранты работают в одном или нескольких семинарах по узкой специальности, получают индивидуальные консультации у научных руководителей, готовят и защищают работу для получения искомой степени доктора фи-

лософии и сдают два экзамена — по предмету в целом и непосредственно по теме диссертации. Соискатель должен знать не менее двух иностранных языков.

Для готовящих диссертации по советскому периоду в семинарах изучаются актуальные проблемы современной советской истории и политики. Тематика их: «Решения последнего съезда КПСС», «Советская Россия в годы гражданской войны», «СССР и вторая мировая война», «СССР и „третий мир“» и др.

Ежегодно степень доктора философии по истории СССР присуждают 80—90 университетов.

Сколько же человек в США профессионально занимаются преподавательской и исследовательской деятельностью в области истории России и СССР? Понятно, что в наших условиях дать точный ответ практически невозможно, но все же некоторые данные по этому вопросу появляются в американской печати. Так, упомянутый выше Р. Бирнс утверждает, что в 1973 г. степень доктора философии в области истории СССР и европейских социалистических стран имели 1200 человек⁷⁹. Если прибавить еще тех, кто получил эту степень в 1974—1980 гг., тогда общее количество составит примерно 1700⁸⁰. Если вычтеть число специалистов отдельно по странам Восточной Европы, которых в 1968 г. было 55⁸¹, то получится, что историей СССР в США профессионально занимаются около 1600 одних только докторов философии. Но в высшей школе этот предмет преподают и изучают не одни только доктора философии, потому что тот же Р. Бирнс общее число историков СССР и Восточной Европы определяет в две тысячи человек. Напомним, что в 1953 г. в США было всего 217 историков, 213 политологов и специалистов по внешней политике европейских социалистических стран.

Поскольку американские данные рассматривают отдельно историков и отдельно специалистов по международным отношениям, то если к числу историков прибавить этих специалистов, то всего будет более трех тысяч человек, профессионально изучающих и преподающих историю СССР и его внешнюю политику.

Определенный интерес представляет специализация историков. Об этом в известной мере можно судить по тематике докторских диссертаций, о чем имеются сведения в книге профессора Нью-Йоркского университета Дж. Доссика «Докторские диссертации, посвященные России и Советскому Союзу, 1960—1975»⁸². Хотя, как предупреждает автор, по разным причинам эти сведения неполны, тем не менее некоторые выводы можно сделать. Как явствует из этой книги, истории России XV—XVIII вв. было посвящено 120 работ, вдвое больше диссертаций было о XIX в., в особенности о второй его половине. Проблемы истории первых двух десятилетий XX в. рассмотрены в 150 диссертациях, причем одна треть посвящена Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и иностранной интервенции. В целом 60% всех диссертаций исследуют различные вопросы истории СССР и советской внешней политики в 1917—1974 гг.

Рассматривая тематику диссертаций о советском периоде истории, следует отметить, что нет буквально ни одного этапа, ни одного более или менее значительного события, которые не привлекли бы внимание американских советологов и не получили бы глубоко субъективной интерпретации. Имеется большое количество работ, посвященных виднейшим государственным, политическим и военным деятелям Советского государства, особый интерес проявляется к тем, кто когда-либо допускал отход от линии партии, имеются работы по различным проблемам внутренней политики и государственного строительства. Заокеанские специалисты много внимания уделяют фальсификации истории КПСС, ее деятельности на различных этапах развития советского общества, тщательно изучают работу центральных и местных партийных органов, состав партии, рост ее рядов, подготовку кадров партийных работников. Особое внимание уделяется деятельности и программам различных антиленинских группировок.

Досник обратил внимание на то, что до 1960 г. американских историков мало привлекала историография, но в последующие годы этот недостаток был ликвидирован.

Большой объем исследовательской, издательской и преподавательской деятельности в области изучения истории СССР, быстрый рост количества таких специалистов привел к созданию ряда профессиональных объединений советологов. Самым крупным является Американская ассоциация развития славяноведения—ААРС (American association for the advancement of Slavic studies). Первоначально она была создана в 1948 г. с целью обеспечить издание журнала американских славистов, но в дальнейшем по мере усиления «холодной войны» и увеличения количества институтов и центров, занятых изучением различных аспектов истории и политики Советского Союза и других европейских социалистических стран, ассоциация была превращена в основной центр, координирующий функционирование всей американской «советологической индустрии». В 1980 г. в ее составе было 2500 членов.

ААРС объединяет «ученых и других лиц, занятых преподавательской, исследовательской, административной деятельностью или работающих в правительственных учреждениях и стремящихся проводить исследования, осуществить издания и вести преподавание дисциплин, относящихся к Советскому Союзу и странам Восточной Европы»⁸³. Среди членов ААРС более тысячи историков, около пятисот политологов, более трехсот специалистов по международным отношениям, а также экономисты, юристы, демографы, лингвисты и литературоведы.

В состав ассоциации входят в качестве коллективных членов следующие профессиональные объединения: историков-славистов, которое называется «Конференцией по славянской и восточноевропейской истории» Американской ассоциации историков; так называемая «Конференция по изучению коммунизма» Американской ассоциации политологов, а также объединения историков-

аграрников и «Ассоциации по изучению национальностей Советского Союза и стран Восточной Европы». Все эти объединения имеют свои руководящие органы, издают информационные бюллетени, проводят конференции и симпозиумы. В составе ААРС имеются также региональные объединения советологов — Центральное, Среднего Запада, Южное, Западное и др.

Самым важным направлением деятельности ААРС является координация в области подготовки кадров и исследовательской деятельности. В этих целях практикуется обмен опытом и обмен профессорами между университетами. ААРС способствует комплектованию библиотек, в 70-х годах участвовала в отборе кандидатов для стажировки в советских университетах. Как признает упомянутый выше Р. Бирнс, одной из целей этого обмена было «распространение диссонирующей информации» в Советском Союзе. Ассоциация принимала участие в налаживании международного сотрудничества, в частности сотрудничества американских и советских историков. Тот же Р. Бирнс называет, например, плодотворной встречу ученых двух стран по вопросам обмена опытом применения количественных методов в исторических исследованиях; полезными были, считает он, также симпозиумы по подготовке изданий классиков литературы, о деятельности местных органов власти. К этому надо добавить еще две встречи советских и американских историков: в 1972 г. в Москве по двум темам — «История городов России и Америки в XVIII в.» и «История Просвещения в английских колониях Северной Америки и в России», в 1975 г. была встреча в г. Станфорде также по двум темам — «История крепостничества в России и рабства в Америке» и «Проблема русско-американских отношений в первой половине XIX в.»⁸⁴. Во время оживленного обмена мнениями советские ученые высказали американским исследователям ряд принципиальных возражений по вопросам историографии СССР и США.

ААРС в целом и ее профессиональные и региональные организации много внимания уделяют проведению различных встреч, конференций и симпозиумов на общенациональном и региональном уровнях, на которых подводятся итоги в области преподавания, издания различных трудов и т. д. Назовем тематику проведенных в 70-х годах конференций, посвященных исторической науке в СССР: конференция, на которой с позиций антисоветизма рассматривались важнейшие периоды и проблемы истории СССР (доклады были впоследствии изданы отдельной книгой под названием «Окна на русское прошлое. Очерки советской историографии после Сталина»)⁸⁵; конференции по вопросам преподавания русской истории в колледжах, а также по проблемам и перспективам мирового коммунистического движения и др.

ААРС имеет несколько периодических изданий, в том числе ежеквартальный журнал «Славянское обозрение», в котором печатаются материалы по истории СССР и других европейских социалистических стран⁸⁶. Помимо этого, ААРС участвует в изда-

нии различных библиографических справочников, обеспечивает своих членов информацией о жизни в Советском Союзе, весьма тенденциозной. В частности, с 1949 г. еженедельно издается «Резюме советской прессы» (Digest of the Soviet press).

Естественно, что для проведения исследовательской работы необходима и соответствующая источниковая база. Следует отметить, что до второй мировой войны американские фонды литературы по истории СССР были крайне скудными. Коренным образом положение изменилось «после советского спутника», когда университеты стали получать большие средства на изучение Советского Союза и других европейских социалистических стран. Например, библиотека Чикагского университета на закупку этой литературы в 1960—1975 гг. получила из Фонда Форда 900 тыс. долл.⁸⁷. Теперь на ее полках хранится 175 тыс. томов литературы о Советском Союзе по всем общественным наукам и прежде всего по истории.

Такие же богатые фонды литературы по всему региону Восточной Европы имеют и другие библиотеки. Среди них на первом месте находится библиотека Гуверовского института войны, революции и мира. Здесь имеется более миллиона книг и брошюр на 36 языках, примерно 150 тыс. правительственных документов, более 4 тыс. частных собраний государственных деятелей. Ежегодно библиотека получает по подписке 2800 периодических изданий и 360 газет из 72 стран мира. В каталоге имеющихся газет, выходивших в царской России и выходящих в СССР, числится 1108 названий⁸⁸.

В библиотеках хранятся весьма ценные архивные материалы. Например, в том же Гуверовском институте — заграничный архив царской охранки, переданный послом Временного правительства в Париже В. А. Маклаковым, архив Керенского, белогвардейских правительств; в Гарвардском университете — архивы М. А. Спиридоновой, Г. А. Алексинского; в Йельском — рукописи Е. К. Брешко-Брешковской; в Индианском — многочисленные материалы по истории Урала и Алтая; в Колумбийском — комплекты «Отечественных записок», «Колокола», документы «Народной Воли». В некоторых библиотеках поиск литературы и фактических данных ведется с помощью ЭВМ.

Кто же финансирует изучение истории СССР в США? Как писал Р. Бирнс, «Мы должны понять, что Россия и Восточная Европа имеют преимущество в финансировании, которое такие дисциплины, как история США, английская литература, а также политэкономия никогда не имели»⁸⁹. И действительно, американская советология и, в частности, изучение и преподавание истории СССР все послевоенные годы по существу финансовых трудностей не испытывали. Подготовка кадров преподавателей и исследователей истории СССР, а также издание книг, журналов, многочисленные переводы на английский язык, проведение симпозиумов и конференций требуют немалых средств. В настоящее время имеются три источника финансирования: ассигнования фе-

дерального бюджета, «благотворительных» фондов и университетов.

Федеральный бюджет. До 1958 г. расходы на советологию за счет федеральных властей производились на основе эпизодических решений соответствующих инстанций. Но затем, когда были приняты упомянутые выше законы об «образовании в интересах национальной обороны» и об «изучении иностранных государств», в соответствующих статьях федерального бюджета появились пункты, предусматривающие расходы на подготовку специалистов по истории СССР и других стран социализма в Восточной Европе. Ежегодно на эти цели выделяются значительные суммы, о которых крайне редко пишет американская печать. Например, в 1970 г. из федерального бюджета было получено 18 млн. долл., кроме того, из других источников еще 116 млн. долл. По официальным данным, для подготовки специалистов по Советскому Союзу федеральный бюджет предоставляет средства 20 университетам в размере от 26 до 186 тыс. долл. в год каждому. Кроме того, на изучение иностранных государств, особенно СССР, стран социализма, международного коммунистического движения, выделяется еще больше денег. Так, в 1966—1971 гг. на эти цели было ассигновано 188,3 млн. долл., в 1972 г. — еще 38,5 млн. долл. В последующие годы были получены дополнительные суммы.

Нелишним будет отметить, что одну треть федеральных ассигнований на указанные цели расходует министерство обороны, затем идут ЦРУ, госдепартамент, министерство торговли, министерство образования, здравоохранения и социального обеспечения. За счет этих сумм разрабатываются секретные и несекретные темы «от сельского хозяйства до поддержания мира», причем 70% из них посвящены политике, социальной структуре и экономике ряда государств, в первую очередь СССР и братских стран социализма. Так, например, в 1976—1977 гг. госдепартамент предоставил на изучение Советского Союза во всех аспектах 1 млн. долл.⁹⁰

«Благотворительные» фонды. Следует подчеркнуть, что «изучение России» с самого начала происходило с материальной помощью этих фондов. Так, еще в XIX в. по инициативе Чарльза Крейна был создан «Фонд Крейна» для финансирования исследований и подготовки специалистов по России⁹¹. Ныне большая часть средств — примерно 70%, идущих на изучение СССР, других стран социализма и мирового коммунистического движения, поступает из различных фондов, в первую очередь Форда, Рокфеллера и Карнеги.

Фонд Форда ввиду большого объема финансирования советологии создал особый филиал — «Восточноевропейский фонд» (East European Foundation). Среди тех, кто в последние годы возглавлял эти фонды, встречаются имена многих политических деятелей, известных своими реакционными взглядами и весьма близких к правительственным кругам — Роберт Макнамара, Дин Раск, Чарльз Боулз, Макджордж Банди, Джон Макклой и др.

Законом PL — 191—172 фондам запрещено расходовать средства на пропаганду, оказывать влияние на законодательство и давление на избирателей. Но многолетняя практика свидетельствует, что фонды используют в политических целях широко рекламируемые пожертвования на науку, на престарелых и т. д., материально поддерживая те организации и тех людей, чья деятельность соответствует интересам монополистического капитала.

Эти три фонда в 40—50-х годах предоставили большую часть средств на развертывание сети «русских» учреждений. Так, Колумбийский университет получил из Фонда Рокфеллера 250 тыс. долл. для создания Русского института; Фонд Форда предоставил 1 млн. долл. для открытия Института по исследованию проблем коммунизма (в то время его директором был Зб. Бжезинский), который в 1975 г. был переименован в Институт по исследованию международных изменений. Гарвардский университет на средства Фонда Карнеги открыл Русский исследовательский центр. 3 млн. долл. предоставил Фонд Форда Индианскому университету для создания Русского и восточноевропейского института и т. д.

С тех пор эти и другие фонды выделяют таким учреждениям большие суммы для преподавательской, исследовательской и издательской деятельности, для приобретения литературы, проведения симпозиумов и конференций, на поездки в СССР и прочее. Согласно официальным данным, изучением иностранных государств занимается 191 центр, из них 107 получают субсидии от Фонда Форда, 17 — от Фонда Рокфеллера и 17 — от Фонда Карнеги. Суммы эти весьма значительны. Так, за 15 лет (1951—1966) на «международные исследования» Фонд Форда израсходовал 270 млн. долл.⁹² В 1975 г. было объявлено, что этот Фонд предоставил 17 субсидий на общую сумму 650 тыс. долл. 10 американским и 7 иностранным университетам «для углубленного изучения СССР и Восточной Европы». По сведениям Р. Бирнса, 450 докторских диссертаций были подготовлены благодаря финансовой помощи Фонда Форда⁹³.

В 70-х годах под влиянием общественных сил, выступающих за мир и добрососедские отношения между США и СССР, Фонд Форда выделял средства на проведение и таких мероприятий, как Пагуошское движение, Дартмутские встречи и т. д.

Практически почти каждая книга и большая часть журнальных статей, посвященных Советскому Союзу и написанных в интересах истеблишмента, были подготовлены с финансовой помощью различных фондов. Так, Р. Фишер получил 5500 долл. из Фонда Рокфеллера на изучение древнерусской истории. А. Бродерсен подготовил книгу «Советский рабочий» за счет средств того же фонда. На средства Фонда Форда были изданы такие книги, как «История меньшевистского движения» и «Происхождение современного белорусского национализма», «Тюркоязычные мусульмане СССР» и «Консервативный национализм в России». С помощью ассигнований Фонда Карнеги Р. Пайпс написал «Образование Советского Союза. Коммунизм и национализм, 1917—1923».

Бюджеты университетов. Американские университеты ежегодно выделяют из своих бюджетов средства на советологические исследования, в том числе в области истории СССР, примерно столько же средств, сколько федеральные власти. Учитывая, что бюджеты университетов складываются из поступлений от федеральных властей и властей штатов, а также сумм, поступающих за выполнение заказов крупных корпораций и «пожертвованных» различных фондов, то в сущности это означает, что средства, выделяемые университетами на эти цели, в действительности являются средствами крупного бизнеса и государственного бюджета США.

Подводя итоги нашего обзора по вопросам изучения и преподавания истории СССР в высшей школе США, следует отметить, что американский истеблишмент придает большое значение этим проблемам. Благодаря материальной поддержке властей и различных монополий создана определенная система изучения настоящего и прошлого нашей страны со своей инфраструктурой в виде сети «русских» институтов (центров), системы изданий, источниковой базы и различных организаций, осуществляющих координацию. Вся эта система работает в интересах американских правящих кругов, отвечает их классовым интересам и обеспечивает наукообразную базу его пропагандистскому аппарату.

- ¹ *Byrnes R.* Soviet — American Academic Exchanges, 1958/1975. Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1976, p. 15.
- ² *Byrnes R. A. C. Coolidge. A Founder of Russian Studies in the USA.* — Slavic Rev., Bloomington (Ind.), 1978, vol. 37, N 4, p. 663.
- ³ *Болловитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783. М., 1975, с. 528—568.
- ⁴ *Volkonsky S. M.* Pictures of Russian history and Russian Literature. Boston etc.: Lamson, Wolfe and Co., 1897, vol. XII, 283 p.
- ⁵ *Kovalevskii M.* Russian Political Institutions. Chicago: Univ. Press, 1902. IX, 299 p.
- ⁶ *Miliukov P.* Russia and Its Crisis. Chicago: Univ. Press, 1905, XV, 589 p.
- ⁷ *Manning C. A. A.* History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee (Wisc.): Marquette Univ. Press, 1957, p. 44.
- ⁸ *Byrnes R.* The Academic Labor Market: Where Do we Go from? — Slavic Rev., Columbus (Ohio), 1974, vol. 33, N 2, p. 289.
- ⁹ *Mosely Ph.* The Growth of Russian Studies. — In: American Research on Russia/Ed. by H. Fisher. Bloomington (Ind.), 1959, p. 2.
- ¹⁰ *Reed J.* Ten Days that Shook the World. N. Y., 1919, 371 p.
- ¹¹ *Foster W. Z.* The Russian Revolution. Chicago, 1921, 155 p.
- ¹² *Manning C. A. A.* History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee (Wisc.): Marquette Univ. Press, 1957, p. 2.
- ¹³ *Mosely Ph.* The Growth of Russian Studies..., p. 2.
- ¹⁴ *Byrnes R.* Soviet-American Academic Exchanges..., p. 19.
- ¹⁵ *Black C./Rec.: Heere N. W.* Politics and History in the Soviet Union. Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 1971, vol. XIII. 319 p.— Soviet Studies, Glasgow, 1972, vol. 24, N 2, p. 292.
- ¹⁶ *Manning C. A. A.* History of Slavic Studies..., p. 297.
- ¹⁷ Soviet Nationalities Studies in North American Universities. — Armenian Rev., Boston, 1974, vol. 27, N 3, p. 295—307.
- ¹⁸ *Lyons G., Morton L.* Schools for Strategy. N. Y., 1965, p. 108.
- ¹⁹ *Byrnes R.* Soviet-American academic Exchanges..., p. 27.
- ²⁰ The New York Times, 1964, Apr. 3, p. 19.

- ²¹ *Curtiss R.* Russian History in the United States; Vistas and Prospects. Canadian Slavonic Papers. Ottawa, 1970, vol. 12, N 1, p. 28.
- ²² Soviet Society: A Book of Readings/Ed. by A. Inkeles. Boston, 1961, p. 44.
- ²³ The American Bibliography of Slavic and East—European Studies for 1974; Prepr. at the Libr. of Congr. for the Amer. Assoc. for the Advancement of Slavic Studies./Ed. by D. H. Kraus. Columbus (Ohio): Ohio State Univ. Press, 1976, vol. XXXY, 225 p.
- ²⁴ *Schuyler E.* Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. N. Y.: Scribner, Armstrong, 1876, vol. 1, XII. 411 p.; vol. 2, VIII, 463 p.
- ²⁵ *Manning C. A.* Russian Influence on Early America.—N. Y.: Libr. Publ., 1953, p. 177.
- ²⁶ *Kennan G.* The Life in Siberia and Adventures among the Kasaks and Other Tribes in Kamchatka and Northern Asia. N. Y., 1871, 291 p.
- ²⁷ *Dmytryshyn B.* A History of Russia. N. Y.: Prentice Hall. 1977, XVII, 645 p.
- ²⁸ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. L: Weidenfeld and Nicolson, 1974, XXII, 361 p.
- ²⁹ *Riasanovsky N. V.* A History of Russia, 3rd ed. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1977, XX, 762 p.
- ³⁰ *Kirchner W.* A History of Russia. 2nd ed. N. Y.: Barnes and Noble, 1958, 329 p.; 6th ed., 1976, vol. X, 405 p.
- ³¹ *Treadgold D.* Twentieth Century Russia. Chicago (Ill.): Rand McNally Co., 1959, 550 p.; 5th ed., 1981, 375 p.
- ³² *Mackenzie D., Curran M.* A History of Russia and the Soviet Union. Homewood (Ill.), 1977, XIII, 689 p.
- ³³ Russian History. Temp (Ariz.): Arizona State Univ. Press, 1971, vol. 4, pt. I, p. 64.
- ³⁴ Slavic Review. Columbus (Ohio), 1977, vol. 36, N 3, p. 290.
- ³⁵ *Hoover J. E.* On Communism. N. Y. Random House, 1969, p. 150.
- ³⁶ *Riasanovsky N. V.* A History of Russia, p. 647.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 61.
- ³⁸ *Webb C., Webb B.* Soviet Communism; A New Civilization? L.; Longman. Green and Co., 1935, 186 p.: The Truth about Soviet Russia.—New York: Longman, Green and Co., 1942, 128 p.
- ³⁹ *Shuman Fr.* Government in the Soviet Union. N. Y.; Thomas Crowell Co., 1963, p. IX—X.
- ⁴⁰ *Kirchner W.* A History of Russia, p. IV.
- ^{41–42} *Treadgold D.* Twentieth Century Russia..., p. 195, 327.
- ⁴³ *Mackenzie D., Curran M.* A History of Russia..., p. 176.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 255.
- ⁴⁵ *Dmytryshyn B.* A History of Russia, p. 41.
- ⁴⁶ *Шаскольский П. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.: JL, 1965, 221 с.
- ⁴⁷ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 341.
- ⁴⁸ См. библиогр. указ.: *Старшинова М. С.* Критика антинаучных теорий зарубежных фальсификаторов истории советского общества: Библиография книг и статей из журналов и сборников на русском языке за 1956—1968 гг. М., 1968; *Ставицкая Р. А.* Критика антикоммунизма: Библиогр. указатель отечественной литературы за 1965—1970 гг. Харьков, 1972. Укажем также некоторые работы, опубликованные в 1970-х годах: *Титаренко С. И.* Некоторые вопросы критики фальсификации истории и политики КПСС в современной буржуазной историографии. М., 1974; *Иерицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; *Марушкин Б. П., Иоффе Г. З., Романовский Н. В.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977; *Салов В. И.* Критика зарубежной литературы по истории СССР.—В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978, вып. 1. Сов. период. с. 297—319; *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии. JL, 1979; *Романовский Н. В.* Критика фальсификации роли ленинской партии в трех ре-

- волюциях. М., 1979; Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1980; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.
- ⁴⁹ См., напр.: Великий Октябрь и прогрессивная Америка: Сб. док. и материалов / Отв. ред., сост., авт. предисл. и коммент. И. М. Краснов. М., 1967; Советский Союз глазами американцев, 1917—1977: Док. и материалы / Отв. ред., сост., авт. предисл. И. М. Краснов. М., 1979.
- ⁵⁰ *Riasanovsky N. V.* A History of Russia, p. 654.
- ⁵¹ *Pipes R.* Russia under the Old Regime, p. 155.
- ⁵² *Ibid.*, pp. 188, 259.
- ⁵³ *Szeftel M.* Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development. *Canad. Amer. Slavic Studies*, Montreal, 1980, vol. 14, N 1, p. 84.
- ⁵⁴ *Pipes R.* Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union.— In: *Ethnicity. Theory and Experience* / 9d. by N. Glazer, D. Moynihan. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1975, p. 455.
- ⁵⁵ *Rinascita*. R. 1981, Mar. 6, p. 4.
- ⁵⁶ Лит. газ., 1981, 24 июня.
- ⁵⁷⁻⁵⁸ *Баграмов Э. А.* Буржуазная идеология и национальный вопрос. М., 1966; *Рзаев Д.* Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока: Критика антикоммунизма в национальном вопросе. Фрунзе, 1968; *Тузмухамедов Р. А.* Ответ клеветникам: Самоопределение народов Средней Азии и международное право. М., 1969; *Зенушкина И. С.* Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971; *Хидоятов Г. А.* Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972; *Калтагчян Н. М., Колтагчян С. Т.* Ленинская теория наций и ее фальсификаторы. М., 1973; *Чеченкина О. И.* Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974; *Иноятов Х. М.* Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. 2-е изд. / Руководитель авт. коллектива П. Н. Федосеев. М., 1974; *Куличенко М. И.* Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР: Проблема теории и методологии. М., 1981; Национальная политика КПСС: Очерк историографии / Руководитель авт. коллектива Т. Ю. Бурмистрова. М., 1981.
- ⁵⁹ *Soviet Nationalities Studies*, p. 297.
- ⁶⁰ *Allworth E.* A New Phase in American Research on Nationalities of the Soviet East.— In: *Nationalities of the Soviet East: Publications and Writings* / Ed. by E. Allworth. N. Y., 1971, p. 3.
- ⁶¹ *Ibidem.*
- ⁶² *Ibid.*, p. 5.
- ⁶³ *Soviet Nationality Problems* / Ed. by E. Allworth. N. Y.; L., 1971, p. 63.
- ⁶⁴ *Shorish M.* Soviet Development Strategies in Central Asia.— *Canadian Slavonic Papers*. Toronto, 1975, vol. 17, N 2/3, p. 406.
- ⁶⁵ *Clem R.* The Impact of Demographic and Socioeconomic Forces upon the Nationality Question in Central Asia / Ed. by E. Allworth. N. Y., 1973, p. 40.
- ⁶⁶ *Khan A. R., Ghai D.* Collective Agriculture in Soviet Central Asia.— In: *Ghai D., Khan A. R., Lee E., Radvan S.* Agrarian Systems and Rural Development. International labour organization. L., 1979, p. 286.
- ⁶⁷ *Wilber Ch.* The Soviet Model and underdeveloped Countries. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1969, p. 3.
- ⁶⁸ *Shorish M.* *Op. cit.*, p. 413.
- ⁶⁹ *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadjikistan. Baltimore; L., Univ. of Johns Hopkins Press, 1970, p. 76.
- ⁷⁰ *Critchlow J.* Signs of Emerging Nationalism in the Moslem Soviet Republics.— In: *The Soviets in Asia* / Ed. by N. Dodge. Mechanicsville (Md.), 1972, p. 21.
- ⁷¹ *Suny R.* The Emergence of Political Society in Georgia. Washington, 1980, 53 p.
- ⁷² *Pipes R.* Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union.— In: *Ethnicity. Theory and experience*, p. 455.

- ⁷³ *Rakowska-Harmstone T.* Ethnicity in the Soviet Union.— In: *Ethnic Conflict in the World Today*. N. Y., 1977, N 433, p. 77.
- ⁷⁴ *Bennigsen A.* Azerbaijan. Washington, 1979, 14 p.
- ⁷⁵ *Soviet Nationality Problems*, p. 216.
- ⁷⁶ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974, с. 50.
- ⁷⁷ *Graham L.* The Role of the (Soviet) Academy of Science.— *Survey*, L., 1977/78, vol. 23, N 1.
- ⁷⁸ *Блинкин Я. А.* Как в США готовят «специалистов» по истории СССР.— *Вопр. истории*, 1972, № 10, с. 163—169; *Он же.* Диссертации по истории Советского Союза, защищаемые в США.— *Вопр. истории*, 1974, № 0, с. 181—187.
- ⁷⁹ *Byrnes R.* The Academic Labor Market; Where do we go from?..., p. 288.
- ⁸⁰ *Slavic Review*, Columbus (Ohio), 1974, vol. 33, N 4, p. 848—857; 1975, vol. 34, N 4, p. 886; 1976, vol. 35, p. 790; 1977, vol. 36, N 4, p. 374; 1978, vol. 37, N 4, p. 733—742; 1979, vol. 38, N 4, p. 727—734; 1980, vol. 39, N 4, p. 728—736.
- ⁸¹ *Jelavich Ch.* Language and Area Studies. East-Central and South-Eastern Europe. A Survey. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1969, p. 70.
- ⁸² *Dossick J.* Doctoral Research on Russian and the Soviet Union. 1960—1975: A Classified List of 3150 American, Canadian and British Dissertations with some Critical and Statistical Analysis. N. Y.: Garland Publ., 1976, XXIV, 345 p.
- ⁸³ *Encyclopedia of Associations*. 14th ed. / Ed. by N. Yakes, D. Akey. Detroit (Mich.): Gale Research Co., 1980, vol. 1, p. 7214.
- ⁸⁴ *Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978, 290 с.
- ⁸⁵ *Windows on the Russian Past. Essays on Soviet Historiography since Stalin* / Ed. by S. Baron, N. Heer. Columbus (Ohio): Anchor Press, 1977, XXV, 177 p.
- ⁸⁶ *Slavic Review*, Quarterly. American Association for the Advancement of Slavic Studies. Columbus (Ohio): The Ohio State University, 1941.
- ⁸⁷ *Russian and Soviet Studies at the University of Chicago*. Univ. of Chicago Press, 1977, p. 14.
- ⁸⁸ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Rept 1963—1966; 1966—1968; 1970—1972; 1975; 1978. Stanford (Cal.). *Soviet and Russian Newspapers at the Hoover Institution*. A Catalog.— Stanford (Cal.), 1966, 208 p.
- ⁸⁹ *Byrnes R.* Soviet — American Academic Exchanges, p. 50.
- ⁹⁰ *Ibid.*, p. 122.
- ⁹¹ *Russian and the Soviet Studies at the Univ. of Chicago*, p. 1.
- ⁹² *Ford Foundation Annual Report 1971*. N. Y., 1971. 106 p.
- ⁹³ *Byrnes R.* Soviet — American Academic Exchanges, p. 26.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

РАБОТА М. С. ОЛЬМИНСКОГО НАД БИОГРАФИЕЙ В. И. ЛЕНИНА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ

Н. М. Михайлова

В научной деятельности М. С. Ольминского — видного историка-большевика ленинской школы первого поколения, одного из организаторов советской исторической науки — пока неизученной остается его работа над биографией В. И. Ленина и ленинским литературным наследием.

Вопросы эти актуальны и представляют несомненный научный интерес. Ольминский был одним из первых биографов В. И. Ленина. В Истпарте он руководил работой по созданию научной биографии В. И. Ленина, по собиранию, хранению ленинского литературного наследия; публиковал труды В. И. Ленина в изданиях Истпарта. М. С. Ольминский входил в Комиссию по подготовке первого Собрания сочинений В. И. Ленина, принимал участие в работе над вторым и третьим изданиями Собрания его сочинений.

В имеющихся работах об М. С. Ольминском, Истпарте, истории создания научной биографии В. И. Ленина, издании ленинского литературного наследия пока никто из авторов не ставил перед собой задачу показать роль Ольминского в этом.

В настоящей статье автор делает попытку проанализировать работу Ольминского над биографией В. И. Ленина и его литературным наследием на основании опубликованных Ольминским работ и его рукописей, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, фондах № 91 — Ольминского и № 70, оп. I — Истпарта.

26 мая (8 июня) 1917 г. Ольминский поместил в газете «Социал-демократ» статью «О т. Ленине» (740 слов). То была третья биография В. И. Ленина, вышедшая почти одновременно и независимо от других¹. В ней он дал основные сведения о революционной деятельности В. И. Ленина, сказал о главных его чертах. Здесь же он раскрыл причины, которые вызвали травлю В. И. Ленина враждебной прессой — В. И. Ленину приписывалось то, чего он никогда не делал и не говорил, чтобы таким путем дискредитировать его, подорвать его авторитет в массах. Рабочим «нужно самим читать то, что пишет тов. Ленин...», чтобы понять его.

В начале 1918 г., в новых исторических условиях, когда В. И. Ленин уже был главой первого в мире пролетарского

государства, Ольминский вновь обратился к биографии В. И. Ленина — поместил в журнале «Вестник жизни» статью «Тов. Ленин»². В указанной работе он дал уже анализ причин, приведших к росту интереса к личности В. И. Ленина. «...Партия, — писал он, — неотделима от тов. Ленина, как в свою очередь он неотделим от партии. И познать, изучить тов. Ленина как литературного и политического деятеля, это значит в единой личности познать и изучить классовый революционный пролетарский коллектив. Чем больше мы сделали для ее изучения (личности. — *Н. М.*), тем больше двинем вперед знание истории нашей партии и понимание источника наших успехов и неудач, правильных шагов и ошибок»³.

Создание биографии В. И. Ленина стало велением времени. Ольминский писал, что жизнь настоятельно требовала восполнения этого пробела, потому что «второго Ленина нет в партии»⁴. В. И. Ленин одновременно и «непременный член коллектива», стоящий в одном ряду со всеми, и «яркая индивидуальность», руководящая партией и государством, накладывающая «свой отпечаток на жизнь целой эпохи»⁵.

В приведенной статье Ольминский сделал попытку на основании личных наблюдений, знания истории партии, революционного движения и анализа ленинских работ выявить то особенное В. И. Ленина, в силу чего он приобрел «первостепенное влияние... в российской партии пролетариата, и которое он затем приобретает в среде борющегося пролетариата всего мира». В решении поставленной задачи Ольминский опирался на методку В. И. Ленина, данную в биографической работе «Карл Маркс»⁶.

К таким особенностям В. И. Ленина он относил: умение немедленно решать сложнейшие задачи⁷, «трудоспособность исключительного размера... способность неизменно в течение всей жизни сосредоточивать свое внимание только на одном деле — на деле революционной борьбы пролетариата... Исключительные умственные способности, исключительное дарование», характерными чертами которого были: «способность к анализу, к расчленению и выявлению смысла явлений», умение выявить еще еле заметные отклонения от марксизма у того или иного автора, способность «к синтезу», результатом которого являются стратегия и тактика партии на различных этапах ее борьбы»⁸. К отличительным чертам В. И. Ленина он относил также наличие огромных теоретических знаний и умение применять их в практической деятельности. Как одну из главных черт В. И. Ленина М. С. Ольминский отмечал «поистине гениальную чуткость к пролетарской психологии, соединенную со способностью быть как дома в области труднейших теоретических построений», наличие «пролетарской классовой точки зрения», которая «стала второй природой «интеллигента» Ленина благодаря постоянному с его стороны пристальному вниманию к ходу пролетарской жизни»^{8а}.

В статье «Тов. Ленин» Ольминский попытался дать портрет В. И. Ленина как руководителя партии, вождя революции, рабочего класса всего мира.

Наряду с этим в статье рассмотрен вопрос — как должна быть написана биография В. И. Ленина. Его жизнь и деятельность должны быть изучены в неразрывной связи с историей партии, революционным движением, его идейно-теоретической, публицистической работой. В биографии должны быть отражены также индивидуальные ленинские особенности.

Ольминскому принадлежат еще три работы, в которых он пишет о жизни и деятельности В. И. Ленина⁹.

Говоря о редакторской работе В. И. Ленина, Ольминский подчеркивает, что в редакциях большевистских газет В. И. Ленин осуществлял руководство таким образом, что «совсем не чувствовалось подчинения», редактировал так, «что статьи неизменно выигрывали в смысле энергии, четкости и революционности»¹⁰.

Ольминский говорил также о том, что В. И. Ленин был исключительно отзывчивым человеком, простым, жизнелюбивым и жизнерадостным¹¹.

Кроме статей, целиком посвященных В. И. Ленину, перу Ольминского принадлежат работы и документы, касающиеся издания Собрания сочинений В. И. Ленина¹², рецензии и отзывы на его биографии и воспоминания о нем, которые содержат сведения, дополняющие биографию В. И. Ленина.

Кроме того, в работах, документах Ольминского отражены его взгляды на то, что и как должно быть написано в биографии В. И. Ленина. Ольминский говорил о том, как те или иные факты из жизни Ленина должны быть показаны, к каким источникам надо обратиться. Так он писал, что надо изучать те издания, во главе которых стоял В. И. Ленин; съезды и конференции, которыми он руководил; его сочинения и документы; «нужно знать не только слова Ленина, но и то, в связи с какими событиями они сказаны»¹³. При написании биографии необходимо использовать только достоверные источники, включать проверенные факты и очень осторожно относиться к мемуарам¹⁴.

Принципы подхода к созданию биографии В. И. Ленина были изложены Ольминским также в документах, направленных им как членом дирекции Института Ленина, в институт, в переписке с В. В. Адоратским, возглавлявшим в Институте Ленина работу по подготовке научной биографии В. И. Ленина¹⁵. Так, 4 октября 1929 г. в «Ответе на «Тезисы по реорганизации работы Истпарта» от 3 октября Ольминский настойчиво отстаивал свои взгляды в вопросе, как должна быть написана биография В. И. Ленина.

Ольминский не только сам на протяжении многих лет разрабатывал биографию В. И. Ленина, но и, как отмечалось, был организатором и руководителем этой работы в Истпарте (1920—1924 гг.)¹⁶. Источники о деятельности В. И. Ленина публиковались при его жизни (1921—1923 гг.) в органе Истпарта —

«Пролетарская революция» (ответ. редактор Ольминский). К 1924 г. накопилось уже некоторое количество материалов к биографии¹⁷.

Через 10 дней после смерти В. И. Ленина Истпарт объявил о сборе источников для написания биографии В. И. Ленина, провел вечер воспоминаний о нем¹⁸. Через прессу Истпарт призвал партийную общественность к сбору документов В. И. Ленина и материалов о его жизни и деятельности. Уже с февраля 1924 по март 1925 г. в «Пролетарской революции» было опубликовано 20 воспоминаний о В. И. Ленине¹⁹.

В «Пролетарской революции» системагически рецензировались выходившие работы о В. И. Ленине (Г. Шидловский, А. И. Елизарова)²⁰, давались обзоры литературы о нем (К. Остроухова)²¹.

Указанными рецензиями и обзорами Истпарт, возглавляемый Ольминским, боролся против публикации о Ленине недостоверных очерков и брошюр, выступал с критикой против отступлений от марксистско-ленинского понимания роли личности в истории при отображении деятельности В. И. Ленина в литературе.

«Пролетарская революция» всеми видами названных публикаций удовлетворяла в то время насущные требования дня — давала пропагандистам и читателям проверенный материал, отражающий образ В. И. Ленина как руководителя партии, государства, как человека. В такой острый момент в жизни страны и партии, как первое время после смерти В. И. Ленина, журнал стремился устранить вред, причиняемый недостоверными сведениями о нем.

Собранные Истпартом источники о В. И. Ленине давали возможность уже тогда уточнить факты в примечаниях к произведениям В. И. Ленина в Собраниях его сочинений и «Вехах жизни».

Положения, которыми руководствовался Истпарт в работе над биографией В. И. Ленина, — создать достоверную биографию, изучать его жизнь и деятельность в неразрывной связи с историей партии — были сформулированы в «Извещении» Истпарта о работе над биографией В. И. Ленина.

«...История РКП(б) и жизнь Владимира Ильича Ленина, ее учителя, организатора и величайшего вождя, переплелись настолько тесно, что их никак не отделить друг от друга. Нельзя изучать историю партии, не изучая жизни и деятельности т. Ленина и наоборот...»²²

Еще до Октябрьской революции М. С. Ольминский в своей работе «О т. Ленине» говорил, что работы В. И. Ленина сделались библиографической редкостью, поэтому ставил вопрос о необходимости их переиздания, отмечал, что этим должны заниматься партийные литераторы, близко стоящие к В. И. Ленину²³. После Октябрьской революции новые ленинские работы, выступления, речи публиковались массовым тиражом в газетах, журналах, отдельными изданиями. С декабря 1917 по 1920 г.

были изданы некоторые работы В. И. Ленина, не опубликованные в то время, когда они были написаны, переизданы наиболее важные из его дореволюционных изданий²⁴.

Потребность в Собрании сочинений В. И. Ленина стала остро ощущаться с первых дней Советской власти. В сентябре — октябре 1919 г. редколлегия Госиздата, которую возглавлял В. В. Воровский, создала комиссию по изданию Собрания сочинений В. И. Ленина. В нее вошли видные партийные литераторы, редакторы, издатели, близко стоявшие к В. И. Ленину: В. В. Воровский (председатель), В. Д. Бонч-Бруевич, М. С. Ольминский, В. А. Карпинский, И. И. Скворцов-Степанов и др.²⁵

IX съезд РКП(б) 5 апреля 1920 г. постановил опубликовать Собрание сочинений В. И. Ленина²⁶.

Подготовка первого издания Собрания сочинений в 1920—1923 гг. была сопряжена с невероятными трудностями²⁷. Осуществить эту задачу в то время можно было только на основании опубликованных работ, так как уцелевшие рукописи В. И. Ленина находились еще в партийных архивах за границей. Огромное ленинское литературное наследие было рассыпано по многочисленным большевистским периодическим изданиям и сборникам. Большая часть статей требовала установления авторства В. И. Ленина (опубликованы без подписей или под редкими, забытыми псевдонимами, криптонимами). Методика определения авторства В. И. Ленина отсутствовала. Членам комиссий предстояло разработать ее основы.

Комиссия, исходя из реальных возможностей, приняла положения установления принадлежности работ В. И. Ленину: по стилю, темам, памяти членов комиссии и самого В. И. Ленина²⁸. При такой, единственно возможной тогда постановке вопроса очень большое значение при собирании ленинского литературного наследия имело знание работ В. И. Ленина каждым из членов комиссии.

Ольминский изучал произведения В. И. Ленина не только как партийный публицист, пропагандировавший идеи руководителя партии, но и в процессе работы над ними в редакциях партийных газет, журналов, сборников, издательств, где сам редактировал их, корректировал, выпускал в свет. В силу этого Ольминский знал стиль, тематику ленинских произведений, когда и где они публиковались.

При подготовке первого Собрания сочинений В. И. Ленина Ольминский принимал участие в определении содержания части его томов²⁹. В 1920—1923 гг. (до получения Женевского партийного архива) он работал над установлением авторства В. И. Ленина по публикациям³⁰. В 1920—1921 гг. М. С. Ольминский обращался к В. И. Ленину за подтверждением принадлежности ему ряда тех статей из «Звезды» и «Правды», которые вызывали сомнения Ольминского³¹. В 1924 г. он передал в Институт Ленина список статей В. И. Ленина — 286 названий, опубликованных без подписи и под разными псевдонимами в газетах

«Звезда», «Невская звезда», «Правда», «Наш путь», журнал «Вестник жизни», «Просвещение», «Молодая Россия», «Календарь для всех». Из них 184 он считал принадлежащими В. И. Ленину и 102 сомнительных³². По поводу работ, в авторстве В. И. Ленина которых он был не уверен, Ольминский опросил М. А. Савельева и других товарищей, работавших в свое время в тех или иных редакциях³³. Из числа работ, отмеченных Ольминским как принадлежащих В. И. Ленину, в 4-е и 5-е издания не были включены 36 из вызывавших сомнение у Ольминского, вошла в эти издания 31 работа.

В 1923 г., по получении Истпартом Женевского партархива, Ольминский сверил содержание шестого тома (издание 1922 г.) — статьи из «Вперед» и «Пролетария» 1905 г. — с уцелевшими оригиналами этих газет и установил, что из 59 включенных в том работ 27 принадлежат В. И. Ленину — авторство подтверждено наличием его рукописей; 22 — не подтверждены, оригиналы не найдены; 10 — приписаны В. И. Ленину, статьи других авторов (8 — В. В. Воровского) и 45 публикаций В. И. Ленина (из них 36 статей) из указанных газет в том не были включены.

Чтобы исправить ошибку, допущенную при составлении тома, сделать доступными для изучения не включенные в том работы В. И. Ленина, Ольминский опубликовал их (41 работу) в журнале «Пролетарская революция» (1923, № 11; 1924, № 1). В дальнейшем эти произведения вошли: 22 — в дополнительный (XX) том первого издания; 6 — в тома второго и третьего изданий; 12 — в «Ленинские сборники». Указанные работы напечатаны и в последующих изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина.

В конце 1923 г. Ольминский направил письмо в Институт Ленина, в котором писал, что ошибки, обнаруженные в шестом томе, могут иметь место и в других томах, куда включены публикации (без подписи Ленина или его известных псевдонимов) из ряда периодических партийных изданий. Собрания сочинений В. И. Ленина будут переиздаваться еще, поэтому надо принять все меры к тому, чтобы не допустить в них повторения ошибок первого издания. Для этого необходимо теперь: внести изменения в методику работы над ленинским наследием (нужно изучать, в связи с чем написана, где, когда и как опубликована каждая работа); тщательно проверить принадлежность В. И. Ленину каждой работы, включенной в Собрание его сочинений. Добавить к сочинениям В. И. Ленина «директивы, которые Ленин давал в письмах и на собраниях», так как эти директивы являются одним из видов ленинского литературного наследия³⁴.

В статье «По поводу Собрания сочинений т. Ленина» (конец 1923 г.) Ольминский проанализировал причины ошибок, допущенных при составлении шестого тома. Он показал, что выделить работы В. И. Ленина из «Вперед» и «Пролетарий» (спустя 17 лет) по стилю, темам, памяти крайне трудно. В этих газетах В. И. Ленин и его соредакторы публиковали свои работы без подписей. Разногласий между ними не было, мнениями обмени-

вались они тогда почти ежедневно. Ленинских работ в указанных изданиях напечатано много. Кроме того, В. И. Ленин часто правил, дописывал, дополнял статьи В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. В. Луначарского и принимал участие в составлении номеров газет, ее разделов, сделанных на основании писем и корреспонденций из России, примечаний «От редакции», «Почтового ящика» и даже адреса редакции и типографии³⁵.

Ольминский писал, что в рассматриваемых ошибках повинен и он — просматривал корректуру тома³⁶ и не обнаружил ни пропусков, ни приписок³⁷. На память в таких вопросах, как определение, кем была когда-то написана та или иная работа, не всегда можно положиться, даже В. И. Ленин не мог по памяти подтвердить принадлежности ему ряда статей (по поводу которых он к нему обращался), хотя тщательно их просмотрел³⁸.

Затем Ольминский обратил внимание на то, что в «Звезде» и «Правде» работы В. И. Ленина публиковались далеко не всегда в таком виде, как они были им написаны, так как в редакциях этих газет «статьи т. Ленина кромсались не только из-за цензуры... но и вследствие неправильного отношения к авторам...»³⁹, что трудностей определения принадлежности работ В. И. Ленину в этих газетах не меньше, чем во «Вперед» и «Пролетарий», и поэтому могут быть ошибки в других томах.

Все как вскрытые, так и еще не выявленные ошибки первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина требовали, по мнению Ольминского, постановки вопроса «относительно каждой отдельной статьи, вошедшей в Собрание сочинений: действительно ли она написана Лениным и печатается в том виде, в каком вышла из-под пера автора?»⁴⁰ Для решения этой задачи Ольминский предложил внести добавления в методику подготовки нового издания — изучить каждую работу и в примечаниях указать, «почему именно она включена в Собрание сочинений», кроме того, «дать полные библиографические справки, где, когда и в каких изданиях появилась статья, брошюра или книга, были ли и где цензурные урезки...»⁴¹, в связи с чем она была написана.

В 1924 г. при переиздании Истпартом газет «Вперед» и «Пролетарий» Ольминский определял авторство уже только по оригиналам, по почерку автора⁴². Где это было возможно, он выделял ленинские правки, вставки как в работах В. И. Ленина⁴³, так и других авторов, установил, какие статьи редактировал В. И. Ленин⁴⁴.

Изучение первых шагов лениноведения (1919—1923 гг.) — подготовки первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина — приводит к выводу: дореволюционные условия деятельности В. И. Ленина, публикаций его работ создавали очень большие трудности при собирании ленинского литературного наследия. Ближайшие соратники В. И. Ленина, в том числе Ольминский, разрабатывали научные принципы издания Собрания сочинений В. И. Ленина, внесли большой вклад в выявление и собирание ленинского литературного наследия.

Знание Ольминским истории большевистской печати, обстановки в большинстве из партийных редакций, людей, работавших в них, дало возможность ему внести ряд уточнений и изменений, в том числе и в методику подготовки последующих изданий сочинений В. И. Ленина. Основы лениноведения разрабатывались в процессе подготовки к печати первого издания собрания сочинений в указанной комиссии Госиздата. Ольминский, как ее член, несмотря на его занятость руководством Истпартом и редактированием журнала «Пролетарская революция», уделял этому много времени и внимания.

Его консультации, как видно из шифрованного текста, имели большое значение для товарищей, занятых этой работой. «У меня большая просьба к Вам,— писал т. Товстуха 24 апреля 1924 г. Ольминскому,— дать указания как на погрешности, неточности и т. д., так и на то, что Вы считали бы необходимым, по-вашему, добавить, улучшить, изменить. Это тем более мне необходимо, что я начал уже готовить этот же том для нового издания»⁴⁵.

С образованием Института Ленина в нем сосредоточилась вся работа по изданию и изучению ленинского литературного наследия. 25 ноября 1923 г. на втором заседании Совета был выработан издательский план Института, определены и утверждены меры для его выполнения. В составлении этого плана кроме членов Совета принимали участие: М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Покровский, Л. И. Мещеряков, Товстуха⁴⁶. 18 декабря 1924 г. ЦК РКП(б) утвердил новый состав Совета, в который вошел и Ольминский⁴⁷. В руководящих органах Института он состоял до конца своих дней, обсуждал планы его работы и изданий, писал на них отзывы, вносил предложения⁴⁸.

Работу по установлению, уточнению авторства В. И. Ленина Ольминский вел все время. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы его фонда⁴⁹. Руководство института принимало во внимание его указания, поддерживало инициативу Ольминского в выявлении недочетов во втором издании, просило «всех товарищей направлять аналогичные замечания в редакцию сочинений»⁵⁰. Письма Ольминского в Институт Ленина, его статьи об установлении авторства В. И. Ленина содержали интересные наблюдения в области лениноведения, сведения о деятельности В. И. Ленина, об условиях работы в той или иной редакции и этим способствовали дальнейшему изучению ленинского литературного наследия.

Выступления Ольминского в «Пролетарской революции» вызывали отклики осведомленных товарищей⁵¹. Это давало возможность институту собирать новые сведения, помогавшие установлению авторства Ленина. Много откликов вызвала статья Ольминского «Ленин или не Ленин»⁵², в которой рассматривался вопрос о принадлежности Ленину статей в газете «Пролетарий» за 1906—1907 гг. (они печатались без подписей, оригиналы были

уничтожены)⁵³. «Особый интерес.— писал П. Н. Лепешинский,— представляет вопрос, что именно в большевистских литературных высказываниях указанного периода непосредственно принадлежит Ленину, и что должно быть отнесено за счет авторства окружающих его литераторов-большевиков... Заметка т. Ольминского и является попыткой дать такую характеристику наиболее ярких фигур из числа ленинских «попутчиков» того времени (Богданова, Алексинского и др.)»⁵⁴.

При подготовке десятого тома Ольминский и составители столкнулись с фактом отсутствия ленинских оригиналов, которые частично были уничтожены, частично не найдены. Ольминский предложил прием сопоставления стилей В. И. Ленина и принимавших участие в газетах в то время партийных литераторов⁵⁵.

Качество выходящих томов второго и третьего изданий Собрания сочинений Ленина Ольминский рассматривал под углом зрения, насколько включенные в тома ленинские тексты и справочный аппарат к ним позволяют понять В. И. Ленина. Так, в отзыве «Еще о седьмом томе сочинений Ленина» (1928 г.) он писал, что составители тома «не включили многочисленные реплики, поправки, замечания В. И. Ленина на III съезде РСДРП, а между тем из них выявляется точка зрения Ленина... иногда лучше и яснее, чем из речей»⁵⁶. Ольминский в письме «К тов[арищам], занятым подготовкой к печати Соч[инений] Ленина» подчеркивал: «Необходимость давать все запротоколированные выступления Ленина на съездах и конференциях, как бы малы они ни были, конечно, давать с пояснениями, когда это нужно»⁵⁷. В Собрание сочинений, следовательно, Ольминский считал обязательным включать как часть ленинского литературного наследия и протокольные записи всех выступлений В. И. Ленина.

Из этих же соображений — дать возможность читателю как можно лучше понять В. И. Ленина — он указывал на необходимость, где возможно, восстановить ленинский текст в тех публикациях, в которых из-за цензуры делались купюры, заменялись слова, выявлял, какие статьи Ленина были сделаны с цензурными сокращениями⁵⁸. Этому же служило выявление редакторской правки В. И. Ленина в своих статьях и других авторов⁵⁹. Ольминский показывал его пометки на книгах, журналах, рукописях и даже конвертах.

В 1928 г. Ольминский на основании 8 вышедших томов проанализировал работу по выпуску второго и третьего изданий, отметил недостатки, указал, как их исправить. В письме в Институт Ленина (13 сентября 1928 г.) он писал, что предстоит выпустить еще 20 томов, поэтому необходимо тщательно проанализировать уже изданные, чтобы избежать аналогичных ошибок⁶⁰.

Письма Ольминского в Институт Ленина, редакцию издания сочинений Ленина, к товарищам, занятым подготовкой к печати этих сочинений, отзывы на выходящие тома отражали взгляды Ольминского, каким должно быть Собрание сочинений В. И. Ле-

нина. Они способствовали улучшению качества выпускаемых томов II и III изданий, помогали составителям и редакции.

Много внимания Ольминский уделял редакторской и технической работе в издании Собрания сочинений В. И. Ленина. В 1921 г. в рецензии «Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений, т. IV, «Искра», 1900—1903 гг.» он говорил, что «к тому приложены дельно и сжато составленные примечания», но в них есть недостатки, которые необходимо устранить при подготовке нового издания. Он отметил фактические ошибки.

Письма Ольминского в Институт Ленина, его опубликованные и неизданные отзывы о качестве редакционной работы прорецензированных им томов содержат методические положения о подготовке научно-справочного аппарата к изданиям сочинений Ленина⁶¹.

В письме «К товарищам, занятым подготовкой сочинений т. Ленина», Ольминский обобщил ряд своих наблюдений над аппаратом к сочинениям В. И. Ленина. Он говорил о необходимости сохранить тип издания, по сократить аппарат так, чтобы он по объему в томе составлял одну четвертую часть к ленинскому тексту. Для этого Ольминский предложил: «В «Материалах» помещать только то, что непосредственно касается Ленина как автора», только те документы, в составлении которых участие принимал В. И. Ленин. Не давать те статьи и документы, которые Ленин разбирает в своих работах. «В «Примечаниях» давать только то, что способствует пониманию ленинского текста», без лишних подробностей. Не повторять сведений, помещенных уже в предыдущих томах,—делать отсылку к ним. В «Словаре—указателе имен» сведения сообщать только о лицах, встречающихся впервые, об остальных—делать отсылки. «В «основных вехах» давать сведения только документально установленные», не гнаться за подробностями и очень осторожно относиться к «воспоминаниям»⁶².

Приведенные предложения Ольминского представляли собою инструкцию для дальнейшего совершенствования работы над научно-справочным аппаратом к Собранию сочинений Ленина.

В работе над ленинским литературным наследием он шел от фактов (при издании Сочинений). Осмысляя их, вносил свои предложения. Создание научно-справочного аппарата к изданиям ленинских произведений было сопряжено с не меньшими трудностями, чем определение принадлежности работ В. И. Ленину. Они обуславливались также особенностями деятельности В. И. Ленина в дореволюционный период, условиями публикации его работ, тем, что в то время много ленинских рукописей не было собрано, гибелью части из них, их разнохарактерностью. Редакторско-издательский опыт, знания Ольминского помогали в этой трудной работе, способствовали разработке методики создания аппарата к Собранию сочинений В. И. Ленина.

Сопоставление указанных положений Ольминского с данными 5 издания «Полного собрания сочинений В. И. Ленина» и «Хро-

нологического указателя произведений В. И. Ленина» заставляет сделать вывод, что предложения Ольминского были учтены в свое время в работе над ленинским литературным наследием, вошли, в основном, в современное легиноведение.

Вклад в легиноведение Ольминский внес и организацией сбора документов В. И. Ленина⁶³. Он приступил к собиранию ленинских работ с первых дней создания Истпарта⁶⁴. Работа велась в двух направлениях: был организован розыск партийных архивов за границей и выборка сотрудниками Истпарта сочинений, документов В. И. Ленина из архивов Охранки, Департамента полиции, Жандармского отделения и др.⁶⁵ Некоторые письма В. И. Ленина Истпарт получил от коммунистов (в ответ на выступление Ольминского «Три письма»)⁶⁶.

Истпарт накопил уже некоторое количество работ, документов В. И. Ленина еще до поступления Женевского партийного архива (середина 1923 г.). С его поступлением Истпарт стал первым хранилищем документов В. И. Ленина в стране.

Ленинские документы по мере их выборки и снятия копий направлялись Истпартом в Институт Ленина. Ольминский сам составлял сопроводительные описи для передачи этих материалов, где отмечал и редакционные правки В. И. Ленина, и его пометки на книгах, журналах, газетах, чужих рукописях, конвертах. С 28 ноября 1923 г. по 9 декабря 1924 г. он передал в Институт Ленина 120 ленинских документов, 73 из них вошло в Собрание сочинений, 5 — в «Ленинские сборники». В 1923—1928 гг. Истпарт передал в Институт Ленина более 25 000 ленинских документов. Они «составляли основную, наиболее ценную часть архива Ленина дореволюционного периода»⁶⁷.

Среди переданных автографов были рукописи крупных и важных работ В. И. Ленина. Кроме того, были выбраны из женевского архива около 50 писем Ленина в российские организации РСДРП и письма Н. К. Крупской с приписками, поправками или пометками Владимира Ильича⁶⁸.

Неизданные работы, документы В. И. Ленина по мере их нахождения публиковались в изданиях Истпарта. В «Пролетарской революции» они печатались или в разделе «Документы и материалы», или как приложения к помещенным в журнале исследованиям, в тексте статей, воспоминаний (письма, записки, телеграммы). К публикациям давались сведения о документах и комментарии к ним. С 1921 по март 1925 г. в «Пролетарской революции» было опубликовано 80 неизданных произведений, писем В. И. Ленина, 63 из которых были включены затем в Собрание сочинений, 5 — в «Ленинские сборники». 78 документов было напечатано в других изданиях Истпарта, 45 из них вошли в Собрание сочинений, 4 — в «Ленинские сборники».

Истпарт за время, когда Ольминский был его заведующим — 1920—1924 гг., — впервые опубликовал 158 документов В. И. Ленина, 108 из которых вошли в Собрание его сочинений (почти 3% к общему количеству 3651 документов четвертого издания)⁶⁹.

В дополнение к сочинениям В. И. Ленина, чтобы дать возможность читателям лучше понять Ленина, по инициативе Ольминского Истпарт предпринял переиздание дореволюционных большевистских газет, редактором которых был В. И. Ленин.

М. С. Ольминский, Истпарт помогали Институту Ленина в период его становления. В ноябре 1923 г. Ольминский в письме в дирекцию говорил о задачах Института, о том, что направление работы Института Ленина должно быть определено отношением В. И. Ленина к своей личности — тем, что Ленин не терпел какого бы то ни было выделения его личности на особое место, «как бы вне партии». Поэтому задачи «Института» должны быть как можно шире, включать историю партии в целом, с момента зарождения социал-демократии и политического движения пролетариата в России.

Ольминский неоднократно ставил вопрос в ЦК РКП(б) о необходимости слияния Истпарта и Института Ленина⁷⁰. Он считал, что публикацией документов В. И. Ленина должен ведать один центр — Институт Ленина. 24 декабря 1924 г. Совет Истпарта постановил: «ни одна рукопись В. И. Ленина не может быть опубликована без визы Института Ленина»⁷¹.

В первый Совет Института Ленина вошли 4 человека, имевших опыт работы в Истпарте: А. Я. Аросьев, А. С. Бубнов, М. Н. Лядов, В. И. Невский (были членами коллегии Истпарта в различное время)⁷², А. Я. Аросьев стал заместителем директора Института Ленина⁷³.

С момента своего создания Институт Ленина имел возможность опереться на организационный опыт Истпарта, использовать, по мере надобности, его орган — «Пролетарскую революцию».

После слияния с Истпартом (октябрь 1928 г.) Институт Ленина получил партийный архив и библиотеку Истпарта, редакцию журнала «Пролетарская революция», сеть Истпартотделов (53) с партийными архивами на периферии, сотрудников, имевших опыт в исследовательской и редакторско-издательской работы⁷⁴.

Лениноведение — самостоятельная отрасль советской науки. С первых шагов своего развития оно явилось результатом коллективной деятельности. Одним из его основоположников был Ольминский.

¹ *Крупская Н. К.* Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии. — Солдатская правда, 1917, 13 (26) мая («отредактирована В. И. Лениным»). — Пролетарская революция, 1929, № 1, с. 243; *Ярославский Е. М.* (Владимир Ильич, К. Тулин) Владимир Ильич Ульянов. — Социал-демократ, Якутск: 1917, № 5, 25 апр. *Ольминский М. С.* О т. Ле-

нине. — Социал-демократ, Москва, 1917, 26 мая (8 июня).

² Вестник жизни, 1918, № 2, с. 8—14 (перепечатана полностью: Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 24—33).

³ *Ольминский М.* Тов. Ленин. (Цит. везде — Пролетарская революция, 1924, № 3), с. 26 (далее: *Ольминский М.* Тов. Ленин).

⁴ Там же, с. 26.

- ⁵ Там же, с. 27.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93.
- ⁷ Ольминский М. Тов. Ленин.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Речь тов. Ольминского «50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина». (М., 1920) перепечатана в сб.: Старый большевик, 1933, № 5 (8), с. 138—140; *Ольминский М. С.* Редакторская работа тов. Ленина.— Там же, с. 141—143; *Он же.* Мое знакомство с Лениным.— Лит. газ., 1933, 29 янв. (опубл. частично).
- ¹⁰ Старый большевик, 1933, № 5 (8), с. 141—142.
- ¹¹ Речь тов. Ольминского, с. 140; *Ольминский М.* Мое знакомство с Лениным.
- ¹² ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 119, л. 6 (черновик статьи Ольминского об авантюризме, 1921 г.); *Ольминский М.* По поводу Собрания сочинений т. Ленина.— Пролетарская революция, 1923, № 11, с. 103; ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 47; ф. 91, оп. 1, д. 3, л. 2—3, 22; д. 1, л. 103—104, 47; с. 100—100 об., 86—86 об.; д. 2, л. 28—31, 81, 125—133, 142—173; д. 28, л. 177; д. 73, л. 295; д. 163, л. 17 об.; д. 149а, л. 1—5, 7—8, 16—18, 21—22, 33—40; Воспоминания М. С. Ольминского о газете «Вперед».— Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 35, 38; *Он же.* По поводу воспоминаний о Ленине П. К. Крупской и А. Луначарского.— Там же, 1930, № 2/3, с. 194—196; *Он же.* К вопросу об истории частного совещания 22-х большевиков.— Там же, с. 197; *Он же.* Редакторская работа т. Ленина, с. 141—143; *Он же.* Ответ т. Луначарскому.— Правда, 1928, 16 февр.
- ¹³ *Ольминский М.* Ответ Т. Луначарскому.— Правда, 1928, 16 февр.
- ¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 149а, л. 16—16 об.; д. 3, л. 2 и др.
- ¹⁵ Там же, д. 41, л. 26, 46. Ответ Ольминского на тезисы по реорганизации работы Института № 045 от 3 октября 1929 г.; д. 123, 2, л. 125—133. «К вопросу о научной биографии Ленина» (Письмо М. С. Ольминского к В. В. Адоратскому 25 января 1931 г.).
- ¹⁶ Там же, л. 33—40. Ответ Н. К. Крупской М. С. Ольминскому. Конец сентября 1930 г.
- ¹⁷ Пролетарская революция, 1921, № 2; 1922, № 6; № 10, 1923, № 1, с. 220—226; № 2, с. 58—61; № 6/7, с. 275—285; 1924, № 1, с. 102—109.
- ¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 158, л. 4—5 (Извещение Истпарта, 31 января 1924 г.).
- ¹⁹ Пролетарская революция, 1923, № 2, с. 61—77; 1924, № 1, с. 5—12; № 2, с. 22; № 3, с. 24—34, 62—92; № 4, с. 5—29, 30—39; № 6, с. 33—73; № 11, с. 19—32, 43—44; 1925, № 1, с. 14—37.
- ²⁰ Там же, 1921, № 3, с. 333—334, 334—336; 1924, № 7, с. 225—226; № 8, с. 404—405; № 11, с. 126—136, 236—238; 1925, № 1, с. 241—248, 248—250 и др.
- ²¹ Там же, 1924, № 3, с. 260—265.
- ²² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 158, л. 4—5 (31 января 1924 г.).
- ²³ Социал-демократ, 1917, 26 мая (8 июня).
- ²⁴ *Савицкая Р. М.* История изданий ленинской книги, с. 262—263.
- ²⁵ См. об этом: *Фокеев В. А.* Указ соч., с. 12—17; *Савицкая Р. М.* Указ соч., с. 27—29.
- ²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 493.
- ²⁷ Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970, с. 56—57.
- ²⁸ «Вперед» и «Пролетарий». М., 1924, вып. 1, предисловие Ольминского М. С. III: *Ольминский М. С.* По поводу Собрания сочинений т. Ленина.— Пролетарская революция, 1923, № 11, с. 98; Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с. 121, 123.
- ²⁹ Ленинский сборник, I, с. 16.
- ³⁰ *Ольминский М.* По поводу Собрания сочинений т. Ленина, с. 98.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 4, л. 2—16. «Статья Н. Ленина» (написана рукой Ольминского).
- ³³ Там же, л. 7 об.—16.
- ³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 137.
- ³⁵ Пролетарская революция. 1923, № 11, с. 97, 98, 100.
- ³⁶ Кроме того, он принимал участие в определении содержания этого тома.— Ленинский сборник, I, с. 16, примечание.
- ³⁷ Пролетарская революция 1923, № 11, с. 99, примечание.
- ³⁸ Там же, с. 98.

- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ «Вперед» и «Пролетарий», с. III.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ В примечаниях каждого выпуска «Вперед» и «Пролетарий» указано, кто редактировал статьи.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ЦПА ИМЛ. ф. 91. оп. 1. д. 1, л. 2 — 2 об.
- ⁴⁶ Пролетарская революция, 1923. № 11, с. 270; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 73, л. 12.
- ⁴⁷ Ленинский сборник, III. 1925, с. 262.
- ⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 41, л. 71 (15 февраля 1925 г.); д. 1, л. 7—8. Отзыв Ольминского о «Предварительном плане пятитомника «Соч[инений] Ленина»; д. 41, л. 25. Ответ Ольминского на предложение дирекции Института Ленина от 3 октября 1929 г. № 045 о перестройке работы на 1929—30 гг.: д. 73, л. 108, д. 1, л. 123.
- ⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 137 (письмо Ольминского в Институт Ленина. После 1925 г.): л. 41—41 об., 31 декабря 1927 г. «Ленин, т. IV» (II изд. 1927 г.) (Письмо Ольминского); л. 93. «Еще о седьмом томе Сочинений Ленина: л. 126. «В редакцию II издания Соч. Ленина...» (О XVII томе); л. 46—47. 13 сентября 1928 «Сочинения Ленина, т. IV и V, изд. 1928». «Сочинения Ленина, т. XX»; д. 149а; л. 5—5 об., 6: д. 158, л. 3—5; д. 3, л. 1—3 (Конспект статьи Ольминского), л. 4—6, 7—8, 10—11; д. 73, л. 123, д. 15, л. 72; д. 181, л. 2—4 и др.; *Ольминский М.* Письмо в редакцию.— Пролетарская революция, 1928, № 1, с. 205—206; *Он же.* Ответ т. Сорину.— Там же, № 2, с. 211—217; *Он же.* К вопросу об истории частного сожмещения 22 большевиков.— Там же, 1930, № 2/3, с. 196—197; *Он же.* Ответ т. Чужаку.— Там же, № 6, с. 179; *Он же.* Ленин или не Ленин: По поводу X тома Сочинений Ленина.— Там же, 1931. № 1, с. 148—152.
- ⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 168, л. 34—36; д. 73, л. 129 и др.
- ⁵¹ Пролетарская революция, 1930, № 2/3, с. 197—200; 1931. № 1, с. 159—160.
- ⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 139, оп. 1, д. 72, л. 96.
- ⁵³ Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 148—160.
- ⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 82. Отзыв П. Н. Лепешинского на статью Ольминского «Ленин или не Ленин...».
- ⁵⁵ Там же, д. 3, л. 10—11, 24 октября 1930 г. (ответ Е. С. и А. Г. Шлихтер о членах редакции газеты «Пролетарий» 1906—1907 гг. и условия работы в ней); л. 4—6, 16 октября 1930 г. (Письмо Н. К. Крупской об авторстве статей В. И. Ленина в «Пролетарий» за 1906—1907 гг.); л. 7—8, 22 октября 1930 г. (Письмо т. Крамольникова по тому же вопросу). Все приведенные письма адресованы М. С. Ольминскому.
- ⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 94.
- ⁵⁷ Там же, л. 5.
- ⁵⁸ Там же, л. 126, «В редакцию II издания соч[инений] Ленина».
- ⁵⁹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 161, л. 18; д. 73, л. 7: *Ольминский М. С.* Письмо в редакцию.— Пролетарская революция, 1930, № 4, с. 200.
- ⁶⁰ «Думаю, что хорошо бы отметить в печати (напр[имер], в «Правде») замеченные дефекты и другие указания: иначе всякий опасается «имен» редакторов, несмотря на лозунг самокритики». Там же, д. 1, л. 77; д. 73, л. 108 «О десятом томе Сочинений Ленина», 1928.
- ⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 41—41 об.; 86—86 об. О седьмом томе сочинений Ленина, 1928 г.; л. 95. Еще о седьмом томе сочинений Ленина, 1928 г.; л. 46—47. «Сочинения Ленина, т. IV и V изд. 1928»; «Сочинения Ленина, т. XX», 13 сентября 1928 г.; л. 118—119. О десятом томе Сочинений Ленина, 1928 г.; л. 122—123. В Дирекцию Института Ленина, 10 октября 1928 г. (О примечаниях к XII т. сочинений Ленина); л. 127—128. Замечания на примечания к томам VIII и XVII, XI, XX; л. 26. В редакцию II издания Соч. Ленина...; л. 1—4. Собрание Сочинений т. Ленина: л. 5. К товарищам, занятым подготовкой Сочинений т. Ленина: л. 7—8 (об аппарате «Пятитомника»); л. 33—33 об. Ленин. Избранные произведения, т. II, л. 62—63 об. В Институте Ленина, 1930 г.: д. 2, л. 66 (о X томе); л. 139а, л. 2—6 (о X и XX то-

- мах); л. 6—6 об. Избранные произведения Ленина в 6 томах; д. 73, л. 106—107 (о X томе); л. 294—296. Об условиях, приведших к разрыву во фракции РСДРП в IV Гос. Думе в 1913 г., и работе в редакции «За правду»; Пролетарская революция, 1928, № 1, с. 205—206; № 2, с. 216, 1930, № 1, с. 190—191.
- ⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 1, л. 5.
- ⁶³ Фонд документов В. И. Ленина, с. 57—69, 76, 78, 80, 120, 126; *Веселина М. В.* Комплектование фонда Владимира Ильича из личных архивов его современников. 1923—1973: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 2, 11.
- ⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 91, д. 48, л. 24—24 об. Список документов, принятых секретарем Истпарта от М. С. Ольминского 18 мая 1921 г. Среди них работы В. И. Ленина «По поводу победы над Колчаком» (печатные) и «Всемирная война и задачи социал-демократии (проект резолюции циммервальдской левой)» (машинописная копия).
- ⁶⁵ Там же, д. 40, л. 14, 17.
- ⁶⁶ Там же, д. 158, л. 6; ф. 70, оп. 1, д. 12, л. 1. 20 ноября 1923 г.
- ⁶⁷ *Амиантов Ю. А., Нелидов Н. В., Остроухова К. А.* У истоков советской историко-партийной науки: (К 50-летию Истпарта).— *Вопр. истории КПСС*, 1970, № 9, с. 116.
- ⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 95, л. 27.
- ⁶⁹ Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. М., 1959, ч. 1, с. 2.
- ⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 139, оп. 1, д. 72, л. 22.
- ⁷¹ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 40, л. 62.
- ⁷² Пролетарская революция 1923, № 4, с. 270.
- ⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 3, л. 5. Протокол № 57 заседания Коллегии Истпарта 26 марта 1923 г.
- ⁷⁴ *Савельев М.* Работа Института Ленина.— *Пролетарская революция*, 1929, № 1, с. 267—268.

А. БЛОК — ИСТОРИК КРУШЕНИЯ ЦАРИЗМА

Г. З. Иоффе

В начале мая 1917 г. А. Блок был принят на работу в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц». Его наблюдения и мысли, рожденные этими наблюдениями во время работы в комиссии, прошли через «Записные книжки», «Дневники», письма, получив в конце концов определенное завершение в книге «Последние дни императорской власти». Таким образом, великий поэт является одним из первых историков Февральской революции. Факт замечательный, требующий внимательного изучения и тем не менее недостаточно освещенный в нашей литературе.

Но рассмотрение взглядов А. Блока на крушение царизма интересно и актуально еще одним обстоятельством. Известно, что в белогвардейском, а затем в белоэмигрантском лагере послереволюционное творчество Блока, особенно его поэма «Двенадцать», вызывало бурные политические споры. Монархические литераторы и публицисты проклинали поэта за большевизм, кадетские — напротив, уверяли, что Блок не был с революцией, что в «Две-

надцати» он провидел «победу Христа» над необузданным разгулом «революционной анархии». Вариации этой последней трактовки можно встретить и в современных зарубежных трудах о Блоке, число которых увеличилось в связи со столетием со дня его рождения. Представляется, что многочисленные блоковские материалы, относящиеся к периоду его работы в Чрезвычайной следственной комиссии, убедительно показывают, что путь поэта к признанию и принятию Великого Октября был естествен и закономерен.

* * *

Блок ненавидел «запах войны» и «сопряженное с ней хамство»¹. Несовместимость его личности со службой в царской армии, с военщиной была разительна. Еще в самом начале войны на царкосельском вокзале Блок случайно повстречал Анну Ахматову и ее мужа — поэта Николая Гумилева, который уже был призван в армию. Разговорились о событиях, о войне. Гумилев потом сокрушительно спрашивал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это все равно, что жарить соловьев...»². Сам Блок откровенно не желал вставать в ряды защитников «веры, царя и отечества». «Все-таки им уловить меня не удастся, — написал он в записную книжку 1 июля 1916 г., — я найду способ от них избавиться»³. Не удалось. 7 июля 1916 г. Блок сообщил матери: «Сегодня я, как ты знаешь, призван. Вместе с тем я уже *сегодня* зачислен в организацию Земских и Городских союзов: звание мое — «табельщик 13-й инженерно-строительной дружины...»⁴. Итак, Блок, один из величайших лирических поэтов России, стал табельщиком. Перо, которое создавало стихи пушкинской силы, теперь должно было заносить в отчетную документацию цифры вынутых кубометров земли, доставленных бревен и досок, солдатского белья, сапог и т. п.

Тем не менее в первое время пребывания в дружине Блок не чувствовал себя плохо. Даже здесь, в Пинских болотах, стояло сухое лето, и Блок много ездил верхом, совершал пешие прогулки, купался. Обязанности табельщика, а затем и «заведующего работами», состоявшие в основном в учете труда чернорабочих, привезенных из разных концов России, не очень-то обременяли. С товарищами, такими же «земгусарами», установились дружеские отношения.

Все стало меняться к осени. Блок начал ощущать душевный спад. Его тяготило и раздражало однообразие, «кушательные и лошадиные» интересы, как писал он матери⁵, мучил стыд перед рабочими, «стыд до тошноты»⁶. Он старался убеждать себя, что такая «кушательная и лошадиная жизнь», может быть, к лучшему, потому что она «проще и яснее», но это не помогало. «...Когда это прекратится, — писал он матери, — все покажется сном»⁷.

Стихи не рождались. В октябре, во время кратковременного пребывания Блока в Петрограде, Л. Андреев предложил ему

сотрудничать в газете «Русская воля». В ответ Блок писал: «Если бы я захотел участвовать в газете, мне было бы нечего Вам дать: все словесное во мне молчит... стихи тоже никак не выходят; вся суть — в новом ряде снов, в которые погружаешься»⁸.

С возвращением в начале ноября 1916 г. в дружину стало еще хуже. Пришла унылая, дождливая осень. Теперь приходилось больше сидеть «в избе», становясь невольным слушателем нудных разговоров о мелких событиях дня, свидетелем склок и дразг недовольных начальством и друг другом. В комнате, писал Блок, «орет человек двадцать, прибивают брезент, играют в шахматы, говорят по телефону, топят печку, играют на мандолине, и все это одновременно»⁹. Он пытался думать о прошлом, о поэзии, о своем «Возмездии», пролог и 1-я глава которого готовились к печати в Петрограде. «Чем далее развиваются события, — писал он Л. Андрееву в конце ноября 1916 г., — тем меньше я понимаю, что происходит и к чему это ведет»¹⁰. Но это в письме. В стихах же звучало пророческое:

— ...И отвращение от жизни.
И к ней безумная любовь.
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

* * *

В конце февраля 1917 г. под ударом восставших рабочих и солдат рухнуло царское самодержавие. Рухнуло в течение всего лишь нескольких дней. Мощь и размах «невиданного мятежа», быстрота «неслыханных перемен» поражали, потрясали воображение...

В ночь на 17 марта Блок выехал из дружины в Петроград. Его первые впечатления о революционном городе радостны, он весь захвачен ликованием, ощущением небывалой свободы, единения людей. 20 марта в письме матери он пишет: «...Все происшедшее меня радует. Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала»¹¹. И через три дня снова: «Никогда никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно... Необыкновенно величественна вольность, военные автомобили с красными флагами, солдатские шинели с красными бантами, Зимний дворец с красным флагом на крыше... Ходишь по городу, как во сне... Картина переворота для меня более или менее ясна: нечто сверхъестественное, восхитительное»¹².

Однако по мере того как он вглядывался в окружающее, в нем все активнее шла работа мысли и чувств, росло стремле-

ние понять корни случившегося и, главное, заглянуть в будущее. В апреле Блок вновь начал вести «Записные книжки»¹³. Уже первые записи показывают, что пора одного лишь ликования стала проходить. «Я не имею ясного взгляда на происходящее,— записал Блок,— тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, т. е. свидетель...»¹⁴ Творчество Блока, пожалуй, больше чем кого-либо другого, овеяно живым дыханием истории. У него было острое сознание того, что историю, прошлое воспринимают и понимают по творениям художников-современников, свидетелей эпохи. Вот почему художник, по Блоку, обязан запечатлеть свое время, несмотря на невероятную трудность стоящей перед ним задачи. «Художник,— писал Блок,— заключает рассеянный в мир многообразный материал в твердые формы. Эти формы должны обладать свойством текучести, они движутся вместе с жизнью, постоянно вновь и вновь воскресая. Изнурительность этой работы. Ее необыкновенность»¹⁵.

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай.
Что стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрашной мерою
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен...

В эти дни Блок часто повторяет слова Томаса Карлейля: «Демократия опоясана бурей». Эти слова запали ему в душу, потому что в нем уже жило ожидание и предвидение нового могучего движения жизни, движения народной революции, которая, как буря, должна была до конца смести старый ненавистный мир. Но Блок не страшится бури революции, понимая ее неотвратимость. В письме Катонину (19 апреля) он писал: «В те редкие минуты, когда меня отпускает оцепенение, я мог бы с уверенностью сказать, что может произойти (и произойдет) еще многое, но все не страшно, а это «не страшно» как-то осмысливает пестроту событий, идет красной нитью сквозь всю кажущуюся их несвязанность...»¹⁶.

Замысел великой поэмы революции — «Двенадцать» еще не появился у Блока, еще был впереди, но он уже, быть может, подсознательно шел к нему.

* * *

Как уже отмечалось, в начале мая Блок принял предложение стать редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства¹⁷. Он шел туда с

волнением, а главное, с ожиданием скорого приобщения, прикосновения к чему-то тайному, глубоко скрытому и раскрывающему истинные пружины государства, от которых зависела жизнь великого народа и которые определяли трагические повороты в судьбе огромной страны. Таинственные, кажущиеся даже мистическими покровы власти должны были вот-вот приоткрыться.

Начались допросы царских министров, генералов и сановников в Зимнем дворце и прямо в казематах Петропавловской крепости. Предвкушение необычайных политических и психологических «откровений» не покидает Блока. 14 мая он писал жене, Л. Д. Блок: «Я вижу и слышу теперь то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет... У меня очень напряжены мозг и нервы, дело мое страшно интересно, но оно действительно трудное и берет много времени и все силы»¹⁸. О том же он сообщал и матери: «А у меня все время «большие дни», т. е. я продолжаю погружаться в историю этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров или Карамазовых, что ли. Этот увлекательный роман с тысячей действующих лиц и фантастических комбинаций в духе более всего Достоевского... называется историей русского самодержавия XX в.»¹⁹.

Блок стремится осознать все то, что проходит перед его глазами, не только посредством изучения «мертвого» документального материала, находящегося у него в руках, но и пристально вглядываясь в людей, в их лица, поведение, манеру держаться, говорить. Ни в одном историческом труде нельзя найти более объемных, выпуклых, реально зримых психологических портретов тех, кто олицетворял рухнувший царский режим, чем в письмах, записных книжках и дневниках Блока. Большею частью они писались «на ходу», прямо с натуры. Но загадочная сила художника от этого не ослабевала: его слово будто лучом прожектора выхватывает из тьмы потонувшего мира тени прошлого и оживляет их перед нашим взором... Вот они один за другим встают перед нами, вчерашние властители, облачавшие свою сущность расшитыми золотом мундирами, увешанными лентами и орденами, отгороженные от «простых смертных» стенами роскошных особняков, шеренгами полицейских и солдат. Еще совсем недавно они внушали жадное любопытство, смиренное почтение, веру в свою избранность и особую силу.

А вот те, кто находился за кулисами власти, люди особо доверенные, занесенные царицей в разряд «наших», — представители неофициального правительства — камарильи, неизбежной спутницы режима самовластия и произвола. Они не бывали на официальных заседаниях и приемах, действовали из-за кулис, по «закрытым каналам». И, наконец, «идеологи» режима — черносотенцы. Они рьяно «обосновывали» неизбежность «самодержавного принципа», проповедовали квасной патриотизм, ненависть к инородцам, либералам и революционерам. Мало кто знал о цене их верноподданничества, суммах, которые они «выбивали» себе от соответствующего ведомства под эти «идеи». Теперь Блок

наблюдал всех их на допросах свергнутыми, лишенными власти и силы. Стал ли они другим, не теми, кем были, находясь у власти? Брошенные в тюрьмы и ссылки борцы за свободу не теряли достоинства и чести, сохраняли высокие качества души. Здесь же было иное. 11 июня, когда Блок уже успел познакомиться со многими вчерашними «столпами режима», он писал матери: «Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважение... но большей частью — какая это все страшная шваль!»²⁰.

Вот бывший премьер-министр Горемыкин: «Породистый, сапоги довольно высокие, мягкие, стариковские, с резинкой, заказные. Хороший старик. Большой нос, большие уши. Тяжко вздыхает. Седые волосики. Палка черная с золотым колечком. Хороший сюртук, брюки в полоску». Он говорит с председателем комиссии Муравьевым, а мысль Блока фиксирует, выхватывает что-то разрозненное, фрагментарное, но вместе с тем составляющее сущность, нутро этого «полного рамолика». «Говорит еле слышно почти всегда. Случайно припоминает... Кожа местами ярко-сизая... Стекланные глаза. Постоянный ответ: «Массу перезабыл, уже не владею памятью...» и затем вдруг: «Очень трудно различить, что законно и что незаконно. Могут быть разные толкования...»

Это уже некая «философия» «государственного мужа» самодержавия, некая «теория» его деятельности: грань между законностью и незаконностью в жизни расплывчата, туманна. Следовательно, возможно всякое, за что же в таком случае судить? К тому же, он, Горемыкин, конечно, «подневольный человек». Но Блок тонко и не без юмора замечает: «Представление кончилось, однако, тем, что Горемыкин хитренько намекнул, что ему, как особе I класса, хотелось бы видеть следователя у себя на квартире»²¹⁻²². Все расплывчато, все туманно, только субординация, чиновничество. «Положенное» всегда ясно, четко и незыблемо. Всегда! Мышление горемыкиных было просто не в состоянии усвоить чего-то иного.

Другой бывший премьер — «мерзостный Штюрмер — большая, тоскливая развалина, все еще хитро (и глупея) воздевает на нос черепашковые очки...»²³. 11 июня Блок застаёт его в камере, когда он «рылся на полу в книжонках и все, дурацки заплетаясь языком, просил у меня еще...»²⁴

Спустимся вниз на одну ступеньку — от премьер-министров к министрам. Министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов — человек, возмечтавший заменить убитого «старца» Распутина при последних Романовых и спасти династию. «...Поднятые плечи, — записал Блок, — худоба, седая подстриженная борода, брючки короткие и туфельки... Смотрит „снизу вверх“ — я бы сказал — немного по-детски... и просит дать вопросы; потом сказал: „это будет сделано“»²⁵. В другой раз при посещении его камеры членами комиссии он тоже, «по-детски» глядя «снизу вверх», печально говорил: «а знаете, я убедился в том, какой я мерзавец»²⁶. «Протопопов дал мне свои записки —

писал Блок матери. — Когда-нибудь я тебе скажу, кого мне страшно напоминает этот талашливый и ничтожный человек...»²⁷

Еще один министр внутренних дел, до Протопопова, — А. Н. Хвостов, тоже государственный деятель «большого размаха», «патриот» и борец против «германского засилия». Познакомившись с ним и его «материалом», Блок записал в дневник: «Занятие А. Н. Хвостовым (толстым) противно и интересно вместе. Вот придворные помои, гнусные сенсации, жизнь подонков общества во всей ее наготе»²⁸. Дополняет министров внутренних дел военный министр Беляев — человек «с неврастенической спазмой в горле, плачущий...»²⁹.

Галерея царских сановников различных рангов продолжает двигаться перед Блоком. 12 мая в Петропавловской крепости он делает такие записи в записной книжке: «Передо мной Белецкий, умный директор департамента полиции, недавний, на чьей совести есть преступления, а все кажется, будто это так обыкновенно, все стирается серыми обоями, серым светом, голой веточкой за окном... Культуры никакой в Белецком нет. Откуда же ему быть не таким, „деловым“. Он все время намекает и напирает на то что он „рядовой“. Короткие пальцы, желтые руки и лицо маслянистое, сильная седина, на затылке черные волосы... Острый черный взгляд припухших глаз. Нос пипкой. „Мужичок...“. Когда заходит речь о морали, о преступлении, лицо Белецкого делается равнодушным... Иногда прищуривается чуть-чуть, чтобы лучше понять. Рот над растрепанной бородой. Вопрос так же само стоял...».

Но пристальнее вглядываясь в Белецкого, Блок видит, что «мужичок» не прост: «Умеет вовремя незаметно остановиться, когда его перестают слушать. Хитрый, много умеет... Вообще умный, оборотень (?)... Нет, все-таки его воля не подавлена, он рассказал много интересного, но не признался ни в чем... Верит ли он в бога? Нет, ни во что не верит»³⁰.

В Петропавловской крепости Блок знакомится и с другим «полицейским начальством» — Кафаровым — «восточным человеком с бараньим профилем», который «дрожит и плачет, что сойдет с ума» («глупо и жалко!» — замечает Блок)³¹; со Спиридовичем «похожим на пристава», «нелепо мужиковатым» генералом. Этот «вдруг повернулся спиной к солдатам и, неслышно всхлипывая, заплакал»³². Он тоже жалостливо молит об амнистии, потому что тоже «ни в чем не считает себя виновным».

* * *

Взглянем теперь глазами Блока на некоторых «персон» из ближайшего окружения «носителей власти», представителей неофициального правительства — камарильи. «Другиня» Григория Распутина, Анна Александровна Вырубова, пышная дама 33 лет в стиле «русская боярыня». От нее в значительной мере начиналась тропинка к Распутину — последней инстанции «перед пре-

столом», по которой шла большая и мелкая коррупция. Когда Блок с другими членами комиссии зашел к ней в камеру, «она стояла у кровати подперев широкое (изуродованное) плечо костылем...»³³. «У нее,— записал Блок,— все данные, чтобы быть русской красавицей, но все чем-то давно и непоправимо искажено, затаскано»³⁴. Позднее Блок так суммировал свои впечатления о Вырубовой: «В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства. Как ужасно самое существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны; но переведя это на язык будущего, на честный язык демократии, опоясанной бурей, надо сказать: как же очаровательность может соединиться с отвратительностью? Вырубова была только отвратительна»³⁵.

Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков, по мнению Блока, «ничтожное довольно существо»³⁶. Он «убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до пошмания того, о чем его спрашивают и что интересуется спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что бы то ни было не способен»³⁷.

Пожалуй наиболее рельефно дан у Блока портрет «черносотенного фигаго», «адъютанта господа Бога» (как он сам себя называл), князя Андронникова. В его характеристике особенно четко просматриваются социально-психологические черты, типичные для людей, принадлежащих к «сферам». Сначала, как обычно, внешняя зарисовка: князь Андронников — это «мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачок»³⁸. Но каким образом эта «мерзость», «сальная морда» могла быть «в связи с министром, с Витте?» Точной, почти афористической фразой в духе Гоголя и Салтыкова-Щедрина Блок вскрывает причину этого «феномена»: «задобрение лиц, входивших в сферу»³⁹. «Задобрение» всевозможными способами; ну, например, Андронников с помощью Белецкого помог «изящно издать юбилей Горемыкина»⁴⁰.

Ключевые фигуры «камарильи» — самого Распутина, не было среди подследственных. За два месяца до начала революции его прикончили и спустили под лед в Неву монархические заговорщики, стремившиеся «очистить» монархию от «скверны» и тем спасти ее. Но документы, связанные с деятельностью «старца» и некоторых других «духовных пастырей», подошедших как тогда говорили, к самому трону, в обилии проходили через комиссию. Блок читал и перечитывал их в надежде понять «загадку Распутина». И об одном из тех, кто, собственно, и «запустил» Распутина на «околотронную орбиту», записал в дневнике: «Ужасные мысли и усталость вечером и ночью (отчасти — от чтения мерзостей Илландора)»⁴¹.

И, наконец, идеологические столпы режима, «самоотверженные» и конечно, «бескорыстные» гонители всяческой либеральной и прочей крамолы, ревнители самодержавия в первоизданном, богоданном виде, считавшие себя выразителями настроений и интересов «истинно русских людей».

Вот Марков-2, «щипля бороду и глядя усы», скалит белые зубы. Говорит тоном, «вплотную подходящим к нахальному». У него «широкое лицо. Харя»⁴². Затем другой черносотенный вождь — знаменитый доктор Дубровин, «всхлипнувший и бросившийся целовать руку Муравьева» — с «рыданием упал на койку (гносные глаза у старика)»⁴³. Еще один «союзник» — некий Орлов «долго говорил с прокурором, трясся от слез... иногда переходя в хриплый шепот, прерывая слова рыданием...»⁴⁴.

Что же это такое? Паноптикум ничтожествов, продувных бестий и негодяев? Закрадывается даже мысль, что Блок писал все это в состоянии сильного раздражения, вызванного или усугубленного общей атмосферой враждебности к «павшему режиму». Помогавший Блоку в комиссии писатель М. Бабенчиков впоследствии отмечал его необычайную резкость «в характеристике отдельных лиц»⁴⁵ (подследственных. — Г. И.) и вспоминал, что он укорял его, Бабенчикова, за «словесную мягкость» к жертвам старого режима⁴⁶. Но мы встречаем у Блока записи, которые свидетельствуют, что характеристики и оценки, даваемые им вечерашним властителям, отнюдь не были продиктованы какими-то субъективными обстоятельствами. Он видел среди арестованных и таких, к которым даже чувствовал уважение «за твердость»⁴⁷. Ему отнюдь не чужды, а напротив глубоко присущи жалость и сострадание к «этим несчастным людям». В записной книжке у него имеется такая страстная запись: «Никого нельзя судить. Человек в горе и в унижении становится ребенком. Вспомним Вырубову, она врет по-детски, а как любит ее кто-нибудь. Вспомним, как по-детски посмотрел Протопопов на Муравьева — снизу вверх, как виноватый мальчишка, когда ему сказали: «Вы, Александр Дмитриевич, попали в очень сложное положение». Он кивнул: «Совершенно верно». И посмотрел снизу вверх: никогда не забуду. Вспомним, как Воейков на вопрос, есть ли у него защитник (по какому-то коммерческому иску к нему) опять *виновато по-детски* взглянул и сказал жалобно: «Да у меня никого нет». Сердце обливается слезами жалости ко всему, ко всему, и помни, что никого нельзя судить, вспомним еще, что говорил в камере Климович, и как он это говорил; как плакал старый Кафаров, как плакал на допросе Белецкий, что ему *стыдно* своих детей. Вспоминай еще — больше, больше, плачь больше, душа очистится»⁴⁸.

Писательница Л. Я. Гуревич, вместе с Блоком работавшая в Чрезвычайной следственной комиссии, так объясняет настроение поэта: «Блок горел интересом к расследованию и, хотя ему было нравственно тяжело присутствовать на допросах в Петропавловской крепости, он не упускал случая бывать на них. С необычайным воодушевлением, сильными красочными словами, достойными истинного художника, передавал он мне те свои впечатления, которые не достигали лично до меня, и при этом суждения его о людях и делах тяжкого минувшего были проникнуты такой вдумчивостью и гуманностью, и одновременно такой потребностью увидеть настоящую, ничем не затушеванную и ничем не подкрашенную правду...»⁴⁹

Но почему же все-таки «никого нельзя судить»? По соображениям одного лишь гуманизма? Потому ли, что все они, по словам Белецкого и других, «подневольные люди», обязанные «подчиняться министру»? Блок много размышлял над этим. В Записной книжке у него промелькнула мысль, полная, кажется, отчаяния, отчаяния от сознания неотвратимости затягивания, засасывания человека болотом разлагающегося, коррупированного режима. В один из «больших дней», когда он побывал в камерах Петропавловской крепости и повидал много арестованных, он написал такую фразу: «Ах какая житейская каша — „связи“». О связях говорится все время»⁵⁰.

Связи «скручивали» всех в какой-то дьявольский хоровод; из него не только не стремились уйти, вырваться, а, напротив, тянулись туда, проталкивались, пробивались. «Связи» открывали пути «наверх», к лучшим местам, жирным кускам, и их лихорадочно искали, заискивая, попирая свое и чужое человеческое достоинство, нравственные начала, и погружались все глубже и глубже в болото «связей».

* * *

Более чем месячная работа в комиссии, близкое знакомство со свергнутым революцией режимом и его «столпами» приводят Блока к мысли, что в случившемся с ним нет никаких «тайнств» трагедийного характера, что все это следствие страшной обыденности, удручающей бездарности и серости, элементарной пошлости. 16 июня Блок изложил в дневнике свое, пожалуй, наиболее обобщенное представление о рухнувшем царизме: «Пустые поля, чахлые поросли, плоские — это обывательщина. Распутин — пропасти, а Штюмер (много чести) — плоский выгон, где трава сгладана коровами (овцами?)... Только покойный Витте был если не горой, то возвышенностью; с его времени в правительстве этого больше не встречалось: ничего «высокого», все «плоско», а рядом глубокая трещина (Распутин), куда все и провалилось»⁵¹.

И Блок начинает постепенно терять интерес к работе в комиссии. Допросы арестованных, которые еще так недавно вызвали у него обостренное внимание, кажутся ему теперь «хлябя-

ми пустопорожних заседаний» ~ и часто порождают скуку, ощущение бессмысленности и ненужности происходящего. «Ко мне в комнату, пока я работаю, — записывает он, — влетел маленький воробей, и я сейчас же почувствовал тоскливость минуты, грязь государственную, в которой я к чему-то сижу по уши...»⁵³. Упомянутая уже нами Л. Я. Гуревич писала, что Блока раздражал характер заседаний, «где бойкие, шустрые, одержимые мелкими слабостями люди самоуверенно излагают свои мысли и проекты, не свободные иногда от каких-либо затаенных личных расчетов, а другие, заторопленные, перегруженные разнородной работой, не успевающие заранее ничего обдумать, говорят длинные смутные речи, чтобы в конце концов поддержать мнение шустрых и напористых. Блок страдал при виде всего этого»⁵⁴.

У Блока возникли расхождения с некоторыми членами комиссии по вопросу о характере отчета, который должен был быть представлен Учредительному собранию. По его мнению, «отчет, пользующийся тщательно проверенным материалом, добытым в течение работы комиссии, должен быть проникнут весь, сначала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней». Просто «деловым» отчетом, утверждал Блок, комиссия не отчитается перед народом, «который ждет от всякого нового Революционного учреждения новых слов. Нельзя забывать, что Демократия опоясана бурей»⁵⁵.

Но именно это последнее и «забывалось» в комиссии. Затаенные расчеты бойких и шустрых членов и экспертов из числа кадетов и соглашателей сводились к тому, чтобы все более повернуть работу на рутинный юридическо-бюрократический путь; они же проявили готовность к «государственному пониманию» позиции подследственных — вчерашних государственных деятелей. Стонкой политической пронизательностью Блок очень рано (еще в середине мая) зафиксировал этот «феномен».

Идет очередной допрос Белецкого. Блок вначале внимательно слушает, но постепенно начинает терять нить в вермишели мелких вопросов и тягучих, уклончивых ответов. Пометки, сделанные им в «Записной книжке», стереоскопически восстанавливают сцену: «Мучительно хочу спать. Щеголев заговорил. Победить сон. Преодолеть его. Точно религиозно-философское собрание сделалось. Никакого напряжения, милая беседа, спокойная и оживленно-вялая...

Белецкий: «Личный перелом, душевный, я много понял». Председатель: «Вы нас обезоруживаете». Так-то смазывается разговор. Белецкий левеет, председатель правее (это, конечно, парадоксально сказано, но доля правды есть)»⁵⁶.

Этот казалось бы, нюанс, как будто случайно (чуть ли не сквозь полудремоту) схваченный Блоком, отражал действительный процесс, развившийся уже вскоре после Февральской революции. Вчерашние либералы и оппозиционеры, оказавшись у власти, засев в министерские кресла, превратившись в «государ-

ственно мыслящих мужей», отнюдь не склонны были поддерживать революционный пафос демократии; напротив, их цель заключалась в том, чтобы снять с нее «пояс бури».

Со своей стороны бывшие «государственно мыслящие мужи» довольно быстро уловили эти настроения новых властителей. Между ними начинает устанавливаться своего рода духовный комфорт, некое взаимопонимание. И Блок констатирует в дневнике: «В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала»⁵⁷. Но в еще более широких масштабах он обнаруживает это не только в комиссии. 23 июня в дневнике у него появляется следующая запись: «...В городе откровенно поднимают голову юнкера-ударники, империалисты, буржуа, биржевики, «Вечернее время»⁵⁸. Фактов, свидетельствующих о росте контрреволюционных настроений, все больше и больше. Юнкера и офицеры Николаевского кавалерийского училища пьют за здоровье царя⁵⁹, циркулируют слухи об обширном черносотенном заговоре⁶⁰, надвигается, по словам Блока, «мрачное прошлое» в виде корниловщины, на знамени которой написано: «продовольствие, частная собственность, конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы»⁶¹.

Еще столь недавно, всего лишь в апреле Блок был полон оптимизма, радостных предчувствий, ожиданий: «Все будет хорошо,— писал он тогда,— Россия будет великой»⁶². Теперь иное, теперь оптимистические настроения все чаще перемежаются с пессимизмом, разочарованием. 21 июня в письме к матери Блок писал: «Мы так молоды, что в несколько месяцев можем совершенно поправиться от 300-летней болезни. Наша Демократия в эту минуту действительно „опоясана бурей“ и обладает непреклонной волей, что можно видеть и в крупном, и в мелком каждый день. Я был на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и вообще вижу много будущего, хотя и погружен в работу над прошлым...»⁶³ А 13 июля он сделал в дневнике запись, полную отчаяния: «Я могу шептать, а иногда кричать: оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция, как люди, не умеющие жить, утратившие вкус жизни, сначала уступают, потом пугаются, потом начинают пугать и запугивать людей, еще не потерявших вкуса, еще не „живших“ „цивилизацией...“»⁶⁴.

В новой, послепфевральской России он различал возврат старого — тяжелой, затхлой атмосферы царской, буржуазно-помещичьей России с ее чиновничьей угодливостью, мещанским самодовольством и сытостью, охотничьими инстинктами, жадностью к чистогану, лицемерным приспособленчеством. От всей этой мертвечины Блок и ранее испытывал настоящие душевные и физические страдания. Они усиливались оттого, что поэт глубоко любил Россию. Любовь к ней и боль за нее сливались у него воедино. в нечто цельное и в то же время противоречивое. Это нашло выражение в удивительном по глубине и силе реалистической выразительности стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...», написанном в 1914 году.

Обостренная совесть Блока резко усиливала его переживания, когда ему начинало казаться, что ненавистная «буржуазность» «сидит» в нем самом, и он не имеет морального права на ее осуждение, на борьбу с ней. В его дневнике есть такая запись, почти полная трагизма: «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет *буржуа* с семейством... Он обстрижен ежиком, расторопен, пробыв всю жизнь важным чиновником, под глазами — мешки, под брюшком тоже, от него пахнет чистым мужским бельем, его дочь играет на рояли, его голос — теноршка — раздается за стеной, на лестнице, во дворе у отхожего места, где он распоряжается. Везде он. Господи боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я. Он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкоснуться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его — не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана»⁶⁵.

Для Блока как интеллектуала и художника высшего творческого накала наибольшую ценность представляли нравственные начала. И в революции он видел прежде всего могучий импульс к духовному возрождению, связывая с нею свою веру в очищение человека от «шлака». Революцию он «слушал», как музыку, как прекрасную музыкальную симфонию, звучание которой должно обновить и мир, и человека. М. Бабенчиков вспоминал, что Блок говорил ему: «Новое будет совершенно иным. Ни Романов, ни Пестель, ни Пугачев — сам державный народ, державным шагом идущий вперед к цели»⁶⁶. Он страстно искал это «новое» в самой гуще народной, стремясь разглядеть там черты подлинного братства, людской общности, взламывающих мертвящий лед собственничества, эгоизма, отчужденности и вражды. По воспоминаниям поэта Зоргенфрея, Блок после Февральской революции нередко спрашивал его: «А вы можете заговорить на улице, в толпе, с незнакомыми, с соседями по очереди?» И не без гордости добавлял, что ему это в последнее время удавалось⁶⁷.

И вот теперь, летом 1917 г., видя, как медленно, но зловеще надвигалась тень «мрачного прошлого», Блок с тоской задавал себе вопрос: «Неужели? Опять — в ночь, в ужас, в отчаяние? Неужели революция погубила себя?»⁶⁸ «Отчего же, — записывает он в дневнике 23 июля, — после этого хулить большевиков, ужасаться перед нашим отступлением, перед дороговизной и пр. п пр. и пр.? Ничтожная кучка хамья может провонять на всю Россию. Боже, боже — ночь холодная, как могила...»⁶⁹.

Но Блок — великий работник не позволяет себе «расслабиться», махнуть на все рукой, замкнувшись в себе. Напротив, чем тяжелее его душевное состояние, тем глубже он стремится уйти в работу. В поле он пишет матери: «Вообще, если бы не работа,

я был бы совершенно издерган нервно. Работа — лучшее лекарство; при всей постылости, которая есть во *всякой* работе, в ней же есть нечто спасительное. *Все* является в совершенно другом свете, многое смывается работой»⁷⁰.

* * *

Уже в августе Блок начинает трудиться над рукописью, которую он рассматривал как часть будущего отчета Чрезвычайной следственной комиссии и которая впоследствии была опубликована сначала в журнале «Былое» (№ 15, 1919 г.), а затем, уже после смерти Блока, в виде книги под названием «Последние дни императорской власти» (Петроград, 1921).

Это сочинение Блока, в котором он выступает как профессиональный историк (книга написана на обширном документальном материале ЧСК), кажется, не полностью оценено и по сей день. А между тем оно представляет значительный интерес не только с конкретно-исторической, но и историографической точки зрения.

После свержения царизма книжный рынок был наводнен литературой, посвященной «павшему режиму» и «объяснявшей» причины его «падения». Сплетни о Распутине, анекдоты о Вырубовой и тому подобная бульварщина господствовали в ней. Она выдавалась на потребу обывателю, мещанину, уводила в сторону от подлинных социальных и политических проблем. Блок решительно отбросил все это. Как писал историк русского революционного движения С. Я. Штрайх, «умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма, не всякому под силу. А. А. Блок счастливо избег самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи — он сумел сжать свой очерк и выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро-глумящее, все бульварно-манящее»⁷¹.

Со времени издания книги Блока прошло более 60 лет. В советской исторической литературе вскрыты корни Февральской буржуазно-демократической революции, широко показано массовое движение, возглавлявшееся рабочим классом и сыгравшее решающую роль в свержении царизма, охарактеризована деятельность буржуазно-либеральной оппозиции, враждебной народу, но в определенной мере подрывавшей устой самодержавия. Книга Блока содержит такие ценные материалы, а главное, такие тонкие наблюдения, которые дают пищу для размышлений и современному историку Февраля 1917 г. Блоковский труд еще раз напоминает, как важно историку, руководствуясь определенным методологическим принципом, в то же время избегать схематизма, стараться проникнуть в глубину, в толщу ушедшей жизни, видеть ее в непрерывном движении человеческих поступков, мыслей и страстей. Высшая, максимальная задача историка, может быть и недостижимая и тем не менее обязательная,—

заставлять прошлое ожить в настоящее, ожить перед глазами современника. Приближение к этой цели лежит на путях соединения науки и искусства...

Книга Блока открывается интереснейшим разделом — «Состояние власти. Это состояние — один из факторов, взаимодействие которых в конечном счете и сокрушило царизм. И все же, пожалуй, до сих пор остается он у историков где-то на втором плане. А. Блок, по словам академика Л. В. Черепнина, дает здесь картину «разложения всей верховной клики, начиная с царя, которая оставляет сильное и незабываемое впечатление»⁷².

Блок констатирует, что «на исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции»⁷³. «Ни у кого,— подчеркивает Блок,— не могло быть сомнения в необходимости операции...»⁷⁴ Что касается власти, то она в сознании этой перспективы и связанных с ней потрясений, которые должно было перенести «расслабленное тело», «пришла к бездействию». Но отнюдь не тотальному. «В ней,— замечает Блок,— по словам одного из ее представителей, не было уже ни одного боевого атома». Но весь дух борьбы выражался лишь в том, чтобы «ставить заслоны»⁷⁵. «Ставить заслоны» — это тоже политическая линия, линия крайнего оппортунизма, приспособленчества, уклонения, поисков решений в неприятии решений, это линия «выживания сегодня, а завтра будет видно». Такая политика неизбежно вела к приземленности, бездуховности, к исчезновению идеалов, к попранию нравственных принципов. Как результат ее — скопление «у трона» людей низменных, своекорыстных, лишенных проблеска живого чувства и мысли, «темных сил», как тогда говорили. За этим следовала изоляция власти, замыкание ее в узком круге «своих», в центре которого в конце концов оказался «провидец» Распутин. Он превращался в один из главных каналов распространения миазмов распада и разложения.

Кто и как мог вывести власть из этого порочного круга? Придворные? Но здесь, как говорил Воейков, «атмосфера была манекен». «Десятка два людей,— пишет Блок,— у каждого из которых были свои обязанности («я в шахматы играю, я дверь открываю»), трепетали над тем, кто из них займет место министра двора». Это была «придворная рвань»⁷⁶.

Что касается «правительственной среды», то она превратилась в арену, «на которой открывался широчайший простор влияниям больших и малых кружков; оттуда летели записки, диктовались назначения, шла вся большая политика». Тут подвизались ловкачи, проходимцы и жулики типа князя Андронникова, «вертевшегося в придворных и правительственных кругах, подносившего иконы министрам, цветы и конфеты их женам и знакомого с царскосельским камердинером...»⁷⁷, или Белецкого, «человека практики, услужливого и искательного, который умел «всюду втереться»»⁷⁸. Совет министров, «по словам людей живых и сколько-

нибудь связанных со страной», давно стал «каторгой духа и мозга», а примыкающие к нему круги бюрократические «были лишены какого бы то ни было миросозерцания»⁷⁹. «Среди членов правительства,— пишет Блок,— было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена... Среди них были люди и высокой честности... но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу»⁸⁰. Государственная система либо отторгала их, либо сминала, засасывала в свой механизм...

* * *

Во втором разделе книги Блок главным образом характеризует настроение общества в канун Февральского переворота. В то время под «обществом» понимали прежде всего оппозиционные царскому правительству круги буржуазии, дворянства и буржуазно-дворянской интеллигенции. Выразителями их настроений и интересов были думский Прогрессивный блок, земские и городские организации, военно-промышленные комитеты и др., где ведущую политическую роль играли, пожалуй, кадеты. Позднее, уже после революции, их идеологи представляли расстановку социальных сил перед крушением царизма по двучленной схеме: с одной стороны, царизм, с другой — «общественность», т. е. либеральная оппозиция. В основе этой «исторической концепции» лежал определенный политический расчет. Взгляд Блока, свободный от кадетских шор, проникает глубже. Он ясно видит, что либеральная «общественность» отнюдь не едина. В ней — две группировки, два ядра. Одна — «дельцы» думского Прогрессивного блока (Родзянко и др.). Их цель насадить в России начала «истинного парламентаризма по западноевропейскому образцу», а путь ее достижения — использование «рабочей мысли» (через соглашательские группировки) для поддержки Государственной думы в ее борьбе за создание «отечественного правительства»⁸¹.

Другая группа (Гучков, Львов, Коновалов и др.) не питает никакого доверия к массе, считая ее «инертной». Расчет этой группы на дворцовый переворот «одной, двумя воинскими частями»⁸². Но обе группы, подчеркивает Блок, несмотря на существование между ними различий в политико-тактических вопросах, идут навстречу друг другу, поскольку перед ними одна враждебная сила — народ...

Характеризуя общественные настроения, Блок выходит за рамки понятия «общество», отштампованного кадетскими публицистами и историками. Хотя и в меньшей степени, чем на деятельности буржуазно-либеральной оппозиции, он останавливается на процессах, происходивших в рабочей среде. Он пишет о забастовках на петроградских заводах и фабриках и принципиально различает неоднородность, сложность рабочего движения. Соглашательские элементы зовут рабочих поддерживать требования Государственной думы, но социал-демократы-большевики постано-

вили «создать движение пролетариата собственными силами»⁸³.

Не проходит Блок и мимо армии, хорошо понимая ту роль, которую она сыграла в перевороте. И снова с присущей ему последовательностью он не дает однозначных оценок, стремится зафиксировать сложную, порой противоречивую гамму настроений. С одной стороны, он констатирует оппозиционность, даже республиканизм определенных кругов командного состава в канун Февраля, а с другой — видит и «консервативность» офицерской массы, в которой было немало людей «с принципиальными верованиями и симпатиями»⁸⁴.

Характеристика настроений разных слоев русского общества, данная Блоком, несмотря на ее неполноту (в качестве источников Блок использовал главным образом секретные доклады охранного отделения), делает ему честь как историку. Он подмечает тенденции, которые получили свое развитие не только на этапе перехода к Октябрьской социалистической революции, но и еще позднее — в период гражданской войны.

* * *

Третий (и последний) раздел книги Блока носит название «Переворот». Здесь, как отмечал сам Блок, дается последовательный ход событий с начала революции (23 февраля) до отречения великого князя Михаила Александровича (3 марта).

Передать события Февральской революции — крайне трудная задача. Они развивались настолько стремительно, буквально набегая друг на друга, что, кажется, за ними невозможно уследить, выделить во внешнем хаосе главное, определяющее. И это сегодня, на расстоянии нескольких десятков лет, дающее возможность шире охватить всю ретроспективу. Современнику Февральских событий было еще труднее. Однако мастерство Блока-художника, органически сливаясь с его пронизательностью историка, позволяет ему воссоздать картину революции, во-первых, в ее существенных чертах, а, во-вторых, передать живое ощущение ее калейдоскопического развития, ее головокружительного нарастания. Блок вычленил центральные узлы, из которых завязывался весь клубок событий, — восставший Петроград, Царское Село, в котором находилась царица, Могилев (Ставка Верховного главнокомандующего), царский поезд, мечущийся по железнодорожным путям между Могилевом и Царским Селом, эшелоны неудавшегося карателя генерала Иванова, Псков, где Николай II отрекся от престола...

С необыкновенной ясностью начинаешь чувствовать могучий океанский размах революции, подавляющий и парализующий попытки контрреволюции оказать сопротивление. И поразительно, что Блок добивается этого не путем дидактических подчеркиваний, а посредством точно выбранных, «схваченных» деталей. Только два примера. В ночь на 27 февраля военный министр Беляев приказывает своему секретарю позвонить в Мариинский

дворец и вызвать по телефону министра путей сообщения Кригер-Войновского. «Секретарь услышал в телефон неясный разговор нескольких голосов, увещевания соблюдать тишину и предупредить, что у телефона военный министр. Вслед за тем к телефону подошел кто-то, назвавший себя министром путей сообщения, но по голосу не похожий на Кригер-Войновского. Секретарь предупредил об этом Беляева и передал ему трубку. Военный министр молча слушал у телефона минут пять, услышал слова: «Эту пачку уже пересмотрел, возьми вот те бумаги», повесил трубку и запретил всем сношения по телефону с Мариинским дворцом»⁸⁵.

А вот эпизод с объявлением Петрограда на осадном положении. «Листки с объявлением осадного положения были напечатаны, но расклеить их по городу не удалось: у Балка (градоначальника.— Г. И.) не было ни клею, ни кистей. По приказу Хабалова (командующего Петроградским военным округом.— Г. И.), отданному вялым тоном, два околоточных развесили несколько листков на решетке Александровского сада. Утром эти листки валялись на Адмиралтейской площади перед градоначальством»⁸⁶. Да, художнический взгляд—это умение оценить деталь, рассмотреть в ней нечто большое, общее...

* * *

Работа над «Последними днями императорской власти» затянулась. События одно значительнее другого происходили в стране, шедшей к Великому Октябрю. Блок с большим вниманием присматривался к большевикам, связывая с ними ту силу обновления, которая, как ему казалось, уже начала иссякать после краха царизма. Еще в мае 1917 г. он писал жене: «Уезжая отсюда, ты мне писала об угрозах ленинцев. Неужели ты не понимаешь, что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость, которая гнездится еще во многих стенах?»⁸⁷ Эта мысль крепла у него, и осенью 1917 г., в канун Октября, он писал, что «*один только Ленин верит*, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране»⁸⁸. Ленин, записывает Блок, «является сторонником выступления с предвидением доброго»⁸⁹.

А те, кто еще вчера рядился в тогу борцов с царизмом, со «старой пошлостью», сами оказались пошляками, жалкими буржуазными обывателями. В дневнике у Блока есть такая запись: «Происходит совершенно необыкновенная вещь: ... «интеллигенты», люди, проповедовавшие революцию, «пророки революции» оказались ее предателями. Трусы, натравители, прихлебатели буржуазной сволочи... Это простой усталостью не объяснишь. На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству...»⁹⁰

Мучительным напряжением, «всем телом», «всем сердцем», «всем сознанием» Блок в вихре событий старался услышать еще

слабые раскаты приближающейся очистительной грозы Новой Революции, услышать и увидеть ее. Он увидел ее в пронзительном ветре и крутящейся белизне метели, сквозь которую шли Двенадцать, ведомые Христом — в представлении Блока, символом духовного обновления человечества.

Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим,
 Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос.

- ¹ Блок А. Записные книжки, 1901—1920. М.; Л., 1965, с. 310.
- ² Лямкина Е. И. Вдохновение, мастерство, труд: (Записные книжки А. Ахматовой). — В кн.: Встречи с прошлым: Сб. материалов ЦГАЛИ. М., 1978, вып. 3, с. 412; см. также: Орлов В. Н. Гамаюн: Жизнь А. Блока. Л., 1978, с. 531.
- ³ Блок А. Записные книжки, с. 311.
- ⁴ Блок А. Собр. соч. М.: Л., 1963, т. 8. Письма, с. 464.
- ⁵ Там же, с. 471.
- ⁶ Там же, с. 475.
- ⁷ Блок А. Собр. соч., с. 474.
- ⁸ Там же, с. 475. А. Н. Толстой вспоминал, как в январе 1917 г. во время поездки по делам земгорвской службы он случайно встретился с Блоком. На вопрос, пишет ли он что-нибудь сейчас, Блок ответил равнодушно: «Нет, ничего не делаю». См.: А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1924, с. 40.
- ⁹ Блок А. Собр. соч., с. 478.
- ¹⁰ Там же, с. 476.
- ¹¹ Там же, с. 479.
- ¹² Там же, с. 480.
- ¹³ Блок прекратил их вести накануне своего отъезда в дружину (июль 1916 г.). 23 июля в книжке под № 28 он пометил: «26-го я уезжаю. Довольно записывать — дни однообразны» (Блок А. Записные книжки, с. 315).
- ¹⁴ Блок А. Записные книжки, с. 316.
- ¹⁵ Блок А. Собр. соч., М.; Л., 1962, т. 6, с. 449.
- ¹⁶ Там же, т. 8, с. 486.
- ¹⁷ Подробнее см.: Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. А. Блока. — Вопр. истории, 1977, № 2.
- ¹⁸ Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 491. Работа в комиссии действительно поначалу поглотила Блока целиком. Поэт Вл. Пяст, встречавшийся с Блоком в эти дни, вспоминал: «Блок страшно занят. Ничего художественного не создает. Почти „невидим“ для друзей». (Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Пг., 1923, с. 73).
- ¹⁹ Там же, с. 493.
- ²⁰ Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 501. Одному из своих знакомых Блок говорил: «Нет, вы только подумайте, что за мразь столько лет правила Россией!» (Орлов В. Н. Гамаюн: Жизнь А. Блока, с. 546).
- ^{21–22} Блок А. Записные книжки, с. 427—428.
- ²³ Там же, с. 350.
- ²⁴ Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 501.
- ²⁵ Блок А. Записные книжки, с. 337.
- ²⁶ Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 260.
- ²⁷ Там же, т. 8, с. 551.
- ²⁸ Там же, т. 7, с. 283.
- ²⁹ Блок А. Записные книжки, с. 350.
- ³⁰ Там же, с. 324, 325.
- ³¹ Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 494.
- ³² Там же, т. 7, с. 259, 260.
- ³³ Последствие железнодорожной катастрофы в 1915 г. Вырубова фанатично верила и уверяла других, что от смерти ее спас Распутин своей «божественной силой».
- ³⁴ Блок А. Записные книжки, с. 338.

- 35 Блок А. Собр. соч., т. 6, с. 446.
 36 Там же, т. 8, с. 493.
 37 Там же, т. 6, с. 443.
 38 Там же, т. 8, с. 493.
 39 Блок А. Записные книжки, с. 335.
 40 Там же.
 41 Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 289. Иеромонах Иллиодор (Сергей Труфанов) — черносотенец, друг Распутина, начавший потом борьбу с ним. Написал книгу, разоблачавшую Распутина и царскую семью, в которой гнусные факты перемежались с не менее гнусными вымыслами. Эмигрировал за границу, где грозил издать эту рукопись, вымогая у царского правительства «отступные деньги». Книга под названием «Святой черт» была издана в Петрограде в 1917 г. (после свержения царизма).
 42 Блок А. Записные книжки, с. 379.
 43 Там же, с. 350.
 44 Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 260.
 45 Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923, с. 53.
 46 Там же, с. 74.
 47 Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 501.
 48 Блок А. Записные книжки, с. 340.
 49 Лит. газ., 1980, 3 дек.
 50 Блок А. Записные книжки, с. 330.
 51 Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 262.
 52 Там же, с. 273.
 53 Там же, с. 274.
 54 См.: Лит. газ., 1980, 3 дек.
 55 Блок А. Записные книжки, с. 365.
 56 Там же, с. 336.
 57 Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 268.
 58 Там же.
 59 Там же.
 60 Там же, с. 300.
 61 Там же, с. 306. Интересно отметить оценку, которую давал Блок корниловщине (в передаче Бабенчиковой). В противоположность буржуа, утверждавшим, что корниловщина — это олицетворение идеи «порядка», Блок относил ее «к числу темных стихийно-бунтарских сил, ведущих Россию к татаршине» (Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия, с. 51).
 62 Блок А. Записные книжки, с. 318.
 63 Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 504.
 64 Там же, т. 7, с. 281.
 65 Там же, с. 327—328.
 66 Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия, с. 54; см. также: Чуковский К. Современники: Портреты и этюды. М., 1963, с. 455.
 67 Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия, с. 49—50.
 68 Блок А. Собр. соч., т. 7, с. 268.
 69 Там же, с. 267.
 70 Там же, с. 507—508.
 71 Жизнь искусства, 1920, 5 окт.
 72 Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, с. 357.
 73 Блок А. Собр. соч., т. 6, с. 188.
 74 Там же.
 75 Там же, с. 189.
 76 Там же, с. 191.
 77 Там же, с. 192.
 78 Там же, с. 197.
 79 Там же, с. 196.
 80 Там же, с. 193.
 81 Там же, с. 206.
 82 Там же, с. 207.
 83 Там же, с. 213.
 84 Там же, с. 216.
 85 Там же, с. 241.
 86 Там же, с. 242.
 87 Там же, с. 488.
 88 Там же, с. 312.
 89 Там же.
 90 Там же, с. 318.

ГЕОРГ-АДАМ ШЛЕЙССИНГЕР О РОССИИ КОНЦА XVII В.

М. А. Алпатов

Первым немецким автором, оставившим описание России, жившим хотя и кратковременно — в 1684—1686 гг. — в предпетровской России, был Г.-А. Шлейссингер, или Шлейссинг (он писал свою фамилию по-разному). Попытку восстановить его биографию и литературное наследие впервые предприняли библиографы Петербургской публичной библиотеки¹. Это была по-

пытка продолжить работу Ф. П. Аделунга (1768—1843) по соби- ранию сказаний иностранцев о России. В наши дни советский историк Л. П. Лаптева обнаружила рукопись сочинений Шлейс- сингера в Фундаментальной библиотеке Академии наук ЧССР и опубликовала ее вместе со своей вступительной статьей и при- мечаниями².

О Шлейссингере до нас дошли лишь отрывочные сведения. Он — саксонец, юрист по образованию, с 1684 по 1686 г. жил в России. Почему и как он попал в Россию, с точностью сказать трудно. Кроме скудных сведений, имеющих в самой работе, известно только, что вскоре после прибытия Шлейссингера в Моск- ву его видели в составе саксонского посольства. Авторы «Биб- лиографических отрывков» полагают, что он был странствующим студентом, какие еще не перевелись на Западе со средневековых времен. Л. П. Лаптева считает более вероятным, что это — чело- век, прибывший в Москву искать счастья в качестве наемника на службу в армии. Это не лишено основания, поскольку впослед- ствии он именовал себя бывшим офицером русской армии. Но, кажется, не следует игнорировать и сведения о принадлежности Шлейссингера к саксонскому посольству, которые сообщает Д. В. Цветаев³. Наш автор мог прибыть в Москву с посольством, а затем оставаться здесь некоторое время по своим делам. Из текста сочинения становится ясно, что события, описанные по дороге в Москву и в самой Москве, автор или наблюдал сам или слышал о них от очевидцев, в них много достоверного. Что ка- сается Сибири, о которой он потом писал, то, вернее всего, сам он там не был, а черпал свои сведения из рассказов бывавших там иностранных купцов; рассказы эти крайне сбивчивы и не- достоверны.

Книга Шлейссингера о России в немецкой исторической лите- ратуре вышла после того, как уже было известно знаменитое сочинение Олеария, Шлейссингер не может стоять рядом с Олеа- рием ни по объему сведений, ни по уменью их изложить, ни по «учености». Едва ли можно сомневаться, что он читал сочи- нение своего предшественника, но нет никаких оснований думать, что Шлейссингер пытался превзойти Олеария. И тем не менее наш автор рассчитывал на популярность своей книги о России.

Он издавал свое сочинение шесть раз. Правда, в первом из- дании он еще не решился поставить свое имя, но дальше он старался всеми средствами рекламировать себя; в четвертом из- дании он к своему имени прибавил уже чин: «Georg Adam Schleissing, in Czaarischen Diensten gewesen Capitaine-Lieutenant», т. е. объявил себя бывшим штаб-капитаном русской армии; в пятом издании он уже повысил себя до капитана. Переиздавая книгу, он каждый раз старался создать впечатление нового сочи- нения — несколько перестраивал один и тот же текст, посвящал книгу какому-нибудь влиятельному лицу, как это было тогда в обычае, присовокупил очерк о Сибири, снабдил книгу иллюстра- циями.

Название книги несколько раз менялось, но то название, которое стоит на списке Чехословацкой академии наук, можно считать окончательным — «Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей — соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича»⁴.

Первое, что обратило на себя внимание Шлейссингера, была торговля русских. Попастъ в Россию для него было не так уже трудно, «учитывая интенсивную торговлю, которую ведут русские со многими чужими народами»⁵. От русской границы он «без помех проследовал вплоть до Новгорода, называемого по-немецки Нойгартен»⁶, а оттуда «без единого несчастья или неприятности прибыл... в обширный город Москву»⁷. В Новгороде он увидел, что там живут иноземные купцы. «На Любекском подворье (которое здесь выстроил город Любек) живут кое-какие немецкие купцы, которые здесь и ведут свою коммерцию и корреспонденцию. Далее имеется Шведское подворье, где всегда проживает королевский шведский комиссар»⁸. В Москве автор насчитал двенадцать больших рынков. «Прежде всего, большой рынок перед замком (Кремлем)... А теперь перейдем к другому рынку, который они называют шелковым... Третий рынок — суконный или простынный, четвертый — златокузнечный, пятый — скорняжный, шестой — сапожный, седьмой — полотняный. На восьмом сидят богомазы... Девятый рынок — вшивый, названный так потому, что там сидят цирюльники... Десятый рынок — овощей и лакомств, одиннадцатый — рыбный, двенадцатый — птичий... Я уже не говорю про многие мелкие рынки, которые все устроены изрядно, рядами, но каждый от соседнего отдельно»⁹.

Москва ведет активную и внешнюю торговлю. Сюда приезжают иноземные купцы. Чем они торгуют? «Некоторые — драгоценностями, некоторые — шелковыми изделиями, вином, белым полотном, всякими меховыми изделиями, юфтью и др. Есть также два купца, которые пользуются монопольным правом торговли, один — икрой, другой ревенем»¹⁰. Одна из крупных статей вывоза — икра. Ее добывают, «очищают и прессуют, а затем в большом количестве отправляют бочонками в Италию, Францию, Голландию, а также и в Германию... В зимнее время икру, как редкое кушанье, продают в Лифляндию и Швецию»¹¹.

Другая важная статья вывоза — пушнина, самая разнообразная. По всей России, а особенно в Сибири, водится россомаха (подчас ее мех даже дороже меха соболя), рысь, горностай, куница, белая, черная и другие виды лис, белка, дикая кошка, порой более красивая по цвету, чем рысь, и многие другие, что доказано в достаточной мере уже фактом торговли этими товарами, которые вывозятся во многие страны»¹². В большом ходу соболя.

Пушнина идет не только на вывоз, но и широко используется внутри страны. «В Сибири каждый год бьют столько тысяч штук, что можно ими не только оплатить всех слуг царских, но очень много еще и остается в царской казне, чтобы снабдить посольства, если таковые придут»; «что касается немецких офицеров

и других царских слуг, то они вместо жалованья получают соболей... Соболей офицеры и должны принимать, как бы высоко или низко те ни ценились»¹³. Таким образом, соболя идут и на уплату жалованья.

Торговыми воротами России на Запад был Архангельск. Здесь «настоящее складочное место, сюда в августе месяце могут заходить корабли из Гамбурга, Голландии, Франции, Италии, Англии и т. д., и здесь они ведут торговлю». Огромные расстояния мешают русской торговле. Путь Архангельск — Москва русские и иноземные купцы преодолевают «наполовину по суше, наполовину по воде, с большими трудностями, да и то лишь к зиме. Раньше пробраться невозможно. А оттуда по санному пути с товаром — опять вверх по рекам к Москве. Некоторые — те, кто ведет большую торговлю, остаются поэтому на полгода без своих близких. И такая торговля приносит царю благодаря таможенным сборам колоссальные деньги»¹⁴.

Внешняя торговля свидетельствует о растущих международных связях. Шлейссингер пишет, что за время его пребывания в России он наблюдал приезд туда нескольких посольств из западных стран: шведского, императорского, датского. В Москве был также голландский резидент, наблюдавший за коммерческими делами. Датский посланник Горн в совершенстве владел русским языком.

Иноземцы попадают в Москву не только в качестве послов, много их прибывает сюда по торговым делам, но еще больше их служит в русской армии. Подавляющее большинство иностранцев из Западной Европы — немцы. Кроме Москвы, немцы живут в Новгороде, Пскове, Архангельске. «А других европейских народов в Москве совсем мало, но есть еще много азиатских инородцев, большей частью язычников, которые здесь ведут торговлю... есть также много греков и армян, которые суть христиане»¹⁵. Недалеко от Москвы находится «знаменитый железный рудник, где работает очень много немцев, шведов, французов. И с каждым днем их сюда выписывают все более, и иностранцы приводят рудник в образцовый порядок»¹⁶.

«В Москве живут немцы двух категорий. Некоторых называют «старыми немцами», они обычно ходят в русском платье и уже натурализовались, ставши скорее русскими, чем немцами, ибо они еще два или даже три поколения назад приняли русское крещение... Другое дело — новые немцы, которые пришли на царскую службу всего несколько лет назад. Среди них есть особенно brave люди, служившие ранее римскому императору, польской короне, Швеции и т. д., как и другим государям»¹⁷.

Шлейссингер не очень высокого мнения о немецких офицерах на русской службе. «Раньше они получали хорошее, даже богатое, жалованье, но теперь уже нет; они сами его прощляли частично из-за дурной, порочной жизни, частично из-за других дурных дел»¹⁸. Некоторые полковники «получают 300 рублей, то есть 600 рейхсталеров, а некоторые только 200 рублей... Следует,

правда, учесть, что это — минимальное жалование, а фактически они могут на службе получать много больше. Кроме того, в России все очень дешево, так что на 100 рейхсталеров можно прожить лучше, чем в других странах на 300»¹⁹. Раньше у немецких офицеров были поместья, «но патриарх добился от царя того, что нежелающие принимать русскую религию должны были отказаться от поместий под таким предлогом: было бы, дескать, несправедливо, если бы еретики и неверующие господствовали над христианами»²⁰.

Что касается религии немцев, живущих в России, то католик Шлейссингер довольно суров. «Некоторые — католики, некоторые — лютеране, некоторые — кальвинисты, а некоторые и сами не знают, во что верят; так что вся Немецкая слобода, за исключением немногих, действительно верующих, может быть названа гнездом еретиков...»²¹. У них свои храмы. «Лютеране имеют две церкви в [Немецкой] слободе. Раньше у них была церковь и в городе. Но поскольку женщины там часто дрались за лучшие места, что приводило к безобразным сценам, русские сами сказали: «Это, видно, не христиане, а собаки какие-то, если друг друга в церкви кусают». После этого немцы потеряли свою привилегию и теперь вынуждены отправлять свое богослужение вне города. Есть у них церковь и на значительном расстоянии от города, там, где железный рудник. У кальвинистов своя церковь, она в слободе»²². И только за католиков автор в обиде. Только им «и по сую пору не удалось добиться разрешения свободно отправлять свою службу, так как русские считают, что именно католики наносят им самый большой ущерб. Впрочем, теперь... им удалось добиться того, что в Москве учрежден пост патера от Общества Иисуса (иезуитов), и в скором времени ожидают одного из таковых, и в доме одного купца католики будут отправлять свое богослужение, пока не построят церковь...»²³.

Но естественно, еще большее внимание Шлейссингера привлекали русские. Иноземцу бросилось в глаза то, что русские города — деревянные. Вот Новгород. «Довольно большой. И замечателен этот город благодаря множеству построенных в нем на русский манер ворот, монастырей и церквей, очень красивых по форме и крупных. Но, как и все города Московии, Новгород построен (кроме церквей) исключительно из дерева. Дома плохие, укрепленные, тоже по русскому обычаю, только деревом»; «исключения составляют лишь некоторые бояре, князья, воеводы, стольники, а также богатые купцы, дома которых иногда построены из камня и называются «палаты»»²⁴.

Царь Алексей Михайлович «добился того, что в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые, каменные дома, а деревянные сносить. Было также положено некоторое начало тому, чтобы тем, у кого не было средств на строительство, можно было рассрочить платежи на 10 лет... однако после смерти упомянутого высокодостоинного князя это полезное дело умерло вместе с другими

полезными распоряжениями»²⁵. Гостиные дворы, где хранятся товары, строятся «из чистого камня».

Сущий бич города — пожары. Это породило торговлю готовыми домами. В Москве есть «большая площадь, называемая «Базар дерева и домов», где по местному обычаю всегда лежит много тысяч готовых домов со всем необходимым... и эти дома можно купить по самой сходной цене. Такие дома, а также большие и малые ворота сколачиваются где-то за городом, затем разбираются, и все это отвозится к зиме в готовом виде в Москву»²⁶. Шлейссингер был так напуган московскими пожарами, что, услышав шум ночного веселья, спрашивал: «Где горит?» — А в ответ слышал: «О, это далеко, пустыки; ложись-ка, немец, обратно, да и спи...». При этом они еще и смеялись говоря: «Вот теперь-то наш немец, когда уедет, сможет сказать, что повидал московского огонька». А ведь в прошлом году господь бог показал Москве такого огонька, что, я полагаю, многим было не до смеха»²⁷.

Кремль в Москве представляет «своеобразный отдельный город, достойный, пожалуй, прославления, ибо составляет лучшее украшение всего города Москвы». В этой резиденции русских царей «можно увидеть всякие любопытные вещи, и я полагаю, что по богатствам и сокровищам они ни в чем не уступят никакому правителю»²⁸. Во время обедов в царских палатах все подается «на серебряных и золотых блюдах, и я могу, пожалуй, сказать, что лишь при немногих дворах можно встретить столько великолепия — обилия золота и серебра, как при дворе царей»²⁹.

Шлейссингер с интересом наблюдал неустойчивую политическую жизнь в России в предпетровское время. Москва еще была под впечатлением стрелецкого восстания 1682 г. Автор дает довольно подробное описание этого восстания, по которому можно судить, какие разговоры об этом восстании велись в Москве, точнее, в Немецкой слободе, где, скорее всего, Шлейссингер получал свою информацию. В чем же видели причину восстания? Стрельцы «повседневно жаловались на свое начальство ввиду невыносимой и рабской работы, которой это начальство их обременяло. Кроме того, жаловались, что им задерживают жалованье. После чего они в конце концов договорились между собой стоять друг за друга и держаться до последнего»³⁰.

В Немецкой слободе, видимо, значительно преувеличивали роль немецких офицеров в подавлении восстания. Рассказ автора передает впечатление, которое произвела в слободе поездка немецких военачальников в Троице-Сергиевскую лавру по вызову двора. Среди вызываемых в лавру, на кого двор рассчитывал опереться, немцы, как известно, составляли ничтожную величину, но у Шлейссингера это выглядит так: «Наконец, когда великий князь Иван Алексеевич увидел, что день ото дня дело становится все хуже, он удалился из города в деревню и призвал к себе всех немецких офицеров, чтобы спросить у них совета, как лучше положить конец злодейству. Эти офицеры уже попрощались со своими женами и детьми и послушно явились на зов великого князя.

Между тем оставленные семьи жили в большом страхе и ужасе в своей слободе, ожидая всякий час... опасности подлой смерти»³¹.

Что касается истории Хованских, то по городу, по всему видно, ходила официальная версия. «Этот зачинщик, полковник затеял все дело потому, что уже давно знал об ожесточении стрельцов и использовал такое настроение их как дьявольское средство, чтобы лить воду на свою мельницу. Он имел в виду, учитывая полное неумение старшего царя вершить правление, отстранить его от трона и женить своего сына на царевне»³², тщеславие которой было ему хорошо известно»³³.

После подавления восстания «стрельцов-бунтовщиков незаметно разослали в разные стороны и таким путем рассеяли. Самые скрытные зачинщики были или повешены или же обезглавлены и таким образом наказаны по заслугам»³⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассказе Шлейссингера ничего не говорится о закулисной стороне дела — о борьбе Милославских и Нарышкиных. Об этом, видимо, народу ничего не было известно, по крайней мере тем кругам, в которых вращался Шлейссингер.

Но если в связи с восстанием не говорится о борьбе социальных групп, то это еще не значит, что этот вопрос не интересовал Шлейссингера. Вопрос этот вставал уже потому, что никто не верил, что правят сами цари — Ивану был 21 год, Петру 15 лет. «Оба они, правда, сидят на троне, но ни один из них ничего не решает, а царевна обдумывает все с магнатами, после чего решения публикуются — опять же от имени обоих царей»³⁵. Автор понимает, что каждого из молодых царей поддерживают разные силы, и он делает свои предположения. «Бояре и важные господа очень симпатизируют младшему. Немцы, кажется, тоже прочат ему большое будущее, ибо это любимый всеми господин, но стрельцы и простые люди склоняются к старшему»³⁶. В этом предположении, как видим, далеко не все соответствует действительности. Это отражало толки в той же Немецкой слободе. Но Шлейссингер не ошибался, что во всем этом таилась опасность новых столкновений, ибо «родственники и друзья старшего (царя) будут трубить в один рог, а младшего — в другой, эти тоже своего не упустят, так что все посматривают друг на друга настороженно». А что выйдет «в будущем из такого правления, покажет время»³⁷.

Шлейссингер интересовался административным устройством страны. «...У них есть «приказы», как они это называют, то есть канцелярии. Это и есть их суды... Всего приказов 33...». Цифре, которую привел немецкий очевидец, верить нельзя. Шлейссингер пишет о лихоимстве, господствующем в приказах. «Туда каждый истец и вызывает своего противника. Впрочем, делают это без особой охоты, если не могут уладить дело между собой и если уж потребует великая нужда. Ибо русское право — это сплошное подношение и дарение, и кто лучше подмажет, тот и получит лучшее право, так что деньги всегда решают». На это его себе-

седник замечает (сочинение Шлейссингера написано в форме вопросов и ответов): «Да, но мне кажется, подобные порядки не только в Москве, а, пожалуй, почти во всем мире. Автор отвечает: «Конечно, всюду встретишься со злоупотреблениями в толковании прав и законов»³⁸.

Шлейссингер очень высокого мнения о Посольском приказе, хотя и не во всем одобряет его деятельность. Управляют им достойные люди. «Наиболее знатным канцлером является господин фон Голицын, князь. Это очень образованный господин, он великолично держится и является большим другом иностранцев. Он хорошо говорит на многих языках, в том числе и на латинском». В Посольском приказе «обсуждаются все секретные дела, как государственные, так и частные. Здесь же проводятся и конференции господ послов, которые находятся в Москве. Помещение приказа красивое и хорошо содержится. Кроме того, здесь постоянно ведется новое строительство»³⁹.

Вслед за Олеарием Шлейссингер весьма одобрительно отзывается о царе Алексее Михайловиче, который «наряду с прочими великолепными распоряжениями ввел также преподавание свободных искусств, как предписывали ученые люди, которым и должны были обучать молодых. Он также держал при своем дворе много немецких музыкантов и комедиантов. Но после смерти этого любезного царя всему пришел конец... Патриарх был очень против этого, считая, что погибнет вся Россия, если ввести такие новшества. Ввиду чего цари, будучи молодыми господами, легко дали себя уговорить и запретили начатое дело, хотя многие господа еще знают по-латыни, потому что их этому учили»⁴⁰. Одним из таких и является канцлер Голицын. Это свидетельство иностранного наблюдателя говорит о том, что преобразования Петра не явились чем-то неожиданным; их необходимость и неизбежность уже ощущалась, вокруг этого шла острая борьба, против новшеств восставала церковь. Но, как известно, это сопротивление оказалось бессильным, Россия находилась накануне петровских реформ.

Шлейссингеру бросалось в глаза разительное противоречие между сильной властью церкви и поведением русского человека. Москвиты «в церквях и вообще при совершении молитв... довольно-таки набожны, но вскоре об этом забывают». Глубокого почтения к духовенству автор не замечал. «А если нужно дать попу хорошую трепку, когда на то есть причины, то это можно сделать не ранее, чем стащить у него с головы шапочку. Я сам видел, как русские стаскивали ее с поповской макушки, если священник поступал легкомысленно, и здорово его колотили, а затем опять деловито натягивали ему на голову этот головной убор»⁴¹. О религиозности у монахов: «есть у них... три обета, которые они обязаны выполнять, а именно: бедность, целомудрие и послушание. В любое время они держат в руках распятие, но набожность их не так уже велика»⁴².

Немецкий путешественник с интересом присматривался к русскому человеку. Он очень подробно пишет о том, как русские одеваются, как танцуют, какие у них обряды, как себя ведут, каков весь их уклад жизни. Взгляд на русских у него, естественно, западноевропейского человека, виденное он сравнивает с привычным ему. Вот как он оценивает знаменитую русскую пляску. Он убежден, что все это «скорее похоже на прыжки и подскоки, чем на танцы, поскольку русские не ездят во Францию обучаться танцам по французской моде, а охотнее сохраняют деньги у себя в стране и танцуют как умеют»⁴³.

Шлейссингер подмечает такие черты характера русских, как непреклонность и бесстрашие. Вот он рассказывает о русской армии: «Солдаты у них стойкие, но далеко не столь обученные, как у других наций»⁴⁴. Особенно был поражен немецкий автор увиденным на месте казни на Лобном месте: «Так, я видел среди прочих одного старичка, который положил на плаху свою седую голову столь охотно, будто иначе и быть не может. Царевна передала ему, что стоит ему лишь публично отречься от заблуждений, и он будет помилован. Однако старик ответил: «Не нуждаюсь в царевниной милости, а нужна мне только милость бога всемогущего»⁴⁵.

Так смотрел на современную ему Русь Шлейссингер. В его труде российская действительность XVII в. в моменты острых социальных столкновений, несмотря на ограниченность взгляда автора, видна во всей своей противоречивости.

¹ Библиографические отрывки, 1854, август, с. 135—148.

² Шлейссингер Г.-А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века.— *Вопр. истории*, 1970, № 1, с. 103—126. На русском языке сочинение Шлейссингера опубликовано впервые.

³ Цветаев Д. В. Протестантство в России в правление Софьи.— *Русский вестник*, 1883, т. 169, с. 39.

⁴ Die gantze Beschreibung Reusslandts, wie sich dieselbige anjetzo unter den beyden Regierenden Zaaren Iwan Alexewitz und Peter Alexewitz befindet.

⁵ *Вопр. истории*, 1970, № 1.

⁶ Там же, с. 106.

⁷ Там же, с. 107.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 109.

¹⁰ Там же, с. 114.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 121.

¹³ Там же, с. 114.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 113.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 112—113.

¹⁸ Там же, с. 112.

¹⁹ Там же, с. 113.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 113.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 106.

²⁵ Там же, с. 107.

²⁶ Там же, с. 108.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 109.

²⁹ Там же, с. 112.

³⁰ Там же, с. 110.

³¹ Там же.

³² Имеется в виду царевна Софья.

³³ *Вопр. истории*, 1970, № 1, с. 110—111.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 111.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 115.

³⁹ Там же, с. 120.

⁴⁰ Там же, с. 112.

⁴¹ Там же, с. 117.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 116.

⁴⁴ Там же, с. 112.

⁴⁵ Там же, с. 113.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

*

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ»

Л. В. Чекурин

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала новые условия для творчества масс. В 1925 г. в добровольных обществах СССР состояло более десяти миллионов человек¹. Народная инициатива, проявившаяся во всех областях общественной жизни, влилась и в краеведческое движение. В 1919—1922 годах число краеведческих организаций увеличилось втрое². Их деятельность становится заметным явлением общественной, научной и культурной жизни. В 1927 г. в стране действовала 1761 краеведческая организация³. В процессе быстрого роста краеведческих организаций и повышении их активности отразился глубокий патриотизм трудящихся, их деятельный интерес к познанию своей Родины, готовность отдать свои силы социалистическому строительству.

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» дал образец того, как можно и нужно использовать краеведческие материалы. В статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», поводом для написания которой послужила краеведческая работа А. И. Тодорского⁴, В. И. Ленин настоятельно призывал привлечь к изучению и описанию местного опыта как можно большее число работников, «действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни»⁵.

Краеведческой работой непосредственно занималась заместитель наркома просвещения Н. К. Крупская⁶. Много внимания уделяли краеведению М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Н. В. Крыленко, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский, Ф. Н. Петров⁷.

Признавая большое значение краеведческой работы как формы вовлечения в научно-исследовательскую деятельность широких кругов трудящихся, XIII Всероссийский Съезд Советов обязал исполкомы содействовать краеведческим обществам, шире использовать их инициативу в социалистическом строительстве⁸. Известен ряд документов СНК РСФСР, ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса о помощи краеведческому движению⁹.

Краеведческая работа была частью огромной деятельности Коммунистической партии по проведению культурной революции. Роль краеведения в воспитании человека социалистического общества хорошо выразил А. М. Горький: «Краеведение — большое

дело. Я с великой радостью слежу за процессом его развития, вызванным к жизни тою энергиею, которую разбудила революция. Работа, сделанная краеведами Н. Новгорода, Рязани, Ярославля, уже значительна. Эта работа не только указывает нам пути к обогащению страны, но и — как всякая разумная работа — дает моральное удовлетворение, способствует быстрейшему росту чувства нашего человеческого достоинства, внушает нам веру в творческие силы нашего разума»¹⁰.

В центральных областях краеведческие организации работали особенно активно. В Московской губернии их было зарегистрировано 28, Тульской — 9, Калужской — 10, Владимирской — 23 и т. д.¹¹

Изучение первых советских краеведческих организаций — дело новое. Общая оценка развития краеведческого движения, связь его общественной основы с государственным и научным руководством, эволюция организационных форм даны в работах В. Н. Ашуркова, П. И. Кабанова, Н. П. Милонова, А. М. Разгона, А. В. Ушакова, И. С. Юньева¹². В печати появились первые статьи о местных краеведческих обществах, их активных работников, деятельности Центрального бюро краеведения¹³. Ряд статей и диссертация С. Б. Филимонова посвящены источникам по истории исторического краеведения¹⁴.

Эти работы содержат интересный материал о влиянии краеведческих организаций на развитие советской исторической науки на местах. В местных краеведческих организациях работали выдающиеся ученые-историки Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. А. Гордцов, Б. Б. Кафенгауз, М. К. Любавский, И. И. Полосин, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и др.

Одним из центров, где краеведческая работа получила большое развитие, был старинный русский город Рязань. Сохранилась большая источниковедческая база о первой краеведческой организации — Фонд Общества исследователей Рязанского края. Его дополняет научный архив Общества, который собран Рязанским краеведческим музеем и составляет несколько сотен рукописей. Издавались журнал Общества, его труды. Материалы о деятельности Общества сохранились в архивном фонде Наркомпроса (ЦГА РСФСР, ф. 2307), в котором содержатся стенограммы совещаний, конференций республиканских краеведческих организаций, переписка с местными обществами, их отчеты. Большую ценность представляют печатные отчеты Общества, центральные и местные журналы по краеведению.

Общество исследователей Рязанского края было образовано при первом высшем учебном заведении губернии — Институте народного образования — в январе 1920 г. Руководителем Общества был избран председатель президиума совета института П. И. Процеров¹⁵.

Круг деятельности Общества, закрепленный Уставом, был обширен. Оно занималось изучением природных ресурсов, экономики, животного и растительного мира, географии, этнографии и

истории края¹⁶. Такая программа должна была объединить немногочисленную интеллигенцию губернии, направить ее энергию на решение задач хозяйственного и культурного строительства.

В данной статье ставится задача рассмотреть лишь одно направление в деятельности Общества — изучение истории края. Успешность этой работы во многом предопределилась тем, что в числе организаторов и активных членов Общества были профессиональные историки, прочно ставшие на сторону Советской власти.

В 1924—1927 гг. председателем Общества был выпускник Московского университета, неутомимый краевед Д. Д. Солодовников. Работая в Москве учителем воскресной школы Прохоровской мануфактуры, он еще в 1896 г. стал участником социал-демократического кружка, сблизился с деятелями Московского рабочего союза, в том числе с В. Д. Бонч-Бруевичем. В 1898 г. за социал-демократическую пропаганду среди рабочих попадает в одиночное заключение, лишается прав преподавания и высылается под надзор полиции в Рязань. После Октябрьской революции он избирается членом коллегии по культуре Рязанского губернского Совета, в ее составе проводил большую работу по сохранению культурных и художественных ценностей. Являлся организатором и руководителем кафедры краеведения в первом губернском вузе¹⁷.

Педагогическую работу он называл мечтой и счастьем, с большой любовью относился к ученической краеведческой работе. «Школа для краеведения — это все равно, что тот волосок, которым растение вытягивает соки из матери-земли»¹⁸, — писал Д. Д. Солодовников.

Среди учредителей Общества была выпускница бестужевских высших женских курсов М. А. Александрова. Она получила хорошую историческую подготовку в первой женской группе историков-исследователей под руководством С. Ф. Платонова. В частности, она принимала участие в издании Никоновской летописи, работала над Литовской метрикой. Однако карьера историка в дореволюционной России М. А. Александрову не удовлетворила, она долго учительствовала в самых отдаленных районах России, затем возглавила учительский женский институт в Рязани¹⁹.

В 1920—1923 гг. руководителем социально-исторической секции Общества стал один из крупных советских специалистов в области вспомогательных дисциплин, особенно хронологии, Н. Г. Бережков. Он работал в губернском архиве и преподавал в Рязанском институте народного образования. Благодаря его авторитетному влиянию определил свой жизненный путь студент института, будущий академик Л. В. Черепнин. На страницах «Вестника рязанских краеведов» Н. Г. Бережков дал высокую оценку работе Рязанского архива, делился с читателями мыслями о будущей историко-краеведческой работе²⁰. Его полемика с Д. Д. Солодовниковым на заседаниях Общества вносила творческую струю в работу местных историков.

В числе первых в Общество были приняты активный деятель Ученой архивной комиссии, ее руководитель С. Д. Яхонтов, маститый местный историк, автор ряда работ о крае И. И. Проходцов, молодой педагог, впоследствии крупный методист, автор многочисленных пособий по истории СССР Д. Н. Никифоров.

Постепенно в ряды Общества стали вливаться выпускники советских вузов. Бесменным секретарем Общества, прекрасным организатором археологических, этнографических, библиографических работ был А. А. Мансуров (1900—1941 гг.). Выпускник Московского университета, затем работник органов народного образования, он переходит на работу в Рязанский краеведческий музей, одновременно сотрудничает в комитете по изучению производительных сил Рязанской губернии. В период его работы Рязанский музей и Общество исследователей заняли ведущее место в стране. В 1925 г. в Рязани состоялась конференция музейных работников Центрально-промышленной области. В 30-е годы Мансуров стал крупным организатором музейного дела, опубликовал более ста работ по вопросам краеведения, музееведения, археологии и этнографии. Будучи в Рязани, он внес большой вклад в изучение национальных меньшинств — касимовских татар. В 1941 г. А. А. Мансуров вступил в Московское ополчение и погиб, защищая землю, изучению которой он посвятил жизнь²¹.

Авторитет Общества быстро рос, увеличивалось число его членов. Если на первом заседании Общества в январе 1920 г. присутствовало всего девять преподавателей и три студента института народного образования, то к концу 1921 г. Общество насчитывало 240 членов²². Впоследствии во всех уездных и в некоторых крупных селах образовалось 20 отделений Общества. Работой отделений руководили президиум Общества, социально-историческая, и естественноисторическая секции. В дальнейшем число секций увеличилось до девяти (библиографическая, географическая, этнографическая, общественно-экономическая, комиссия по изучению материалов местных деятелей и уроженцев и др.)²³. Общество созывало съезды исследователей Рязанского края, издавало труды, организовывало экспедиции, музеи, выставки, публичные чтения.

Первоначально в состав Общества входили исключительно представители немногочисленной интеллигенции: учителя, врачи, работники архива, музеев, других учреждений, учащая молодежь. Состав Общества отражал факт включения старой интеллигенции в социалистическое строительство. В дальнейшем происходят серьезные качественные изменения в составе исследователей края. Краеведение перестало быть достоянием узкого круга избранной интеллигенции. Об этом наглядно свидетельствуют данные о составе отделения Общества в с. Гиблицы Касимовского уезда Рязанской губернии.

Образованное в 1923 г. отделение Общества ставило своей целью изучить историю волости, помочь волсовету вовлечь крестьян в культурное и экономическое преобразование края. При

Т а б л и ц а

Характеристика членов Гиблицкого отделения Общества

Возраст	%	Образование	%	Социальный состав	%	Партийный состав	%
До 18 лет	47,5	Высшее	4	Крестьяне	23,9	Члены и кандидаты ВКП/б – 3,9	
18–25 »	33,3	Среднее и специальное	17	Служащие	5,2		
25–30 »	6,8			Учителя	18,3	Члены ВЛКСМ 15,7 Пионеры – 16,9 Беспартийные 63,5	
30–40 »	6,5			Учащиеся	52,6		
Свыше 40 »	5,9	Семилетнее	6				
		Начальное	20,4				
		Учащиеся школ крестьянской молодежи, II ступени и техникумов	53,1				

Обществе действовали историко-культурная, естественнонаучная, промышленно-экономическая секции и кружок юных натуралистов. В конце 20-х годов в Гиблицком отделении общества состоял 81 человек, большинство из них были воспитаны и получили образование при Советской власти²⁴.

Отличительной чертой организации был ее молодежный состав, большинство членов составляли крестьяне или их дети, каждый пятый был коммунистом или комсомольцем. За семь лет работы члены Общества подготовили 124 доклада и сообщения, которые являлись результатами исследований и наблюдений. Так, был сделан демографический анализ волости за 100 лет (1825–1925), обследовались крестьянские хозяйства, грамотность населения, собирался этнографический материал о крестьянском жилище и одежде, изучались местные говоры. При школе открылся музей местного края²⁵. Организатором Общества и директором Музея стал активный краевед, учитель местной школы А. В. Щербаков. Отделение Общества собрало большой материал по истории революционного движения и первым годам социалистического строительства. Была написана история Лашманского чугунолитейного завода, созданы рукописные сборники «1905 год в Гиблицкой волости», «10 лет Советской власти в Гиблицкой волости».

Партийные органы поддерживали активистов Общества, его отчеты заслушивались волостным комитетом партии, волисполкомом, деятельность Общества освещалась в местной печати. Гиблицкое отделение представлялось на Всероссийских краеведческих конференциях.

В 20-е годы определились такие важнейшие черты советского краеведения, как расширение и актуализация конкретно-исторических исследований, понимание и сохранение всех видов исторических источников, выработка методических принципов исследований, взаимосвязь и взаимовлияние региональных исследований.

Планирование, концентрация научных сил на важнейших проблемах, осуществление центрального руководства и привлечение широкого круга энтузиастов-исследователей стали характерными особенностями развития советского краеведения с первых его шагов.

Большое влияние на деятельность местных краеведческих обществ оказали всероссийские конференции. Первую из них, состоявшуюся в декабре 1921 г., открыл, а затем по окончании работы конференции и выступил на ней с заключительным словом нарком просвещения А. В. Луначарский. Всеми краеведческими организациями руководило Центральное бюро краеведения, которое первые годы находилось в подчинении Академии наук. В состав Центрального бюро в разные годы избирались Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, П. Г. Сидович и др., видные советские и партийные работники, академики Д. Н. Анучин, С. Ф. Ольденбург, А. С. Ферсман, О. Ю. Шмидт, ученые В. П. Семенов-Тяньшанский, А. М. Панкратова и др.

Изучение материалов Общества исследователей Рязанского края показывает, что идеи, выдвинутые всероссийскими краеведческими конференциями, получили поддержку на местах. Рост научной деятельности местных обществ во многом определялся постоянными контактами с центральными научно-исследовательскими учреждениями.

Рязанское общество исследователей было связано с Академией материальной культуры, Этнографическим отделом Русского музея, Государственным Историческим музеем, Музеем Центрально-промышленной области, Географическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии, этнографии и т. д.

Одновременно Общество решало конкретные задачи, поставленные Советом народного хозяйства (исследование сырьевых богатств края), губернской плановой комиссией (описание волостей). По поручению губернского статистического отдела Общество ежегодно осуществляло выборочное обследование более двух тысяч крестьянских хозяйств. Особенно тесные связи имелись с отделом народного образования и губполитпросветом. Деятельность Общества принесла большую пользу школам, клубам и музеям.

Большую работу провело Общество по охране исторических памятников, спасению культурных ценностей и архивов. Уже в мае 1921 г. состоялась первая конференция по охране памятников культуры. Совместно с другими организациями Общество завершило учет зданий, построенных до середины XIX в., памятников гражданской войны и революции. Был спасен от разрушения знаменитый рязанский вал XII в., принято решение о передаче построек Рязанского кремля, занятых различными хозяйственными организациями, губернскому музею. В решении этого вопроса принял участие А. В. Луначарский, бывший в то время в Рязани и встречавшийся с председателем Общества исследователей П. И. Процеровым. В протоколах Общества сохранилась запись

этой беседы²⁶. В настоящее время Рязанский кремль — известный в стране архитектурный музей-заповедник.

Активное участие принимало Общество в просветительской работе, организовывало празднования юбилеев А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, ученых — Ч. Дарвина, П. Н. Лебедева, А. А. Шахматова, уроженцев рязанского края — поэта Я. П. Полонского, художника и гравера И. П. Пожалостина. Нередко заседания Общества для удобства населения проводились в воскресные дни, отдельные его мероприятия посещали до пятисот человек. Выступления на промышленных предприятиях и перед крестьянами, организация экскурсий и диспутов, выступления в печати стали неотъемлемой частью деятельности Общества. Исследователи края приняли активное участие в подготовке и проведении 20-летнего юбилея первой русской революции и 10-летия Советской власти. В деле объединения краеведов, пропаганды их идей большую роль сыграли журналы.

В 20-е годы наряду с центральными историческими журналами стали издаваться журналы местных краеведческих организаций²⁷. С 1923 по 1925 г. такой журнал выходил в Рязани²⁸. Тираж его не превышал тысячи экземпляров. В нем публиковались небольшие исследовательские статьи, сообщения, доклады, прочитанные на заседаниях Общества; имелся библиографический отдел; печатались такие материалы, как хроника изучения края, отчеты Общества, сведения о работе республиканских краеведческих органов и их решения. Журнал постоянно ориентировал читателя на то, что краеведы не только изучают край, они служат краю, стремятся «перенести науку из кабинетов ученых в тысячи народных лабораторий»²⁹, ставил задачи изучения проблем современности, организации комплексных экспедиций, охраны памятников культуры. На страницах журнала выступали такие видные ученые, как историк и источниковед Н. Г. Бережков, археологи В. А. Городцов, П. П. Ефименко, этнограф Б. А. Куфтин.

Однако с задачей ежемесячной публикации материала высоко научного уровня журнал не справился и был закрыт. Хроника деятельности Общества и информационный материал публиковались в ежегодных отчетах Общества, а наиболее значительные исследования — в «Трудах Общества исследователей Рязанского края».

Главной формой участия Общества в изучении края были планирование и организация исследований отдельных проблем. Результаты исследований заслушивались на общих собраниях Общества и его секциях. За период с 1920 по 1930 г. Общество обсудило 460 докладов и сообщений³⁰. Наиболее ценные работы членов Общества рекомендовались к печати. Общество выпустило 49 сборников своих трудов, 27 из них посвящено вопросам социальной и экономической истории, этнографии, археологии, библиографии, культурной жизни края³¹.

Работу советских краеведов отличал глубокий интерес к вопросам изучения революционного движения, современной жизни.

На первом заседании Общества исследователей Рязанского края принимается решение вести летопись наиболее выдающихся современных событий губернии³².

Общество обратилось с просьбой написать воспоминания к целому ряду революционеров-подпольщиков, участникам трех революций, гражданской войны, а ныне активным строителям новой жизни, в том числе к бывшему председателю военно-революционного комитета, взявшего в ноябре 1917 г. в свои руки власть в Рязани, делегату VIII съезда партии, члену губкома А. С. Сыромятникову, активному работнику Рязанского Совета рабочих депутатов, организатору профсоюзов в губернии, первому председателю губернского Совета профсоюзов; делегату X съезда РКП(б) С. А. Колесникову, первому губернскому комиссару просвещения М. И. Воронкову и др. В первый составленный Обществом список активных участников революционных событий, гражданской войны вошло шестьдесят человек³³.

К сбору воспоминаний Общество старалось привлечь как можно больше непосредственных участников событий. В рязанской газете «Известия» было помещено обращение: «Общество исследователей Рязанского края при институте народного образования приступило к собиранию материалов по истории общественного и революционного движения в Рязанской губернии и обращается ко всем участникам и свидетелям движения среди рабочих и крестьянских масс, участникам и свидетелям революции 1905 и 1917 гг. с просьбой написать свои воспоминания и весь материал передать в общество»³⁴.

Особое внимание было обращено на сбор материалов о деятельности первых Советов. Для восстановления истории Совета Солдатских депутатов, о котором не осталось письменных свидетельств, были привлечены члены Совета³⁵.

На собраниях Общества выступили с воспоминаниями участники революционных событий.

В этот период начинается сбор материала о рязанцах-декабристах, деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина, уроженцах края — народниках И. П. Каляеве и Н. С. Климовой. Вышли первые статьи о рабочем и крестьянском движении³⁶. В статье В. Сушицкого дан материал о первом марксистском кружке в г. Скопине, участии в его работе С. Г. Струмилина³⁷. Началась работа по изучению профессионального движения в губернии.

Общество собирает воспоминания о событиях 1905—1907 гг. Ряд лет над историей первой русской революции работал И. И. Проходцов. К юбилею революции Общество ставит вопрос об издании его труда объемом более шестисот страниц³⁸. Часть его работы была опубликована в сборнике «1905 год в Рязанской губернии». В приложении к изданию были опубликованы собранные И. И. Проходцовым листовки и прокламации, а также воспоминания М. Шабулина, С. Мицкевича, Г. Левиана и других о социал-демократическом подполье, профдвижении, волнениях в частях Рязанского гарнизона³⁹. Рассматривая Рязанскую губер-

нию в период первой русской революции, И. И. Проходцов осветил положение рабочих и крестьян, распространение среди них революционных настроений, движение среди учащейся молодежи, интеллигенции, выступление Болховского полка, расквартированного в Рязани, показал лавирование правительства, действия черной сотни, выборы в Государственную думу. В центре внимания были революционные выступления в октябре 1905 г.

К 10-летию Советской власти выходит в свет большое число публикаций о революционном движении, истории партийной организации, опыте социалистического строительства, деятельности Советов и общественных организаций в органе Рязанского губкома ВКП(б) «Коммунист», журналах «Наш опыт», «Наше хозяйство», губернских газетах «Рабочий клич», «Деревенская газета», «Путь молодежи».

Сбор и хранение материалов по истории РКП(б) и Октябрьской революции проводило губернское бюро Истпарта. В 1923 г. был издан первый сборник воспоминаний «Красная быль», в 1927 г.— сборник «10 лет Советов в Рязанской губернии».

Ценность работы исследователей края по изучению революционного движения заключается в том, что в эти годы были собраны и сохранены значительные документальные материалы, воспоминания участников событий, вышли первые публикации о революционном движении в крае.

Тема рабочего движения в России является одним из основных предметов исследования советских историков. Для всестороннего изучения этой важнейшей темы требовался конкретный материал по социально-экономической истории.

Краеведы начали изучение архивов мануфактур и фабрик, собирали конкретный материал о положении рабочих, развитии промышленности, переплетении феодальных и буржуазных отношений. Несмотря на неодинаковый методический уровень, фрагментарность этих работ, в них был собран важный и полезный для науки материал по истории труда и трудящихся, добыты сведения о формировании кадров рабочих, условиях работы, длительности рабочего дня, заработках, влиянии механизации на процесс производства и т. д.⁴⁰

Актуальной для Центральной России была разработка темы о промыслах. В 1926—1928 гг. в Рязанской губернии на промыслы уходило 15% населения⁴¹.

В 1927—1928 гг. Общество организует описание экономики и быта 15 рязанских колхозов, в том числе двух колхозов, объединяющих отходников⁴².

В числе проблем, волновавших историков в 20-е годы, были вопросы социально-экономического строя, классовой борьбы, революционного движения XIX в. Для изучения этих проблем рязанские исследователи имели хорошо сохранившиеся архивные фонды. Благодаря концентрации архивного материала в первые годы Советской власти фонды архива насчитывали 8 миллионов дел. Доступ ко многим материалам, ранее оберегаемым прежними

владеющими и губернскими властями, стал возможным только после революции.

Среди изданий Общества выделяются работы, написанные на материалах вотчинных архивов. Примером таких работ служат книги рязанского краеведа А. З. Селиванова, в которых содержатся интересные материалы о трех дворянских семействах в дореформенное и пореформенное время, хозяйственном упадке дворянских поместий, самодурстве, издевательствах над крестьянами помещиков Еeketовых, Дубовицких, земли которых впоследствии перешли к министру-реакционеру Д. А. Толстому. З. А. Селиванов исследовал организацию и хозяйственный строй его пореформенного имения⁴³.

Характеристика личности и деятельности министра просвещения, обер-прокурора Синода становится более законченной при изучении его хозяйственной деятельности в рязанских владениях, тем более что в 60-е годы XIX в. эти две линии в деятельности Д. А. Толстого тесно переплетаются. Пользуясь темнотой своих крестьян, министр просвещения при проведении реформы в селе Вакино попытался отобрать у них 440 га земли. За интересы крестьян вступились мировой посредник Д. С. Ржевский и его единомышленник известный либерал А. М. Унковский. Материал о грабительских акциях Д. А. Толстого был опубликован в «Отечественных записках». Однако, используя свое положение в правительстве, Толстой оказывает давление на уголовную палату, которая рассматривала дело. В результате журнал «Отечественные записки» был закрыт, а продажный суд поддержал действия министра-помещика⁴⁴.

Изучая рязанские архивы, Д. Д. Солодовников черпает из них обвинительный материал против «дикого» барства XVIII—XIX вв. На основе архивных и литературных источников он описал нравы, царившие вокруг другой рязанской «знаменитости» — предводителя дворянства генерала Л. Д. Измайлова, чье имя пригвоздил к позорному столбу еще А. С. Грибоедов. Строки «на них он выменял борзые три собаки» отражали действительный факт обмена крепостных крестьян на породистых щенят⁴⁵.

Работа М. В. Васильченко дополняет картину феодального землевладения⁴⁶. В ней дан значительный статистический материал о Рязанской епархии, жизни московского подворья рязанских архиереев и крупных монастырских владений, на землях которых проживало 20% крепостного населения страны⁴⁷.

На фоне анализа крепостных отношений, оброчных и барщинных повинностей крестьян, их расслоения делается попытка проанализировать крестьянские выступления. Так, на архивных материалах канцелярии губернатора, уголовной палаты, дворянского депутатского собрания М. С. Кармин в небольшой по объему работе рассмотрел крестьянское движение в 50-х годах XIX в., обратив особое внимание на формы протеста. В работе приводятся данные о массовых побегах крестьян (1854—1858 гг.), покушениях на жизнь помещиков. Отмечались случаи наказания роз-

гами помещиков их же крестьянами, что дало повод горькому признанию одного крепостника: «В эти годы для помещика быть избитым стало избитым фактом»⁴⁸. Интересны наблюдения об уменьшении крестьянских самоубийств как одной из форм протеста, тем более что закон карал крепостного в случае неудачной попытки самоубийства, как за покушение на помещичью собственность. Отмечается рост жалоб крестьян. Автор показал, что этот «бунт на коленах» требовал, однако, известного личного мужества. Даже в 1858 г. вторичная жалоба крестьян на помещика наказывалась полицией. В работе нашли отражение наиболее яркие крестьянские выступления: упорная борьба крестьян села Стрешнево Данковского уезда в 1847—1848 гг., закончившаяся кровавой расправой, бунт на Мурманской мануфактуре, для подавления которого прибыли губернатор и 250 солдат⁴⁹.

Таким образом, в 20-е годы расширилась тематика исследований, происходит накопление научных знаний о развитии хозяйства губернии, истории крестьян и рабочих. Отрицательной чертой этих работ была все еще слабая методологическая подготовка исследователей, фрагментарность и мелкотемье. Исследователи часто не могли дать первым планом наиболее существенные стороны социально-экономического и политического развития. Однако они сумели собрать конкретный, порой редкий, материал о положении крестьян и рабочих, типичных хозяйственных явлениях, которые интересуют историков и сегодня.

Исследователи Рязанского края обращались и к традиционным сюжетам «седой старины», археологии и этнографии, истории Рязанского княжества и позднего средневековья. В изучении этих проблем мы находим новый подход и новые мотивы для исторического исследования: «Рождающиеся в наше бурное время новые формы государственной и хозяйственной жизни страны,— говорилось в одном из обращений Рязанского общества,— неизбежно вытесняют остатки тех своеобразных особенностей бытовой обстановки крестьянского населения нашей губернии, которые слагались в давно прошедшие времена, много столетий и даже тысячелетий назад. Они родились в среде дохристианского, примитивного языческого быта, близкого к природе, более свежего, восприимчивого эстетической художественной стороне существования, открытого влияния болгар, арабов, византийцев, чем объясняется высокая историческая, а зачастую и художественная ценность старых типов одежды, построек, утвари»⁵⁰.

Авторам обращения нельзя отказать ни в широте взглядов на историю окского узла цивилизации, ни в остром чувстве стремительных изменений, происходивших в стране победившей революции.

Истории Рязанского княжества, событиям XVI—XVIII вв. посвящен ряд работ Д. Д. Солодовникова. Сюжетами его статей, рукописей, докладов, экскурсий, выступлений были ранние периоды истории Рязанского княжества, взаимоотношения рязанских феодалов, городов Пронска и Переяславля. Но наибольший инте-

рес представляет его исследование, посвященное XVII в., до сих пор еще слабо изученному в истории Рязанской земли. Значительный интерес для краеведов и сейчас представляет его популярная книга о Переяславле-Рязанском⁵¹. Ее первые главы о Рязанском княжестве не выходят за рамки фактического исследования, свойственного историкам XIX в., в том числе Д. И. Иловайскому⁵². Переяславль-Рязанский показан как укрепленный пункт на Засечной черте, где некогда служил воеводой князь Дмитрий Пожарский.

Самой ценной частью книги является топография Переяславля, описания рязанских торгов, сохранившихся архитектурных памятников. В качестве источников автором были использованы летописи, памятники древнерусской, житийной литературы, писцовые, платежные, воеводские, описные книги. Заключительная часть монографии посвящена отдельным моментам культурной жизни Рязани, открытию первых учебных заведений, упоминаются писатели, художники, путешественники, архитекторы, чьи имена были связаны с Рязанью. Книга была закончена автором в 1918 г. В ней отсутствуют моменты монархического охранительства и церковного влияния, свойственные разработкам подобных сюжетов дореволюционной официальной историографии. В 30-е годы Солодовников обратился к анализу социального состава населения средневекового города Переяславля-Рязанского, по сохранившимся писцовым книгам была составлена карта города XVII в. К сожалению, автор не успел завершить начатую работу.

Для ранней истории Рязанской земли особенно значительная роль этнографических и археологических источников. Это связано с тем, что в общерусских летописных сводах сохранились лишь фрагменты рязанских хроник. Однако рязанские клады ювелирных шедевров, глубоко патристические и высокохудожественные воинские повести о борьбе с Мамаем, о мужестве рязанского богатыря Евпатия Коловрата, лучшая поэма о Куликовской битве рязанца Сафония говорили о высоком уровне развития домонгольской культуры, свидетельствовали о перспективности широких этнографических и археологических изысканий. Все это предопределило интерес Общества исследователей края к народным традициям, фольклору, народным промыслам. Члены общества стремились сберечь все проявления подлинно народного творчества. К этой работе привлекалось население губернии. Общество выпускало обращения, анкеты для сбора этнографических сведений о жилищах, крестьянской одежде, обычаях и т. д.

В двадцатые годы Общество исследователей края совместно с центральными музеями страны начало планомерное этнографическое изучение Рязанской губернии. Активную роль в этом играл талантливый этнограф, впоследствии академик Грузинской ССР и лауреат Государственной премии Б. А. Куфтин. Он изучил курганные погребения вятичей, обследовал районы Мещерской низменности и бассейна Оки, составил инструкцию «О методах изучения крестьянского жилища Рязанской губернии»⁵³. В «Тру-

дах Общества исследователей Рязанского края» была опубликована его статья «Льяловская культура на реке Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы»⁵⁴. В 1926 г. выходит его труд «Материальная культура русской Мещеры» и ряд статей⁵⁵.

Многие десятилетия посвятила исследованию истоков народной культуры, обычаев и традиций Н. И. Лебедева. В экспедициях она прошла более 5 тыс. километров, собрала богатейший материал по крестьянскому жилищу и одежде, составила десятки топографических планов рязанских сел⁵⁶. Сохранила свое научное значение ее книга «Народный быт в верховьях Оки»⁵⁷. Многолетние изыскания автора по русской крестьянской одежде вошли в историко-этнографический атлас «Русские»⁵⁸.

Плодотворно работала в области этнографии М. Д. Малинина⁵⁹. В результате экспедиций по изучению различных этнических групп в Рязани сформировался ценный этнографический фонд, насчитывающий более двух тысяч предметов, зарисовок, фотографий, сложился богатый научный архив музея⁶⁰. Была заложена основа коллекции женской одежды, художественной вышивки и рязанских кружев. Их узоры сегодня находят свое возрождение в творчестве народных мастеров.

Работа по сохранению и изучению археологических памятников в первые годы Советской власти привела ученых к выводу о необходимости ее планирования. Впервые в нашей стране был намечен план государственных раскопок, масштаб которых возрастал год от года. В 1921 г. было организовано 45 раскопок, в 1922 — 5, в 1923 — 124. В 1924 г. раскопки проводились уже в 34 губерниях⁶¹. В этой работе активно участвовали местные общества исследователей, они выявляли, регистрировали археологические памятники, организовывали экспедиции, участвовали в археологических раскопках, проводимых центральными научными учреждениями страны.

На Рязанской земле началась научная биография крупнейшего советского археолога В. А. Городцова, им составлены археологические карты Рязанского и Касимовского уездов, разработана методика составления областных карт. В. А. Городцов сыграл крупную роль в становлении советской археологии, впервые выступил с предложением о создании единого плана археологических исследований в стране.

В 1926 г. В. А. Городцов руководил раскопками в Старой Рязани, которые показали исключительную перспективность изучения территории некогда столичного города. Удалось обнаружить 40 жилищ домонгольского периода, зарисовать и сделать их обмеры, составить представление о направлении улиц, собрать богатый бытовой инвентарь. Исследователям удалось выявить различные стороны экономической жизни, собрать материал по сельскому хозяйству, кустарным промыслам, кузнечному, гончарному, кирпичному производству, военному делу и т. п. В. А. Городцов

на основе археологических материалов впервые стал изучать жизнь, деятельность и быт простого труженика древней Рязани⁶², опубликовал ряд работ по археологии Рязанского края⁶³.

Результаты раскопок в Старой Рязани были опубликованы участником экспедиции А. А. Мансуровым в 1941 г. Хотя раскопки 1926 г. имели предварительный характер, они были, по существу, первыми широко и научно поставленными археологическими работами и дали многообещающие материалы⁶⁴. Выводы первых исследователей были блестяще подтверждены Рязанской экспедицией Института археологии Академии наук СССР, раскопками областного краеведческого музея и Рязанского педагогического института, трудами А. Л. Монгайта и В. П. Даркевича, В. П. Фролова⁶⁵.

Коллекции, собранные под руководством В. А. Городцова, и сейчас являются гордостью Рязанского краеведческого музея-заповедника.

В рядах общества исследователей Рязанского края активно работал ученый, краевед, педагог, впоследствии профессор, автор учебников и пособий по краеведению Н. П. Милонов⁶⁶. В 20-е годы он вел археологические раскопки славянских курганов на реке Проне и Верде, в окрестностях городов Скопина и Пронска⁶⁷. Совместно с В. А. Городцовым им впервые был вскрыт культурный слой XII—XIV вв. на территории Рязанского кремля.

Одной из важных работ Общества исследователей Рязанского края было обследование и описание выдающегося памятника эпохи возникновения централизованного государства — Вожской засечной черты. Это наиболее древняя часть шестисотверстных оборонительных сооружений, протянувшихся от Переяславля на Оке до Брянских лесов. Вывод о необходимости восстановления крупнейшего археологического памятника, использования при этом землемерных и межевых карт XVIII—XIX вв. и сегодня представляется реальным⁶⁸.

Археологические и этнографические работы, проведенные в 20-е годы в Рязанской области, дали богатый материал о Русской земле в домонгольское время, они помогли правильно оценить последствия монгольско-татарского нашествия, проследить процессы, которые привели к образованию единого Русского государства, развитию национальной культуры.

Рязанское общество исследователей было инициатором составления научной библиографии края. Замечательным организатором этой работы был А. А. Мансуров. За пять лет библиографическая комиссия под его руководством подготовила тридцать библиографических выпусков, из которых семнадцать опубликованы. Составленная им библиография охватила литературу о Рязанском крае за период с 1838 по 1917 г.⁶⁹ Издаются библиографические выпуски рязанских изданий музеев и краеведческих организаций советского времени (1917—1930 гг.), указатель краеведческой литературы для трудовой школы⁷⁰.

А. А. Мансуров был подлинным организатором коллективной научно-исследовательской работы. Он сумел вовлечь в библиографическую работу различных специалистов, которые подготовили и издали библиографические указатели по здравоохранению, организации промышленности, палеонтологии, зоологии. Краевая рязанская библиография по своей полноте не имела себе равных.

Интерес к библиографии сочетался у Мансурова с активной исследовательской работой. Принимая участие в археологических раскопках и этнографических экспедициях совместно с В. А. Гордцовым, Б. А. Куфтиным, О. И. Бадером, занимаясь составлением археологической карты губернии, он предпринял описание научного архива общества. Описание 500 рукописей было издано в пяти выпусках⁷¹.

Большая работа была проведена Обществом по сбору и изучению материалов для составления библиографических хроник известных русских и советских деятелей Рязанского края. Значение этой работы для изучения края хорошо выразил в одной из своих статей А. А. Мансуров: «Надо знать не только то, что когда-то и кем-то сказано о крае, но надо знать и тех, кто сказал и кто, собственно, строил этот край. Что делалось в крае, делалось его людьми. Изучение местной культуры без изучения людей мертво и неполно»⁷².

В план комиссии Общества, занимавшейся этой работой, входило изучение всех известных имен рязанцев до XVIII в., что было крайне необходимо для датировки и характеристики периодов рязанской истории в качестве дополнительных документальных материалов. Основное внимание уделялось деятелям революционно-демократического направления, участникам установления Советской власти, социалистического строительства. В 1928 г. в картотеке уроженцев и деятелей Рязанского края было уже более 600 имен⁷³.

С деятельностью Общества исследователей связаны первые шаги советского литературного краеведения. В изданиях Общества публиковались библиографические сборники, документы о жизни и творчестве С. А. Есенина, П. А. Оленина-Волгаря, Я. П. Полонского, Н. И. Надеждина, Н. Д. Хвоцинской⁷⁴. Особое внимание уделялось представителям демократического направления в русской литературе. Не случайно исследователи края обратились к имени разностороннего и богато одаренного драматурга, прозаика, поэта, публициста П. А. Оленина-Волгаря. Их внимание привлек период его жизни в Касимове, отношение к нему и его творчеству Л. Н. Толстого, который тепло отзывался о рассказах Волгаря, поддержал его идею издания в Касимове журнала «Ока»⁷⁵. Большой интерес представляет публикация И. И. Проходцова о последних днях Л. Н. Толстого в Астапове. Опубликованные документы ярко характеризуют отношение к великому писателю светских и духовных властей. Предисловие к сборнику написал А. В. Луначарский: «Смерть мирового гения, бывшего при всей шаткости и раздвоенности своей революцион-

ной позиции открытым врагом государства и церкви, привела в величайшее замешательство всю клику мундироносных и рясофорных вельможей... Документы характеризуют дальнейшую картину этой нелепой правительственной свистопляски. Особенно характерна в этом отношении переписка рязанского губернатора Оболенского... Всполюшились решительно все власти, начиная от директора департамента полиции наверху и исправника — внизу. Все они готовились быть во всеоружии на случай противоправительственных или противорелигиозных демонстраций. Припасены были отряды конной и пешей полиции, которые могли бы оказать отпор толпе»⁷⁶.

Изучение деятельности Общества исследователей Рязанского края показывает, что историки-краеведы в 20-е годы подняли значительный пласт в изучении местной истории.

Изучение одного из центральных районов страны — Рязанского края — имело важное значение. История Рязанской земли связана с проблемами ранней истории славян, складывания русской государственности, борьбы русского народа с иноземными захватчиками. Рязанский край был районом классовых выступлений крестьян в XVII—XVIII вв. По рязанским материалам XIX в. В. И. Ленин проследил многие особенности развития капитализма в России. Имена крупных деятелей просветительского, революционно-демократического движения — Н. И. Новикова, М. С. Лунина, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина — связаны с Рязанью. Рязань в числе первых 28 городов России установила Советскую власть. Рязанская губерния в составе Центрально-промышленного района сыграла большую роль в гражданской войне и в восстановлении народного хозяйства.

Областная история занимает важное место в накоплении фактов, осмысливании всей их совокупности, столь необходимой для создания схем многовековой истории России, на основе марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Дореволюционные историки, опубликовавшие немало работ по истории края и накопившие значительный фактический материал, не шли дальше либеральных оценок общественного движения, не уделяли должного внимания экономике, социальной истории края, революционному движению.

Первые шаги в этом направлении в 20-е годы сделало Общество исследователей Рязанского края. На основе марксистско-ленинских положений о социально-экономическом и политическом развитии общества члены Общества приступили к широкому сбору материалов и изучению революционного и освободительного движения, расширили тематику краеведческого поиска, осветили исторические события и социальные явления XIX в., использовали этнографические и археологические материалы; обратились к изучению экономических вопросов, истории отдельных заводов, мануфактур, промыслов, начали изучать колхозное движение, накопили и сделали первые попытки обобщить материалы края по крестьянскому движению.

Общество исследователей Рязанского края вело большую просветительскую работу, оказывало всестороннюю помощь самообразованию рабочих и крестьян. Работа Общества, соединяясь с исследовательской деятельностью специальных научных учреждений и непосредственным участием в хозяйственном и культурном преобразовании края, являлась одной из важных форм вовлечения трудящихся в социалистическое строительство.

- 1 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 8, с. 352.
- 2 Изв. Центр. бюро краеведения, 1927, № 7, с. 266; Центральный государственный архив (далее: ЦГА) РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 133, л. 1—33.
- 3 Изв. Центр. бюро краеведения, 1927, № 10, с. 346.
- 4 *Тодорский А. И.* Год с винтовкой и плугом. М., 1958.
- 5 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 407.
- 6 *Крупская Н. К.* Краеведение и библиотека.— Пед. соч. М., 1968, т. 8, с. 144—159; *Она же.* Краеведение и народное просвещение.— Там же, с. 198—203; *Она же.* О краеведческих музеях.— Там же, с. 600—609; и др.
- 7 *Луначарский А. В.* Речь на открытии Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края 12 декабря 1921 г.— Дневник Всероссийской конференции обществ по изучению местного края 10—20 декабря 1921 г., 1921, № 3, с. 33—35; *Нокровский М. Н.* Речь на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края.— Там же, 1921—1922, № 1—5 и др.; *Он же.* К преподаванию обществоведения в наших школах.— На путях к новой школе, 1926, № 11, с. 44; *Калинин М. И.* О воспитании и обучении. М., 1957; *Петров Ф. Н.* 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1962; и др.
- 8 Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик: Сб. док., 1933—1937 гг. М., 1962, т. 4, с. 105.
- 9 О состоянии и задачах научно-исследовательских учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР.— СУ РСФСР, 1927, 10 февр., № 9, с. 68; Обращение Наркомпроса к председателям исполкомов о содействии краеведческой работе.— Изв. Центр. бюро краеведения, 1927, № 9, с. 397—398; Всем работникам отделов народного образования.— Изв. Центр. бюро краеведения, 1928, № 6, с. 23; Циркулярное письмо главнауки, Центрального бюро краеведения и ЦК ВЛКСМ об участии молодежи в краеведении: Всем правлениям краеведческих организаций, всем организациям ВЛКСМ.— Изв. Центр. бюро краеведения, 1927, № 5, с. 145—146; и др.
- 10 Известия Центрального бюро краеведения, 1927, № 10, с. 355.
- 11 ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 133, л. 8—9.
- 12 *Кабанов П. И., Ушаков А. В.* О советском историческом краеведении.— История СССР, 1963, № 3; *Юньев И. С.* Беседы о краеведении. М., 1966; *Разгон А. М.* Пути советского краеведения.— История СССР, 1967, № 4; *Милонов Н. П., Кононов Ю. Ф., Разгон А. М., Черноморский М. Н., Заводье А. С.* Историческое краеведение: (Основные источники изучения родного края). Пособие для студентов педвузов. М., 1969; *Милонов Н. П., Ашурков В. Н.* и др. Историческое краеведение. М., 1975; и др.
- 13 *Борина Е. Н.* Из истории деятельности Центрального бюро краеведения.— Тр. Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, 1967, т. 8; *Шмидт С. О.* Работа М. Н. Тихомирова в 1920 годы по изучению истории Московского края.— В кн.: Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974; *Бадер О. Н., Вагнер Ф. К., Кригер Н. П.* Роль А. А. Мансурова в изучении Рязанского края.— В кн.: Археология рязанской земли. М., 1974; и др.

- ¹⁴ *Филимонов С. Б.* Источники по истории исторического краеведения РСФСР 1917—1929 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- ¹⁵ Государственный архив Рязанской области (далее: ГАРО), ф. Р-903, оп. 1, д. 1а, л. 2—3; ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 32, л. 257.
- ¹⁶ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 11, л. 26.
- ¹⁷ Науч. архив Рязан. краевед. музея, д. 2054.
- ¹⁸ Вестник рязанских краеведов. 1923, № 1.
- ¹⁹ Там же, 1925, № 1.
- ²⁰ Там же, 1924, № 3, 4.
- ²¹ Археология рязанской земли. с. 328—331.
- ²² ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 11, л. 20; ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 32, л. 258.
- ²³ Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1926 год. Рязань, 1927; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1927 год. Рязань, 1928; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1928 год. Рязань, 1929; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1929 год. Рязань, 1930.
- ²⁴ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 766; Краевед-массовик, 1930, № 3.
- ²⁵ Гиблицкий музей местного края: Путеводитель. Рязань, 1928.
- ²⁶ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 1а, л. 16.
- ²⁷ Северный край, Вологда, 1924; Тр. Владим. науч. о-ва, 1924; Воронеж. ист.-археол. вестн., 1924; Тр. Костром. науч. о-ва, 1922; Летопись краеведения. Тверь, 1922; Тр. Вят. гос. музея, 1927; и др.
- ²⁸ Вестник Рязанских краеведов. 1923—1925. № 1—8.
- ²⁹ Там же, 1924, № 3, с. 1.
- ³⁰ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 96а.
- ³¹ Труды Общества исследователей Рязанского края, 1922—1931. вып. 1—41; Труды Рязанского бюро краеведения, 1931—1933. вып. 42(1)—49(8).
- ³² ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 1а, л. 27.
- ³³ Там же, л. 27—28.
- ³⁴ Известия, Рязань, 1921, 3 фев.
- ³⁵ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 1а, л. 28.
- ³⁶ *Дорогунин Н.* Рабочие волнения на Побединских рудниках.— Вестник рязан. краеведов, 1925. № 2. с. 18—23; *Заокский Т.* Аграрное движение в Рязанской губернии.— Рабочий клич, 1929, 30 окт.
- ³⁷ Вестник рязанских краеведов. 1923, № 1.
- ³⁸ ГАРО, ф. Р-903, оп. 1, д. 25, л. 53, 56—57.
- ³⁹ 1905 год в Рязанской губернии. Рязань, 1925, с. 35—137.
- ⁴⁰ *Федоров А. Ф.* К истории Кирицкой зеркальной фабрики.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края. 1930, вып. 25.
- ⁴¹ *Селиванов А. З.* Экономика крестьянских промысловых занятий в Рязанской губернии и их социальная природа.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края. 1930, вып. 27.
- ⁴² Отчет Общества исследователей Рязанского края за 1929 год. с. 9.
- ⁴³ *Селиванов А. З.* Организация и хозяйственный строй пореформенного имения помещика Рязанской губернии.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1928. вып. 16.
- ⁴⁴ *Селиванов А. З.* Очерки социального быта Рязанского края: По архивам рязанских помещиков Бекетовых, А. Д. Толстого и Дубовицких.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1930. вып. 38.
- ⁴⁵ *Солодовников Д. Д.* Из жизни русского барства начала XIX в.— Вестник рязан. краеведов, 1924, № 3; *Он же.* Рязанские помещики XVIII века.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1929, вып. 20.
- ⁴⁶ *Васильченко М. В.* Архипереп-помещики: (Рязанский архиерейский дом и кафедральный собор). Рязань, 1931.
- ⁴⁷ *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне в XVIII в. Центральной России. М., 1977, с. 3.
- ⁴⁸ *Кармин М. С.* Крестьянское движение 50-х годов XIX века.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1929, вып. 24, с. 29.
- ⁴⁹ Там же, с. 24—32.
- ⁵⁰ Анкета: Одежда крестьянского населения Рязанской губернии. Рязань, 1925. Вып. 2.
- ⁵¹ *Солодовников Д. Д.* Переяславль-Рязанский: Прошлое Рязани в памятниках старины.— Тр. О-ва ис-

- следователей Рязанского края, 1922, вып. 1.
- ⁵² *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858.
- ⁵³ *Куфтин Б. А.* О методах изучения крестьянского жилища Рязанской губ.— В кн.: Краеведение в школе. Рязань, 1926, с. 216—221.
- ⁵⁴ *Куфтин Б. А.* Льяловская культура на реке Клязьме...— В кн.: К материалам по археологии Рязанского края. Рязань, 1925. (Тр. Об-ва исследователей Рязанского края; Вып. 5).
- ⁵⁵ *Материальная культура русской Мещеры.* М., 1926. Ч. 1. Женская одежда; Новая культура бронзовой поры в бассейне реки Оки на озере Подборном близ города Касимова Рязанской губернии.— В кн.: Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М., 1927.
- ⁵⁶ *Лебедева Н. И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1929, вып. 18.
- ⁵⁷ *Лебедева Н. И.* Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1929.
- ⁵⁸ Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 193—268.
- ⁵⁹ *Малинина М. Д.* Очерки рязанской Мещеры.— Вестник рязан. краеведов, 1925, № 3.
- ⁶⁰ *Мансуров А. А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928—1933. Вып. 1—5.
- ⁶¹ Первая почетная выставка главной науки Наркомпроса. М., 1925, с. 24.
- ⁶² Известия Центрального бюро краеведения, 1926, № 7, с. 233.
- ⁶³ *Городцов В. А.* К материалам по археологии Рязанского края.— Тр. исследователей Рязанского края, 1925, вып. 5; *Он же.* Топологический метод в археологии. Рязань, 1927; *Он же.* Древние рязанские монеты.— Вестник рязан. краеведов, 1925, № 1.
- ⁶⁴ *Мансуров А. А.* Древнерусские жилища по данным археологических раскопок в Старой Рязани.— Ист. зап., 1941, № 12, с. 61—95.
- ⁶⁵ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955; *Он же.* Рязанская земля. М., 1961; *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 19—72; *Даркевич В. П., Фролов В. П., Финогенова Е. В.* Раскопки в Старой Рязани.— В кн.: Археологические открытия. 1977. М., 1978; и др.
- ⁶⁶ *Милонов Н. П.* К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949; *Он же.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950; *Милонов Н. П., Ашурков В. Н., Матюшин Г. Н., Кацюба Д. В.* Историческое краеведение. М., 1975; и др.
- ⁶⁷ *Милонов Н. П.* Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1928, вып. XII; *Он же.* Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.
- ⁶⁸ Вестник рязанских краеведов, 1925, № 1.
- ⁶⁹ Библиография Рязанского края.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1930, вып. 31.
- ⁷⁰ *Мансуров А. А.* Библиография рязанской печати.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1931, вып. 1; *Он же.* Краткий библиографический указатель по Рязанскому краю применительно к нуждам трудовой школы. Рязань, 1925.
- ⁷¹ *Мансуров А. А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928—1933, вып. 1—5.
- ⁷² Краеведение, 1928, № 1, с. 17—26.
- ⁷³ Известия Центрального бюро краеведения, 1928, № 3, с. 18.
- ⁷⁴ *Мордовченко Н.* К библиографии С. А. Есенина.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1927, вып. 8; *Солодовников Д. Д.* Из школьных лет Я. П. Полонского.— Вестник рязан. краеведов, 1924, № 4.
- ⁷⁵ Материалы к характеристике рязанских уроженцев.— Тр. О-ва исследователей Рязанского края, 1927, вып. 7.
- ⁷⁶ Л. Н. Толстой в Астапове и царская власть. Рязань, 1929. (Изд. ГУБОНО и О-ва исследователей Рязанского края; Вып. 19).

**ХАРЬКОВСКОЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(1877—1919 гг.)**

В. З. Фрадкин

Появление в XIX ст. официальных и полуофициальных научных обществ, занимавшихся наряду с правительственными учреждениями проблемами изучения отечественной истории,— достаточно известный факт, отмеченный в нашей специальной литературе¹. Их создание и численный рост в пореформенный период связываются с ростом национального самосознания, с крупными изменениями в социально-экономической жизни страны. Но в чем конкретно выражалась эта связь, как преломлялся рост национального самосознания в научно-организационных формах их деятельности, в выборе и трактовке изучаемых явлений — вопросы, требующие обобщающих исследований, возможных лишь при наличии определенной историографической базы. Поэтому изучение и всестороннее освещение истории отдельных обществ весьма актуально, тем более если их деятельность выходила далеко за местные, краевые, национальные рамки и приобретала нередко всероссийскую и даже европейскую известность. К числу последних следует отнести и Харьковское историко-филологическое общество, возникшее при Харьковском университете в 1877 г.

Дооктябрьская историография ХИФО и его учреждений эпизодична, носит описательный характер и хронологически исчерпывается первыми двадцатью пятью годами его существования². Исключение составляют опубликованные позднее очерк создания Этнографического музея, помещенный в юбилейном университетском издании³, и относительно большая по размерам, но мало-содержательная в научном отношении статья М. Плевако, пытавшегося определить вклад ХИФО в изучение украиноведения⁴.

В советское время отдельные наиболее яркие моменты в истории Общества не раз привлекали внимание отечественных историков, этнографов и фольклористов⁵. Предметом специального исследования стала фольклорно-этнографическая деятельность ХИФО⁶, но до сих пор нет даже краткого общего очерка его более чем 40-летней истории. Последнее обстоятельство и определило цель данной работы. Для ее написания использованы документальные материалы, выявленные в архивных хранилищах Харькова, Киева, Ленинграда и касающиеся как Общества в целом, так и отдельных его представителей. Изучению были подвергнуты сохранившийся архив ХИФО (ЦГИА УССР, ф. 2017), и личные фонды его руководителей. Эти и другие материалы вместе с опубликованными в различных харьковских изданиях отчетами о работе общества позволяют воссоздать его историю и тем

самым в какой-то мере восполнить пробел в историографии вопроса о деятельности научных обществ на Украине во второй половине XIX — начале XX ст.

Учреждение историко-филологического общества при Харьковском университете было обусловлено наличием большого числа ученых гуманитарного направления, чьи научные и общественные интересы искали выхода из тесных университетских аудиторий. С другой стороны, объясняя причину возникновения ХИФО, будущий его председатель Н. Ф. Сумцов, вполне обоснованно писал, что основание Общества совпало по времени с «оживлением провинциальной историографии, с тем стремлением к изучению русской старины и народности, которое обнаружилось как продукт происходившего в самом обществе стремления к развитию самосознания на почве изучения отечественной истории»⁷. Идея создания ХИФО возникла в 1873 г. и принадлежала известному филологу А. И. Кирпичникову и историку М. С. Дринову, в то время еще молодым ученым, приехавшим преподавать в Харьковский университет после защиты магистерских диссертаций⁸. Их инициатива⁹ была одобрена деканом историко-филологического факультета, Советом университета, но попечитель учебного округа и вышестоящие власти не торопились с поддержкой этого начинания. Только спустя три года (декабрь 1876 г.) Устав ХИФО был утвержден министром народного просвещения¹⁰. По этому Уставу цель Общества заключалась в содействии посильными трудами, собраниями и изданиями развитию и распространению исторических и филологических знаний. Для достижения поставленной цели ХИФО должно было устраивать публичные и частные заседания, заботиться об охране памятников духовной и материальной культуры, устанавливать контакты с русскими и иностранными обществами и учреждениями. По мере накопления средств Общество планировало согласно § 2 Устава издание ученых трудов в виде отдельных исследований, памятников, монографий, учебников, периодических сборников, в которые должны были войти отчеты о работе ХИФО и рефераты, прочитанные на его заседаниях. Членами Общества могли быть не только преподаватели Харьковского университета, но и известные своими научными трудами лица, независимо от места проживания и национальности, чьи интересы совпадали бы с целями и задачами ХИФО. Прием в Общество осуществлялся закрытой баллотировкой по обязательной рекомендации каждого вступающего двумя членами ХИФО. Ежегодный членский взнос устанавливался в сумме 5 руб.¹¹ Устав этот, регламентировавший деятельность Общества в течение первых двадцати пяти лет, был прост и краток, в нем не было деления участников на почетных, действительных и т. д., почти не было администрации, за исключением председателя и секретаря. Но в дальнейшем, в связи с расширением деятельности Общества и открытием при нем особых учреждений: Исторического архива, Педагогического отдела, Лекционного комитета и библиотек, возникла потребность в изменении

Устава. Новый Устав ХИФО был утвержден в 1901 г.¹² К существовавшему ранее должностным лицам добавились: товарищ председателя, заведующий архивом, казначей, библиотекарь. Для ведения хозяйства, делопроизводства и редактирования трудов Общества создавался специальный Совет, контролируемый ревизионной комиссией. Устанавливалась градация членов ХИФО на почетных, действительных и сотрудников, разрешалось проведение публичных чтений и лекций. Новый Устав, таким образом, закреплял то, что уже было достигнуто Обществом в первые десятилетия его существования и не регламентировалось старыми уставными положениями.

На первом заседании ХИФО, в феврале 1877 года, в присутствии двух десятков членов-учредителей временным председателем был избран декан историко-филологического факультета, профессор всеобщей истории В. К. Надлер, секретарем — М. С. Дринов¹³. В последующие годы председателями ХИФО были А. А. Потебня (с осени 1877 по 1890), М. С. Дринов (1891—1896), Н. Ф. Сумцов (1897—1919); секретарями — филолог Н. А. Андриевский (1878—1880), Н. Ф. Сумцов (1880—1896), профессор истории искусств Е. К. Редин (1896—1908) и с 1908 по 1919 г. — известный впоследствии советский архивный работник Е. М. Иванов. Хотя питательной средой Общества был историко-филологический факультет, в него вошли представители других факультетов¹⁴. За время существования ХИФО его участниками было около 300 человек; почти треть из них проживала за пределами Харькова, в других городах Украины и Южной России. Это были главным образом преподаватели гимназий и училищ, деятели народного образования, статистики, краеведы-любители и т. д., в большинстве своем выходцы из разночинной среды. Наряду с русскими и украинцами в его работе принимали активное участие ученые из других стран. Ирландец Эмилий Диллен, изучавший этническую историю и язык армянского народа¹⁵, болгарин М. С. Дринов — крупнейший авторитет в области южнославянской истории, этнографии и фольклористики; чехи: лингвист-полиглот В. И. Шердль¹⁶, профессора классической филологии И. В. Нетушил и Р. И. Шердль¹⁷, поляки: историк западноевропейской литературы Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич¹⁸, профессор греческой словесности О. И. Пеховский¹⁹, филолог В. Ю. Хорошевский²⁰ и другие ученые, способствовавшие установлению и расширению международных контактов ХИФО.

В отличие от многих научных обществ второй половины XIX в., полноправными членами ХИФО являлись женщины. Рефераты их выступлений нередко публиковались в изданиях Общества²¹. Здесь во всей глубине раскрылся исследовательский талант сельской учительницы Александры Яковлевны Ефименко (Ставровской), единственной женщины дореволюционной России, получившей степень почетного доктора русской истории. Инициаторами присуждения столь высокой научной степени были члены

ХИФО²². В Обществе делали первые шаги на научном поприще Мария Николаевна Салтыкова, осуществившая перевод «Дневника путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Гильденштедта»²³, и талантливая, подававшая большие надежды, но рано умершая от туберкулеза, Елена Павловна Радакова²⁴. Общество делегировало ее вместе с А. Я. Ефименко в состав Подготовительного комитета по проведению XII археологического съезда, и по поручению последнего она проводила этнографические исследования в Харьковской и Екатеринославской губерниях²⁵. Членом ХИФО с 1882 г. являлась Александра Михайловна Калмыкова, педагог, прогрессивная общественная деятельница, принимавшая участие в народническом движении, находившаяся в связи с группой «Освобождение труда», а позднее с руководством Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»²⁶. С открытием в 1892 г. Педагогического отдела число женщин в Обществе значительно возросло (в 90-е годы XIX ст. они составляли четвертую часть отдела.— В. Ф.). С работой отдела связано имя вице-президента Международной лиги образования Христины Даниловны Алчевской, сыгравшей заметную роль в истории развития русской и украинской культуры²⁷.

Характерно также и то, что при необычайно пестром составе ХИФО как по социальной принадлежности, так и по общественно-политическим воззрениям его инициативным ядром всегда выступала довольно многочисленная группа прогрессивно настроенных ученых, связанных общностью судеб, со студенческих лет находившихся под влиянием освободительных идей А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и неоднократно испытывавших в своей жизни разнообразные охранительно-монархические меры воздействия царской охранки, заготовленные ею для всех инакомыслящих. Член Общества (с 1879 г.) Петр Саввич Ефименко, еще будучи студентом получивший кличку «Царедавенко», являлся активным участником Харьковского тайного студенческого кружка (1856—1858)²⁸. В 1861 г. за антиправительственную деятельность в Московском университете он был сослан сначала в Пермскую, а затем в Архангельскую губернию, где пробыл около 10 лет²⁹. Членом Харьковского тайного кружка был и Василий Карлович Надлер, первый председатель ХИФО, вынужденный в ходе следствия на время оставить университет «по домашним обстоятельствам»³⁰. К этому кружку довольно близко примыкали Ф. А. Павловский (член ХИФО с 1879 г.)³¹ и Александр Афанасьевич Потебня, трагическая судьба братьев которого оставила неизгладимый след в его жизни и, как указывали современники, привела выдающегося ученого к преждевременной кончине³². К тому же в 60-е годы XIX ст. сам он подвергался злым нападениям реакционной прессы, преследованиям австро-венгерской полиции (во время научной командировки за границу)³³. Один из учредителей ХИФО, профессор русской истории Н. Я. Аристов, с 1865 г. состоял под негласным надзором

полиции как политически неблагонадежный³⁴, другой — профессор Г. М. Цехановецкий — был обвинен в содействии противоправительственным стремлениям учащейся молодежи, «вредном» влиянии, и уволен из университета в 1884 г.³⁵ Такая же участь постигла и известного историка И. И. Дитятина (член ХИФО с 1880 г.) в 1887 г.³⁶ В студенческие годы побывал в застенках Петропавловской крепости В. Ю. Хоршевский (член ХИФО с 1883 г.)³⁷. За участие в студенческих волнениях Киевского университета был отдан в солдаты С. И. Маслов (член ХИФО с 1912 г.)³⁸. Сочувственно относились к революционному движению Д. Н. Овсяннико-Куликовский (член ХИФО с 1885 г.), издавший в 1872 г. в Женеве брошюру «Записки южнорусского социалиста», и И. П. Сокальский (член ХИФО с 1879 г.), выразивший уверенность в одной из лекций перед студенческой аудиторией, что порядок, основанный на деспотизме угнетения, не вечен и что «придет время, когда святой трон исчезнет»³⁹. К этой группе ученых близки были по своим общественно-политическим взглядам известные земские статистики А. А. Русов⁴⁰ и В. В. Иванов, изгнанный со службы с «волчьим билетом»⁴¹, один из пионеров кооперативного движения в России — Н. П. Баллин⁴², создатель первого рабочего театра на Украине И. М. Хоткевич⁴³, выдающийся украинский поэт и этнограф И. И. Манжура⁴⁴, неутомимый собиратель устно-поэтического народного творчества екатеринославский учитель Я. П. Новицкий⁴⁵, воспитанники Харьковского университета историки Д. И. Эварницкий, Н. Н. Бакай⁴⁶ и др. Неудивительно поэтому, что и сам председатель ХИФО, ординарный профессор истории русской литературы Николай Федорович Сумцов не внушал особого доверия властям. И только случайно в годы первой русской революции он обнаружил досье, заведенное на него охранкой еще в середине 80-х годов XIX ст.⁴⁷

Все эти лица не были в конечном счете революционерами и со временем отошли от активной борьбы с самодержавием, посвятив себя всецело служению науке, просветительской деятельности, но, очевидно, их активная работа в Обществе в значительной мере объясняет его необыкновенную жизнестойкость и успехи, отмечаемые современниками⁴⁸.

Немногочисленное по своему составу ХИФО (от 30 до 90 членов в год) располагало в то же время высококвалифицированными кадрами ученых, не замыкавшихся в сфере какой-либо одной из наук. В его работе, кроме упомянутых, принимали участие такие известные слависты, как Б. М. Ляпунов, А. Л. Погодин, С. М. Кульбакин, М. Е. Попруженко, Н. К. Грунский, И. М. Собестянский, Г. А. Ильинский; историки В. П. Бузескул, Д. И. Багaley, М. В. Довнар-Запольский, Г. А. Максимович, И. Н. Миклашевский, П. П. Короленко, М. В. Ключков, Д. П. Миллер, Н. С. Гольдин и др.; этнографы П. С. Ефименко, Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров; фольклористы М. Г. Халанский, А. В. Ветухов; историки права, юристы Н. А. Максимейко, П. И. Палпенко;

лингвисты И. М. Эндзелин, Н. Н. Дурново; искусствовед Ф. И. Шмит; экономист В. Ф. Левитский и др.

С момента создания ХИФО отдельные его представители искали разнообразные формы и методы для достижения поставленной цели. В этом отношении показательна деятельность Н. Ф. Сумцова, развернувшего на страницах краевой печати широкую пропаганду историко-этнографических и фольклорных знаний⁴⁹. Стремясь привлечь сельскую интеллигенцию, учащуюся молодежь к сбору ценных в научном отношении памятников духовной и материальной культуры, Н. Ф. Сумцов знакомит читателей губернской прессы с целями и задачами ХИФО, указывает на назревшую необходимость историко-этнографического изучения своего края, призывает к объединению усилий в этом направлении, подчеркивая, что вопрос «о приурочении сил и централизации деятельности мы (т. е. члены ХИФО.— В. Ф.) считаем вопросом первостепенной важности»⁵⁰. В одной из своих первых статей-обращений он, прежде чем предложить программу для сбора историко-этнографических сведений, в популярной форме излагает историю Слобожанщины с древнейших времен, желая пробудить заинтересованность читателей к историческому прошлому своего края; затем, ссылаясь на авторитетные мнения академика К. М. Бэра и выдающегося русского археолога И. Е. Забелина об огромной важности собирательской работы в исследовании многих явлений, просит читателей послужить таким же образом русской науке и в конце заключает, что высказанные им мнения и пожелания разделяет большинство членов ХИФО⁵¹.

Губернская пресса, хотя и служила важным средством информации о намечаемых Обществом мероприятиях по изучению края, естественно, не могла заменить собой специального научного издания. Поэтому со временем внимание членов ХИФО сосредоточивается на изданиях Харьковского статистического комитета. В настоящее время общеизвестно значение изданий этих комитетов в истории этнографических и фольклористических изучений⁵². Харьковский комитет не был исключением в этом отношении; более того, его «Календари» и «Сборники» 80—90-х годов XIX ст. заметно выделялись на общем фоне обилием содержавшихся в них историко-этнографических материалов и исследований. И в этом была немалая заслуга членов ХИФО, входивших в состав комитета. В 1883 г. редактором «Харьковского календаря» становится П. С. Ефименко, и с этого года в нем публикуются ежегодные отчеты о деятельности ХИФО⁵³. В том же, 1883 г. на страницах «Календаря» появляется «Обращение» Общества с просьбой ко всем жителям губернии сообщать исторические и этнографические сведения, доставлять в ХИФО различные памятки малорусской (украинской.— В. Ф.) словесности, старинные книги, грамоты и прочие документы, а также археологические памятники с подробным их перечислением⁵⁴. Аналогичные «Обращения» и «Извещения» ХИФО публиковались в «Календаре» на 1886 г. и в «Харьковском сборнике», издававшемся с 1887 г.

по инициативе и под редакцией П. С. Ефименко⁵⁵. В то же время «Сборник» был единственным периодическим изданием в Харькове, «группировавшим, как отмечалось редакцией, местные труды по народному хозяйству, истории, этнографии, литературе, географии»⁵⁶. С его появлением для ХИФО наконец-то представилась возможность начать осуществление задачи по сплошному историко-этнографическому изучению Харьковской губернии. В 1889 г. на одном из заседаний общества было решено поручить Н. Ф. Сумцову, Д. И. Багалею, П. С. Ефименко, М. Г. Халанскому разработку специальных программ для сбора историко-этнографических и лингвистических материалов⁵⁷. Вскоре программы были подготовлены и вместе с предварительным вступлением Д. И. Багалея помещены в «Харьковском сборнике»⁵⁸. Объясняя причины публикации программ, Д. И. Багалею указывал, что проведение археологических, этнографических и других научных экспедиций не возможно из-за отсутствия средств⁵⁹ и исследователи возлагают все свои надежды «на общество, на лиц, близко стоящих к пародной жизни, народных учителей и учителей, земских врачей и фельдшеров, студентов и семинаристов, земских начальников... и вообще на всех, кто сможет и пожелает ответить на один или несколько вопросов любой из программ. Всякий, кто сделает сообщение, может быть уверен, — подчеркивал Д. И. Багалею, — что оно не пропадет даром, не затеряется, а войдет в таком или ином виде в составленную коллективным трудом харьковских исследователей книгу. Авторы отдельных частей «Описания» постоянно будут отмечать, откуда и от кого будут получены сообщаемые ими факты»⁶⁰. В следующем году эти же программы «в видах их распространения» были опубликованы в «Киевской старине»⁶¹. Ответы на вопросы программ давали возможность осветить в какой-то мере этническую историю смешанного населения Слободской Украины, составить ее диалектологическую карту, рассмотреть взаимовлияния двух восточнославянских народов — русских и украинцев — в быту, хозяйстве, одежде, обрядах, семейных и общественных отношениях. Не прошло и двух лет после их обнародования, как в редакционной заметке новый редактор «Харьковского сборника», В. В. Иванов (член ХИФО с 1890 г.), писал: «...опыт (по историко-этнографическому изучению губернии.— В. Ф.) удался как нельзя более, и редакция... располагает уже в настоящее время (1893 г.), когда работа продолжается, а в некоторых уездах только начинается, весьма обширным материалом»⁶². К этому времени в редакцию поступили описания 97 населенных пунктов из 9 уездов губ. Вышедший под редакцией В. В. Иванова первый и, к сожалению, единственный том этнографических очерков как бы подвел итог многолетней коллективной деятельности земской интеллигенции и харьковских ученых, объединенных в рамках ХИФО⁶³.

Вторая половина 80-х—90-е годы XIX ст. явились переломным этапом в истории Общества. Целенаправленные усилия его членов по привлечению как можно более широкого круга лиц к изу-

чению народной жизни заметно оживили историко-краеведческую работу не только в Харьковской, но и в сопредельных губерниях. В этот период ХИФО в результате накопления денежных средств от членских взносов и небольших субсидий (400 руб. ежегодно с 1890 г.) Харьковского университета получило возможность регулярно издавать свои труды⁶⁴. В 1886 г. выходит в свет первый том трудов ХИФО, положивший начало изданию целой серии «Сборников», число которых к 1914 г. достигло 21 тома. Ввиду того, что последние тома были посвящены XII и XIII археологическим съездам, проходившим последовательно в Харькове (1902 г.) и Екатеринославе (1905 г.), а также чествованиям видных деятелей ХИФО, много материалов оказалось не напечатанными, Н. Ф. Сумцов внес предложение об издании «Вестника» ХИФО. Проектируемый «Вестник», объемом до 4 печ. л. каждый, должен был выходить ежеквартально, в «интересах более живого и частого общения (ХИФО.—В. Ф.) с разными лицами и учреждениями в кругу историко-филологических исследований»⁶⁵. Стесненное в средствах, Общество с 1911 г. и до начала первой мировой войны сумело издать под редакцией Н. Ф. Сумцова только 5 выпусков «Вестника»⁶⁶. В изданиях ХИФО были опубликованы многочисленные библиографические заметки, статьи и исследования по отечественной и всеобщей истории, истории искусств, славяноведению, археологии и этнографии, литературоведению, фольклору, языкознанию и т. д., оценка которых требует специального изучения⁶⁷. Предварительное ознакомление с научным наследием ХИФО, слагающимся как из результатов деятельности всей организации, так и из совокупности трудов ее представителей, показывает, что с самого начала работа Общества приобрела ярко выраженную этнографическую направленность, вполне объяснимую, если учесть, что с собирания народных песен, образцов народно-прикладного искусства начиналась научная деятельность многих членов ХИФО. Но к моменту его открытия у части его учредителей, и особенно у будущих его руководителей, увлеченность собиранием памятников народного творчества сменилась глубоким интересом к их теоретическому осмыслению, что неизбежно вело к расширению ареала исследований в кругу славистических дисциплин. Славянская народная поэзия и особенно южнославянский героический эпос, этногенез, языки, общественно-правовые отношения, религия и мифология славян, политическая история, экономика и культура зарубежных славянских стран — вот далеко не полный перечень исследуемых членами ХИФО проблем⁶⁸. И все же, несмотря на столь широкий диапазон тематики, многие из них в виде рефератов или докладов заслушивались на заседаниях ХИФО, и только после такой научной апробации считалось возможным публиковать их в виде статей и монографий. Проблемы славянской филологии, доминирующие в их исследованиях, в первооснове своей историчны, но их преобладание объясняется и общим состоянием дореволюционного славяноведения, требовавшим от каждого слависта солидной фи-

логической подготовки, и общими представлениями о предмете этой науки, нашедшими наиболее пространное обоснование в речи профессора Софийского университета Л. Г. Милетича, посвященной памяти М. С. Дринова⁶⁹. Высоко оценив многогранную славистическую деятельность ученого-историка, Л. Г. Милетич высказал убеждение, что дальнейшее успешное развитие славноведения будет всегда покоиться на языкознании, ибо оно «есть и останется основой этнографической науки», а последняя — «есть и будет сутью славистики». «Считаю,— заключил он,— излишним ближе определять сферу славистики как науки, стремящейся обнять целокупное славянство, объясняя его культурное настоящее через его прошлое. Хочу только особенно подчеркнуть, что и то и другое возможно как следует изучать только на почве славянской исторической этнографии. В этой-то научной области, которую я считаю главным характеристичным признаком славистики, неминуемо встречаются и славянские историки со славянскими языками, если они хотят быть и славистами. Язык — самый важный продукт человеческой культуры... представляет сам собой объект этнографии. Изучать язык только в его настоящем состоянии, это настолько наука, как если бы изучать настоящее политическое народа, не зная и не понимая его прошлого»⁷⁰.

Большое, едва ли не главное, место в издательской деятельности ХИФО отводилось приобретению, редактированию и вводу в научный оборот крупных рукописных сборников фольклорно-этнографических материалов и историко-архивных документов, освещавших историю Слободской и Левобережной Украины во второй половине XVII — начале XIX ст. Но если издание первых достигалось за счет постоянной и крепкой связи с этнографами-краеведами, то появление вторых связано с созданием при Обществе своей историко-архивной базы — Исторического архива.

Инициатором создания Архива был П. С. Ефименко, вернувшийся на Украину после многолетней ссылки, вместе с супругой, А. Я. Ефименко. По прибытии в Харьков в 1879 г. они становятся активнейшими участниками ХИФО. В том же году на одном из заседаний Общества П. С. Ефименко в специальном докладе, опубликованном впоследствии в виде статьи в «Киевской старине»⁷¹, обратил внимание собравшихся на важное научное значение архива, находившегося в плохой сохранности в Черниговском губернском правлении, и предложил конкретные меры по его спасению⁷². Общество поддержало инициативу П. С. Ефименко, и начавшиеся хлопоты по устройству Исторического архива с помощью академика Н. В. Калачева увенчались в августе 1880 г. успехом⁷³. Из Чернигова было привезено около 600 пудов документов упраздненных еще в конце XVIII ст. малороссийских учреждений и 200 старинных книг⁷⁴. В результате многолетней кропотливой работы по упорядочению Черниговского архива к 1892 г. было описано 30 980 номеров дел (гражданских, уголовных, военного и финансового управлений, административных, церковных и т. д.), содержавших ценные историко-этнографиче-

ские сведения по обширной территории, куда входили Харьковская, Полтавская, Черниговская и отчасти Курская, Воронежская и Екатеринославская губернии⁷⁵. В 1884 г. по предложению П. С. Ефименко и Д. И. Багалея Общество добивается передачи старых (с 1703 г.) дел Харьковского губернского правления. Позднее был перевезен архив (дела с 1735 г.) Новгород-Северского полицейского управления, а в 1890 г. — Полтавского губернского правления. Таким образом, в Историческом архиве ХИФО уже к началу 90-х годов XIX ст. было сконцентрировано более 52 тыс. дел и он стал единственным и самым крупным хранилищем документов, освещавших внутреннюю историю Левобережной и Слободской Украины XVIII — первой половины XIX ст.⁷⁶ Разборкой поступавших дел, их систематизацией и описью занималась целая комиссия во главе с Д. И. Багалеем, назначенным заведующим архивом. Обязанности архивариусов исполняли поочередно А. Д. Твердохлебов (1885—1886), Н. Н. Бакай (1886—1888), М. М. Плохинский (1888—1897), Е. М. Иванов (1897—1919). С большим трудом после многочисленных обращений и ходатайств Обществу удалось добиться от университета денежных субсидий на оплату труда архивариусов (с 1892 г. по 600 руб. ежегодно) и выделения нового, более приспособленного для нужд архива помещения⁷⁷. К рубежу 900-х годов усилиями комиссии, архивариусов и добровольных помощников из числа членов ХИФО было закончено упорядочение дел приобретенных архивов, составивших два больших отдела — Малороссийский (Черниговско-Полтавский) и Слободско-Украинский (Харьковский), и принято решение о публикации подробных описей и разработке именного, предметного и географического указателей. Несмотря на материальные затруднения, до 1905 г. было издано 11 печ. л. описей и 5 л. подготовлено к печати⁷⁸.

Фонды Архива непрерывно пополнялись, и уже в 1910 г. в нем насчитывалось около 125 тыс. на десятках миллионов листов⁷⁹, причем к 1914 г. было описано 72 515 дел⁸⁰. Архив вместе с созданной при нем специальной библиотекой, комплектовавшейся исключительно за счет обмена изданиями ХИФО с родственными по характеру деятельности отечественными и зарубежными учреждениями и организациями⁸¹, стал важной научно-исследовательской базой Общества. Это подтверждается сотнями сообщений, докладов, рефератов, подготовленных на основе изученных документов Архива и прочитанных на заседаниях ХИФО. Свыше 80 из них в виде отдельных статей и даже целых монографий были опубликованы затем в трудах Общества и других изданиях: например, работы А. Я. Ефименко «Турбаевская катастрофа» (Киевская старина, 1891, № 4, с. 373—401), «Дворянское землевладение в Южной Руси» (Русская мысль, 1892, № 4, с. 156—177; 5, с. 1—16), «Малорусское дворянство и его судьба» (Вестник Европы, 1891, № 8, с. 515—569), «Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в.» Д. П. Миллера (Сб. ХИФО, т. 8, 1896,

с. 63—243), «История города Харькова за 250 лет его существования» Д. И. Багалея и Д. П. Миллера (Харьков, 1905. Т. 1. 568 с.; Т. 2. 973 с.), «Очерки по истории промышленности Слободской Украины. I. Селитроварение» Е. П. Трпфильева (Сб. ХИФО, 1894, т. 6, с. 12—48), а также значительное число работ Д. И. Багалея, П. С. Ефименко, Г. А. Максимовича, П. П. Короленко, А. С. Лебедева, М. М. Плохинского и других членов Общества.

По рекомендации членов ХИФО в Архиве работали студенты историко-филологического и юридического факультетов; это обстоятельство способствовало появлению известной монографии В. А. Барвинского «Крестьяне в Левобережной Малороссии в XVII—XVIII вв.», опубликованной в 1909 г. в «Записках Харьковского университета» (кн. 1, 2, 3). Доступ к фондам Архива был открыт и для других исследователей, не являвшихся членами ХИФО. Длительное время в Архиве работал В. А. Мякотин, собиравший материалы по истории посполитых крестьян Украины, Е. Н. Альбовский, изучавший историю Харьковского слободского полка, Н. П. Василенко, И. В. Теличенко и другие украинские историки.

Важным моментом в археографической деятельности ХИФО была подготовка и публикация обширных тематических подборок исторических документов, раскрывающих процесс колонизации южных окраин Русского государства в XVI—XVII вв. и характеризующих этнический и социальный состав населения Слободской и Левобережной Украины в XVII—XVIII вв., его хозяйство, быт и материальную культуру⁸².

После победы Советской власти на Украине Архив ХИФО был преобразован в Центральный исторический архив, и все заботы по его содержанию взяло на себя молодое социалистическое государство⁸³.

Другим, не менее ценным в научном отношении, учреждением Общества явился Этнографический музей, история возникновения которого связана с подготовкой к XII археологическому съезду в Харькове в 1902 г. Ответственность за его проведение была возложена на специально созданный в 1900 г. Харьковский предварительный комитет⁸⁴, осуществлявший все подготовительные мероприятия при поддержке идентичного Московского комитета.

На первом же заседании в Московском археологическом обществе по предложению Харьковских делегатов Д. И. Багалея, Н. А. Краснова, Н. Ф. Сумцова и других (всего 12 человек — все члены ХИФО) было принято решение наряду с археологической выставкой устроить этнографическую, материалы которой должны были отражать историю культуры «южнорусской народности» приблизительно из Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской губерний и Кубанской области⁸⁵. Возможность реализации такой крупномасштабной задачи вызвала серьезные опасения в кругах столпчных ученых⁸⁶. Но энер-

гичная работа харьковчан, располагавших столь необходимым в таких случаях научно-организационным опытом, принесла свои плоды. Специально созданная под председательством А. Н. Краснова комиссия занялась составлением и распространением программ, организацией этнографических экспедиций, систематизацией и каталогизацией коллекций. Подготовленные тексты программ вместе с обращением Харьковского комитета, разъясняющим задачи предстоящего съезда и содержащим просьбу о содействии ему, были разосланы в редакции местных газет района, подлежащего изучению⁸⁷. Все программы были перепечатаны на местах без изменений, а Нежинское историко-филологическое общество на их основе издало и распространило 3-тысячным тиражом «Программу для собирания сведений по Черниговской губернии»⁸⁸. В Харьковской губернии в адрес сельских учителей и священников было разослано свыше 2 тыс. экз. программ и получено свыше 1000 ответов на них⁸⁹. К подготовительной работе были привлечены Новороссийский университет и Общество истории и древностей при нем, Киевское общество Нестора-летописца, Нежинское историко-филологическое общество, Общество любителей Кубанского края, Новочеркасский музей, Черниговская архивная комиссия, Курский, Воронежский и Полтавский статистические комитеты. Для оказания методической помощи местным комиссиям и комитетам по проведению съезда Д. И. Багaley выезжал в Екатеринодар и Новочеркасск, Е. П. Радакова — в Екатеринослав, Н. Ф. Сумцов — в Полтаву⁹⁰. Впервые в практике съездов почти все губернские и уездные земства изучаемого региона оказывали материальную помощь или содействие в проводимых научных мероприятиях. Только в Харьковской губернии на устройство этнографической выставки земства выделили в общей сумме 2500 руб.⁹¹ На эти средства совершались научные разведки и экспедиции как для сбора экспонатов на выставку, так и с целью изучения населения в этнографическом, антропологическом и диалектологическом отношениях. На заседаниях комитета были заслушаны десятки отчетов и докладов о совершенных экспедициях, причем все это предавалось широкой гласности, публиковалось сначала в «Известиях XII археологического съезда» (Харьков, 1901—1902), а затем в «Трудах Харьковского предварительного комитета», второй том которых был издан в 1902 г. на средства ХИФО.

Этнографическая выставка Харьковского съезда имела важное значение для пропаганды историко-этнографических знаний, популяризации этнографической науки, развития музейного дела в России. На ее подготовку ушло два года напряженной работы по розыску и приобретению необходимых экспонатов, каталогизации и размещению предметов, оформлению залов и т. д. Коллекция выставки, характеризовавшие главным образом материальную культуру украинского и русского населения Слободской Украины, насчитывали 1490 предметов, 546 фотографий и 51 таблицу (планы поселений Харьковской губ.) и были размещены в 26 отделах

экспозиции⁹². За короткое время, с 15 по 27 августа 1902 г., на ней побывало 56 759 посетителей — «число невероятное и невиданное на остальных съездах»⁹³. По окончании работы съезда коллекции выставки поступили в собственность ХИФО. Но Общество располагало таким незначительным помещением, что об устройстве музея не могло быть и речи. Только поздней осенью 1904 г., когда была закончена перестройка помещений Исторического архива, в одной из его комнат Н. Ф. Сумцов занялся разборкой и систематизацией сохранившихся экспонатов и уже в 1905 г. Этнографический музей ХИФО начал функционировать⁹⁴. С этого же года при музее начали создаваться архив и библиотека, в каталоге которой насчитывалось до полутора тысяч томов специальных этнографических изданий⁹⁵. Фонды музея пополнялись в основном за счет частных пожертвований, и к 1917 г. составили свыше 2200 экспонатов⁹⁶. Музейный штат состоял из заведующего (им постоянно был Н. Ф. Сумцов), служителя Н. Г. Чудного, бывшего крестьянина Харьковского уезда, «прекрасного сотрудника, которому доверялись сплошь и рядом сложные и ответственные работы» и который в отсутствие Н. Ф. Сумцова и последовательно сменявшихся хранителей (В. Е. Данилевич, 1905—1908; В. И. Савва, 1908—1911; А. И. Белецкий, 1911—1916; Д. К. Зеленин, 1916—1918) выполнял обязанности экскурсовода. С момента возникновения музей стал не только учебно-вспомогательным учреждением Харьковского университета, где проходили этнографическую практику студенты; он явился важной научной базой для исследователей южнорусской и украинской этнографии⁹⁷. С изучения его коллекций начинал свою научную деятельность Вильд Мансикка, один из первых финских филологов-славистов, ставший крупным специалистом в области восточнославянского фольклора⁹⁸. Здесь работали венский этнограф, профессор А. Шрадер⁹⁹ и видный теоретик «финской школы» в фольклористике Анти Аарне¹⁰⁰. Музейные коллекции легли в основу позднейших работ Д. К. Зеленина, уделявшего, по записанным нами воспоминаниям профессора И. Я. Айзенштока, очень много времени изучению и описанию одежды, хранящейся в музее. Но при этом высокий научный потенциал музея в условиях царской России оставался безвестным для большинства исследователей. Неоднократные попытки членов ХИФО сделать его фонды достоянием широкого круга ученых терпели неудачу из-за отсутствия средств¹⁰¹, а выделяемые университетом ежегодно 200 руб. на содержание музея были слишком малой суммой для проведения в нем планомерной научно-исследовательской работы, для его расширения.

В годы социалистического строительства на Украине фонды Этнографического музея ХИФО легли в основу нового, доступного для трудящихся культурно-просветительного и научного учреждения — Музея Слободской Украины им. Григория Скороды.

Наряду с заботами по созданию и расширению своей научно-исследовательской базы, пропагандой и популяризацией историко-этнографических знаний, разработкой и распространением специальных программ, издательской деятельностью большое внимание в работе ХИФО уделялось вопросам подготовки и численного роста научных кадров. Лучшие студенческие работы после обсуждения на заседаниях Общества публиковались затем в различных периодических изданиях¹⁰². На некоторые из них члены ХИФО помещали рецензии в «Записках Харьковского университета»¹⁰³. Стесненное в средствах, Общество тем не менее находило возможным выделить в 1884 г. студенту Д. И. Эварницкому почти половину своего бюджета — 75 руб. — для снятия планов с укреплений бывшей Запорожской сечи¹⁰⁴. Для поощрения студенческой научной работы при Обществе учреждается ряд премий: в 1895 г. — премия им. А. А. Потемби за лучшие сочинения по истории русского языка и литературы¹⁰⁵, в 1906 г. — им. М. С. Дринова — в области славяноведения, славянской истории и этнографии¹⁰⁶, в 1909 г. — им. Е. К. Редина — по истории искусства и археологии¹⁰⁷, в 1911 г. было получено разрешение на сбор пожертвований в пределах Харькова в фонд премии им. Т. Г. Шевченко — за лучшие сочинения по украинской истории, этнографии и истории литературы¹⁰⁸, и в 1913 г. была учреждена премия им. Н. В. Лысенко за работы в области украинской этнографии¹⁰⁹. В тематике сочинений, ежегодно утверждаемой на заседаниях Общества, довольно заметны демократические стремления большинства его членов, отстаивавших право свободного развития украинской культуры и пытавшихся привлечь к ее изучению студенчество. Так, в 1909 г. на премию им. А. А. Потемби была выдвинута тема: «Значение П. Чубинского в истории изучения малорусской этнографии и народной словесности»¹¹⁰, в 1912 г. — «Значение „Киевской старины“ для изучения малорусской истории и этнографии»¹¹¹. На премию им. Т. Г. Шевченко в 1912 г. — «Малорусские легенды»¹¹², на премию им. Н. В. Лысенко — «Об украинской музыке, народной и искусственной»¹¹³, на премию им. Е. К. Редина — «Классификация мотивов украинского орнамента тканей и вышивок»¹¹⁴. Учреждение премии им. М. С. Дринова, по мысли членов Общества, должно было повысить интерес студента к вопросам болгарской истории и этнографии, с этой целью в течение ряда лет выдвигались следующие темы: «Национально-исторический и бытовой элементы в произведениях болгарской народной поэзии»¹¹⁵, «Болгарская народная поэзия как источник для изучения истории и этнографии»¹¹⁶, «Первые шаги в изучении этнографии болгар»¹¹⁷, «Первый период изучения этнографии болгарского народа»¹¹⁸. Более того, ХИФО обратилось в Софийский университет и Книжовно дружество (предшественник Болгарской АН) с просьбой рекомендовать с их стороны темы сочинений по болгарской истории и этнографии¹¹⁹. Атмосфера доброжелательства, царившая в Обществе, возможность свободного обмена научными мнениями,

заботливое отношение к подрастающей научной смене не остались незамеченными и современниками. Вот что писал, например, известный чешский ученый-славист Матия Мурко председателю ХИФО И. Ф. Сумцову в 1905 г.: «Двадцатипятилетием своего Историко-филологического общества можете гордиться. Чтобы Вам это доказать, скажу Вам, что у нас в Градце университет восьмой по числу студентов между немецкими университетами. 10 в Германии и 6 в Австрии... подобного Общества не имеют, и университет вообще без почвы в населении... История Вашего общества показывает, как у Вас готовятся умственные силы, которые сделают Россию Великою...»¹²⁰. Чешский ученый не случайно акцентирует внимание на наиболее важных моментах в деятельности Общества — его прочной связи с населением, университетом, студенчеством, на «приготовлении умственных сил». К началу XX ст. как в России, так и на Западе имелось немало научных обществ, большей частью сугубо академических, официальных, оторванных от живой среды; в то же время появились самодеятельные краеведческие организации при всей энергии энтузиастов-строителей ограничивались за отсутствием высококвалифицированных кадров лишь собирательской и просветительской деятельностью.

Особое место в истории Общества принадлежит Педагогическому отделу, открытому в 1892 г. по инициативе Н. Ф. Сумцова. Отдел создавался, как гласил § I его Устава, «с целью обсуждения вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием историко-филологических предметов в учебных заведениях»¹²¹. Кроме членов ХИФО, автоматически входивших в состав отдела, последний насчитывал от 50 до 100 человек — преподавателей гимназий, училищ и школ, проживавших как в Харькове и Харьковской губ., так и за пределами Украины. До 1912 г. его бессменным председателем был Н. Ф. Сумцов, затем отдел возглавил С. М. Кульбакиц, обязанности секретаря все годы исполнял А. В. Ветухов. В организационном отношении отдел мало чем отличался от Общества, но годовой членский взнос составлял здесь только 3 руб. Так же, как и в Обществе, здесь ежегодно проводилось по 7—8 заседаний, на которых были заслушаны сотни докладов, сообщений, посвященных методике преподавания гуманитарных дисциплин, организации досуга и отдыха учащихся, классного и внеклассного чтения и т. д. Значительная часть этих работ опубликована в семи выпусках «Трудов Педагогического отдела ХИФО» (1893—1902). Наиболее крупным мероприятием Отдела явилась подготовка хрестоматии под названием «Пособие для устройства общедоступных и литературных чтений» тиражом до 3 тыс. экз., выдержавшей два издания¹²². О широких связях Педагогического отдела ХИФО со средними учебными заведениями того времени красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в архиве Общества отзывы о литературных чтениях педагогических советов гимназий и училищ более чем из 80 провинциальных городов России¹²³. Члены отдела оказали существ-

венную практическую помощь учительницам харьковских воскресных школ, предпринявшим под руководством Х. Д. Алчевской издание, по словам Н. В. Шелгунова, трехтомника «Что читать народу?», вызвавшее «легкое землетрясение» в умах русских интеллигентов. «Вся печать и даже некоторые из наших почитаемых и уважаемых ученых, — писал он, — отнеслись к изданию харьковских учительниц чуть, ли не с восторгом. Для всех было очевидно, что из увесистого тома распространяются какие-то новые, до сих пор неведомые лучи и освещают новый, неведомый мир, о существовании которого интеллигенция ничего не знала»¹²⁴.

Труд харьковчанок не только отметал все сомнения в способность народа, т. е. крестьян, главным образом, воспринимать и понимать общую литературу, но и показал, что для «читателя-простолюдина не следует сочинять каких-либо книжонок и что ему доступно все великое, прекрасное и талантливое в нашей литературе»¹²⁵. Следующая коллективная работа харьковских учительниц, подготовленная при помощи членов ХИФО и его Педагогического отдела, — «Книга для взрослых», выходящая по частям, — стала основным пособием во всех воскресных школах России и за короткий срок выдержала рекордное число изданий¹²⁶.

Общему успеху педагогической деятельности энтузиастов по внешкольному образованию в значительной степени способствовала общественно-просветительная направленность в работе как всего Общества в целом, так и отдельных, наиболее активных его представителей. В 1894 г. на одном из заседаний по предложению Н. Ф. Сумцова ХИФО постановило устроить общедоступные научные чтения для харьковских учительниц, здесь же было высказано пожелание и о допуске «посторонних лиц»¹²⁷. Для реализации замысла при Педагогическом отделе был создан Лекционный комитет, в состав которого вошли историки Д. И. Багaley, В. П. Бузескул, В. И. Савва, И. М. Собестианский и филологи Н. Ф. Сумцов, С. В. Соловьев, Л. Ю. Шепелевич, Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Разработанные ими рабочие программы включали соответствующие курсы лекций по всеобщей истории и литературе, языкознанию, отечественной истории и истории русской литературы¹²⁸. Научные чтения начались в январе 1895 г. и продолжались в течение двух лет при высокой активности посещений. Только за первый год было прочитано около 50 лекций, на каждой из которых присутствовало свыше 100 слушательниц. С 1897 г. комитет расширяет свою деятельность, устраивая регулярные общедоступные научные чтения с применением в то время только что появившихся диапозитивов как в Харькове, так и в Полтаве, Ростове-на-Дону, Новочеркаске и других городах Юга России¹²⁹.

Общественно-просветительские интересы членов ХИФО не замыкались в сфере деятельности Педагогического отдела. В начале XX ст. многие из них читали лекции на рабочих курсах, причем профессор А. Н. Краснов даже возглавлял Совет этих курсов,

добился введения в его состав представителей от рабочих. Он же прилагал немало усилий, чтобы превратить эти курсы в Народный университет¹³⁰. Подавляющее большинство участников ХИФО входили во все комитеты харьковского Общества по распространению в народе грамотности (1869—1920), помогали создавать бесplatные библиотеки-читальни, школы, училища. Уже в 1904 г. Харьковская губерния по числу действующих библиотек (421) заняла второе место в России¹³¹. Н. Ф. Сумцов и Д. И. Багаляй явились основателями Харьковской общественной библиотеки (ныне одна из крупнейших библиотек страны — библиотека им. В. Г. Короленко). В 1891 г. по инициативе членов ХИФО Н. П. Баллина, Д. И. Багаляй, А. Я. Ефименко в Обществе грамотности создается Комитет по изданию дешевых книг для народа. Несмотря на чинимые властями препятствия, этот комитет издал до 1909 г. 117 названий книг общим тиражом до 2,5 млн. экз., причем почти половина из них была распространена бесплатно¹³². Объединив усилия, оба Общества приступили в 1908 г. к изданию «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» с целью «показать благотворное влияние науки на самую жизнь человека, на его быт, нравы, обычаи, на успешность борьбы с природой, на поднятие производительности труда, на развитие духовной и материальной культуры» и т. п.¹³³ Редакционный комитет из 16 человек (9 — являлись представителями ХИФО), намечая издать 20 выпусков в объеме 20—25 печ. л. каждый по различным отраслям знаний, привлек к их написанию свыше 150 видных ученых и специалистов из разных городов России¹³⁴. С помощью выдающегося отечественного издателя И. Д. Сытина эта трудоемкая и единственная в своем роде работа была завершена в 1912 г. Два тома энциклопедии, «Антрополого-географический» (М., 1910, т. 6) и «Языкознание. История иностранной литературы. История русской литературы» (М., 1911, т. 7), были подготовлены к изданию исключительно членами ХИФО.

Огромное желание нести знания в народ, свойственное большинству участников ХИФО и отмеченное высокой степенью научного просветительства, нередко выходило за рамки ординарного либерально-народнического мировоззрения. Прогрессивно настроенные члены Общества с глубоким сочувствием относились к научной и общественной деятельности революционных демократов, всего передового и мыслящего в царской России. В гений Т. Шевченко, поставившего свое могучее слово на страже народных интересов, они чтили гений народа и видели залог лучшего, светлого будущего¹³⁵. Для них И. Я. Франко не только выдающийся писатель и крупный ученый, но и «борец за имущественные права своего обездоленного края и народа»¹³⁶. Неудивительно, что по представлению историко-филологического факультета Совет университета присвоил знаменитому, но явно «неблагонадежному» в глазах царского правительства украинскому писателю, ученому и общественному деятелю степень почетного

доктора русского языка и словесности¹³⁷. Члены Общества становятся не только инициаторами, но и создателями проекта записки об отмене ограничений украинского печатного слова, представленной в 1905 г. в Академию наук¹³⁸, а его председатель, невзирая на официальные запреты, впервые на Украине, в стенах императорского университета, начинает читать лекции на родном для большинства студентов языке. Он также выступил в центральной прессе с разоблачением реакционной сущности ограничений украинского языка начиная с 70-х годов XIX ст.¹³⁹, вызвав тем самым горячие приветствия украинской студенческой молодежи и особенно той интеллигенции, которая боролась за национальное раскрепощение украинского народа. В то время когда Л. Н. Толстой открыто становится в оппозицию существующему строю, члены ХИФО шлют ему с чувством глубокого уважения поздравительную телеграмму в день 80-летия¹⁴⁰. А спустя год, чтя память Л. Н. Толстого, не в пример многим провинциальным университетам и научным обществам устраивают публичное заседание, на котором с докладами выступили Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул, С. В. Соловьев, А. П. Кадлубовский¹⁴¹.

В годы первой мировой войны, когда вся официальная печать была наводнена патриотическими лозунгами, статьями, исследованиями о несокрушимой мощи царской России и несгибаемом русском духе, которые в конечном счете приведут к победе над Германией, Н. Ф. Сумцов публично дает отпор реакционному мракобесу, черносотенцу, сотруднику «Русской мысли» Дм. Муретову, опубликовавшему на ее страницах «исследование» под заголовком «Этюды о национализме». Н. Ф. Сумцов метко определил их как «этюды о человеконенавистничестве», сплошь прозвизанные великодержавным шовинизмом. «Великий национализм германский и великий национализм российский — два сапога пара, — писал он, — и народам от них — будут ли то немцы или русские — одно горе, войны, насилие, слезы и кровь. Всеобъемлющей и безусловно лучшей народности нет и не может быть»¹⁴².

Будучи последовательными и убежденными приверженцами идеи эволюционного развития человеческого общества, большинство членов ХИФО и после революционного обновления России, в годы гражданской войны в стране не прекращали научно-просветительную деятельность, прилагая усилия к тому, чтобы сбереечь, сохранить для будущих поколений достижения духовной и материальной культуры украинского народа. Еще в мае 1917 г. Общество приняло решение объединить местные силы с целью охраны исторических и культурных памятников Слободской Украины¹⁴³. Но его осуществление стало возможным только с установлением Советской власти в Харькове. 1 марта 1918 г. при ХИФО учреждается Комиссия по охране памятников древности и искусства, в состав которой вошло 26 человек¹⁴⁴. Председателем ее был избран профессор искусствоведения Федор Иванович Шмит, выступивший на первом заседании с большим докладом об истории охраны памятников в России и задачах, стоявших

перед комиссией. На этом заседании было решено привлечь всех учителей губернии для охраны исторических памятников и выработано обращение к местным органам Советской власти с просьбой принять необходимые меры по розыску и возвращению всех документов, библиотеки и других материалов, принадлежащих выдающемуся деятелю украинской культуры М. Л. Кропивницкому¹⁴⁵.

В 1918 г. работа ХИФО в всех его учреждениях проходила в чрезвычайных условиях. С апреля 1918 г. по январь 1919 г. Харьков был оккупирован австро-немецкими войсками. За это время число членов Общества заметно сократилось. Свое последнее заседание в феврале 1919 г. ХИФО не смогло провести «ввиду низкой температуры в помещении»¹⁴⁶. Вскоре началась реорганизация Харьковского университета и Общество прекращает свою деятельность, хотя официального извещения об этом не последовало. И все же главная причина его самоликвидации заключалась не в этом. Весной 1919 г. на Украине были созданы советские государственные органы по охране памятников материальной культуры — Губкописы (губернские комитеты по охране памятников искусства, старины и природы), проводившие также большую научно-просветительную работу среди трудящихся. Большинство находившихся в Харькове членов ХИФО и названной выше Комиссии при нем составили основное ядро Харьковского губкописа. Причем бывшие участники ХИФО возглавили все его секции: архивную — Д. И. Багалея, археологическую — профессор А. С. Федоровский, монументально-архитектурную — профессор С. А. Таранушенко, этнографическую — Н. Ф. Сумцов¹⁴⁷. Таким образом, реализация многих уставных положений ХИФО только в советское время стала делом большой государственной важности, неотъемлемой частью внутренней политики молодой Советской Республики и тем самым отпала сама необходимость сохранения этой организации.

История ХИФО является ярким примером коллективного сотрудничества прогрессивно настроенной русской и украинской интеллигенции — ученых, преподавателей гимназий, народных учителей, врачей, земских деятелей, объединивших усилия с целью всестороннего изучения духовной и материальной культуры населения Слобожанщины, с одной стороны, и, с другой — для проведения широкой научно-просветительной работы в народе, что в условиях царской России требовало известной доли гражданского мужества.

Не менее важно и то, что многогранная деятельность этого Общества подготовила почву для успешных историко-этнографических исследований на Украине в годы социалистического строительства и объективно способствовала дальнейшему развитию многих научных отраслей гуманитарного направления.

- ¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2; 1962. Т. 3.
- ² *Редин Е. К.* Ученая деятельность Историко-филологического общества при имп. Харьковском университете за первые двадцать пять лет его существования (1877—1902): Сб. Харьк. истор.-филол. о-ва. (Далее: ХИФО), 1905, т. 14; с. 29—41; *Сумцов Н. Ф.* Двадцатипятилетие Историко-филологического общества при имп. Харьковском университете.— Там же, с. 17—28; *Вегухов А. В.* Деятельность Педагогического отдела ХИФО в первое десятилетие (1892—1902).— Там же, с. 109—111; *Иванов Е. М.* Харьковский Исторический архив.— Там же, с. 75—108.
- ³ *Данилевич В. Е.* Этнографический музей.— В кн.: Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского имп. университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1911, с. 133—140.
- ⁴ *Плевако М.* Историко-филологическое общество при Харьковском университете.— Украинская жизнь. М., 1915, № 11/12, с. 56—76.
- ⁵ *Иванов Е.* Центральний історичний Архів у Харкові.— Архівна справа. Харків, 1925, кн. 1, 110—143; *Сарбей В. Г.* Харківське історико-філологічне товариство та його вклад в історіографію України.— Український Історичний журнал, 1977, № 12, с. 99—103; *Разгон А. М.* Этнографические музеи в России (1861—1917).— В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1961, с. 261—263; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. т. 2, с. 293.
- ⁶ *Фрадкин В. З.* Фольклорно-этнографическая деятельность Харьковского историко-филологического общества (1877—1919): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
- ⁷ *Сумцов Н. Ф.* Указ. соч., с. 19.
- ⁸ *Киричников А. И.* Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: Поэмы ломбардского цикла. М., 1873; *Дринов М. С.* Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.
- ⁹ Они же разработали и проект Устава будущего общества. Об этом см.: *Сумцов Н. Ф.* Профессор Александр Иванович Киричников.— Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 50—51.
- ¹⁰ Центральный государственный архив УССР (далее: ЦГИА УССР). ф. 2017, ед. хр. 1—2, л. 1.
- ¹¹ Устав Историко-филологического общества при Харьковском университете, утвержденный 24 декабря 1876 г.— Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 61—63.
- ¹² Устав Историко-филологического общества при Харьковском университете, утвержденный 10 октября 1901 г.— Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 64—68.
- ¹³ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 1—2, л. 2. Приложение к отчету по университету за 1877 г.; Историко-филологическое общество.— Зап. Харьк. ун-та, 1879, т. 1, с. I—II.
- ¹⁴ В частности, физико-математический факультет представляли: профессор агрономии А. Г. Зайкевич, зоолог А. В. Чернай, географ и ботаник А. Н. Краснов, математик Ю. И. Морозов — один из первых харьковских археологов; медицинский — профессора Ф. Л. Герман и Н. М. Баженов; юридический — профессор права и государства А. Н. Стоянов, профессора политической экономии Г. М. Цехановецкий, И. П. Сокальский и др.
- ¹⁵ *Ковалівський А. П.* Антологія літератур Сходу. Харків, 1961, с. 49—50.
- ¹⁶ *Бузескул В. П.* Образы прошлого: (Из моих воспоминаний).— Анналы, Пг.:РАН, 1922, с. 239—240.
- ¹⁷ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Харьков, 1908, с. 202—204.
- ¹⁸ Там же, с. 200—202.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1928, т. 1, ч. 2. Шестидесятые годы, с. 436—437.
- ²¹ См.: Указатель к периодическим изданиям историко-филологического общества при Харьковском университете за 1886—1914 гг. Харьков, 1955.
- ²² *Багалій Л. І.* Харківська доба діяльності О. Я. Ефименкової (1879—1906).— Збірник науково-дослідчої кафедри історії укра-

- Інської культури, 1930, т. 10, с. 5—15.
- ²³ Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии / Пер. и предисл. М. Н. Салтыковой; Примеч. Д. И. Багалей. Харьков, 1892.
- ²⁴ Центральная научная библиотека АН УССР (далее: ЦНБ АН УССР), Рукоп. отд. ф. 1, д. 45350, л. 8. Д. И. Багалей. Наукова праця до революції.
- ²⁵ Радакова Е. П. Отчет о поездке по Старобельскому уезду.— Тр. Харьков. предарит. комитета по устройству XII археол. съезда, 1902, т. I, с. 102—108; *Она же*. Этнографическая экскурсия по Екатеринославской губернии.— В кн.: Тр. XII археол. съезда в Харькове, 1902 г. М., 1905, т. III, с. 294.
- ²⁶ Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10-ти т. М., 1963, т. 11 (доп.), с. 40. См. примеч. к письму Н. К. Крупской и В. И. Ленина М. А. Ульяновой.
- ²⁷ Фридьева Н. Я. Жизнь для просвещения народа. М., 1963.
- ²⁸ Ястребов Ф. Революционные демократы на Украине: Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX ст. Киев, 1960, с. 123—306.
- ²⁹ Разумова А. П. Из истории фольклористики: П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.; Л., 1954.
- ³⁰ Историко-филологический факультет Харьковского университета..., с. 282.
- ³¹ Ястребов Ф. Указ соч., с. 173.
- ³² До настоящего времени все биографические справочники А. А. Потетни указывают, что у него был один брат — Андрей Афанасьевич Потетня, известный русский революционер. Автором обнаружены некоторые источники, свидетельствующие о том, что у Ал. А. Потетни был еще один брат — Н. Аф. Потетня — капитан русской армии, возглавлявший отряд польских повстанцев в 1863—1864 гг. и погибший в борьбе с царскими войсками. См., напр.: Штрайх С. Новое в биографии Ал. Потетни.— Речь, 1916, 28 нояб.: Бём А. Aleksander Afanasjvic Potetnia.— In: Бём А. Rusti usenci v Praze, Praha, 1938, с. 103.
- ³³ Штрайх С. Указ. соч.
- ³⁴ Деятели революционного движения в России, т. 1, ч. 2, с. 414—418.
- ³⁵ ЦГИА УССР, ф. 781, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1. Письмо Г. М. Пехановского А. А. Потетне 18. V 1885.
- ³⁶ Бойко І. А. Короткий нарис історії Харківського державного університету ім. О. М. Горького (1805—1916). Харків, 1940, с. 12.
- ³⁷ Деятели революционного движения в России, т. 1, ч. 2, с. 436—437.
- ³⁸ Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 6, с. 679—680.
- ³⁹ Ястребов Ф. Указ. соч., с. 219.
- ⁴⁰ Житецький Гн. Олександр Олександрович Русов.— Україна. Науковий двохмісячник українознавства, 1926, кн. 1, с. 184—185.
- ⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 794, оп. 1, ед. хр. 473, л. 1; ед. хр. 474, л. 1. Из писем В. В. Иванова Н. Ф. Сумцову от 18. X 1898 и 4. V 1903.
- ⁴² См.: Баренбаум И. Е. Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970, с. 298—306.
- ⁴³ По свидетельству И. Я. Айзенштока, И. М. Хоткевич скрывался даже одно время от полиции в библиотеке ХИФО.
- ⁴⁴ Березовський І. П. Іван Манжура. Київ, 1962, с. 123.
- ⁴⁵ Чернявський Д. Яків Павлович Новицький.— Україна, 1926, кн. 1, с. 186—191.
- ⁴⁶ Как политически неблагонадежные, они были сосланы под надзор полиции: первый — в 1891 г. в Ташкент; второй — в 1888 г. в Красноярск.
- ⁴⁷ ЦНБ АН УССР, Рукоп. отд. ф. 1, оп. 45413. Черновик речи Д. И. Багалей, посвященной Н. Ф. Сумцову. 25.III 1923, л. 2.
- ⁴⁸ Многочисленные поздравления, в том числе и из-за рубежа в адрес Общества в связи с его 25-летним юбилеем, см.: Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 6—16.
- ⁴⁹ Сумцов Н. Ф. О собиранні етнографических материалов.— Харьков. 1879, 4 мая; *Он же*. О составлении исторического исследования о городе Харькове.— Харьк. губерн. ведомости 1880, 25 мая. *Он же*. Вниманию сельских жителей.—

- Харьк. губерн. ведомости, 1889, 23 марта; и др.
- ⁵⁰ С. Н. Ф. [Сумцов]. Два слова по поводу заметки г. Фесенко о Художественно-промышленном музее и его значении для Харькова.— Харьков, 1879. 24 июня.
- ⁵¹ Сумцов Н. Ф. Несколько слов о том, чем местные жители могут быть полезны Историко-филологическому обществу.— Харьков, 1879. 13 марта.
- ⁵² Азадовский М. К. Указ. соч., с. 216.
- ⁵³ Отчет о деятельности Историко-филологического общества за 1878—1883 гг.— Харьков. календарь на 1884 г., 1883, с. 311—313; Отчет... за 1883—1884 гг.— Харьков. календарь на 1885 г., 1884, с. 420; Отчет... за 1884—1885 гг.— Харьков. календарь на 1886 г., 1885, с. 461; Отчет... за 1885—1886 гг.— Харьков. календарь на 1887 г., 1886, с. 305; Отчет... за 1886—1887 гг.— Харьков. календарь на 1888 г., 1887, с. 320.
- ⁵⁴ Харьковский календарь на 1884 г., с. 440—441.
- ⁵⁵ Харьковский календарь на 1886 г., с. 461—462; Харьковский сборник: (Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю»), 1889, вып. III, с. 2—3.
- ⁵⁶ От редакции (П. Е.) — Харьк. сб., 1887, вып. I, с. 1.
- ⁵⁷ Протокол заседания ХИФО, 4. IV 1889.— Сб. ХИФО, 1890, т. 2, с. II.
- ⁵⁸ Сумцов Н. Ф. Программа для соби- рания этнографических сведений о крестьянском населении Харьковской губ.— Харьк. сб., 1891, вып. V, с. III—VI; Ефименко П. С. Программа для описания быта сельского населения Харь- ковской губ.— Там же, с. VII; Ба- галей Д. И. Программа для соби- рания историко-географических и археологических сведений.— Там же, с. VIII—X; Халанский М. Г. Программа для соби- рания данных о языке великорусского населе- ния.— Там же, с. XI—XIII; Он же. Программа для соби- рания сведений о языке малорусского на- селения.— Там же, с. XIV—XV.
- ⁵⁹ По инициативе проф. астрономии Г. В. Левицкого при обществе была создана специальная комис- сия, разработавшая план раскопок городищ и курганов Харьковской губ., но ходатайства перед Прав- лением университета о выделении ежегодных субсидий на эти цель встретили решительный отказ. См.: Редин Е. К. Указ. соч., с. 38.
- ⁶⁰ Багалей Д. И. К предполагаемому «Описанию Харьковской губернии».— Харьк. сб., вып. V, с. I—II.
- ⁶¹ Киевская старина. 1892. июль, с. 120—129.
- ⁶² Иванов В. От редакции.— Харьк. сб., 1893, вып. VII, с. 1.
- ⁶³ Жизнь и творчество крестьян Харьковской губ.: Очерки по этнографии края. Харьков, 1898. Т. I. 1012 с. Этот огромный том был посвящен лишь одному Старо- бельскому уезду. Рукописные ма- териалы по другим уездам частич- но хранятся в архивном фонде ХИФО.
- ⁶⁴ Этих средств было слишком мало, и Общество вынуждено было «во избежание задолженности сокра- щать свои предприятия по изда- нию того ценного научного мате- риала, в котором у него никогда не бывает недостатка», с го- речью констатировал его секре- тарь Е. К. Редин в 1905 г. См.: Ученые общества и учебно-вспо- могательные учреждения Харь- ковского имп. университета за первые 100 лет его существования (1805—1905), с. 101.
- ⁶⁵ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 224, л. 2. Протокол заседания ХИФО, 1. IV 1911.
- ⁶⁶ Определенное место в издатель- ской деятельности ХИФО занима- ют Труды Педагогического отде- ла, выходявшие с 1893 по 1902 г. Семь томов «Трудов» посвящены разнообразным вопросам методи- ки преподавания гуманитарных дисциплин в средних учебных за- ведениях.
- ⁶⁷ См.: Указатель к периодическим изданиям Историко-филологиче- ского общества при Харьковском университете за 1886—1914 гг. Харьков, 1955. Заметным явлени- ем в научной жизни рассматри- ваемого периода был выход в свет в 1894 г. 7-го тома «Сборника ХИФО», целиком посвященного выдающемуся представителю у- краинской культуры XVIII ст. Г. С. Сковороде. Это было первое, наиболее полное собрание сочи- нений философа-просветителя с биографией, написанной его дру- гом М. И. Ковалинским в 1796 г.,

- обширным критико-библиографическим обзором его трудов, подготовленным Д. И. Багалеем, явившееся как бы прологом к всестороннему изучению творческого наследия Г. С. Сковороды.
- ⁶⁸ *Потебня А. А.* Сербские песни о Юрии Даничиче в связи с песнями болгарскими и русскими.— Зап. Харьк. ун-та за 1880 г., 1882, т. I, с. 77; *Халанский М. Г.* Южнославянские сказания о королевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893—1896. 834 с.; *Drinow M.* Les serbes ont-ils eu les colonies ou une autoroute quel-conque en Macedoine avant le XIII siècle? Comment s'appelaient les slaves, qui habitaient la Macedoine avant cette époque. Philip, 1887, с. 158—187; *Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей. М., 1911. 159 с.; *Грунский Н. К.* Пражские глаголические отрывки и из истории хорватской глаголицы. СПб., 1905 (Отд. оттиск Изв. ОРЯС. 27 с.); *Кульбакин С. М.* Сербский язык. Харьков, 1915. 84 с.; *Ляпунов Б. М.* Краткий обзор главнейших явлений словенской литературы вместе с введенным об отношении словенского языка к старославянскому и древнеславянским.— Зап. Харьк. ун-та, т. I, 1893; *Шерцль В. И.* Z oboju jazykozputi, Praha, 1882—1884; *Собестянский И. М.* Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательств. Харьков, 1888. 166 с.; *Он же.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892. 336 с.; *Сумцов Н. Ф.* Boginki-Mamunu,— Wisla, III, 1891, с. 574—586; *Он же.* К истории славянского общения: П. И. Шафарик и О. М. Бодянский.— Славянское обозрение, 1892, июль/август, с. 336—343; *Он же.* Современная болгарская археология.— Вестн. ХИФО. 1914, вып. 5; *Погодин А. Л.* История Болгарии. СПб., 1910. 255 с.; *Он же.* История Сербии. М., 1915. 164 с.; *Он же.* История польского народа в XIX в. М., 1915. 297 с.; *Он же.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. 420 с.
- ⁶⁹ *Милетич Л. Г.* Речь, произнесенная в торжественном соединенном заседании университета и историко-филологического общества, посвященного памяти М. С. Дринова.— Сб. ХИФО, 1908, т. 15, с. 43—45.
- ⁷⁰ Там же, с. 44.
- ⁷¹ *Ефименко П. С.* Архив Малороссийской коллегии при Харьковском университете.— Киевская старина, 1882, январь, с. 193—198.
- ⁷² Извлечение из отчета ХИФО за 1879 г.— Зап. Харьк. ун-та за 1880 г., 1882, т. I, с. 77.
- ⁷³ Известный советский историк-архивист, член ХИФО с 1910 г., проф. В. А. Барвинский, выделяя две знаменательные даты в истории архивоведения на Украине: 1852 — год создания Центрального архива древних актов в Киеве, 1880 — год учреждения Исторического архива ХИФО, справедливо отметил, что Киевский архив был поддержан царской администрацией, тогда как Харьковский возник и существовал исключительно по инициативе научной общественности. См.: *Барвинский В.* До 50-річчя заснування Харківського Центрального історичного Архіву (1880—1930).— Архівна справа, 1930, кн. 3 (4), с. 3—5.
- ⁷⁴ Для разборки дел Н. В. Калачев командировал в 1881 г. в Харьков слушателя Археологического института Н. П. Рагозина. Об этом см.: *Багалей Д. И.* Заметка об архиве Малороссийской коллегии, находящегося при Историко-филологическом обществе Харьковского университета.— Университетские изв., 1882, № 9, с. 131—141.
- ⁷⁵ *Иванов Е.* Исторический архив.— В кн.: Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905), с. 100.
- ⁷⁶ Учитывая это, Д. И. Багалей от имени Общества неоднократно поднимал вопрос об изменении статуса архива, о превращении его в Центральный, субсидируемый правительством архив. См.: *Багалей Д. И.* Несколько замечаний по поводу статьи г. Н. В. о децентрализации наших историче-

- ских архивов.— Киевская старина, 1893, февраль, с. 346—355; *Он же*. О необходимости превращения Харьковского исторического архива в Центральный архив.— В кн.: Тр. одиннадцатого археол. съезда в Киеве, 1899 г. М., 1902, т. II, с. 12—17.
- ⁷⁷ Только в 1900 г. архив, размещавшийся до того времени в двух небольших комнатах, был перебазирован в отремонтированное помещение бывшей хирургической клиники.
- ⁷⁸ *Иванов Е.* Указ. соч., с. 95.
- ⁷⁹ *Багалей Д. И.* Каковы должны быть штаты имп. Харьковского университета для удовлетворения его неотложных нужд. Харьков, 1910, с. 17.
- ⁸⁰ Зап. Харьк. ун-та, 1914, т. I, с. 194.
- ⁸¹ К 1917 г. в библиотеке архива насчитывалось до 6 тыс. томов. Общество обменивалось изданиями с Парижской школой восточных языков, Мюнхенской академией, Шведским государственным архивом, библиотекой Астора в Нью-Йорке и со многими зарубежными славянскими научными обществами.
- ⁸² К наиболее крупным публикациям относятся: *Багалей Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII ст.— Сб. ХИФО, 1886, т. 1, 358 с; Сб. ХИФО, 1890, т. 2, 438 с. *Он же*. Заметки о новых материалах для истории Слободской Украины.— Сб. ХИФО, 1893, т. 5, с. 167—280; *Он же*. Материалы для истории г. Харькова в XVII в.— Сб. ХИФО, 1905, т. 16, с. 396—507; *Лебедев С. А.* Вотчинный быт монастырей: Курского, Знаменского и Белгородского-Николаевского по архивным данным.— Сб. ХИФО, 1892, т. 4, с. 113—238; *Миллер Д. П.* Архивы Харьковской губернии.— Сб. ХИФО, 1905, т. 13, с. 197—450; *Плохинский М. М.* Материалы для истории внутренней жизни Левобережной Украины: Бобровники. Стрельцы в Малороссии.— Сб. ХИФО, 1891, т. 3, с. 29—155; *Он же*. Иноземцы в старой Малороссии: Греки, цыгане, грузины.— В кн.: Тр. XII археол. съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905, т. II, с. 175—409.
- ⁸³ В 1970 г. все фонды архива были переданы в ЦГИА УССР в Киев.
- ⁸⁴ Харьковский предварительный комитет состоял из 82 человек, из них 50 являлись членами ХИФО. См.: Тр. XII археол. съезда в Харькове в 1902 г., т. III, с. 228.
- ⁸⁵ Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. III, с. 218.
- ⁸⁶ См.: Речь П. С. Уваровой на открытии XII археологического съезда.— Там же, с. 269.
- ⁸⁷ *Багалей Д. И.* Программа для собирания сведений по древностям историческим.— Зап. Харьк. ун-та, 1900, т. III, с. 23—25; *Редин Е. К.* Программа для собирания сведений по церковным древностям.— Там же, с. 25—28; *Сумцов Н. Ф.* Программа для собирания этнографических предметов к выставке на предстоящем в 1902 г. в Харькове XII археологическом съезде.— Там же, с. 29—32; *Он же*. Программа для собирания сведений о кобзарях и лирниках.— Там же, с. 32—35; *Он же*. Программа для собирания писанок и сведений о них.— Там же, с. 36—37. В 1904 г. все эти программы были переизданы предварительным комитетом по устройству XIII археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. в кн.: *Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 1-й. Екатеринослав, 1904, с. 207—224.*
- ⁸⁸ Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. 3, с. 277.
- ⁸⁹ Там же, с. 277.
- ⁹⁰ Протоколы заседания по устройству XII археологического съезда. 26. X—1900.— Зап. Харьк. ун-та. 1900, т. 4, с. 7.
- ⁹¹ Известия XII археологического съезда. Харьков, 1902, с. 23.
- ⁹² ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 439, л. 9—10. *Данилевич В. Е.* Отчет по Этнографическому музею за 1908 г.
- ⁹³ Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. III, с. 423.
- ⁹⁴ В 1907 г. музей был открыт для публики.
- ⁹⁵ Сокращенный отчет о деятельности историко-филологического фа-

- культета в 1917 г.—Зап. Харьк. ун-та, 1917, т. 3/4, с. 31.
- ⁹⁶ Там же, с. 30.
- ⁹⁷ Этнографический музей ХИФО, по отзыву Д. К. Зеленина, имел «высокую научную ценность», а его коллекции — «выдающийся научно-этнографический интерес». Подробно об этом см.: *Зеленин Д. К.* Записка об этнографическом музее Харьковского университета.— Архив АН СССР. Ленинград, ф. 849, оп. 2, ед. хр. 90, л. 1—2.
- ⁹⁸ Отчет о деятельности ХИФО за 1910.— Вестн. ХИФО, 1911, вып. 1, с. 42.
- ⁹⁹ ЦГИА УССР, ф. 794, ед. хр. 634, л. 1.
- ¹⁰⁰ Отчет о деятельности Этнографического музея за 1912 г.— Зап. Харьк. ун-та, 1913, т. 2, с. 166.
- ¹⁰¹ В 1909 г. Н. Ф. Сумцов предложил издавать годовые отчеты по музею с приложением необходимых этнографических материалов под названием «Вестник Этнографического музея». Общество утвердило это предложение, но университет не выделил дополнительных средств (ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 182, л. 57). В 1913 г. Н. Ф. Сумцов предложил издавать «Ежегодник Этнографического музея», и снова безрезультатно. См.: Вестн. ХИФО, 1913, вып. 4, с. 84.
- ¹⁰² *Халанский М. Г.* Русские народные песни, записанные в Шигровском уезде Курской губернии.— Рус. филол. вестн., 1879, № 2, с. 65—80; 1879, № 4, с. 252—265; 1880, № 9, с. 103—118; 1880, № 4, с. 241—248; *Зварницкий Д.* Жизнь запорожских казаков по рассказам современника-очевидца.— Киев. старина, 1883, нояб., с. 497—510; *Пельгцер А. Р.* Происхождение анекдотов в русской словесности.— Сб. ХИФО 1889, т. 11, с. 57—117; *Барвинский В. А.* Крестьяне в Левобережной Малороссии в XVII—XVIII ст.— Зап. Харьк. ун-та, 1909, т. 1, с. 1—116; т. 2, с. 117—210; т. 3, с. 211—296; *Гриневич К. Э.* По Элладе.— Сб. ХИФО. 1914, т. 21, с. 734—766.
- ¹⁰³ *Сумцов Н. Ф.* Рец. на ст.: Зелинский Ф. О заговорах.— Зап. Харьк. ун-та, 1897, кн. 2, с. 173—175; *Он же.* Рец. на ст.: Федоровский А. С., Ефименко П. П. Археология и этнография Южной Руси по Харьковским изданиям 1881—1904 гг.— Там же, 1908, кн. 1, с. 12—17; *Багалей Д. И.* Рец. на ст.: Барвинский В. А. Крестьяне в Левобережной Малороссии в XVII—XVIII ст.— Там же. 1910, кн. 2, с. 37—40; *Савва В. И.* Рец. на ст.: Московское государство в XVI в. по известиям иностранных писателей.— Там же, 1914, кн. 4, с. 5—8.
- ¹⁰⁴ *Редин Е. К.* Историко-филологическое общество.— В кн.: Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского имп. университета за 100 лет его существования (1805—1905), с. 99.
- ¹⁰⁵ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 46, л. 1.
- ¹⁰⁶ Там же, ед. хр. 206, л. 1.
- ¹⁰⁷ Там же, ед. хр. 189, л. 54.
- ¹⁰⁸ Там же, ед. хр. 227, л. 1.
- ¹⁰⁹ Там же, ед. хр. 239, л. 1.
- ¹¹⁰ Там же, ед. хр. 224, л. 2.
- ¹¹¹ Там же, ед. хр. 237, л. 1.
- ¹¹² Там же, ед. хр. 245, л. 5.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же, ед. хр. 214, л. 2.
- ¹¹⁵ Там же, л. 2, 1910.
- ¹¹⁶ Там же, ед. хр. 224, л. 2, 1911.
- ¹¹⁷ Там же, ед. хр. 233, л. 1, 1912.
- ¹¹⁸ Там же, ед. хр. 241, л. 5, 1913.
- ¹¹⁹ Там же, ед. хр. 182, л. 59. Протокол заседания ХИФО 13.III 1909.
- ¹²⁰ ЦГИА УССР. ф. 794, оп. 1, ед. хр. 946, л. 1. 7.I 1905.
- ¹²¹ Устав педагогического отдела Историко-филологического общества.— Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 69.
- ¹²² Отчет о деятельности ХИФО за 1891—1893 гг.— Сб. ХИФО, 1893, т. 5, с. II.
- ¹²³ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 309—432, 1895.
- ¹²⁴ *Шелгунов Н. В.* Очерки русской жизни.— Избр. пед. соч. М., 1954, с. 370—371.
- ¹²⁵ Что читать народу?: Крит. указ. книг для нар. и дет. чтения / Сост.: Х. Д. Алчевская, Е. Д. Гордеева, А. П. Гриненко, А. М. Калмыкова и др. СПб., 1906, т. III, с. 1.
- ¹²⁶ Книга для взрослых: Первый год обучения / Сост. учителя воскресных школ при ближайшем участии Х. Д. Алчевской. М., 1899 (вышло 16 изданий); Книга для взрослых: Второй год обучения.

- М., 1900 (всего 12 изданий); Книга для взрослых: Третий год обучения. М., 1901 (всего 9 изданий).
- ¹²⁷ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 42, л. 1. Протокол заседания ХИФО 10.IX 1894.
- ¹²⁸ Программы лекций.— Сб. ХИФО, 1896, т. 8, с. 18—32.
- ¹²⁹ Список общедоступных научных чтений со световыми картинами, устроенных педагогическим отделом.— Сб. ХИФО, 1905, т. 14, с. 122.
- ¹³⁰ Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862—1914): Сб. док./ Под ред. В. И. Талиева. Харьков, 1916.
- ¹³¹ ГАХО, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 351, л. 3.
- ¹³² Там же, ед. хр. 25, л. 3.
- ¹³³ Там же, ед. хр. 386, л. 1—17. Отчет редакционной комиссии по изданию «Народной энциклопедии».
- ¹³⁴ Там же, л. 2.
- ¹³⁵ Сумцов Н. Ф. Т. Г. Шевченко и зарубежная литература.— Южный край, 1914, 24 янв.
- ¹³⁶ Сумцов Н. Ф. Памяти И. Я. Франко.— Южный край, 1916, 10 июня.
- ¹³⁷ ЦНБ Харьк. ун-та. Рукоп. отд., ф. 1710/С, ед. хр. 781. Дело о возведении И. Я. Франко в степень доктора русской словесности, 16.IX 1906. Копия.
- ¹³⁸ Записка по вопросу о цензуре книг на малорусском языке. Харьков, 1905.
- ¹³⁹ Сумцов Н. Ф. Малорусская цензура.— Русские ведомости, 1905, 17 марта.
- ¹⁴⁰ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 182, л. 35.
- ¹⁴¹ Там же, ед. хр. 221, л. 1. Протокол заседания ХИФО 22.XI 1910.
- ¹⁴² Сумцов Н. Ф. Этюды по человеконенавистничеству.— Южный край, 1916, 10 февр.
- ¹⁴³ ЦГИА УССР, ф. 2017, ед. хр. 258а, л. 1. Протокол заседания ХИФО 2.V 1917.
- ¹⁴⁴ Там же, ед. хр. 1076, л. 10.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 41—42.
- ¹⁴⁶ Там же, ед. хр. 260, л. 1. Протокол заседания ХИФО 20.II 1919.
- ¹⁴⁷ ГАХО, ф. Р-4365, ед. хр. 72, л. 1—2.

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ» ***

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАУЧНОГО СОВЕТА
АКАДЕМИКА М. В. НЕЧКИНОЙ**

Дорогие товарищи!

Сегодня знаменательный день. Мы открываем конференцию, которая посвящена основным вопросам современного развития истории исторической науки в социалистических странах. Сама формулировка названия конференции вызывает волнение: мы уже можем изучать социалистические страны во множественном числе и чувствовать опору в товарищеском общении. Мы полны энергии и стремления к творческой разработке новой дисциплины — истории исторической науки.

К нам приехали дорогие гости из разных социалистических стран. Нет слов, чтобы выразить всю радость встречи. Приехали ученые из Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Румынии. У нас представлены Куба, Монголия, Польша, Чехословакия ¹.

У нас собрался большой круг друзей — ученых-историков, которые живо заинтересованы в развитии нашей отрасли науки — еще молодой научной дисциплины, требующей большой созидательной работы.

Вы видите, как широк и разнообразен круг участников конференции из социалистических стран.

Позвольте мне горячо приветствовать наших зарубежных друзей. Мы давно ждали этой встречи — и вот, наконец, дождались.

Теперь несколько слов о самой историографии и о задачах нашего собрания.

История исторической науки — не так давно возникшая как особая отрасль исторического знания — имеет честь принадлежать к высокому разряду наук о человеческом самопознании. В нашей науке ученый познает себя. Историография исследует историю исторической науки, понимая ее как широкий и сложный процесс, обладающий своими закономерностями.

В историографии каждой страны есть общее и особенное. Для историка науки важно выявление как того, так и другого. Исто-

* Конференция состоялась в декабре 1978 г. в Москве.

риография каждой страны имеет свое лицо. И в то же время изучение корней, из которых вырастает общее, требует углубленного исследования. Вопрос о повышении качества научной работы волнует всех нас. Мы ищем путей к нему, способов его решения, «рычагов» его подъема. Примечательно, что одним из них — весьма существенным — является сама историография.

В самом деле, история исторической науки — могущественный помощник для определения реального положения в науке по той или иной теме, избранной для исследования, а без этого исследование нельзя провести. Какова степень изученности этого вопроса? Что сделано и что подлежит разработке? Какие концепции для решения избранного вопроса предлагались ранее в науке? Как связана избранная вами тема с современностью? Почему науке необходимо исследование вопроса? Какие источники привлекались ранее учеными для его решения и какие не были привлечены? На все эти вопросы отвечает история исторической науки. А без ответа на них высокого качества работы не получится. Мы первые пишем историю исторической науки социалистического общества. Это объединяет нас и дает возможность выработать общие критерии. Мы строим новое общество — и кому же, как не нам, писать об истории его изучения?

В составе наук человеческого самопознания историография обладает «лица необщим выраженьем». Самый путь к историографическому исследованию особо сложен и труден: историография требует осведомленности по меньшей мере в трех областях знания: прежде всего в той истории, в условиях которой протекает избранное для изучения творчество историков; далее — в той области исторического процесса, изучению которой посвящены работы изучаемых им историков (эти эпохи далеко не всегда совпадают). И лишь тогда — третья область — собственно история исторической науки открывает перед историографом свои двери. Двинувшись дальше, углубившись в историю самой науки, историограф чувствует себя охваченным атмосферой еще одной, совершенно новой научной проблемы нашего времени, — имя ей — Наука о науке. Эпоха научно-технической революции, когда наука стала непосредственной производительной силой, создала на наших глазах эту совсем новую отрасль знания. Науку о науке невозможно изучать без истории науки.

Марксистско-ленинская методология служит исследователю надежным руководителем при прохождении всех трех ступеней, о которых шла речь.

Мы живем в эпоху возникновения и укрепления социализма. Мы живем в великое время, когда в истории человечества возникло, развивается и укрепляется социалистическое общество. У нашей молодой отрасли исторического знания есть удивительный всемирно-исторический аспект. Интерес к «Историографическому факту» ярко выявился повсюду в последние десятилетия и идет он, нарастая, без спада. Надеюсь, что и наша конференция явится крупным историографическим фактом.

Начало истории исторической науки в каждой стране относится еще к досоциалистическому периоду. Это не означает, конечно, что потерял интерес к изучению дореволюционной историографии. Напротив, он повысился. История исторической мысли до революции обладает своими закономерностями и вызывает большой интерес. Историографы в СССР изучают историю своей науки с давних времен, когда она лишь зачиналась, затем становилась на ноги, крепла, стала звучать с университетских кафедр на эмпирическом уровне, а затем теоретически осмысляться с идеалистических позиций. Далее перед нею вырос противник — материалистическое мировоззрение, марксизм. Не будем отрицать многих положительных завоеваний исторической науки дореволюционного периода. Они несомненны и теперь тщательно изучаются. Вместе с тем необходимо выявлять ограниченность буржуазных концепций. Борьба течений в потоке буржуазной мысли — тема, заслуживающая изучения. Тут также много поучительного.

Но особо важное значение имеет крупнейшая проблема — развитие исторической науки в послереволюционное время.

В развитии историографии каждой социалистической страны есть общее и особенное. В каждой социалистической стране в свое время и в своих условиях победило новое могущественное движение исторического процесса. Вполне естественно, что историки каждой социалистической страны с волнением ощутили потребность писать историю этого нового процесса, современниками и творцами которых они сами чаще всего и были. Столь же естественно, что время социализма создало уже столько больших и малых работ о самом себе, что родилась и новая потребность: изучить уже историю самого изучения процесса возникновения и развития социалистического общества как в целом, так и в рамках каждой отдельной страны. Для нас, историков науки, это первая по важности и значению проблема. Историки исторической науки должны глубоко вникнуть в эту тему.

Источниковая база для разработки указанной проблемы уже весьма велика. Историческая наука, изучающая историю социалистического общества уже не в одной, а в ряде стран, богата исследовательской литературой, монографиями, статьями, диссертациями, специальными журналами по истории социализма в каждой из стран, документальными изданиями. И не только печатными страницами — она богата также живыми встречами людей, конференциями, коллоквиумами, симпозиумами, дискуссиями, спорами, книжными выставками и многими другими общественными формами познавательной работы человека. Все это — историографические факты, подлежащие изучению. Естественно, что в этих условиях появилась возможность удовлетворить потребность в изучении истории исторической науки социалистических обществ, их познания самих себя, изучения пройденного историками пути.

В СССР появилась не только многочисленная общая литература по истории социалистического развития нашей страны в целом,

но также и немало работ по истории социалистического развития народов, входящих в СССР. Мы уже располагаем значительным количеством исследовательских работ по историографии Украины, Белоруссии, Литвы, Молдавии, Латвии, Эстонии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и ряда автономных республик.

Я хотела в своем вступительном слове кратко очертить широкие исследовательские возможности, которые открыты перед нашей наукой — историографией и подчеркнуть важность нашего научного общения. Позвольте мне этим закончить и объявить нашу конференцию открытой.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Н. Городецкий

Необходимость развития историографических исследований по истории советского общества диктуется, во-первых, возросшим объемом и темпами накопления исторических знаний. Библиографическая статистика говорит о том, что ежегодно в нашей стране публикуется более тысячи книг, брошюр и научных статей по истории советского общества. По подсчетам специалистов лишь по истории советского рабочего класса за 1971—1975 гг. было опубликовано 1200 книг, брошюр и статей. Из них — что тоже примечательно — более 65% опубликованы в союзных республиках. Это свидетельствует о быстром росте советских национальных историографий.

Библиографию называют лоцией в море исторических знаний, исторических исследований. Историографию можно было бы назвать инструментом познания глубинных процессов, происходящих в самой исторической науке, инструментом познания закономерностей развития исторических знаний по истории, в данном случае — истории советского общества.

Во-вторых, необходимость развертывания историографических исследований порождена острой идеологической борьбой, которая ведется в современном мире вокруг проблем реального социализма. Историография советского общества в том виде, как она сейчас структурно сложилась, является острым оружием в борьбе против фальсификаторов истории советского общества, Октябрьской революции, социалистического строительства.

Мы можем говорить о двух генеральных концепциях, противостоящих друг другу, двух концепциях истории исторической науки. На последних международных конгрессах исторических наук, на конгрессах по истории науки, которые проходили в Сан-Франци-

ско и Токио, выяснилось, что современная буржуазная историческая мысль сама фиксирует состояние неполноценности исторической науки.

Давно уже прошли времена Марка Блока, и никто из буржуазных историков не дает апологии исторической науки. На конгрессе в Сан-Франциско выступали два итальянских историка — профессор Флорентийского университета Эрнесто Систан и профессор Римского университета Паоло Берецци. Именно они и сформулировали тезис, что современное общество испытывает отвращение к исторической науке. И самое важное в их признаниях — это то, что сама буржуазная историческая наука переживает кризис метода.

Если по сути дела в указанных заявлениях, сделанных серьезными историками, а не какими-либо советологами, которые питаются газетными фальсификациями, отрицается значение исторической науки как науки, то тем более это относится к истории исторической науки. Если историческая наука не является наукой, то не может быть и истории исторической науки. Вот почему Паоло Берецци, который несколько более оптимистичен, чем его коллега Эрнесто Систан, считает, что выход может быть лишь в применении приемов других наук, что сама историческая наука не может выработать правильного научного метода познания прошлого и настоящего, и только лишь с помощью других наук, с помощью математики, с помощью категорий естественных наук может выйти из этого тяжелого кризиса.

Любопытно напомнить, что современная буржуазная историческая наука коренным образом изменила отношение к революционному прошлому: перечеркивается значение Великой французской революции. Революция рассматривается как бедствие, как регресс в истории. Следовательно, буржуазная историческая наука ставит крест на той апологии своих революций, которая свойственна была XIX в.

Марксистско-ленинская историческая наука рассматривает историографию советского общества как комплексную дисциплину, в которой объединены: история исторической мысли, историческая лениниана как методологическая основа историографии советского общества. Она изучает структуру и изменение проблематики на различных этапах развития науки, занимается проблемой истории организации науки, политикой в области науки, историей научных центров, периодики, научных кадров. Эта часть историографии, относящаяся к истории организации науки, является тем звеном, которое соединяет историографию с науковедением.

Наш советский опыт развития историографии свидетельствует об огромном значении координации научных планов и усилий историков исторической науки.

Координацию в этой области осуществляет Научный совет по истории исторической науки во главе с академиком М. В. Нечкиной, которая уже сказала, что 20 лет тому назад, в 1958 году,

наш Научный совет провел первую конференцию, посвященную предмету и задачам историографии.

В 1960—1961 гг. была проведена широкая дискуссия на страницах журнала «История СССР» по вопросам периодизации истории советской исторической науки. В результате этой дискуссии была выработана та периодизация, которая сейчас лежит в основе историографических исследований. Конечно, периодизация, которая была выработана около 20 лет назад, нуждается в дальнейшем уточнении и особенно — в определении содержания последнего этапа — примерно с середины 60-х годов до наших дней.

В 1965 г. вышел сборник «История и историки» со статьей академика М. В. Нечкиной «История истории», посвященной проблемам методологии истории исторической науки. Этот ежегодник, особенно статья М. В. Нечкиной, оказали большое влияние на дальнейшее развитие истории исторической науки.

Приближался Ленинский юбилей — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. В 1968 г. Научный совет провел в Киеве сессию, посвященную проблеме «Ленин и историческая наука». Этим было положено начало разработке историографической ленинщины. В 1970—1971 гг. эта работа была продолжена. Вышел специальный ленинский ежегодник «История и историки», посвященный ленинской методологии, ленинской творческой лаборатории.

В 1976 г. Научный совет по истории Великой Октябрьской социалистической революции при участии нашего Совета провел международный симпозиум в Батуми, на котором выступили историки Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии. Результатом этой международной конференции, в которой принимали участие и историографы, был выход книги «Исторический опыт Великого Октября и его международное значение» (Тбилиси, 1977 г.). Здесь уже была сделана первая попытка обобщения опыта развития истории исторической науки не только в Советском Союзе, но и в социалистических странах.

Наконец, в 1978 г. в Цхалтубо прошла международная конференция, также с участием ученых социалистических стран, которая занималась дальнейшей разработкой проблем истории исторической науки по вопросам истории Октября и последующих социалистических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Так, шаг за шагом мы продвигались в разработке историографических проблем, все больше и больше сотрудничая с историками социалистических стран.

Необходимость такой историографической интеграции диктуется рядом важных соображений.

Мы не можем изучать историю советского общества вне того огромного влияния, которое Октябрьская революция, социалистическое строительство оказали на развитие мировой истории: От изучения истории трех российских революций мы перешли к изучению истории революций 1940-х годов. Естественно, все эти вопросы могут разрабатываться только совместными усилиями историков Советского Союза и стран социалистического содружества.

Обобщение огромного объема исторической литературы по указанным проблемам настоятельно требует создания крупных историографических исследований. В условиях дифференциации исторических знаний историография играет интегрирующую роль, она объединяет отдельные отрасли исторической науки, дает обобщение тех исторических знаний, которые добыты отдельными специальностями. Вместе с тем надо отметить и вытекающие из этого трудности.

Дело в том, что и в самих историографических исследованиях идет процесс дифференциации. Историография тоже расчленяется на ряд отдельных проблем, на отдельные мелкие отрасли. Она сама по себе требует обобщений, интегрирующих знаний. Если применять, конечно условно, терминологию естественных наук, то историография является своеобразным индикатором и катализатором исторической науки. Индикатором потому, что она обозначает степень изученности проблемы или, как говорят историографы, она проводит разведку, которая помогает выяснить уровень познания той или иной проблемы. Она и обозначает лакуны, которые образуются в ходе исследований, даже при том строгом плане научных исследований, который имеется в нашей стране. Например, у нас слабо изучается такой этап развития исторической науки, как 30—50-е годы.

Историография имеет важную этическую сторону. Она выявляет приоритет того или иного ученого. Эта сторона историографии воспитывает высокую нравственность у молодых исследователей. Между тем в некоторых историографических работах мы иногда встречаем критику на основе неточного пересказа той или иной работы. Так, автор одной из работ заявляет, что в нашей исторической науке еще не дана систематизация взглядов В. И. Ленина на предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. Как будто не было работ А. Л. Сидорова, А. В. Венедиктова, В. И. Бовыкина, К. Н. Тарновского, В. Я. Лаврычева и других историков, которые занимались проблемой предпосылок Великого Октября. Конечно, такого рода отступления от наших нравственных норм должны сурово осуждаться всеми историками исторической науки.

Историография является катализатором, т. е. ускорителем исторических знаний. Но здесь имеется опасная сторона. Когда мы преподносим студентам или молодым исследователям обобщенную картину того, как развивалась историческая наука, мы не должны допускать, чтобы между первоисточниками, т. е. сочинениями тех или иных историков, и молодым историком становился историограф. Историография должна быть так написана, чтобы читающий, допустим, работу о М. Н. Покровском зажегся желанием читать самого Покровского.

Я уже говорил о важности совместных работ советских ученых и ученых стран социализма. На этом пути сделаны уже значительные шаги. Накоплен опыт совместного исследования движения интернационалистов, совместных публикаций документов со-

ветско-чехословацких, советско-болгарских, советско-польских отношений. Широко применяется сравнительно-исторический метод в изучении истории социализма в нашей стране и странах социалистического содружества. Все эти работы основываются на твердом фундаменте марксистско-ленинской методологии. В развитии методологических основ нашей науки огромное значение имеют работы по Лениниане: разработка проблем истории советского общества в трудах В. И. Ленина, в первых декретах Советской власти, которые почти все подписаны Лениным. Советские историки опубликовали целый комплекс исследований о Ленине как историке Октября, гражданской войны, социалистического строительства. Важное место в этом комплексе занимают публикации, монографии, коллективные труды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Мы можем сейчас сказать о том, что уже сложились определенные типы историографических исследований. Наряду с такими крупными обобщающими работами, как «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 4, которые специально посвящены историографии советского общества, вышли «Очерки по историографии советского общества», подготовленные историками МГУ, Академии общественных наук; сборник обобщающих статей, подготовленный Институтом истории АН СССР, — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». Вышел целый ряд проблемных монографий по историографии рабочего класса, крестьянства, коллективизации, культурной революции. Но в проблематике исследований по историографии советского общества происходят сейчас очень важные структурные изменения. Появляется новое исследовательское направление — историография новой исторической общности — советского народа, историография развитого социализма.

О критике буржуазной историографии истории советского общества. Здесь мы уже многого достигли: создан большой комплекс трудов по критике работ буржуазных советологов. Хотелось бы сделать только одно замечание. Не всегда наши специалисты по зарубежной историографии правильно выбирают противника. А выбор противника — это очень важное дело. Над ничтожным противником одержать победу легко.

Значительное развитие в СССР получили национальные советские историографии не только в союзных, но и в автономных республиках. Наша задача заключается в том, чтобы огромный комплекс знаний, полученных в национальных республиках, был включен в общесоюзную историографию.

В заключение хотелось бы отметить, что опыт развития исторической науки в СССР и других социалистических странах позволяет констатировать существование некоторых общих черт. Как в Советском Союзе, так и в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии и Чехословакии первыми историками нового, социалистического общества выступали сами участники его создания. Характерно также, что для разработки истории социалистическо-

го общества понадобилось создание новых научных центров: старые были не в состоянии с этим справиться как в нашей стране, так и в других странах социализма. Исследовательские интересы историков молодых социалистических стран сконцентрировались в первую очередь на проблеме изучения советского опыта, изучения истории революционных социально-экономических преобразований в своих странах, выявлении общих закономерностей и специфических особенностей этих преобразований. Общей задачей, стоящей перед историками стран социалистического содружества, является борьба с буржуазной идеологией и с буржуазной историографией.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Член-корр. АН СССР

И. Д. Ковальченко

Историографические исследования по истории СССР дооктябрьского периода являются составной частью общего фронта историографических исследований советских историков. Их цель заключается в том, чтобы на основе выявления общих закономерностей развития исторической науки и анализа состояния разработки важнейших сторон и аспектов исторического развития нашей страны в досоветский период определить задачи и пути дальнейшего изучения этого развития.

Важность решения этой задачи особенно актуальна сейчас, когда советская историческая наука вступила в новую фазу, когда перед ней ставится цель создания фундаментальных работ в области всемирной и отечественной истории, повышения качества и эффективности исторических исследований. На это историков нацеливают решения партийных съездов, постановления ЦКПСС по вопросам развития общественных наук и, в частности, исторической науки.

В связи с этим значительно повышается роль историографии, поскольку она позволяет определить основные проблемы, которые стоят перед историками, и наметить пути и методы их разработки.

По проблемам истории исторической науки в СССР досоветского периода вышло в свет несколько десятков монографий и сотни статей. Среди них прежде всего обращают на себя внимание обобщающие работы: второе издание учебника по истории исторической науки в СССР (советский период), сводный очерк истории исторической науки в СССР (досоветский период), принадлежащий перу советского ученого А. М. Сахарова. Кроме того, появился целый ряд интересных монографий, исследующих различные аспекты и периоды истории исторической науки в нашей

стране, которые получили высокую оценку научной общественности.

Исследования по историографии истории СССР досоветского периода ведутся по трем направлениям. Первое — это изучение советскими историками истории исторических знаний и исторической науки в нашей стране с древнейших времен до 1917 г. во всем их многообразии. Другое направление представляет собой так называемую проблемную историографию, которая обобщает опыт исследовательской разработки тех или иных сторон, явлений и процессов в историческом развитии нашей страны, достигнутый как буржуазной историографией, так и, главным образом, советской исторической наукой. Такие проблемные историографические исследования являются непосредственной основой для определения задач, путей и методов дальнейшего изучения этих проблем. Третье направление, которым занимаются историографы, — это критика зарубежной буржуазной и ревизионистской историографии.

Если попытаться в целом оценить те характерные черты, которые присущи современным советским историографическим исследованиям в рассматриваемой области, то, несомненно, обращает на себя внимание одна из важнейших их черт — повышенный интерес к изучению персоналий, т. е. к рассмотрению исторических взглядов и концепций отдельных, наиболее крупных представителей исторической науки.

Прежде всего надо отметить большое внимание исследователей к изучению ленинской концепции исторического развития СССР в досоветский период.

В связи с празднованием 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. появилось большое число интересных работ, в которых рассматривается складывание и дальнейшее развитие ленинской концепции исторического развития нашей страны в целом, анализируется понимание Лениным отдельных сторон и явлений этого процесса.

Если говорить о развитии русской исторической мысли до XIX в., то в последние годы центральной фигурой, которая привлекала внимание советских историографов, был известный русский историк В. Татищев. О нем появилась целая серия исследований, преимущественно комплексных, одновременно источниковедческих и историографических. Интерес к Татищеву обусловлен тем, что его «История» донесла до нас определенные известия и факты о событиях древнейшей истории России, которые не сохранились в известных нам исторических источниках. Отсюда проблема достоверности, надежности этих известий и фактов, проблема, которая не может быть решена без всестороннего анализа исторических взглядов и методологических принципов Татищева.

Пристальное внимание советских историков привлекала история передовой революционно-демократической исторической мысли в России. Об этом свидетельствуют работы об исторических взглядах русских просветителей Н. Новикова и Я. Козельского,

отдельных представителей декабристского движения, петрашевцев, революционеров-демократов 40—60-х годов, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. Писарева, В. Берви-Флеровского и целого ряда других.

Повышается интерес к изучению исторических взглядов представителей дворянской и буржуазной исторической науки России XVIII—XIX вв. Появились работы о И. Болтине, Г. Эверсе, Н. Полевом, славянофилах, С. Соловьеве, В. Ключевском.

Интересной особенностью современного этапа изучения истории исторической науки досоветского периода является публикация ряда работ, изучающих целые направления отечественной исторической науки, их борьбу, их место в развитии исторических знаний.

Важные результаты получены в последние годы при изучении становления и развития исторических знаний и исторической науки у народов Средней Азии и других регионов, что свидетельствует о существенном расширении фронта историографических исследований.

Другой существенной чертой историографического процесса является рост интереса исследователей к вопросам развития инфраструктуры исторической науки. Это — проблемы, связанные с подготовкой кадров историков, с развитием сети научно-исследовательских учреждений по истории, с публикацией исторических источников, с характеристикой исторической периодики и т. д.

Важным результатом советских историографических исследований, особенно тех, которые посвящены изучению взглядов отдельных историков, является определение соотношения классово-партийной позиции исследователя, выражающейся в его общественно-политических взглядах, с его теоретическими и методологическими представлениями. Ведь именно они определяют сущность конкретно-исторической концепции каждого историка. Публикации последних лет показывают, что ученые отходят от несколько прямолинейного толкования указанной взаимосвязи.

Именно общественно-политическая, классово-партийная позиция является решающим фактором, определяющим сущность теоретических и методологических представлений, сущность конкретно-исторической концепции. Однако между этими компонентами нет однозначной, линейной зависимости. Их взаимосвязь носит сложный характер. Выясняется, что одни и те же, с точки зрения их сущности, общественно-политические воззрения допускают определенный диапазон колебаний как в вопросах теории и методологии исторического познания, так и в трактовке конкретных явлений исторического развития.

Этот вывод — важное теоретико-методологическое приобретение советской историографии, имеющее принципиальное значение.

Второй важный итог, вытекающий из исследований советских историографов, относится к вопросу, связанному с изучением этапов развития исторической науки, с характеристикой таких его

периодов, которые определяются как кризис тех или иных направлений в истории исторической науки.

Следует отметить, что вопрос о кризисе тех или иных направлений и течений в исторической науке до 1917 г. является одним из центральных. Ряд исследований, появившихся в последнее время, продвинул науку вперед в этом отношении. Еще не так давно были известны такие трактовки кризиса дворянской и буржуазной историографии в России XIX в.— начала XX в., которые представляли его если не распадом, то во всяком случае, стагнацией.

Исследования последних лет показали, что кризис того или иного направления в русской исторической науке — весьма сложное явление. Он выразился не в застое или в упадке, а представлял весьма сложное сочетание различных тенденций. Закономерность развития исторической науки состоит в том, что при кризисе того или иного направления всегда находятся историки, которые хотя и принадлежат к этому направлению, но пытаются найти выход из кризиса. Кризисная эпоха в развитии исторической науки — это сочетание самых различных тенденций и процессов, в том числе таких, которые связаны с поисками путей преодоления кризиса. Данный вывод — очень важное конкретно-историческое и методологическое достижение.

Круг задач, стоящих перед советскими историографами, занимающимися изучением исторической науки дореволюционной России, весьма обширен. Прежде всего необходима более равномерная разработка проблематики различных аспектов истории ее развития. При значительном расширении историографических исследований последнего времени есть проблемы, которые пока еще должным образом не разработаны. К числу таких проблем относится прежде всего вопрос о генезисе либерально-буржуазного направления в исторической науке России конца XVIII — первой трети XIX в. и соотношение этого процесса с проявлением зачатков ее кризиса. Изучение кризиса либерально-буржуазной историографии в России к концу XIX — началу XX в. является главной задачей советских историографов.

Другая проблема, требующая более пристального внимания, — изучение исторических взглядов славянофилов. Исторические концепции представителей этого течения общественной мысли до сих пор определяются двояко: одни исследователи относят их к консервативной, дворянской историографии, другие — к либерально-буржуазному направлению. К не вполне исследованным относится также вопрос о генезисе развития и основных направлениях мелкобуржуазной историографии в нашей стране (исторические взгляды либеральных народников, эсеро-меньшевистская историография начала XX в.).

Изучение кризиса буржуазной историографии России конца XIX — начала XX в. имеет громадное значение как для понимания самого процесса развития исторической науки, так и для критики современной буржуазной историографии истории СССР досоветского периода, поскольку многие современные концепции

буржуазной историографии об историческом развитии нашей страны уходят своими корнями к концепциям буржуазных историков России конца XIX — начала XX в.

В более тщательном изучении нуждается становление марксистско-ленинского направления в российской исторической науке. Основное внимание исследователей сконцентрировано на изучении исторической концепции В. И. Ленина. Но ведь российская марксистская мысль включала имена таких известных марксистов, как Н. Е. Федосеев, М. С. Ольминский, В. В. Воровский и др. Сама проблема воздействия марксистской исторической мысли России XIX — начала XX в. на развитие буржуазной исторической науки заслуживает более глубокого изучения.

Важное значение имеет и дальнейшая разработка теоретико-методологических основ историографических исследований. Необходимо более глубокое раскрытие связи общественно-политической позиции историка, его теоретических и методологических представлений с исторической концепцией. Необходимо выявление и других факторов, оказывавших влияние на формирование концепций отдельных историков.

Так, например, возникает вопрос, почему Н. М. Карамзин и А. Н. Радищев, являющиеся выходцами примерно из одной и той же социальной среды, прошедшие примерно одинаковый путь становления и принадлежащие к числу наиболее образованных людей своей эпохи, оказались на различных идейных позициях. Почему, например, в начале XX в. социал-демократ Г. В. Плеханов, когда он был меньшевиком, придерживался идей и концепций, которые были выдвинуты В. О. Ключевским и П. Н. Милюковым? И в то же время либерал Н. Павлов-Сильванский выступал с последовательной критикой Милюкова?

Можно, конечно, поставить и другие вопросы подобного рода, которые требуют выяснения индивидуально-психологических факторов, влияющих на формирование концепции того или иного историка.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

(1970-е годы)

А. О. Чубарьян

Развитие советских историографических исследований по проблемам всеобщей истории представляет собой широкий, разнообразный и многоплановый процесс. Он предполагает анализ состояния науки, касающейся истории рабовладения, феодализма и капитализма, включая империалистическую фазу его развития. В связи с этим необходимо рассмотрение историографических трудов, исследующих творчество тех советских историков, которые уделяли внимание изучению широких исторических эпох.

Как известно, большинство исследователей занято изучением конкретных исторических проблем и событий, затрагивающих социальную, экономическую, политическую или идейную историю. В каждом из таких исследований присутствует историографический обзор или, по крайней мере, имеются историографические отсылки и комментарии. Все они так или иначе включаются в общее русло историографических исследований.

Попытаемся подвести итоги, выделить и проследить общие черты, характеризующие особенности развития советских историографических исследований по проблемам всеобщей истории за последние 10 лет, наметить некоторые задачи и перспективы данной отрасли историографической науки.

Прежде всего следует отметить появление целого ряда работ, посвященных анализу взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на всемирную историю. Два капитальных труда — «Маркс-историк» и «Ф. Энгельс и проблемы истории», изданные в 1968 и в 1970 гг., ознаменовали новый этап изучения исторических взглядов классиков марксизма. Авторы этих трудов стремятся определить систему исторических воззрений и представлений Маркса и Энгельса, проследить методы и способы их анализа исторических явлений.

Важное место в исследованиях советских историков занимает продолжающееся изучение ленинского идейного наследия. Наибольший интерес представляют те работы, в которых анализируются исторические взгляды Ленина, его подход к изучению всемирной истории, отдельных этапов и сторон исторического процесса, его методы историографического анализа.

Если определять основные особенности современного этапа развития исторической науки, то одна из них, причем наиболее характерная, состоит в усилении внимания к проблемам теории и методологии. Этот процесс получил отражение и в историографических исследованиях. Выразился он, прежде всего, в большем внимании к закономерностям развития исторической науки, к методологии самих историографических исследований. В целом ряде работ рассматриваются исторические исследования по проблемам всемирной истории, анализируется подход советских историков к теоретическим вопросам, к изучению законов классовой борьбы, роли народных масс в истории и т. п. Это, в свою очередь, привело к повышению теоретического уровня самих историографических исследований. Преимущественное внимание стало уделяться сопоставлению концепций и взглядов, рассмотрению их в системе исторических теорий и представлений.

Подобный подход позволил уловить связь исторических теорий с философскими концепциями.

Советские историографы следовали лучшим образцам наследия классиков марксизма-ленинизма, которые блестяще улавливали связь исторических воззрений с философскими и политическими взглядами, преобладавшими в обществе в тот или иной период. С этим связано и большее внимание к вопросу о социаль-

ных функций исторической науки, ее зависимости от общих идеологических основ общественного развития.

Особое направление в историографической науке представляет подготовка трудов о деятелях науки, об их вкладе в разработку проблем всеобщей истории.

Вышел ряд книг и монографий по проблемам историографии Древнего мира, Древней Греции и Древнего Рима, Древней Индии и Японии, арабских стран и Юго-Восточной Азии. В этих работах анализируется уровень и перспективы советских исследований в данной области исторической науки.

Значительны достижения историографии советской средневековой истории, в том числе византиноведения. В работах, вышедших в последние годы, рассматривались исследования русских дореволюционных и советских медиевистов по истории крестьянства и представительных учреждений, по вопросам классовой борьбы.

В трудах советских историографов инвентаризация сделанного присутствует как средство для широких историографических обобщений, для определения и формулирования задач этой отрасли науки. Констатация сделанного, например, в области социально-экономической истории и в сфере истории межличностных связей и культуры позволила авторам ряда публикаций сделать важные наблюдения и выводы о взаимосвязи этих направлений, о необходимости избегать упрощенчества и односторонности, о важности комплексно-системного подхода к анализу феодальной формации. Сделаны выводы о выравнивании фронта исследований, о поддержке исследований одних и об отставании в изучении других компонентов истории зарубежного средневековья. Заметное место в советской историографической литературе занимает анализ проблем новой истории. Публикации по этой проблеме весьма разноплановы. Но именно в этой многоплановости и заложен первый из аргументов в пользу того, что данная отрасль историографии развивается успешно и плодотворно. Специфическая черта и достоинство этих трудов состоит в том, что в них преобладают темы по истории революционной борьбы и рабочего движения. В немалой степени это объясняется спецификой эпохи нового времени — эпохи революции и начала пролетарского этапа революционной борьбы.

Период нового времени — это эпоха становления буржуазной исторической науки. Изучение истории идейной и общественной мысли XVIII—XIX столетий всегда служило предметом особого внимания советских историков. Представляется, что и сейчас названная проблема сохраняет свою актуальность. Наши идейные противники в своих исторических построениях часто апеллируют к опыту и традициям буржуазных историков и идеологов ранней буржуазной эпохи, препарируя их взгляды в соответствии с потребностями современности.

Значительное место в историографических исследованиях занимают работы по проблемам новейшей истории. Эти работы, естественно, отражают характер и уровень разработки самих ис-

торических проблем. Основное внимание советских историков сосредоточено на исследовании проблем международного рабочего и демократического движения, истории международных отношений и внешней политики, на изучении особенностей социально-экономического и политического развития отдельных стран и регионов, на анализе исторического процесса в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Современная эпоха — это эпоха все возрастающего влияния стран социалистического содружества на ход мирового развития, ускорения темпов общественного развития. Поэтому советские историографы оценивают деятельность историков по тому, насколько они раскрывают указанные особенности развития мира в XX столетии, как успешно они улавливают взаимосвязь и взаимовлияние общественных процессов, соотношение экономики и политики на современном этапе, взаимодействие различных явлений мирового революционного процесса и т. п.

Исторические исследования в области новейшей истории отличаются комплексным характером. Изучение социально-экономических, политических и идеологических проблем требует сегодня объединения усилий историков и экономистов, философов и социологов. Эта стыковка научных дисциплин отражается на развитии исторической науки и соответственно на историографических исследованиях.

В последние годы значительное развитие получили историографические исследования по таким комплексным историческим дисциплинам, как востоковедение и славяноведение.

В 70-е годы был опубликован ряд статей по итогам и перспективам исследований в области японоведения, китаеведения. Были изданы труды об исследованиях в области тюркологии, арабистики, монголоведения, буддологии, ламаизма и пр. Намечился определенный поворот и в сторону более глубокой разработки перспектив советской африканистики, с учетом специфики развития событий на Африканском континенте и в связи с острой идеологической борьбой на международной арене.

Значительны достижения советских военных историографов, в работах которых анализируются итоги исследований по проблемам зарубежной военной истории.

Отдельный важный вопрос в историографии представляет анализ состояния и тенденций развития исторических исследований по истории социалистических стран Европы, Азии и Америки. За последние годы опубликовано значительное число трудов, раскрывающих становление, развитие и перспективы марксистской исторической науки в странах социализма.

Характеризуя развитие отдельных направлений историографических исследований, следует выделить и ряд проблем, общих для всех этих направлений.

Существует большая методологическая проблема взаимосвязи развития историографии и самой исторической науки. В целом уровень историографических исследований, разумеется, отражает

состояние тех или иных направлений исторической науки. Достижения и размах тех или иных областей ее, акцент на тот или другой вопросы соответственно вызывают появление историографических книг, обзоров и статей, стимулируют желание к подведению итогов науки, к определению ее тенденций.

Так, например, достижения советских историков в изучении истории английского рабочего движения в XIX столетии привели к появлению целого ряда серьезных историографических трудов. В более широком плане общий интерес к проблемам возникновения марксизма, к истории международного рабочего движения в новое и новейшее время, к его современному этапу отразился на количестве и качестве историографических трудов в этой области.

Широкий и быстрый рост советской американистики привел к тому, что за последние годы появился целый ряд серьезных историографических публикаций, подводящих итоги и раскрывающих перспективы изучения истории США, содержащих сопоставление с итогами исследований, ведущихся американскими историками.

Однако констатация подобной взаимосвязи историографии и исторической науки лишь усиливает важность методологического изучения механизма этой взаимосвязи. Важно изучить не только процесс общего стимулирования и воздействия исторической науки на историографию, но и определить, например, какие формы историографических исследований доминируют при этом воздействии, как оно сказывается на теоретическом или эмпирическом уровнях. Однако существует и другая более важная сторона проблемы. Речь идет об обратной связи, о том, насколько развитие историографии и ее уровень влияют на процесс развития самой науки.

При рассмотрении историографических исследований можно констатировать преобладание двух методов — констатационного и прогностического. При первом историографические исследования выполняют как бы пассивную функцию. Они не стимулируют развития науки. Прогностический элемент, определение перспектив, указание на пробелы и нерешенные вопросы придавал бы историографии более активную и стимулирующую роль.

С этим непосредственно связан и вопрос о содержании и форме самих историографических исследований. Главное здесь состоит в повышении их теоретического уровня, в усилении аналитического элемента.

Решение вопроса о возможных направлениях сотрудничества ученых стран социализма в области историографии требует рассмотрения социальных функций исторической науки.

Являясь классовой, партийной наукой, историография участвует в выработке и совершенствовании методологических и философских основ собственно исторической науки. Выделение, анализ и оценка тех направлений, которые раскрывают общие закономерности и тенденции всемирно-исторического процесса, проблему смены общественно-экономических формаций, соотношение

экономики и политики, базиса и надстройки, роль социальных и идейных факторов, содействует прогрессу материалистического, марксистско-ленинского направления в исторической науке.

Важное значение имеет проблема детерминированности самой историографической науки. Она зависит от общих философских и идеологических представлений той или иной эпохи. Как часть надстройки историография отражает социально-экономические, политические и философские взгляды, господствующие в обществе.

Историография имеет и мировоззренческую сторону. Историографические концепции определяются взглядами самого историографа, его философскими и политическими представлениями.

Социальная функция и природа историографии становится особенно ясной в ее сопоставлении и в борьбе марксистской и буржуазных теорий исторического развития.

В раскрытии методологических и гносеологических основ современной буржуазной исторической науки советскими историками проделана большая и плодотворная работа. Если 10—15 лет назад закладывались основы и выработывались методы исследования трудов буржуазных историков, причем основной формой диалога было рецензирование отдельных публикаций, то сейчас советские ученые перешли к обобщающим работам, рассматривающим историческую науку на Западе в ее развитии и в сопоставлениях. В трудах советских историографов делаются попытки вскрыть эволюцию буржуазных исследований по истории, показать новейшие методы и приемы буржуазных авторов. Данной теме посвящены многие коллективные труды, подготовленные в Москве, Ленинграде, Казани, Томске и многих других городах.

Вместе с тем в деле изучения буржуазной историографии стоят большие задачи. Необходимо уделять большее внимание проблеме определения сущности «кризиса буржуазной исторической науки». Вероятно, следует проводить более четкое различие кризисных явлений и тех черт, которые имманентно присущи буржуазной исторической науке вообще. Поэтому содержание понятия «кризис буржуазной исторической науки» может быть раскрыто лишь при сопоставлении различных сторон и этапов ее развития. Необходимо также определить хронологические рамки наступления кризиса, его наиболее характерные черты и проявления. При этом важно отделять кризисные явления, взятые в глобальном аспекте, от кризиса отдельных школ и направлений.

Перед советскими историографами стоит задача проанализировать те изменения в методологии и методике исторического анализа, которые происходят в буржуазной исторической науке под влиянием марксизма и общих сдвигов в мировом развитии в пользу социализма. При анализе исторических концепций необходимо строго соблюдать принцип историзма, видеть зарождение исторических теорий и проводить их анализ как в горизонтальном, так и вертикальном разрезах, т. е. сопоставлять их с другими теориями, представлениями и методиками, раскрывать их

динамику и эволюцию. Только при таком подходе мы сможем понять тенденции и механизм развития буржуазной исторической науки.

С методологическими факторами проблемы связан также и вопрос о формах историографических исследований. Простейшие из них — рецензия и обзор. Признавая полезность любого историографического введения, рецензии или обзора, следует, видимо, основное внимание уделять монографическому изучению историографических сюжетов. Эти исследования должны содержать сопоставление исторических теорий и концепций, оценивать те или иные области исторической науки и труды отдельных историков в сравнении с общим уровнем и задачами науки.

Существует определенная потребность и в том, чтобы сочетать содержательный анализ с постановкой научно-организационных и кадровых проблем. Строго говоря, эта задача выходит за рамки историографической науки, но она может сыграть свою роль и здесь, содействуя анализу состояния тех или иных отраслей исторической науки и помогая совершенствованию ее организационных форм и обеспеченности соответствующими кадрами.

Задача историографов социалистических стран состоит в том, чтобы совместными усилиями выработать направления и формы сотрудничества. Представляется весьма перспективным проведение встреч по таким вопросам, как методологические аспекты исторической науки и историографии стран социализма, социальные функции исторической науки, анализ современного состояния буржуазной исторической науки, проблема кризиса буржуазной исторической науки, вопросы популяризации исторических знаний и др.

Сотрудничество в этой области будет полезным для дальнейшего развития теории и практики марксистской исторической науки, для повышения ее эффективности в борьбе с буржуазными концепциями исторического процесса.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В БОЛГАРИИ

М. Велева

(НРБ)

В последнее время интерес к истории исторической науки в Болгарии непрерывно растет. Это естественный процесс, вызванный ростом объема научной продукции по истории и большими задачами, стоящими перед болгарской исторической наукой в связи с предстоящим празднованием 1300-летия образования болгарского государства, а также работой над многотомной историей болгарского народа.

Чтобы охарактеризовать нынешнее состояние изучения истории исторической науки в Болгарии, необходимо хотя бы вкратце остановиться на традициях историографического поиска, унаследованных от буржуазной исторической науки. Нельзя сказать, что буржуазные историки не понимали важности историографических исследований. Однако после освобождения Болгарии от османского ига (1878 г.), когда создались более благоприятные условия для развития исторической науки, необходимость в собственно исторических исследованиях была гораздо большей, нежели оценка уже совершенного. Между тем число специалистов-историков было невелико.

Основными формами историографического анализа на начальном этапе развития болгарской буржуазной историографии были рецензии на исторические сочинения, обзоры выходящей литературы, публикации биографий историков в связи с юбилеями, некрологи, а также статьи, содержащие информацию о научных учреждениях — Академии наук, университетов и различных исторических обществах. Большим достижением буржуазных историков было создание специальных университетских курсов по истории исторической науки в Болгарии и Европе.

Общая слабость тогдашних историографических работ заключалась в недостаточном проникновении в философско-идейную и политическую сущность исторического познания как современной, так и предыдущих эпох.

После победы революции 9 сентября 1944 г. болгарская историческая наука пережила продолжительный этап коренного преобразования на основе усвоения принципов исторического материализма. Сразу же возникла необходимость критического пересмотра буржуазных концепций истории Болгарии.

Однако период с 1944 г. до конца 50-х годов был чрезвычайно беден историографическими исследованиями. Это может быть объяснено недостаточными силами марксистской историографии в Болгарии и общей обстановкой, не очень благоприятствовавшей теоретическим занятиям историков. В первые годы после 9 сентября существовало, разумеется, общее отрицательное отношение к буржуазному научному наследию. Затем наступил длительный период умалчивания достижений исторической науки прошлого, игнорирования их. Это задержало освоение достижений науки прошлого, помешало выделению ценного из того, что накопила буржуазная историческая наука. Позже, уже в 50—60-х годах, делались настойчивые попытки преодолеть инертность, избежать схематизм и упрощенчество в понимании и отношении к буржуазному наследию, избежать скованности при постановке историографических проблем, ограниченности тематики. Однако историографические исследования все еще носили случайный характер. Даже Второе национальное совещание историков в январе 1964 г. не ставило в ряду других задач вопроса о необходимости изучения научного исторического наследия. Только в 1967 г. в институте Истории Академии наук НРБ оформляется группа методоло-

гии и историографии. Было возобновлено преподавание болгарской историографии в Софийском университете им. Климента Охридского, организовывались спецкурсы по истории исторической науки в Западной Европе и России.

На Первом съезде Болгарского исторического общества, в январе 1970 г., было зачитано несколько докладов, посвященных различным аспектам в истории исторической науки в Болгарии. Несмотря на преобладание библиографического аспекта, эти доклады все же представляли собой шаг вперед при разработке историографических проблем.

Затем в нарастающем темпе начинает усиливаться интерес к истории исторической науки. Особое значение имели при этом организация и проведение в мае 1972 г. Международной историографической конференции, посвященной проблемам болгарской историографии после второй мировой войны. Состоялись научные сессии, посвященные известным болгарским историкам — Ал. Бурмову, С. Палаузову, В. Златарскому, Д. Дечеву и др. К тому времени уже вышли в свет два сборника, посвященные методологическим и историографическим проблемам исторической науки (1975 и 1978 гг.). Чрезвычайно важное значение имеет также предпринятое с 1960 г. издание ряда книг в серии «Историческое наследство». Это переиздание основных исторических трудов буржуазных и марксистских авторов прошлого, причем каждый том содержит небольшую оценочную статью об их творчестве, библиографические дополнения и прочий научно-справочный материал. Вне этой серии аналогичные публикации осуществлялись и другими издательствами. Редакторами и авторами вступительных статей к указанным изданиям являются известные болгарские историки.

Уже несколько лет читается курс болгарской историографии в Тырновском университете, защищены или подготовлены к защите первые историографические диссертации на соискание степени кандидата наук. Следует подчеркнуть еще один весьма примечательный факт, это — издание юбилейных сборников, посвященных жизни и творчеству выдающихся болгарских историков, включающих полную библиографию их трудов и отзывы об их научном наследии.

Характеризуя современное состояние болгарской историографии, следует подчеркнуть, что еще мало внимания уделяется методологическим проблемам историографии. В этом отношении болгарские ученые опираются на уже существующую исследовательскую практику и в значительной мере на достижения советской теоретической и методологической мысли.

Чаще привлекал и привлекает внимание болгарских историков вопрос о периодизации развития исторических знаний и исторической науки в Болгарии. В своем университетском курсе историографии, прочитанном еще в начале XX в., крупнейший болгарский историк В. Златарский рассматривал период от Папсия до С. Палаузова, а в ряде статей и докладов касался также и

творчества своих непосредственных предшественников и учителей — М. Дринова и К. Иречека. Позднее, в 1920 г., П. Ников высказал мнение о том, что в истории болгарской исторической науки следует выделить два периода: от Паисия до М. Дринова (период национального романтизма). Последующий период — время беспристрастного и критического отношения к источникам. Позже В. Златарский и И. Дуйчев говорили о том, что начало исторических знаний в Болгарии следует отнести к средневековью, но они не обосновали этого своего вывода. В работах после 9 сентября 1944 г. Т. Влахов указывал, что хотя болгарская историческая наука ведет свое начало от Паисия, следует исключить из ее истории весь период средневековья. В последние годы Г. Тодоров выступает против такой точки зрения, обстоятельно и убедительно доказывая тезис о развитии болгарского исторического познания и во время средневековья.

Ныне в развитии исторических знаний и исторической науки в Болгарии историографами выделяются следующие периоды: первый — средневековый, для которого характерна летописная традиция. Он делится на три подпериода: а) дописменный, языческий; б) письменный, христианский; в) исторических знаний и интересов в условиях османского рабства. Второй период — буржуазный, с подпериодами: а) время Болгарского возрождения — в основе национально-романтический; б) научно-критический, позитивистский, зародившийся в эпоху национального Болгарского возрождения и основной для буржуазной исторической науки — со времени Освобождения до Сентябрьского восстания (1923). Он повлиял на содержание исторических исследований в период между двумя мировыми войнами; в) субъективно-идеалистический и фашистский — с 20-х годов XX в. до 9 сентября 1944 г. Третий период — материалистического понимания истории, с подпериодами: а) его зарождение и развитие — с 1891 г. до 9 сентября 1944 г.; б) его утверждение на идейной основе марксизма-ленинизма и последующее развитие — с 1944 г. и до наших дней.

Выработанная периодизация, хотя ее пока и нельзя признать вполне обоснованной, принята большинством специалистов и включена в программу университета курса историографии.

Средневековый период с точки зрения развития истории исторической мысли исследован еще весьма слабо. Буржуазные ученые считали, что памятники этого периода не представляют историографического интереса. Письменные памятники рассматривались лишь в источниковедческом, литературном и языковедческом планах. Одной из немногих попыток рассмотрения средневековых памятников в специфически историографическом аспекте является небольшая монография Г. Тодорова, а также работы И. Дуйчева. В этих исследованиях были сделаны интересные наблюдения (хотя и с источниковедческой позиции) над связями и взаимным влиянием болгарской, византийской и русской исторической мысли.

Изучение исторической мысли эпохи Болгарского возрождения продвинулось гораздо дальше. Интерес историографов как в прошлом, так и теперь вызывает труд жившего в XVIII в. известного деятеля болгарского культурно-национального Возрождения Паисия. Долгие годы марксистская историография повторяла мнение буржуазных ученых-позитивистов об отсутствии научной ценности его знаменитого труда — «Истории славяноболгарской» (1762 г.). В последнее же время это мнение подвергается переоценке. «История...» Паисия вполне закономерно рассматривается в связи с той исторической обстановкой, в которой она была написана.

Появился также ряд исследований об исторических взглядах некоторых других деятелей Болгарского возрождения. Следует отметить, что в XIX в. в Болгарии активно действовали непрофессиональные историки: писатели, общественные деятели, революционеры, духовные лица и др. В качестве историков-профессионалов выступали лишь два болгарина, работавшие в России, — С. Палаузов и М. Дринов. Зато многие писатели этого времени более или менее успешно разрабатывали исторические проблемы, писали небольшие монографии, находили и опубликовывали источники. Так, ими, например, были исследованы историческое творчество и взгляды известного болгарского революционера Г. Раковского, жизнь и труды С. Палаузова и М. Дринова. Однако многие из деятелей рассматриваемого периода еще ждут своего исследователя.

Еще меньше имеется проблемно-историографических исследований, относящихся к этой эпохе. Немногочисленные исследования, выполненные на эмпирическом уровне, носят весьма общий характер. И в буржуазной и в марксистской историографии историческая литература эпохи Болгарского возрождения считается национально-романтической. Однако эта литература не была подвергнута ни конкретно-специфическому, ни типологическому анализу с целью выяснения природы этого «романтизма».

Об исторической науке в период от освобождения Болгарии (1878) до Сентябрьского восстания (1923) существует сравнительно много исследований. В сущности в этот и последующий периоды (до второй мировой войны) успехи буржуазной исторической науки достигают кульминационной точки. В это время работают наиболее выдающиеся болгарские буржуазные ученые, и интерес к их работе закономерен. Но и в этом случае они пишут главным образом об отдельных ученых, исследуя их жизнь и творчество. В своем большинстве статьи и монографические исследования являются юбилейными, обзорными или узко биографическими. Многие из них носят скорее литературоведческий, нежели историографический характер. Опубликовано и несколько проблемно-тематических исследований, дающих общую картину историографического процесса в рассматриваемый период.

Несколько работ посвящено важному и актуальному вопросу о степени изученности исторической литературы, оценке и пони-

манию антифашистского движения и социалистической революции 9 сентября 1944 г. в Болгарии. Однако и в этих работах недостаточно внимания уделяется теоретико-методологическим проблемам, не выяснены идейно-философские предпосылки взглядов ученых на исторический процесс.

Историки болгарской исторической науки неизменно обращаются к вопросу о формировании и развитии материалистического марксистского течения в болгарской историографии до социалистической революции 8 сентября 1944 г. Предметом анализа являлись прежде всего труды вождя и организатора революционной партии пролетариата Болгарии, выдающегося революционера и теоретика Д. Благоева. Значительно меньше работ, в которых историографически рассматриваются труды других руководящих и активных партийных деятелей. Опубликованные работы в большинстве своем носят узкобиографический или описательно-библиографический характер. Болгарскими историографами пока не выявлен ни круг ученых, находившихся под влиянием марксистской исторической мысли, ни формы и степень этого влияния.

Большой интерес для исследователей представляет изучение современного развития исторической науки в Народной Республике Болгарии. Довольно полная и всесторонняя оценка ее достижений и недостатков была дана на Международной историографической конференции в 1972 г. В коллективном докладе под общей редакцией акад. Д. Косева было прослежено развитие болгарской исторической науки, сделана первая попытка ее периодизации. Характерными чертами историографического процесса стало расширение исторической тематики, увеличение, обогащение и разнообразие видов привлекаемых исторических источников. Ряд историографических докладов о степени освоения различных проблем и аспектов исторического развития Болгарии, о ее взаимосвязях с другими народами был зачитан на заседаниях отдельных секций названной конференции.

В выступлениях представителей исторической науки других стран рассматривалось состояние исторической болгаристики в ряде социалистических государств и в некоторых капиталистических странах.

В совокупности, несмотря на небольшой объем и обзорный характер, историографические исследования в Болгарии дают представление об общем состоянии исторической науки, различных ее отраслей, что позволяет наметить дальнейшие пути и направления научного поиска.

Современные болгарские историки исторической науки стремятся включить в круг своих интересов не только болгаристику — в Болгарии или за рубежом, но отчасти и некоторые проблемы зарубежной историографии всеобщей истории.

Во многих исследованиях и статьях разоблачается фальсификация болгарской истории или же дается отпор буржуазным теориям, касающимся проблем современной истории.

Мы можем констатировать, что болгарская историография имеет определенные успехи в накоплении исследований об отдельных историках, о развитии исторических знаний в различные периоды и по некоторым темам. Однако решение главной задачи — создание обобщающего труда по истории исторической науки в Болгарии со времени основания Болгарского государства до наших дней — еще впереди.

ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

С. Грынчаров

(НРБ)

Исследования болгарских ученых, посвященные внешней политике и международным отношениям Болгарии и других стран, имеют недолгую историю. Наследство буржуазной науки в этой комплексной по своему характеру и весьма сложной области было бедным и не отличалось высоким качеством. В силу ряда объективных причин в первые годы существования НРБ марксистское исследование международных отношений развивалось замедленными темпами. Количество, качество и тематическое разнообразие трудов по истории внешней политики резко повысились за последние 10—15 лет. Есть попытки провести историографическое изучение этой уже достаточно значительной печатной продукции, однако их еще недостаточно.

В болгарской историографической литературе международных отношений нам представляется возможным выделить три типа работ: 1) исследования политико-дипломатического аспекта международных отношений; 2) исследования экономического аспекта международных отношений и 3) исследования связей между внутренней и внешней политикой. Учитывая специфику болгарского внешнеполитического процесса в эпоху капитализма, можно было бы добавить еще один тип, а именно исследования, касающиеся деятельности специфически болгарских факторов, влияющих на внешнюю политику Болгарии, других балканских стран или великих держав. Речь идет о деятельности болгарских институтов и организаций, находящихся вне пределов страны, например болгарской экзархии в Константинополе, внутренней македонской революционной организации и др. Эта типология соответствует современному состоянию болгарских внешнеполитических исследований.

Основная масса болгарских внешнеполитических исследований сосредоточена преимущественно на периодах, непосредствен-

но предшествующих балканским, первой и второй мировым войнам. Такое положение вещей вполне объяснимо, ибо эти войны сопровождались или национальными катастрофами, или коренными изменениями, имеющими решающие социально-экономические, политические, моральные и психологические последствия для болгарской нации.

Долгое время одной из основных проблем болгарской историографии являлась проблема внешнеполитической ориентации болгарских правительств накануне двух мировых войн. Особое внимание уделялось соотношению между экономической и политической ориентацией болгарской буржуазии.

Вопрос о внешнеполитической ориентации непосредственно связан с вопросом о возможностях малых государств проводить самостоятельную внешнюю политику в эпоху капитализма. Несколько лет назад Институт истории Болгарской академии наук провел теоретический семинар на эту тему. Был сделан один общий вывод, что при капитализме возможность малых государств сохранить свою независимость была весьма относительной, а их подчиненное положение, хотя и в разной степени, — абсолютным.

Указывая размеры, формы, степень зависимости внешней политики Балканских стран, в частности внешней политики Болгарии, от великих держав, болгарские авторы не обходят вниманием и обратное воздействие политики Балканских стран на внешнеполитическое поведение этих держав. Ввиду того, что Балканы являлись ареной столкновения интересов великих держав, самостоятельные действия малых Балканских государств, в том числе, Болгарии, в определенные исторические моменты, не играя решающей роли, приобретали вес во внешнеполитических расчетах крупных империалистических сил.

Другой взгляд, особенно распространенный в посвященных теории международных отношений работах западных авторов, состоит в том, что у малых стран преобладает якобы защитная внешнеполитическая функция, а именно направленная на сохранение целостности и суверенитета государства и в меньшей степени — на территориальное расширение. Болгарские, советские и некоторые другие исследователи показывают, однако, что такая характеристика не применима к Балканским странам, по крайней мере к некоторым периодам их развития. Балканская региональная система международных отношений складывалась постепенно в XIX в. в результате освобождения отдельных национальностей на Балканах от турецкой зависимости. С момента своего зарождения она имела ярко выраженный динамический характер. С этим непосредственно связан вклад болгарских авторов в выяснение внешнеполитических целей Балканских стран, внешнеполитических устремлений их буржуазии.

Одна из особенностей балканской региональной системы международных отношений состояла в том, что освобождение наций, находившихся в составе Османской империи, не было завершено.

Механизмом исторической преемственности нерешенные задачи одной эпохи могут быть перенесены в другую, сохранив свое значение. При этом, однако, неминуемо изменяются условия и средства их решения. Полное национальное освобождение и объединение, бывшее задачей национально-освободительных движений на Балканах, после создания Балканских государств стало целью их внешней политики. Однако в новых условиях господства местной буржуазии существенно изменился характер борьбы за национальное объединение. Классовый характер внешней политики балканских стран определил ее методы и соответственно видоизменил ее цели. Стремление довершить национальное объединение превратилось и в средство утверждения своей гегемонии на Балканах со стороны каждого Балканского государства.

Специфической чертой болгарской внешней политики перед первой мировой войной и в межвоенный период являлось ее стремление утвердить перевес Болгарии на Балканах. В силу ряда конкретно-исторических причин буржуазия каждого балканского государства имела территориальные претензии к соседним странам. До первой мировой войны проявление динамического характера внешней политики Балканских стран было возможным, в частности, и потому, что большая часть их претензий была направлена прямо или косвенно против разлагающейся Турции, не представлявшей опасности для их национальной независимости. Этот динамизм выразился в таких событиях, как воссоединение Болгарии и сербско-болгарская война в 1885 г., греко-турецкая война 1897 г., провозглашение независимости Болгарии в 1908 г.; вершиной его явились балканские войны 1912—1913 гг.

После первой мировой войны положение в корне изменилось. Нейнский договор утвердил и на Балканах устойчивое противоречие между победителями и побежденными. Основной целью внешней политики Балканских стран-победительниц и отчасти Турции стало сохранение благоприятного для них территориального статус-кво на Балканах и противопоставление всеми средствами возможным попыткам его пересмотра со стороны Болгарии. Целью политики Болгарии стал мирный пересмотр Нейнского договора и неприсоединение к враждующим блокам. Таким образом, в период между двумя мировыми войнами в сложившейся на Балканах системе международных отношений в целом решительно преобладали защитные функции. В отличие от периода перед первой мировой войной, опасность войны на Балканах возникала не из противоречий в самой этой системе, а зарождалась вне ее пределов. Собственно, балканские противоречия играли исключительно отрицательную роль, но не как причина конфликта, а как фактор, снижающий устойчивость балканской системы международных отношений к агрессии извне. Балканский пакт не смог послужить инструментом сохранения мира на Балканах. Основной причиной этого явился, разумеется, отказ капиталистических стран Запада от политики коллективной без-

опасности и сотрудничества с СССР, что ослабило систему блоков малых стран, за которыми стояла Франция. Но, как показывают исследования болгарских, советских и некоторых других авторов, неэффективность Балканского пакта определялась и внутренними факторами, в том числе противоречиями между его участниками и не в последнюю очередь тем, что в него входила Болгария. Условия приема Болгарии в Балканский пакт сводились не только к новому изданию Нейнского договора, но и к требованию к Болгарии отказаться от своего стремления к его мирному пересмотру, которое она обосновывала этим же договором. Болгария не приняла этих условий, а Балканский пакт приобрел антиболгарскую направленность, что отчасти обусловило предрасположенность болгарской политики к ревизионистским государствам и в целом ослабляло устойчивость балканской системы.

Приведенная выше характеристика вклада болгарской историографии в решение важных вопросов истории болгарской внешней политики и международных отношений на Балканах, быть может, создает известное представление о том, что в своем нынешнем состоянии болгарская историческая мысль обладает нужными качествами для того, чтобы приступить к решению некоторых вопросов более высокого теоретического порядка. Это могут быть и вопросы, в принципе решенные другими науками. Возьмем, к примеру, такие вопросы, как соотношение между внутренней и внешней политикой, между экономическими и политическими интересами в сфере международных отношений, между уровнем социально-экономического развития и внешнеполитическим поведением отдельных стран. В общетеоретическом отношении мы располагаем ответом на все эти вопросы, данным нам классиками марксизма. Исторические закономерности, однако, проявляются специфическим образом в разное время и в разных местах, и этой спецификой занимается историческая наука, причем она в состоянии сделать определенные обобщения и на основе материала, ограниченного хронологически и географически. Даже проявление данной исторической закономерности или социологического закона в определенных случаях может оказаться не специфической особенностью, а общей для широкого круга исторических явлений. Таким образом, перед исторической наукой в отношении болгарской и балканской истории в эпоху капитализма стоят следующие проблемы: играло ли и в какой мере социально-экономическое развитие малых Балканских стран доминирующую роль в определении характера балканских международных отношений? Имела ли внутренняя политика Болгарии и остальных Балканских стран всегда определяющее значение по отношению к их внешней политике? Экономические ли интересы буржуазии отдельных Балканских стран диктовали их внешнеполитическое поведение?

Не считая возможным дать здесь полный и исчерпывающий ответ на эти вопросы, быть может, небесполезно привести некоторые рассуждения по ним, определяющиеся, по нашему мнению,

нынешним состоянием болгарской и, разумеется, зарубежной историографии.

Бесспорно, и в этом случае указания классиков марксизма имеют ключевое значение. Положение Ленина о том, что «мы живем не только в отдельных государствах, но и в известной системе государств», по нашему мнению, предоставляет одну из основных исходных теоретических позиций для вскрытия специфического действия исторических закономерностей в области международных отношений. Болгария и остальные Балканские страны образовывали балканскую региональную систему международных отношений. Разумеется, уровень их социально-экономического развития определял основные характерные черты этой системы, в частности, то, что она состояла из слабых государств. Особенность развития этой системы состоит в том, что она лишь в незначительной степени подвергалась влиянию со стороны самих Балканских стран. Балканская региональная система представляла собой подсистему европейской системы международных отношений, притом занимающую не руководящее, а подчиненное положение. Функционирование балканской подсистемы и ее основные закономерности определялись и контролировались европейской системой международных отношений, точнее, характером взаимоотношений ее главных действующих лиц, т. е. великих держав. Таким образом, закономерности функционирования балканской системы международных отношений в значительно большей степени зависели от уровня общественно-экономического развития и от характера взаимоотношений между крупными европейскими державами, чем от развития капитализма в самих Балканских странах.

Таким же образом внутренняя политика играла, разумеется, направляющую роль в отношении внешней политики и в Балканских странах, но в ограниченных общим состоянием международных отношений рамках. Внутренняя политика Болгарии и остальных Балканских стран определяла существенные черты их внешней политики, характеризовавшие ее как буржуазную, но в своем конкретном внешнеполитическом поведении им всегда приходилось считаться с общим состоянием европейских международных отношений, которые в немалой степени определяли это поведение.

Труды болгарских и зарубежных авторов по истории внешней политики предоставляют материал для аналогичного анализа роли экономических интересов в области внешней политики. На Балканах экономическая необходимость прокладывала себе путь, но именно в конечном счете, глубоко в сущностной характеристике поведения балканской буржуазии. В конкретных же внешнеполитических ходах экономические интересы, будучи тесно переплетенными с политическими далеко не всегда имели определяющее значение.

По нашему мнению, болгарские внешнеполитические исследования предоставляют довольно ясные доказательства того, что

указанные и многие другие специфические особенности проявления исторических закономерностей характерны не только для внешней политики Болгарии; они являются общими для других Балканских стран и, может быть, для всех малых стран в эпоху капитализма.

В заключение нам хотелось бы отметить, что история исторической науки имеет разнообразные задачи и цели. Разумеется, метод и техника их достижения также разнообразны. Что же касается степени их достоверности, то она может быть достигнута только на основе марксистско-ленинской теории.

Мы попытались дать представление о некоторых общих выводах применительно к историографии болгарских внешнеполитических исследований за последние 15 лет. Такой подход представляется нам применимым и в других случаях. Как бы то ни было, подобный подход стимулировал бы плодотворные поиски возможностей усовершенствования методологического инструмента в области истории исторической науки.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВЕНГРИИ

Ф. Глац

(ВНР)

Когда ставится задача рассмотреть общие тенденции изучения истории исторической науки и при этом имеется в виду не только параллельное освещение положения национальных историографий, но и сопоставление их развития, целесообразно прежде всего попытаться определить специфику отдельных национальных историографических школ.

При этом мы вряд ли продвинулись бы далеко вперед, если бы ограничились повторением уже известного положения, что национальные историографии малых народов Центральной и Юго-Восточной Европы даже в период своего наивысшего взлета редко поднимались до уровня обобщений и выводов теоретического или методологического плана.

Причин такого рода отставания несколько: в странах названного региона философская наука не была достаточно развита; создание системы учреждений исторической науки, а также достижение высокого уровня профессиональной подготовки происходило медленнее и позднее, чем в ведущих странах Западной Европы. Отмеченные явления находились в непосредственной связи с тем, что в этом регионе национальные государства сложились сравнительно поздно.

Вышесказанное можно отнести и к венгерской историографии. Она лишь во второй половине XIX в. начала выходить на уро-

вень передовых школ западноевропейской исторической науки.

В обобщении крупных исторических процессов она продолжала отставать, хотя и в этот период предпринимались попытки выработать оригинальные концептуальные системы. К 80-м годам XIX в. выросло поколение квалифицированных историков. Профессиональную подготовку представители этого поколения получали на лекциях Л. Ранке, в семинарах В. Ваттенбаха. Многие из них обучались в парижской «Ecole des Chartes» или же в венском «Institut für österreichische Geschichtsforschung», переживавшем в то время пору своего расцвета. Дипломатике и палеографии они учились у Т. Зиккеля.

В 1885 г. на всевенгерской конференции историков была выдвинута обширная программа исследований, которая ставила своей целью сбор и издание источников по венгерской истории, подготовку указателей к архивным материалам. В то же время разрабатывался план исторического семинара для университета, выдвигались предложения о создании в Будапеште института по подготовке архивистов и историков-исследователей по типу «Ecole des Chartes», а также специальных исследовательских учреждений в других странах для выявления документов по венгерской истории, находящихся за рубежом. Однако все эти планы, к сожалению, остались неосуществленными.

Тем не менее уже в 1866 г. в Венгрии имелись два исторических журнала, издававших в больших сериях средневековые повествовательные источники «Monumenta Hungaria Historica», материалы из архивов монашеских орденов и аристократических семей, документы Государственного собрания XVI—XVII вв. и т. д. В 70-х годах прошлого столетия эта работа опиралась на широкую сеть архивов и музеев.

В 90-х годах XIX в. внимание историков почти целиком было приковано к 1000-летней годовщине образования Венгерского государства, которая отмечалась в 1896 г. В связи с этим была начата подготовка работ, призванных доказать, что Венгерское государство, в котором с самого начала проживали различные народы и народности, является исключительно продуктом мадьярской якобы нации, и тем самым исторически обосновать правомерность ведущей роли мадьяр в карпато-дунайском бассейне. С другой стороны, внимание историков, как и буржуазной общественности, было приковано к государственно-правовым вопросам и той борьбе, которая развернулась в это время между частями двуединой Австро-Венгерской монархии. В результате указанные исследования оказались ограниченными преимущественно политической тематикой. Они в основном были посвящены истории национальной борьбы венгров. А это не могло не отвлекать внимания исследователей от теоретико-методологических вопросов.

Таковы причины, объясняющие тот факт, что, когда в Западной Европе историография уже существовала как самостоятельная отрасль исторического знания, в Венгрии, несмотря на об-

щий прогресс в области исторических исследований, она и в начале XX в. еще не стала самостоятельной дисциплиной. Единственная работа историографического характера, изданная в 1917 г., была посвящена 50-летию существования венгерского «Исторического общества».

В период между двумя мировыми войнами положение в области изучения историко-методологических вопросов, а также историографии несколько изменилось. Сдвиги, происшедшие в связи с распадом монархии и революциями 1918—1919 гг. в общественном сознании вообще и прежде всего в сознании интеллигенции, отразились и на взглядах историков. Группа молодых ученых под влиянием революций и знакомства с марксистским пониманием общественного развития предприняла попытку подготовить серию пособий, которые не только излагали бы всеобщую и венгерскую историю с позиций исторического материализма, но и содержали бы критику буржуазной историографии по теоретическим вопросам. Однако этот замысел в связи с падением Венгерской республики советов осуществить не удалось.

В предвоенные годы вышла серия исторических пособий по дипломатике, архивистике, исторической хронологии. Она была подготовлена по образцу серий, изданных немецкими историками А. Мейстером, Ф. Мейнеке, Г. фон Беловым. Было запланировано издание по тем же образцам ряда книг и пособий по истории венгерской исторической науки. В рамках этого проекта было подготовлено несколько работ по истории вспомогательных исторических дисциплин и археографии начиная с конца XVIII в. по 20-е годы XX столетия.

Росла потребность в обобщающих работах. Почти в каждую значительную монографию включались историографические обзоры по избранной теме, в которых анализировались методология и результаты изысканий предшественников. Поэтому можно сказать о складывании того жанра, который в современной историографической литературе принято называть «историографией проблемы». Однако венгерские историки того времени не считали «историографию проблемы» собственно историографией. Они утверждали, что этот жанр составляет часть любого исторического исследования.

Историография в собственном смысле этого слова связана в Венгрии с деятельностью школы «Geistesgeschichte» и ее крупнейшего представителя — Д. Секфю.

Секфю учил своих студентов изучать не только сами источники, но и мировоззрение историка, описывающего то или иное событие прошлого. Такой подход приучал исследователей связывать появление того или иного исторического труда с политическими идеями, оказывавшими влияние на историков и в особенности на формирование их личности. Все же в период между двумя мировыми войнами историография как самостоятельная отрасль еще не сложилась, хотя общие предпосылки к этому были уже налицо.

После освобождения страны венгерская историография стала орудием борьбы с буржуазной идеологией, ибо распространение марксистского понимания истории уже само по себе требовало критического анализа концепций буржуазных историков. Начиная с этого времени правильная идеологическая направленность и партийность позволяет венгерской марксистской историографии приобретать недостающий ей опыт и избегать больших ошибок. Однако в историографических исследованиях послевоенного периода видна определенная односторонность. Так, например, критикуя деятельность венгерской социал-демократии начала XX в., марксистские историки отождествляли ее с правооппортунистическими течениями западногерманской социал-демократии 50-х годов нашего столетия. Стремясь подорвать позиции буржуазной историографии, чрезвычайно сильной в специальной сфере, марксистские историки Венгрии в большей мере, чем это было необходимо, опирались на административные средства вместо того, чтобы вести борьбу против нее научными средствами и на профессиональном уровне. Это было тесно связано с политической атмосферой 50-х годов, которая не способствовала дифференцированному подходу к интеллигенции и вела к определенной вульгаризации оценок буржуазной историографии. Критика шла в первую очередь по линии разбора конкретных концепций отдельных историков на общеидеологическом уровне, что каждый раз замыкало анализ в рамках историографии данной проблемы.

Тем не менее прямая дискуссия и непосредственная борьба марксистской исторической науки с буржуазными концепциями способствовала становлению историографии. Почти каждый историк-марксист, какой бы темой он ни занимался, ощущал необходимость четко определить, где и в чем отличаются его методология, исследовательская техника и результаты исследования от методологии, методики и исследовательских результатов буржуазных ученых. Наиболее видные историки-марксисты стремились в своих трудах дать историографическую оценку своих предшественников.

Борьба с буржуазной историографией затрагивала не только конкретно-исторические построения буржуазных исследователей, но и философские основы их мировоззрений. Отправным моментом этой критики являлся тот взгляд, что в общественных науках есть мировоззренческое зерно, которое позволяет считать историю общественных наук частью философии. Частично исходя из насущных идеологических задач этого времени, написал свою работу, посвященную исторической школе «Geistesgeschichte» в Венгрии, известный венгерский философ И. Герман. В этой работе убедительно доказывалось, что представители указанной школы были идеалистами, что в их трудах доминировал иррационализм, а мировоззрение в целом отвечало националистическим интересам реакционных господствующих классов. К сожалению, при этом были поставлены на одну доску как руководители этой школы, давшие ей программу, так и историки.

превратно понимавшие эту программу, а отчасти и явные противники этой школы. Недосток такой методике особенно наглядно проявился при попытке вывести из иррационализма «Geistesgeschichte» иррационализм фашистской расовой теории. Не было принято во внимание даже то, что часть руководителей школы «Geistesgeschichte» относилась к наиболее последовательным буржуазным историкам-антифашистам. Однако работа И. Германа показала, что изучение различных школ исторической науки может дать очень многое для синтеза историографии всеобщей истории. Одновременно выяснилось, что эти школы нельзя изучать только на философском уровне.

Наряду с указанной школой в конце XIX в. в Венгрии сложилась и другая — позитивистская, отличающаяся от первой не только методологическими принципами, но и в выборе тематики (изучение социальной структуры общества, отдельных его слоев, интерес к истории образования и т. д.). Тем не менее между этими школами нельзя воздвигать «китайскую стену». На творчество историков оказывали влияние не только установки той школы, к которой они принадлежали, но и других, часто противоположных по своим принципам, но существующих рядом.

За последние три десятилетия историографические исследования по изучению истории отдельных историографических направлений достигли значительных результатов.

Наибольший в количественном отношении вклад в развитие историографических исследований внесло то направление, которое, используя результаты методике школы Секфю, подходило к изучению венгерской историографии с позиций марксистского понимания истории. Это направление поставило в центр своего внимания не только критику концепций буржуазной историографии. Оно считало необходимым изучать историю исторической науки, освещать обстоятельства появления исторических трудов, биографии историков. Важным преимуществом этого направления является то, что выбор темы исследования четко обосновывается. В 1960-е годы большинство молодых исследователей уже шло по методологически правильному пути в изучении историографии, имея к тому же хорошую профессиональную подготовку и владея навыками и умением критики источников.

Так как в центре их анализа стоит историографическое произведение, эти исследователи первостепенное значение придают изучению не только истории того времени, в котором возникли концепции произведения, но и эпохи, о которой писал изучаемый историк. Именно всестороннее изучение творчества историка дает возможность при подготовке монографии или статьи нарисовать более подробную картину, раскрывающую социальное содержание наследства буржуазных историков. На наш взгляд, этот метод является в настоящее время единственно эффективным для критики и дифференцированной оценки немарксистских течений.

В Институте истории Венгерской академии наук несколько лет назад был создан отдел историографии, главной задачей которого является подготовка обобщающего труда по истории венгерской исторической науки. В области истории средневековой историографии мы во многих отношениях можем опираться на уже достигнутые результаты: в значительной мере исследованы источники и историческая обстановка возникновения хроник и гуманистической исторической литературы средневековья, а венгерская медиевистика разработала целесообразную методику их исследования. Однако еще предстоит провести атрибуцию многих хроник и компиляций, многое сделать для уяснения культурно-исторического фона исторических произведений и специфики мышления эпохи появления рассматриваемых исторических произведений, изучить жизнь и деятельность отдельных монашеских орденов и королевского двора, более глубоко исследовать влияние европейских идейных течений, которые в средние века были в меньшей мере ограничены рамками государства, чем в новое время. Такая работа уже начата и завершение ее — дело в первую очередь самих медиевистов. Речь вовсе не идет об отрицании того, что историографию надо рассматривать как непрерывный процесс от ее начала до наших дней. Но необходимо учитывать, что произведения средневековых историков сами по себе представляют часто единственный источник, и потому их критика и историографический анализ должны быть важнейшей задачей медиевистических исследований.

История исторической науки нового времени требует значительного расширения сферы исследований и совершенствования их методики. Такая потребность вызвана тем, что уже сложилась научная историография, обладающая собственными профессионально-научными нормами, ищущая свое место в системе современных наук.

К работе в области историографии мы стремимся привлекать такую молодежь, круг интересов которой включает не одну, а несколько исторических эпох, имеющую языковую подготовку. Этим молодым людям сначала поручают исследования, требующие текстологического анализа и одновременно знакомства с историей политических идей и течений. Вместе с тем большое внимание уделяется ознакомлению молодежи с теоретическими и методологическими проблемами исторической науки.

В центре работы отдела историографии Института истории Венгерской академии наук стоят также вопросы теории и методологии исторической науки. И это не только потому, что в небольшой стране, не располагающей сколько-нибудь значительной базой исторических исследований, нет возможности заниматься отдельно методологией и отдельно историографией. Изучив международную литературу, посвященную марксистской и буржуазной методологии, венгерские ученые пришли к выводу, что лучше всего раскрывают сущность, взаимосвязи и природу исторической науки те исследования, которые подходят к объекту ис-

следования с историографических позиций. Первые подобного рода исследования, анализируя историографию предшествующих эпох, раскрывают элементы вненаучных влияний на ту или иную историческую концепцию, этапы исторического познания (сбор материалов, их версификация, выводы и т. д.), их соотношение, их взаимоотношение. Подобного рода освещение эпистемологических взаимосвязей дает конкретную основу для дифференцированного ответа на один из фундаментальных вопросов марксистской теории истории — на вопрос о характере взаимосвязи исторических суждений, оценок и выводов с общественно-политическими факторами. А именно эта связь позволяет вскрыть классовый характер исторических концепций на конкретном материале, а не путем повторения общеизвестных положений и плоских истин. Ибо при внимательном рассмотрении глубинные сферы исторической науки оказываются наиболее подверженными влиянию политики.

В указанном духе в настоящее время в Венгрии разрабатывается сравнительная история буржуазной историографии народов Центральной и Юго-Восточной Европы, национальная политика и национальная идеология в историографии народов Австро-Венгерской монархии, возникновение и распространение в венгерской исторической науке и в историографиях стран габсбургской империи критико-филологического (текстологического) метода в XIX в.; ведется анализ с точки зрения истории науки и методологии современной венгерской исторической науки и др.

Возвращаясь к высказанному в начале статьи мнению о теоретической отсталости буржуазной историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, необходимо подчеркнуть, что ныне положение изменилось. Благодаря тому, что марксизм стал доминирующим, историки и философы социалистических стран этого региона занимаются вопросами теории более активно, чем буржуазные историки Западной Европы. Однако прежнее отставание и влияние волюнтаризма все еще дает о себе знать в профессиональной подготовке, в уровне общей исследовательской культуры, в отсутствии должной гармонии между практикой и теорией. Очевидно, в преодолении указанных недостатков и сластей огромную роль может сыграть постановление в центр внимания комплексной разработки теоретико-методологических вопросов.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Ван Тао, Фам Суан Нам

(СРВ)

В августе 1945 г. в результате победы вьетнамской революции родилась Демократическая Республика Вьетнам. Вьетнам горд тем, что он стал одной из первых колониальных стран, победоносно завершивших великую революцию, которая принесла независимость нации, свободу народу. С тех пор историческая наука Вьетнама, как и другие общественные науки, принадлежит трудовому народу.

Историки Демократической Республики Вьетнам, а ныне Социалистической Республики Вьетнам интенсивно изучают все этапы истории своей страны. Было доказано, что вьетнамская нация — это коренное население страны, выработавшее своеобразную и оригинальную культуру, которая формировалась в течение многих веков. Вместе с тем, воспринимая передовые течения истории человеческой мысли, она вносила и вносит значительный вклад в развитие мировой культуры.

Проблемы истории вьетнамской нации, национальной традиции, культуры, национального характера, истории общественной мысли, патриотического героизма нашли свое отражение в ряде трудов, изданных в Социалистической Республике Вьетнам.

Вышли в свет десятки публикаций, исследующих мужественную борьбу вьетнамского народа против иностранных захватчиков, начиная с восстаний сестер Чынг, госпожи Чьеру в I, III вв., затем войн против сунских (XI в.), монгольских (XIII в.), минских (XV в.), цинских (XVIII в.) захватчиков и кончая борьбой против французских колонизаторов, японских фашистов и американских империалистов.

Благоволные результаты принесла дискуссия по вопросу о становлении вьетнамской нации. Ее участники пришли к выводу, что вьетнамская нация сформировалась довольно рано, в условиях единой территории, общего языка, общей культуры, общего национального государства, с такой характерной чертой духовной культуры, как чувство горячего патриотизма. Все это объединило вьетнамцев в единую нацию.

К числу других проблем, разрабатываемых вьетнамской историографией, относится изучение истории крестьянства и аграрного вопроса. Особое внимание уделяется изучению общинного быта вьетнамской деревни. Начата разработка проблемы истоков и роли крестьянских восстаний с точки зрения исторической роли народных масс.

Возникновение товарного хозяйства и зарождение капитализма во Вьетнаме также стало предметом исследования. Ряд ис-

следователей пытались вскрыть в связи с этим причины замедленного развития капиталистических отношений в период разложения феодального строя. Они пришли к выводу, что основной причиной послужило колониальное господство, которое привело к позднему возникновению национальной буржуазии, к ее политической слабости в деле борьбы за национальное освобождение.

Большой интерес многих отечественных и зарубежных исследователей вызывает история возникновения и роста рабочего класса Вьетнама, его исторические особенности. Под руководством партии рабочего класса Вьетнама во главе с президентом Хо Ши Мином вьетнамский народ начал воспринимать подлинное марксистско-ленинское учение.

Прежде всего историческая наука Вьетнама стремилась выяснить место, роль, историческую миссию рабочего класса Вьетнама и его передовой партии, выяснить место и роль великого президента Хо Ши Мина, рано воспринявшего истинный свет марксистско-ленинской теории, ставшего первым вьетнамским коммунистом, который участвовал в создании Коммунистической партии Франции, был активным деятелем международного коммунистического и рабочего движения, а затем стал создателем марксистско-ленинской партии рабочего класса Вьетнама.

Исходя из марксистско-ленинского положения о том, что подлинным творцом истории являются народные массы, историческая наука социалистического Вьетнама всегда была ориентирована на изучение роли трудящихся. Работы вьетнамских историков подтверждают вывод о роли масс как коллективного хозяина своей страны, руководимого на современном этапе Коммунистической партией Вьетнама.

Десятки работ посвящены истории августовской революции (1945 г.), победоносной борьбе масс за построение народно-демократического государства, руководимого рабочим классом.

Систематически исследуются история 9-летней войны сопротивления против французских колонизаторов (1945—1954 гг.) и начавшаяся после победы 20-летнее строительство социализма на Севере Вьетнама. Особое внимание уделено раскрытию роли рабочего класса в социалистической революции, формированию союза рабочего класса и крестьянства, социалистическому переустройству сельского хозяйства, раскрытию революционного героизма трудящихся на производстве. Изучение периода социалистического строительства преследует не только познавательные цели. Разработка этой проблематики внесла и продолжает вносить заметный вклад в великий поворот Вьетнама от классового общества к обществу, в котором нет эксплуатации.

Во время войны в Южном Вьетнаме, которая развернулась в 1960-е годы, вышли многие исторические труды, раскрывавшие сущность неокOLONIALИЗМА американских империалистов, обосновывалось их неизбежное поражение. Вместе с тем в этих работах рассмотрены революционное творчество, героизм, блестящие

подвиги вьетнамского народа в войне против американских империалистов за спасение Родины. Вьетнамские историки показали, что подвиги были не только на военном, политическом, дипломатическом, но и на экономическом, идеологическом, культурном, общественном фронтах.

История вьетнамского народа на современном этапе неотделима от истории развития мировых революционных потоков: социалистической революции, национально-освободительного движения и борьбы рабочих капиталистических стран. Поэтому, обосновывая неизбежность конечной победы вьетнамской революции, историческая наука Вьетнама доказывает необходимость тесного сочетания подлинного патриотизма с пролетарским интернационализмом, сочетания революционного движения с международным коммунистическим и рабочим движением, как это подчеркивал президент Хо Ши Мин. Он говорил, что всей практикой борьбы наша партия доказала, что радикальный патриотизм никак не может отделяться от пролетарского интернационализма.

Под руководством Коммунистической партии Вьетнама историческая наука Вьетнама воссоздает его подлинную историю, опровергая реакционные концепции империалистов, феодалов, концепции современной международной реакции, фальсифицирующие и очерняющие историю Вьетнама. Она укрепляет законную гордость вьетнамского народа своей славной историей, поднимает дух независимости, самостоятельности, дух неуклонного продвижения вперед в соответствии с самыми передовыми идеями человечества. Современная вьетнамская историография вносит значительный вклад в строительство нового общественно-го строя, новой экономики, новой культуры, в формирование нового человека.

Руководствуясь непобедимым марксистско-ленинским учением, вместе с историками братских социалистических стран историки Вьетнама внесут свой вклад в теоретическую и идеологическую борьбу на международной исторической арене, утверждая позиции прогрессивной историографии.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВЬЕТНАМА

II. Цветов

Современной исторической науке Вьетнама предшествовала многовековая традиция написания вьетнамцами сочинений о своем прошлом. Хотя первое из дошедших до нас сочинений, «Краткая история Вьета», датируется XII в., есть основания полагать, что вьетнамское летописание началось значительно раньше.

ше. Особенностью вьетнамского летописания было то, что до XIII в. оно было буддистским, а с XIV в. в нем усиливались конфуцианские взгляды, которые стали господствующими с XV в., когда конфуцианство стало государственной идеологией.

Порабощение Вьетнама французскими колонизаторами в конце XIX в. положило конец духовной монополии конфуцианства в стране. С новыми хозяевами на вьетнамскую землю пришли идеи буржуазного общества. Вьетнам за годы колониального господства Франции познакомился с произведениями крупнейших для того времени историков, многое воспринял от работавших в колонии французских ученых. Однако зародившееся в этот период буржуазное течение вьетнамской исторической мысли не имело собственного лица, плелось в хвосте колониальной историографии.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции во Вьетнаме начинает распространяться марксизм. Первым, кто применил принципы исторического материализма при изучении проблем Вьетнама, был вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин. Его работы «Суд над французской колонизацией» и «Путь революции», вышедшие в 1925—1927 гг., имели большое значение для пропаганды во Вьетнаме принципов исторического материализма и марксистских взглядов на историю.

Приход вьетнамских коммунистов к власти в результате Августовской революции 1945 г. создал благоприятные предпосылки для развития марксистской исторической науки. Но необходимость начавшейся с сентября 1945 г. жестокой борьбы с попытками французских колонизаторов восстановить во Вьетнаме старый порядок задержала на несколько лет рождение исторической науки. В конце 40-х—начале 50-х годов, когда самый трудный период войны Сопrotивления французским колонизаторам был позади, в освобожденных районах стали появляться кружки историков, вышло несколько книг по истории. С созданием 2 декабря 1953 г. Комитета по изучению литературы, истории и географии — первого научного учреждения Демократического Вьетнама — современная историческая наука Вьетнама окончательно оформилась как особый вид общественной деятельности, особый социальный институт. С тех пор марксистская историография Вьетнама прошла в своем развитии несколько периодов.

В 1953—1958 гг., в период завершения в Северном Вьетнаме демократических преобразований и восстановления хозяйства после войны, закладываются основы будущей науки Вьетнама. Начинают действовать первые научные учреждения, организуются исторические факультеты университета и педагогического института в Ханое. Выходят первые журналы, в которых публикуются статьи по истории. Начинают функционировать первые издательства, выпускающие историческую литературу.

Складывается система подготовки и переподготовки историков-марксистов, которая преследовала цель дать стране политически грамотных и высококвалифицированных специалистов. А пока

первыми историками стали революционеры-профессионалы и ученые старой формации.

С первых дней руководящая роль в научно-исследовательской сфере принадлежала Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ). Выполняя указы партии, вьетнамские историки приняли активное участие в борьбе против идеологии враждебных новому строю классов — буржуазии и феодалов, а также французских колонизаторов.

Уже в первых своих работах историки ДРВ стремились к утверждению новой, марксистской методологии — исторического материализма. Большую роль в освоении его играло издание трудов основоположников научного социализма, контакты с историками социалистических стран. С самого начала велась большая работа по выработке новой концепции исторического развития Вьетнама на основе марксистского учения о формациях. Было выпущено много книг по истории Вьетнама.

Уже тогда определилась в общем виде проблемно-тематическая структура марксистской исторической науки Вьетнама. Главное место в ней заняли проблемы национально-освободительного движения и классовой борьбы, социально-экономического развития. Подавляющее большинство публикаций посвящено национальной истории, из них две трети работ освещают проблемы нового и новейшего времени.

В годы разворачивания социалистических преобразований в Северном Вьетнаме (1959—1964 гг.) произошла перестройка северовьетнамской науки. В 1958 г. был создан Государственный комитет наук, на который возложили задачи координации научно-исследовательской работы во всех областях знания. Научные исследования начинают планироваться. В 1959 г. начал работать Институт истории Вьетнама, ставший с тех пор главным учреждением исторической науки. Институт регулярно выпускает журнал «Исторические исследования». Согласно постановлениям ЦК ПТВ, принятым в 1962 г., были образованы Комитет по изучению истории партии при ЦК ПТВ и аналогичные организации при провинциальных комитетах партии, которые стали играть ведущую роль в разработке историко-партийной тематики.

Кроме изменений в организации науки период 1959—1964 гг. отмечен расширением исследовательской проблематики. Именно в этот период северовьетнамские историки впервые обратились к проблемам археологии, этнографии, военной истории и истории Южного Вьетнама. Широким фронтом разворачивается начатое еще во второй половине 50-х годов издание исторических памятников, введение в научный оборот нового фактического материала. Большое значение для всей исторической науки ДРВ имело завершение к середине 60-х годов перевода и издания основных трудов Маркса, Энгельса, Ленина.

В 1959—1964 гг. начинает практиковаться дискуссия как форма обсуждения научных проблем. Крупнейшая из них развернулась в 1960 г. на конференции о рабовладении во Вьетнаме,

другие — о генезисе капитализма, о роли ряда деятелей в национальной истории — прошли на страницах журнала «Исторические исследования». Создавая концепцию национальной истории, вьетнамские историки стремились в те годы отойти от ошибочных положений трудов, созданных в предшествующий период, приблизиться к реальностям вьетнамской истории, не теряя из виду опыт мирового развития.

В эти годы в историческую науку Вьетнама вливается новое поколение историков, подготовленное за годы народной власти внутри страны и за рубежом, в том числе первые историкки — кандидаты наук, защитившие диссертации в Советском Союзе.

Третий период — 1965—1975 гг. — совпадает с одним из наиболее драматических и одновременно наиболее славных периодов в истории вьетнамского народа, когда он вел героическую борьбу против агрессивных действий империалистов США, развязавших войну в обеих частях Вьетнама. Войной были вызваны такие изменения в проблемно-тематической структуре, как увеличение внимания к темам, прямо связанным с боевой историей вьетнамского народа и оказывающим сильное воздействие на подъем патриотических чувств. Сократился удельный вес работ по социально-экономической истории.

Новыми моментами отмечена в этот период и организация науки. В 1965 г. был создан Комитет общественных наук, возглавляющий и поныне обществоведение в СРВ. В 1967 г. образован Институт археологии, в 1969 г. — Институт этнографии. Оба эти института имеют свои журналы. Изучение истории ведется и во многих других учреждениях.

Большим событием научной жизни тех лет было проведение в 1966 г. конференции по методологии исторической науки Вьетнама, продемонстрировавшей стремление ученых ДРВ и впредь следовать марксистско-ленинским принципам исторического исследования.

В 1971 г. вышел первый том «Истории Вьетнама», как бы подытоживший развитие исторической науки ДРВ за годы независимости. В книге удачно сочетаются обобщение результатов предыдущих исследований и изложение нового фактического материала. В центре работы борьба вьетнамского народа за единое независимое государство в доколониальный период.

После ликвидации проимпериалистического режима в Южном Вьетнаме в 1975 г., воссоединения Вьетнама в одно государство — Социалистическую Республику Вьетнам (1976 г.) и IV съезда партии начался новый этап в развитии исторической науки Вьетнама. Центром марксистского обществоведения в Южном Вьетнаме стал Институт общественных наук в г. Хошимине, куда из Ханоя в 1975 г. прибыли опытные историки-марксисты.

На современном этапе перед историками встали новые задачи, на первом месте среди них — имеющие особую важность для практики строительства социализма во Вьетнаме. Поэтому в последние три-четыре года активно изучаются история рабочего

класса и крестьянства, аграрные проблемы. Важной считается также военно-историческая тематика. Обращено внимание на необходимость усиления работы по сбору и публикации источников. Одной из главных задач исторической науки во Вьетнаме является идеологическая борьба. В настоящее время историками СРВ ведется критика не только реакционных буржуазных концепций в мировом вьетнамоведении (критика американской, французской, сайгонской историографий осуществляется давно), но и различных левацких, в том числе маоистских, взглядов.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГДР

Г. Шлейер

(ГДР)

Одной из главных задач марксистской исторической науки в ГДР, которая возникла после окончания второй мировой войны в ходе антифашистско-демократических преобразований, была необходимость в принципиальной критике реакционных концепций буржуазно-империалистической историографии. Такая направленность деятельности историков демократической Германии имела особое звучание в идеологической борьбе между двумя немецкими государствами, образовавшимися в послевоенный период. В ней принял активное участие ряд известных историков. Критике подверглись реакционные историко-политические концепции ведущих направлений буржуазной немецкой историографии, начавших оформляться еще с середины XIX в., подхваченные и развитые буржуазной историографией ФРГ. Особое внимание уделялось критике развиваемых буржуазной историографией теорий исторического процесса. Философы-марксисты под руководством Р. Шульца опубликовали в 1958 г. объемистый сборник статей, посвященных этой теме. Теоретическая полемика создала условия для более широкого изучения концепций буржуазной немецкой историографии.

С конца 1950-х годов история исторической науки в ГДР оформилась в специальную дисциплину. В исторических учреждениях ГДР возникли небольшие специализированные исследовательские группы. В полемике с буржуазной историографией ФРГ стало участвовать новое поколение историков-марксистов.

Ядро историографических работ 60-х годов также составила критика историко-политических концепций доминирующих направлений буржуазной немецкой историографии XIX—XX вв., ее реакционных политико-идеологических и мировоззренческих основ. Большое внимание уделялось при этом взаимозависимости политики, идеологии и историографии, преемственности немецкой

буржуазной историографии 1890—1945 гг. и модернизированных после 1945 г. историко-политических концепций историографии ФРГ. Другие исследования касались проблем новой истории, в особенности XIX—XX вв., и связанных с ними исторических теорий. Актуальной необходимостью и долгом историков-марксистов ГДР была критика реакционных традиций и современных версий так называемого «Остфоршунга», его концепций и организационных форм. Кроме этого, были проанализированы прогрессивные тенденции буржуазной историографии, изучена деятельность отдельных прогрессивных историков.

Таким образом, историкам ГДР удалось через показ взаимодействия прогрессивных и реакционных тенденций в немецкой буржуазной исторической мысли вскрыть противоречивость ее развития.

Начало современного этапа исследований по истории буржуазной исторической науки относится приблизительно к 1971 г. Повышение теоретического уровня исследований, комплексный подход, расширение предмета исследования — таковы основные отличительные черты этого этапа. Более интенсивно и в органической связи с исследованиями по истории исторической науки изучаются проблемы буржуазной исторической теории и методологии. Росту историографических исследований способствовало и то, что марксистские философы и другие ученые ГДР, работающие в области общественных наук, гораздо чаще, чем раньше, публиковали работы о буржуазных социальных концепциях и отдельных буржуазных философах и социологах, прямо или косвенно оказывавших влияние на буржуазную немецкую историческую мысль. В этой связи следует отметить первые попытки междисциплинарных дискуссий, имеющих целью критику буржуазных исторических теорий и их методологических основ.

Расширился диапазон исследовательских интересов. Появились первые монографические исследования по современной буржуазной историографии США, Франции и Англии. Историография ГДР стала уделять больше внимания исторической науке в развивающихся странах. Появились работы, посвященные организации буржуазной исторической науки и преподаванию истории в школах ФРГ. Естественно, не остаются без внимания работы буржуазных ученых о ГДР, так называемая ГДР-логия, и ее политические функции в современной идеологической борьбе.

В исследовательском центре по борьбе с современной буржуазной историографией при Академии общественных наук ГДР изучают историографию ФРГ и доминирующие направления исторической науки в главных капиталистических странах с 1945 г., а также современные буржуазные теории в области истории. Исследовательский центр по методологии и истории исторической науки при Центральном институте истории АН ГДР специализируется на изучении буржуазных исторических теорий и истории буржуазной немецкой исторической науки до 1945 г. Рабочая группа Секции истории Берлинского университета им. Гумбольд-

та помимо методологических проблем занимается буржуазной историографией со времени эпохи Просвещения, а также новейшими буржуазными концепциями истории. Следует назвать также секцию истории Потсдамского педагогического института, Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, сотрудники которого ведут полемику с буржуазными историками, подвергают критике их концепции истории марксизма и рабочего движения.

Основанный в 1963 г. «Проблемный совет по методологии и истории исторической науки» координирует исследовательские работы в этой области. В начале 1978 г. провела свое первое рабочее заседание вновь конституированная в рамках Общества историков ГДР Комиссия по теории, методологии и истории исторической науки. Расширяется исследование буржуазной историографии в университетах (Лейпциг, Берлин, Галле, Йенс).

Изучение передовой буржуазной исторической мысли Германии до 1848 г. началось еще тогда, когда буржуазная историография ФРГ игнорировала или целиком отвергала ее. В ряде работ была дана общая характеристика развития передовой буржуазной исторической мысли от раннего Просвещения до классической немецкой философии. Последовательно проводилась мысль, что антифеодальная борьба бюргерства вела к прогрессу исторической мысли, который достиг своего предела в системе Гегеля. Вопреки реакционным интерпретациям была обоснована взаимосвязь исторической мысли эпохи Просвещения и Классики. Развитие исторических представлений связывалось с закономерным процессом смены феодальной общественно-экономической формации капиталистической. С другой стороны, и основоположники марксизма опирались на некоторые важные положения буржуазной исторической мысли. Вместе с этим были выяснены идеологические и научно-исторические причины, обусловившие отставание передовых немецких историков в их борьбе с реакционными направлениями. Так как передовая немецкая историческая мысль возникла и развивалась не только в рамках профессиональной университетской науки, то большое значение для ее изучения приобретают работы как историков, так и философов, литературоведов. В связи с этим интересны работы, исследующие взгляды на историю видных представителей Просвещения и Классики (Гердера, Канта, Винкельмана, Гете, Шиллера, Гегеля, Штрауса, младогегельянцев и др.).

Важное значение для выявления характера взаимодействия исторической мысли разных стран имеют работы М. Штарке и Ю. Кучинского о концепциях исторического процесса во Франции второй половины XVIII — первой половины XIX в.

Следует отметить, что немецкая историография указанного периода изучена пока неравномерно и неполно. Историкам ГДР предстоит исследовать такие вопросы, как связь передовой исторической мысли Германии с университетской наукой, становление истории как самостоятельной университетской дисциплины, деятельность ее ведущих представителей, особенно в Геттингене,

вклад просветительской исторической мысли в новые методы исследования, влияние на немецких историков передовой французской и английской исторической мысли и т. д.

Значительное число работ посвящено изучению основных направлений буржуазной немецкой историографии с 1848 по 1945 г., прослежены взаимосвязи политики, классово-борьбы и историографии. Особое внимание уделялось прусской исторической школе, последователям Л. Ранке, так называемым пангерманистам. Обстоятельно рассмотрена деятельность буржуазных историков в годы первой мировой войны, концепции националистического и праволиберального направлений исторической науки в период 1918—1933 гг. Были подвергнуты критике основные доктрины, выработанные этими доминирующими направлениями. Картина дополняется работами о социальных концепциях М. и А. Веберов, Г. Фрейера, К. Мангейма, В. Зомбарта, чьи воззрения или непосредственно влияли на буржуазную историческую мысль, или оказали на нее влияние позднее. Изучались также воззрения прогрессивных буржуазных историков (Т. Моммзена, Г. Вутке, Р. Прутта, М. Лемана, Ф. Валентина и др.).

Особое значение для анализа буржуазной историографии с 1848 по 1945 г. имело изучение творчества ведущих немецких историков (Ранке, Буркхардта, Зибелса, Трейчке, Дельбрюка, Шефера, Шлимана и др.).

В 1970-е годы усилилось изучение истории исторических учреждений. Опубликованные работы затрагивают самый широкий их спектр — от Берлинской академии наук и исторических кафедр и семинаров университетов до местных исторических обществ.

В целом период развития буржуазной немецкой историографии с 1848 по 1945 г. исследован намного интенсивнее, чем предшествовавший. Однако в полученной картине остаются ощутимые пробелы, которые необходимо заполнить. К числу нерешенных проблем относится вопрос о преемственности в буржуазной историографии. Его решение требует прежде всего изучения позиции немецких историков в период фашизма, анализа направлений, возникших в послевоенный период (например, католическо-клерикальной историографии). Остается фактически неисследованным вопрос об отношениях немецкой историографии к международной; еще мало опубликовано работ об организационных формах буржуазной исторической науки, о развитии методики исторического исследования и т. д.

До сих пор нет исчерпывающего критического анализа идеалистических концепций историзма — системы, которая с конца XIX в. выступала в качестве основного противника исторического материализма и позитивизма, хотя в ГДР по этому вопросу и опубликован ряд статей, характеризующих его роль на различных этапах развития буржуазной немецкой исторической мысли. Наиболее обстоятельное исследование по этой проблематике принадлежит Г. Герцбергу. Эти работы являются первым вкладом в историю изучения названной концепции историзма.

Критически оценены и стали более отчетливыми контуры методологическо-теоретических основ этой школы. Достаточно выясненными в качестве исходного пункта для детализированных исследований представляются сейчас история понятий, природы идеалистического и марксистского историзма и их различных функций в исторической науке, философское обоснование историзма до конца XIX в., отношение историзма к другим концепциям теории истории и методологии. Интересные выводы сделаны также по поводу иррациональных компонентов историзма, его мировоззренческой связи с развитием прусско-немецкой бисмарковской империи.

В весьма широких масштабах ведется полемика с буржуазной историографией ФРГ. В этой полемике кроме постоянных исследовательских коллективов более или менее интенсивно участвуют представители почти всех специальных областей исторической науки. Рассмотрены основные направления и работы ведущих представителей историографии ФРГ, проанализированы их историко-политические концепции. Созданы первые исследования об организационных формах исторической науки в ФРГ.

В работах историков ГДР была показана связь историографии ФРГ с новейшими историческими воззрениями, концентрирующимися вокруг концепции индустриального общества, доктрины тоталитаризма, концепции интеграции и «европейской идеологии». При этом эклектический плюрализм историографии ФРГ оказался не способным противопоставить убедительную альтернативу марксистскому пониманию истории. Особое внимание уделяется работам (число которых постоянно растет), в которых буржуазные историки искажают историю рабочего движения, трактуя ее как борьбу за интеграцию пролетариата в капиталистическом мире, и представляют оппортунистов в качестве выразителей устремлений рабочего класса.

Не останавливаясь на масштабах исследований, следует коснуться еще нескольких проблем, поставленных в работах, изданных в последние годы.

В ряде публикаций особое внимание уделено развивающемуся с середины 50-х годов в ФРГ изучению социальной истории, с целью приспособить исторические воззрения к современным потребностям буржуазной идеологии и получить новые аргументы в полемике с марксистско-ленинской исторической наукой.

Исследование современной зарубежной историографии, в особенности США, а также Франции и Англии, ограничивается по преимуществу разработкой проблемы взаимовлияния историографий США и ФРГ в концептуальном, теоретико-методологическом отношении; сравнительным анализом взглядов ведущих историков этих стран по важнейшим проблемам немецкой и европейской истории XX столетия; наконец, изучением влияния на современную историографию США и Англии политики «холодной войны».

Дальнейшее исследование современной буржуазной исторической науки нуждается, помимо наблюдения за всеми новыми тенденциями, в изучении тех сторон историографического процесса, которые были до сих пор на втором плане (например, отношения между буржуазными историческими школами разных стран). Необходим более основательный анализ изменений социально-научных концепций и методов неопозитивистской историографии. Представляется также необходимым изучение этих изменений в более широком аспекте. Чаще, чем прежде, следует освещать позитивные тенденции современной буржуазной историографии и их носителей.

Как методический прием оправдало себя рассмотрение теоретико-методологических и научно-исторических проблем в их взаимосвязи. Рассмотрение историографического процесса в таком аспекте является и научно-теоретической, и научно-исторической потребностью.

Проводимые в ГДР исследования теоретико-методологических концепций буржуазной немецкой исторической мысли конца XIX — начала XX в. продемонстрировали, что многие буржуазные исторические теории, столь «современные» ныне, не так уж новы. Они имеют длинную предысторию, раскрытие которой вносит новые черты в понимание этих теоретических концепций.

Значительный вклад в дальнейшую разработку марксистской исторической теории и методологии, а также в борьбу с соответствующими буржуазными воззрениями вносит изучение истории формирования и развития понятий и категорий. Важность этой проблемы показал, например, анализ развития категории общественной формации Марксом, Энгельсом, Лениным, анализ понятийного аппарата антимарксистских, альтернативных общественных концепций, изучение развития категории «историзм» с начала XIX в. и т. д.

Необходимы дальнейшие усилия по изучению идущего за рубежом процесса интеграции общественных наук. Важный материал по этой проблеме содержит издаваемая в ГДР серия «К критике буржуазной идеологии», в которой марксистские ученые-обществоведы ГДР и других социалистических стран высказывают свою позицию по важным принципиальным концепциям, тенденциям и спорам, имеющим междисциплинарное значение.

Из междисциплинарного подхода к истории общественных наук вытекает необходимость дальнейшего укрепления связей в области научно-исторических и научно-теоретических исследований.

Историки ГДР будут стремиться и дальше расширять свои исследования по буржуазной историографии, углублять критику буржуазной исторической идеологии. При этом мы надеемся на еще более тесное сотрудничество историков социалистических государств.

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГДР

В. Шмидт

(ГДР)

История исторической науки в ГДР как специальная историческая дисциплина уже имеет свою историю. Она начала формироваться с середины 50-х годов и конституировалась в конце 50-х годов как особая общественно-научная дисциплина. С этого времени историографами ГДР началось интенсивное и относительно широкое исследование развития немецкой исторической науки.

Во второй половине 50-х и начале 60-х годов историографические исследования концентрировались на борьбе с реакционной буржуазной историографией ФРГ. В процессе размежевания с буржуазной исторической наукой росла и зрела историческая наука в ГДР, закрепляясь на марксистско-ленинских позициях и приобретая свою самостоятельность, свое самобытное лицо как социалистическая немецкая историческая наука.

Более или менее систематическое изучение развития немецкой марксистско-ленинской исторической науки началось в ГДР только на рубеже 50-х — 60-х годов. Исследование собственных марксистско-ленинских традиций немецкой историографии было подготовлено тем, что еще в предшествующий период историки ГДР уделяли большое внимание изучению исторических концепций Маркса, Энгельса и Ленина, в первую очередь их взглядов на историю немецкого рабочего движения.

Первые исследования о марксистско-ленинском наследии, имевшие своим объектом исторические взгляды Маркса и Энгельса, появились в ГДР в первой половине 60-х годов.

С середины 60-х годов начался новый этап историографических исследований. В предисловии к восьмитомной истории немецкого рабочего движения впервые был дан краткий очерк развития немецкой марксистско-ленинской исторической науки, намечены ее периодизация и основные направления. В нем показаны заслуги немецкой революционной рабочей партии в деле разработки и распространения научного представления об истории. Тогда же началась дискуссия о роли исторической науки в социалистическом обществе и тем самым — о предмете, задачах и месте истории исторической науки. Исследование вклада КПП в развитие марксистского понимания истории исторической мысли в Германии приходится на те же годы. Вышли первые исследования о научной и пропагандистской деятельности Коммунистического Интернационала и Французской коммунистической партии в области истории. Велось изучение истории советской исторической науки.

С начала 70-х годов наступил новый третий, этап, характеризующийся систематическим исследованием развития историче-

ской науки в ГДР. В настоящее время уже достигнуты первые научные результаты, имеются и публикации по частным аспектам этой проблемы.

Исследования по истории марксистско-ленинской исторической науки ведутся в рамках ряда исторических институтов ГДР. Этими вопросами занимаются: кафедра истории исторической науки на историческом факультете Университета имени Карла Маркса в Лейпциге, исследовательский центр по методологии и истории исторической науки при Центральном институте истории Академии наук ГДР, Исследовательский сектор по истории исторической науки ГДР на кафедре истории немецкого рабочего движения Академии общественных наук при ЦК СЕПГ.

История марксистско-ленинской исторической науки, и прежде всего советской исторической науки, разрабатывается также на факультете истории и обществоведения Университета им. Мартина Лютера в Галле и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

Центральной темой исследований историографов ГДР по рассматриваемой проблеме является тема «Маркс и Энгельс как историки». Однако большинство работ, за исключением отдельных статей в журналах и сборниках, ограничивается анализом лишь некоторых ее аспектов. Исследовалась роль Маркса и Энгельса как основоположников исторического материализма, а также отдельные моменты в их взглядах на немецкую историю в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Изучались воззрения основоположников марксизма на раннебуржуазную революцию 1517—1525 гг., революцию 1848—1849 гг., Парижскую коммуну. Работы Маркса и Энгельса по истории оценивались с точки зрения их значения для развития отдельных сфер исторического исследования. Полного всестороннего исследования исторических взглядов Маркса и Энгельса еще нет, и подготовительная разработка этой темы в ГДР еще недостаточна.

Еще мало исследовано и участие революционной немецкой социал-демократии в распространении марксистской концепции исторического процесса среди рабочего класса Германии. Освещен лишь вклад социал-демократии в сохранение и культивирование отдельных революционных традиций и в освоение наследия социалистов-утопистов. Наиболее ясную картину представляет собой изучение самого значительного после Маркса и Энгельса немецкого марксистского историка — Ф. Меринга. Сделанные им при анализе взглядов Маркса и Энгельса на историю важные выводы, прежде всего на историю Германии и немецкое рабочее движение, были подвергнуты обстоятельному научному анализу и вместе с тем критической оценке, обнаружившей известную ограниченность подхода Меринга к истории. Однако взгляды на историю других представителей левых в Германии до сих пор не нашли своего исследователя.

Большой материал накоплен исследователями научного наследия КПГ в области исторической науки в период с 1917—1918 гг.

по 1933 г. Этому вопросу посвящен целый ряд монографий, статей и диссертаций.

Главный вывод, сделанный историографами, сводится к тому, что в борьбе КПГ за единое понимание истории существовала неразрывная связь между политикой и историографией, характерная для борьбы каждой революционной рабочей партии. Анализ исторических проблем был всегда подчинен политической и идеологической борьбе и определялся ею. Историческая мысль получала решающие импульсы из политической практики революционной борьбы за власть и оказывала на нее обратное воздействие.

Другой аспект историографических исследований касался деятельности КПГ по пропаганде исторических знаний и революционных традиций. Передача исторического опыта, уроков истории борющемуся рабочему классу всегда была неотъемлемой составной частью борьбы пролетарской партии. По всем основным историческим проблемам КПГ разработала свою собственную революционную пролетарскую концепцию, и распространяя ее, внесла тем самым решающий вклад в пропаганду революционных и прогрессивных традиций немецкой, а также всеобщей истории в рядах немецкого рабочего класса и немецкого народа.

Историографы ГДР доказали, что КПГ не ограничивалась самой важной для ее исторического самосознания сферой — историей немецкого и международного рабочего движения. Она вовлекла в сферу своей историко-идеологической деятельности и основные исторические поворотные события прошлого: Парижскую Коммуну, революцию 1848 г., Великую французскую революцию, Реформацию и Крестьянскую войну, эпоху Просвещения и Классики. Специальные монографические исследования и статьи освещали Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России, Ноябрьскую революцию в Германии (1918 г.), послевоенный революционный кризис и их отражение в историческом мышлении КПГ и Коммунистического Интернационала.

Большое место в историко-идеологической работе КПГ занимало изучение истории большевизма.

Появился ряд интересных статей, анализирующих социалистическую литературу Веймарской республики с точки зрения отражавшейся в ней исторической проблематики.

В трудах историографов были широко освещены взгляды КПГ на историю, и прежде всего на немецкую историю в период с 1933 по 1945 г. Были показаны значительные успехи КПГ в разработке и дальнейшем развитии историко-политической концепции немецкой истории и в определении основных направлений всей дальнейшей работы в историко-идеологической области на антифашистско-демократическом и социалистическом этапе революционного перехода от капитализма к социализму в ГДР.

Особый интерес исследователей вызвал вопрос о соотношении национального и интернационального при изучении истории Германии. Было доказано, что КПГ всегда последовательно включала историю немецкого народа и историю немецкого рабочего дви-

жения во всемирную историю, но в то же время энергично возражала против всякого рода национального нигилизма.

Особо была рассмотрена помощь советской исторической науки развитию марксистско-ленинской исторической мысли в Германии. Было показано, что с середины 20-х годов влияние работ советских историков-марксистов на немецкое революционное рабочее движение неуклонно возрастало. Важную роль в ознакомлении с советской историографией играли прежде всего советские исследования воззрений Маркса и Энгельса, широко развернувшиеся с 1927 г., после начала публикации первого издания Собрания сочинений Маркса и Энгельса. В этой области с конца 1920-х годов и до настоящего времени развивается также тесное и плодотворное сотрудничество коммунистических партий СССР и Германии.

Изучение процесса возникновения и развития исторической науки ГДР было ознаменовано публикацией нескольких кратких исторических обзоров работ историков ГДР в качестве введений к докладам на международных конгрессах историков в 1960 и в 1970 гг.

Тогда же В. Бертольд выступил с важным исследованием, посвященным началу борьбы за антиимпериалистический подход к истории в первый год антифашистско-демократического переворота 1945—1946 гг. Эта работа содержала первые концептуальные соображения о развитии исторической науки ГДР. В вышедших в начале 1970-х годов монографиях было убедительно показано, что уже в годы революционного переворота программные документы революционной партии и исторические работы ее ведущих деятелей содержали руководящие указания для разработки новых и переработки старых представлений об истории и намечали одновременно основное направление новой организации исследовательской и преподавательской работы в этой области. Освещены были также и меры по организации преподавания истории в школах и в университетах; усилия, направленные на вовлечение прогрессивных буржуазных историков в процесс обновления исторической науки. Прежде всего были разработаны учебные планы и программы, в которых нашло свое отражение историко-материалистическое понимание истории.

Внимание историков исторической науки ГДР сосредоточено в настоящее время на периоде от образования ГДР в 1949 г. до начала 60-х годов. Именно в эти годы марксизм-ленинизм завоевал прочное место в исторической науке ГДР. Произошел полный разрыв с буржуазной немецкой исторической наукой, окончательное размежевание с историографией ФРГ. Изучалась в первую очередь руководящая роль СЕПГ в развитии новой немецкой исторической науки, ее теоретическая деятельность по освещению истории Германии и немецкого рабочего движения, вклад Вильгельма Пика в творческое освоение марксистско-ленинской исторической концепции; борьба за утверждение исторического материализма в преподавании истории в институтах и университетах и т. д. Продолжается изучение истории работы над коллективным

трудом по истории Германии, которая вызвала в течение 50-х и 60-х годов ряд научных дискуссий по проблемам новейшей истории, и в особенности истории рабочего движения как самостоятельной отрасли исторической науки. Изучается деятельность отдельных историков, которые внесли большой вклад в развитие исторической науки ГДР.

Особое внимание уделяется контактам историков СССР и ГДР. Появились работы по истории основания в 1957 г. Комиссии историков СССР и ГДР и деятельности первого председателя советской секции этой комиссии, А. Ерусалимского. На конференции этой комиссии, состоявшейся в сентябре 1977 г. в Берлине и посвященной 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, было принято решение об информировании научной общественности о первых результатах исследований по истории исторической науки в ГДР.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГДР

Л.-Д. Берендт

(ГДР)

Советская историческая наука играла важную роль в формировании и развитии марксистско-ленинской исторической науки в ГДР. После освобождения немецкого народа от фашизма Красной Армией и начала антифашистско-демократических преобразований в восточной части Германии традиции совместной борьбы советских и немецких коммунистов за развитие марксистско-ленинской исторической науки, которые существовали со времени возникновения Советской власти, получили возможность продолжения на более высоком уровне.

Помощь советских историков молодой исторической науке ГДР выражалась в сотрудничестве при разработке планов нового школьного и вузовского преподавания истории, в историко-пропагандистской работе советских органов прессы, издаваемых на немецком языке, в подготовке молодых кадров немецких историков в университетах СССР.

Помимо этих форм прямой поддержки существовал еще один вид помощи, который также нельзя недооценивать,— передача опыта формирования и развития марксистско-ленинской исторической науки в СССР, который СЕПГ сознательно и всесторонне использовала применительно к конкретным условиям ГДР. Методология советских исторических исследований служила примером для молодых марксистско-ленинских кадров историков ГДР. В первые годы как в средней школе, так и в высших учебных

заведениях обучение по специальности «история» велось почти полностью по советским учебникам.

Не только историки-марксисты, но и лояльно настроенные буржуазные историки, которых привлекали к созданию новой исторической науки, все более признавали необходимость тесных контактов с советской наукой. Одним из них был крупный специалист по истории Восточной Европы Отто Гётч, уже в годы Веймарской республики способствующий делу развития отношений между немецкой и советской наукой. Так, для совещания историков, организованного Германским центральным управлением народного образования в мае 1946 г., Гётч подготовил реферат на тему: «Включение восточноевропейской истории во всемирно-исторический процесс: концепции, исследования и преподавание». Он использовал доступные ему работы советских историков и дал их краткую характеристику. Хотя Гётч в основном остался на позициях буржуазной методологии истории, его высокая оценка марксистско-ленинских работ являлась весьма примечательной.

Большие заслуги в пропаганде достижений советской исторической науки имело основанное в 1947 г. Общество по изучению культуры Советского Союза, ведущими представителями которого были историки Э. Винтер и В. Марков. Общество публиковало для немецкого читателя в издаваемом им журнале «Sowjetwissenschaft» статьи по истории из советских периодических изданий, информировало о научных дискуссиях среди советских историков и через свой орган «Die neue Gesellschaft» давало информацию о новейших результатах советских исследований. В том же направлении действовал основанный в 1948 г. первый исторический журнал советской оккупационной зоны «Geschichte in der Schule».

Марков, один из первых ученых-марксистов, читал лекции по истории СССР в университетах, в 1948 г. опубликовал статью об изучении советской истории. В этой статье он подверг резкой критике господствующие в буржуазной историографии концепции истории России и дал на основе учета новейших достижений советской науки с марксистских позиций очерк истории СССР с древнейших времен до наших дней. Хотя эта статья еще не носила ярко выраженного историографического характера, она все же явилась важным толчком для более глубокого изучения исследований советских авторов.

Первый обобщающий обзор развития советской исторической науки и ее организации и содержания современных дискуссий дал в том же, 1948 г. работавший тогда в Галле Э. Винтер.

Начиная с 50-х годов историки ГДР информировались о развитии советской исторической науки по переведенным историографическим статьям советских авторов. Историки ГДР (прежде всего молодые ученые) публиковали рецензии на исследования советских авторов, историко-библиографические обзоры, отчеты о конференциях и библиографии, которые помогали уяснить совре-

менный уровень советских исторических исследований в отдельных областях всеобщей истории или истории СССР. Были приняты первые попытки при изложении новых результатов советской науки (например, по истории КПСС) отобразить процесс развития взглядов советских историков. Хотя эти работы еще не являлись самостоятельными исследованиями по истории советской исторической науки, но они были необходимым подготовительным этапом к историографическим исследованиям.

С начала 60-х годов в ГДР изучение истории советской исторической науки постепенно оформляется в качестве специальной отрасли историографических исследований. Этот процесс стимулировался имевшим место в Советском Союзе во второй половине 50-х годов дальнейшим подъемом историографических исследований, что привело историков ГДР, прежде всего специалистов по истории СССР, к выводу о необходимости более глубокого изучения процесса развития советской исторической науки. Рабочая группа «История славянских народов» при Академии наук в Берлине провела в 1962 г. коллоквиум, посвященный современному этапу развития советской исторической науки. С рефератом о подъеме советской исторической науки с конца 50-х годов на коллоквиуме выступил Ф. Штраубе, а Э. Доннерт сделал доклад о месте и роли М. Н. Покровского в советской исторической науке. Эти доклады можно рассматривать как первые собственно историографические исследования историков ГДР по истории советской исторической науки. Начали подготавливаться кадры историков, специализирующихся на истории советской исторической науки.

В связи с изучением германо-советских научных и культурных связей в годы Веймарской республики было констатировано наличие значительных контактов между историками двух стран. Определенную роль в этих контактах играл и тот факт, что советская историческая наука впервые выступила на международной арене именно на немецкой земле во время состоявшейся в Берлине в июле 1928 года так называемой русской исторической недели. Это событие, а также контакты известного советского историка М. Н. Покровского с немецкими историками, использование его трудов в Германии, связи между советскими и немецкими специалистами истории древнего мира, между советскими и немецкими архивистами и т. д. стояли в центре исследований историографов ГДР.

Молодые научные кадры, представлявшие различные отрасли исторической науки, при подготовке своих исследований тщательно знакомились с развитием советской историографии по соответствующей тематике. Результатом такого широкого изучения советской исторической науки было появление обзоров, посвященных развитию советской медиевистики и византологии.

Возникли первые контакты между историографами ГДР и СССР. Ряд немецких историографов принимал участие в разработке учебников по историографии нового и новейшего времени стран Ев-

ропы и Америки, изданных кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. К концу периода некоторые историки ГДР начали специализироваться в области проблем истории советской исторической науки.

Отличительной чертой современного этапа является имевшая место защита новых кандидатских и докторских диссертаций, посвященных развитию советской исторической науки. Среди них следует отметить докторскую диссертацию В. Кюттлера «Ленинский анализ формаций на примере России (1893—1904)». Вклад в теорию и методику исторического исследования социально-экономических формаций» (Берлин, 1976), которая ознаменовала новую ступень в освоении историками ГДР теоретического наследия В. И. Ленина.

На основе многочисленных опубликованных и неопубликованных источников из архивов СССР и ГДР Л.-Д. Берендт впервые дал исторический очерк развития международных связей советских историков в начальный период развития советской исторической науки (1917 — середина 30-х годов). Было подчеркнуто, что советские историки постоянно указывали на необходимость идеологического противоборства с концепциями немарксистских историков; подробно прослежена автором борьба советской исторической науки за ее международное признание, за равноправие в международных научных организациях.

В кандидатской диссертации И. Бендьюс дан очерк развития советской историографии истории города с 1917 г. до 70-х годов. Работа Э. Штеккер, основанная на обширной документальной базе, посвящена жизни и научной деятельности советского историка А. Ерусалимского. Особое внимание она уделила его помощи молодой марксистской исторической науке ГДР. О сотрудничестве историков двух стран в комиссии историков ГДР и СССР сказано в ряде статей нынешнего председателя секции ГДР этой комиссии, Х. Бартеля.

Историки ГДР внесли определенный вклад также в разработку историографии Великой Октябрьской социалистической революции и советского рабочего класса. Появилась подробная статья о дискуссиях советских историков в 20-е и 60—70-е годы о социально-экономических формациях.

На базе этих работ и использования советских историографических трудов впервые создано учебное пособие об основных линиях развития советской исторической науки с 1917 г. до сегодняшнего дня.

Историки ГДР в своих исследованиях стремятся раскрыть общие черты формирования и развития советской исторической науки, которые, как они полагают, повторялись и в становлении марксистской исторической науки в ГДР. Важное место в исследованиях историков ГДР занимает раскрытие всесторонней помощи и поддержки со стороны советских историков и КПСС освоению марксистско-ленинской концепции истории в ГДР и других

странах. Значительное число исследований по истории советской исторической науки в ГДР имеют целью выявить значение методологических разработок и исследовательских результатов советских историков для дальнейшего развития исторической науки в ГДР.

Важное значение для плодотворного исследования истории советской исторической науки имеет тесное сотрудничество с советскими историографами. Ярким примером этого сотрудничества явилась состоявшаяся осенью 1977 г. в городе Галле международная конференция о развитии советской исторической науки и о связях между историками ГДР и СССР с участием большой делегации советских ученых, а также историков Польши, Чехословакии и Венгрии.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГДР

В. Бертольд

(ГДР)

Преподавание истории исторической науки как специальной дисциплины на исторических факультетах университетов и педагогических институтов является показателем уровня и одним из стимулов дальнейшего развития историографических исследований. Из отрасли науки предмет преподавания вырабатывается не сразу, а в результате упорного труда ученых и педагогов. В ГДР учебные занятия по теме «История новой историографии и нового исторического мышления» начались еще в 1946 г. Они в первую очередь включали в себя преподавание истории исторической науки в университетах Германской Демократической Республики. Однако систематическое преподавание историографии начало проводиться в нескольких университетах только с 1960 г. В 1970 г. были введены официальные учебные программы по истории исторической науки как особой учебной дисциплине.

Эти программы были рассчитаны на подготовку прежде всего дипломированных учителей истории для средних общеобразовательных политических школ, которые готовятся во всех университетах и педагогических институтах ГДР. Для них предусмотрен курс лекций, читаемый на шестом или седьмом семестре.

Само собой разумеется, что курс историографии слушают и будущие историки, которых готовят к научной работе и преподаванию в высшей школе. Кроме слушания лекций они участвуют в семинарах по истории исторической науки, которые проводятся в течение двух семестров, причем этот курс обучения может быть удлинен. После окончания курса проводятся экзамены. Специализация студентов, которая, как правило, начинается с третьего

курса обучения, предусматривает дополнительный курс лекций по историографии избранной области исторической науки. Такая система обучения введена в университетах Берлина, Лейпцига и Галле.

Историографическую подготовку получают и преподаватели марксизма-ленинизма по профилю «история рабочего движения», которые готовятся только в Лейпцигском университете. Их готовят для работы в качестве преподавателей основ марксизма-ленинизма в высших и средних специальных учебных заведениях.

Учебная программа для дипломированных историков стала своего рода эталоном для всей системы преподавания истории исторической науки. Она строится на основе проводимых в ГДР исследований и усвоения опыта СССР, а также других социалистических стран. Были проанализированы советские учебники по историографии для студентов высших учебных заведений, учебные материалы и программы. Большое внимание привлекли курс лекций чехословацкого историка Ярослава Кудрна, вышедший 4-м изданием в 1977 г., опыт преподавания историографии в университетах Брно и Праги.

При разработке и составлении учебных программ принималось во внимание то, что история исторической науки должна строиться на самой широкой основе. В программе было предусмотрено изучение истории буржуазной и марксистской историографии после 1917 г. в Германии и, соответственно, — в ФРГ и в ГДР. Была предпринята попытка осветить формирование и развитие элементов исторического мышления в первых классовых обществах. Особое внимание уделялось рассмотрению конфронтации марксистско-ленинской исторической науки с различными идеологическими направлениями современной буржуазной историографии.

Составители программы исходили из того, что было типичным и преобладающим в историческом мышлении и представлениях определенной эпохи, того класса, который занимал центральное место в общественной структуре, определял ее главное содержание и направление развития. Особое внимание в программе уделяется тем личностям, которые наиболее ясно, эффективно и с учетом исторической перспективы формировали эти представления. С социологическими и идеологическими аспектами развития исторической мысли связаны и гносеологические проблемы, что тоже нашло свое отражение в программе.

Исходя из сказанного, можно отметить ряд существенных моментов, способствующих изучению истории исторической науки. Обширный учебный материал приводит к расширению и углублению теоретико-методологического и понятийного инструментария, которым смогут пользоваться подготовленные специалисты по истории исторической науки.

В ходе освоения историографических курсов конкретизируются, углубляются и уточняются представления о том, какие эпохи и какие стороны истории исторической науки наиболее важны для

преподавания, для воспитания новых поколений историков, для противоборства с антимарксистскими взглядами и к каким из них студенты проявляют особый интерес. Оказалось, что для формирования духовного склада и профессиональных навыков будущего историка, для создания прочных основ материалистического марксистско-ленинского мировоззрения наряду с историей возникновения и развития марксистской исторической науки, ее противоборства с современной буржуазной историографией необходимо формировать у студентов представления о состоянии исторической мысли в предшествующие исторические эпохи.

Выработка дидактических принципов относительно молодой специальной исторической дисциплины, каковой является история исторической науки, является необходимым условием успехов в практике преподавания историографии. Одной из основных проблем является подготовка учебника широкого профиля и ряда монографий обобщающего характера по истории исторической науки. В целях решения этой задачи предпринято издание ряда учебных материалов по истории как буржуазной, так и марксистской историографии, начиная примерно с периода 1830—1848 гг. до настоящего времени. Опубликованы, а также находятся в процессе подготовки ряд обобщающих работ по историографии — сборников, монографий, учебников.

Тщательно продуманная и хорошо организованная программа исследований, находящаяся в тесной связи с задачами преподавания, способствует оптимальному развитию историографии как особого раздела исторической науки. Важное значение в этом аспекте имеет создание в ГДР комплексного плана изучения истории всех общественных наук, реализация которого является одной из важнейших задач.

В октябре 1978 г. в Лейпцигском университете им. Карла Маркса была создана рабочая группа по истории общественных наук, в состав которой входят заведующие кафедрами и руководители исследовательских групп по философии, политической экономике, научному коммунизму, истории педагогики, психологии и других дисциплин.

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА КУБЕ

П. Мирончук, А. Гарсиа, З. Соколова

(Республика Куба)

(СССР)

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении последних 20 лет не было события, которое вызвало бы такие ожесточенные нападки наших идеологических противников, события, которое несло бы в себе столь мощные импульсы для творческого развития марксистско-ленинской мысли, как победа кубинской революции в январе 1959 г.

Победа революции явилась рубежом в развитии исторической науки Кубы, и в особенности ее марксистского направления. Марксистская историческая наука Кубы в настоящее время завершает этап своего организационного становления, используя при этом потенциал, накопленный развитием марксистской мысли со времени создания первой Кубинской коммунистической партии (1925 г.), опыт организации исторических исследований в братских социалистических странах.

Современный этап развития, переживаемый кубинской исторической наукой, представляет интерес для историков исторической науки социалистических стран не только как предмет исследования. Проблема выравнивания уровней развития общественных наук, в том числе истории исторической науки, становится одной из кардинальных в деятельности ученых стран социалистического сотрудничества и академий наук этих стран. В этой связи особо актуален и важен вклад кубинской исторической науки в целом, значение ее современного этапа и, в частности, такой ее отрасли, как история исторической науки.

Не претендуя на охват всех аспектов большой и сложной проблемы развития исторической науки Кубы, хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые основные, наиболее значительные направления.

Решение таких практических проблем, как структурная перестройка научных центров, подготовка кадров ученых в соответствии с недавно принятыми на Кубе положением о научных степенях и ученых званиях, формирование научных и авторских коллективов, отличает современный этап развития исторической науки в этой стране. Ведущими центрами исследования стали Институт общественных наук АН Кубы, Институт коммунистического и рабочего движения, руководимый одним из выдающихся ветеранов коммунистического движения на Кубе, Ф. Гробартом; Отдел истории Музея Революции при Министерстве вооруженных сил Кубы.

Несомненного внимания заслуживает опыт сотрудничества советских научных центров с научными центрами Кубы. Следует отметить также опыт формирования авторских коллективов моно-

графий, обсуждения и творческого решения дискуссионных проблем. Результатом этого явился выпуск и подготовка коллективных монографий: «Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX веков» (М., 1975), «Иностранцы монополии на Кубе. 1898—1958 годы» (М., 1976), «Культура Кубы», «Российско-кубинские связи» (ч. II); интерес представляет книга «Мужество и братство», в подготовке которой принимают участие ученые Института Латинской Америки и Института всеобщей истории АН СССР, а также Отдела истории Музея Революции Кубы.

Тема советско-кубинских связей, российско-кубинских отношений, пожалуй, стала одной из ведущих в исторической науке Кубы. Большое внимание уделяется изучению проблем, связанных с влиянием идей Великого Октября на Кубу, значением победы кубинской революции на изменение характера советско-кубинских отношений и т. д.

Актуальнейшей задачей исторической науки Кубы на современном этапе является создание марксистско-ленинской концепции кубинской революции с учетом ее вклада в развитие марксистско-ленинской теории революции и практику строительства социализма.

Решение этой неотложной задачи следует рассматривать как интернациональный долг многочисленной армии историков социалистических стран. На первый план выдвигается необходимость решения прежде всего методологических проблем исследования. До сих пор не все ясно с анализом проблемы периодизации освободительного движения на Кубе. Требуют решения проблемы, связанные с рассмотрением закономерностей, характера, специфики складывания революционной ситуации накануне кубинской революции (соотношение объективного и субъективного факторов и др.).

Большого внимания от историков требует изучение теоретического наследия Че Гевары, одного из выдающихся революционеров XX в.

Интеграция стран социалистического содружества, проявляющаяся, в частности, и в области исторических наук, позволит значительно сократить путь кубинской исторической науки к ее зрелости.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ш. Бира

(академик, МНР)

История исторической науки как самостоятельная историческая дисциплина начала развиваться в Монгольской Народной Республике совсем недавно — в 50—60-х годах. Зарождение и развитие историографии в Монголии связано с теми большими успехами, которые были достигнуты за последнее время в области исторических исследований. Однако собственно историографические исследования ограничиваются в основном вопросами монгольской историографии.

При Институте истории АН МНР создана небольшая исследовательская группа, работающая над вопросами истории и теории марксистско-ленинской историографии в МНР. История исторической науки изучается как в хронологическом, так и в проблемно-тематическом аспектах.

Результаты этого изучения нашли свое отражение в ряде монографий, статей, сообщений и докладов. Отдельным вопросам современной монгольской историографии посвящено несколько кандидатских диссертаций. Примечательно, что вопросы монгольской историографии впервые обсуждались на XII Международном конгрессе исторических наук в 1965 г. в Вене. Обсуждение данного вопроса вызвало большой интерес у многих делегатов конгресса, о чем свидетельствуют выступления ряда участников конгресса и отклики в печати. Работы монгольских историографов, как нам представляется, внесли определенный вклад в ознакомление международной научной общественности с успехами монгольской исторической науки. Они способствовали также исправлению некоторых ошибочных утверждений, встречающихся в западной исторической литературе.

Так, изучение дореволюционной монгольской историографии показало, что монгольский народ в прошлом располагал значительным оригинальным историографическим наследием, возникшим в специфических условиях кочевого образа жизни и потому в значительной мере отличавшимся от исторических знаний оседлых народов Востока. Исторические знания монголов связаны с теми историческими традициями, которые развивались среди протомонгольских и тюркских народностей, обитавших в древности на территории Монголии.

Значительное внимание монгольские историографы уделяют выявлению народной основы исторических знаний на раннем этапе историографического творчества кочевых народов, в период утверждения феодального строя и образования единого государства в Монголии. Основой для ее возникновения послужило устное народное творчество. Об этом нагляднее всего свидетель-

ствует первенец монгольской историографии — «Нигуча Тобчиан» («Сокровенное сказание»), созданный в 1240 г. на берегу реки Керулепа.

Историографами Монголии была разработана периодизация истории развития монгольской исторической мысли, согласно которой выделяются четыре основных периода:

- 1) древнейшие времена и период утверждения феодализма (до конца XIV в.);
- 2) период развитого феодализма и феодальной раздробленности (XV—XVII вв.);
- 3) период маньчжурского господства, застоя и загнивания феодализма (XVIII — начало XX в.);
- 4) возникновение и развитие марксистско-ленинской историографии (1921—1970-е годы).

Большое значение придается раскрытию идейно-мировоззренческого содержания дореволюционной монгольской исторической литературы. Выявлены ее оригинальные черты, определены особенности ее историко-политических позиций. Особое внимание уделяется выявлению воззрений, отражавших в той или иной степени общенациональные интересы монгольского народа.

Как удалось установить, в период господства маньчжуров в Монголии монгольская историография не превратилась в придаток маньчжуро-китайской историографии, а сумела сохранить свою самобытность. Во времена чужеземного гнета письменная историография способствовала сохранению и распространению знаний об историческом прошлом страны.

Изучаются вопросы о влиянии буддизма на мировоззрение монгольских историков в прошлом. Со второй половины XVI в. монгольская историография устанавливает особенно тесные контакты с индо-тибетской религиозной исторической мыслью; в Монголии начали складываться основы новой, феодально-буддийской историографии. С созданием же монгольскими авторами исторической литературы на тибетском языке монгольская историография приобрела ярко выраженный феодально-клерикальный характер, который сохранился вплоть до революции 1921 г.

Буддизм, подобно христианству, создал свою историографию в странах, где стал господствующей религией (Индия, Шри-Ланка, Непал, Китай, Тибет, Монголия и др.). Поэтому мы можем говорить об общей для этих стран буддийской историографии, которая, возникнув в древней Индии, получила дальнейшее развитие в ряде стран Азии. Единство мировоззрения и методологических принципов обусловило общие черты буддийской историографии. В этом отношении изучение дореволюционной монгольской историографии может помочь в выяснении многих интересных вопросов одной из крупных ветвей восточной историографии.

Несмотря на бесспорное буддийское влияние, историческое творчество монгольского народа не свелось к слепому подражанию буддийской историографии. Ламаистская разновидность буд-

дизма, хотя и широко распространилась в Монголии, столкнулась там с местной историографической традицией, которую буддизм не смог свести на нет, как это в свое время произошло в Тибете.

Историческая мысль дореволюционной Монголии прошла долгий, извилистый путь подъемов и падений. Но при этом она неизменно сохраняла свой феодально-классовый характер, свою верность интересам класса монгольских светских и духовных феодалов.

В последнее время монгольские ученые уделяют большое внимание изучению современной монгольской историографии, которая начала развиваться после победы народной революции в 1921 г. В результате уже проведенных исследований изучены многие важные проблемы истории развития марксистско-ленинской исторической науки в МНР. Прежде всего, монгольские историографы выработали общепринятую периодизацию истории развития современной монгольской историографии. Это развитие прошло два основных этапа: революционно-демократический (1921 г.—40-е годы) и марксистско-ленинский (40—70-е годы), которые в основном соответствуют общим этапам социально-экономического и культурного развития монгольского общества после победы народной революции.

Монгольская народная революция 1921 г., как и во всех других сферах духовной жизни общества, явилась поворотным моментом в истории развития исторических знаний. Первый этап развития современной монгольской историографии характеризуется большими изменениями в характере и содержании исторических знаний в Монголии. Шел процесс секуляризации и демократизации исторических знаний, расширялась тематика исторических исследований, утверждалось новое понимание исторического процесса.

По мнению зачинателей современной монгольской историографии, практическое назначение изучения истории заключалось в повышении национального самосознания народа, в служении историографии интересам революции и народной власти. В первых исторических трудах послереволюционного периода старое представление об истории как истории каганов или деятелей религии претерпело радикальное изменение и уступило место научному пониманию истории, наблюдался пересмотр и переосмысление историографического наследия монгольского народа. В это же время проводилась большая работа по собиранию, публикации, исследованию и переводу исторических источников, архивных материалов, в результате которой была создана солидная источниковая база для ведения исторических исследований в Монгольской Народной Республике.

В развитии исторической науки в МНР большую роль сыграли забота Монгольской Народно-Революционной Партии (МНРП) о научно-организационном укреплении научных учреждений и подготовке научных кадров, а также установление контактов с советскими учеными и научными учреждениями СССР. С первых

же дней революции в стране начала создаваться сеть научных учреждений исторического профиля — Кабинета истории при Ученом комитете МНР, Государственного исторического архива, Государственной библиотеки и т. д.

Для утверждения марксистско-ленинской методологии и распространения подлинно научных исторических знаний важное значение имело издание на монгольском языке произведений классиков марксизма-ленинизма и некоторых трудов советских историков.

Появились первые крупные работы по новейшей истории Монголии, написанные участниками народной революции по горячим следам важнейших событий в жизни революционной Монголии. Эти работы, однако, не были свободны от серьезных недостатков, которые заключались в их невысоком научно-теоретическом и профессиональном уровне, а в ряде случаев и в националистическом и оппортунистическом толковании некоторых вопросов исторического прошлого. Большинство исторических трудов носило популярно-публицистический характер.

В целом можно сказать, что на первом этапе развития послереволюционной монгольской историографии была заложена основа для утверждения марксистско-ленинской методологии в монгольской исторической науке.

Историографы Монголии справедливо проводят некоторую аналогию между первым этапом послереволюционной монгольской историографии и нынешним состоянием исторической науки в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, где происходит процесс формирования новой национальной историографии под воздействием марксистско-ленинской философии истории. В этом плане представляет большой интерес сравнительное изучение новых процессов, происходящих в развитии исторических знаний в молодых развивающихся государствах.

Второй этап развития монгольской историографии (примерно с 1940-х годов) характеризуется окончательным утверждением марксистско-ленинской методологии, совершенствованием научных методов и техники исторических исследований, расширением и углублением тематической структуры, повышением научно-теоретического уровня исследователей. Значительно расширились ряды профессиональных историков, созданы и укреплены научно-исследовательские учреждения (созданы Институт истории и Институт востоковедения АН МНР, Институт истории партии при ЦК МНРП и ряд кафедр истории в вузах страны).

Важным достижением в этот период можно считать расширение тематики исторических исследований — монгольские историки стали заниматься углубленным изучением вопросов не только отечественной истории, но и различных отраслей современной исторической науки — всеобщей истории, истории Востока, истории международного коммунистического и рабочего движения и т. д.

Преподавание и пропаганда исторических знаний заняли долж-

ное место в системе народного образования, начиная с общеобразовательных школ и кончая вузами, а также в системе политического просвещения и в массово-просветительской работе среди трудящихся.

Большим достижением является зарождение и развитие ряда самостоятельных исторических дисциплин— историографии, источниковедения, археологии, этнографии, эпиграфики и т. д. Особо следует отметить значение успешного развития в МНР за последнее время историко-партийной науки. Вышел в свет краткий очерк истории МНРП на монгольском и русском языках. В настоящее время завершается работа по созданию расширенного курса по истории МНРП. Опубликовано большое количество источников, архивных материалов по истории МНРП и международного коммунистического и рабочего движения. Из года в год растет число коллективных и монографических исследований по истории партии.

Исследования монгольских историографов показывают, что наиболее крупные успехи исторических исследований в МНР связаны именно с победой и утверждением марксистско-ленинской методологии в монгольской историографии. Как известно, до недавнего времени история Монголии являлась объектом изучения главным образом буржуазных исследователей. Поэтому потребовалось провести большую научную работу для полного преодоления не только старых, феодально-религиозных представлений, но и буржуазно-идеалистических концепций истории монгольского народа.

О значительных достижениях марксистско-ленинского этапа монгольской историографии можно судить по тем крупным общим и монографическим работам монгольских историков, которые были опубликованы в последнее время. Среди них особое место занимает однотомник — «История МНР», уже дважды переиздававшийся на монгольском, русском и английском языках, который является результатом плодотворного научного сотрудничества монгольских и советских историков. Крупным общим трудом, созданным благодаря усилиям большого коллектива монгольских историков, является «История МНР» в трех томах, опубликованная в 1966—1969 гг. на монгольском языке.

В результате регулярных археологических исследований, проводимых монгольскими и советскими археологами на территории МНР, выяснены многие интересные вопросы первобытной истории Монголии, начиная с нижнего палеолита и древней самобытной цивилизации кочевых народов, населявших территорию Монголии.

Серьезную разработку получили также вопросы истории государственности у кочевых народов, истории феодализма в Монголии и истории национально-освободительного движения монгольского народа. Вполне естественно, что современная монгольская историография уделяет особенно большое внимание изучению истории народной революции, некапиталистического пути разви-

тия и социалистического строительства в МНР. В этой связи следует отметить значение научно-теоретических работ Первого секретаря ЦК МНРП Ю. Цеденбала для разработки актуальных проблем истории монгольского народа и историографии МНР.

Необходимо отметить, что утверждение и развитие марксистско-ленинской историографии в Монголии, где до недавнего времени господствовала отсталая феодально-клерикальная идеология, имеет большое общетеоретическое и практическое значение для разработки актуальных проблем современной историографической науки. Кроме того, монгольские историографические исследования наносят ощутимые удары по всякого рода антинаучным теориям и концепциям, в первую очередь по так называемой теории цикличности и всякой империалистической и оппортунистической критике некапиталистического пути развития и социалистического строительства в МНР.

НОВАЯ ИСТОРИЯ РУМЫНИИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ РУМЫНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. Хурезяну

(СРР)

В послевоенный период (1946—1948 гг.) румынская историческая наука играла весьма значительную роль в культурной и духовной жизни народа. Помимо ее значения как инструмента познания прошлого она была важным идеологическим фактором в движении за социальное и национальное возрождение румынского народа.

В период между двумя мировыми войнами преобладающим направлением в румынской историографии был позитивизм. Исследования велись преимущественно на исторических факультетах трех имевшихся в стране университетов и группировались вокруг известных ученых, а также специальных исторических журналов.

Основные усилия историков были сосредоточены в основном на древнейших периодах истории страны и в первую очередь на изучении румынского средневековья и феодализма. Что касается новой истории, то здесь исследовались в основном различные аспекты некоторых важнейших событий этой эпохи (революция 1848 г., объединение румынских княжеств в 1859 г. и т. д.). Уже в конце XIX и начале XX в. были опубликованы фундаментальные коллекции документов, касающихся этих событий.

Новая история являлась объектом исследований историографического и теоретико-социологического характера. Как до первой мировой войны, так и в период между войнами целью исследований было раскрытие черт, присущих историческому процессу в Румынии в современную эпоху, хотя этот анализ осуществлялся, естественно, под различными углами зрения и с различных классовых позиций. Хотя в рассматриваемый период в исторической науке и наблюдалось увлечение различными теоретическими построениями, проникающими из других сфер общественнонаучного, господствующим в румынской историографии оставался узкоэмпирический подход. Правда, в это время появились два обобщающих труда по румынской истории. Они пытались дать общую характеристику процесса развития румынского народа, но вместе с тем неправильно истолковывали внутреннюю связь элементов и аспектов этого процесса.

Марксистская мысль в период после первой мировой войны накопила известный опыт в исследовании проблем истории нового времени. Социалистическим движением, а затем и Румынской коммунистической партией была осознана необходимость разработки марксистской концепции румынской истории, поскольку это было необходимо для определения политической линии, стратегии и тактики. Творческое начало в деятельности социалистического движения второй половины XIX — начала XX в., а затем в деятельности Румынской коммунистической партии в период между двумя мировыми войнами было обусловлено именно стремлением теоретически осмыслить современный период румынской истории. Самой значительной попыткой в этом направлении была работа видного деятеля Коммунистической партии Румынии Л. Пэтрэшкану.

Несмотря на идеологическое влияние РКП на некоторых представителей беспартийной интеллигенции и научную деятельность историков-коммунистов, историко-материалистическое мышление не сложилось в сильную и влиятельную школу. (Впрочем, такое влияние стало ощутимым и в других капиталистических странах — Италии, Франции и т. д. также лишь после второй мировой войны.)

Только революционные преобразования, начавшиеся в августе 1944 г., в корне изменившие весь ход исторического развития Румынии, вызвали переворот и в области историографии с точки зрения ее теоретической и методологической направленности. Определяющим фактором перестройки всей культурной жизни была идеологическая деятельность Румынской коммунистической партии, ее последовательная политика создания культуры, поставленной на службу массам, отвечающей их подлинным идеалам и устремлениям, включающей передовые и гуманистические ценности духовного творчества румынского народа.

Широкий процесс преобразования румынской культуры, постепенного преодоления буржуазных влияний и утверждения социалистической культуры протекал в острых схватках с враждеб-

ными тенденциями. Внешне после 1944 г. представители старой историографии быстро изменили как тематику исследований, так и их теоретическую и идеологическую направленность. Историки, придерживающиеся общедемократических взглядов в прошлом (например, недавно скончавшийся академик А. Оцетя или академик Д. Продан), искренне и решительно встали на позиции исторического материализма.

Речь, однако, идет о решительном искоренении идеологии, исходившей из интересов бывших эксплуататорских классов, о победе марксистской концепции исторического процесса, которая произошла в условиях острой политической борьбы.

Это был поворотный момент, направивший историографию по новому руслу. В перспективе трех истекших с того времени десятилетий можно заметить присущие ему объективные и субъективные недостатки. Время с 1947 г. по 1955 г. можно рассматривать как период теоретических размышлений и накопления документальных материалов. Очевидно, что истинно марксистский труд по истории является творческим актом, предполагающим длительное теоретическое размышление, а также овладение фактическим материалом.

Необходимо, однако, сказать, что и в этот период появились некоторые работы и исследования, свидетельствующие о жизнестойкости историографической традиции.

После 1955 г. румынская историография, основывающаяся на историческом материализме, вступает, в сущности, в период приобретения зрелости. Работам, появившимся в это время, присуще широкое понимание явления, определенная утонченность культуры и хорошее знание достижений исторической науки в других странах, что является вообще традицией румынской историографии.

Важное значение в румынской марксистской историографии имело создание сильных коллективов в центральных научно-исследовательских институтах, повышение научного уровня и количества публикаций по истории, формирование нового поколения специалистов и взаимодействие между ними и ранее сформировавшимися учеными. В этом процессе существенна роль известных историков старшего поколения. Среди них можно назвать К. Дайковиччу, Д. Продана, А. Оцетя, М. Берза и др. Их деятельность (в основном это специалисты по новой истории) в большой мере способствовала повышению уровня научных исследований в области румынской истории.

Основные результаты первых исторических исследований после 1955 г. изложены в четырехтомном «Tratatul de istoria României», который вышел в 1960—1964 гг. и охватил всю историю страны от первых форм социальной организации до войны за независимость 1877—1878 гг. Глубина подхода, включение румынской истории в широкий европейский контекст, в частности в контекст истории Юго-Восточной Европы, богатство фактического материала сделало эту публикацию важной вехой в развитии по-

слевоенной румынской историографии. Активизировалось также изучение проблем новой истории Румынии.

После IX съезда Румынской коммунистической партии, состоявшегося в 1965 г., исторические исследования сыграли большую роль в пропаганде, формировании политического сознания народа, в социалистическом воспитании масс. Повышение интереса к истории обусловлено тем, что массы, строящие новое общество, сами являются активными творцами истории наших дней. Этот интерес коренится в реальной действительности наших дней, в требованиях современности. Отсюда — прочность этого интереса, активная, мобилизующая роль исторической науки, связь ее с идеологической деятельностью Румынской коммунистической партии (РКП).

Примечательно, что вопросы истории занимают важное место в документах РКП, в трудах ее Генерального секретаря Н. Чаушеску. Они содержат не только важные методологические указания, но и ряд конкретных оценок прошлого румынского народа, помогающих понять глубокие корни политики РКП.

Сама показательность и значимость событий нового времени для понимания социальной и национальной жизни румынского народа объясняет появление большого количества исследований, посвященных этой эпохе.

В румынской историографии еще нет обобщающего труда о развитии капитализма в Румынии и его особенностях. Однако опубликовано много работ о развитии промышленности, о формировании рабочего класса. Более основательно была исследована аграрная проблема. Некоторые труды о развитии сельского хозяйства в XIX — начале XX в., об аграрных реформах 1864 г. и 1921 г. по праву могут считаться вкладом в определение специфики аграрно-капиталистической эволюции Восточной Европы, в понимание «прусского», как его определил В. И. Ленин, пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Большое внимание румынская историография уделяла изучению крестьянских движений, в частности крупному восстанию 1907 г. Крестьянское движение является отличительной особенностью этого периода румынской истории, что сближает ее с развитием классовой борьбы в России того же периода.

Аграрное движение в Румынии XIX — начала XX в. фактически впервые было изучено румынскими историками-марксистами. Введение в научный оборот материалов о массовых выступлениях крестьян способствовало более полному отображению общих черт румынской истории в новую эпоху.

Важной областью все более интенсивных исследований явились такие крупные события новой истории Румынии, как революционный 1821 год, революция 1848 г., объединение румынских княжеств в 1859 г., война за независимость 1877—1878 гг. и другие события. Румынская историография расценивает эти события как глобальные явления, выражающие процессы и потребности развития румынского общества на определенных этапах. Они в кои-

центрированном виде выражают содержание этих этапов. Вот почему их следует рассматривать только комплексно, включая как анализ их генезиса, социально-экономических корней, так и политические аспекты, национальные движения, международные условия, в которых они имели место. Впрочем, сама структура этих событий очень сложна и почти во всех них тесно переплетаются социальные и национальные аспекты. Другим направлением исследований, которое привлекает в последнее время внимание многих историков, является выявление внутренней связи крупных событий национальной истории нового времени. Конечно, данная проблема еще требует теоретического осмысления и дальнейшей конкретно-исторической разработки.

Одним из наиболее плодотворных исследовательских направлений, объединившим усилия не только историков, но и специалистов по истории культуры, философов и социологов, является изучение идейных течений в новую эпоху. На сегодняшний день издан ряд серьезных монографий, посвященных изучению основных идеологических и социально-политических течений XVIII — начала XX в. Особенно обстоятельно были рассмотрены идеология эпохи Просвещения, а также идеологические вопросы революции 1848 г. Без учета полученных результатов нельзя обойтись не только при изучении истории Румынии, но также и исследователям истории общеевропейской общественной мысли.

В течение длительного периода проблемы истории внешней политики и дипломатических отношений не привлекали достаточного внимания румынских историков, в последнее же время наблюдается повышенный интерес к этой проблематике. В последние десятилетия румынская историография стремится включить румынскую историю в более широкие рамки истории общеевропейской.

Сказанное выше, конечно, далеко не исчерпывает исследовательской проблематики, разрабатываемой румынской историографией в области новой истории. Румынские историки ясно осознают стоящие перед ними задачи и отдают себе отчет в достигнутых результатах. Они трезво оценивают эти результаты как ступени к совершенствованию нашей исторической науки, как основу повышения ее роли в культурной, духовной жизни народа Румынии, в деле формирования его социалистического сознания.

ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ РУМЫНИИ

Г. Унк

(СРР)

Со времени народной революции и установления социалистического строя на земле Румынии румынская историография, базирующаяся на принципах марксизма и направляемая Румынской коммунистической партией (РКП), добилась существенных

успехов. Об этом свидетельствует и широкий размах исследований по истории РКП, революционного и демократического движения Румынии.

Первые исследования истории рабочего движения Румынии появились вскоре после создания в 1893 г. политической партии рабочего класса. С этого момента и до кануна второй мировой войны политические деятели и публицисты социалистического и коммунистического движения, такие, как К. Доброджану-Геря, М. Георгиу-Бужор, Л. Пэтрэшкану и другие, создали многочисленные труды о боевом прошлом рабочего движения в Румынии.

Организованное исследование истории РКП, рабочего и демократического движения Румынии получило особый размах с установлением в Румынии народной власти. Этому во многом способствовало открытие для исследователей архивных материалов, относящихся к истории рабочего движения, сбор воспоминаний, публикации о различных проблемах, связанных с историей РКП.

Эта деятельность продолжалась и расширялась в соответствующих организационных рамках одновременно с созданием в 1951 г. Института исторических и общественно-политических исследований при ЦК РКП, а затем и журнала «Анналы истории» (1955 г.).

Постепенное расширение документальной и информационной базы, ее всестороннее использование на уровне непрерывно растущих требований позволили более полно и ярко представить проблематику истории рабочего движения.

Новые задачи, вытекавшие из установок IX, X и XI съездов Румынской коммунистической партии, оказали глубокое влияние и на деятельность исследователей истории румынского рабочего движения. Анализ основных этапов и проблем истории развития рабочего движения Румынии, сделанный Генеральным секретарем ЦК РКП Н. Чаушеску в докладе в связи с празднованием 45-й годовщины РКП, явился ценным путеводителем для историков Румынии. Один из основных тезисов этого доклада указывал на необходимость включения рабочего движения в общий контекст истории страны.

В соответствии с указаниями партии за последние десять лет Институт исторических и общественно-политических исследований развернул широкую деятельность по составлению 12-томного издания документов о рабочем, социалистическом и коммунистическом движении в Румынии. До настоящего времени вышло в свет семь томов, каждый из которых содержит около 1000 страниц. Вышедшие тома охватывают период с 1821 г. по 1924 г.

Другим фундаментальным изданием явилась серия, посвященная истории революционной печати Румынии, которая, кроме перепечатки наиболее ценных статей из периодических изданий, включала также и краткие очерки, характеризующие каждую из упоминаемых в серии газет или журналов. Из этой серии до настоящего времени издано четыре тома в семи книгах, включающих материалы по истории социалистической и коммунистической публицистики Румынии начиная с 1865 г. и до 1924 г.

В своих исследованиях румынские историки реконструировали путь, пройденный трудящимися массами Румынии более чем за 100 лет, начиная с проникновения в Румынию идей утопического социализма и кончая современным периодом.

Внимание исследователей привлекли проблемы создания в 1893 г. первой в стране политической партии рабочего класса — Социал-демократической партии рабочих Румынии, что явилось новым этапом в развитии революционного процесса. Многие работы румынских историков посвящены проблемам социалистического движения конца XIX в., его дальнейшего подъема в начале XX в., утверждению пролетариата на арене социально-политической жизни страны.

Центральное место в изучении истории рабочего движения Румынии занимает проблематика, связанная с деятельностью Румынской коммунистической партии, выяснение ее места и роли в румынском обществе. Изучение истории РКП является первоочередной заботой историков Румынии. Все историко-партийные исследования показывают, что партия, используя самые разнообразные формы борьбы, постоянно была организатором и руководителем рабочего класса.

Был издан также ряд монографий и сборников о деятельности массовых организаций, находящихся под влиянием РКП.

Важное место в исторических исследованиях занимает вопрос о профессиональных организациях пролетариата, возникших еще в первые десятилетия прошлого века. Большое внимание уделено борьбе за единство профсоюзов в период между двумя мировыми войнами. Создан ряд трудов о борьбе революционной молодежи, о прогрессивных и демократических традициях молодежного движения.

Румынская историческая наука уделяет значительное внимание борьбе рабочего класса за экономические и политические права, за расширение общественных, гражданских и демократических свобод. В этом плане была создана серия работ о забастовочной борьбе рабочего класса.

Историки Румынии широко исследуют крестьянский вопрос. Опубликованы многочисленные работы о намеченных партией рабочего класса мероприятиях, направленных на разрешение аграрного вопроса, труды, посвященные связям между рабочим и крестьянским движением, созданию союза рабочего класса и крестьянства.

Особенный интерес историков нашей страны привлекает период 1934—1940 гг., когда консервативные силы внутри страны проводили антинародную политику и все более и более нарастала угроза фашизма и войны. Был подготовлен ряд работ, характеризующих успехи коммунистической партии в борьбе за единство действий на основе антифашистского Народного фронта, рост влияния и укрепление связей РКП с различными социальными слоями, ее роль в организации Народного фронта и крупной антифашистской демонстрации в защиту независимости и суверенитета страны.

Уделяя первостепенное внимание роли рабочего класса, широких народных масс как творцов истории, румынские историки написали биографии некоторых передовых деятелей, сыгравших важную роль в рабочем и революционном движении Румынии. В серии «Воспоминания», выпускаемой Институтом исторических и общественно-политических исследований, было опубликовано значительное количество биографий. Было принято специальное решение о публикации полного собрания сочинений К. Доброджану-Гери и Л. Пэтрэшкану.

Значительное число румынских историков занимается изучением международных связей рабочего и революционного движения Румынии. Были изданы документы и исследования о распространении социализма в Румынии, о связях румынских революционных деятелей с Марксом, Энгельсом и Лениным, о солидарности рабочего и демократического движения Румынии с Парижской коммуной, с русской революцией 1905—1907 гг. и др.

Несомненно, что Великая Октябрьская социалистическая революция — эпохальное событие в истории человечества — на протяжении многих лет является предметом постоянного внимания румынской историографии. За последние десятилетия румынские историки выпустили в свет сборники документов и воспоминаний, многочисленные монографии и статьи о международном значении Октябрьской революции, об откликах на нее в Румынии, о революционных румыно-русских связях, о солидарности трудящихся нашей страны с Советской Россией, о широком развитии всесторонних политических, экономических, научно-технических и культурных связей между социалистической Румынией и СССР.

Ряд работ и исследований освещает солидарность рабочего и демократического движения Румынии с пролетарской революцией в Венгрии, с республиканской Испанией, с борьбой трудящихся за социальное и национальное развитие Болгарии, Югославии, Китая, Кубы и др.

Целый ряд исторических работ касается значения антифашистского и антиимпериалистического восстания в августе 1944 г. и участия Румынии в антигитлеровской коалиции. В них подчеркивается, что антифашистское восстание 1944 г. было делом широких народных масс, руководимых коммунистической партией, что оно было осуществлено при благоприятных обстоятельствах, создавшихся в результате разгрома гитлеровских войск на всех фронтах и особенно благодаря блестящим победам Советской Армии. Свергнув военно-фашистскую диктатуру, Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции, включив свою армию, все свои материальные и людские ресурсы в борьбу за полное освобождение своей страны, за освобождение Венгрии и Чехословакии.

Многочисленные исследования посвящены народной революции и ее основным преобразованиям — созданию 6 марта 1945 г. первого в истории Румынии демократического правительства, принятию аграрной реформы, победе демократических сил на парла-

ментских выборах в ноябре 1946 г., провозглашению республики в декабре 1947 г.

Значительных успехов достигла румынская историография в анализе проблематики социалистического строительства. Многочисленные работы и исследования касаются вопроса объединения на съезде, состоявшемся в феврале 1948 г., двух рабочих партий — Румынской коммунистической партии и Социал-демократической партии — в единую революционную партию. Ряд книг, статей и сообщений посвящен вопросам социалистической индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства, развития образования и культуры, роста жизненного уровня.

Большое внимание было уделено также преобразованиям, происшедшим в социальной структуре Румынии в годы строительства социализма, проблемам, связанным с созданием и развитием румынской социалистической нации, с ростом руководящей роли РКП, с углублением социалистической демократии.

Румынская историография исследует вопросы внешней политики социалистической Румынии, ее дружеских отношений и всестороннего сотрудничества со всеми социалистическими странами, расширения и укрепления отношений со странами, вступившими на путь независимого социально-экономического развития, укрепления солидарности со всеми прогрессивными силами.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

С. Цамбел
(ЧССР)

Итоги развития исторической науки в Чехословакии в 50-е и 60-е годы были подведены на семинаре историков-марксистов, состоявшемся в ноябре 1972 г. в Праге. Материалы этого семинара опубликованы.

В чехословацкой марксистской историографии первой половины 50-х годов имели место элементы догматического понимания марксизма-ленинизма. Это было характерно для всех областей исторической науки, включая историографию новой и новейшей истории, которая складывалась в то время. После 1956 г. догматизм подвергся критике. Однако это была критика односторонняя. Она подчеркивала лишь необходимость изучения фактов и новых архивных источников. Все шире распространялись объективистские тенденции, направленные против марксистской партийности. Эти тенденции вели к преуменьшению значения и научной ценности изучения новейшей истории.

Третий съезд чехословацких историков, состоявшийся в сентябре 1959 г., осудил имевшиеся недостатки и по-новому сформулировал задачи в области историографии. Актуальность и общественная ценность историографии была поставлена в связь с тем, какие ценности она создает, какое влияние оказывает на сегодняшний день. Методологические выводы, сделанные третьим съездом историков, имели необычайно большое значение, в первую очередь для историографии новейшей истории, которая начала бурно развиваться в начале 60-х годов. Наиболее интенсивно исследовалась история антифашизма и движения Сопротивления. Улучшилось изучение истории возникновения и развития в Чехословакии народной демократии. Особенно большой шаг вперед был сделан в трактовке новейшей истории Словакии, которая в 50-х годах была наиболее сильно деформирована вследствие искусственно и необоснованно выдвинутого тезиса о так называемом буржуазно-националистическом уклоне в Коммунистической партии Словакии.

Постановление декабрьского (1963 г.) пленума ЦК Коммунистической партии Чехословакии, отвергшее это обвинение, оказало положительное влияние на всю чехословацкую историографию, хотя в последующие годы вновь имели место определенные недостатки. С середины 60-х годов начинают проявляться тенденции к отходу от принципов и целей социалистической науки и к замыканию историков в своей профессиональной сфере. Усиливались тенденции к кабинетной науке, проявлялась идейная неустойчивость, односторонняя ориентация на Запад, пренебрежительное отношение к научным исследованиям, ведущимся в социалистических странах. Нарушалось диалектическое единство научной объективности и классовой партийности. Часть историков, слабо подготовленных в теоретическом отношении, примкнула к всевозможным теоретическим направлениям, не имевшим ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Предпринимались попытки оживить старые консервативные концепции национальной истории. Период 1945—1948 гг. изображался как прообраз «демократического социализма». Строительство социализма в 50—60-х годах объявлялось «сплошной цепью ошибок». Замалчивалось значение Великой Октябрьской социалистической революции для возникновения Чехословацкого государства и, что важнее всего, отрицалось всеобщее интернациональное значение ленинизма и опыта советских коммунистов в деле построения социализма.

Изменения, происшедшие в Чехословакии после апрельского (1969 г.) Пленума ЦК КПЧ и после прихода нового партийного руководства во главе с Г. Гусаком, открыли новые пути для творческого развития марксистско-ленинской историографии. Важным импульсом к глубокому анализу ситуации в чехословацкой исторической науке явился документ декабрьского пленума ЦК КПЧ 1970 г. «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», на основе которого были сформулированы и задачи исторической науки: участвовать в формировании социали-

стического сознания народа, развивать прогрессивные и революционные традиции, уделяя особое внимание коммунистическому воспитанию молодого поколения. Указывалось на необходимость систематической разработки теоретико-методологических вопросов исторической науки на основе последовательного применения марксизма-ленинизма, критического преодоления позитивизма и других методологических подходов буржуазной историографии. В качестве одной из важнейших задач выдвигалось изучение вопросов социалистической революции и социалистического строительства. Эта проблематика согласно постановлениям XV съезда КПЧ должна была стать основным содержанием научных исследований в области обществоведения.

Борьба за победу марксистской интерпретации истории чехословацкой революции проходила в сложный период преодоления последствий кризисного развития 1968 г. В центре внимания вновь оказались проблемы антифашистского движения и второй мировой войны, которые ревизионистскими историками и публицистами тенденциозно искажались или замалчивались. Прежде всего это были вопросы о роли Коммунистической партии и рабочего класса в национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов во время второй мировой войны, интернациональные традиции Словацкого национального восстания, чехословацко-советская боевая дружба, применение ленинской теории социалистической революции в условиях Чехословакии, вопрос о союзниках рабочего класса в национально-демократической революции, национальный вопрос и проблема двух революционных ситуаций в чешских землях и в Словакии. Изучение этих вопросов явилось основой новой концепции истории социалистической революции в Чехословакии.

Об исключительном внимании, которое уделяет упомянутым вопросам чехословацкая историческая наука, свидетельствуют научные конференции, десятки монографий и первые опыты обобщающих трудов новейшей истории. Прежде всего следует отметить международную научную конференцию (март 1974 г.), посвященную 30-летию Словацкого национального восстания. Конференция не только проанализировала и обобщила результаты изучения этого события, в ходе которого начался переход антифашистского сопротивления в народно-демократическую революцию в Чехословакии, но и указала на место Словацкого национального восстания в революционном движении европейских стран в конце второй мировой войны и после нее. Не случаен тот факт, что участники конференции подчеркнули историческое значение создания чехословацкой государственности, утверждения социальной справедливости, отношений дружбы и братства с народами Советского Союза, оказавшего неоспоримую моральную, материальную и военную помощь чехословацкому народу в его антифашистской борьбе. На тех же идеях основаны многочисленные книги и статьи, рассматривающие историю Чехословакии в послевоенный период.

Основной интерес в чехословацкой историографии новейшего периода представляет обобщение опыта антифашистского сопротивления и революции как вклада чехословацких коммунистов в общую сокровищницу международного коммунистического движения и теории социалистической революции. Ленинская концепция социалистической революции исходит из общих принципов, которыми должны руководствоваться все страны при переходе к социализму, но в то же время она учитывает и конкретные специфические условия и национальные особенности данной страны.

Бесспорно, ущерб, нанесенный исторической науке догматизмом, невозможно было преодолеть без существенного совершенствования эвристики и фактографии. Однако фактография — это еще не наука. При изучении новейшей истории Чехословакии, чрезвычайно богатой событиями, это видно явственнее всего. Ключевой целью исторической науки является отнюдь не замена спекулятивной «теории» догматизма фетишизацией фактов, которые сами по себе еще ни о чем не говорят. Выйти из заколдованного круга крайностей и субъективизма можно только с помощью творческого теоретического мышления, развивая марксистско-ленинскую методологию.

Исследуя историю антифашистского сопротивления и революции, необходимо анализировать эти процессы в единстве всеобщего и специфического: показать шедшее в Чехословакии перерастание демократических перемен в социалистические как процесс, решавший в принципе те же вопросы, что и русский Октябрь, однако в то же время имевший и новые, специфические стороны, вытекавшие из конкретных условий, как внутренних, так и внешних.

Вся политическая доктрина правого оппортунизма исходила из отрицания традиций чехословацко-советской дружбы и союза. Отсюда нападки правых оппортунистов на ленинизм, скептическое отношение к международному значению опыта большевистской партии и Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркивание роли Л. Троцкого, оживление антисоветизма и антикоммунизма. Все это должно было вызвать негативное отношение чехословацкого народа к советскому опыту и подготовить почву для чуждых и враждебных взглядов и концепций. В вопросе об образовании мировой социалистической системы замалчивалось решающее значение помощи Советского Союза и его вооруженных сил в антифашистской борьбе народов Центральной и Юго-Восточной Европы. При интерпретации процесса перерастания демократической революции в социалистическую абсолютизировались отдельные аспекты народно-демократических революций, особенно вопрос о мирной парламентарной форме перехода к социализму, которая противопоставлялась аналогичному процессу в России 1917 г.

Критический анализ этих взглядов в основном содержится в работах, большая часть которых вышла сравнительно недавно, в связи с 60-летием Великого Октября. В первую очередь следует

упомянуть фундаментальный труд, подготовленный Чехословацкой академией наук и Чехословацко-советским институтом, — «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», а также книги А. Долейши, С. Цамбела, Й. Гржибека и других авторов. Обширный двухтомный труд посвящен истории образования мировой социалистической системы в 1944—1949 гг. В центре внимания авторов этих работ находится ленинизм, его интернациональное значение, всемирно-историческая роль Великой Октябрьской социалистической революции и опыта строительства социализма в СССР.

С достижениями историографии периода социалистической революции взаимосвязаны как по содержанию, так и по идеям работы по истории социалистического строительства в Чехословакии. До конца 60-х годов работы, посвященные этому периоду, в основном написаны в жанре публицистики. Многие публикации этого рода, вышедшие в кризисный период, содержали нападки на КПЧ с целью подрыва авторитета партии и отрицания трудовых достижений народа.

Период строительства социализма считается кульминацией новейшей истории Чехословакии. Поэтому одна из задач, стоящих перед чехословацкими историками, заключается в том, чтобы правдиво запечатлеть многообразный и сложный процесс строительства социализма. Эта задача сложна во всех отношениях. Она требует разработки теоретических и методологических вопросов, создания солидной источниковой базы, подготовки молодых научных кадров.

В настоящее время Чехословацкая историография периода строительства социализма делает лишь первые шаги. Коллектив сотрудников Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ и Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС подготовил «Обзор истории КПЧ», охватывающий все основные области и формы деятельности партии вплоть до сегодняшнего дня, причем большое внимание уделено именно периоду строительства социализма. «Обзор» включает в себя критику субъективистских и ревизионистских взглядов, которые встречались в некоторых предыдущих работах и документах по истории партии. В работе пересматриваются оценки отдельных событий, которым раньше не уделялось достаточного внимания.

Первой попыткой всестороннего и полного отражения периода строительства социализма в Словакии является коллективное произведение историков, экономистов, философов, историков искусства и культуры — «Социалистическая Словакия». Этот труд отражает основные тенденции развития истории революции и социалистического строительства не только Словакии, но и всей страны.

Изучение истории социалистического строительства в Словакии до сих пор в основном ориентировалось на период 50-х годов. В опубликованных работах в центре внимания находятся ключе-

вые вопросы перехода от капитализма к социализму: роль коммунистической партии в деле формирования генеральной линии строительства социализма и в период строительства его основ, развитие социалистической промышленности и индустриализации Словакии, революционные изменения в области культуры и роль интеллигенции, история Национального фронта и решение аграрного вопроса в процессе социалистической коллективизации сельского хозяйства.

Строительство социализма в Чехословакии не являлось и не является делом народов одной лишь этой страны. Это и важная интернациональная задача. Поэтому перед историками Чехословакии стоит задача изучить роль и значение мировой социалистической системы для строительства социализма в своей стране, а также вклад ЧССР в дело укрепления социализма в международном масштабе.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Нгуен Кхань Тоан, академик, иностранный член АН СССР (СРВ). Мы горячо благодарим Отделение истории АН СССР и Научный совет по проблемам истории исторической науки за организацию научной конференции на тему: «Основные направления изучения истории исторической науки в социалистических странах».

Совещание прошло с большим подъемом. Присутствие на нем историков социалистических стран, которые выступали с содержательными докладами, говорит об огромном интересе, который данная тема вызывает во всех социалистических странах.

Приятно отметить полное единодушие всех выступавших товарищей по вопросам методологии и методики изучения исторической науки и историографии.

Каждая представленная на конференции страна могла доложить о замечательных достижениях, которых добилась историческая наука с тех пор, как тот или иной народ, восприняв марксистско-ленинскую теорию, вступил на путь социалистического развития, т. е. с тех пор, как народ стал вершителем своей судьбы, своей истории.

Трудящиеся, народные массы — творцы истории. Эта бессмертная правда, которую открыли Маркс — Энгельс — Ленин, овладевает все новыми сотнями миллионов умов и сердец на земном шаре, благодаря тому, что более 60 лет назад великий Ленин и великий Октябрь показали человечеству путь к социализму и открыли новую эру в истории человечества — эру победы социалистической революции в мировом масштабе.

Это было величайшим поворотом в мировой истории.

Более полувека назад мировой пролетариат и угнетенные народы, освещенные солнцем ленинской правды и маяком Октября, руководимые коммунистическими и рабочими марксистско-ленинскими партиями, открыли новую, величайшую страницу в мировой истории, утверждая полный триумф марксистско-ленинской исторической науки.

Та гнусная, глупая, клеветническая и провокационная антикоммунистическая и антисоветская кампания, которую ведут ныне империалисты, реакционеры, ревизионисты, маоисты, есть не что иное, как отчаянная попытка обанкротившихся врагов человечества путем искажения истории спасти свою собственную шкуру перед усиленным наступлением мировых революционных потоков, перед приговором трибунала истории.

Перед марксистско-ленинской исторической наукой, перед передовой социалистической историографией раскрывается широчайшая панорама. Грандиозная и почетная задача ныне ставится перед историками — историографами стран социалистического сотрудничества — разрабатывать проблемы, освещающие строительство коммунистического общества и развитого социализма, задачи активного выполнения интернационального долга, а также марксистско-ленинские концепции об исторических особенностях путей продвижения человечества к социализму и коммунизму.

Е. С. Голубцова. Процесс интеграции исследований по истории античности проявляется в деятельности общества историков социалистических стран, которое функционирует уже больше 20 лет. Это общество носит название «Эйрене», что по-древнегречески значит «Мир». Оно было организовано по инициативе чешского академика Салача. Каждые два года общество проводит конференции, на которые историки социалистических стран выносят самые важные, самые сложные проблемы и вопросы античной истории. На них обсуждаются «белые пятна» и нерешенные вопросы в этой области науки. За это время прошло 15 конференций «Эйрене». Они проводятся по очереди в каждой из социалистических стран.

Проблематика конференций важна для совместных исследований ученых социалистических стран. Благодаря работе общества мы хорошо представляем, какие исследования ведутся в различных социалистических странах, каков уровень развития проблемных исследований и методологических разработок.

Целый ряд проблем, которыми сейчас занимаются историки-античники в Академии наук СССР, был поставлен в докладах на этих конференциях ученых социалистических стран.

Сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР выпустил за последние 15 лет десять томов исследований по теме «Рабство в античном мире». Изучение этих вопросов получило толчок на одной из первых конференций «Эйрене», где выяснилось, что вопросы рабствования, рабовладельческого способа производства еще недостаточно изучены наукой. Точно так же встают вопросы изучения проблемы полиса — античного города,

характер и специфика полуса и его взаимоотношений с сельской местностью, поскольку Маркс говорил, что история античности — это история городов, имеющих свою сельскую территорию, без которой античный город существовать не может. И эти проблемы истории крестьянства, которое жило на территории города, проблемы взаимоотношений города и полуса, полуса и хоры — все они возникли из докладов, которые были сделаны на конференциях «Эйрене».

Конференция, которая прошла в этом году, также показала большие успехи историков социалистических стран в области античности. Значительное внимание на ней было уделено исследованиям, проведенным болгарскими историками и археологами.

Следует отметить, что наши совместные работы и их публикация встречают большой отклик среди историков буржуазных стран. Если первые конференции проходили при закрытых дверях, в них участвовали только историки социалистических стран, то сейчас на конференции «Эйрене» приезжают историки капиталистических стран, и эти конференции вызывают большой интерес.

Е. В. Гутнова. Изучение историографии истории средних веков ведется советскими медиевистами давно и развивается в трех основных направлениях: первое имеет своим предметом изучение истории медиевистики как науки от ее истоков до 1917 г.; второе — изучение истории этой науки в нашей стране в послеоктябрьский период; третье занимается историей зарубежной медиевистики после 1917 г. В работах последнего направления особенно заметна критическая точка зрения по отношению к современной буржуазной историографии.

Наибольшие успехи советской историографии медиевистики связаны, по нашему мнению, с первым из этих направлений. За последние десять лет был создан ряд капитальных обобщающих работ, охватывающих целые большие периоды развития историографии в одной стране или в нескольких странах. Имеются также работы по историографии отдельных больших проблем (о русской историографии конца XIX — начала XX в. по истории общины; историографии крестовых походов и др.). Большое внимание уделялось творчеству отдельных крупных историков-медиевистов. В этом направлении исследований выработаны уже достаточно проверенные методологические принципы и методические приемы, решены основные вопросы периодизации развития медиевистики до 1917 г.

Два других направления сталкиваются со значительными трудностями. Главная из них состоит в том, что историки, изучающие советскую или зарубежную медиевистику последних десятилетий, имеют дело с материалом, в котором современность как бы пересекается с историей науки и переходит в нее: ведь то, что для нас сегодня является еще современностью, через 10—15 лет неизменно становится частью истории исторической науки.

Для того, чтобы это превращение могло совершиться, необхо-

димо сразу же из текущей информации отбирать самое существенное и главное с точки зрения развития историографии как исторической науки. Такое обобщение довольно успешно ведется нами в области советской медиевистики. За последние годы вышли в свет две работы, охватывающие ее развитие за 50 лет — с 1917 по 1967 г. Данные рецензий, хроникальных заметок обобщаются примерно каждые 5—10 лет, в проблемных обзорных статьях. Ведется и регулярно публикуется библиография выходящих работ.

Однако в области изучения зарубежной медиевистики как капиталистических, так и социалистических стран имеется только одна обобщающая работа М. А. Барга, посвященная трактовке некоторых узловых проблем истории феодализма в западной медиевистике 40—60-х годов. Еще слабо изучается средневековая хронистика, хотя она представляет интерес не только с источниковедческой точки зрения, но и как отражение развития исторической мысли. Следует также осветить еще слабо изученную советскими историографами историю медиевистики за период до 1917 г. в Италии, Испании, Соединенных Штатах, в Скандинавских странах, в Голландии и Бельгии. Необходимо также заняться изучением наследия основателей советской марксистской медиевистики — Е. Косминского, Н. Грацианского, А. Удальцова, С. Сказкина и других, в частности публикацией их архивов.

Особенно важно на данном этапе работать над созданием обобщающих работ по истории зарубежной медиевистики в период после 1917 г. В этой области может быть очень полезно сотрудничество и обмен опытом с медиевистами других социалистических стран. Оно могло бы осуществляться, например, в форме обмена обзорами текущей литературы, выходящей в социалистических странах, в форме периодических обсуждений новых тенденций в развитии зарубежной медиевистики капиталистических стран в целом и т. д.

В перспективе такое систематическое сотрудничество могло бы привести к созданию большой коллективной работы по истории медиевистики новейшего времени.

Г.-Т. Краузе (ГДР). Эмпирические исследования течений, исторических школ и отдельных историков являются важными, но также необходимо работать и над методологическими основаниями истории исторической науки. При разъяснении теоретических и методологических основ историографии, при разработке ее особенностей, выявлении ее отличий от других исторических дисциплин и определении ее понятийного аппарата в последние годы было сделано много, особенно советскими историками. Эти проблемы нашли свое отражение как в многочисленных публикациях, так и в материалах конференций историографов.

Выяснение исходных теоретических позиций имеет основополагающее значение для определения перспектив историографических исследований в социалистических странах. Представляется целесообразным, чтобы историки стран социалистического содру-

жества более активно включались в дискуссии по теоретическим проблемам историографии, которые ведутся в Советском Союзе.

Историками исторической науки ГДР введены в понятийный аппарат историографического исследования следующие категории: «историко-политическая концепция», «историческое представление», «историческая теория и методология», «методика научного исследования». Использование этих понятий, на наш взгляд, существенно облегчает историографический анализ. Совместное обсуждение основных методологических проблем историографии специалистами социалистических стран является поэтому одной из важнейших задач будущего сотрудничества.

Во всех социалистических странах ведется изучение истории марксистско-ленинской исторической науки своей страны. Большую ценность имели бы, на наш взгляд, совместные обсуждения работ этого типа историками социалистических стран, поскольку история становления марксистско-ленинской исторической науки в этих странах имеет много общего. Международный обмен опытом в этой области принес бы пользу для всех стран.

Было бы целесообразно также провести международный обмен опытом и в области преподавания истории исторической науки в университетах и вузах социалистических стран. При международной дискуссии на эту тему можно было бы обсудить существующие учебные программы, а также вопрос об оптимальной организации и формах преподавания историографического курса (лекции или семинара).

Важным условием развития будущего сотрудничества историографов социалистических стран является оперативный обмен информацией о новых публикациях.

В. А. Козюченко. Среди современных направлений в изучении истории исторической науки первостепенное значение имеет освещение историографической деятельности коммунистических партий, о чем говорилось, в частности, в статье проф. В. Шмидта (ГДР).

За три десятилетия историческая наука ГДР внесла большой вклад в формирование нового поколения людей — патриотов своей социалистической родины, убежденных интернационалистов, она способствовала утверждению в массах трудящихся социалистического сознания. Эти достижения стали возможны благодаря постоянному руководству и помощи историкам со стороны марксистско-ленинской революционной партии рабочего класса. КПП и СЕПГ принадлежит громадная роль в выработке научной концепции германской истории и освещении важнейших проблем историографии немецкого рабочего движения.

В научно-теоретической историографической деятельности СЕПГ, во всей ее идеологической работе, в исследованиях немецких марксистских историков видное место занимает все более глубокое и разностороннее рассмотрение всемирного значения Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и коммунизма в СССР, их влияния на развитие ре-

волюционного процесса в Германии, освещение содружества русского и немецкого революционного рабочего движения, укрепления отношений дружбы и сотрудничества СССР и ГДР, братского союза КПСС и СЕПГ. Во всех исследованиях проводится мысль, что братская дружба с СССР стала основой строительства Германской Демократической Республики.

Историографическая работа коммунистических партий оказывает благотворное влияние на дальнейшее развитие марксистской историографии. Именно поэтому представляется назревшей задачей проведение международной историографической конференции стран социалистического содружества по проблемам этого направления истории исторической науки.

В. А. Дунаевский. Всесоюзная историографическая конференция, прошедшая в Смоленске, в своих рекомендациях указала на необходимость укрепления позиций историографии как учебной дисциплины в общей системе высшего исторического образования, на более интенсивную разработку теоретических и методологических проблем истории исторической науки.

Насколько эти требования оказались реализованными применительно к различным отраслям истории исторической науки, в том числе и к одной из ведущих отраслей историографии всеобщей истории — истории исторической науки нового времени стран Европы и Америки, что нового дал истекший период, какие тенденции и направления можно сегодня считать ведущими?

Попытаемся обозначить то новое, что прослеживается в историографических публикациях, изданных в Советском Союзе за последние годы, выявить по возможности некоторые тенденции, которые наблюдаются в этих трудах, назвать в самых общих чертах еще имеющиеся пробелы. Достигнуты определенные успехи в деле изучения исторических взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Но еще остается очень много лакун в области анализа творческой лаборатории, изучения источниковой основы трудов классиков марксизма-ленинизма. Появились обобщающие труды по историографии, в первую очередь учебник по историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Этот труд раскрывает содержание этапов и тенденций развития исторической мысли в период нового времени, причем применительно к новейшему этапу (1960—1970-х гг.) делает это в ряде случаев впервые в нашей науке. В учебнике показана борьба между марксистской и буржуазной историографиями.

Вместе с тем необходимо отметить, что разделы учебника, посвященные развитию истории исторической науки в европейских социалистических странах, лишь в общих чертах характеризуют вклад, внесенный историками этих стран в разработку проблем истории нового времени. В настоящее время все специалисты считают необходимым создание сводной, обобщающей работы именно по этой группе стран. Ныне сложились благоприятные условия для создания такого труда совместными усилиями ученых стран социалистического содружества.

Другое направление коллективного сотрудничества — создание монографических исследований, раскрывающих содержание ведущих направлений развития истории исторической мысли нового времени (просветительного, реакционно-романтического, позитивистского и др.).

В области изучения зарубежной исторической науки в последние годы наиболее интенсивно как в количественном, так и в качественном отношении развивалось изучение историографии США. Необходимо отметить также значительные достижения в области изучения историографии Латинской Америки, имеющие место в последние годы.

Большие успехи в изучении историографии новой и новейшей истории были достигнуты немосковскими научными центрами. Об этом свидетельствует большое количество трудов, изданных в Ленинграде, Казани, Томске, Саратове и других городах.

Укрепление связей между историографами социалистических стран требует разработки плана перевода на русский язык историографических исследований социалистических стран, а также перевода на иностранные языки историографических трудов, изданных в СССР. Решение вопроса о переводе на иностранные языки, а также более широкой и регулярной информации в изданиях исторической периодики о работах как в СССР, так и в других социалистических странах в области истории исторической науки представляется крайне необходимым. Пока еще имеется мало работ об отдельных историках нового времени, как и об историках вообще. Необходимы научно-популярные очерки, рассчитанные на широкого читателя, посвященные как русским историкам, так и представителям зарубежных национальных историографий нового времени стран Европы и Америки. И в этой области имеется возможность для совместной работы с нашими коллегами из социалистических стран.

М. А. Заборов. Несмотря на определенные успехи, достигнутые советскими историографами при изучении развития историографии рабочего и коммунистического движения, многие вопросы пока остаются не только не решенными, но еще и не поставленными. Причины такого положения во многом определяются объективными трудностями изучения этой тематики. Историография рабочего и коммунистического движения — область знаний, особенно политизированная, особенно чуткая к политическим веяниям времени. Ее разработка в большей степени, чем в какой-либо другой области историографии, требует как понимания внутренней сущности процессов, которые происходят в классовой борьбе пролетариата на определенном этапе, так и четкого представления о тенденциях развития общественно-исторической и общественно-политической мысли данного периода. Уяснение связи между этими явлениями вырабатывается опытом и требует известной степени зрелости историка.

Вместе с тем очевидно, что выработке соответствующих навыков нужно обучать.

Если говорить о неразработанных участках историографии международного рабочего движения, то надо выделить два неподнятых участка такой «целины»: почти полное отсутствие трудов об отдельных выдающихся историках рабочего движения (псключение могут составить только У. и Б. Веббы), почти совсем не освещена инфраструктура историографии рабочего и коммунистического движения, т. е. деятельность учреждений, занимающихся его историей и современным развитием.

В настоящее время при активном участии Института международного рабочего движения АН СССР, а также ряда зарубежных научных центров аналогичного профиля (Мексиканский центр по изучению рабочего движения и др.) создана Международная ассоциация институтов по разработке проблем социальной истории и прежде всего социальной истории рабочего класса. Ассоциация объединяет около 20 институтов, функционирующих как в социалистических, так и в капиталистических странах. Однако мы еще недостаточно четко представляем себе деятельность каждого из этих институтов, а тем более многих учреждений подобного типа, которые не входят в эту ассоциацию. У нас нет еще ни одной диссертации ни о Международном институте социальной истории в Амстердаме, который существует уже десятки лет, ни о Миланском институте Фельтринелли, ни о парижском Центре по истории профсоюзного движения, существующем более десятка лет в университете Сорбонны. Бесспорно, назрела необходимость разработки инфраструктуры рабочеведческой историографии.

Вспомогательной, но весьма важной для историографии дисциплиной является библиография рабочего движения, образующая инвентаризирующую часть этой науки. Кое-что в этой области делается и сделано Институтом международного рабочего движения, однако главным образом в сфере текущей библиографии. То же самое относится к Институту научной информации по общественным наукам АН СССР.

Составление такого солидного библиографического свода, систематического и по возможности исчерпывающего, создание комплексной библиографии источников и литературы по истории международного рабочего движения от его возникновения и до наших дней — это задача, которая в полном объеме могла бы быть решена соединенными усилиями рабочеведов стран социалистического содружества.

В. А. Дьяков. История исторической науки тесно переплетается с историей литературоведения, языковедения и других дисциплин, которые входят в славистический комплекс. Границы и внутренние связи в этом комплексе — величины переменные, в разное время они охватывали разные дисциплины, которые в этот комплекс входят не целиком. Все это создает для истории славистики дополнительные сложности. Именно поэтому важное значение имеет вопрос о предмете славистических исследований, без разработки которого мы не можем решать многие вопросы истории славистики.

Имеются сложности и в определении периодизации истории славяноведения, поскольку внутренние закономерности развития каждой из дисциплин имеют не всегда совпадающие друг с другом рубежи. Следовательно, приходится искать такие общие для разных дисциплин хронологические грани, которые позволили бы периодизировать историю славяноведения в целом. Трудности, обусловленные комплексным характером стоящих проблем, вставали перед нами и при подготовке большого библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России». В XIX в., особенно в первой его половине, многие слависты были одновременно филологами, историками, этнографами и т. д. Поэтому среди 130 специалистов, входящих в редакцию и авторский коллектив словаря, были представлены не только различные славяноведческие центры страны, но и все научные дисциплины, составляющие славистический комплекс.

В этом плане имеются работы не только такого комплексного характера, но и чисто исторического профиля. Одной из них является подготовленный совместно с польскими учеными труд по истории исторической науки в Народной Польше. Названная работа дает представление о научных учреждениях и научных кадрах польской исторической науки. Что касается результатов исследований, то они характеризуются весьма широко, начиная от методологии и кончая основной конкретной проблематикой отечественной и всеобщей истории.

Л. Р. Полонская. В настоящее время в области историографических исследований выделяются новые комплексные отрасли. Одной из таких отраслей, которая приобретает сегодня все большее значение, является историография востоковедения, которая, будучи средством идеологической борьбы, способствует становлению и развитию исторической науки в развивающихся странах, стоящих сегодня перед выбором пути своего дальнейшего развития.

Важным объектом изучения являются основные этапы становления и развития востоковедения в нашей стране, проблемы, связанные с критикой буржуазных концепций национально-освободительного движения народов Востока, путей и перспектив современного развития освободившихся стран Азии и Африки. При этом особенно важное значение приобретает критика концепций так называемого «третьего пути развития», выдвигаемых буржуазными учеными и навязываемых ими историкам и политическим деятелям развивающихся стран.

Необходимо также изучение проблем исторической науки самих освободившихся стран Азии и Африки. В процессе становления и развития исторической науки этих стран, происходящем в очень сложных условиях, наблюдаются две противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, националистическая, находящаяся под сильным влиянием традиционалистских зарубежных представлений, а также различных идейных течений буржуазного национализма; с другой стороны, тенденция демократическая,

развивающаяся под влиянием идей социализма и марксистской философии истории.

Влияние марксистской методологии, социалистических идей находит отражение также и в работах многих прогрессивных историков развивающихся стран. Эта тенденция ярко прослеживается, например, в прогрессивном направлении исторической школы Индии, а также некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии и стран арабского Востока.

Борьба противоречивых тенденций осложняется, с одной стороны, пропагандой антинациональных концепций западной буржуазной историографии, с другой стороны, — различными маоистскими концепциями, которые сегодня получили известное распространение среди мелкобуржуазных слоев интеллигенции. В этих условиях изучение процесса становления исторической школы в социалистических странах Востока приобретает первостепенное значение, поскольку оно позволяет понять многие особенности развития исторической науки в освободившихся от колониальной зависимости странах Востока и перспективы развития ее в будущем.

Естественно, что наиболее благоприятные условия для влияния марксизма на развитие исторической мысли складываются в странах социалистической ориентации, но и здесь на пути становления марксистской школы стоят серьезные трудности.

В советской историографии сделано немало по изучению основных направлений советского и зарубежного востоковедения. Советская историография Востока имеет славные исторические традиции. После классического труда академика Бартольда долгое время не было специальных работ, посвященных историографии Востока. В период становления советской исторической науки стало постепенно складываться и самостоятельное направление историографии Востока.

Сложился ряд историографических центров — в Институте востоковедения АН СССР, в Ленинградском, Московском и некоторых других университетах, которые периодически проводят конференции по историографии Востока и публикуют тезисы и материалы этих конференций. В конце 60-х — начале 70-х годов были опубликованы интересные комплексные историографические работы по проблемам востоковедения нового и новейшего времени. Основное внимание уделялось при этом истории становления исторической науки в самих странах Востока, особенно в Индии, странах Юго-Восточной Азии, КНР и в меньшей степени — в арабских странах. При этом важно отметить, что за последнее время привлечено внимание к истории изучения комплексных проблем социально-экономического и политического развития стран зарубежного Востока (критика различных теорий национализма и буржуазной историографии, роль религии и т. д.).

Н. И. Смоленский. Интернациональной задачей исторической науки, базирующейся на материалистическом понимании истории, является критика буржуазной историографии.

Естественно, что подход к этой проблеме зависит от нашего собственного понимания характера историографического исследования. Сегодня часто ставится вопрос: каким должно быть современное историографическое исследование? Большинство историографов социалистических стран склоняется к тому, чтобы рассматривать такое исследование комплексно, многосторонне. Историографический анализ включает в себя изучение идейно-методологических принципов историка или целого направления с учетом преломления этих принципов на конкретном материале источников. Представляется, что такой подход к критике буржуазной историографии является наиболее плодотворным.

Историография не может заменить собой историческое исследование, как и оно в свою очередь не обходится без историографии. Необходимо особо подчеркнуть значимость историографии для изучения такого важного средства познавательной деятельности историка, как исторические понятия. По нашему мнению, не существует другой основы для анализа проблемы происхождения и развития научных понятий, кроме истории исторической науки. В лозико-методологических поисках современных буржуазных исследователей история науки занимает весьма важное место, что также требует критической оценки.

Обращают на себя внимание попытки историков-марксистов ГДР выработать критерии подхода к критике буржуазной историографии. В качестве основных направлений этой критики ими выделяются: историко-политическая концепция, критика исторических представлений, историческая теория (философия истории), конкретная методика. Определяющей считается историко-политическая концепция, хотя справедливо признается относительная самостоятельность других составных частей исторического исследования. Все более широкое обоснование получает в марксистской историографии ГДР тезис об обусловленности методики методологией. Буржуазные историки применяют разные методики, в том числе и современные математические методы, но они не могут выйти за рамки буржуазной идеологии. Очевидно, если бы методология не преломлялась через соответствующую ей методику, она не могла бы быть реализована.

И. С. Галкин. То, что мы обсуждаем важные историографические проблемы в дружеском сообществе историков социалистических стран, — вполне закономерно. И это еще раз свидетельствует о том, что мы не можем по-научному достойно решать многие проблемы национальной истории наших стран в отрыве от мировой истории.

Хорошо известно письмо Ф. Энгельса И. Блоху о материалистическом понимании истории, о взаимодействии и взаимовлиянии на исторический процесс экономических факторов и различных моментов надстройки, т. е. политических, идеологических и других факторов классовой борьбы и их результатов. В наше время влияние указанных факторов на развитие исторического процесса возросло многократно. Поэтому методологически ошибочно отде-

лять экономические факторы от политических, идеологических и т. п. Повторять эти элементарные истины нас вынуждает совершившаяся уже дезинтеграция мировой исторической науки, в частности, выделение экономической историографии в обособленную отрасль с собственными организационными формами. Историки экономической науки уже проводили свои симпозиумы и конгрессы. Надо полагать, что участие историков социалистических стран в подобного рода международных форумах не приведет к абсолютизации и обособленному рассмотрению экономического фактора в историческом исследовании, как это наблюдается в историографии США.

Уместно заметить, что экономические историки нередко ссылаются на выводы родственной им науки, социологии, в изобилии выдающей результаты своих социологических исследований. Нет ничего более вредного, чем делать поспешные выводы из локального социологического обследования, возведя этот вывод в ранг исторической закономерности. Поскольку идеологические факторы практической не поддаются формализации, а материалы этого рода пропустить через компьютер нельзя, то социологи, экономические историки зачастую и не принимают их во внимание.

Некоторых теоретиков захлестывают микросоциологические, а по сути дела субъективистские тенденции. Они стали рабами компьютерских методов, которые тем самым превращаются из вспомогательных в главные и уведат историческую науку от подлинно важных социальных проблем. Раздробление исторической науки в лучшем случае означает возврат к идеографическим методам и не дает целостной картины исторического процесса с его характерными закономерностями.

Не может считаться историческим исследование, если историк, исследуя проблемы классового общества, отошел от анализа классовой борьбы. Но нельзя согласиться и с теми концепциями, которые, подчеркивая классовый подход к анализу исторического процесса, игнорируют роль национальных моментов в историческом развитии. Ненаучно противопоставлять классовую борьбу, классовый подход национальным моментам, как и ненаучно гипертрофировать национальные моменты, национальные мотивы, что неизбежно ведет к националистическому толкованию исторических событий, роли личностей.

Расширение рамок мирового революционного процесса сопровождается резким обострением идеологической борьбы. В поисках более гибкой политики в отношении социалистического мира буржуазные идеологи прежде всего усилили свое внимание к важнейшим проблемам Великой Октябрьской социалистической революции и последовавших затем социалистических революций в других странах. Две тысячи диссертаций о России и Советском Союзе защищены в США и Канаде только за последние пятнадцать лет. Но в сотнях книг, созданных в 170 центрах США, можно найти все, кроме объективного ответа на вопрос, как и почему победила Октябрьская революция.

Однако нельзя не отметить и тот факт, что в буржуазном лагере уже давно стали раздаваться голоса и призывы отказаться от изжившего себя «пещерного антикоммунизма».

Как известно, появились многочисленные теории — от теории построения «государства всеобщего благоденствия» и теории «конвергенции» до воззрений западных идеологов, которые приписывают современной науке роль высшей, провиденциальной силы, развивающейся по собственным имманентным законам, независимым от потребностей человеческого общества, и напротив, жестко диктующей человечеству его дальнейшие пути.

С. И. Аппатов. Бурное развитие мировой исторической науки, колоссальный объем конкретно-исторических исследований все острее ставит вопрос о необходимости обобщенного критического изучения этой литературы с целью выявления тенденций, определяющих развитие современной исторической науки, ее эволюции, ее места в развитии общества.

Историографический анализ целого пласта исторических исследований позволяет выяснить эти вопросы и вместе с тем «интегрировать» достижения в разных областях исторического знания. Он позволяет увидеть «белые пятна» в историческом познании окружающего мира. Именно на эту интегрирующую роль историографических трудов следует обратить сегодня особое внимание исследователей-историографов, с тем, чтобы их изыскания, критически суммируя результаты, достигнутые историками, направляли, прогнозировали, предопределяли пути дальнейших исследований, как конкретно-исторических, так и собственно историографических. Особенно велика, на наш взгляд, интегрирующая и прогнозирующая роль историографических исследований в области истории международных отношений послевоенного времени. Здесь наука особенно тесно переплетается с политикой, история с современностью, и само историографическое сочинение играет заметную роль в современной идеологической борьбе.

В связи с этим остро встает вопрос о критериях определения школ, течений и направлений в современной буржуазной историографии международных отношений, их теоретико-методологических и общефилософских основ, их политической ориентации. Именно в этой области историографии политическая направленность, политические критерии имеют особое значение.

Назрела необходимость в совместной работе историографов-международников социалистических стран по более четкому определению и характеристике основных школ и направлений в современной буржуазной историографии международных отношений, их эволюции, процессов внутренней борьбы. Такого рода исследование поможет глубже разобраться в развитии современной буржуазной исторической науки в целом.

Дальнейшее развитие нашего профессионального сотрудничества приведет к более тесным связям историографов отдельных отраслей исторической науки, которые уже завязались на этой конференции. Видимо, последующие совещания должны предус-

матривать, кроме пленарных заседаний, заседания секционные с постановкой определенных, заранее выдвинутых на обсуждение проблем. Обсуждение основных докладов на конференции, видимо, целесообразно проводить в тот день, когда они читаются, концентрируя внимание на некоторых конкретных проблемах историографического познания.

И еще одно конкретное предложение. Учитывая, что советскими историками и историографами-международниками и их коллегами в ГДР и Польше глубоко проанализирована послевоенная американская буржуазная историография международных отношений и внешней политики США, целесообразно подготовить коллективный советско-польско-немецкий историографический сборник по указанной проблематике. Такая совместная работа историков-марксистов сыграет значительную роль в разоблачении фальсификаций буржуазной историко-международной науки, в современной идеологической борьбе на международной арене.

В. П. Наумов. Ведущую роль как в период становления советской исторической науки, так и на всех последующих этапах развития играло изучение истории трех российских революций.

Историографические исследования советских историков в этой области позволили раскрыть изменение проблематики, характер и уровень решения кардинальных вопросов темы. Большое внимание уделялось проблеме подготовки кадров историков, занимавшихся историей революций, созданию системы научных учреждений, определению характера источниковедческих исследований, имеющих целью раскрытие принципов исторической науки, ее социальных функций на стадии становления советской исторической науки. В целом проблемы изучения истории трех российских революций включают в себя конкретно-исторические исследования, анализ ленинского идейно-теоретического наследия, общих вопросов истории исторической науки.

В истории изучения рассматриваемой проблемы можно выделить несколько этапов. Для первого из них (его условно можно ограничить началом 1930-х гг.) характерно изучение всех трех революций в целом. Они рассматривались как важный период русского революционного движения. Выявлялись и определялись общие закономерности, характерные черты этого периода, связанные с особенностями социально-экономического и политического развития России конца XIX — начала XX в.

В ходе дальнейшей разработки темы происходил естественный процесс дифференциации основных направлений, ориентированных на изучение отдельных революций, специализация исследователей по отдельным проблемам. Процесс дифференциации и специализации принес свои результаты: была отработана методика изучения отдельных проблем и выявления фактического материала, сложились кадры историков, которые специализировались на изучении отдельных направлений в исследовании каждой из революций. Расширялся круг привлекаемых источников.

Процесс дифференциации знаний предполагал и столь же необходимый процесс их интеграции, создание трудов обобщающего характера. Между тем условия для него сложились только на современном этапе изучения истории российских революций. Со всей остротой был поставлен вопрос о необходимости их комплексного изучения. Речь идет не столько о суммировании накопленных знаний и сведений их воедино, сколько о создании специальных работ, которые выходят за границы узких областей изучения отдельных проблем. Стал необходим более высокий уровень обобщения исторического материала.

В советской историографии выделилось несколько основных направлений в изучении опыта трех российских революций. Первое — изучение ленинского теоретического наследия, исследование деятельности партии большевиков, ее вождя В. И. Ленина. Второе направление связано с изучением особенностей социально-экономического развития России, с определением социально-экономических и политических предпосылок как буржуазно-демократической, так и социалистической революций. Третье сосредоточилось на изучении истории классов и политических партий в России: изменении соотношения и расстановки классовых сил на различных этапах революции. Здесь в первую очередь следует отметить проблематику, связанную с изучением истории рабочего класса. Вместе с тем для последних полутора десятилетий характерно увеличение внимания к исследованию непролетарских слоев трудящихся, мелкой буржуазии города, различных социальных слоев крестьянства, буржуазии, дворянства.

К четвертому направлению можно отнести многочисленные исследования общего характера по истории отдельных революций как в целом по стране, так и в ее отдельных районах, изучение ее важнейших этапов и событий.

А. Т. Мандрик. Основное внимание историков советского Дальнего Востока уделяется исследованию вопроса о возникновении, развитии и смене социально-экономических формаций у народов Дальнего Востока СССР и смежных территорий Восточной Азии. Эта комплексная проблема требует изучения исторического процесса, начиная с древнейшей эпохи первоначального заселения человеком Центральной, Восточной, Северной Азии до наших дней. По этой проблеме завершается подготовка первого в советской историографии 4-томного коллективного труда — «Истории Дальнего Востока СССР». В его создании принимают участие более 100 авторов. Среди них крупные ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска.

Жизнь диктует необходимость внимательного отношения ко всему, что происходило, происходит и будет происходить в дальневосточной зоне Тихого океана. Поэтому основное внимание обращается на исследование комплекса проблем (в том числе и историографических), которые отражают историческое прошлое и настоящее смежных с СССР стран и народов: Китая, Кореи, Японии.

Готовится к печати еще одна коллективная монография — «Новая и новейшая история Хоккайдо».

Большое значение как в научном, так и в политическом плане имеет разработка концепций формирования древнейшего населения Центральной, Восточной и Северной Азии в эпоху первоначального заселения человеком Азиатского континента.

С полным основанием мы можем говорить о самобытном характере материального производства и культуры у предков палеоазиатского и тунгусоязычного населения Дальнего Востока СССР, экономической и политической независимости средневековых государств — Бохай, Ляо, империи гжурчженей. По этой проблеме нами готовится ряд монографий.

Эти и другие специальные исторические проблемы успешно решаются благодаря созданию на Дальнем Востоке СССР за последние годы высококвалифицированного отряда специалистов-историков, и в их числе историков исторической науки.

В. И. Салов. Историческая наука на современном этапе представляет собой арену острого столкновения двух методологий, двух пониманий и интерпретаций исторического процесса. При этом характерная для буржуазной историографии тупиковая ситуация особенно ярко проявляется в кризисе ее методологических и философско-теоретических основ.

Общим моментом для буржуазной методологии истории, при всем различии позиций ее представителей, является непринятие ими исторического материализма в качестве общей методологии исторической науки. Буржуазные методологи выдвигают концепцию о плюралистическом и сегментарном характере исторического материализма, о его «модификации» в соответствии с «новой стадией капиталистической эры». Модифицированными вариантами выступают «западный материализм», «критический материализм» и «структуральный материализм». Западные теоретики стремятся утвердить идею о множественности исторических истин и равноценности различных историко-политических и историографических течений и теорий.

Как раньше, так и теперь острие буржуазных концепций направлено против марксистского учения о формационном развитии общества. Идея о неприменимости марксизма-ленинизма к современности проводится путем превратного прочтения трудов его основоположников.

Буржуазные методологи явно обеспокоены тем, что марксистская историография располагает цельной философско-исторической концепцией, проецирующей социализм как будущее человечества, в то время как они сами до сих пор ничего не смогли противопоставить этой концепции.

Западные авторы с горечью констатируют, что такое положение ведет к ослаблению их идеологических и философско-теоре-

тических позиций, что в свою очередь ставит под сомнение сам факт существования истории как науки. Все чаще со страниц их работ звучит вопрос: «к чему еще история?»

Представителям буржуазной методологии не удается решить удовлетворительным образом и проблемы эпистемологии и гносеологии исторической науки, что проявляется в неустанных поисках парадигм и моделей структуры историографических исследований.

Столь же явно кризисные черты буржуазной историко-методологической мысли проявляются в стремлении позитивизма и пост-позитивизма навязать свои принципы моделирования исторических процессов, осуществляемого при помощи ЭВМ, в частности, для создания типологии революционных движений (выявления их массовой основы, размеров насилия и пр.), исторической типологии международных отношений и т. д.

Думается, что с каждым годом в силу расширения объема историографической продукции, спектра плюралистического подхода, который применяется буржуазными авторами в познании исторического процесса, усложняется и становится более трудным историографический анализ, занятие которым предполагает у историографа широкую осведомленность в области самых различных междисциплинарных течений и направлений современной буржуазной общественной мысли. Марксистское осмысление работ буржуазных историков во взаимосвязи с этими направлениями и является критерием того, насколько наша историографическая модель способна описать реальную историю этой науки и тем самым содействовать более глубокой критике основных методологических установок буржуазной исторической мысли. Первостепенное значение в этой проблеме имеет идея историзма, предполагающая конкретно-историческую оценку историографических знаний.

Обращаясь к неутраченной в западной литературе дискуссии по проблеме историзма, наглядно убеждаешься в том, что попытки буржуазных методологов решить ее в рамках идеалистического плюрализма обречены на неудачу. В самое последнее время в противовес марксистскому историзму они выдвинули так называемый этический историзм, в основе которого лежит превратно истолковываемая морально-формирующая функция истории в общественной жизни. В то же время нельзя не сказать об усиливающейся критике антиисторизма, представляемого позитивизмом и прежде всего школой Поппера, о чем свидетельствует возникновение бостонской «исторической школы» (Т. Кун, И. Лакатос и др.), пытающейся создать динамическую структуру теоретического и конкретно-научного знания, утверждая идею историзма.

В. В. Иванов. Методологические аспекты истории исторической науки в немарксистской историографии в настоящее время все больше превращаются в острейший фронт идеологического противоборства. Но они имеют не меньшее значение и с точки

зрения логики исторического исследования. От характера интерпретации вопросов истории исторической науки во многом зависит отношение к урокам прошлого, использованию социального опыта в современной общественной практике, прогнозирование будущего.

Выход исторических знаний в общественную практику осуществляется не только концептуально, но и в форме теоретико-мировоззренческих идей, применяемых для анализа современности. Это хорошо понимают и наши классовые противники, когда они занимаются интерпретацией истории исторической науки применительно к политическим запросам современной общественной практики. Известный специалист в области методологии исторической науки П. Гардинер в недавно вышедшей работе «Введение к философии истории» (Оксфорд, 1974) совершенно определенно утверждает, что цель науки состоит не в изучении прошлого человечества как целого, а тех путей, какими его описывают и понимают историки.

В действительности научный опыт показывает, во-первых, что искусственный отрыв истории от историографии и наоборот историографии от истории противоречит практике исследовательской деятельности и не является предметом научно плодотворной дискуссии.

Во-вторых, стремление ко все большему использованию исторических знаний в управлении общественной жизнью объективно ставит перед буржуазными авторами проблему объяснить трансформации результатов историографических исследований в социально значимые выводы. В буржуазной литературе нередко на передний план выступает логическая тенденция. Однако данная проблема не может быть решена только путем логической интерпретации, поскольку она является методологической, что признается и самими буржуазными учеными.

Антиисторизм ученых-немарксистов в интерпретации истории исторической науки имеет весьма широкий спектр утверждений от общих методологических до логических. В историографическом плане это можно оценить как проявление глубокого кризиса буржуазной общественной науки. Вместе с тем мы согласны с мнением о том, что не все явления, имманентно присущие буржуазной историографии, можно считать кризисными. Кризисными являются из них прежде всего те, которые имеют гносеологический, методологический характер. Некоторые источниковедческие изъяны, например, могут быть объяснены неполнотой источников, неправильной их квалификацией и т. д.

Следует отметить, что историки братских стран социализма за последние годы стали уделять больше внимания критике антиисторизма буржуазной историографии.

Б. Г. Могильницкий. Критика буржуазной историографии историками ГДР ведется, как правило, в органической связи с выяснением идейно-теоретических основ историографической практики и позитивной разработкой актуальных проблем методологии истории. Эффективность этой борьбы в последние годы все чаще находит своеобразное признание и в историографии ФРГ, которая

давно вынуждена отказаться от бывшего третирования историков ГДР. Они в полном смысле слова научили себя уважать — не в последнюю очередь вследствие высокого теоретического уровня своих работ. Это фактически вынуждены признавать сегодня сами буржуазные историки, страдающие, по их собственному выражению, от «дефицита теории».

В этом плане представляют несомненный интерес те исследования историков ГДР, которые посвящены изучению новейших тенденций в развитии буржуазной историографии Западной Германии. Заслуживают внимания, в частности, попытки определить содержание современного этапа кризиса буржуазной исторической мысли. Выделяя четыре фазы, которые прошел в своем развитии кризис основ буржуазной историографии, историки ГДР усматривают наступление четвертой фазы со второй половины 60-х годов и видят ее содержание в попытках переоснащения историко-теоретического и методологического инструментария буржуазной науки в целях ее политической и идеологической эффективности.

Разумеется, можно дискутировать в отношении тех или иных дефиниций. Представляется, в частности, бесспорным, что отличительной чертой современного этапа кризиса буржуазной исторической науки является заметное понижение ее социального статуса, о чем вынуждены сегодня в полный голос говорить сами западногерманские историки. Но в целом следует приветствовать само стремление к дифференцированному подходу в оценке такого сложного и неоднозначного явления, как кризис буржуазной историографии.

В свете этого особенно большой интерес представляет обращение к таким, правда немногочисленным, течениям западногерманских историков, которые ищут выхода из кризиса на путях модернизации теоретических основ буржуазной исторической науки, в частности, через усвоение методов общественных наук. Здесь следует назвать довольно активно действующую группу, концентрирующуюся вокруг журнала «*Geschichte der Gesellschaft*», представители которой работают главным образом в области социальной истории. Это течение получило точную оценку в историографии ГДР. Все же, по нашему мнению, его позиции нуждаются в более развернутом анализе, ибо они выражают не только модное стремление создать междисциплинарную «интегральную науку», использующую широкий спектр разнообразных методов. Методологические поиски этой группы служат показателем изощренных попыток буржуазных идеологов использовать отдельные элементы марксизма в рамках так называемого «открытого методологического плюрализма» для преодоления методологического кризиса.

Достигнутый уровень историографических исследований в социалистических странах не только создает возможности, но и настоятельно требует более тесной координации усилий и более тесного сотрудничества, включая комплексное исследование актуальных историографических проблем. Применительно к истории немецкой буржуазной исторической науки такими проблемами

могли бы быть, например, прогрессивные течения в немецкой историографии XVIII—XIX вв., немецкий идеалистический историзм и его судьба, особенности современного этапа кризиса буржуазной историографии и т. п.

С. О. Шмидт. В настоящее время историография уже полностью утвердилась как самостоятельная отрасль исторического знания, как заметная часть сферы общественного сознания и самосознания.

Расширились и представления о предмете историографии и, соответственно, о ее задачах.

При подходе к историографическим источникам и при изучении историографических фактов необходимо учитывать особенность работы по историографической тематике (свойственной, впрочем, и некоторым другим работам по истории общественной мысли): историографические факты, т. е. объекты исследования, зачастую являются одновременно и основным историческим источником для исследования (например, сочинения историков). Это предопределяет тесную взаимосвязь историографических и источниковедческих исследований, взаимопроникновение методики.

Проблемы «взаимоотношений» историографии и источниковедения очень сложны. Некоторые исторические концепции и даже выводы и наблюдения конкретного характера впервые были сформулированы в публицистике (в статьях в журналах, газетах, памфлетах), в речах общественных деятелей и уже затем заимствованы исторической наукой. Еще сложнее определить отличия собственно исторического и собственно историографического источников в донаучный период развития исторической мысли (летописи, памятники литературы). Вряд ли допустима для всех эпох и строгая дефиниция собственно исторического научного сочинения. Это характерно для нового времени, когда типичной стала дифференциация исторических знаний и выработались типологические формы научных сочинений. Долгое время исторические сочинения воспринимались как форма литературы, искусства. Это характерно и для выдающихся историков XIX в. — Н. М. Карамзина, Ж. Мишле, В. О. Ключевского и др.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в некоторых трудах ученых — и прежде всего новаторских по характеру — обнаруживается впоследствии то, на что должным образом не обращали (или не могли обратить) внимание ближайшие современники. В этой связи характерен «Капитал» К. Маркса. Труд этот воспринимался и воспринимается прежде всего как социально-экономическое сочинение, имеющее четкую революционную политическую направленность. Но в «Капитале» остро и глубоко поставлен и вопрос о взаимоотношениях общества и природы. Однако это стало особенно заметно, когда экологическая проблема вызвала глобальный интерес.

Каждое время порождает новые виды документации, которые могут быть использованы и в качестве историографических источников. Например, особенно характерной лишь для недавнего вре-

мени стала документация о планировании проблематики научно-исследовательской, учебной, популяризаторской работы, подготовки и распределении кадров историков, сети научных контактов и форм систем научных коммуникаций, тиражей и определения мест распространения изданий и т. д. и т. п. Это же предопределяет и вычленение данных, представляющих интерес в плане историографии, из других данных более общего характера, что помогает составить представление о месте исторической науки в общественной жизни, в современной культуре.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА М. В. НЕЧКИНОЙ

Завершая нашу конференцию, хочется прежде всего отметить, что она прошла в дружественной атмосфере и с большим подъемом. Она была активной: выступили с содержательными докладами и сообщениями все приехавшие представители социалистических стран. Выявился общий живой интерес к молодой исторической научной дисциплине — истории исторической науки, уяснилось и то, что общей нашей основой является марксизм-ленинизм, его проверенная методология, его материалистическое мировоззрение. Это чрезвычайно важная, бросающаяся в глаза особенность нашего форума.

Уяснилось и то, что у всех нас уже выработалась основная проблематика нашей дисциплины. При этом повсюду изучение историографии социалистического периода исторической науки — в центре внимания. Это — крупнейшая и требующая тщательного исследования новая проблема. Отсюда не следует, что забыты более ранние времена. Такая проблема, как анализ досоциалистической, «старой», предшествующей историографии — важная задача.

Разбор и критика полученного научного наследия, выяснение его истории и истинной цели, раскрытие несостоятельности одних положений и выявление ценности других — также на очереди. Надо выяснить, от какого наследства мы отказываемся и какое принимаем.

Общей темой историографов разных стран является и вопрос о накоплении первоисточников, истории их издания, создание библиографических справочников. Источники копаются, их значение и ценность привлекают исследователя, на их основе углубляется анализ и повышается весомость вывода.

Общение историков социалистических стран создает особую научную атмосферу, рождает исследовательское вдохновение. Эта атмосфера и ускоряет и углубляет историографическое исследование.

Некоторые выступавшие здесь высказывали мнения, что наша конференция имеет право сама назваться историографическим явлением. Я тоже думаю, что она вплетается в ткань историографии нашего времени.

Мы кладем начало новой форме нашего общения. Мы с уверенностью говорим о том, что и в дальнейшем будем развивать такие формы, насыщать их новым содержанием.

Наша научная дружба крепнет. И в этой нашей встрече в течение декабрьских дней 1978 года был какой-то подъем на новую ступень развития. Наша дальнейшая работа будет опираться на дружное сотворчество в области любимой всеми нами истории исторической науки.

Позвольте от души принести благодарность всем нашим докладчикам и всей нашей аудитории.

«Дорогу осилит идущий» — это очень верное изречение. Его можно применить и к нам.

ПУБЛИКАЦИИ

С. М. СОЛОВЬЕВ. ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Г. И. Щетинина

С. М. Соловьев, один из самых крупных русских историков, создал оригинальную концепцию исторического развития России с древнейших времен, в основе которой была идея исторической закономерности. Историко-сравнительный метод С. М. Соловьева позволил ему глубже понять своеобразие развития России в духе национальной исторической концепции либерально-буржуазного характера. Труды Соловьева оказали значительное влияние на русскую историческую мысль.

Над своим основным сочинением — «Историей России с древнейших времен» — он начал работать с 1848 г., подготовив за 30 лет 29 томов. Феноменальная творческая продуктивность историка поражала — читатели получали ежегодно том по русской истории. В научных кругах труды Соловьева получали различную оценку, но с выходом каждого тома недоброжелателей становилось меньше. «Русская историческая наука считает появление этого тома, — писал проректор Московского университета Д. Мин 20 февраля 1876 г. о 25-м томе «Истории России с древнейших времен» попечителю Московского учебного округа С. С. Иванову, — известною эпохою в своей истории, ибо впервые она может указать на самостоятельный систематический труд, обнимающий всю историю русского народа, приступивший уже к царствованию Екатерины Великой. Громадный труд глубоко всеми почитаемого ученого не окончен, и время окончания его никто предвидеть не может»¹.

Историк отдавал много сил преподаванию и общественной деятельности.

С. М. Соловьев был ярким представителем московской профессуры и сыграл значительную роль в ее сплочении на академической основе. Роль профессоров в образовании и просвещении высоко оценивал А. И. Герцен. «Профессорская корпорация... — писал он, — в большинстве случаев это — сыновья священников, класса очень образованного, но бедного и демократического по своему положению, это — мелкие чиновники, предпочитающие науку бюрократии, наконец, потомки благородных, но бедных провинциальных семей. Профессорская, вообще преподавательская корпорация играла большую роль у нас в деле образования... После литературы преподавательская корпорация была вторым представителем пробуждающегося сознания»². Свыше 30 лет С. М. Соловьев занимал кафедру русской истории в Московском

университете, в 1864—1870 гг. был деканом историко-филологического факультета.

С. М. Соловьев, считавший себя консерватором, был в действительности умеренным либералом. Он признавал при этом условность самого этого термина. «Когда речь была напечатана, я был изумлен отзывами, что она производит сильное впечатление своей смелостью и либеральностью,—вспоминал он о своей речи 12 января 1855 г., в день 100-летия Московского университета.—Я нарочно привожу это для того, чтобы читатели поняли, что в николаевское время считалось смелым и либеральным. Самарин, пресловутый либерал и страдалец за смелость, встретив меня где-то, поздравил с успехом моей речи между либералами и объявил, что сам Чаадаев так восхитился ею, что переводит ее на русский язык. Но перевод не был окончен, и впечатление моей речи исчезло. Раздался свисток судьбы, декорации переменены, и я из либерала, нисколько не меняясь, стал консерватором»³.

Представляет интерес вопрос о соотношении либерально-буржуазных взглядов С. М. Соловьева с характером его общественной деятельности. Эта сторона биографии С. М. Соловьева не вполне разъяснена в литературе⁴. Академик Л. В. Черепнин в вводной статье к советскому изданию «Истории России с древнейших времен» дал глубокий анализ исторической концепции С. М. Соловьева. Что касается его общественно-политической позиции, то здесь необходимо внести некоторые уточнения. Относительно его общественной деятельности и обстоятельств ухода с поста ректора Л. В. Черепнин писал следующее: «Соловьев не поддержал правительственных мероприятий. Однако он не поддержал и ту часть профессуры, которая выступала против пересмотра Устава. Он предпочел уйти в отставку»⁵.

Как мы увидим, это не вполне соответствует действительности.

Судьба крупного буржуазного историка России Сергея Михайловича Соловьева оказалась тесно связанной с выступлением профессоров за университетскую автономию. Борьба по университетскому вопросу вообще была богата драматическими ситуациями, требовавшими от ученых гражданского мужества. Университетский Устав 1863 г. расширил круг деятельности университетских советов⁶. Ограниченная самостоятельность университетских коллегий по реформе 1863 г. не могла идти ни в какое сравнение с теми правами, которыми были наделены английские и немецкие университеты. Тем не менее русские либеральные профессора очень дорожили и этими возможностями.

Отсутствие в российских университетах прочных и широких академических традиций автономии особенно остро ощущалось С. М. Соловьевым в дореформенное время, когда он вместе с другими либерально настроенными профессорами участвовал в противодействии «черной уваровской партии» (так называли ставленников министра С. С. Уварова, захвативших руководство в Московском университете). «Мы все молодые профессора,—

вспоминал С. М. Соловьев об этом времени, — определили сблизиться тесно, ничего не делать без взаимного совета, собираться у каждого по очереди на вечера и толковать»⁷.

С. М. Соловьев занимал либеральную позицию в эпоху реформ 60-х годов и позднее, пытаясь противостоять не только реакции, но и прогрессивному, по его терминологии, «отрицательному», направлению, сетуя на распыленность «серьезных» ученых, которые «не составляли партии с определенными уже давно принципами, каждый из них занимался одним своим каким-нибудь серьезным делом и не мог его оставить; самая серьезность их не позволяла им быстро и дружно выступить против безумных отрицаний всего, они привыкли обдумывать дело прежде начатия, приготавливаться, спеваться»⁸.

О роли С. М. Соловьева в оппозиции либеральных профессоров можно судить по его письму И. К. Бабсту 20 марта 1866 г., которое мы приводим полностью: «Любезнейший Иван Кондратьевич, заметив, что наши друзья стараются в своей полемике перевести все дело в личное дело Дмитриева⁹, мы положили заявить о себе таким скромным образом: «Ввиду полемики г. Дмитри[ева] и «Московских ведом[остей]» о деле, в коем мы принимали участие, для разъяснения этого дела и нашего участия в нем мы считаем необходимым требовать напечатание всех актов, к нему относящихся. Будете ли вы согласны приобщить свое имя к нашим подписям? Если вы задержитесь в Петербурге на Страстной неделе, то ответьте мне письменно, если же в начале Страстной недели будете в Москве, то ответ привезете сами.

Ваш Соловьев.

Завтра выбирают Щуровского в проректора, т. е. инспекторов студентов»¹⁰.

В результате к протесту Ф. М. Дмитриева присоединились Б. Н. Чичерин, С. А. Рачинский, М. Н. Капустин, И. К. Бабст, подавшие вместе с С. М. Соловьевым в отставку (затем некоторые вернулись к преподаванию).

Когда 12 декабря 1870 г. С. М. Соловьев был избран ректором Московского университета (утвержден 3 февраля 1871 г.), под его руководством сплотились представители либеральной профессуры¹¹.

Стремление царизма перечеркнуть реформу 1863 г. встретило отпор со стороны университетских корпораций, высказавшихся за ее сохранение. Оппозиционность университетов проявилась в отношении к комиссии 1875 г. под председательством И. Д. Деянова. Как ректор Московского университета С. М. Соловьев был членом комиссии¹², где он активно выступал против пересмотра устава 1863 г.

Разногласия по университетскому вопросу в обществе и в преподавательской среде были столь значительны, что вызвали раскол и внутри комиссии. Министерство столкнулось с открытой оппозицией представителей университетов. Противники автономии по уставу 1863 г. по всем вопросам неизменно оставались в

меньшинство: «Картина русского университетского быта, рисуемая четырьмя членами (комиссии)¹³, такова, что другие члены комиссии, и в том числе ректоры всех русских университетов, не узнают в ней этих университетов»¹⁴.

С. М. Соловьев в «Соображениях», представленных в комиссию, доказывал неприменимость вообще бюрократических мерок к университетам: «Здесь начальник встречает в подчиненном человека науки, мастера в ней, иногда такого, каких немного, а пока в образованном человечестве будет цениться умственные способности, ученые заслуги и литературные труды, до тех пор ученый, профессор будет иметь нравственный авторитет»¹⁵.

Реакция воспользовалась отсутствием единства в рядах профессуры. Глашатаем реакционного похода против университетских порядков стал Н. А. Любимов¹⁶, профессор физики, сотрудник Каткова, автор запоздалых памфлетов против Великой Французской революции. Началась травля. В конце 1876 — начале 1877 г. Катков и Любимов выступили в печати с провокационным заявлением, что «профессорская агитация» вредно влияет на студентов¹⁷. Выступления в печати Любимова, полные клеветнических измышлений о «бесконтрольности» советов и факультетов, о несоответствии преподавания с «государственными требованиями», о «злоупотреблениях и раздорах» среди преподавателей и т. д. были встречены с возмущением в передовых университетских кругах. В коллективном письме профессоров Московского университета Любимов был подвергнут «нравственному осуждению»¹⁸.

Протест профессоров И. Д. Делянов — председатель комиссии по пересмотру устава 1863 г., ставший позже, в эпоху реакции 80-х годов, министром народного просвещения, — назвал «дополнением к записке о недостатках нынешнего состояния наших университетов»¹⁹.

«Московские ведомости» опубликовали «Гласный ответ на негласное обращение» Любимова. Он подтвердил, что «наш университетский механизм в развинченном и распатанном состоянии», а заявление против него профессоров расценил как «1001-е свидетельство помутившейся правильности нашей университетской жизни... печального зрелища распрей, раздоров, личных счетов и кружкового террора»²⁰.

В таком духе осуществляла свободу печати катковская пресса.

13 января 1877 г. состоялось чрезвычайное заседание университетского Совета по заявлению 10 членов. По решению Московского университета под председательством ректора С. М. Соловьева заявление Любимова было признано ложным и оскорбительным для университета. Итак, профессора осудили программу Любимова, а тем самым и деятельность комиссии, членом которой он состоял²¹.

15 января 1877 г. гр. Д. А. Толстой раздраженно выговаривал попечителю Московского учебного округа кн. М. П. Мещерскому, что дело «по характеру своему далеко выходит из разряда обыкновенных газетных полемик между профессорами и угрожает в

будущем получить весьма пагубное развитие в ущерб действительным интересам Московского университета... явно направлено против деятельности профессора Любимова в качестве члена высочайше учрежденной комиссии для пересмотра университетского устава»²². На запрос министра о происхождении коллективного заявления профессору Любимову и о том, «кто именно должен считаться руководителем этой агитации», попечитель сообщал 20 января 1877 г.: «...слухи ходят, что главными руководителями в этом деле были профессора Усов и Герье, которые будто бы собирали подписи, но, с другой стороны, есть известие, будто в кружке профессора Борзенкова (?) было составлено другое коллективное письмо, получившее несколько подписей, но оставленное в стороне как признанное слишком резким. Некоторые лица приписывают г. Тихонравову деятельное участие в составлении редакции письма, полученного г. Любимовым, а доценту Муромцеву с некоторыми другими преподавателями — старание о распространении агитации в среде преподавателей»²³.

Имя С. М. Соловьева не было названо. Но ему уже пришлось оправдываться, почему вообще состоялось столь «неуместное» заседание Совета 13 января. «Любимов заявил в газете, что брошюра, о которой шла речь в письме, публичная, — писал С. М. Соловьев попечителю 17 января 1877 г., — это объявление брошюры публично отняло у меня всякую возможность потушить дело в самом начале, и я должен был допустить в Совете суждения о содержании брошюры и поступке профессора Любимова»²⁴. А в устном разговоре с попечителем Соловьев прибавил, что университет не мог считать записок Любимова лишь мнением, адресованным исключительно комиссии. К тому же брошюра вызвала конфликт между преподавателями и «агитацию» в среде студентов. Причем лишь рассмотрением вопроса в Совете, по мнению Соловьева, и можно было предотвратить демонстрации студентов²⁵.

А за всем этим стояло возмущение профессоров клеветническим изображением их деятельности. Кн. Н. П. Мещерский также уверял министра, что «профессоры Московского университета должны были принять эти заявления на свой счет, т. к. деятельность г. Любимова происходила в этом университете, в котором он имел возможность изучить ход профессорских занятий, и это заключение Совет подкрепляет тем обстоятельством, что в записке г. Любимова приводятся выписки из лекций московских профессоров»²⁶.

Отсюда и единодушное заявление Совета на заседании 17 января: «...невозможность продолжать товарищеские отношения к профессору Любимову сделалась совершенно очевидною не для одних подписавших письмо»²⁷. Оно свидетельствовало о крепнувшей солидарности профессоров. Вместо того чтобы подать в отставку, Н. А. Любимов подал «протест» министру. М. М. Ковалевский, один из участников событий, вспоминал: «Последствием был новый донос Любимова, на этот раз — уже

высшему начальству, а последнее в лице министра просвещения гр. Толстого воспользовалось представившимся случаем, чтобы возложить ответственность за все происшедшее на тогдашнего ректора университета, знаменитого русского историка С. М. Соловьева»²⁸.

Официальный разбор дела «о возбуждаемой против Любимова агитации» министр поручил кн. Н. П. Мещерскому. Попечитель передал «пострадавшему» Любимову протоколы заседаний Совета 13, 17 и 22 января, переписку с Соловьевым. Любимов в свою очередь «представил возражения» на эти документы. В письме от 24 января 1877 г. попечитель торопил Соловьева «ускорить» окончательное рассмотрение дела университетским Советом²⁹. И 26 января получил от Соловьева полный достоинства ответ: «дальнейшие рассуждения по делу профессора Любимова в Совете не предполагаются; все кончено в заседании 13 января, что явствует вполне из протокола этого заседания»³⁰.

Между тем, не желая возвращаться к делу Любимова в Совете, профессора (это видно из протокола заседания 22 января) требовали в установленном законом порядке публичного опровержения журнальных и газетных обвинений университета Любимовым³¹. Дискуссия грозила распространиться в печати еще шире. 20 января гр. Д. А. Толстой конфиденциально обратился к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с просьбой сделать распоряжение, чтобы в газетах не допускалась «намеренно производящаяся против профессора Любимова агитация»³², косвенно направляемая против пересмотра университетского устава. 4 февраля гр. Д. А. Толстой вновь обратился с конфиденциальной просьбой к А. Е. Тимашеву о воспрещении газетам и журналам «всякой полемики по поводу пререканий некоторых членов (!) Совета Московского университета с профессором сего университета Любимовым»³³.

Итак, коллегия крупнейшего русского университета выступила с осуждением программы и деятельности ставленника реакции Н. А. Любимова. Любимов чувствовал себя в университете в полной изоляции³⁴. К протесту московских преподавателей присоединились профессора Казанского университета³⁵. Трудно сказать, как развивались бы события, но несомненно одно: в атмосфере несочувствия, которая окружала комиссию по пересмотру устава, при серьезных разногласиях в среде самой комиссии протест мог получить значительный общественный резонанс.

7 февраля 1877 г. совет министра народного просвещения вынес решения, целиком оправдывавшие позицию Любимова. Прежде всего объявлялось, что «Совет Московского университета превысил свою компетентность»³⁶. Основная вина возлагалась на С. М. Соловьева: «Все заседание 13 января почти исключительно посвящено не разъяснению того, были или нет подстрекательства со стороны профессоров, а протестам против «обвинений», возводимых будто бы профессором Любимовым против университетов. Так как этот предмет не включен был десятью

членами в программу этого заседания, то ректору следовало бы не допускать такого отклонения от предмета обсуждения»³⁷. Более того, действия профессорской корпорации были представлены в искаженной трактовке: «Хотя явных и признанных подстрекательств студентов против профессора Любимова и не обнаружено, тем не менее не может не быть признано действием, побуждающим к волнению, коллективное заявление преподавателей, которое, по всей вероятности, сделалось известным студентам»³⁸.

14 февраля журнал Совета министра был одобрен Александром II, который выразил сожаление по поводу «ненормальных явлений в жизни Московского университета» и потребовал «при пересмотре университетского устава обратить особенное внимание на изыскание средств для предупреждения на будущее время подобных случаев»³⁹. Любимова же, выслужившего в 1877 г. 25-летний срок службы, монарх приказал оставить в должности, не подвергая его новому избранию, как того требовал § 78 университетского устава⁴⁰. 18 февраля решения были сообщены в университет. Расстановка сил внутри университетских корпораций обусловила дальнейшие коллизии либеральной оппозиции. В любимовском деле либералы потерпели открытое поражение. Профессора В. И. Герье и С. А. Усов получили выговор. Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения (№ 5) ректор Московского университета ординарный профессор, тайный советник С. М. Соловьев увольнялся от этих должностей «согласно прошению».

Неуспех акции либеральных профессоров в условиях самодержавного гнета был не единственным и не последним. Слабость либеральной тактики отразилась и в позиции С. М. Соловьева. Непонимание того, что Любимов был ставленником определенных политических кругов, выразилось в осуждении его действий преимущественно с точки зрения «нравственной». В письме 35 профессоров Московского университета справедливо упрекали Любимова в том, что он выставлял «в совершенно искаженном виде состояние науки и преподавания в университетах, отношение русских профессоров к своему делу», признавая его «способ действия недостойным не только профессора русского университета, но и вообще порядочного человека»⁴¹. Нравственное осуждение как средство воздействия оказывалось малоэффективным в отношении таких противников, как Любимов и Катков. Поспешность, с какой реагировали профессора во главе с ректором па слухи о «подстрекательствах студентов», парочптое стремление продемонстрировать лояльность — все это свидетельствовало о нежелании открыто поддержать демократическое студенчество, о боязни в то время выступить за расширение ограниченной университетской автономии.

Вынужденная отставка С. М. Соловьева — одно из проявлений враждебности царизма к представителям науки, людям «мысли и опыта», по выражению Соловьева.

Современники, близко знавшие Соловьева, не без основания полагали, что травля, сопровождавшая доносы Любимова, ускорила кончину выдающегося русского историка⁴². Труд по истории России остался незавершенным.

- 1 ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3767, л. 1.
- 2 Герцен А. И. Собр. соч. Пг., 1920. т. XVII, с. 245.
- 3 Соловьев С. М. Итоги николаевской эпохи.— В кн.: Русские университеты в их уставах и воспоминаниях. СПб., 1914, вып. 1, с. 206.
- 4 См.: История Москвы. М., 1954. Т. 3—4. История Московского университета. М., 1955. Т. I; СИЭ, М., 1971. Т. 13; Иллерицкий В. Г. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980; и др.
- 5 Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк.— В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 26.
- 6 Совет — собрание всех профессоров университета.
- 7 Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Б.м.г. с. 127.
- 8 Там же, с. 173. «Беда была в том, что в это несчастное время (в царствование Николая I.— Г.Щ.) самый положительный человек был отрицателем и своим авторитетом приучал к отрицанию»,— заметил С. М. Соловьев (Там же, с. 157).
- 9 Профессор Ф. М. Дмитриев заявил протест против незаконного решения министра в процедуре выборов профессоров.
- 10 ОПИ ГИМ, ф. 44 (И. К. Бабст) д. 1, Щук 1/248 ЗП, л. 1/307.
- 11 По истечении четырехлетнего срока С. М. Соловьев был избран ректором вторично 3 февраля 1875 г. (утвержден 15 февраля 1875 г.) еще на четыре года (ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3871, л. 1, 5; д. 3799, л. 1).
- 12 В составе комиссии были товарищ министра народного просвещения кн. А. П. Ширинский-Шихматов, члены совета министра народного просвещения А. И. Георгиевский, А. А. Воскресенский, А. М. Гезен, генерал-майор И. П. Новиков, ректоры университетов: Казанского — Н. А. Кремлев, Харьковского — А. С. Питра, Новороссийского — Ф. И. Леонтович, а также деканы физико-математических факультетов: Киевского — И. И. Рахманинов и Петербургского — А. Н. Бекетов; профессор Петербургского университета К. А. Коссович и директор Демидовского лицея М. Н. Капустин.
- 13 Крупные чиновники министерства.
- 14 Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976, с. 62.
- 15 ЦГИА СССР, ф. 1149 (Департамент законов Государственного Совета), оп. 10, 1884, д. 53. Примеч. Журн. заседания 2—3 ноября 1876 г., № 29, с. 2.
- 16 См.: Любимов Н. А. Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов. СПб., 1876.
- 17 Московские ведомости, 1876, 22 дек.; 1877, 6 янв.
- 18 ОРГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), к. 35, № 54, л. 1—2. В беседе с С. С. Ивановым Соловьев объяснял, что в записке Любимова «вся корпорация профессоров (без указания отдельных лиц в виде исключения) обвиняется в уклонении от занятий по должностям, в противодействии правительству и в распространении социализма... деятельность университета парализована, и профессорам не может быть доверия ни со стороны студентов, ни от их родителей, не может быть и должного уважения к их деятельности. Совету нельзя отстать безучастным зрителем пререканий о деятельности университета» (ЦГИА СССР, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 149, д. 270, л. 9).
- 19 ЦГАОР СССР, ф. 556 (И. Д. Делянов), оп. 1, д. 150, л. 1.
- 20 Московские ведомости. 1876, 29 дек.
- 21 «Брошюры г. Любимова как мнение одного члена комиссии по предмету быта наших универси-

- тетов служили, по объяснению ст.-секр. Делянова, материалом при соображениях Комиссии.— отмечает гр. Д. А. Толстой (ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3789, л. 31).
- ²² ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3789, л. 3 об.
- ²³ Там же, л. 12—12 об. 22 января почтменгелъ вновь сообщал, что «протокол (заседания совета 13 января.— Г. Ш.) показывает наиболее деятельное участие в этом деле со стороны профессоров Бугаева, Усова, Павлова, Циггера и Герье» (Там же, л. 15).
- ²⁴ Там же, л. 9.
- ²⁵ См.: Там же, л. 10 об.
- ²⁶ Там же, л. 22 об. Любимов, по словам Чичерина, «собирал плохие студенческие записки, выбирал из них всякие нелепости, перерванные названия и т. п. и весь этот букет внес в комиссию в доказательство крайне низкого уровня преподавания в Московском университете» (Чичерин *Б. Н.* Воспоминания: Московский университет. М., 1929).
- ²⁷ Там же. Курсив наш.— Г. Ш.
- ²⁸ Ковалевский *М. М.* Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века.— Вестник Европы, 1910, 5, с. 176.
- ²⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3789, л. 18 об.
- ³⁰ Там же, л. 30. На этом автографе С. М. Соловьева помета: «Донести министру по телеграфу».
- ³¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 459, о. 2, д. 3789.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 270, л. 41.
- ³³ Там же, л. 168.
- ³⁴ Он не решался даже возобновить курс лекций после каникул. «Дело сильно осложняется тем обстоятельством,— писал он 12 января Толстому.— что со стороны ближайшей университетской власти (т. е. ректора С. М. Соловьева.— Г. Ш.) я не могу рассчитывать ни на какую поддержку. Не благодарно ли потому выждать началом моих лекций» (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 270, л. 16). К тому же приближался срок 25-летней службы Любимова; ему приходилось опасаться результатов баллотировки в коллегии.
- ³⁵ См.: Биржа, 1877, 28 янв. Причем Толстой 23 января 1877 г. обращался к почтменгелю Казанского учебного округа с требованием пресечь возможные «противозаконные заявления» против Любимова (ЦГИА СССР, ф. 733, бл. 149, д. 270, л. 47). Аналогичные телеграммы были отравлены в Одессу и Киев.— Там же, л. 74, 100.
- ³⁶ ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3789, л. 34.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, л. 33.
- ³⁹ Там же, л. 35 об.
- ⁴⁰ Там же, л. 36. Этот пункт «высочайшего» решения о Любимове через 5 лет послужил одним из поводов к отставке министра народного просвещения барона А. П. Николая, которого сменил реакционер Н. Д. Делянов. См.: ЦГИА СССР, ф. 744, оп. 1, д. 49, л. 42—43.
- ⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 270, л. 51—52.
- ⁴² Ковалевский *М. М.* Указ. соч., с. 187. 17 января 1877 г. С. С. Иванов передавал Д. А. Толстому: «Соловьев пишет, что третью почью его бьет лихорадка от сильного нравственного и физического изнурения и что пора кончить, иначе дурно для него кончится». ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 149, д. 270, л. 26.

Нижепубликуемые документы — официальные письма почтменгелю Московского учебного округа кн. Н. П. Мещерского министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому — содержат дополнительные сведения об обстоятельствах ухода С. М. Соловьева не только с поста ректора, но и с кафедры русской истории. Письма отражают отношение царского правительства к представителям науки и просвещения и то преимущественно пассивное сопротивление, какое оказывали либеральные профессора реакционному политическому курсу.

Письмо попечителя Московского учебного округа кн. Н. П. Мещерского министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому в С.-Петербург

Москва, 27 апреля 1877 г.*

Милостивый государь граф Дмитрий Андреевич, ректор С. М. Соловьев просил меня словесно ходатайствовать перед в. с-вом с сообщением ему указания относительно тех распоряжений, которые признаются нужными вследствие представленного им прошения об увольнении от службы по университету.

В свое время я имел честь представить на благоусмотрение в. с-ва просьбу г. Соловьева по разъяснению вопроса, следует ли ему войти свое временно с новым прошением об увольнении, так как первое было ему возвращено. Сим, по моему мнению, представляются по этому делу следующие вопросы: считается ли г. Соловьев окончательно уволенным по первому прошению или следует ему представить новое прошение? Засим, если его отставка считается фактом, так сказать, совершившимся, как считать учебный год? Г. Соловьев полагает, что надо считать конец года со дня окончания деятельности Совета, т. е. с 31 мая. Или же считать с 15 августа? Во всяком случае, выборы должны иметь место теперь, ибо они не производятся в летнее время до 15 августа? С другой стороны, выборы необходимы и потому, что и некому управлять делами: проректор возвратится в ноябре, А. И. Полунина тяжело болен. Пришлось бы передать управление старшему декану Тихонравову... ** Прочие — Цингер и Лешков, По сему важному делу ожидаю указаний.

Покорнейше прошу в. с-во принять уверение в моем глубоком почтении и преданности, с коими имею честь быть в. с-ва покорнейшим слугой ***.

Князь Н. Мещерский

ЦГИА СССР, ф. Департамента народного просвещения 733, оп. 200 (секретный отдел), д. 13, л. 6—7 об. Автограф.

Н. П. Мещерский — Д. А. Толстому в С.-Петербург

Москва, 28 мая 1877 г.

Милостивый государь граф Дмитрий Андреевич, честь имею сообщить в. с-ву, что по получении вашего предложения относительно увольнения согласно прошению г. Соловьева¹ я сначала передал частно в разговоре содержание сего предложения г. Соловьеву, а засим просил его оказать мне содействие при приведении в исполнение этой меры, т. е. при новых выборах ректора, на что г. Соловьев возразил, что, так как увольнение его по обеим должностям состоялось по высочайшему повелению 16 мая², то ему невозможно долее продолжать свою деятельность, что в противном случае он окажется самозванцем и пр. По его отзыву, мне надлежало бы ныне передать временно заведование делами и выборами, за отсутствием проректора, г. Тихонравову, который, за тяжелою болезнью г. Полунина, числится старшим деканом. На мое возражение, что § 36 устава³ указы-

* Все даты по старому стилю.

** *Многоочие в тексте*

*** *В последующих документах последние три строки опускаются.*

вает иной порядок и требует для временного заведования *избрания* и личного утверждения министра, г. Соловьев возразил, что такой порядок утвержден и преданием и прямым согласием Министерства, выраженным по поводу командировки проректора Мина. Засим, по получении моей бумаги, как оказывается, г. Соловьев передал ее г. Тихонравову, который и созвал Совет на 27 мая, подписавшись: «За ректора декан Т[ихонравов]».

Сообщая предложение в. с-ва к исполнению, я просил Совет приступить к избранию ректора ныне же ввиду скорого наступления вакансий.

Относительно же вакансии по кафедре профессора Соловьева я просил Совет «озаботиться с замещением в свое время обычным порядком». О последнем я счел нужным упомянуть, так как увольнение по обеим должностям последовало по высочайшему повелению, а также для того, чтобы разъяснить, что нет настоятельной пужды приступить ныне же к замещению этой кафедры, а необходимо лишь избрать безотлагательно ректора. Как я узнал из верных источников, это заседание было довольно многолюдно (особенно в виду времени года). Наличных шаров было 40, по результат оказался весьма неожиданным. Накануне было факультетское заседание, на котором на вакансию профессора Соловьева избран — профессор Соловьев же. Вследствие сего при наличии заседания Совета он был избран почти единогласно вновь профессором (39 против 1). Известно, однако, было ли предварительно выражено на это согласие самого г. Соловьева?... * После всего того, что было еще так недавно сказано нам и писано г. Соловьевым, едва ли можно допустить, что он согласился на баллотировку. Но тогда, правильна ли баллотировка лиц, коих о подобной баллотировке и не уведомляют, причем можно, следовательно, всегда забаллотировывать кого угодно? Ректорская баллотировка дала в главных чертах следующий результат: Щуровский и Басов — 20 против 20, Давыдов, Варвинский и Богданов — 11 против 29, Усов — 13 против 27, Тихонравов — 15 — 25, Цингер — 17 против 23.

Постановлено поручить деканам просить г. Соловьева остаться профессором. Так как выборы не состоялись, то назначено новое заседание во вторник 31 мая. Теперь являются, следовательно, возможными следующие предположения:

1) Будет, может быть, избран г. Басов. Г. Басов из самых старых профессоров, но, однако, один из подписавших слишком известное письмо⁴, вероятно, под влиянием г. Усова, с коим он весьма близок. Так как он едва ли когда-либо имел виды на ректорство, он, может быть, охотно в сентябре и откажется от этой должности. Тогда, может быть, г. Соловьев, отдохнувший в течение лета, согласится на новые усиленные просьбы большинства снова служить университету ректором. 2) Или же большинство окончательно выскажется в пользу г. Щуровского. Для того, чтобы устранить затруднения, маститый профессор, может быть, и согласится тогда хоть на время остаться ректором, хотя он уже часто отказывался от ректорства. Наконец, 3) может быть, избрание не состоится вовсе. В последнем случае прощу позволения высказаться решительно в

* *Многогочие в тексте.*

пользу назначения временно заведующим (без определения срока, может быть) от правительства*.

Профессор Тихонравов, как известно, был одним из более деятельных участников в слишком известном заявлении в деле проф[ессора] Любимова⁴, заявлении, столь справедливо осужденном правительством. Представление ему такой чести на продолжительный срок едва ли желательно. Между тем необходимо, по мнению моему, иметь *теперь* во главе университета человека надежного и твердого. Слишком частые донесения в округе в последнее время, кажется, доказали вполне, что настоящее время — ненормальное...**. Если агитация коснулась и низших училищ, и женских, того же можно ожидать в августе и сентябре в среде университетской, столь впечатлительной и некоторым образом праздною в начале года...** В таком случае полнейшую гарантию благонадежности могли бы представить проф. Щуровский и Давидов, конечно.

В заключение я должен прибавить, что я заранее подчиняюсь вполне кассационному приговору — за допущение выборов под председательством декана, не утвержденного Министерством согласно § 36 устава³. Я, очевидно, мог ошибиться. До сей минуты я еще не мог найти в нашей каденлярни распоряжение министерства, на которое намекал г. Соловьев. Во всяком случае, весьма естественно было бы такое толкование министерства, что текущие дела могут вестись временно старшим (по должности) деканом, но что § 36 обязателен для выборов (особенно ректора). Я заранее подчиняюсь порицанию и кассации со стороны Министерства, извиняясь экстренностью и спешностью дела.

Князь Н. Мещерский

ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 13, л. 9—14 об. Автограф.

Н. П. Мещерский — Д. А. Толстому* в с.-Петербурге

Москва, 3 июня 1877 г. Конфиденциальное

Милостивый государь граф Дмитрий Андреевич, представляя на благоусмотрение в. с-ва дело об избрании нового ректора, считаю долгом прибавить несколько строк относительно самого хода сего дела. По получении предложения об увольнении г. Соловьева я предварительно передал ему содержание сего предложения в частном разговоре, причем просил его содействия при производстве новых выборов. На это г. Соловьев возразил, что ввиду того, что увольнение его состоялось 16 мая², он ныне уже не может принимать участия в делах университета, причем заметил, что по принятому порядку теперь временное управление делами и выборами переходит в руки старшего (после А. П. Полунина) декана г. Тихонравова. На мое возражение, что § 36 устава³ требует иного порядка, г. Соловьев заметил, то в экстренных случаях (п[а]дрп[ер], при внезапной смерти ректора) иной исход и немислим, и прибавил, что, кроме обычая такой порядок узаконен и прямым распоряжением министерства, состоявшимся

* На полях рукой Толстого написано: Это немисливо, ибо весьма преждевременно, 29 мая.

** Многозначие в тексте.

по случаю заграничной командировки проректора Мина. Полагаясь на авторитет г. Соловьева и допуская возможное замешательство в ходе дел нашей канцелярии по случаю перемен в личном ее составе, я не считал себя вправе протестовать на первое время. Иные же, после тщательных справок между прочим и в университетской канцелярии оказывается, что никакого подобного распоряжения министерства не было и что университет в этом случае руководствовался лишь обычаем. Теперь является вопрос: если и признать порядок, принятый университетом, правильным для экстренных случаев и для избрания лица, упомянутого в § 36 устава, то не следует ли требовать точного применения сего § 36 при выборах профессоров, деканов и особенно ректора? В случае утвердительного разрешения сего вопроса со стороны в. с-ва я заранее подчиняюсь кассации, извиняясь при этом экстренностью и спешностью сего дела.

Князь Н. Мещерский

ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 13, л. 19—20 об. Автограф, на официальном бланке.

* *Помета директора Департамента народного просвещения М. Брадке:*
«Приказано оставить без последствий. 9 июня».

Н. П. Мещерский — Д. А. Толстому * в С.-Петербурге

Москва, 3 июля 1877 г.

Милостивый государь граф Дмитрий Андреевич, после первого заседания Совета университета, о решении которого я имел честь сообщить в. с-ву, состоялось, как видно, соглашение между различными оттенками известной партии, и к общему удивлению, г. Тихонравов⁵, который в пятницу получил лишь 15 шаров из числа 40, теперь избран ректором большинством 26 голосов против 11. Можно было ожидать соглашения в августе, конечно, но в настоящее время такой выбор является полной неожиданностью. Трудно признать подобный результат благоприятным. Г. Тихонравов не пользуется в университете большим авторитетом. Многие его любят, так как вообще он характера неприятного, тяжелого. Его считают злым, мстительным и двуличным. С точки зрения правительства этот выбор также неудобен, ибо г. Тихонравов был из числа ревностных участников в слишком известном заявлении профессоров⁴. Он был в числе первых в среде профессоров, созвавших Совет по этому поводу. Вообще падо думать, что с его избранием не только не прекратится прискорбная университетская агитация, но что, наоборот, она примет окончательно хронический характер. Выбранный большинством, преданным г. Соловьеву, он, конечно, будет держаться этой партии⁶, и притом отсутствие авторитета и дурной характер еще более повредят обстановке, и теперь уже далеко не утешительной. Как слышно, С. М. Соловьев был весьма тронут выбором и вообще заявлением университета⁷ и объявил, что он готов вновь принять профессорство, но лишь по истечении года. Этот год ему необходим для отдыха и лечения. Я, впрочем, как и имел честь

* *Помета М. Брадке:* Приказано оставить без последствий. 9 июля.

сообщить в. с-ву, предлагал г. Соловьеву продолжительный отдых и помимо отставки. Если в. с-во признаете нужным кассировать настоящие выборы, вследствие несоблюдения § 36 устава, то ввиду невозможности произвести новые выборы прежде конца августа, а также и тех соображений, которые я имел честь изложить в моем последнем письме *, было бы весьма желательно передать временное заведование ректорской должностью в надежные руки. Всего лучше, конечно, было бы иметь ввиду для сего либо Г. Е. Щуровского (отказавшегося от баллотировки во вторник), либо, в случае его решительного отказа, проф[ессора] Давидова, о котором было упомянуто с похвалою в отзыве Министерства по поводу того же заявления профессоров (от 18 февраля, за № 2036). Очень желательно также, чтобы подобное временное назначение состоялось без определения срока **, ибо в противном случае всякие новые выборы, несомненно, дадут результат подобный настоящему. Между тем введение нового устава весьма естественно повлекло бы за собой и избрание нового ректора и на новых основаниях ⁸.

Князь Н. Мещерский

ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 13, л. 15—17 об. Автограф.

¹ «Соловьев казался опасным министру Толстому, — вспоминал М. М. Ковалевский, — как человек лично известный Александру II (он преподавал историю наследникам, вел. кн. Николаю и Александру Александровичам. — Г. Щ.) и имевший поэтому возможность в решительную минуту поддержать своим веским словом университетскую автономию и дарованный самим императором устав 1863-го года». (Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 186). Современники преувеличивали степень «высочайшего» расположения, как это часто случалось в подобных случаях. Всесильный же гр. Толстой, сам не чуждый научным занятиям, действительно проявлял явную недоброжелательность к С. М. Соловьеву, как и к другим крупным ученым. Так, например, инициатива университета в праздновании 25-летнего юбилея историографической деятельности Соловьева была решительно отклонена 13 марта 1876 г. гр. Д. А. Толстым: «При всем моем желании удовлетворить такому ходатайству почитателей ученых и обширных трудов г. Соловьева я

однако же не решаюсь угрождать государя императора этим ходатайством, т. к. выход в свет какого бы то ни было тома учебного труда не может еще быть признан достаточным поводом для устройства официального торжества в честь частного лица, находящегося на службе» (ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3767. л. 5).

Отвечая на письмо кн. Н. П. Мещерского от 27 апреля 1877 г. (см. док. № 1), гр. Д. А. Толстой писал 4 мая, что он не видит препятствий «к подаче Соловьевым необходимого во всяком случае нового прошения об увольнении его от должности ректора университета ныне же в течение мая месяца с тем, чтобы еще до наступления вакационного времени был произведен выбор нового ректора в Совете университета. Вместе с тем, однако, нужным считаю покорнейше просить вас переговорить с С. М. Соловьевым частным образом, признает ли он необходимым, оставая должностью ректора Московского университета, отказаться и от должности профессора сего университета, к чему,

* См. документ от 3 июня 1877 г.

** На полях приписка Толстого: Я решительно не согласен на такое произведение действий. 4 июля.

по моему мнению, не представлялось бы никакого основания (ЦГИА СССР, ф. 733, он. 200, д. 13, л. 5—5 об.).

² Правительственный вестник, 1877, 16 мая.

³ Согласно § 36 устава 1863 г. «В случае болезни или отлучки ректора должность его исправляет проректор, а где сего последнего нет,—один из деканов по предварительному избранию». ПСЗ, 2 собр., т. 38, отд. 1, № 39752.

⁴ Имеется в виду коллективное заявление 35 профессоров Московского университета, направленное против «Записки о недостатках нынешнего состояния наших университетов» Н. А. Любимова.

⁵ Из формулярного списка видно, что статский советник Тихонравов происходил «из мещан», исповедания — православного, 46 лет. По окончании гимназии он был исключен из податного оклада указом Сената 16 января 1850 г. Высшее образование получил в Московском университете. ЦГИА г. Москвы, ф. 459, он. 2, т. 2, д. 3793, л. 5.

⁶ Уже в ноябре у нового ректора произошел конфликт с кн. Мещерским. В ответ на требование попечителя представить программу преподавания истории государственного права доцента М. М. Ковалевского Тихонравов 8 ноября 1878 г. ответил отказом, сославшись на отсутствие «параграфа университетского устава, который обязывал бы ректора представлять попечителю округа программы преподавания учебных предметов». ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3829, л. 2. Гр. Д. А. Толстой 10 марта 1879 г. приказал «объявить ректору Московского университета Тихонравову выговор от имени его величества». (Там же, л. 14). Тем не менее Тихонравов был утвержден ректором на новый срок 20 октября 1879 г. (Там же, д. 3881, л. 104). Его сменил на этом посту И. П. Боголепов 20 сентября 1883 г.

⁷ В отношении Совета Московского университета попечителю от 20 июня 1878 г. отмечалось, что Совет в 1877 г. «в заседании 27 мая, избрав большинством 40 голосов против 1 С. М. Соловьева

на должность ординарного профессора, определил просить его о принятии им вновь звания профессора и с этой целью препроводить к нему письмо через депутацию от университета. С. М. Соловьев заявил в то время депутации, что он не может принять на себя преподавание в университете, так как здоровье его в значительной степени расстроено, и он по требованию врачей на более или менее продолжительное время должен воздержаться от преподавательской деятельности и что он уведомит Совет о своей готовности занять кафедру русской истории в Московском университете, как скоро позволит состояние его здоровья. В настоящее время историко-филологический факультет вновь обратился к С. М. Соловьеву с приглашением занять кафедру русской истории и получил ответ, что он не отказывается быть сторонним преподавателем означенного предмета в 1878/79 академическом году, но не согласен занять штатную профессорскую должность» (ЦГИА г. Москвы, ф. 459 (попечителя учебного округа), оп. 2, д. 3824, л. 12). Ходатайство Совета о преподавании Соловьева русской истории студентам историко-филологического и юридического факультетов было утверждено (по всеподданнейшему докладу от 26 июля 1878 г.). Причем Совет определил вознаграждение в 3 тыс. руб. «из остатков от некомплекта преподавателей Московского университета» (там же, л. 17).

25 сентября 1878 г. Совет Московского университета единогласно, что вообще случалось весьма редко, избрал С. М. Соловьева почетным членом Московского университета «в уважение к ученым и профессорским его заслугам» (ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 3827, л. 5).

31 января 1879 г. С. М. Соловьев был избран председателем Общества истории и древностей российских. В том же году, 6 ноября, преемником Соловьева после его кончины стал И. Е. Забелин (Там же, д. 3894, л. 1, 7).

Для увековечения памяти С. М.

Соловьева историко-филологический факультет по инициативе профессора В. И. Герье предложил открыть при Московском университете подписку на памятник ему «на наружном дворе старого здания университета, против главного входа в университетскую библиотеку» (Там же, д. 3892, л. 6). Было также высказано пожелание учредить премию его имени за лучшие исторические сочинения.

Совет университета решил открыть подписку в университетской среде для создания его портрета и установления его в актовом зале, чтобы «почтить память покойного всем ценившим и уважающим его патриотическую и ученую деятельность» (Там же, л. 6). В ответ на предложения Совета Московского университета 5 июля 1880 г. 12 июля 1882 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов «разрешил» поставить портрет С. М. Соловьева в актовом университетском зале. На установление же памятника «высочайшего соизволения» не последовало. Александр III лишь разрешил открытие повсеместной в империи подписки для сбора добровольных пожертвований на составление капитала для учреждения при Московском университете стипендии и премии имени бывшего заслуженного профессора сего университета тайного советника С. М. Соловьева. (Там же, л. 11).

Ученый комитет Министерства народного просвещения 22 февраля 1888 г. предложил учредить стипендию им. С. М. Соловьева в 300 руб., которую «назначать стипендиату историко-филологического факультета, получившему выпускное свидетельство в Московском университете и изъявившему желание готовиться к испытанию на степень магистра всеобщей или русской истории». (Там же, л. 15). Причем обычно профессорский кандидат, как называли в то время аспирантов, имел стипендию в 600 руб., при которой едва достигалась «действительная возможность свободы от материальных забот». Поэтому в «Положении о стипен-

дии имени С. М. Соловьева при Московском университете» признавалась возможность совмещения ее с другими частными или казенными пособиями.

Ученый комитет утвердил «Положение о премиях имени С. М. Соловьева при императорском Московском университете». Она присуждалась раз в два года. Соловьевскую премию составляли проценты с 20 тыс. руб. При этом Московская городская дума, пожертвовав на премию 5 тыс. руб., попыталась ограничить ее тематику историей царствования Екатерины II и города Москвы. Предложение не нашло поддержки, так как «С. М. Соловьев не был ни историком собственно города Москвы, ни императрицы Екатерины II». (Там же, л. 16). Объявление о премии помещалось в «Московских ведомостях» 5 мая — в день рождения С. М. Соловьева и предоставлялась она 4 октября — в день его памяти.

⁸ Инициаторы реакционного пересмотра одной из буржуазных реформ — университетского устава 1863 г. — предполагали, что проект нового устава университетов будет составлен уже в ноябре 1875 г. Председатель комиссии по пересмотру университетского устава И. Д. Делянов писал в секретной записке: «если проект преобразования будет представлен в Государственный Совет в декабре, то рассмотрение его может быть окончено до начала 1876/1877 учебного года». (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 200, д. 2, л. 6). Планы Д. А. Толстого, И. Д. Делянова, М. Н. Каткова, Н. А. Любимова и других остались в середине 70-х годов нереализованными. Нараставшая волна общественного подъема, вылившаяся в революционную ситуацию конца 70-х — начала 80-х годов, студенческое движение, оппозиция профессоров отвели на время угрозу, нависшую над университетами. Поражение революционного движения имело следствием реализацию этих планов — принятие университетского устава 1884 г. (см. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. К. ПИСКОРСКОГО

А. Е. Москаленко

Жизнь и творчество известного русского историка В. К. Пискорского (1867—1910)¹, так же как жизнь и деятельность его старших современников И. В. Лучицкого (1845—1918), Н. И. Кареева (1850—1931), М. М. Ковалевского (1851—1916), П. Г. Виноградова (1854—1925), М. С. Корелина (1855—1899), Р. Ю. Виппера (1859—1954) и Д. М. Петрушевского (1863—1942), все чаще привлекают внимание историков исторической науки². Изучая научное наследие корифеев русской исторической науки, советские историки находят в их творчестве не только непримлемые для нас взгляды на развитие общества, но и достойное подражания высокое профессиональное мастерство, глубокую преданность своей науке, необычайное трудолюбие и высокую требовательность к качеству как своей научной продукции, так и к работам учеников и коллег. С сожалением приходится констатировать, что до сих пор не написаны научные биографии указанных ученых³, где всесторонне было бы освещено их формирование как общественных деятелей и ученых, тщательно проанализированы их мировоззрение и разработка ими отдельных исторических проблем. Полагаю, что создание таких биографий является одной из первоочередных задач историков русской исторической науки, решить которую невозможно без внимательного изучения личных архивов ученых и предварительной публикации наиболее интересных архивных материалов.

Ниже публикуется часть воспоминаний В. К. Пискорского о его работе в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко в 1899—1905 гг. Рукопись воспоминаний хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 604, картон 13). Она представляет собой толстую тетрадь в коричневом переплете, содержащую 95 листов не очень плотной нелинованной бумаги. На титульном листе: «В. Пискорский. История моего профессорства в Нежине. 1899—1905». Далее идут 72 пронумерованных листа (за 16-м следует 16а). Текстом с одной стороны сплошь заполнены листы 1—40 и 48—71, на 72 — половина строки; остальные листы не заполнены. Текст написан черными чернилами. Почерк мелкий, вначале четкий, далее неразборчивый; на листах 50—54 и 62—65 во многих местах, а иногда и сплошь текст зачеркнут жирными линиями и в отдельных случаях плохо восстанавливается. Вначале он хорошо обработан, продуман, в конце же имеются пропуски, недомолвки. Все это, а также пропущенные в середине чистые

листы (41—47) говорит о том, что рукопись не закончена и автор собирался ее продолжать. Об этом же свидетельствуют и помеченные в тексте номера списков, которых в рукописи нет и которые автор, очевидно, собирался внести.

В тетрадь вклеены заявления некоторых нежинских профессоров об отказе от поддержки записки 342-х ученых «Нужды просвещения»⁴. Кроме того, в тетрадь частью вклеены, частью вложены вырезки из газет и отдельные документы, относящиеся к событиям 1905 г.

Л. Т. Мильская и И. С. Пичугина называют рукопись В. К. Пискорского дневником, а в одном месте — воспоминаниями, что, безусловно, правильнее⁵. Возможно, авторов ввело в заблуждение то обстоятельство, что на последних листах рукописи, вверху справа, стоят даты: на листах 64, 65 и 66 — 20.X, на листах 67, 68 и 69 — 21.X и на листе 70 — 22.X. Но эти даты означают не время записи в тетради, а те дни, в которые происходили описываемые события. В. К. Пискорский вообще имел обыкновение записывать все виденное и пережитое им по свежим следам, не откладывая дела в долгий ящик. Кроме описанной выше, можно сослаться также на «Заграничные воспоминания», в которых В. К. Пискорский подробно рассказывает о своей жизни в Испании в 1896—1897 гг.⁶

Публикуемые воспоминания написаны, скорее всего, также по свежим следам, после бегства В. К. Пискорского с семьей в 20-х числах октября 1905 г. из Нежина в Киев от угрожавшей ему расправы со стороны местных черносотенных элементов.

Обосновавшись в Казани в 1906 г., В. К. Пискорский, по-видимому, думал написать мемуары. Именно поэтому он и подобрал различные материалы о своей жизни (документы, переписку и т. п.) по периодам — первый киевский период (1890—1896)⁷, заграничная командировка (1896—1897), второй киевский период (1897—1898), нежинский период (1899—1905), третий киевский период (октябрь 1905 — начало 1906) и казанский период (с 1906). По таким разделам хранились документы в семье В. К. Пискорского вплоть до передачи его архива в ГБЛ в 1969 г.

Внезапная смерть ученого 3(16) августа 1910 г., сбитого товарным поездом, помешала осуществлению его планов. Но и то, что В. К. Пискорский успел написать о своей жизни и работе, представляет исключительный интерес.

В. К. Пискорский был человеком чрезвычайно наблюдательным, живо интересовавшимся всем происходившим вокруг него и чутко на все реагировавшим. Кроме того, он был одаренным литератором, умевшим ярко описать увиденное и пережитое. Его воспоминания читаются с неослабевающим интересом. Они представляют собой важный источник для выяснения мировоззрения ученого, ярко характеризуют его нравственный облик. Из воспоминаний предстает передовой, принципиальный человек, верящий в высокое призвание науки и своей миссии ученого, которую

он видит в том, чтобы нести окружающим знания и воспитывать в них любовь к свободе и социальной справедливости, человек, ненавидящий карьеризм и авантюризм в науке и вместе с тем необычайно чуткий ко всякому искреннему стремлению к знаниям.

Воспоминания В. К. Пискорского являются интересным документом, в котором отразились некоторые стороны общественной жизни царской России кануна и первого года революции 1905—1907 гг. Этот документ с большой наглядностью рисует жизнь небольшого провинциального городка, преподавательскую и студенческую среду одного из высших гуманитарных учебных заведений страны, политическое брожение, вызванное событиями 9 января 1905 г. в столице, а также классовые столкновения в Нежине под влиянием революционных событий в стране.

* * *

Мы публикуем первые 40 листов рукописи, относящиеся преимущественно к институтской жизни, за которыми следуют, как отмечено выше, чистые листы (41—47). Возможно, В. К. Пискорский хотел поместить на них рассказ о своих переговорах с Казанским университетом о переезде в Казань, которые он вел весной 1904 г. Во всяком случае, он тщательно подобрал полученные им из Казани письма по этому поводу. Последние разделы рукописи о событиях в Нежине в октябре 1904 г. В. К. Пискорским не закончены и мы их не публикуем. Однако они должны заинтересовать историков первой русской революции.

¹ О нем и список печатных трудов его см.: История и историки: Историограф. ежегодник. 1976. М., 1979, с. 388—395.

² См.: Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.—1917 г.). М., 1974, с. 271 и сл. Остается пока вне внимания историков средневековья такой интересный и оригинальный медиевист, как И. М. Гревс (1860—1941).

³ Исключение составляют лишь две монографии Б. Г. Сафронова о М. М. Ковалевском и Р. Ю. Виппере. См.: Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960. *Он же*. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

⁴ Опубликована в газете «Наши дни» (1905. 19 янв.).

⁵ Мильская Л. Т., Пичугина И. С. Русский историк-испанец В. К. Пискорский (1867—1910 гг.).— В кн.: Проблемы испанской истории. М., 1975, с. 232, 236, 237, 239, 240. А. З. Ханина называет разбираемую рукопись мемуарами. См.: Ханина А. З. В. К. Пискорский: К столетию со дня рождения.— В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1968, вып. 3, с. 70.

⁶ РО ГБЛ, ф. 604. В моем распоряжении имеется копия рукописи, снятая невесткой ученого, Н. В. Пискорской (22 страницы машинописи).

⁷ В. К. Пискорский начал отсчет времени с окончания им Киевского университета в 1890 г. В Киеве он стал жить значительно раньше.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПРОФЕССОРСТВА В НЕЖИНЕ 1899—1905

В. К. Пискорский

1. Причины, почему я попал в Нежин

В конце 1897 г. я возвратился из заграничной командировки в Киев, а в феврале 1898 г. защитил магистерскую диссертацию¹. П. В. Лучицкий, желавший видеть меня преемником своим в Киевском университете², желал в то же время остаться в университете еще на пятилетие, а мне посоветовал пробиться на это время в Одесский университет, где кафедра всеобщей истории была свободна³. В октябре того же года я был назначен приват-доцентом в Одесский университет, чем был очень удивлен и огорчен, ибо приват-доцентом я мог оставаться и в Киеве⁴; обида была тем чувствительнее, что одновременно со мною профессором всеобщей истории в Одессу был назначен Щепкин, не имевший ученой степени⁵. Одесские профессора разделяли мое удивление и объясняли мне назначение Щепкина профессором, а меня приват-доцентом министерским произволом⁶. В Одессу я решил не ехать.

С назначением Щепкина в Одессу освободилась кафедра всеобщей истории в Нежинском институте, где раньше он был профессором (правда, всего несколько месяцев). И вот у меня явилась мысль: не выставить ли свою кандидатуру в Нежин? Нежин — своего рода пригород Киева, в институте — выборное начало профессорской коллегии, как магистр я мог сразу же сделаться экстраординарным профессором (Щепкин там был и. д. экстраординарного профессора), наконец, материальные условия, сильно теснявшие меня и мою семью по возвращении из-за границы, могли там измениться к лучшему, а вместе с тем я мог бы написать и докторскую диссертацию и разработать собранные мною за границей материалы для других работ. Мои киевские друзья, как Кивлицкий⁷ и Лучицкий, поддержали меня в этом решении, и я выставил свою кандидатуру. Меня избрали единогласно⁸, а конкурента моего Ардашева⁹ провалили. Так на свою беду я стал нежинским профессором. Попытки мои уйти оттуда оказались безуспешными, и мне казалось, что над воротами института, как над вратами Дантова ада, следовало бы написать: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»¹⁰.

2. Первые впечатления новой среды

Скоро мне пришлось сильно пожалеть о своем решении, но вполне сознал я свою ошибку лишь года через два-три после своего переезда в Нежин. Первое время я весь ушел в свою работу, а работы было страшно много: надо было читать общие курсы и по средней и новой истории, надо было вести практические занятия, а чтобы эти курсы не были элементарными, надо было много читать и изучать. К тому же я не хотел забрасывать своих специальных исследований по испанской истории, а потому работал как вол, даже по ночам. И даже впоследствии, когда в преподавании я приобрел известную опытность и выработал общие курсы, когда я напечатал и защитил докторскую диссертацию¹¹, я не переставал интенсивно работать. Каждый год объявлял новый специальный курс или новые практические занятия. Научная деятельность¹² была для меня единственным средством сде-

дать сколько-нибудь сносным существование в той тяжелой нравственной обстановке, в какой я очутился, сделавшись нежинским профессором. Но мои усилия приподнять научные интересы в институте часто парализовались недоброжелательностью профессорской коллегии и полным равнодушием к делу со стороны студентов.

На первых же порах я убедился, что с новыми коллегами у меня мало общего и что чиновничьи элементы и чиновничьи интересы среди них преобладают над научными. Первое, что бросилось в глаза, это то, что во главе учебного заведения стоял не профессор, а чиновник по министерскому назначению — Гельбеке¹³. Он оказался мягким, даже по-своему добрым и умным человеком, но эти симпатичные личные свойства характера парализовались чиновничьим складом всего мировоззрения его и отсутствием самостоятельности и слабоволием. Наиболее влиятельными членами коллегии оказались профессора Добиаш¹⁴ (он же инспектор) и Сперанский¹⁵. При весьма относительных научных заслугах их, каждый из них хотел играть на первой скрипке. Они ненавидели друг друга, между ними происходила борьба за власть. Добиаш явно стремился к директоруре, Гельбеке, чтобы удержать позицию, опирался на Сперанского. Впрочем, борьба эта не выражалась в резких формах и скорее представляла целую сеть интриг, в которые вовлекались и другие члены конференции — Брок¹⁶, Покровский¹⁷, Малеванский¹⁸, Турцевич¹⁹, Качановский²⁰.

Впрочем, в этих отношениях я разобрался не скоро, а пока конференция внушала мне к себе доверие, благодаря корректному ведению дел ее секретарем Броком и вдумчивому отношению к ним коллег. Из ближайших по специальности товарищей я почувствовал наибольшую симпатию к Бережкову²¹ благодаря его честности и бесконечной доброте. Воззрения его клерикально-абсолютистские не отталкивали меня от него, так как они были и остаются совершенно искренними убеждениями. М. Н. Бережков — славянофил в лучшем смысле этого слова и в житейских отношениях бескорыстнейший идеалист. Другой собрат по оружию — Покровский, человек умный, но бзвольный и с огромным самомнением, больше чиновник, чем ученый, с весьма неопределенными общественными воззрениями, так что не разберешь, кто он — либерал или консерватор; к этому присоединяется и известная примесь ханжества: как будто и *libre-penseur*²², а обидни не пропустит. Софист в житейских отношениях и разговорах, в научном отношении он — библиограф с философскими претензиями, неспособный к самостоятельной творческой работе. С внешней корректностью он соединяет фатовство и умеет импонировать на окружающих. Судя по экзаменам его, на которых мне постоянно приходилось быть ассистентом, студентам он мало приносил пользы как преподаватель: они молчали обыкновенно; за них отвечал сам профессор; из года в год он читал им одно и то же: римскую и греческую историю, в конспективном и очень неполном объеме; незнание студентами этого предмета он объяснял не недостатками преподавания, а недостатностью его для понимания малоподготовленных слушателей, и это объяснение некоторые из них склонны были принимать к выгоде профессора и собственной невыгоде.

Качановский и Малеванский представлялись мне просто «темными личностями». Первый из них скоро умер, а второй сделался инспектором на место Добиаша. Наконец, Турцевич — «человек в футляре», казавшийся мне «божьей коровкой», незлобивым и преданным науке человеком, оказался

бессердечным эгоистом, ретроградом с пезуитскими замашками, как Малеванский, и решительнейшим буквоедом. Приглядевшись к этой публике, я скоро почувствовал, что я им чужой, и только с Бережковым поддерживал дружеские отношения. Монотонная жизнь в уездном городе, отсутствие живых общественных интересов, внешняя непривлекательность улиц и домов грязного города, жалкая природа его окрестностей — все это вызывало тоску и уныние и заставляло меня, по природе человека живого и общительного, уединяться и замыкаться в себе и в своем милом тесном семейном кругу. Из городских жителей я поддерживал завязавшееся еще в Киеве знакомство с председателем окружного суда Шугуровым, лично мне бывшим очень симпатичным человеком. Кроме того, я поддерживал свои старые дружеские связи с Киевом: и сам туда ездил, и ко мне приезжали.

Студенты меня приняли в Нежине очень сердечно и приветливо. Многие из них обнаружили самый живой интерес к моему предмету. Первыми моими учениками сделались Солнцев и Бородулин, писавшие кандидатские сочинения под моим руководством. Солнцеву я дал тему о великом курфюрсте Фридрихе-Вильгельме и борьбе его с земскими чинами по акцизному вопросу. Сочинение его напечатано²³. Из следующего выпуска наиболее близки мне были Юферов, Красин и Кукарин, особенно первые два, люди способные и идейные, своей последующей деятельностью приобрели горячие симпатии учеников. Юферов написал мне отличную кандидатскую работу о земледельческих классах во Франции в эпоху Каролингов. Но большинство студентов относилось к работе казенным образом, заботясь о дипломах и местах; многие пьянствовали и дебоширили. Пользуясь даровым содержанием, книгами, заранее уверенные в получении места, они небрежно относились к лекциям и практическим занятиям. Последующие два выпуска были очень бледные. Были, правда, и там работающие люди... но малоспособные и мало-развитые.

3. Тяжелые годы моего пребывания в Нежине (1902—1903)

Через год с небольшим после моего переезда в Нежин я получил предложение занять кафедру всеобщей истории в Дерптском университете²⁴. К этому предложению я отнесся скептически, так как оно исходило от профессоров противоположного мне образа мыслей — Будиловича²⁵ и Ясинского²⁶. К тому же, общее направление деятельности профессорской коллегии этого университета, его враждебное отношение к интересам Остзейского края, боевое положение тамошней науки заставляли меня думать, что как ни скверно в Нежине, но все-таки лучше в нем, чем в Дерпте, и я туда не поехал. Потом об этом я жалел, так как и в Дерпте были люди симпатичных мне взглядов и во всяком случае там не был бы я в таком одиночестве, как в Нежине.

А в Нежине мне приходилось все больше замыкаться в себе. Единственными поводами общения с коллегами были заседания конференции историко-филологического общества и библиотечной комиссии. Общество историко-филологическое, в котором участвовали главным образом те же члены, что и в конференции, было малоллюдно и безжизненно: обмена мнений, сколько-нибудь оживленного, между членами общества, из коих каждый был представителем особой какой-нибудь специальности, быть не могло; три реферата, прочтенные мной в этом обществе («6 дурных обычаев в Каталонии», «Состязания поэтов в Каталонии», «Стебс и Бальгер») ²⁷ при очень немно-

людном собрании, ибо даже студенческие распорядители не всегда давали знать о дне и предмете заседания, меня не удовлетворили, и я отказался от чтения дальнейших рефератов в этом обществе.

С тем большим усердием я принялся за деятельность в Библиотечной комиссии. Книги, при отсутствии людей, неизбежно должны были сделаться моими первыми друзьями, не говоря уж о том, что самое преподавание и вся моя научная деятельность всецело были поставлены в зависимость от развития библиотечного дела по моей специальности. Я внимательно следил по всем получавшимся в институте заграничным и русским периодическим изданиям за всеми новинками по всеобщей истории и смежным с ней отраслям знания и выписывал их, нередко вступая в стычки с коллегами, старавшимися ограничить мне выписку книг. Дефектов в библиотеке было много, приходилось по мере возможности заполнять наиболее существенные пробелы выпиской таких изданий, как *Monumenta Germaniae historica*, *Recueil des histories des Gaules et de la France*, и т. д. И все же этого было далеко не достаточно, чтобы не обращаться для специальных работ своих и студентов за помощью к более богатой книгами Киевской университетской библиотеке. Неудовлетворительное состояние каталога институтской библиотеки побудило меня составить систематический каталог по своей специальности. Этот большой труд и был исполнен мной при помощи студентов. При составлении каталога приходилось переживать немало дряг и неприятностей, главным образом со стороны Сперанского, недоброжелательно относившегося к моей деятельности в библиотеке, желавшего, чтобы всякий почин шел с его стороны. Результаты моей работы не замедлили сказаться. Приведенные в известность сокровища библиотеки, долгое время представлявшие мертвый капитал, вошли в обращение студентов. Путем неустанной борьбы мне удалось далее добиться уничтожения различных ограничительных правил, стеснявших пользование студентами различными книгами, даже беллетристического содержания. По моему предложению был уничтожен *index librorum prohibitorum*²⁸, составленный еще до моего поступления в институт, выписаны были сочинения Н. К. Михайловского, Миртова²⁹ («Исторические письма») и др.

У меня была мысль сделать историко-филологическое общество центром изучения Черниговщины в историческом, экономическом и бытовом отношении. При обществе находился архив Греческого магистрата³⁰. От городской думы в конференцию было внесено предложение принять в институт на хранение бумаги городской думы до 1812 г. Оно не было принято сочувственно конференцией: находили, что в институте и без того тесно, а тут еще хлопоты с каким-то никому не интересным хламом. Я возражал против этого и доказывал, что бумаги эти, хотя бы то были конторские книги с цифрами, представляют интерес для местной истории, в частности для истории торговых сношений Нежина с другими городами России и Европы и для характеристики быта и нравов нежинского общества. Конференция согласилась со мной, и к архиву Греческого магистрата был присоединен и архив городской думы. Затем я предложил Бережкову вместе присоединиться за приведение в порядок этих двух архивов и составление описи. Работали мы около года, глотая пыль архивную, расположили материал в хронологическом порядке и рассортировали бумаги по отдельным, специально заказанным для этой цели папкам. Но описи составить не успели. Пришлось ограничиться старым ре-

естром дел. Я предполагал воспользоваться разобранными бумагами для составления на основании их статьи о нежинском обществе в эпоху Гоголя и поместить ее в «Киевской старине», но до сих пор не имел времени осуществить эту мысль. «Благими намерениями вымощено дно ада!».

Работа над докторской диссертацией поглотила меня всецело, и я оставил архивную работу в Нежине, отложив ее на неопределенное время. В ноябре 1902 г. я ее защитил. Лучицкий, мой главный оппонент, признал ее ценным вкладом в науку, напечатал потом в «Киевских университетских известиях»³¹ рецензию, которая меня не удовлетворила. Я не имел предшественников в своем исследовании «Крепостного права в Каталонии» по большей части затронутых там мною вопросов, которые приходилось ставить впервые и разрешать на основании неизданных материалов. И это обстоятельство он в оценке моего труда не отметил.

Сейчас же по окончании диссертации я принялся за другую большую работу — «История Испании и Португалии» для коллекции Брокгауза и Ефрона. В свет она вышла в сентябре 1902 г., а сдал я ее в печать в мае. Чувствуя себя крайне утомленным, я решил воспользоваться летними каникулами для заграничной поездки. Был в Вене, Венеции, Падуе, Люцерне, Мюнхене и Дрездене, осматривал музеи и библиотеки тех стран, где раньше не был, наслаждался природой и произведениями искусства их, но не отдохнул, а еще более утомился.

Настроение у меня было мрачное. Под влиянием тяжелой обстановки в институтской жизни, постоянных интриг со стороны некоторых коллег, намеренно портивших мои отношения к студентам и распускавших среди них самые нелепые обо мне слухи, приходилось постоянно быть настороже, как в лагере неприятеля, быть готовым ко всякого рода мерзостям. Эти условия жизни развивали во мне такие неприятные свойства характера, как излишнее недоверие к людям и подозрительность, заставлявшую обращать внимание на мелочи и преувеличивать их значение. Сознывая это, я хотел вырваться из Нежина как можно скорее. Вскоре после защиты мною докторской диссертации Фортинский³² заявил мне, что я могу получить кафедру всеобщей истории в Киеве, так как она вакантна, а Лучицкий не считается штатным профессором. Я отказался от этого предложения, которое еще раньше делал мне и Флоринский³³, ибо считал пекорректным занимать кафедру своего учителя, пока сам он от нее не отказался и не заявил о своем желании уступить мне свое место. Наконец, факультет вынудил Лучицкого признать кафедру вакантной и объявил 1 мая 1902 г. конкурс, срок которого истекал в августе. Через Кивлицкого Лучицкий мне настойчиво советовал принять участие в конкурсе. Я, несмотря на все желание быть профессором в Киеве, сильно колебался: принять ли мне участие в конкурсе? Дело в том, что по некоторым признакам я замечал, что отношения мои к киевскому факультету систематически портятся Сперанским, чуть ли не еженедельно ездившим в Киев к Флоринскому, где сплетничал ех амоге³⁴ о пежинских делах и обо мне в частности. То обстоятельство, что я не изменил своих дружеских отношений к Лучицкому, заклЯтому врагу факультета, и не согласился занять его «живое» место, также должно было мне повредить. Наконец, неудача в конкурсе для меня, ординарного профессора в Нежине, согласившегося на экстраординатуру в Киеве, должна была бы сделать мое пребывание в Нежине окончательно невыносимым. И вот поэтому-то я и не спешил с решением

вопроса об участии в конкурсе, а поехал за границу, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Фортинский одобрительно отнесся к проекту моего участия в конкурсе и сказал, что заявление об этом я могу сделать еще и в августе.

По возвращении из-за границы я отправился к Флоринскому с заявлением своей кандидатуры. Раньше чем его подать, я спросил его, можно ли быть уверенным в успехе ее? На это он ответил мне, что никакого сомнения быть не может; «Вас,— сказал он,— изберут единогласно». Тогда я подал ему прошение, вернулся домой и с понятным нетерпением стал ждать результата. Прошло несколько томительных месяцев ожидания. Кто-то из киевских сотрудников «Нового времени» опубликовал тот факт, что я подал заявление об участии в конкурсе; это стало известным всему городу Нежину и дало пищу для бесконечных толков и сплетен. Началась агитация выборная, в которой приняли участие и нежинцы, а особенно Сперанский. Потом мне говорили, что некоторые киевские профессора получали обо мне анонимные письма, что под сурдинкой говорилось, будто на мои лекции неохотно ходят студенты (это сообщил мне Бубнов)³⁵ и т. д. В результате оказалось, что меня забаллотировали, а избрали Ардашева, несмотря на то, что он магистр. Участие мою разделил и другой доктор — Иванов³⁶. За меня подливали голоса лишь Лучицкий, Иконников³⁷ и Бубнов. Иконников потом мне писал, что моя ученая репутация не была затронута с дурной стороны, а что мотивом предпочтения меня Ардашевым было то, что кафедра Лучицкого — новая история, что я специалист по средней истории, а Ардашев — по новой истории. Я же убежден, что действительным мотивом было опасение, что в моем лице факультет приобретет такого же независимого профессора, каким был Лучицкий.

Эта неудача глубоко потрясла меня. Но я не падал духом. Лето провел в Крыму и оправился. С удвоенной энергией принялся за лекции. Мой курс «История аграрных отношений в Европе» имел большой успех среди студентов. Основанный ими кружок самообразования возбудил в них большую любознательность, чего не замечалось раньше. Один из моих слушателей — Лещенко составил реферат «О современных рабочих синдикатах во Франции», который и был прочитан в заседании кружка и вызвал оживленный обмен мыслей между студентами и профессорами под моим председательством. К сожалению, кружок этот не обнаружил жизнеспособности: после двух заседаний он замер.

С конференцией скоро у меня начались нелады. После назначения Брока директором училища св. Анны в С.-Петербурге кафедра римской словесности стала вакантной. Директор, опираясь на поддержку Сперанского и Мандеса³⁸, хотел провести на нее Шнука³⁹, преподавателя древних языков в институте, не имевшего ни степени, ни печатных трудов. Я протестовал против этого, доказывая, что таким избранием создается в институте прецедент, допускающий к профессоруре лиц, не имеющих ученой степени и ученых трудов, чем понижится уровень профессорской коллегии. Но мой протест не имел последствий. Шнук был избран. Затем состоялись выборы на ординатуру, причем кандидатами директор, а за ним и вся конференция, за исключением меня, признали двух лиц: и. д. экстраординарного профессора, т. е. не имеющих степени. Было две ординатуры вакантных, и справедливость требовала, чтобы они достались двум профессорам с

ученой степенью — Мандесу — доктору и Бурзи⁴⁰ — магистру. Но выбран был вместо Бурзи, к сожалению, не имеющий степени Турцевич; хотя лично мне последний был приятней первого, я положил белый шар Бурзи, а черный Турцевичу. Мандесу, как доктору, я положил белый шар.

Затем мне представил студент Кибальчич кандидатское сочинение на тему, заданную мною, о представительных учреждениях в Германии в средние века. Работа оказалась совсем плохой: автор показал в ней не только полное невежество, но и возмутительную недобросовестность; как заметил я в своей рецензии, та часть работы, которая может быть признана более или менее самостоятельной, обнаруживает беспечность и совершенное непонимание самых элементарных фактов истории, а другая часть — плагиат. Я настаивал на признании этой работы неудовлетворительной и на оставлении автора на второй год на 4-м курсе. Однако устный мягкий отзыв Покровского об этой работе был принят конференцией в противовес моему, и Кибальчич выпущен был из института кандидатом с признанием его кандидатского сочинения удовлетворительным. Под этим протоколом конференции я решительно отказался дать свою подпись. Отсюда — нелады.

4. Бурный период институтской жизни 1904—1905

Вскоре нежинское болото всколыхнулось, подняв страшное зловошние.

Институт до недавнего времени жил совершенно обособленной от города жизнью. Высшее учебное заведение ничего не давало местному населению, не возбуждало в нем интерес к высшим умственным и нравственным вопросам благодаря своей замкнутости и отчужденности от всего живого⁴¹. Все, что делалось в институте, облекалось таинственностью и давало пищу для всевозможных сплетен. Протоколы конференций не печатались, публичный годичный акт, благодаря своему чересчур официальному и сухому характеру*, привлекал мало народа и давал слабое и очень неполное представление о внутренней жизни и деятельности институтской коллегии. Даже заседания историко-филологического общества были закрыты для городской публики, так как о них ничто не знал вследствие отсутствия объявлений и гласности в Нежине. Неудивительно после этого, что наше учреждение пользуется крайней непопулярностью в городе. Профессоров и студентов прозвали в городе «олимпийцами». Земство черниговское поделом хлопочет о преобразовании института в сельскохозяйственное высшее учебное заведение⁴². Связи института и горожан чисто случайные. Мне, например, пришлось войти в более тесное соприкосновение с горожанами лишь в то время, когда я был присяжным заседателем (дважды), причем меня каждый почти раз избирали старшиной.

Стена, отделявшая институт от города, стала рушиться с того момента, когда праздновался 50-летний юбилей со дня смерти Гоголя⁴³. Юбилей, ознаменованный в институте устройством гоголевской выставки и спектакля (поставлены были «Ревизор» и «Записки сумасшедшего»), впервые привлек в стены института большую публику. В устройстве гоголевских

* В первые годы моего пребывания в институте мне поручено было прочитать актовую речь. Я читал «О начале академической свободы в Западной Европе»⁴² и мне пришлось убедиться в том, как мало интереса в обществе Нежина к институту.

торжеств в институте Сперанскому принадлежит немало заслуг. Затем сближению с городом содействовал Мандес, прочитавший публичную лекцию о Гейне и много читавший лекций в «Народном доме». Привлекли и меня к участию в чтении в «Народном доме». Там я рассказывал о том, как изобретено было книгопечатание и какое значение имело оно для народа. Наконец, весной 1904 г. историко-филологическое общество проявило большую жизненность, чем когда-либо, решив организовать целую серию публичных лекций. Решили с осени принять участие в чтениях 5 человек: Резанов⁴⁵, Сперанский, Мандес, Кашпровский⁴⁶ и я; первые три — по литературе, а последние два — по истории, по 4—5 двухчасовых лекций каждый. Распорядительную часть взяли на себя Сперанский и Резанов, позаботившиеся о напечатании программ и билетов. К сожалению, они — не знаю, чем руководствуясь, — решили обусловить продажу билетов не по отдельным курсам или лекциям, а на весь цикл курсов, причем подписка должна быть именная. Это было мне крайне неприятно: как будто устанавливался контроль над посетителями лекций и обязывали всех слушать то, что интересно и что неинтересно, лишая в то же время возможности интересующихся данной лекцией заполнять места отсутствующих. Но дело было сделано без меня и переделать уже нельзя было. Пришлось взяться за работу, совершенно новую и для института и для всего Нежина — за публичные лекции в здании института. Я не знал состава своей многочисленной аудитории, мне этого и не нужно было знать; все они интересовались моими лекциями, и этого было достаточно, чтобы я вложил в них всю душу. Впервые я почувствовал всю разницу так называемых казенных лекций, читаемых для обязательных слушателей — студентов, и публичных, на которые с боя берутся билеты и где хотя бы действительно полностью взять от лекции возможно больше. Настроение мое, как лектора, благодаря такому интересу слушателей все время было приподнятым. Читал я с жаром, без всяких тетрадей и конспектов и замечал, что моя свободная речь увлекает слушателей. Это было самое счастливое время моего пребывания в Нежине. Прочитал я 4 лекции: о Меттернихе, Гарибальди, Бисмарке и Гамбетте, и те шумные овации, которые мне в заключение устроила публика, были ее выражением благодарности мне⁴⁷.

Но увы! Этот опыт публичных лекций в Нежине не увенчался успехом. Я читал лекции в 1-м полугодии 1904 г., а во 2-м полугодии (зимой 1905 г.) должны были читать лекции Мандес и Сперанский. Они прочли только по одной лекции, на 2-й лекции Мандеса публика устроила ему скандал, произведши химическую обструкцию. Так и прервались публичные лекции в Нежине и больше не возобновлялись.

Но еще до этого были прерваны лекции в институте благодаря начавшейся всеобщей академической забастовке под влиянием событий 9 января в Петербурге. 23 января у меня было 2 часа подряд лекций по новой истории. Первая лекция была прочитана при обычном составе слушателей. Когда я пришел на 2-ю лекцию, я не нашел в аудитории ни одного слушателя. Это как громом поразило меня. Я отправился домой. Проходя через сборную студенческую залу, я увидел там массу студентов, чем-то возбужденных. Не отдавая себе отчета в том, что происходит, я пришел домой и рассказал о происшедшем инциденте жене. Через час я отправился снова в институт, в библиотеку. Ко мне подошел один студент — Ко-

рачковский, мой слушатель, и заявил, что что я не должен принимать как личную обиду отсутствие студентов на 2-й лекции, что все студенты страшно возбуждены только что полученным известием об ужасах, происходивших в С.-Петербурге 9 января, и решили прекратить слушание лекций, так как не в состоянии спокойно заниматься делом. «А, ну, теперь я понимаю,— сказал я,— почему у меня на 2-й лекции не было слушателей; меня отсутствие их сильно озадачило; жаль только, что вы меня не предупредили об этом». — «Мы тоже,— сказал он, жалею об этом и извиняюсь, но все были так возбуждены, что не пришли никому в голову предупредить вас об этом». На этом мы и расстались.

Через несколько минут в библиотеку пришли директор, Мандес и др. Оказалось, что и у других профессоров не состоялись лекции, и директор собрал всех на экстренное совещание и прочитал заявление одного студента первого курса, который просил уволить его из состава студентов, ибо он не желает участвовать в забастовке и намерен поступить вольноопределяющимся в ряды действующей армии. Затем предложен был вопрос, как быть дальше. Выяснилось, что всеобщая академическая забастовка захватила и Петербург, и Нежинский институт. Я предложил ввиду этого закрыть институт впредь до восстановления нормальной академической жизни в России. Малеванский и др., наоборот, предложили директору немедленно переговорить со студентами и убедить их приступить к занятиям. Вечером решено было собраться на заседание конференции, на которой директор обещал сообщить результаты своих переговоров со студентами.

На конференции мы узнали, что переговоры со студентами ни к чему не привели, что его даже не хотели слушать, а предложили ему петиции для представления конференции, от чего он отказался.

Коллегия находилась в затруднении, что предпринять. Я повторил свое первое предложение, но со мной не согласились и решили: во избежание осложнений временно приостановить занятия. Срок не был установлен для начала занятий, думали, что забастовка продолжится всего несколько дней, не больше недели.

На другой день я пришел в библиотеку. Там я встретил кое-кого из коллег, Бурзи и др. Через несколько времени ко мне подошли 3 студента-историка 4-го курса: Плышевский, Пожарский и Тароветов. Они начали с того, что извинились передо мной от лица товарищей за то, что не предупредили меня о начавшейся с моей 2-й лекции забастовке, заявив, что заходили ко мне на квартиру, но что там им сказали о моем нахождении в библиотеке. Затем спросили, как конференция отнеслась к их петициям и забастовке. Я ответил, что петиции их неизвестны конференции, а что касается забастовки, то раз студенты бастуют, то профессорам некому тогда и лекции читать, они поневоле бастуют. — «Но как вы к этому относитесь?» — спросили меня. — «Вы мне говорили,— ответил я,— что события 9 января в С.-Петербурге до того всех потрясли, что вы ничем не можете заняться, потому и бастуете. Будь я студент, я так же поступил бы». Студенты остались очень довольны моим ответом. «Спасибо вам и за это», — сказали они, и мы расстались.

Слух о забастовке в институте и других учебных заведениях Нежина достиг Киева. Помощник попечителя Адрианов⁴⁸, заступивший место попечителя, счел своим долгом приехать в Нежин водворять порядок. На

другой день я получил от секретаря Бурзи повестку, в которой члены конференции, по предложению директора, приглашаются для совещания с помощником попечителя. Прочитав эту повестку, я возмутился и быстро отправился в библиотеку, этот наш профессорский клуб. Там я застал Сперанского, Мандеса, Бурзи и стал им доказывать, что повестка эта не имеет силы и заседание конференции не может происходить в присутствии постороннего лица, каковым в данном случае является Адрианов. Мандес не соглашался со мною, говоря, что «присутствие помощника попечителя в конференции расширяет права ее». — «Не расширяет», — ответил я, — а унижает». Сперанский ссылался на университетскую практику, где заседания совета могли происходить под председательством попечителя. На это я возразил, что университетский устав 1884 г. и институтский устав — сколок университетского устава 1863 г., сильно различаются между собой. Бурзи по обыкновению безмолвствовал. Я настаивал на том, чтобы предварительно хотя бы сговориться с коллегами о том, считать ли предстоящее собрание конференцией или нет. В 12 ч. дня все должны были собраться в помещении канцелярии. Туда явился директор с Адриановым.

Я со Сперанским и Бурзи вызвали директора в соседнюю комнату и попросили его порвать повестку, как доказательство того, что предстоящее собрание не может быть признано заседанием конференции. Он охотно исполнил наше желание. Затем, когда все расселись по местам, Адрианов занял председательское место и произнес речь, в которой выражал свое сожаление по поводу забастовки в институте и предлагал членам конференции высказаться относительно тех мер, которые могут положить ей предел. Тогда директор заявил ему, что профессора не могут признать сегодняшнее собрание заседанием конференции и отказываются от обсуждения этого вопроса. Адрианов вскипел: «Так зачем я тогда сюда приходил? Отчего вы раньше меня об этом не предупредили? Господа, — сказал он, обращаясь к нам, — вы действительно отказываетесь от совещания со мной? Здесь все собрались или кого-нибудь нет из профессоров?» — «Отсутствует», — сказал директор, — только профессор Покровский, по болезни». — «Так нельзя ли узнать, кто признает и кто не признает сегодняшнее собрание заседанием конференции?» — продолжал Адрианов. Произошла открытая баллотировка, и оказалось, что только Малеванский и Турцевич признали собрание конференцией. Но такой результат баллотировки не обескуражил Адрианова, продолжавшего кипятиться, но не оставившего место заседания. «Господа, но я обязан узнать, что вы намерены предпринять для возобновления занятий, нельзя же сидеть сложа руки!» Тогда Сперанский произнес энергическую речь, в которой доказал всю бестактность господина помощника попечителя, вмешивающегося в дела института, ему чуждые. «Торопиться, — говорил он, — с принятием мер нечего, иначе можно все испортить».

Затем Адрианов по очереди спрашивал членов конференции, как думают они относительно времени возможного возобновления занятий. Я ответил, что вполне примыкаю к мнению Сперанского и что не располагаю никакими данными, чтобы судить о возможном сроке возобновления занятий. На предложенный Адриановым вопрос Мандес заявил: «К прискорбию, печальное событие, каким является забастовка, коснулось и нас». Относительно же времени возобновления занятий не дал прямого ответа.

Турцевич рекомендовал домашним образом заниматься со студентами, не сочувствующими забастовке. Заявленный прочих моих коллег не помню.

Все это заседание продолжалось около получаса и было безрезультатно.

Вскоре после этого зашел ко мне студент Прялухин, который год тому назад сделал мне визит, очень продолжительный, причем беседа касалась общих вопросов науки и литературы. Теперь он завел речь на злобу дня, заявив, что мое отношение терпимое к забастовке вызвало радость в студентах. Я заявил ему, что я понимаю забастовку как известный протест против событий 9 января, но что такая забастовка не может быть продолжительной. Он сказал мне, что студенты решили забастовать до 1 марта. Я спросил его, что значит такая дата. Он заявил, что скоро масленица и до начала поста (1 марта) нет смысла начинать занятия. Впрочем, сказал он, срок этот — компромисс между студентами: одни желали бы немедленно начать занятия, другие желали бы прекратить их до 1 сентября. На мое изумление по поводу такого продолжительного срока забастовки он не дал удовлетворительного объяснения. Я заметил тогда, что забастовка наших студентов, очевидно, подражание университетским, которые, по-видимому, желают перемены устава, наш же устав сравнительно с университетским достаточно либерален, допуская избирательное начало профессоров и известную автономию; далее указал я и на различие в положении университетских и институтских студентов. Первые, живя на своих квартирах, не так связаны с университетом, как вторые, пользующиеся интернатами. «И я не понимаю, — сказал я, — как можно бастовать и жить в то же время в институте». Он сказал мне, что все студенты разъедутся по домам, и продолжал развивать свои мысли относительно современного политического положения России. Но было уже поздно, пора было обедать, и я, ссылаясь на усталость, прервал беседу.

Одновременно с описываемыми событиями у меня с коллегами завязалось дело о присоединении к подписи к записке 342 ученых. Еще в начале января я завел речь с коллегами о посылке приветственной телеграммы Московскому университету в Татьянин день⁴⁹. Сперанский был в Москве, а из оставшихся в Нежине изъявил на это согласие Мандес. Он зашел ко мне с собственной редакцией телеграммы, которая мне и жене моей, присутствовавшей при нашем совещании, не понравилась. Я предложил свою редакцию, но он нашел ее чересчур академической. Тогда сообща составили новый текст, с удержанием отдельных выражений мандесовской телеграммы, на чем он особенно настаивал. Приблизительно телеграмма была составлена в таких выражениях: «Шлем древнейшему и славнейшему из русских университетов привет в 150-летнюю годовщину его. Да светит он во свете вовеки. Профессора Пискорский, Мандес». Последняя фраза принадлежала Мандесу. Телеграмму отправил Мандес на имя своего знакомого приват-доцента Московского университета, получив от меня причитающуюся на мою долю сумму.

Вскоре после этого я познакомился с запиской 342. Либеральное движение, охватившее лучшую часть русских профессоров и ученых, было мне симпатично и соответствовало моим убеждениям. Я предложил в конце концов моим коллегам подписаться под этой запиской и стал собирать подписи. 8 человек моих товарищей, хотя и с рядом оговорок, подписалось⁵⁰.

Но давшие подписи ставили условие, чтобы предложено было подписаться всем преподавателям института, даже таким заведомо консервативным, как Лилеев⁵¹. Сбор подписей затягивался, время шло, я торопил Сперанского и Мандеса, взявших на себя в силу разделения труда собрание подписей от лиц, с коими они стояли в более близких отношениях (Лилеев, Малеванский, Турцевич, Резанов). Между тем получено было известие об убийстве в Москве великого князя Сергея Михайловича, а потом министерский циркуляр в институте, запрещающий профессорам составлять коллективные записки и обсуждать политические вопросы. Результатами этого было то, что все подписавшиеся под запиской, хранившейся у меня, поспешили взять обратно свои подписи⁵². Послал свое заявление о присоединении к записке 342-х в редакции «Русских ведомостей» и «Киевских откликов» только я один⁵³. Это было началом раскола между мной и коллегами, но об этом поступке коллег я никому не сообщал. Несмотря на неоднократные вопросы студентов, почему только один я подписался под этой запиской, я не давал им ответа.

После этого наступило затишье. Лекций не читалось. Студенты продолжали жить в институте. Так прошла большая часть февраля. Появился Манифест 18 февраля⁵⁴. Во мне он возбудил надежды, что мы скоро получим конституцию и что мир скоро будет заключен. Это — два моих наибольших тогда желанья, которым, однако, не суждено было скоро сбыться. Я с напряжением следил за ходом военных событий. Мой брат был на войне. Подготавлилась ужасная мукденская драма, мой брат был как раз тогда в Мукдене, и это меня страшно беспокоило. Несмотря на мрачное настроение, я продолжал ходить в библиотеку и заниматься, насколько это было возможно. Однажды перед полуднем 22 февраля я зашел в библиотеку, и там меня встретили директор и секретарь с извещением, что в 12 ч. дня состоится экстренное заседание конференции. Кроме профессоров, были приглашены и несколько студентов — Кошаров, Резонов и Мартынов. Заседание открылось чтением циркуляра: Высочайше утверждена междуведомственная комиссия министров с предписанием немедленно принять самые энергичные меры для возобновления занятий.

Затем директор высказал мнение, что так как среди студентов большинство, как ему известно, стоит за начало занятий и только небольшая группа забастовщиков человек в 8 приняла диктаторскую власть над остальными, то надо их немедленно исключить. Началось голосование. С директором согласилась вся конференция, кроме меня. Я заявил, что так как студенческая забастовка вызвана общими условиями современной русской действительности, то восстановить нормальный ход занятий никакими репрессивными мерами нельзя и конференция не должна их принимать. Затем, не желая создавать среди студентов раскол, я предложил отложить начало занятий до 1 сентября с оставлением студентов на тех же курсах. Мое мнение вызвало сильное недовольство в коллегии. Директор сказал мне: «Владимир Константинович, вы большой идеалист, наш студент не заслуживает по своим нравственным качествам такого отношения к себе». Я продолжал настаивать на своем и потребовал занесения в протокол своего особого мнения. Несмотря на это, конференция издала постановление, которое немедленно было опубликовано студентам, приблизительно такого содержания: занятия в институте возобновляются

1 марта, студенты, не приступившие к занятиям, считаются уволенными, но с правом вновь поступить в другие учебные заведения и даже в институт. При этом не упоминалось, что решение конференции принято не единогласно, а большинством голосов против одного. Об этом, впрочем, я узнал позже.

Вскоре после этого ко мне пришел студент Пожарский и стал жаловаться на крайне бессердечное отношение к ним конференции. «Многим из нас,— сказал он,— с увольнением грозит военная служба и отправление на Дальний Восток». Я сказал: «Что же делать, во избежание этого ничего больше не остается вам, как покориться и приступить к занятиям».— «Это невозможно,— ответил он, пожалуйста, отстаивайте нас». «Я делал все, что в моих силах»,— сказал я на прощание, но ни слова ни ему, ни кому другому не говорил о бурном заседании конференции 22 февраля и моем особом мнении в тайной надежде, что конференция не решится на исполнение этого постановления, публично же протестовать против умолчания в обнаруженном постановлении конференции о моем особом мнении пока я не счел своевременным из нежелания возбуждать студентов против коллег.

Моя надежда сбылась: 2 марта состоялось новое заседание конференции. Сперанский и Покровский заявили, что они поступили опрометчиво, не согласившись со мной относительно бесполезности и даже вреда репрессий. Остальные члены конференции также решили не препятствовать студентам оставаться в институте, но все, вопреки мне, настаивали на необходимости начать занятия 1 марта, а не в сентябре, на чем настаивал я. Постановление 2 марта обрадовало студентов, и на другой же день ко мне явились с благодарностью студенты Пожарский и Компанец. Хотя в действительности я был виновником такой перемены постановления конференции, но товарищеское чувство заставило меня сказать студентам, что тут они должны благодарить не только меня, а всю конференцию, ибо она издает постановления. Когда речь зашла о начале занятий, то оказалось, что большинство (какое — не было сказано) студентов настаивает на отсрочке занятий до 1 сентября. «Но ведь вы согласились начать занятия с первых чисел марта? Почему же такая перемена?» — «Солидарность с университетскими студентами,— ответил мне Пожарский,— которые еще не приступили к занятиям». — «Но ведь вы будущие педагоги, для вас особые условия и ведь женские педагогические курсы в С.-Петербурге приступили к работе?» — Пожарский не дал мне определенного ответа, а Компанец, видимо, стоял к моей точке зрения. Побеседовав еще о манифесте 18 февраля, к которому обнаружилось скептическое отношение студентов, мы расстались. При прощании Пожарский громко сказал мне: «Так, значит, в понедельник увидимся на Вашей лекции». Я из этого заключил, что студенты склонны возобновить занятия. Но на другой день получил по почте резолюцию, которая мне показалась очень странной и неожиданной в свете последней беседы с Пожарским.

Резолюция ⁵⁵,

Выработанная студентами Нежинского историко-филологического института на сходке 4-го марта 1905 года.

Мы, студенты Нежинского историко-филологического института, на сходке 4-го марта, обсудив предложение конференции от 22-го февраля с поправкой к нему от 2-го марта, постановили:

1) имея в виду, что условия современной русской жизни, вызвавшие общестуденческое движение, не изменились, — продолжить забастовку по 1-е сентября с. г.;

2) незначительному меньшинству, желающему продолжать академическую работу, предоставить полную свободу действий;

3) предложить гг. профессорам и преподавателям института не читать этому меньшинству лекций в текущем академическом году;

4) решение это и положение дел в институте — огласить.

Несмотря на эту резолюцию, я пошел на лекцию, но, к удивлению своему, увидел в аудитории только 4 человека, искреннее мне симпатичных студентов. Вопреки обещанию, Пожарский не был. Студенты мои были в крайне нервном настроении. Мысли их, очевидно, были далеки от того, что им читается. Это нервное настроение сообщалось мне, и я убедился, что при таких условиях чтение лекций бесполезно, обращаясь в какую-то недостойную комедию. Оказалось, что только 16 из 100 студентов изъявили согласие слушать лекции и за это подверглись бойкоту со стороны прочих. Даже более того — бойкотировали и профессоров, читавших им лекции, устраивая in corpore⁵⁶ им при проходе на коридор что-то вроде кошачьего концерта, после 12 часов дня. Так как мои лекции проводились до 12 часов дня, то бойкоту я не подвергался. После первой же лекции в библиотеке я обратился к директору и коллегам с предложением отказаться от чтения лекций, ибо они только усиливают раскол. Сперанский возражал мне и предложил, чтобы тот, кто хочет, пусть читает, кто не хочет, пусть не читает. С этим согласились и остальные. Лекций больше я не читал, но, бывая в библиотеке, давал желавшим студентам указания относительно своих курсов применительно к своим экзаменационным требованиям.

Водворилась нездоровая какая-то атмосфера в институте. В начале мая я пропел экзамены своим слушателям 4-го курса. Они много готовились, письменную работу исполнили неважно, но отвечали достаточно удовлетворительно, я хотел им поставить по тройке, но комиссия, состоявшая из директора и Покровского, настояла на четверке. Из других событий весеннего семестра наиболее важным являются выборы профессора русской истории и римской словесности — по римской словесности было 2 кандидата — Рождественский и Семенов⁵⁷, оба мне не известные, отзывы специалистов об их работе дали мне основание положить обоим белые шары. Зато относительно кандидатов на кафедру русской истории — Саввы⁵⁸ и Писаревского⁵⁹ мне пришлось предпринять целую кампанию. Отзыв проф. М. Н. Бережкова был достаточно благоприятным для Писаревского. Его поддерживали очень энергично Сперанский и др. Савву, видимо, не хотели. Варшавский проф. Цветаев⁶⁰ и его брат из Москвы⁶¹ прислали директору хвалебные отзывы о Писаревском, с которыми он нас познакомил. Но отзывы эти, где Писаревский рекомендуется как «полезный работник и в центре и на окраине», показали мне сомнительными, и я списался с Петрушевским⁶², который сообщил мне, что Варшавский историко-филологический факультет отказался удовлетворить просьбу директора и Цветаева рекомендовать его в Нежин. Этот факт, в связи с неблагоприятным впечатлением, полученным мной от его работ, заставил меня с энергией взяться за это дело. Конференция поручила мне составить свой отзыв о работах Писаревского. Этот отзыв я прочитал конференции и сообщил

ей, с разрешения Петрушевского, отношение к Писаревскому Варшавского историко-филологического факультета. В результате Писаревский был забаллотирован, а избран Савва. Вскоре Петрушевский предложил мне вступить в состав членов Академического союза, на что я охотно согласился. С июня я уже был членом союза, и если я раньше действовал в духе его, не будучи знаком с его организацией и задачами, то теперь деятельность моя в институте стала в тесную зависимость от резолюции Академического союза.

По еще до вступления в состав Союза я уехал из Нежина в деревню, в середине мая, будучи крайне утомлен всеми предшествующими событиями институтской жизни.

- 1 Здесь В. К. Пискорский поставил 1-ю сноску. Магистерскую диссертацию он защитил в Киевском университете 8(20) февраля 1898 г. (*Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188—1520)*. Киев, 1897).
- 2 2-ю, 3-ю и 4-ю сноски обозначил В. К. Пискорский.
- 3 Щепкин Евгений Николаевич (1860—1920) — историк, специалист по средней и новой истории. Внук актера М. С. Щепкина. Воспитанник Московского университета. Магистерскую диссертацию защитил в 1902 г. (*Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны (1740—1758)*. СПб., 1902). С 1919 г. Щепкин член РКП(б). Его научное наследие не изучено.
- 4 Здесь В. К. Пискорский обозначил 5-ю сноску.
- 5 Кивлицкий Евгений Александрович (1861—1921) — литератор и общественный деятель. Воспитанник Киевского университета, работал в его библиотеке. Секретарь, а в 1890—1892 гг. редактор журнала «Киевская старина». Ближайший друг В. К. Пискорского. В архиве последнего сохранились его письма к Е. А. Кивлицкому, представляющие большой интерес. По расказу Н. В. Пискорской, одинокий и больной Е. А. Кивлицкий пришел на квартиру Пискорских, как он сам сказал, «умирать» и действительно вскоре умер, оставив вдове Пискорского письма своего друга — это было единственное, что он с собой принес.
- 6 Здесь В. К. Пискорский обозначил 6-ю сноску.
- 7 Ардашев Павел Николаевич (1865—1920-е) — историк, специалист по новой истории Франции, воспитанник Московского университета. Его творчество изучено мало.
- 8 Входящие, оставьте упования. Данте. Ад, III, 9. Пер. М. Лозинского.
- 9 Здесь В. К. Пискорский обозначил 7-ю сноску. Докторскую диссертацию он защитил 22 октября (5 ноября) 1901 г. См.: *Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века*. Киев, 1901.
- 10 Далее зачеркнуто: «мое призвание, но если бы даже это было не так, такого рода деятельность» и т. д.
- 11 Гельбке Фридрих Фердинандович (1842 — ?) — филолог-классик. Род. в С.-Петербурге, учился за границей. Доктор философии Берлинского университета. Преподавал древние языки в средних учебных заведениях Швейцарии и России. Директор Нежинского института с 1893 по 1907 г.
- 12 Добиаш Антон Васильевич (1847—1911) — филолог-классик. По национальности чех, воспитанник Пражского университета. В 1870—1871 — славянский стипендиат в С.-Петербургском университете. В Нежинском институте с 1875 г., в 1882—1899 гг. — его инспектор. С 1883 г. — магистр, с 1898 г. — доктор. Отец члена-корреспондента АН СССР О. А. Добиаш-Рожественской, историка-медievalиста.

- ¹⁵ Сперанский Михаил Нестерович (1863—1938) — историк литературы, славист-филолог, академик.
- ¹⁶ Брок Артур Александрович (1867 — ?) — филолог-классик. Воспитанник Юрьевского (Тартуского) университета. С 1897 г.— магистр, с 1898 г.— профессор в Нежине.
- ¹⁷ Покровский Алексей Иванович (1868—1926) — историк-античник. Воспитанник С.-Петербургского университета. С 1894 г.— профессор в Нежине, в 1915 г.— доктор.
- ¹⁸ Малеванский Григорий Васильевич (1840 — ?) — священник, магистр богословия. В 1878 г. сложил священническое звание и выдержал в Киевском университете испытание на звание учителя греческого языка. С 1883 г.— профессор кафедры филологии в Нежинском институте, с 1899 г.— его инспектор.
- ¹⁹ Турцевич Иван Григорьевич (1856—?) — филолог-классик. Учился в С.-Петербургском университете, закончил Нежинский институт. С 1892 г.— профессор в Нежине.
- ²⁰ Качановский Владимир Васильевич (1853—1901) — славист, филолог и историк, воспитанник Варшавского университета. С 1888 г.— профессор в Нежине.
- ²¹ Березков Михаил Николаевич (1850 — после 1923) — историк, специалист по русской истории феодального периода. Воспитанник С.-Петербургского университета, с 1882 г.— профессор в Нежине.
- ²² Свободомыслящий человек, вольнодумец (фр.).
- ²³ Солнцева А. Отношение великого курфюрста Фридриха-Вильгельма к земским чинам по вопросу об акцизном налоге.— В кн.: Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. 1902, т. 20, с. 1—80.
- ²⁴ Здесь В. К. Пискорский обозначил сноску 1-ю.
- ²⁵ Будлович Антон Семенович (1846—1908) — славист, филолог и историк, публицист охранительного направления.
- ²⁶ Ясинский Антон Никитич (1864—1931) — историк-медиевист, специалист по истории Чехии, педагог. Кузен жены В. К. Пискорского, Зинаиды Захарьевны, в девичестве Андриенко. В. К. Пискорский и А. Н. Ясинский были людьми различных политических взглядов, разного уровня культуры, да и разных характеров.
- ²⁷ См.: Список печатных трудов В. К. Пискорского, с. 390—391.
- ²⁸ Список запрещенных книг (лат.).
- ²⁹ Миртов — псевдоним П. Л. Лаврова.
- ³⁰ В XVII—XIX вв. в Нежине существовала греческая колония, которая в 1785—1872 гг. управлялась своим, греческим магистратом.
- ³¹ 1901, № 12, ч. 1, с. 12—16.
- ³² Фортинский Федор Яковлевич (1846—1902) — историк-медиевист. В 1890—1902 гг. был ректором Киевского университета.
- ³³ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854—1919) — славист, историк и филолог. В то время декан историко-филологического факультета Киевского университета.
- ³⁴ Из любви к искусству.
- ³⁵ Бубнов Николай Михайлович (1852—1943) — историк-медиевист. Воспитанник С.-Петербургского университета, доктор, после революции — профессор в Люблине.
- ³⁶ Иванов Иван Иванович (1862—?) — историк французского театра в XVIII в., автор книги о Сен-Симоне и сен-симонизме и историко-литературных работ. Воспитанник Московского университета.
- ³⁷ Иконников Владимир Степанович (1844—1923) — историк, специалист в области истории русской исторической науки.
- ³⁸ Мандес Михаил Ильич (1866—?) — филолог, историк литературы. Воспитанник Новороссийского (Одесского) университета. С 1901 по 1906 — профессор Нежинского института.
- ³⁹ Шнук Андрей Игнатьевич (1867—?) — филолог-классик. Воспитанник С.-Петербургского университета. В Нежине с 1895.
- ⁴⁰ Бурзи Бернард Фридрихович (1863—1912) — филолог-классик. Воспитанник Юрьевского (Тартуского) университета.
- ⁴¹ «Живого» поставлено вместо зачеркнутого «нового».
- ⁴² Опубликовано в книге «Изве-

стия историко-филологического общества при Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине» (1900, т. 3, отд. 3, с. 48—57) и отдельной брошюрой (Нежин, 1900, 14 с.). Относительно этой публикации В. К. Пискорский писал Е. А. Кивлицкому в Киев 26 февраля 1900 г.: «Я хандрю и эта хандра в значительной степени обуславливается моими сомнениями относительно годности речи, что я напечатал для наших известных и отдельный оттиск которой я послал тебе. Я бы был очень благодарен, если бы ты дал мне свое мнение о ней. Если она по твоему никуда не годится, то я извлеку ее из типографии и заменю чем-нибудь другим». (Письмо скопировано составителем примечаний, когда архив В. К. Пискорского находился еще в Киеве, у Н. В. Пискорской).

⁴³ 3 сентября 1904 г. В. К. Пискорский писал Е. А. Кивлицкому: «Но вот вопрос, не преобразуется ли в самом деле наш институт в агрономический, о чем в газетах так категорически говорят? Не знаю, как другие, а я, в сущности, был бы рад такой перемене. Этим бы способом только я нашел возможность покинуть эту яму, куда забросила меня судьба» (там же).

⁴⁴ 1902 г.

⁴⁵ Резанов Владимир Иванович (1857—?) — воспитанник Нежинского института. С 1899 г. преподавал в нем теорию словесности и был наставником студентов.

⁴⁶ Кашпровский Евгений Иванович (1864—?) — воспитанник Нежинского историко-филологического института. Наставник студентов и преподаватель истории.

⁴⁷ Здесь В. К. Пискорский поставил крестик, а на обороте л. 19 приклеил вырезку из газеты «Киевские отклики» с заметкой «Из Нежина», которую написал явно сам. Здесь названы подробно темы лекций: «Меттерних и его время», «Гарибальди и объединение Италии», «Бисмарк и объединение Германии», «Гамбетта и его общественная и политическая деятельность» (этот цикл носил

общее название «Очерки по истории XIX в.». См. указанное выше письмо Е. А. Кивлицкому от 3 сентября 1904 г.). Кашпровский читал «Крепостное право и русская поземельная политика XVIII в.», Мандес — «Период «штурм унд дранг» (Гете и Шиллер)»; Сперанский — «Главные направления в новой русской словесности».

⁴⁸ Адрианов Павел Александрович (1855—?) — филолог-классик. Воспитанник С.-Петербургского университета. С 1896 г. — помощник попечителя Киевского учебного округа.

⁴⁹ 12 января старого стиля — день основания Московского университета.

⁵⁰ Заявление о присоединении к записке «Нужды просвещения», подписанное Пискорским, Сперанским, Кашпровским, Мандесом, Покровским, Буризи, Радченко, вклеено на об. л. 29. Позже на нем все фамилии, кроме Пискорского, вычеркнуты. Радченко Константин Федорович (1872—1908) — славист, филолог и историк. Воспитанник Киевского университета. С 1901 г. — профессор в Нежинском институте.

⁵¹ Лилеев Михаил Иванович (1849—1911) — историк, воспитанник Киевской духовной академии. С 1878 г. преподаватель педагогики и русской истории в Нежине. В 1895 г. защитил в Киевском университете магистерскую диссертацию о расколе.

⁵² Между листами 30 и 31 вклеены записки Пискорскому от Покровского, Мандеса и Кашпровского об отказе дать свою подпись под запиской 342-х ученых. Выдержки из этих заявлений приведены в указанной во введении статье А. З. Ханиной на с. 74.

⁵³ На обороте л. 30 вклеены две маленькие вырезки из указанных Пискорским газет с его заявлением о присоединении к записке «Нужды просвещения».

⁵⁴ Рескрипт о разработке проекта советательной думы.

⁵⁵ Резолюция, отпечатанная на гектографе, вклеена в текст на л. 36.

⁵⁶ В полном составе (лат.).

⁵⁷ Семенов Иван Иванович (1855—?) — филолог-классик. Воспитан-

- ник Московского университета. С 1905 г. — профессор в Нежине.
- ⁵⁸ Савва Владимир Иванович (1865—1920) — историк, специалист по истории России феодального периода.
- ⁵⁹ Писаревский Григорий Григорьевич (1868—1914) — историк, специалист по истории России XVIII в.
- ⁶⁰ Цветаев Дмитрий Владимирович

- (1852—1920) — историк, архивист. Специалист по истории протестантизма в России.
- ⁶¹ Цветаев Иван Владимирович (1840—1913) — филолог и искусствовед. Основатель Музея изящных искусств (ныне им. А. С. Пушкина).
- ⁶² Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942) — историк-медиевист, академик.

ИЗ ДНЕВНИКА М. К. ЛЕМКЕ

М. Г. Вандалковская

Известный историк русского освободительного движения М. К. Лемке принадлежит к числу исследователей, труды которых основаны на многочисленных и разнообразных источниках. Следственные дела деятелей революционного подполья, их переписка, воспоминания — все это далеко не полный перечень документов, использованных Лемке в его работах.

Большое значение Лемке придавал и личным контактам с самими участниками революционного движения, их родственниками и знакомыми. Объяснялось это в значительной степени тем, что о деятельности революционеров 60-х гг. XIX в., привлекавших пристальное внимание Лемке как исследователя, сохранилось незначительное количество источников. Письма и дневники шестидесятников — ценнейшие документы эпохи, в основном были уничтожены в целях конспирации самими революционерами.

Стремясь основать свои работы на строго документальной базе, Лемке обращался к живым в его время современникам изучаемых событий. Известно, например, что сведения о первой «Земле и воле» Лемке получил в основном из рассказов А. А. Слепцова и Л. Ф. Пантелеева, активных деятелей этой организации, данные о «Библиотеке казанских студентов» сообщил ему Г. П. Гофштеттер, брат жены шестидесятника Г. З. Елисеева. Переписка с детьми А. И. Герцена раскрывала многие неизвестные факты его творческой биографии. Встречи с братом Н. А. Добролюбова, сыном Н. Г. Чернышевского обогащали Лемке знанием их деятельности, окружения, деталей биографии и эпохи. В поисках документальных материалов Лемке встречался также со многими библиофилами и собирателями рукописей — П. А. Ефремовым, П. И. Бартевым и др.

Впечатления от встреч с этими людьми, отдельные факты, связанные с деятельностью революционеров-шестидесятников, Лемке иногда заносил в свой Дневник, который в большей или меньшей степени подробно вел с 1896 по 1914 гг.¹ Дневник

Лемке до сего времени не опубликован. Кроме того, далеко не все данные, содержащиеся в нем, нашли отражение в печатных трудах Лемке.

Очевидно, какие-то сведения казались ему несущественными, другие нуждались в дополнительной проверке, третьи он оставлял для своей будущей, так и не завершенной им работы по истории революционного движения середины XIX в.

Публикуемые нами отрывки из Дневника Лемке содержат его впечатления от встреч с участниками революционного движения 60-х гг. XIX в., М. А. Антоновичем, Л. Ф. Пантелеевым, сыном Н. Г. Чернышевского, братом Н. А. Добролюбова, раскрывают некоторые фактические подробности эпохи, биографии и деятельности революционеров, помогают восстановить историю первых публикаций сочинений Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, наметить поиски некоторых архивных комплексов. Данные, содержащиеся в этих разновременных дневниковых записях Лемке, послужат интересным материалом для исследователей революционного движения середины XIX в. и привлекут их внимание к этому источнику. Дневник хранится в Пушкинском Доме в Ленинграде. (ф. 661, д. 2—15).

* * *

1903 год

2/II был у старика Максима Алексеевича Антоновича, живого сотрудника «Современника» при Добролюбова и Чернышевском. Живет в хорошей веранде (Пушкина, 18), но очень высоко. Он служит в управлении сберегательных касс и получает 5000 руб. Кабинет смешон, это и геологический кабинет, и астрономическая обсерватория, и архивная пыль, и что угодно. Когда ся полез в ящик письменного стола, то там оказалась такая пыль, такая ветхость, что можно думать, что вы вошли в необитаемый дом. Очень, видимо, был рад моему приходу. Я приходил навести справки о записке редакции «Современника», поданной Головину в 1862 г. о цензуре (см. мой второй очерк о цензуре)¹. Много говорили о несостоятельности народничества как политического принципа, о полном непоминании нашей братией западного устройства и небрежных его критик вместо необходимых похвал. Я ему рассказывал о том, как развился современный рабочий— он очень, видимо, был этим удивлен. В общем странно, что такой еще бодрый старик и так далек от литературы.

... У П. А. Ефремова, древнего старика, современника Белинского, такой архив рукописей и писем, что весит более 200 пудов. Затруднение с квартирами из-за прогнилости пола.

13/III... Антонович, оказывается, держал корректуру еще 4 тома первого издания добролюбовских сочинений², когда арестовали Чернышевского. Ужасно старик жалеет, что не берет ни записок, ни писем, ни статей, ни журналов. Теперь просто потерял все из дорогой молодости. Поступил он

¹ Подробнее об этом см.: *Вандалковская М. Г.* Дневник М. К. Лемке.— Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971.

в управление сберегательными кассами благодаря протекции Петра Александровича Ефремова — литератора, который оказывается, был их управляющим...

(*д. 7, л. 183—184, 199—200*)

1905 год

13/1... Был у Чернышевского. Конечно, ничего не вышло. Еще до своей смерти Пыпин подарил Академии наук большую корзину материалов о Чернышевском, написав, что преимущественное право пользования ею принадлежит Ляцкому, женатому на его дочери, бывшей сначала за Беренштамом, а затем за литератором, «отличным по своей нравственности». Душеприказчиком избран Шахматов. Теперь М[ихаил] Н[иколаевич] Ч[ернышевский] хочет сначала отобрать то из корзины, что и не принадлежало Пыпину, например почти совершенно готовый II том «Материалов для биографии Добролюбова», и передать все это литературному фонду для издания. Есть у М[ихаила] Н[иколаевича] Ч[ернышевского] еще много писем отца, но они позднейшего времени и не могут быть кому бы то ни было даны до смерти его матери...

... Показывал мне Чернышевский некоторые вещи отца: колоссальный кожаный портсигар, ложку, которой он ел в Сибири, у нее лоск стерся совсем, очки, альбом рисунков одного товарища по ссылке, на которых изображены виды их ссылки и т. д.

... Чернышевский подал прошение на высочайшее имя, пользуясь рождением наследника, о разрешении печатать сочинения своего отца. Получено разрешение печатать его на общих цензурных основаниях. В марте будет готов сборник статей по крестьянскому вопросу; «Милля» и «Что делать»³ отдал на прочтение Лебедева, не самого способного и «не свирепого» цензора. В газетах появилось объявление о сочинениях «Н. Г. Чернышевского», и на обложке издаваемого М[ихаилом] Н[иколаевичем] Ч[ернышевским]⁴. Вот что [сделала] Юстина Глинка, поместившая письмо в редакции «Нашей жизни» о Чернышевском Н. Г.⁵ Это фрейлина, старуха, которую вслед за письмом посетил М[ихаил] Н[иколаевич] Ч[ернышевский]. Старуха очень любопытная. Она это сделала по просьбе парижского революционного комитета. Когда она вернулась в Россию после долгой жизни с мужем за границей, то говорила много с Александром III. Он дал ей право доставлять ему лично свои издания по переустройству печати, общества и пр. В числе записок была и записка о Чернышевском. Только по настоянию Глинки государь не давал покоя гр. Игнатьеву, спрашивая о Чернышевском. Александр III рассказал Глинке, что сам знает, что он обнесен клеткой от правды, что еще его отцу, Александру II, «Колокол» давали в напечатанном С[Петербурге] издании и пр.

М[ихаил] Н[иколаевич] Чернышевский рассказал, что К. М. Федоров, издатель-редактор «Закаспийского обозрения»⁶ был простым писцом у Н. Г. Ч[ернышевского], писавшим под его диктовку его сочинения в Сибири.

(*д. 8, л. 36, 37—38, 41—42*)

3/III... Был у Александра Васильевича Фомина⁷. Он теперь стоит на виду благодаря обладанию архива Николая Ивановича Тургенева. Через Дубровского он просил меня зайти к нему, ссылаясь на запрещения врачей

подниматься высоко по лестнице... Он рассказывал, как получил доступ к архиву Тургенева. Он узнал о нем от П. В. Жуковского, который не раз писал Петру Николаевичу Тургеневу, что Фомин хотел бы с ним познакомиться. Однако ничего не выходило. Тогда Фомин поехал сам в Париж и явился к П. Н. Тургеневу. Сначала дело не вязалось. Тургенев, видимо, убежал от разговора об архиве. Но затем он стал разговорчивее и в конце концов увидел, что Фомин знает жизнь его отца и уважает его память, открыл ему свой громадный архив, будучи с ним очень любезен и предупредителен. ... Фомин получает весь архив на условии передать его после обработки Академии наук и издать его весь каким бы то ни было образом. Фомин работает теперь неумоимо.

... Теперь Фомин, видя, что при таком огромном архиве нужно несколько работников, предложил Академии наук организовать особую комиссию и просил меня указать ему людей туда. Я назвал Семевского и Щеголева, и по его просьбе обещал переговорить с ними, конечно, оба сказали, что с удовольствием возьмутся за работу.

(*д. 9, л. 105—108*)

3/III. Пантелеев отказался открыть мне, кто это в его фельетонах о «Земле и воле» господин «а Вирхов» и «с пенснэ»⁸. Надо спросить у Семевского.

(*д. 9, л. 126*)

20/IV. Был вчера у Чернышевского. Он рассказал историю с Потапенко. Этот объявил в 1904 г., что со 2-го номера его «Живописного обозрения» будет давать извлечения с неизданной рукописи Чернышевского, и дал во 2 и 3 номерах⁹. Михаил Николаевич тогда обратился к нему и стал говорить, что все это очень неудобно и некрасиво, что рукописи его отца не подлежат опубликованию таким беззастенчивым образом и пр. Потапенко сказал, что не понимает этого, потому что рукопись есть деловая заметка, а не литературное произведение и что во всяком случае он пришлет Льдова, все это устроившего. Чернышевский отправился к Дашкову и узнал, что Дашков дал рукопись Чернышевского Льдову, но предупреждал его о наследниках и пр. Явился Льдов. Очень развязно он объяснял свою аферу для подлеца Потапенко, а когда Чернышевский заметил ему, что он должен бы был знать о его существовании — Льдов сказал, что политикой никогда не занимался и ни Добролюбова, ни Чернышевского не читал!!! Затем М[ихаил] Н[иколаевич], видя этого гуся, сказал, что удовлетворен его объяснением и написал Потапенку, чтобы печатание прекратилось. Потапенко отвечал, что он предлагает ему половину гонорара Льдова (около 700 руб. всего) и пр. Чернышевский отказался и в заключение еще напечатал в «Руси» и «Новом времени» 4 марта резкое письмо в редакцию¹⁰. Много говорили об издании сочинений Чернышевского, о подписке на него, об цене и пр. Я посоветовал обратиться за советом к Пирожкову. Чернышевский показывал мне архив Добролюбова, который он на днях передаст в Литературный фонд — порядочно бумаг. Будет их обрабатывать Венгеров. «Что делать?» идет хорошо.

«Крестьянский вопрос» заканчивается печататься.

(*д. 9, л. 483—486*)

12/IX. Был вчера вечером у Ефремова. Все еще молодцом. Вернул ему портреты декабристов. Он рассказывал, как посылал с В. П. Гаевским всякие материалы к Герцену в Лондон, как Гаевского раз по доносу Ничипоренко задержали в СПб., арестовали и конфисковали все книги и бумаги. Потом, не найдя в них ничего, доказывающего сношения с Герценом, освободили ¹¹.

(д. 10, л. 510)

21/IX. Вчера совершенно неожиданно приехал сюда и был у меня Гершензон. Оригинальный человек. Он так занят анализом мировоззрений Герцена и других, что совершенно отрицает необходимость изучать детали их прозаической жизни, так влияющей на самую психологическую и умственную жизнь. Я по этому поводу с ним много спорил. Очень симпатичное впечатление. Года два тому назад он был у А. А. Герцена и взял у него все, что хоть сколько-нибудь интересно для характеристики Герцена ¹². Часть бумаг у него на квартире, часть в Румянцевском музее. Он читал V том «Былого и Дум» ¹³ и говорит, что впечатление жгучее, плакать можно. Публиковать он не будет, пока живы хоть дальние родственники. Сейчас у А. А. Герцена уже ничего не осталось.

(д. 10, л. 541)

29/IX. На днях был у Антоновича. Желю его узнал намного ближе. Больше говорили. Это культурная женщина. Говорили о том, как Пантелеев написал очерк о «Земле и воле» 60-х годов ¹⁴. Это какая-то насмешка над обществом, несомненно, имевшим значение.

(д. 10, л. 566)

20/XI ... Вчера был у Чернышевского сообщить ему о возможности получить копию дневника Н[иколая] Г[авриловича] ¹⁵. Он предложил мне написать биографию его. Я дал сначала согласие, но умышленно не детализировал этого разговора, чтобы обдумать условия и пр. ... Не знаю, что я буду делать: кажется, набирается масса работы.

Вчера подал прошение о допущении к делам о Чернышевском и других (независимо от разговоров сверх того министру юстиции и директору департамента полиции).

(д. 11, л. 61)

27/XII. М. Н. Слепцова замужем за А. А. Слепцовым, выставленным Пантелеевым в его очерке о «Земле и воле» под видом «господина с пенснэ». ... Был у Пантелеева по делу. Совершенно забыл, что он на днях сломал себе ногу правую. Ходит на костылях и сидит в кресле. Он рассказывал о 60-х годах.

(д. 11, л. 79)

1906 год

7/I. А. А. Слепцов, оказывается, хотел печатать длинное возражение Пантелееву ¹⁶, которое его жена показывала Бурцеву уже давно.

(д. 11, л. 82)

15/II. Был у А. А. Слепцова. Ему теперь 70 лет. В 60-х годах он был близок с Серно-Соловьевичем и Чернышевским. Много рассказывал. Очень недоволен статьей о создании им «Земле и воле» Пантелеева. Го-

ворит, что теперь, чувствуя, что смерть близится, будет спешить написать все, что ему известно о революционной работе 1860-х годов. Я, разумеется, поддержал его. Мария Николаевна будет против него совсем молодцом. Какой-то странный брак. Он, видимо, любит похвастаться, но очень интересный человек.

(д. 11, л. 91)

18/II. Я в архиве сената закончил дела Михайлова, Писарева, Чернышевского, Серно-Соловьевича, Обручева, Мартынова и Блюмера. Поработал порядочно.

Антонович, наконец, взялся за разборку архива своего и кое-что обещал дать мне.

Сегодня подарил Академии наук несколько автографов Герцена, его жены, Огарева и Сатина. Срезневский был очень рад. Это была благодарность за постоянное внимание ко мне.

3/III. Был у меня Слепцов и все с пожалованиями по адресу Пантелеева. Это начинает надоедать!

(д. 11, л. 95)

31/III... Чернышевский купил краденое дело об отце из архива бывшего генерал-губернаторства в СПб. за 25 рублей. Устраивало напечатание его в мае в «Былом»...¹⁷.

(д. 11, л. 96)

26/VIII 24/VIII н[ового] ст[илия] умер Александр Александрович Герцен. Мне прислали траурное извещение, я ответил телеграммой и сегодня получил благодарность ¹⁸.

(д. 12, л. 3)

7/IX. Был у Южакова с письмом Слепцовой. Он, в сущности, ничего не знает по делу Серно-Соловьевича и Гольд-Миллера. Просил меня участвовать в дополнительных томах «Большой энциклопедии». Не знаю, придется ли за массу работы ¹⁹.

(д. 12, л. 5)

11/X... Тарле я подарил материал из архива III отделения о Герцене и Кюстине ²⁰.

(д. 11, л. 93, 99; д. 12, л. 3, 5, 12)

27/VII... Познакомился с Николаем Сергеевичем Русановым (по литературе Н. Кудриным). Он как-то пришел в контору ²¹, познакомил и принес напечатать в кредит его книгу «Социализм России и Запада», сказав, что не хотел бы иметь дело с «Русским богатством» (его книжным складом), которое как-то не умеет распространить книгу. Я сказал ему тогда, что это и безубыточно и для имени склада бесполезно. Он производит симпатичное впечатление вполне современного человека, который страдает от нашей некультурности. Однако во Францию больше не хочет. Человек он очень разносторонний и интересный...²².

...Был как-то у Семена Моисеевича Баренца, давно приглашавшего меня. Он, оказывается, массу людей знает, начиная с Лаврова, Михайлов-

ского, Елисеева и других. Он был душеприказчиком Елисеева. У него во время Думы бывали за всякими справками и сведениями трудовики ульянов, Аникин и другие...

(*д. 12, л. 44—45*)

1910 год

16/IV ...Был у меня брат Добролюбова Владимир. Какое-то чудовищное несходство с братом. Пустой человек, говорит больше об электропсихопатии, чем о брате... Был у Овсянино-Куликовского, чтобы получить материалы о Добролюбове, взятые им из литературного фонда...

...В литерат. фонд подал прошение о выдаче мне бумаг Добролюбова. Котляревский поддержал меня. Теперь вот уже больше месяца сижу и пропадаю над Добролюбовым, которого хочу выпустить действительно в настоящем виде²³.

(*д. 14, л. 47—49*)

1911 год

18/III. Я посоветовал Михайловскому отобрать у Мякотина архив его отца, на котором он сидит вот уже 6-й год, и отдать его Русанову или Иванову-Разумнику.

(*д. 14, л. 182*)

29/III. Дела по архиву М. Стасюлевича идут полным ходом²⁴. Теперь немного сокращу этот ход, потому что взялся за редактирование полного собрания сочинений Герцена. Мое решение по этому поводу изложено в письме к Н. А. Герцену.

К тому, что там сказано, надо только дабавить еще один довод. Про-редактировав «Былое и думы», я дал массу ходового материала для тех господ «герценистов», которые пользуются им без труда...

(*д. 14, л. 182—183*)

25/IX. Приехал из Парижа Богамир Богамирович Корсов, привез от Вырубова «Дневник» Герцена. Очень большая удача! Он сам довольно живой человек и многое знает... Скоро еду в Лозанну к Герценам. Очень это для меня ново и очень важно.

14/XII ...Ездил с 8 октября по 28 октября первый раз в жизни. Прожил в Лозанне 16 дней и работал там по 12 часов в сутки, чем всех удивил. Набрал горы и очень доволен...

...Нат[алья] А[лександровна] Герцен — очень хороший человек, отзывчивый, добрый, внимательный, умный и чуткий. Тереза — жена сына А. И. — милая женщина. Мария Каспаровна Рейхель — обворожительная старушка. Внук — П[етр] А[лександрович] — большой человек, к которому нельзя, да и лучше не быть строгим. Жена его Раиса Акимовна — не их поля ягода.

Работа по Герцену идет очень хорошо²⁵.

(*д. 14, л. 203, 207, 209*)

¹ См.: Лемке М. Очерки по истории русской цензуры. Очерк второй «Комитет по делам книгопечатания». — Русское богатство, 1903, № 3, с. 193—194.

² М. А. Антонович являлся лицом, «указанным самим Чернышевским в качестве ближайшего наблюдателя» за печатанием четвертого тома «сочинений Н. А. Доб-

- ролюбова» (См.: Первое Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова/Под ред. М. К. Лемке, в 4-х т., т. I, с. VII—VIII).
- ³ В 1905—1906 гг. в издании М. Н. Чернышевского вышли «Что делать?» и «Сборник статей по крестьянскому вопросу. Примечания к политической экономии Милля» (См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 10-ти т. СПб., 1905—1906, т. IV, VII, IX).
 - ⁴ Русские ведомости, 1905, 9 марта.
 - ⁵ В «Письме в редакцию», напечатанном в газ. «Наша жизнь» 16(29) ноября 1904 г., Ю. Глинка писала, что перевод Н. Г. Чернышевского в 1833 г. из Сибири в Саратов был осуществлен благодаря ее неоднократным ходатайствам перед Александром III.
 - ⁶ См.: *Федоров К. М.* Памяти Н. Г. Чернышевского.— Закаспийское обозрение, 1899, 17 окт.; *Он же.* Жизнь русских великих людей. П. Г. Чернышевский. СПб., 1904; 2-е изд., 1905.
 - ⁷ См.: *Фомин А. А.* Новый историко-литературный клад.— Русская мысль, 1906, № 4; *Он же.* Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке 1853—1912. Материалы для библиографии.— Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности за 1912 год. СПб., 1913.
 - ⁸ Имеется в виду П. И. Боков и А. А. Слепцов.
 - ⁹ В № 2, 3 и 4 «Живописного обозрения» за 1904 г., издаваемого И. Н. Потапенко, был напечатан очерк К. Н. Льдова под названием «Из жизни Н. Г. Чернышевского (по рукописям его)».
 - ¹⁰ В газетах «Русь» и «Новое время» 4(17) марта 1905 г. было напечатано письмо М. Н. Чернышевского, в котором он выразил резкий протест против бессемейной и случайной публикации сочинений его отца и объявил, что им получено разрешение на издание сочинений Н. Г. Чернышевского «с именем автора».
 - ¹¹ Данные, сообщенные П. А. Ефремовым, Лемке использовал в своей книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (СПб., 1908) при изложении «Процесса 32-х».
 - ¹² См.: Гершензон М. Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906.
 - ¹³ Речь идет об участии «Былого и дум».
 - ¹⁴ Глава воспоминаний Пантелеева о «Земле и воле» печаталась в газете «Наша жизнь» с 10 ноября 1904 г. по 20 января 1905 г.
 - ¹⁵ Речь идет о Дневнике Н. Г. Чернышевского, напечатанном М. Н. Чернышевским в X т. издаваемого им собрания сочинений Н. Г. Чернышевского.
 - ¹⁶ См.: *Вандалковская М. Г.* Из истории работы М. К. Лемке над источниками «Земли и воли».— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970.
 - ¹⁷ См.: Чернышевский М. Н. К делу Н. Г. Чернышевского.— Былое, 1906, № 5.
 - ¹⁸ Переписка Лемке с наследниками А. И. Герцена хранится в Пушкинском доме, ф. 661, дд. 295—308.
 - ¹⁹ См.: статью М. Г. Вандалковской «Материалы С. Н. Южакова как источник по революционному движению 60-х годов XIX в.» в сб. «Проблемы истории общественного движения и историографии» (М., 1971).
 - ²⁰ Материалы о Кюстине содержатся в статье Е. В. Тарде «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение» (Былое, 1906, № 9—10).
 - ²¹ С 1905 по 1917 гг. Лемке работал Управляющим книжным складом и типографией М. М. Стасюлевича.
 - ²² Н. С. Русанов (Н. Кудрин) сообщал Лемке сведения о деятельности шестидесятников. (См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем/Под ред. М. К. Лемке, т. XVI, с. 75).
 - ²³ Речь идет о первом полном собрании сочинений Н. А. Добролюбова в 4-х томах, изданном под редакцией Лемке в 1911 г.
 - ²⁴ См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке/Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1911—1913, тт. I—V.
 - ²⁵ В эти годы Лемке усиленно собирал материал для подготавливаемого им к изданию первого полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена в 22-х томах, вышедшего в 1915—1925 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ (1912—1980)

В. А. Муравьев

2 сентября 1980 г. на 69-м году жизни скончался Владимир Евгеньевич Иллерицкий. Не стало одного из крупнейших организаторов исследования и преподавания историографии истории СССР, ученого, внесшего неопределимый вклад в изучение революционной исторической мысли в России и русской исторической науки XIX в., талантливого педагога.

В. Е. Иллерицкий родился 17 июня 1912 г. в г. Сызрани Самарской губернии (ныне Куйбышевская обл.) в семье учителя начальной школы. В 1930 г. закончив среднюю школу, он стал рабочим Славнинского лесозавода на Волге. В 1931—1935 гг., будучи студентом Саратовского педагогического института, вел преподавательскую работу — сначала на курсах по ликвидации неграмотности, а с 1933 г. — в Саратовском вечернем техникуме иностранных языков. По окончании вуза В. Е. Иллерицкий читал историю СССР на курсах командного состава Саратовского гарнизона, в 1936—1938 гг. был учителем истории Екатериновской средней школы в Саратовской обл. На одном из областных совещаний учителей его выступление привлекло внимание А. М. Панкратовой, пригласившей В. Е. Иллерицкого в аспирантуру Саратовского университета.

Под ее руководством В. Е. Иллерицкий в 1938—1941 гг. подготовил кандидатскую диссертацию «Социально-политические и исторические взгляды В. Г. Белинского». В эти годы начал печататься в «Историческом журнале», в сборнике «Н. Г. Чернышевский», в партийной печати. Начавшаяся Великая Отечественная война отсрочила защиту диссертации. В. Е. Иллерицкий был направлен Наркомпросом РСФСР в Кзыл-Ординский педагогический институт, где в 1943—1945 гг. был деканом исторического факультета. В Кзыл-Орде, в объединенном Украинском (Киевском и Харьковском) университете в 1943 г. В. Е. Иллерицкий защитил кандидатскую диссертацию.

С 1945 г. В. Е. Иллерицкий в Москве. До 1947 г. он работал старшим научным сотрудником Центрального государственного исторического архива и одновременно был доцентом Московского государственного историко-архивного института, затем полностью перешел на работу в институт.

Еще в Кзыл-Орде, в 1944 г., В. Е. Иллерицкий впервые прочел курс историографии истории СССР. В Историко-архивном институте он выступил с инициативой создания единых учебных

пособий по историографии истории СССР в высшей школе. Под его редакцией в 1949 г. была впервые выпущена программа курса, выдержавшая до 1968 г. восемь изданий. Эта программа сыграла выдающуюся роль в развитии теоретико-методологических принципов историографии как специальной исторической дисциплины, оформлении ее предмета и содержания курса, в разработке периодизации истории отечественной исторической науки. В. Е. Иллерицкий возглавил коллектив преподавателей института, подготовивший учебное пособие «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (1961). Введение и 10 из его 30 глав были написаны В. Е. Иллерицким. В издании 1971 г. «Историография истории СССР» стала единым стабильным учебником для высшей школы.

Весомым вкладом в советскую историографию явилась разработка В. Е. Иллерицким истории русской революционной исторической мысли. В монографии «Исторические взгляды В. Г. Белинского» (1953) он впервые сформулировал проблемы изучения революционно-демократического направления в отечественной исторической науке и раскрыл их на основе работ великого русского критика. В развернутом виде эти проблемы были исследованы им в докторской диссертации «Революционно-демократическое направление в русской историографии 40—60-х гг. XIX в.» (1962) и созданной на ее основе книге «История России в освещении революционеров-демократов» (1963), посвященных историческим взглядам В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В выпущенной в 1974 г. монографии «Революционная историческая мысль в России» концепция развития передового направления в русской домарксистской историографии была в завершенном виде представлена В. Е. Иллерицким — он проследил судьбы революционной исторической мысли от А. Н. Радищева до народников, выявил ее общие закономерности, раскрыл ее особенности на каждом из этапов, в творчестве каждого видного ее представителя. Книги В. Е. Иллерицкого о революционной исторической мысли вводили в историографию непривычный для нее дотоле материал, закладывали принципы работы с ним.

Принимая участие в создании фундаментальных «Очерков истории исторической науки в СССР», В. Е. Иллерицкий подготовил для них ряд разделов: об основных чертах развития исторических знаний в России в первой половине XIX в., о революционно-демократическом направлении, о «государственной школе», официально-охранительном направлении, о становлении и развитии историографии как научной дисциплины. В «Очерках», в выступлениях В. Е. Иллерицкого на страницах журналов, историографических сборников получили научное разрешение вопросы о происхождении, характере и эволюции «государственной школы», о кризисе официально-охранительной историографии в 30—50-е годы XIX в., о времени становления историографии

как самостоятельной исторической дисциплины, об основных этапах развития историографии как составной части советской исторической науки.

В 1961 г. В. Е. Иллерицкий возглавил кафедру истории СССР досоветского периода в Историко-архивном институте. Здесь формировалась «школа Иллерицкого». Его ученики, защищая диссертации, становились преподавателями историографии истории СССР в вузах Москвы, Урала, Сибири. В. Е. Иллерицкий щедро делился своим опытом, помогал в постановке историографических курсов и специальных курсов в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, Казанском, Уральском, Новосибирском университетах, Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. В качестве члена многих научных организаций — Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, головного совета по истории Минвуза РСФСР, Научного совета по проблеме «История исторической науки» Отделения истории АН СССР, ученого совета Института истории АН СССР, специализированных советов, редактором и членом редакционных коллегий ряда изданий В. Е. Иллерицкий внес немалый вклад в организацию историографических исследований, научных конференций, в становление ставших привычными форм научного общения историографов.

В. Е. Иллерицкий уделял большое внимание общественной работе, руководил теоретико-методологическими семинарами, консультировал молодых ученых, постоянно выступал с лекциями. Его научно-педагогическая и общественная деятельность снискала заслуженный авторитет в вузе и широких кругах научной общественности, была отмечена правительственными наградами.

В 1976 г. сильное обострение болезни сердца побудило В. Е. Иллерицкого оставить кафедру и перейти на положение профессора-консультанта. В эти годы была создана книга «Сергей Михайлович Соловьев» — наиболее основательное исследование о выдающемся русском историке, созданное в нашей науке. Завершалось редактирование учебника «Историография истории СССР. Эпоха социализма» — первого университетского курса по истории советской исторической науки с 1917 г. до наших дней. На рабочем столе остались страницы рукописи монографии о развитии историографических исследований в СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. Е. ИЛЛЕРИЦКОГО *

1939

Н. Г. Чернышевский о русской общине.— В кн.: Н. Г. Чернышевский: Сборник статей к 50-летию

со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, с. 93—129.

Полтавский бой.— Коммунист (Саратов), 27 марта.

* Составители В. А. Муравьев и М. П. Мохначева.

1940

Экспедиция князя Черкасского в Хиву.— Ист. журн., № 7, с. 40—51.

1943

Социально-политические и исторические взгляды В. Г. Белинского. Автореф. дис... канд. ист. наук.— Кзыл-Орда.

1944

Работа исторического факультета Кзыл-Ордынского педагогического института.— Ист. журн., № 10—11, с. 141—142.

1945

Бликий продолжатель славы предков.— Ленинский путь (Кзыл-Орда), 3 июня.

Народный герой Щорс (К 50-летию со дня рождения).— Там же, 6 июня.

1948

Исторические взгляды В. Г. Белинского.— Вопр. истории, № 7, с. 3—26.

1949

Программа курса «Русская историография» (для исторических факультетов государственных университетов)/Отв. ред. прф. Н. С. Шевцов и А. П. Вотинов.— М.

1950

Арцыбашев Н. С.— БСЭ, 2-е изд., т. 3, с. 226.

Белинский В. Г. Исторические взгляды.— Там же, т. 4, с. 434—435.

1952

Исторические взгляды А. И. Герцена.— Вопр. истории, № 10, с. 33—63.

Добролюбов Н. А. Исторические взгляды.— БСЭ, 2-е изд., т. 14, с. 605—606.

Дьяконов М. А.— Там же, т. 15, с. 345—346.

1953

Исторические взгляды В. Г. Белинского.— М.: Госполитиздат.— 254 с.

1954

Комм.: Герцен А. И. Двадцать осмое января.— Собр. соч.: В 30-ти т.,

т. 1. М.: Изд-во АН СССР, с. 482—483 [Не подписано].

Комм.: Герцен А. И. Отдельные замечания о русском законодательстве.— Там же, с. 518—519 [Не подписано].

1955

Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. Н. Тихомирова (глав. ред.), М. А. Алпатовой, А. Л. Сидорова.— М.: Изд-во АН СССР.— Т. 1.— Из содерж.; Гл. VII, раздел 1. Условия развития исторических знаний в России и основные направления в историографии [в период кризиса крепостнического строя], с. 273—276; Гл. VIII, раздел VIII. Исторические взгляды В. Г. Белинского, с. 367—386; Гл. VIII, раздел IX. Исторические взгляды А. И. Герцена, с. 386—414.

Платонов С. Ф.— БСЭ, 2-е изд., т. 33, с. 222—223.

Семевский В. И.— Там же, т. 38, с. 459—460.

Семевский М. И.— Там же, с. 460. Рец. на кн.: Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. М.: Госполитиздат, 1954, 88 с., тир. 15000 экз.— Вопр. истории, № 6, с. 146—148.

1956

Об изучении истории исторической науки [Передовая статья].— Вопр. истории, № 1, с. 3—12 [Совместно с М. А. Алпатовым и В. Г. Вебером].

Синописис.— БСЭ, 2-е изд., т. 39, с. 100.

Скентическая школа.— Там же, с. 223.

Строев С. М.— Там же, т. 41, с. 119.

Татищев В. Н.— Там же, т. 42, с. 5—6.

Устрялов П. Г.— Там же, т. 44, с. 414.

Фирсов Н. И.— Там же, т. 45, с. 204.

Комм.: Герцен А. И. Du développement des idées révolutionnaires en Russie (О развитии революционных идей в России).— Собр. соч.: В 30-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, т. VII, с. 412—433 [Совместно с Э. С. Виленской].

Комм.: Герцен А. И. О развитии революционных идей в России.—

- Соч.: В 9-ти томах. М.: Гослитиздат, т. 3, с. 584—618 [Совместно с Э. С. Виленской].
- Русская историография второй половины XIX века (Лекции для студентов Московского государственного Историко-архивного института)/Под ред. И. А. Кудрявцева.— М.— 106 с.
- Чернышевский Н. Г. Исторические взгляды.— БСЭ, 2-е изд. т. 47, с. 208—209.
- Чечулин Н. Д.— Там же, с. 342—343.
- Чичерин Б. Н.— Там же, с. 415.
- Шестаков А. В.— Там же, т. 48, с. 14.
- Щапов А. Н.— Там же, с. 250—251.
- Юридическая школа в русской историографии.— Там же, т. 49, с. 411—412.
- Рец. на кн.:* Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1957, 305 с.— *Вопр. истории*, № 12, с. 182—188.
- 1958**
- Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов.— В кн.: Труды Моск. Гос. историко-архивного ин-та. М., т. 11, с. 174—235.
- Комм.:* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. М.: Гослитиздат, с. 127—158 [Совместно с Э. С. Виленской].
- 1959**
- О государственной школе в русской историографии.— *Вопр. истории*, № 5, с. 141—159.
- Научный журнал по истории нашей Родины.— *Рец. на журн.:* «История СССР» за 1957—1959 гг.— *Коммунист*, № 15, с. 118—123 [Совместно с Б. Рыбаковым и Н. Ивницким].
- Ред.:* Русская историография. Учебное пособие для студентов МГИАИ. Вып. 1. Русская историография до XIX в. М., 118 с. [совместно с И. А. Кудрявцевым].
- 1960**
- Очерки истории исторической науки в СССР/Под ред. М. В. Нечкиной (глав. ред.), М. Н. Тихомирова и др.— М.: Изд-во АН СССР.— Т. II. Гл. I, раздел I. Исторические взгляды русских революционеров-демократов. Работы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их соратников, с. 7—86;
- Гл. II, раздел I. Официальное охранительное направление, с. 81—103;
- Гл. II, раздел I. Государственная школа, с. 103—128;
- Гл. VIII, раздел II. Основные черты развития исторических знаний 30—50-х годов XIX в., с. 311—317;
- Гл. VIII, раздел VII. Оформление революционно - демократического направления в русской историографии, с. 366—367;
- Гл. X, раздел I. Историография [Изучение русской историографии в XIX в.], с. 548—574.
- Русская историография. Учебное пособие [для студентов МГИАИ]. Русская историография периода кризиса феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений (первая половина XIX века).— М.: Вып. II. Гл. 3. Исторические взгляды декабристов, с. 34—55;
- Гл. 7. Оформление революционно-демократического направления в русской историографии. Исторические взгляды В. Г. Белинского и А. И. Герцена, с. 102—162; *Ред.* совместно с И. А. Кудрявцевым.
- Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева.— *Рец.:* Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. М.: Соцэкгиз, 1959—1960, Кн. 1—3 (т. 1—6). тир. 35 000 экз.— *Вопр. истории*, № 10, с. 106—107.
- 1961**
- Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.— М.: Соцэкгиз*.
Введение, с. 6—24;
- Гл. 11. Исторические взгляды декабристов, с. 144—158;
- Гл. 15. Оформление революционно-демократического направления в русской историографии. Исторические взгляды В. Г. Белинского и А. И. Герцена, с. 188—220;

* См. также 2-е испр. и доп. изд. (М.: Высш. школа, 1971).

Гл. 16. Важнейшие особенности и пути развития историографии в России второй половины XIX века, с. 223—235;

Гл. 17. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов — виднейшие представители революционно-демократического направления в русской историографии, с. 235—258;

Гл. 18. А. П. Шапов — историк-демократ, с. 258—264;

Гл. 19. Исторические взгляды Н. И. Костомарова, с. 264—274;

Гл. 20. Дворянская историография в пореформенный период, с. 274—287;

Гл. 21. Государственная школа в русской историографии, с. 287—305;

Гл. 22. В. О. Ключевский — выдающийся буржуазный историк пореформенного периода, с. 305—316;

Гл. 23. Народническая историография, с. 316—329.

Ред.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — М.: Соцэкгиз, 1961, 511 с., тир. 12 000 экз. [Совместно с И. А. Кудрявцевым].

1962

Революционно-демократическое направление в русской историографии 40—60-х годов XIX века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М.: Ин-т истории АН СССР.

Первый этап освободительного движения в России в освещении советских историков. — В сб.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М.: Изд-во АН СССР, с. 215—230.

Белинский В. Г. Исторические взгляды. — СИЭ, т. 2, с. 226—228.

1963

История России в освещении революционеров-демократов. — М.: Соцэкгиз. — 439 с.

1964

Добролюбов Н. А. Исторические взгляды. — СИЭ, т. 5, с. 258—260.

1965

О качестве знаний выпускников средних школ. — Преподавание истории в школе, № 6, с. 76—80.

Ред.: Труды Моск. гос. историко-ар-

хивного ин-та, т. 22: Историография истории СССР. — М., 293 с.

1966

Рец. на кн.: Мирзоев В. Историография Сибири. Первая половина XIX в. Кемерово, 1965, 290 с., тир. 3000 экз. — Вопросы истории, № 10, с. 159—160.

1967

Исторические взгляды русских революционных демократов 50—60-х годов XIX в. — В кн.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, с. 337—344.

Рец. на кн.: Очерки истории исторической науки в СССР.

М.: Наука, 1966, т. 4, 854 с., тир. 3000 экз. — Вопр. истории, № 5, с. 144—153 [Совместно с акад. АН Узб. ССР И. К. Додоновым, И. А. Кудрявцевым и др.].

1968

Проблемы отечественной историографии в советской исторической науке [1917—1967]. — История СССР, № 1, с. 3—20.

1969

Историография истории СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. — М.: МГИАИ.

Рец. на кн.: Ким М. П. История и коммунизм. М.: Мысль, 1928, 224 с., тир. 25000 экз. — Вопр. истории, № 9, с. 168—170.

1970

Методические основы курса «Историография истории СССР»: Тезисы доклада. — В сб.: Материалы научно-методической конференции МГИАИ (30 марта — 1 апреля 1970 г.). М., с. 9—11.

Рец. на кн.: Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М.: Наука, 1969, 424 с., тир. 3000 экз. — Вопр. истории, № 12, с. 163—165.

1971

История отечественной историографии. — СИЭ, т. 13, с. 685—687.

М. В. Нечкина. К 70-летию со дня рождения. — Советские архивы, № 1, с. 122—124 [Совместно с В. А. Муравьевым].

Рец. на кн.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970, 275 с., тир. 3500 экз.— История СССР, № 5, с. 154—157.

Ред.: Кириченко Т. М. Из истории русской революционной периодической печати 70-х гг. XIX в.— М., 118 с.

1972

Рец. на кн.: Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970, 392 с., тир. 3500 экз.— Вопр. истории, № 2, с. 147—149.

Ред.: Кириченко Т. М. Из истории русской революционной периодической печати 80-х гг. XIX в. М., 103 с.

1973

Основные итоги и ближайшие задачи историографической работы в МГИАИ: Тезисы доклада.— В сб.: Исследования по отечественной историографии. Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов МГИАИ. Сентябрь 1973 г. М., с. 1—4.

Ред. совместно с В. А. Муравьевым.

Ред.: Программа курса «История народного хозяйства СССР».— М.: изд. МГИАИ* [Совместно с П. С. Смирновым].

1974

Революционная историческая мысль в России (домарксистский период).— М.: Мысль.— 350 с., тир. 9000 экз.

Исторические взгляды петрашевцев.— Вопр. истории, № 12, с. 29—42.

Чернышевский Н. Г. Социально-исторические взгляды.— СИЭ, т. 15, с. 871—874.

Ред.: Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 30, вып. 1. Историография и источниковедение истории СССР. М., 208 с. [Совместно с Е. А. Лужким].

1975

Творческий путь академика И. И. Минца.— В сб.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии акад. И. И. Минца. М.: Наука, с. 1—17 [Совместно с В. П. Наумовым].

Рец. на кн.: Новый учебник «Историография истории СССР. Эпоха социализма».— В сб.: Вопросы историографии в высшей школе (Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января—3 февраля 1973). Смоленск, с. 237—239.

1976

80-летие академика И. И. Минца.— Вопр. истории, № 2, с. 139—145 [Совместно с чл.-корр. Ю. А. Поляковым и В. П. Наумовым].

1978

Итоги и перспективы издания Всесоюзного историографического ежегодника.— Вопросы истории, № 3, с. 23—35 [Совместно с В. И. Дурновцевым и В. А. Муравьевым].

1980

Сергей Михайлович Соловьев.— М.: Наука.— 192 с.— тир. 38 000 экз.

Ред.: Лохтева Г. Н. Экономическая история СССР. Докapиталистический период. Методологические указания для студентов-вечерников МГИАИ. М., 52 с.

* 2-е изд.— М., 1974; 3-е изд.— М., 1977.

М. А. АЛПАТОВ (1903—1980)

В. А. Дунаевский

Михаил Антонович Алпатов, видный советский ученый, доктор исторических наук, исследователь широчайшего диапазона, блестящий знаток многих ведущих проблем отечественной и всеобщей истории, родился 20 ноября 1903 г. в станции Сибилев Донецкого округа Области войска Донского в казачьей семье. После окончания учительских курсов он в 1921—1923 гг. рабо-

тал в школе своего родного села, а также села Грачки на Дону. Участвовал в борьбе с бандитизмом в составе ЧОН. В 1923—1927 гг. учился в Донском областном педагогическом техникуме в Ростове-на-Дону. Был во время учебы председателем студсовета техникума¹ и депутатом Ростовского горсовета.

С 1923 по 1932 г. снова работа в школе (станция Романовская Ростовской области), где в 1930 г. М. А. Алпатов был принят в ряды ВКП(б). И опять учеба, на этот раз на историческом факультете Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ). По его окончании — работа в Сталинградском пединституте в 1937—1940 гг., преподавание истории средних веков. В 1940 г. Михаил Антонович был принят в аспирантуру МИФЛИ, одновременно преподавал на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б).

В годы войны М. А. Алпатов работал инструктором в Чаповском (ныне Оренбургский) обкоме партии, а затем в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в качестве преподавателя и заместителя заведующего кафедрой всеобщей истории, одновременно учась в аспирантуре сначала на историческом факультете МГУ, а затем в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

Начав свою научную деятельность как медиевист — ученик Е. А. Косминского и Р. Ю. Виппера, М. А. Алпатов уже с первых шагов определился как историограф, историк исторической науки. Об этом, в частности, свидетельствовал и выбор им темы кандидатской диссертации — «Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века», защищенной в 1947 г. и опубликованной в виде монографии в 1949 г.

Книга М. А. Алпатова внесла существенный вклад в советскую историографию. В ней был показан взлет исторической мысли во Франции в конце XVIII и первой трети XIX в. и ее упадок после революций 1848 и 1871 гг., когда преобладающая часть французских историков следует в фарватере буржуазии в ее политической борьбе. Весь этот путь, проделанный французской исторической наукой, раскрыт автором на примере германо-романской проблемы, т. е. проблемы о германском завоевании Галлии.

М. А. Алпатов отмечает, что германо-романский вопрос во французской исторической науке родился как составная часть идеологической подготовки французской революции конца XVIII в., когда идеологи буржуазии в противовес дворянским историкам стремились отрицать факт германского завоевания. Особое значение проблема германизма и романизма, как это показано в работе, приобретает в годы реставрации Бурбонов, когда перед буржуазией вновь стал вопрос о завоевании власти. Революция 1848 г. приведшая к кризису буржуазной идеологии и становлению марксистской мысли, способствовала ликвидации германо-романской проблемы как проблемы антидворянской.

Новое возрождение вопроса германизма и романизма, происшедшее во второй половине XIX в., произошло, по словам

М. А. Алпатов, на совершенно иной основе. Теперь определяющей линией германизма и романизма явилась борьба между буржуазией и пролетариатом. Именно с этих позиций выступил один из столпов французской исторической науки, Н. Д. Фюстель де Куланж, превративший указанную проблему из антидворянской в антипролетарскую. Пытаясь доказать извечность частной собственности, власть имущих классов, Фюстель де Куланж, подчеркивает М. А. Алпатов, стремился таким образом исторически мотивировать «беспочвенность» революции рабочего класса. Подробно анализируя идеи Фюстель де Куланжа и его школы преимущественно в области медиевистики, автор показал, как историческая концепция французского исследователя, в основе которой лежала первоочередная задача сохранения и упрочения капитализма, базировалась в ряде случаев на прямой фальсификации исторического процесса².

В конце 40-х — начале 50-х годов М. А. Алпатов заведует исторической редакцией издательства «Иностранная литература». В этот период им была подготовлена и издана монография «Американская реакционная историография на службе поджигателей войны» (М., 1951). В 1951—1954 гг. он — помощник главного редактора Большой советской энциклопедии (и по совместительству — старший научный сотрудник в Институте истории АН СССР). С 1954 г. М. А. Алпатов переходит в институт (с 1968 г. Институт истории СССР), где он трудился до последних дней жизни.

В стенах института определяется второе направление научной деятельности М. А. Алпатова — изучение истории отечественной медиевистики и антиковедения. Оно было связано с подготовкой фундаментального коллективного издания «Очерки истории исторической науки в СССР». М. А. Алпатов был членом редколлегии всех вышедших томов этого издания. Кроме того, в первом и втором томах «Очерков» он выступил и как автор ряда разделов. Всестороннее марксистское изучение вклада в науку всеобщей истории русских просветителей (М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева), первых ученых медиевистов (Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского), антиковедов (М. С. Куторги и др.) — новая страница в советской историографии. Следует подчеркнуть, что М. А. Алпатов со свойственным ему фронтальным рассмотрением любой изучаемой проблемы обратил внимание на многие стороны развития отечественной науки всеобщей истории. Здесь и анализ творчества таких «забытых» медиевистов, как М. М. Стасюлевич, В. А. Бильбасов, Н. А. Осокин, и введение в научный оборот работ крупных ученых, которые ранее не подвергались историографическому исследованию, и пристальное внимание к еще недостаточно изученным органам провинциальной русской печати XVIII в. с целью поиска в ней материалов всеобщей истории.

Специально хотелось бы остановиться на статье М. А. Алпатова «П. Г. Виноградов как историк Французской буржуазной

революции XVIII века»³. В ней был высказан ряд суждений по поводу содержания предмета историографии, указано на принципиальное значение лекционных курсов (обычно литографированных), читанных многими видными историками. «К сожалению,— писал он,— в историографии сложился своего рода канон — судить об историке только по его вышедшим в свет книгам. Никто, разумеется, не собирается умалять значения печатных трудов того или иного автора, особенно его монографических исследований. Но было бы несомненной ошибкой игнорировать лекционные курсы. Дело в том, что именно в этих курсах, охватывающих, как правило, большие исторические периоды, с наибольшей полнотой раскрывается концепция автора, его методологические взгляды на исторический процесс в целом, чего мы зачастую не найдем в монографиях и статьях. Лекционные курсы, читавшиеся из года в год, дают возможность с большей точностью проследить, как развивались взгляды автора, изменялась его проблематика, расширялся материал»⁴.

Многочисленные работы М. А. Алпатова по изучению вклада в отечественную историческую науку исследователей истории Запада способствовали формированию третьего направления научных поисков ученого. Это — взаимосвязь и взаимовлияние русской и западноевропейской исторической мысли. Замысел ученого был оригинален. Его воплощение связано с целым рядом трудностей, начиная с хронологического рубежа, от которого следовало вести отсчет появления русской исторической письменности о Западной Европе. Окончательное решение было достаточно убедительно. «Вместе с первыми представлениями о собственной истории у любого народа можно найти первые проблески знаний о других народах. Первые летописи Киевской Руси уже содержат сведения о зарубежных народах, пусть немногочисленные и отрывочные. Поэтому закономерно, что историк русской исторической мысли, обращенной на Запад, должен начинать историю своей науки тоже с «Повести временных лет». Объект его изучения существует в недрах другого объекта — в ранних трудах по истории самой Руси»⁵. Так была определена крайняя грань отсчета — XII век. И от него — движение к истории нового времени. Замысел был поистине грандиозен. Ведь второй гранью должен был стать XIX век. Огромное историческое полотно. И очень многое, хотя, к сожалению, не все, автору удалось осуществить.

В 1973 и 1976 гг. увидели свет два тома монографии М. А. Алпатова «Русская историческая мысль и Западная Европа»⁶, включившие материал от XII в. до первой четверти XVIII в. В значительной степени был написан третий том, содержащий анализ литературы по теме «Россия и Запад», изданной в середине XVIII в. Долг коллег и друзей Михаила Антоновича доработать рукопись и подготовить ее к печати.

Скрупулезно анализируя и сопоставляя доступные источники Михаил Антонович показал процесс накопления и формирования

у русских книжников системы знаний о западноевропейских государствах, становление взаимоотношений Руси со странами Запада. Начиная с «Повести временных лет» автор обращается затем к летописям, хронографам, первым путевым запискам русских людей, побывавших в Европе и т. д. Параллельно рассматриваются сведения о Руси, содержащиеся в западноевропейских хрониках, сказаниях иностранцев о России в период формирования русского централизованного государства. Подробно рассмотрено накопление знаний о Западной Европе, полученных русскими дипломатами XVII—XVIII вв.

Построенное на сопоставлении русской и западноевропейской исторической литературы, исследование М. А. Алпатова свидетельствует о том, как с XVII в. возрастает взаимный интерес России и Запада, определивший расширение контактов, а потому и появление новых авторов и новых тем.

Автору убедительно удалось показать процесс перерастания донаучных знаний русских людей о Западе в историческую науку, ведущую свое начало от трудов В. Н. Татищева. «В России, — писал М. А. Алпатов, — историческая наука начинается с В. Н. Татищева. Его главная заслуга состоит в соединении рационалистической концепции с историческими источниками... До Татищева соединение рационалистической истории с документальной базой было явлением спорадическим, касалось отдельных исторических проблем. Татищев это сделал в масштабах всей русской истории»⁷.

Однако создателем русской науки в области западноевропейской истории М. А. Алпатов считает М. В. Ломоносова, который для построения своей аргументации привлек значительное количество зарубежных источников и свою концепцию всемирной и славянской истории основывал также на источниках, находившихся в странах Западной Европы. «Татищев и Ломоносов, — делает общее заключение автор, — были и остаются русскими учеными, стоявшими у колыбели исторической науки в России»⁸.

И обозрев весь путь, пройденный русской исторической мыслью до начала XVIII в., М. А. Алпатов справедливо подчеркнул, что русская историография, включая и историографию, изучавшую историю Запада, «является отражением исторического пути своего народа». И этот путь был самобытен, насыщен большими поисками и достижениями.

Фундаментальному труду, созданному ученым, отлично ориентирующимся как в отечественной, так и в зарубежной медиовистической литературе, присуща яркая манера изложения материала, образный язык, великолепный литературный стиль. И не случайно М. А. Алпатов явился создателем интересного художественного произведения «Горели костры», вышедшего двумя изданиями, в 1970 и 1973 гг., и с большим интересом встреченного читателями, а также сборника рассказов «Откуда течет «Тихий Дон»» (6-ка «Огонек», 1976, № 40).

М. А. Алпатов много сделал для организации советской исто-

рической науки. Он активно участвовал в издании сборника «История и историки» в качестве члена его редакционной коллегии и ответственного редактора второго выпуска за 1966 г. по историографии всеобщей истории. Существенный вклад был внесен Михаилом Антоновичем в работу над энциклопедическими изданиями, куда он стремился привлечь научную молодежь.

В качестве члена бюро Научного совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР М. А. Алпатов всемерно стремился к тому, чтобы совет установил самые тесные контакты с историографами, работающими на местах. Да и сам он не раз выезжал с лекциями и докладами в другие (кроме Москвы) научные вузовские центры, в Воронеж, Ростов. Не одно поколение студентов помнит глубоко содержательные выступления Михаила Антоновича, его отзывчивость, стремление помочь будущим ученым и педагогам.

Большая душевная щедрость М. А. Алпатова — человека редкого благородства и доброжелательности, его беззаветная преданность науке снискали ему глубокое уважение всех, кто с ним общался. Людей принято судить по их жизни и их делам. И в том и в другом Михаил Антонович Алпатов был безупречен.

- ¹ Время, проведенное в техникуме, М. А. Алпатов запечатлел в яркой повести «Возвращение в юность. Записки комсомольца 20-х годов» (Мол. гвардия, 1978, № 9).
- ² О неприемлемости «худших научных приемов» Фюстель де Куланжа, «когда, перестав быть честным и ищущим, он становится виртуозным, спасая всеми правдами и неправдами доказуемое положение», говорила в свое время еще О. А. Добняш-Рождественская (ОР ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 254, № 190, л. 137).
- ³ Алпатов М. А. П. Г. Виноградов как историк Французской

буржуазной революции конца XVIII в.— В кн.: Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1958. М., 1959, с. 560—574.

⁴ Там же, с. 560.

⁵ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVIII вв. М., 1973, с. 8.

⁶ Там же; *Он же*. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая четверть XVIII в. М., 1976.

⁷ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVIII вв., с. 10.

⁸ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ М. А. АЛПАТОВА*

1948

Из истории подъема и упадка буржуазной исторической науки: (Германизм и романизм во французской историографии в XVIII в. и первой половине XIX в.).— Учен. зап. Академии общественных наук при ЦК КПСС. М., вып. 2, с. 72—108.

Политические идеи Фюстель де Ку-

ланжа.— Вопросы истории, № 12, с. 115—129.— Пер. на фр. яз.: *Alpатов M. Les idées politiques de Fustel de Coulanges.*— *Questions d'histoire.* Paris, 1952, t. 1, p. 127—157.

Рец.: Lot F. La Gaule. Les fondements ethniques, sociaux et politiques de la nation française. Paris, 1947.— Вопросы истории, № 8, с. 140—143.

* Составитель Е. С. Почерняева.

Новый этап в разработке проблемы перехода от Древнего мира к средним векам.— Вопросы истории, № 7, с. 28—39.

Рец.: А. Р.— Modern Quarterly. London, 1950, N 4, vol. 5, p. 383.

Политические взгляды и историческая теория А. Токиви.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, № 4, с. 336—355.— Пер. на фр. яз.: *Alpatow M.* Les idées politiques d'Alexis de Tocqueville.— Questions d'histoire, Paris, 1954, t. 2, p. 140—163.

Рец.: *Agulhon M.*— Nouvelle critique, Paris, 1954, N 59, p. 98—114.

Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.— М.; Л.— 407 с.— Пер. на пол. яз.: *Alpatow M. A.* Idee polityczne francuskiej historiografii burżuazyjnej XIX wieku. Wyd. I. Warszawa.— 1953.— 287 s.

Рец.: *Поршнев Б.*— Вопросы истории, 1950, № 8, с. 131—135. Фюстель де Куланж и русская либеральная историография.— Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, т. IV, № 2, с. 134—150.

1950

Криза сучасної буржуазної історіографії України. Наукові записки. Інститут історії АН УРСР. Київ, 1950, т. 3, с. 43—62.

Современная реакционная историография — орудие американских поджигателей войны.— Вопросы истории, № 9, с. 120—139.

1951

Виноградов П. Г.— БСЭ, 2-е изд., т. 8, с. 124—122 **

Реакционная историография на службе поджигателей войны.— [М.]; Госполитиздат.— 88 с.— Пер. на болг. яз.: *Алпатов М. А.* Реакционната историография в служба на подпалвачите на война. София.— 1953.— 82 с. Пер. на венг. яз.: *Alpatow M.* A reakció történetirás a háborús gyújtogatók szolgálatában.— Budapest.— 1952.— 81 z. Пер. на кит. яз.: *Алпатов М.*

Вэйчжаньчжэн фаньцзы фудуи фаньдун шисюэ.— Пекин.— 1952.— 102 с. Пер. на нем. яз.: *Alpatow M. A.* Die reaktionäre Geschichtsschreibung im Dienste der Kriegsbrennstifter.— Berlin.— 1953.— 108 S.

Рец.: *Бороздин И. Н.*— Преподавание истории в школе, 1952, № 5, с. 114—117; *Weiner M.*— Századok, Budapest, 1952, évf. 86, N 1—4, z. 826—828.

1952

Гизо.— БСЭ, 2-е изд., т. 11, с. 367—368.

Грановский Т. Н.— БСЭ, 2-е изд., т. 12, с. 445—448.

Ешевский С. В.— БСЭ, 2-е изд., т. 15, с. 570.

1953

Взгляды А. Н. Радищева на всеобщую историю.— Вопросы истории, № 2, с. 80—88.

Рец.: *M. J.*— Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, Warszawa, 1953, N 5, s. 147.

1955

Чл. редкол. и авт. глав: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.,— 692 с.

Из содерж.: Труды М. В. Ломоносова, с. 193—204. Совместно с М. Н. Тихомировым; Исторические взгляды А. Н. Радищева, с. 227—244. Совместно с Б. Б. Кафенгаузом; Труды Т. Н. Грановского, с. 423—450; Исторические взгляды П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского и М. С. Куторги, с. 450—492.

Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории Древней Греции.— Вестник древней истории, № 3(53), с. 179—191.— Пер. на нем. яз.: *Alpatow M. A.* Die Weltanschauung M. S. Kutorgas und seine Konzeption der Geschichte des Alten Griechenlands.— Bibliotheca classica orientalis, 4 Jahrgang, 1959. Heft 6, S. 369—376.

Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы.— В кн.: Из истории социально-политических идей: Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., с. 385—412.— Пер. на

** Здесь и далее все статьи М. А. Алпатова в БСЭ (2-е изд.) даны без подписи автора.

рум. яз.: *Alpatov M. A. Socialiștii utopici francezi și teoria burgheză a luptei de clasă în secolul al XIX-lea.*— *Analele romino-sovietice. Seria filozofie.* București, 1956, N 3(21), p. 81—111.

1956

Тьерри.— БСЭ. 2-е изд., т. 43, с. 533.
Удальцов А. Д.— Там же, с. 638.
Фортинский Ф. Я.— Там же, т. 45, с. 332.

1957

Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х гг. по античной истории.— *Вестник древней истории*, 1957, № 4(62), с. 127—141.

1959

П. Г. Виноградов как историк Французской буржуазной революции конца XVIII в.— В кн.: *Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции.* 1958. М., с. 560—574.

1960

Из истории русской медиевистики.— *Вопросы истории*, № 9, с. 53—65.

Чл. редкол. и авт. глав: Очерки истории исторической науки в СССР.— М.— Т. 2—862 с.

Из содерж.: М. М. Стасюлевич, В. А. Бильбасов, Н. А. Осокин, с. 328—337; В. Г. Васильевский, И. М. Гревс, Ф. Я. Фортинский, с. 337—344; М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, с. 351—383.

1962

Сибирский журнал — современник Французской буржуазной революции конца XVIII в.— В кн.: *Французский ежегодник.* 1961. М., с. 109—123.

1963

Виноградов П. Г.— СИЭ, т. 3, с. 494—496.

Германнеты и романисты.— СИЭ, т. 4, с. 264—265.

Гизо.— СИЭ, т. 4, с. 437—439.

Чл. редкол. и авт. главы: Очерки истории исторической науки в СССР.— М., т. 3—831 с.

Из содерж.: Русская медиевистика, с. 412—448.

1965

Чл. редкол.: История и историки.

Историография истории СССР. Сб. статей.— М.— 469 с.

Чл. редкол.: История исторической науки в СССР. Доктябрьский период. Библиография.— М.— 703 с.

1966

Историческая концепция Юрия Крижанича.— *Советское славяноведение*, № 3, с. 31—44.

Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — середина XVIII в.). Автореф. ... д-ра пст. наук.— М.— 20 с. (АН СССР. Институт истории).

Отв. ред. и авт. статьи: История и историки. Историография всеобщей истории. Сб. статей.— М.— 400 с.

Из содерж.: Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в., с. 89—129.

Чл. редкол.: Очерки истории исторической науки в СССР. М.— Т. 4—85½ с.

1968

Как возник варяжский вопрос?— В кн.: Тезисы докладов Четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, ч. 1, с. 117—121.

Концепции всемирной истории в русской исторической традиции (XII—XVIII вв.).— *Вопросы истории*, № 12, с. 59—71.

1969

Петровские «Ведомости» как источник по истории Западной Европы.— В кн.: *Археографический ежегодник.* 1967. М., с. 119—131.

Письмо историка писателю (К вопросам осмысления современной эпохи советской исторической наукой и литературой. С примеч. ред.).— *Молодая гвардия*, № 9, с. 303—319.

Рец.: Грановский Тимофей Николаевич (1828—1967). Библиография / Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1969. 237 с.— *Вопросы истории* № 11, с. 171—173.

1970

Горели костры. Роман.— М.— 455 с. с илл.

Рец.: *Бороздина П.*— *Подъем*, 1971, № 5, с. 145—146.

1971

Виноградов П. Г.— БСЭ, 3-е изд., т. 5, с. 83.

Гизо.— БСЭ, 3-е изд., т. 6, с. 516—517.

Чл. редкол. и авт. статьи: Проблемы истории общественного движения и историография. Сб. статей в честь 70-летия со дня рождения акад. М. В. Нечкиной.— М.— 472 с.

Из содерж.: Рационализм и античная традиция в русской исторической теории XVII в., с. 239—245.

1972

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1970. Историческая концепция В. И. Ленина. Методология. Лаборатория.— М.— 568 с.

1973

Горели костры. Роман. 2-е изд.— М.— Русская историческая мысль и Западная Европа. XII—XVII вв.— М.— 476 с.

Рец.: Данилов А. П., *Могильницкий В. Г.*— Новая и новейшая история, 1974, № 3, с. 191—193; Гольденберг А. Л.— Вопросы истории, 1975, № 1, с. 157—160; *Demény L.*— Revista de Istoric, Bucureşti, 1975, t. 28, N 9, p. 1469—1470; *Esper T.*— American Historical Review, Washington, 1975, vol. 80, N 5, p. 1365—1366.

Рец.: РЖ. Общественные науки в СССР. История. М., 1974, № 2, с. 87—93.

Удальцов А. Д.— СИЭ, т. 14, с. 654 [Без подписи].

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1971.— М.— 413 с.

Чл. редкол. и авт. статьи: История и историки. Историографический ежегодник. 1972.— М.— 408 с.

Из содерж.: Формирование исторических взглядов декабриста М. Ф. Орлова, с. 259—271.

1974

Рец.: В чем прав и в чем неправ Гюнтер Штекль [О книге западногерманского ученого «Изображение западных стран в древнерусских летописях». пзд. в Кёльне в 1965 г.]: Stökl G. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln, 1965.— Труды Отделения

древнерусской литературы АН СССР, т. 28, с. 393—403.

1975

Истоки «Тихого Дона» [К 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова].— Огонек, № 8, с. 20—22; № 9, с. 17—19.

The Truth of History.— Moscow News N 21, May 24, p. 10.

Чл. редкол. и авт. статьи: История и историки. Историографический ежегодник. 1973.— М.— 367 с.

Из содерж.: О мемуарах М. М. Ковалевского «Моя жизнь» (Вст. ст. к публикации 1 главы «Автобиографии» М. М. Ковалевского. подготовленной совместно с Ю. Н. Емельяновым), с. 262—297.

1976

Откуда гечет «Тихий Дон».— М.— 48 с. (Библиотека журнала Огонек, № 40).

Рец.: Янченко В.— Дон, 1977, № 11, с. 172—175.

Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII в.— М.— 455 с.

Рец.: Данилов А. П., *Могильницкий В. Г.*— Новая и новейшая история, 1977, № 1, с. 166—168; *Королюк В. Д.*— История СССР, 1977, № 2, с. 164—167; *Королюк В.*— Молодая гвардия, 1978, № 7, с. 318—320; *Курсков Ю. В.*— Вопросы истории, 1978, № 3, с. 142—144; *O'Brien B.*— American Historical Review, Washington, 1978, vol. 83, N 1, p. 230; *Langer H.*— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1979, Heft 1, S. 81—82.

Чл. редкол. и авт. статьи: История и историки. Историографический ежегодник. 1974.— М.— 359 с.

Из содерж.: Концепция всемирной истории Михаила Орлова (30-е годы XIX в.). с. 282—301.

Чл. редкол. и авт. статьи: Проблемы истории общественной мысли и историографии. Сб. статей к 75-летию со дня рождения акад. М. В. Нечкиной.— М.— 387 с.

Из содерж.: В. Н. Татищев и западноевропейская история. с. 368—375.

1977

Банальная политграмма (Из дневника писателя).— Доп. № 10, с. 163—168.

Было ли казачество нацией? Как протекала гражданская война на Дону. Казацкие традиции.— Отчизна, № 10, с. 23—27.

Рец.: Книга о Петре [рец. на кн.: Павленко Н. И. Петр Первый. 2-е изд., испр.— М.— 1976.— 384 с. с илл.— Жизнь замечательных людей. Серия биографическая].— Дружба народов, № 12, с. 273—276.

Удальцов А. Д.— БСЭ, 3-е изд., т. 26, с. 467.— [Без подписи].

1978

Возвращение в юность. Записки комсомольца 20-х годов. Повесть.— Молодая гвардия, № 9, с. 9—107.

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1975.— М.— 367 с.

1979

Russian Historiography on the Role of the Varagians.— Social Sciences. Moscow, vol. X, N 2, p. 135—153. (Журнал выходит также на французском, немецком, португальском и др. языках).

Отв. ред.: Виленская Э. С. Н. Н. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века.— М.— 303 с.

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1976.— М.— 399 с.

1980

Записки Сегюра (1785—1789).— Новая и новейшая история, № 6, с. 154—167.

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1977.— М.— 454 с.

Чл. редкол.: История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917—1967 г. Библиография.— М.— 733 с.

1981

«История, или анекдоты о революции в России в 1762 году» Клода Карломана де Рюльера.— В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., с. 322—326.

Чл. редкол.: История и историки. Историографический ежегодник. 1978.— М.— 352 с.

1982

Чл. редкол. и авт. статьи: История и историки. Историографический ежегодник. 1979.— М.— 425 с.

Из содерж.: Георг-Адам Шлейсингер о России конца XVII века (1684—1686), с. 216—224.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Академик <i>А. М. Самсонов</i> . Вклад историков АН СССР в историографию Великой Отечественной войны	3
<i>А. Л. Литвин</i> . Советская историография гражданской войны в Среднем Поволжье	34
<i>Н. Ф. Бугай</i> . Проблема ревкомов в советской историографии 1950-х годов	59
<i>В. Н. Рагушняк</i> . Советская историография аграрно-капиталистической эволюции Северного Кавказа	84

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Б. Каулиш</i> (ГДР). История германского империализма (1897/1898—1917 гг.) в новейшей историографии ГДР (исследования и проблемы)	104
--	-----

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Я. А. Блинкин</i> . Как в американской высшей школе преподают и изучают историю СССР	133
---	-----

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>Н. М. Михайлова</i> . Работа М. С. Ольминского над биографией В. И. Ленина и его литературным наследием	162
<i>Г. З. Иоффе</i> . А. Блок — историк крушения царизма	176
<i>М. А. Алпагов</i> . Георг-Адам Шлейссингер о России конца XVII в.	195

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

<i>Л. В. Чекурин</i> . Из истории создания и деятельности «Общества исследователей Рязанского края»	204
<i>В. З. Фрадкин</i> . Харьковское историко-филологическое общество (1877—1919 гг.)	223

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ»

Вступительное слово председателя Научного совета по проблеме «История исторической науки» академика М. В. Нечкиной	249
<i>Е. Н. Городецкий</i> . Современная историография истории советского общества	252

Чл.-корр. АН СССР <i>И. Д. Ковальченко</i> . Историкография истории СССР дооктябрьского периода	257
<i>А. О. Чубарьян</i> . Советская историкография всеобщей истории . . .	261
<i>М. Велева</i> (НРБ). Развитие исторической науки в Болгарии	267
<i>С. Грынчаров</i> (НРБ). Проблемы болгарской историкографии международных отношений и внешней политики в эпоху капитализма	273
<i>Ф. Глац</i> (ВНР). Изучение истории исторической науки в Венгрии	278
<i>Ван Тао, Фам Суан Нам</i> (СРВ). Итоги и перспективы развития исторической науки в Социалистической Республике Вьетнам	285
<i>П. Цветов</i> (СССР). Основные этапы развития марксистской исторической науки Вьетнама	287
<i>Г. Шлейер</i> (ГДР). Исследования по истории буржуазной исторической науки в ГДР	291
<i>В. Шмидт</i> (ГДР). Становление марксистско-ленинской исторической науки в ГДР	297
<i>Л.-Д. Берендт</i> (ГДР). Изучение истории советской исторической науки в ГДР	301
<i>В. Бергольд</i> (ГДР). Преподавание истории исторической науки в ГДР	305
<i>П. Мирончук, А. Гарсиа</i> (Республика Куба), <i>З. Соколова</i> (СССР). Становление марксистской исторической науки на Кубе	308
<i>Ш. Бира</i> (академик, МНР). Изучение истории исторической науки в Монгольской Народной Республике	310
<i>Д. Хурезяну</i> (СРР). Новая история Румынии в послевоенной румынской историкографии	315
<i>Г. Унк</i> (СРР). Историкография рабочего движения Румынии	319
<i>С. Цамбел</i> (ЧССР). Состояние и проблемы чехословацкой историкографии новейшей истории	323
Выступления	328
Заключительное слово академика <i>М. В. Нечкиной</i>	348

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Г. И. Щетинина.</i> С. М. Соловьев. Факты биографии	350
<i>А. Е. Москаленко.</i> Из воспоминаний В. К. Пискорского	366
<i>В. К. Пискорский.</i> История моего профессорства в Нежине. 1899—1905	369

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. А. Муравьев.</i> В. Е. Иллерицкий (1912—1980)	394
Библиография трудов В. Е. Иллерицкого. Составители В. А. Муравьев и М. П. Мохначева	396
<i>В. А. Дунаевский.</i> М. А. Алпатов (1903—1980)	400
Библиография трудов М. А. Алпатова. Составитель Е. С. Почерняева	405

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1979

Утверждено к печати
Научным советом по проблеме
«История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР
Институтом истории АН СССР
Институтом всеобщей истории АН СССР

Редакторы издательства **Г. И. Рыкова,**
Л. М. Пряжникова
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Е. Н. Евтянова**
Корректор **Д. Ф. Арапова**

ИБ № 25455

Сдано в набор 02.04.82
Подписано к печати 27.07.82
Т-10558. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Уел. печ. л. 26
Усл. кр. отт. 27
Уч.-изд. л. 31,7 Тираж 3250 экз.
Тип. зак. 1552 Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ:

Городецкий Е. Н.

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ
(1930—1960 ГГ.): ОЧЕРКИ**

Науч. совет по компл. пробл. «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР.— М.: Наука, 1982.— 20 л.

В пер.: 2 р. 30 к. 3000 экз.

В монографии рассмотрены организация научных исследований по истории Октября, подготовка кадров историков, структура проблематики, характер и закономерности ее изменений. Автор раскрывает процесс изучения истории классов и политических партий, проблемы гегемонии пролетариата, показывает взаимосвязь развития историографии, источниковедения и археографии истории Октября. Исследование завершается анализом современного состояния изучения Октябрьской революции.

✱

ЗАЩИТА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Науч. совет по компл. пробл. «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР.— М.: Наука, 1982.— 20 л.

В пер.: 2 р. 30 к. 3000 экз.

В сборнике освещаются общие проблемы истории интервенции и гражданской войны, важнейшие стороны деятельности партии и Советского государства по превраще-

нию республики в единый лагерь, роль рабочего класса и крестьянства в достижении победы, участие интернационалистов в защите завоеваний Великого Октября. В научный оборот вводятся новые документы и материалы.

Мицц И. И.

Год 1918-й. Завоевание мира. Созидание основ социализма. Науч. совет по компл. пробл. «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР.— М.: Наука, 1982.— 20 л.

В пер.: 2 р. 50 к. 3000 экз.

Новый труд академика И. И. Минца, являющийся продолжением его трехтомного капитального исследования «История Великого Октября», впервые в советской историографии дает широкую, обобщающую картину жизни Советской России в 1918 г. Две основные темы проходят через всю книгу: создание основ социализма и необходимость защиты первых завоеваний Великого Октября. Руководящей силой, поднимавшей советский народ на эти подвиги, была Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным.

Пушкарева Л. Н.

Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1982.— 15 л.

В пер.: 1 р. 50 к.

Книга представляет собой научный очерк, содержащий анализ предпосылок революции, изложение ее основных событий, итоги успешного штурма царизма в России в феврале 1917 г. Автор раскрывает многогранную деятельность большевиков в России и Заграничного бюро ЦК во главе с В. И. Лениным в этот период. Фактический материал книги подрывает антинаучные схемы буржуазных фальсификаторов, искажающих вопрос о движущих силах революции, руководящей роли в ней рабочего класса.